РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Литературные Памятники

فرید الدین عطار

الهی نامه

Фарид ад-Дин ʻАттар

БОЖЕСТВЕННАЯ КНИГА (ИЛАХИ-НАМЕ)

В двух книгах

I

Издание подготовила

Л.Г. ЛАХУТИ

Научно-издательский центр
«ЛАДОМИР»
«Наука»
Москва

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Серия основана академиком С.И. Вавиловым

М.Л. Андреев, *В.Е. Багно* (заместитель председателя),
Т.Д. Венедиктова, *Р.Ю. Данилевский*, *Н.Н. Казанский*,
Н.В. Корниенко (заместитель председателя),
А.Б. Куделин (председатель), *А.В. Лавров*, *А.Е. Махов*,
А.М. Молдован, *С.И. Николаев*, *Ю.С. Осипов*,
М.А. Островский, *Е.В. Халтрин-Халтурина* (ученый секретарь),
К.А. Чекалов

Ответственный редактор
Н.Ю. Чалисова

© М.А. Алонцев. Переводы, 2022.
© Т.А. Заглубоцкая. Переводы, 2022.
© Л.Г. Лахути. Переводы, 2022.
© С.В. Лахути. Переводы, 2022.
© И.Р. Насыров. Переводы, 2022.
© Е.Л. Никитенко. Переводы, 2022.
© Н.Ю. Чалисова. Переводы, 2022.
© Б.С. Виноградов. Художественное оформление, 2022.
© Научно-издательский центр «Ладомир», 2022.
© Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Литературные памятники» (разработка, оформление), 1948 (год основания), 2022.

ISBN 978-5-94451-060-0 (Кн. I)
ISBN 978-5-94451-062-4
ISBN 978-5-86218-618-5

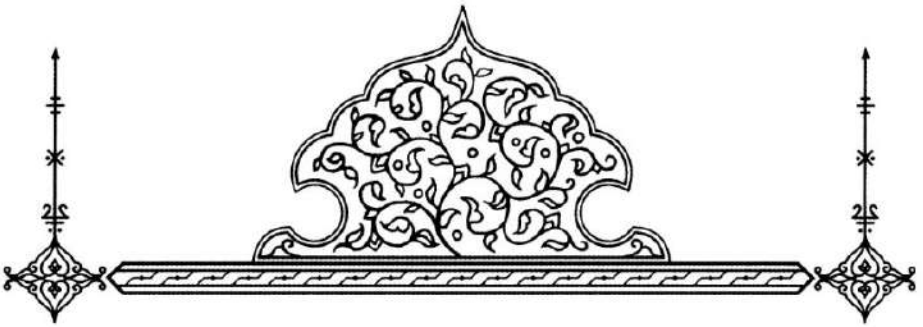
Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без договора с издательством запрещается

БОЖЕСТВЕННАЯ КНИГА (ИЛАХИ-НАМЕ)

Во
имя Бога
Милостивого,
Милосерд-
ного

[ВСТУПЛЕНИЕ]

[О ЕДИНОБОЖИИ]



Во имя Того, чье царство непреходяще!
Мудрецов охватывает немота при описании Его[1].

Имя Его — книга радости для душ людских,
имя Его — во главе всех собраний[2],

Имя Его наполняет сладостью гортани душ,
памятование о Нем украшает жемчугом мечи языков[3].

Без памятования о Нем всякая надежда — обман,
без имени Его всякая слава — бесчестие[4].

5 Господь! Всё существующее, как оно ни велико,
по сравнению с Его сущностью — само смирение[5].

Сущность Его — превыше всего, что мы знаем[6],
какое же можем мы дать ей объяснение!

Рукою творения мяч Земли
[Он] вложил в изгиб чаугана небес[7].

Ничей разум не достигает Его высоты[8],
вот никто и не постигает [всех] Его милостей[9].

Отрицание всего в мире — утверждение Его[10],
вся Вселенная — доказательство Его сущности[11].

10 Его атрибуты — это Его сущность,
а Его сущность — атрибуты[12],
если хорошо поразмыслишь, Он весь — сущность.

Всё существующее — тень Его присутствия,
всё — творение Его всемогущества.

Хорошо сказал красноречивый [муж]
о Божественной сущности,
что «*единобожие есть отбрасывание добавлений*»[13].

О высота![14] Она такова, что всё от Луны до Рыбы[15]
перед нею — словно волосок[16] черноты.

О грозное величие! Такое самодостаточное[17],
что столько умов и душ там — [лишь] игра[18].

15 О великолепие! Если войдет оно в душу,
из каждой ее частицы исторгнется сто потопов[19].

О единство! В него и на волосок [ничто иное] не вместится[20],
перед лицом этого единства весь мир не стоит и волоска.

О милосердие! Если бы хоть частицу [его] Иблис[21]
обрел — превзошел бы[22] он Идриса[23].

О ревность![24] Если бы она ниспала на мир,
в тот же миг сокрушились бы оба мира.

О трепет[25] [перед Ним]! Если б чуточку его солнце
обрело, исчезло бы оно в тени навечно.

20 О святыня! Из благоговения к этому величию
никто не обретет дороги к Нему, кроме Него самого.

О Царство! Оно обязательно и непреложно,
не приемлет оно ни уменьшения, ни увеличения.

О мощь! Пожелай Он — и в единый миг
земля и девять небес[26] сомнутся, словно воск.

О упоение! Обмакивает свой хлеб в кровь
душа в надежде на «*напоил их Господь*»[27].

О пространство [Царства]! Если бы [всего] мира не стало,
ни на кончик волоска оно бы не уменьшилось.

25 О предел! Глаза разума и понимания,
пройдя его, повергаются во прах!

О срок! Когда придет время,
одним волоском мир будет уловлен в силок[28].

О строгость, с какой Он призовет к ответу!
Ни силы молчать [не будет], ни мочи говорить...

О удаленность [Его]! Сколько женщин и мужчин
бегут [за Ним], но не видят [даже] пыли с Его пути[29].

О небрежение, сковавшее нас цепью!
Если бы не оно, мы не допускали бы прегрешений![30]

30 О раскаяние, которое нам предстоит!
Но это раскаяние не принесет нам пользы.

О выносливость, которая нам, [принявшим] залог[31],
[нужна], чтоб вернуть его, не совершив отступления!

У мира любви нет ни начала, ни конца,
нет туда проводника, кроме крови сердца.

Влюбленный — это тот, кто с темени до пят,
словно роза, с первого же шага обливается кровью.

О Владыка! Много наговорил я пустого,
столько наболтал я и былей, и небылиц...

35 Пусть вина грешника [огромна], как сто миров, —
одна лишь крупица Твоего милосердия превосходит ее.

Поскольку в нашем поклонении нет ничего,
кроме погрешностей,
что мы положим на весы? — Нестóящую горсточку![32]

Теперь, поскольку таково наше положение,
о Владыка, — не оставляй нас на нас самих!..

Ты свободен от «сколько», «как» и «почему»,
Ты за пределами мира трех измерений[33].

О Боже, Твое милосердие — необъятное море,
и одной капли из него нам было бы довольно!

40 Если бы скверну всех грешных людей
погрузил Ты в это море,

Море не замутилось бы ни на миг,
а в мире всё стало бы светлым.

Какой урон понесло бы это милосердие,
если бы Ты уделил людям одну каплю?

Клич от Истинного и отклик раба — вот благо,
меж рабом и Истинным — перекличка[34].

Нет у тебя в целом мире никого —
почему же ты не плачешь горько о себе?

45 Ведь пусть у тебя в доме сотня близких с тобой,
когда умрешь — все они станут чужими.

С легкостью тебе эта скорбь[35] не дастся, —
на плечи[36] соломинки не нагружают гору.

Если ты хочешь хоть крупицу этой скорби,
то нужны тебе чистота моря и терпение горы.

Если [хоть] на миг умрешь прежде смерти[37],
в этот единственный миг обретешь весь мир.

Если б ты знал, о разлученный,
от Кого́ ты сейчас так далек,

50 В покаянии прижег бы себе бок клеймом[38],
склонил бы голову к коленям пристыженности.

Если ты достоин Божьего пути,
то пронзи глаза вожделения раскаленным стержнем.

Когда незрячими станут глаза твоего вожделения,
твои духовные глаза прозреют в Боге.

Предела смятению[39] не увидать.
Кто может отыскать иголку в море?

Считай этот мир постоялым двором о двух воротах:[40]
в одни ворота ты вошел, а из других — выйдешь.

55 Ты, беспечный[41], спишь и ни о чем не знаешь,
а ведь ты умрешь, хочешь того или нет.

Нищий ты или шахиншах — тебе [в последнем пути]
спутниками будут два гяза полотна да десяток кирпичей[42].

Искушен в мастерстве вертящийся свод,
никому не хочет он стать избавителем:[43]

Со всем, что у тебя есть, волей или неволей
придется тебе в конце концов расстаться.

Будь твое царство от Рыбы до Луны[44],
всё равно ты выйдешь в эти ворота.

60 Будь ты Искандар — этот преходящий мир тебе
справит когда-нибудь саван из искандарийского холста[45].

Друг мой! Царь, не спрашивая тебя, сокровище
спрятал для себя в некоем месте.

Заблагорассудится ему — заберет он то сокровище,
а нет — так и останется сокровище там, где оно есть.

Для чего тебе нужно знать,
зачем он спрятал этот клад и почему взял обратно?[46]

В [этом] неверном мире нет света,
в нем не бывает пира, что не сменится трауром.

65 Подарит тебе серебро — оно станет камнем,
а принесет извинение — оно захромает[47].

Свидание без разлуки никому не выпадает на долю,
ведь не бывает розы без шипов и сахара без мух!

Не знаю я ни одного беспечального,
чтоб хоть один миг потереться о него рукой[48].

Иди, возложи на плечи тяжкий груз горя,
жизни не жалей, если душу потребуют — отдай.

Не вижу я в тебе той силы и мужества,
чтобы взойти на небо, минуя могилу.

70 Разве не оставался Адам шестьсот лет в горести,
из-за пшеничного зерна не орошал землю кровью?![49]

Если ему и зернышка не досталось без сотни бедствий,
то уж тебе ни куска не полагается без страдания.

Ущербом обернулась польза — и моя, и твоя,
увы и рождению, и пребыванию — и моему, и твоему.

О мир! Твой гнет даст ли кому быть радостным?!
Все обычаи и круговращение твое — ветер.

Раз мир не печалится о тебе,
зачем ты посыпаешь из-за него голову прахом?[50]

75 У мира много таких женихов, как ты,
у него на памяти много праздников и свадеб.

Всю жизнь я непрестанно стремлюсь
поговорить с родной душой о своем сокровенном,

Но не вижу ни одного верного друга.
Увы этим лицемерным[51] сотрапезникам!..

Для смерти рожден ты матерью, —
что ж ты возводишь в этой низине
дворец и высокий чертог![52]

Ведь твои глаза будут глубоко под землей, —
зачем же ты возносишь свой чертог до небес?!

80 Набей ты казну хоть серебром и золотом —
ни глотка воды ты не выпьешь без мук.

Горюй о себе, ведь больше никому о тебе горя нет.
Да что я говорю! Истинно, и самому-то тебе тоже нет.

Пусть место тебе [будет] под землею,
но чистая душа очищена от земли[53].

Разве твоя природа — не объект поклонения ангелов?![54]
Разве не венец наместничества на твоей голове?![55]

Ты — сын наместника, оставь банную топку,
освободись от груза естества, иди в розовый сад[56].

85 В Египте ждет тебя царство,
что ж ты, словно Йусуф, — на дне колодца?![57]

Из-за того у тебя нет власти над твоим царством,
что для тебя див занял место Сулаймана[58].

Ты — царь и в конце, и в начале,
но в глазах у тебя двоится:

Одного ты видишь как двух, а двух — как сотню;
[а ведь] что один, что два, что сто — всё это ты сам.

У тебя одно сердце, о бедняк, на сто друзей.
Как ты можешь одним сердцем делать сто дел?[59]

90 Сколько ты еще будешь тревожиться о хлебе и одежде?
Сколько еще будешь печься о славе человеческой?

Как удивительно твое существо:
с дерюгой соединен драгоценный шелк!

Если каждый миг ты будешь стремиться
к Присутствию [перед Ним],
облачишься в наряд из «*Пади ниц и ищи приближения*»[60].

От множества твоих бессмысленных попечений
обветшала твоя [изначальная] природа.

О спящий! Если есть в тебе разум,
закрой двери перед потребностями.

95 Увы алчности сердца сынов Адамовых!
Увы идущим по миру в смятении и беспокойстве!

Эй, берегись! С сердцем, слепым в своей алчности,
останешься ты в алчности до самой могилы.

Пока не умрешь, алчность твоя не уменьшится,
ведь для язвы алчности [одно] лекарство — смерть.

Пил ты из переполненной чаши мира...
А что толку тебе от всех этих богатств мира?!

Не сто́ят, право, в глазах идущего по Пути
все блага мира даже ячменного зернышка[61].

100 Ох, эти пауки-мухоеды! —
Все они, словно стервятники, в плену у падали![62]

Ох, эти словоблуды, муравьиная порода!
Они — что муравьи: ни проводника, ни видящего путь!

Ох, эта алчная горстка [праха], прилипшая к костям!
Все они нравом — псы и в родстве с крысами!

Очнись, живущий в унынии день и ночь,
беспомощный в руках алчности!

Алчность надела тебе на голову уздечку:
у верблюда — поводья, у тебя — алчность...

105 Возложи наконец надежду на Дающего Пропитание![63]
Прояви наконец терпение и будь твердым!

Он [и] неверному не отказывает в пропитании,
как же Он откажет в нем человеку мудрому?!

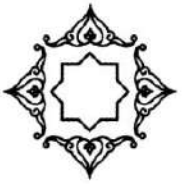
Не будь с утра, о друг, ленивым —
ведь у тебя есть твердая надежда и крепость телесная.

Если ты будешь бодрствовать ранним утром,
обретешь всё, что в тот час ни попросишь.

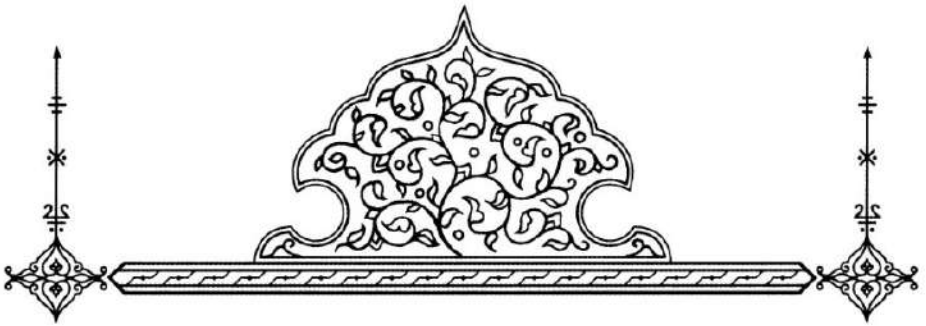
В славные одежды из того дворца
облекаются именно на утренней заре[64].

110 Врата рая открывают рано утром,
являют его красу [всем] жаждущим.

Если тебе нужно в тот миг Царство,
стань и проси[, как нищий,] у порога Мухаммада[65].



ВОСХВАЛЕНИЕ ПРОРОКА



Мухаммад — предводитель в обоих мирах,
Мухаммад — путеводитель потомков Адама[1].

Мухаммад — Солнце творения,
Луна небесных сфер, то есть — око созерцания.

Факел познания, свеча пророчества,
светильник народа Божия и прямой путь общины[2].

115 Воевода на ристалище Божественного закона,
предводитель войска [Божественных] тайн и благой жизни.

Царь царей мира и слава «*Если бы не ты*»,
миродержец сфер земли и небес[3].

Доверенный[4] пророков, доказательство прямого пути[5],
царь без печати и владыка без венца[6].

Как царь он воздвиг дворец с четырьмя арками[7],
но следовал [девизу]: «*Нищета — моя гордость*»[8].

Его эмблема[9] — «*Мы даровали победу*»[10],
и его знамя — «*помощь от Аллаха*»[11].

120 «*Твоей жизнью*»[12] — венец на его благоуханной[13] главе,
«*Разве не раскрыли мы твое сердце*»[14] —
украшение его жизни.

Поистине, он — венец властелинов,
истинно, он — наставник пророков.

Несомненно, нет иного столь безупречно совершенного,
одним словом — нет иного доверенного лица Истины[15].

Он — цель [создания] семи дворцов и восьми садов[16],
он — светильник глаза, он — и глаз, и светильник[17].

Для обоих миров он — *ключ к прямому пути*,
он — светильник, освещающий тьму в обоих мирах.

125 Его язык — вестник[18] [велений] царя,
его сердце — письмоводитель Божественного Откровения[19].

Земля и небо — в его владении,
два мира навечно в его общине.

Он был хранителем залога *Господа миров*,
ибо и прежде ниспослания Откровения был он в мире верным[20].

На небеса взошел свет благодаря его красоте,
на землю сошло Божественное откровение
благодаря его совершенству.

В деле закона не было у него иного [путеводителя], чем Бог,
вот и стала для него доступной «*долина, не имеющая злаков*»[21].

130 Его мыслью разрешены затруднения людей,
ибо его мысль стала созерцателем предвечного образа.

Для того он пришел, чтобы изнемогшие души
ежеминутно утоляли жажду из океана его закона.

Он потому выше всех пророков,
что пришел позже них, но был прежде них[22].

Лишь только Адам впервые открыл глаза, с земли
увидел его имя, написанное на Престоле Божием[23],

Простерся во прахе пред его именем,
но, когда стал прахом его, очистился[24].

135 Его еще не отняли от груди,
когда он обрушил потоп на огнепоклонников:

В каждом храме огня из-за этого высокого вождя
огонь заметался из стороны в сторону и погас[25].

Если погас огонь ради Ибрахима[26],
то для этого младенца он погас во всём мире.

Не видишь ли, как проворный[27] огонь
от одного его волоска бежит наутек?!

Вера его так высоко вознесла его сандалии,
что они сшибли венец с головы кисры.

140 Изгиб его локона скинул корону кайсара,
завиток низверг хакана Чина[28].

Когда вначале он укрылся с головой своим плащом,
спустился [с небес] к его двери Рух ал-Кудс[29].

Сказал ему: «Благодать весьма великая
несомненно [обитает] здесь, под этим плащом!»

Ведь место одного кирпича пустовало
в [здании] пророчества — поистине, великое место!

Пророк сказал: «Это почетное место
мною навеки обрело завершение»[30].

145 Да, [именно] он был целью [призвания] всех пророков,
когда он пришел, на пророчество была наложена печать[31].

Ты ведь видел, что сперва приходит войско,
а потом уже входит высокий царь.

Пророки — словно войско:
оно нужно [было], чтобы пришел этот царь.

Когда явился султан пророчества,
пророчество завершилось, ибо он и был его целью.

Когда его вера осветила мир,
[другие] веры закончились. [А] Бог знает [лучше].

150 Как не исчезнуть в мире звездам,
когда явилось светлое Солнце?!

В час, когда Пророк назвал себя тем кирпичом,
тогда каждый кирпич словно стал раем.

Потому этот «кирпич» воспринял [телесную] форму Адама,
что этот единственный кирпич был основанием обоих миров.

Кирпич земной имеет четыре стороны,
а стороны этого кирпича — четыре друга[32].

Когда Друг Пещеры[33] вышел вместе с ним,
мир наполнился светом от этих двух уникальных.

155 Когда он пришел в шатер Умм Ма'бад,
он увидел козу, без пары и с высохшим выменем[34].

От всей души приняла его Коза,
ибо увидела, что Солнце явилось[35].

Когда господин положил ей руку на вымя,
молоко ливнем хлынуло из ее сосцов.

Рука господина обрела белизну от этого молока,
белая рука была явлена предопределением[36].

О, Пророк был зрелым, еще когда питался молоком,
перед ним Адам, бесспорно, — [всего лишь] дитя!

160 Когда он на пути вошел с другом в пещеру,
явился славный паук[37],

На входе в нее устроил ткаческую завесу,
натягивал основу и накидывал уто́к[38].

Когда ткаческая завеса стала исправной[39],
явился враг и пожелал пути за эту завесу[40].

Он горделиво подошел к пауку и сказал:
«Открой завесу перед этими двумя влюбленными в веру!

Зачем ты устраиваешь завесу [для] влюбленных?[41]
Подай сюда из-за закрытой завесы[42] двух соколов![43]

165 Требую двух соколов из-за завесы!
Говори эти слова в правильном тоне!»[44]

Паук уразумел его намерение,
безмолвным языком стал отрекаться:

«В паучью сеть никогда
не попадали ни Джамшид, ни Фаридун[45].

У тебя нет ни на волосок рассудка,
если ты ищешь Симурга[46] в ловушке для мух!

Мне довольно ломтика сушеной мушатины —
когда это царский сокол попадал в мои силки?!

170 Может ли талисман[47] из паучьей слюны
тягаться с *уникальным* [*рабом*] *Живого Бессмертного*?!»[48]

Если неверно я тебе рассказал об этом тайном[49] —
[пусть] провалится моя голова внутрь, как у паука!

Скройся его враг [хоть] в седьмой земле, —
[всё] седьмое небо будет на страже[50].

Чтобы убить этого врага, безжалостно
поразит его глаза солнце своим мечом.

Каждое движение небес наполнено любовью к нему,
каждый вздох ангела наполнен томлением по нему.

175 Религия не укрепилась бы без его дела;[51]
ничей глаз не видел в его бровях изгибов[52].

Он принимал всё с радостью[53], безо всякого гнева,
не видел в его бровях изгибов ничей глаз.

Вначале все изгибы произошли из его бровей,
но все они перешли в его косы[54].

Поскольку изгибы его кос неисчислимы,
если ты ищешь знания в изгибах[55] — дело!

Когда завитки его локонов легли кольцами,
от них возникли семьдесят два разделения[56].

180 Когда завитки и кольца его стали видимы,
из тех колечек те семьдесят стали видимы.

Каждая община устремилась к этим локонам,
и каждая ухватилась за один локон.

Никто вовек не отнимет руку от локона,
ибо он всегда — *прочная вервь*[57].

Никто в Божественном присутствии
не отрешался так полностью от себя, как Мухаммад.

Поскольку он полностью исшел из себя самого,
то все будут *там* восклицать: «Я! Я!» — кроме него[58].

185 Мухаммад был вечным солнцем,
а Рух-Аллах — рассветом [перед приходом] Ахмада[59].

Поскольку Рух-Аллах был вестником об Избраннике[60],
он родился в один миг без отца.

Да, он нес людям добрую весть,
был Благовестником, потому так спешил.

Раз он первым принес от Бога добрую весть,
то он будет и в конце времен.

Не будет другой цели Его возвращения,
кроме возвещения о Мухаммаде. О, преславное возвращение!

190 Его (Мухаммада) чистое сердце было сердцем войска,
[а] сердцевина его души была падишахом:

Временами шестьсот тысяч крыльев Джабраила
были флангами его сердца при ниспослании Откровения;[61]

Временами избранный сонм ангелов
по обеим сторонам его сердца выстраивал ряды.

Щитом его было терпение, мечом — правдивость[62],
тень его копья повергла наземь небеса.

В руке у него [был] лук[, что] *«на расстоянии двух луков»*[63],
благодаря стреле *«когда ты...»*[64] он стал отважным.

195 Пророк с мечом[65] и с венцом из «[*клянусь*] *твоей жизнью*»[66]
воссел на Бурака[67] по [Божьему] благословению.

Он — владыка столицы души,
а ремесло его — священная война, и отсюда всё это[68].

Он хотел быть рабом в деле пророчества,
он просил Бога дать ему два плачущих глаза[69].

Он называл себя *сыном двух убитых*[70],
из этого душе и разуму становится очевидно,

Что величия от Бога он искал в небытии[71] —
ни одного мгновения не был он ни к чему привязан.

200 Поскольку ни к чему сущему не устремлял он желания[72],
ему навечно была дарована печать[73] *«не уклонилось...»*[74].

Когда волновалась его душа в томлении [по Богу],
приходило ему то и дело на уста:

«О, если бы Бог мудрый и щедрый
никогда не делал бы Мухаммада явленным!»[75]

Потому он говорил это, что Властитель мира[76]
назвал его вечно сияющим светильником:

Хотя фитиль у свечи сияет ярко,
она горит и страдает в разлуке с медом.

205 Изначально воск свечи был погружен в мед
и, будучи в единстве, не помышлял об «этом» и о «том»[77].

А потом, когда был разделен с медом,
был отлучен от единения[78] с медом,

То твердил, задыхаясь: «Мне ли быть свечой?!
Я жил в единении! Для меня ли сборище?![79]

О, если я не стал бы свечой,
я бы оставался вместе с медом.

Когда я стал свечой, я был разлучен с Озаряющим сердце[80],
светильником назвал меня Истинный — доколе мне гореть?!

210 Если бы я оставался постоянно с медом,
я был бы избавлен от этого горения».

Не имея одежды, он был одет в броню,
голодный, привязывал к животу камень[81] —

Вот доказательства его совершенной нищеты,
а Божия нищета — весьма высокая ступень.

Будь у него хоть малейшее желание [чего-нибудь],
разве мог бы он стать главою всех нищих?!

Потому он постоянно пребывал в нищете,
что не в обычаях вежества подбирать собственный нисар[82].

215 Не искал он ни имущества, ни царства,
ни скарба и пожиток,
один день он вставал сытым, а другой — голодным[83].

Хотя этот дворец девятикомнатный из небытия
ради него воздвигли из дыма[84],

Часто бывало, что месяц проходил,
а никто не видел дыма над его девятью комнатками[85].

Потому те девять покоев были явлены из дыма,
что в этих девяти покоях дыма у него не было.

С тех пор как, стократно почтённый,
он вернулся после восхождения[86],
его лицо никогда не омрачалось.

220 Его «звезды» рассказывали, что когда
он, подобный луне, сидел посреди собрания[87],

То, как светлая птица[88] [солнца] — свечу,
он своим светом затмевал всё собрание.

Все сподвижники, окружавшие его,
полностью растворились в небытии от трепета перед ним.

Да, оказавшись перед океаном,
как сохранит капля свое сердце?!

Из-за великого трепета, который вызывало его присутствие,
возникли разногласия среди озарявшихся его светом:

225 Мол, брови этого предводителя обоих миров
были раздвинуты или сведены вместе?

Не видят его бровей обитатели двух миров,
ибо нелегко видеть [того, кто] на расстоянии
«двух луков» [от Бога][89].

Весь мир был распростерт, как скатерть,
всё было доступно его взору,

Так что все тайны мира были ему видимы,
обрел он знание обоих миров.

Когда Божественные тайны были раскрыты перед ним,
узрев их, он сказал: «Ты — таков, как Ты сам желаешь»[90].

230 Когда он смотрел глазами[, зревшими] тайны,
он увидел за стеною рай и ад.

Рай и ад затаились ради [созерцания] его[91].
Ты знаешь, кто был за его стеною?[92]

[Место] за стеной они предпочли миру иному,
чтобы увидеть солнце его лица!

Потому они бежали от мира иного,
что страстно желали лицезреть его, Мухаммада.

Встретив друзей, которые близки к Истинному,
он устремился, чтобы быть принятым [Самим Богом].

235 К Истинному он шел с обнаженной головой потому,
что по пути к Истинному можно идти
[только] обезглавленным[93].

Не смеет злодей-шайтан
явиться в его одеянии[94].

Хотя пищей его был [лишь] круг ячменной лепешки,
он расколол грудь лунному кругу, как пшеничному зерну[95].

Поскольку пища его души была со стола нищеты,
то, что было его нищетой, стало его славой[96].

Когда свет его нищеты стал разгораться,
Сулайман приходил, чтобы служить ему[97].

240 Подчас выметал он дорожную пыль из своего дома,
подчас отдыхал в дорожной пыли.

То бегал он с 'Аишею вместе[98],
то носил кирпичи и глину для [строительства] мечети.

То занимался шитьем сандалий[99],
то делил тайны с детьми.

То шел с погребальной процессией,
то приходил навестить больного[100].

То задавал обильный корм верблюду,
то нес ручную мельницу в своем тюрбане[101].

245 Иногда [виночерпием] стоял в собрании с чашей,
стоял на месте главы общины.

Иногда, по своей доброте, изображал верблюда,
чтобы порадовать двоих разумных детей[102].

Когда этот высокий вождь пришел на землю,
то еще младенцем простерся он в поклонении.

Вышел из-за завесы с уже отделенной пуповиной,
мать родила его уже обрезанным.

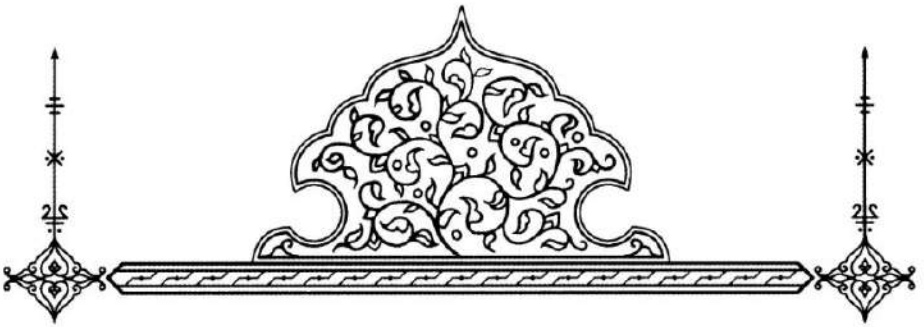
Когда он стоял посреди народа,
то казался он на голову выше всех.

250 Никто никогда от него не видел нечистоты,
его испражнения, подобные амбре,
принимала в себя земля[103].

Видел он всё, что перед ним,
и что позади него — тоже.
Никогда не садилась на него ни одна муха.

Поскольку его тень падала на небо,
как могла она ложиться на землю?!

Поскольку его тенью осенен был ʻАрш[104],
как могла она падать на поверхность земли?!



[О МИ‘РАДЖЕ]

Однажды ночью он устремился к ‘Аршу, к небу[1],
направился он превыше обоих миров.

255 Бурак истомился от стремления к нему,
давно уж стоял он привязанный к дереву Туба[2].

Почуяв аромат Мустафы[3], он громко заржал,
встал на дыбы, порвал привязь и помчался к нему.

Явился Джабраил и сказал: «О чистый!
Почему ты ступаешь по земле, а не по небу?

Ты ведь поистине — царь ‘Арша,
поднимись же с земли к вершине ‘Арша!

Поскольку твоя сущность — милость для обоих миров,
то в обоих она — милостивый гостеприимный хозяин[4].

260 Ты угощал землю некоторое время,
теперь же пришел черед неба.

Сотвори из своей нищеты эликсир[5] для царств [земных],
сотвори из праха [под твоими ногами]
глазную мазь для ангелов!»

Помчался Бурак, несущий Главу Вселенной,
помчался, словно молния, к седьмому небу.

Верхом вознесся [Мухаммад] на вершину Курси[6],
ибо был он господином Бурака и минбара[7].

По правую его руку носители 'Арша[8],
по левую — хранители земли.

265 Землей под [копытами] его Бурака был небосвод,
слугою встречал его у порога Рух ал-Амин[9].

Он поднял свое знамя над миром 'Арша,
воссел на седалище истины[10].

Воскликнули обитатели небес:
«Пришел господин Вселенной в назначенный срок!»[11]

Сирота, который следовал за Бу Талибом[12],
теперь — уникальный перл, которого взыскуют все.

От Престола Божия сто тысяч высоких душ
тут же вышли приветствовать его.

270 Прошел он перед Масихом,
словно Йусуф [перед Зулайхой],
и сделал его в старости таким же [юным], как Зулайху[13].

От дыхания его духа Пречистый Рух-Аллах
словно новую жизнь обрел на небе[14].

Сулайман пришел и сложил [с себя] корону,
как нищий, встал с корзиной [перед ним][15].

Пришел Калим[16] из почтения к нему,
в надежде, что сможет войти в его общину.

Халил принес всё, что у него было,
он принес ему в жертву своего сына[17].

275 Вышел навстречу ему Нух из своего ковчега,
от места пребывания гордо отправился на гору Джуди[18].

Пришел Адам и возрадовался,
спрашивал о тайнах природы человека.

Ризван принес ему напиток[19]
и расспрашивал о долгом пути:

Не мучила ли его в том пути сухость? —
И принес ему [Ризван] *влаги* из Салсабила[20].

Не возникла ли у него горячка от жара любви? —
Так что влага эта *была настояна на камфаре*[21].

280 Не силен ли был холод несомненности? —
Так что влага эта была смешана с *имбирем*[22].

Его сердце стремилось к уравновешенности[23],
так что мед он уравновесил молоком[24].

И поскольку из *Та Ха*[25] выпала ему, Мухаммаду,
особая часть,
тот напиток обладал особой *чистотой*.

Напиток его был *вином запечатанным*[26],
известна эта печать только Истинному.

Небо, для которого Солнце было легкой добычей,
в эту ночь вело его Бурака под уздцы[27].

285 Лукой седла было у него золотое Солнце,
Месяц припал к его ногам, словно стремя.

Его Бураку Луна из своего амбара
дала ячменя от Близнецов и соломы от Несущих Солому[28].

Когда мчался он той ночью по той дороге,
его Бурак сбросил подкову на небо.

Эта подкова обернулась молодым Месяцем,
небосвод вдел ее себе в ухо[29]
и воздвиг ему, Мухаммаду, шатер[30].

Симак[-Копьеносец][31] преподнес ему копье,
очистив путь от *Головы Чудовища*[32].

290 Все гурии вышли его встречать,
от Рыбы стояли они вдоль его пути до Луны[33].

В этом бирюзовом саду[34], несмотря на темноту ночи,
столько глаз просияло от его лика!

В радости Трон построил ему беседку с четырьмя сводами,
приготовил там для него Престол с четырьмя подушками[35].

От двух его локонов дерево Туба обрело силу
и осенило Фирдаус[36] своею тенью.

Когда Хвост [Змеи] поднял на него Голову,
от страха перед ним он стал коротким, как у Скорпиона[37].

295 Небосвод сделал из Колоса метлу и тут же
склонился, чтобы вымести путь перед ним[38].

Когда Краб постиг его славу,
он стремглав бросился в воду[39].

Когда Орион препоясался служить ему как воеводе[40],
пришли Весы и установили свое коромысло[41].

Лук[42] перед ним снял тетиву с лука,
у него было два дома, и оба он принес в дар[43] его душе.

Ягненка и Козу зажарили для него[44],
расстелили скатерть от Луны до Быка и Рыбы[45].

300 Лев пришел, чтобы стать львом на его шатре[46],
Ведро[47] закружилось, словно водяное колесо.

Когда Две Сестры[48] увидели его лик,
от страсти к нему они откинули покрывала.

Два Орла не помня себя явились,
чтобы не стала падающей ни одна летящая [птица][49].

Хотя Семь Престолов вращались
вокруг полюса, словно семь [великих] мужей,

Когда увидели, каковы его мужество и жизнь,
понесли погребальные носилки для Дочерей Мертвеца[50].

305 Пришли все ангелы, каждый со своей кадильницей,
чтобы возжечь чистый благовонный алóй[51] любви к нему.

Ризван открыл восемь врат рая
и омыл водой Каусара девять путей[52].

Страж райских сфер сделал мир радостным —
множество райских гурий привел с собой.

'Арш замер от его трепета перед ним,
остался, словно Курси, у его ног[53].

Когда Скрижаль[54] познала силу земли, что под его ногами,
она. как шииты, сделала себе молитвенные плитки
из этой глины[55].

310 Когда исполнился его красоты мир света,
сокрушился *Дом посещаемый*[56] из любви к нему.

Небеса разбросали нисар ему под ноги[57],
всё, что имели, выложили на поднос[58].

Каждая небесная сфера принесла ему в дар сто кошелей,
они были дозволенными, ибо произошли от дерева Сидрá[59].

Небосвод просил у Бога дар[60],
чтобы вручить [Мухаммаду] за его приход,
и Бог каждую ночь для дара [Мухаммаду]
украшал [небосвод] звездами.

Вот таков был подарок ему за посещение, и потому-то
чистые сподвижники Пророка были уподоблены звездам[61].

315 В ту ночь он был великим солнцем,
каждой звезде он дал иной свет:[62]

Дал Зухалу главенство над Небом,
указом дал Муштари мантию судьи[63].

Почтил Мирриха должностью палача[64],
своими косами простер тень на Солнце.

Зухре он дал сладкий голос[65],
а 'Утариду — превосходство в мудрости[66].

Явился он перед Луной, словно Йусуф,
из-за него Луна разрезала и цитрон, и руки[67].

320 Так быстро взошло солнце Божественного закона,
что даже Джабраил с его шестьюстами тысячами крыл

Не мог ни на мгновение настигнуть его,
ни имени его, ни следа его он не обрел.

Когда выстроились перед ним ангелы рядами,
он увидел весь мир, как *«гладкую равнину»*;[68]

Мир, в котором не было ни следа мира[69],
ни признака *«гладкой равнины»*, ни *«зеленых подушек»*[70],

Мир, в котором нет ни близости, ни дальности[71],
от его *великого света* — *«свет на свете»*[72].

325 Он увидел, что земля того мира создана из терпения,
а воды, текущие по ней, — из мудрости.

Небо обрело почет от его величия,
солнце обрело свет от его красоты.

Его душа так вспотела от страстного стремления к Богу,
что на сотню частей разодрал он свое одеяние.

Да, поскольку его одеянием было небо,
он его полностью разодрал — ведь той ночью
надо было делать так[73].

Знак этого раздирания — Млечный Путь[74],
который образовался из клочков Девяти Завес[75].

330 Эти Девять Завес были разорваны его восхождением,
потому что ему место было за завесой у Истинного.

Раздался призыв Истинного: «О почтенный, наконец
ты пришел к этой двери. Каково же *твое желание*?

Твое сердце всегда с грешными людьми, ты сказал:
"*Соразмеряй свой шаг со слабейшим из вас*"»[76].

Пророк сказал: «Тебе ве́домо обо мне всё,
нет Тебе нужды, о Господь, спрашивать меня[77].

Твои дары, о Господь, приходят непрестанно,
не могу перечислить их — мой язык немеет.

335 Мое существование полностью уничтожено,
Солнце пребывает, а тень уничтожена».

Когда глава обоих миров увидел свою немощность,
Бог укрепил его руку «*двумя луками*»[78].

Мухаммад — самый могучий в мире,
поэтому по руке Мухаммаду этот лук.

Более благословенного лука индусам глаз[79]
не увидеть, чем лук «*расстояния двух луков*».

В тот миг, когда он погрузился в [море] познания,
в нем, ты сказал бы, было два свойства стрелы:

340 Одно — быть прямым,
другое — пускаться в путь, как стрела.

Поскольку у него[80] были эти два признака стрелы,
подобием двух его стоянок были два лука:

В начале, когда он направился к Истинному,
устремился он, как стрела из лука.

[И] в конце, когда его возвратили людям,
отправили его в полет, как стрелу из лука.

Эти два его полета начались из двух луков,
отсюда и уподобление *«расстоянию двух луков»*.

345 Поскольку у лука всегда есть два дома,
у того лука два дома[81] будут навечно:

Пойми, что один из них — *дом Ахада*,
а другой — дом Ахмада навечно.

Словно стрела, помчался он, влекомый Истиной,
и расщепился «мим» Ахмада, словно волосок[82],

Удалился «мим» Ахмада,
[Ахмад] стал Ахадом, и единым стало всё двойственное[83].

В эту ночь Павлин Ангелов[84]
был полностью покорен во́ронами его локонов[85].

350 Увидь в двух его косах — двух воронов,
увидь в миндале его глаз — *«не уклонилось»*[86],

В его бровях — *«расстояние двух луков»*;
два во́рона тех луков — две его косы.

Да, ведь локоны его — средоточие света,
вот они и помогли подняться духовным радугам-лукам[87].

Не видел я в этом мире ни разу
никого, кому по плечу был бы лук *«двух луков»*.

Когда во́роны его локонов приходят в волнение,
только Небесный Павлин[88] достоин стать их добычей.

355 О лук, о кольцо, о ворон![89]
О «*он не*»![90] О «*внушена тебе*»![91] О «*не уклонялся*»![92]

Из-за ревности к «*двум лукам*» Пророка
небосвод имеет два лука, [вращающихся] вокруг оси[93].

Владыка, который, чтобы прославить Адама,
открыл ему имена всех вещей на свете[94],

Открыл Мухаммаду — само именуемое,
поэтому сделал его неграмотным и бедным.

Так как он вышел за пределы имени —
на глубину безымянности,
то не нуждался в чтении, потому и был неграмотным.

360 Поскольку он на пути к Истинному
был вне телесного образа,
от этой безóбразности он обрел совершенную нищету.

Его достоянием были безóбразность и нищета,
вот и обрел он от *матери книги* прозванье «некнижный»[95].

Бог сначала велел пятьдесят раз в день совершать намаз,
но ради него сократил это число до пяти[96].

Если в ту ночь он превзошел [категории] части и целого,
то потому, что отрешился от себя и целиком предался Богу.

О сердце! Сделай постоянным счастье своей души,
держись постоянно за это стремя.

365 Препояшься для служения ему,
и господином станешь ты, почтенным.

Что мне еще сказать, о посланник Божий!
Ведь я, немощный, не знаю больше этого.

Слава! Джабраил — вестник твоего чертога,
всё его дело — уходить и приходить
по твоему велению[97].

Когда Микаил увидел, что ты — царь,
стал он поставщиком провианта для твоего войска[98].

С мечом в руке, готовый по твоей воле
осуществить возмездие,
препоясался для служения тебе 'Азраил[99].

370 Верный Сарафил[100] перед твоим дворцом
стоит как стражник у твоих врат.

Ангелы — караульные у твоего порога,
два *благородных писца* — твои хранители[101].

Дабиром при твоем дворе — древний Адам,
немало записал он имен твоей сущности[102].

Идрис, распознав тебя по знамениям звезд,
в раю заложил основу [почитания] тебя[103].

Весь мир пришел под твое владычество,
Нух-избранник[104] стал кормчим твоего корабля.

375 Салих был рад стать погонщиком твоих верблюдов
и угощал тебя молоком верблюдицы[105].

Ибрахим для тебя стал строителем,
вся Ка'ба стала твоим святилищем[106].

Когда Исма'ил услышал о вере в тебя,
стал мальчик жертвой с неотрубленной головой[107].

По тебе томился горестный Йа'куб,
в надежде на тебя он удалился в уединение[108].

Примчался Йусуф из темницы и из колодца[109],
обладатель сотни красот[110], он просил у тебя красоты.

380 От источника высокородного Хизра
каждую ночь течет к твоей улице вода[111].

К Илйасу пришла от тебя вечная жизнь[112],
потому он привержен [тебе] до Последнего дня.

Йунусу ты дал знать о себе по пути,
и он отправился в море, чтобы найти тебя[113].

Немало томился Давуд по твоей душе,
сотней душ купил он горестные песни любви к тебе[114].

Аййуб увидел в тебе врачующего любовью,
тело свое, [страдающее] от червей, перетащил в келью[115].

385 Когда Сулайман увидел в тебе царя над миром,
опоясался он пред тобою, словно перстень[116].

Йахйа отдал свою голову ради твоего венца[117],
Харун встал, как глашатай, у твоей двери[118].

Поводырем на пути у тебя — Муса[119],
благословенный раб с тобою — 'Иса[120].

Раз у тебя есть такой друг, как «*Скажи*: "*Он — Бог...*"»[121],
перечеркни всё, что не Бог.

Жена Абу Лахаба, исполненная злобы,
хоть и усыпа́ла твой путь шипами[122],

390 Ты, о роза [мира] сокрытого, будь радостен,
ведь ни одна роза не расцветала без шипов в ногах.

Каждый миг являют тебе лик сотни благостей,
твоя рута от дурного глаза[123] —
это «*Прибегаю к Господу*»[124].

В каждом пальце семичастный небосвод
держит по светильнику-звезде[125],

Взывает к тебе в боли и жгучей скорби...
Но со светильником кто же ищет солнце?!

Ты — султан земли и неба,
ты — светильник этого мира и того мира.

395 Небо для того всегда катится, подобно мячу,
чтобы уловить хоть немножко аромата твоего величия.

В том собрании, где проявляется твоя сила,
вершина небес — самый последний из рядов![126]

Твое величие неисчислимо,
выше девяти небес и девяти сотен завес,

Ревнуя к твоему величию, этот прекрасный свод
переворачивается с головы на ноги день и ночь.

Одна крупица[127] твоего величия просияла на небе —
Луна и Солнце от той единственной крупицы
обрели жизнь.

400 Что́ мне сказать! Ведь твои свойства таковы,
словно сто миров, что за пределами разума и души.

Будь целый мир наполнен маковыми зернами
и будь в каждом из них по восхваляющему, —

Не знаю, смогли бы они воспеть Тебе хвалу,
а если смогли бы — была бы она принята Тобою?

Ты знаешь, что из поэтов никто
не сложил тебе такого восхваления — только я.

[Мои стихи —] невеста, и твое великодушие —
ее покров,
быть принятой тобой — вот ее драгоценности
и украшение.

405 Если ты примешь меня, я достигну цели,
а если нет — моя горестная душа покинет меня.

Если примешь ты от меня это слово,
[своим] искусством я обновлю этот древний свод.

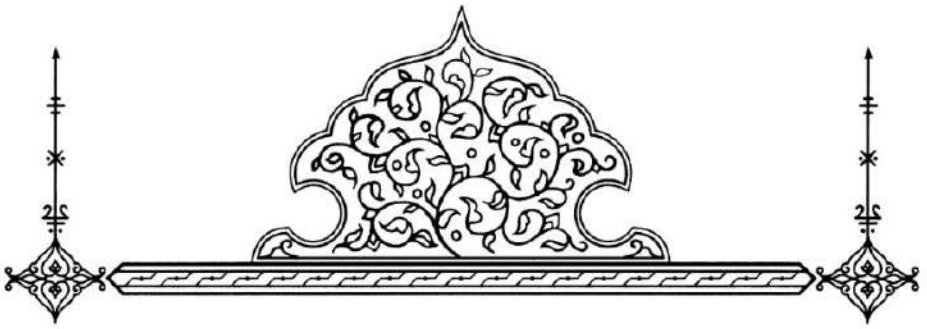
Пусть твое величие — огромное море,
но и эта капля — тоже уникальная жемчужина!

Пусть в море — [целый] мир воды,
но оно терпит и каплю воды.

Не видишь разве, что беспредельное море
своею милостью дает место каждой капле?

410 Что еще сказать мне, о пророк Божий?!
Сказал я сколько мог по силе своей.

Ты беспредельно великодушен и ты знаешь всё,
если даруешь мне сто славных одежд[128] —
сделай это!



РАССКАЗ [О МУХАММАДЕ И БЕСПУТНОЙ ЖЕНЩИНЕ]

Была в Мекке беспутная женщина,
грех и нечестие — вот весь ее товар.

Где бы кто ни творил грех, —
в объятиях его была эта женщина.

С красивым голосом, ладная и сладкоречивая,
ни минуты не проводила она без пения и плясок[1].

415 Когда Пророк пришел в Медину,
вóйны и вражда сменились сердечной любовью.

Дело мусульманское окрепло,
неверие упразднилось, вера утвердилась.

Когда в Мекке не осталось ни одного нечестивого,
рассеялись все они кто куда,

Та женщина, вконец обнищав, пришла в Медину,
к Пророку пришла она с истерзанным сердцем.

Пророк сказал: «Ну, раз ты вот так пришла,
скажи: кто ты сейчас — беглец или купец?[2]

420 Ты пришла сюда ради веры
или стала купцом и оттого пришла?»

Тогда женщина сказала этому главе мира:
«Ни для того я пустилась в путь, ни для этого,

Но потому я пришла сюда,
что услышала от людей о твоем великодушии.

В надежде на подарок от тебя этот долгий путь
проделала я, одинокая горемыка».

Пророк сказал: «В Мекке полно юношей,
попроси у них, это тебе больше подходит».

425 Тогда женщина сказала: «От твоих битв и сражений,
от страха перед кинжалом и страха перед стрелами,

Из-за слухов о твоей силе и могуществе,
из-за твоих великих чудес[3] и молвы о тебе

У арабских всадников ослабли ноги —
кому уж из них до певицы?»

Пророку понравились эти слова,
подарил он ей свою единственную накидку[4].

Сказал своим друзьям: «Сегодня все, кто мне друг,
подарите ей что-нибудь из того, что имеете».

430 Сотни разных даров дали ей его друзья,
стала она благодаря им богата серебром.

* * *

Женщине, о *посланник Божий*, что [от Бога] далека[5],
погрязшей в многобожии, пороке и грехе,

Восхвали она тебя лишь один раз в двух словах, —
от твоего великодушия достается большое богатство.

Не прогонишь ее от себя лишенной надежды,
с твоими подарками не остается она бедной!

Ты знаешь, что в восхвалении тебя 'Аттар
много кружил, опрокинутый как циркуль[6].

435 Если обретет он [хоть] пыль с твоей улицы,
в каждой пылинке он обретет новое солнце[7].

Он от души восхвалял пыль с твоей улицы —
прими же его за это, если благоволишь,

Не лишай его надежды, о необходимый!
Ему, сбитому с ног, протяни руку!

Если та женщина ушла от тебя с накидкой —
то придет же и мне от тебя богатство!

Тебе принадлежит царство в обоих мирах,
ты можешь дать почетное одеяние от Бога.

440 Таким почетом почти его тело,
о каком не будет знать его рубашка!

Укрась его сердце верой в единство Божие[8],
которое не может поселиться ни в какой плоти!

Нет у меня иной цели, кроме лишенности признаков[9].
Да зачем я говорю! Ты [всё] знаешь, [всё] можешь.

Я — раб своего сердца потому,
что мое сердце — всей душою твой раб.

На моем пути к тебе нет у меня даже силы,
чтобы сказать: «Заступись за этого нищего!»

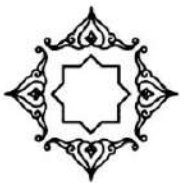
445 Если какой-нибудь бедняк пешком
отправится, бессильный, в хадж[10],

Когда увидит его немощь высокий господин,
неужто он откажет ему в воде?

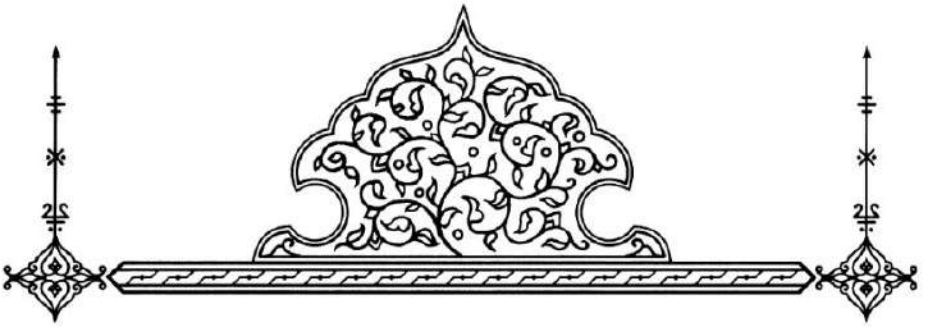
Ты — высокий господин в обоих мирах,
подобает тебе дать мне глоток воды.

В это знойное лето грудь моя раскалена —
обнови мою печень своею водою![11]

А если я недостоин твоей воды,
не давай мне воды. А Бог знает [лучше].



ВОСХВАЛЕНИЕ ПОВЕЛИТЕЛЯ ПРАВОВЕРНЫХ АБУ БАКРА



Глава людей веры, великий Сиддик[1],
праведный имам в день Суда!

451 Величайший из ведо́мых
Божественною благодатью,
ибо он был *опережающим благими деяниями* веры[2].

В ночь уединения — близкий и Друг Пещеры[3],
его нисаром в первый день были сорок тысяч[4].

Тот, кто установил прекрасный обычай,
всегда будет заслуживать награду.

Поскольку Абу Бакр положил этому начало,
ему возвращаются все награды мира[5].

455 Потому-то его вера в Основу творения
всегда опережает веру всех прочих[6].

Он десять лет страдал зубной болью,
но не говорил Пророку об этом.

Когда Истинный открыл это Пророку поистине,
Пророк сказал ему: «О правдивейший[7] в делах!

Почему ты не рассказал мне об этом?»
«На Истинного, — ответил он, —
нехорошо жаловаться».

[Если] кто-то так хранит тайну своего тела,
кто, кроме Истинного, найдет путь
к тайне его души?!

460 Он клал камень себе в рот,
чтобы язык его не рассыпа́л жемчужины[8].

Я слышал о жемчужине посреди камня,
но не видывал камня посреди жемчужин[9].

Так глубоко была погружена его душа в Истину,
что редко хадис приходил к нему на язык.

Поскольку его душа была занята постижением,
от него пришло [всего лишь] восемнадцать хадисов[10].

Но пусть миров и восемнадцать тысяч[11], впору
этим восемнадцати хадисам быть памятью о нем.

465 Поскольку его хадисы были об Основе Вселенной[12],
доказательства его хадисов были прочными.

Смотри, какая у него была мудрость,
какая прозорливость:
он получил извещение о младенце,
что во чреве матери![13]

Когда помолился он о слепом бедняке,
внял Истинный его просьбе о даровании зрения.

Никогда он не вел речи об умножении [богатств],
не говорил он ничего, кроме: «*Не выбирайте меня*!»[14]

А когда пришел его срок и он скончался[15],
принесли его снова к Мустафе[16].

470 Ради праведности этого ключа к миру тайны
дверь отворилась, замо́к открылся.

Никто не касался рукою замка,
задвижка сама упала, чтобы он был принят.

От его правдивости даже железо стало верующим —
почему же сердце его врагов было словно железо?!

Если замо́к от его праведности раскрылся,
почему сердце его врага не раскрылось?!

Когда сподвижники вошли в эту гробницу,
увидели они могилу уже вырытой.

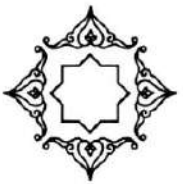
475 Положили его туда и вернулись назад,
разделили тайну его праведности с Единым.

Про того, кто остается другом, когда его жалит змея,
можешь ты сказать, что это — Друг Пещеры[17].

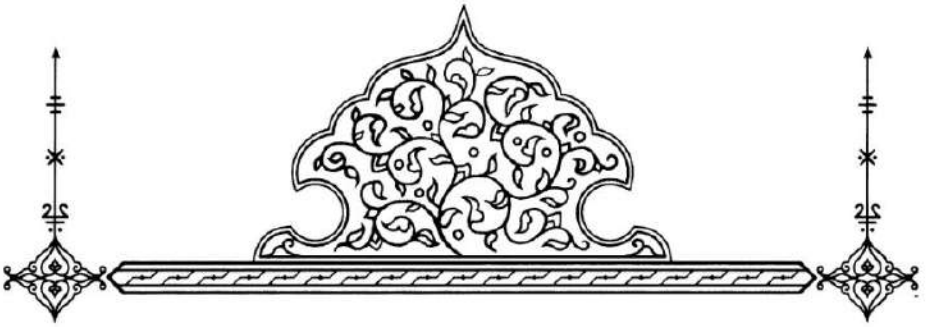
Не была бы такой ядовитой эта змея,
не стала бы она причинять вред такому другу.

'Умара и Абу Бакра Пророк
назвал: одного — «ви́дением»,
другого — «слышанием»[18].

Раз Пророк их назвал ви́дением и слышанием,
тот, у кого нет этих двоих, — слеп и глух.



ВОСХВАЛЕНИЕ ПОВЕЛИТЕЛЯ ПРАВОВЕРНЫХ ‘УМАРА



Совершенный имам и свеча обоих миров,
эмир правоверных, великий Фарук[1].

481 Поскольку его язык [передает] слово Истинного[2],
от *«различающего»* пришел *Различитель*[3].

Поскольку сердце его увидело Истинного в святилище[4],
сердцем соединился он с источником справедливости.

Когда сердце и источник справедливости соединились,
от его благодати забурлили волнами оба мира.

Когда он навсегда закрыл дверь угнетения,
своей справедливостью он открыл сто дверей ʻАджаму![5]

485 Им первым делом укрепились арабы,
[потом и] весь народ ʻАджама благодаря ему обрел веру[6].

Тот, кто не принимает этого основания,
стал врагом и ʻАджама, и арабов.

Когда железо от его твердости стало воском,
открыл [он] румийский замóк Рума[7].

Две рубашки были ему не нужны:
когда принял ислам, он оставил себе лишь одну.

Живя по вере, он довольствовался одной рубашкой,
когда он снял эту рубашку, ее сменил саван[8].

490 Столько наложил он заплат из лоскутов,
что его рубище весило семнадцать манов[9].

Этими его семнадцатью лоскутами
порваны в клочья восемнадцать тысяч [миров].

Если восемнадцать тысяч миров стоя́т для тебя на страже[10],
почему же он носил дерюгу с семнадцатью заплатами?!

Поскольку достоянием его была единственная рубаха,
усладой его, несомненно, была лишь вера.

Накир и Мункар из-за его мужества и силы
не смеют приблизиться к его могиле[11].

495 Если мухтасибом — благородный Фарук-Различитель,
ничто порицаемое не появляется в окрестности.

Если он мухтасиб в делах похвальных,
он также и тот, кто препятствует порицаемому[12].

Пророк назвал его своим оком![13] О, честь великая!
Он назвал его и райским светильником![14]
О, великое звание!

Такой светильник озарил Восток и Запад,
у которого масло не восточное и не западное[15].

Он — глаз и светильник[16], [таково веление]
из [Божественного] Дворца;
как ты пройдешь путь без глаза и светильника?

500 Если нет у тебя глаза и светильника,
ты не сможешь отличить банной топки от сада[17].

Тебе постоянно нужен глаз
и всегда нужен тебе светильник —

Ведь, если не будет в пути глаза и светильника,
ты не отличишь яму от дороги, дорогу — от ямы.

Если ты без этих двух отправишься в путь,
в слепоте ты в конце концов упадешь в яму.

Поскольку он от Мустафы обрел [прозвище] Глаз,
его язык обрел речь Могущественного
[повелителя] Вселенной[18].

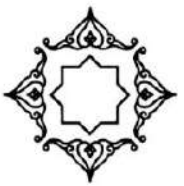
505 Если ты не из слепых, будь разумен,
такому глазу и языку будь послушен.

Тот, у кого в разуме нет этого света,
будь он хоть в раю — не будет у него светильника.

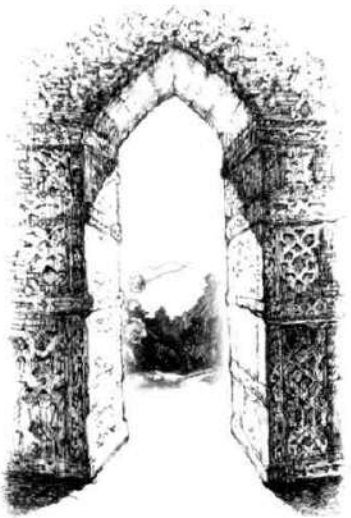
Светильник небосвода — сияющее солнце,
светильник рая — великий Фарук.

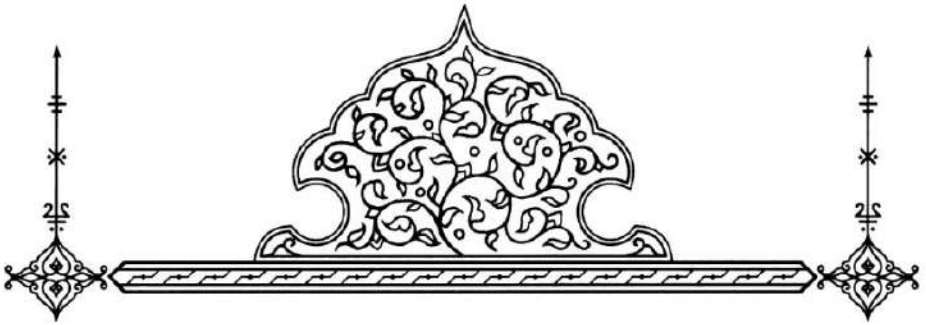
От звука завтрашней трубы навсегда
угаснет светильник небосвода[19],

Но этот светильник, озаряющий рай,
будет всё светлей с каждой ночью
и с каждым днем!



ВОСХВАЛЕНИЕ ПОВЕЛИТЕЛЯ ПРАВОВЕРНЫХ ‘УСМАНА





Основание веры, которое есть скромность,
заложил повелитель правоверных ‘Усман.

511 Небосвод — это пар, поднимающийся
из моря его знания,
Земля — это прах из горы его кротости.

Мир познания, душа[, явленная] в образе,
две сердцевины двух светов Пророка[1].

Что́ я говорю! У него были сердцевины трех светов:
от этих двух и от Корана! О, славное дело!

Кто его среди этих трех светов
ясно не видит — тот его слепой враг.

515 Ведь если у солнца есть золото сияния,
то это лишь благодаря Обладателю двух светов.

Ни у кого другого не было такой полноты —
двух драгоценных чад Пророка.

Поскольку Коран был ниспослан в страдании,
то доказательством того, что некто — из людей Корана,

[Служит то,] что он в страдании покидает этот мир.
Так было и с этим Солнцем двух светов[2].

Тот, кто обрел от Бога такую милость,
обрел два глаза и светильник Мустафы, —

520 Если он Обладатель двух светов и принадлежит
к семейству [Пророка],
как можно сомневаться в его праведности?

Если кто-то обладает двумя небесными светами,
то Солнце и Луна готовы служить ему.

Если ты дышишь к нему злобой,
ты забрасываешь глиной Солнце и Луну.

Тому, кто сломал его посох о колено,
навсегда поразила колено проказа.

Его посох стал столь значительным —
он, словно посох Мусы, стал врагом его недругов.

525 Если и найдется у него в целом мире недруг —
он по сути своей будет вторым Фирʻауном[3].

Так сказал он: «Поскольку моя рука в клятве
соединилась с рукой Пророка Божия,

Из почтения к его руке с тех пор
[моей] руке не было пути ни к чему нечистому».

Кто имел такое почтение к руке Пророка —
от души склонился под руку того всякий,
имеющий веру.

Его сердце было огромным морем знания,
его тело было крепкой горой кротости.

530 Поистине, в его сердце был собран весь Коран,
все тайны Вселенной были в его владении.

От собирания постоянно была у него собранность[4],
от Различителя[5] — различение [добра и зла]
среди простых и избранных.

Если он в Коране — имам простых и избранных,
может ли он быть несовершенным
в управлении близкими?![6]

Всю свою жизнь он не ел и не спал,
не прочитав ночью всего Корана наизусть.

В том мятеже[, поднятом против него,] его рабы сразу
схватились за оружие, чтобы сражаться [за него].

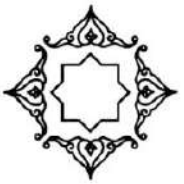
535 Сказал им: «Каждый раб, который сегодня
бросит оружие, — свободен и счастлив»[7].

Поскольку Коран всегда был его свидетелем,
его постоянным занятием было собирание собрания.

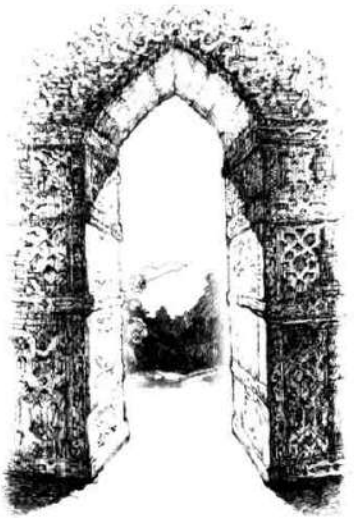
И вот он стал мучеником-свидетелем за Коран,
и вот Коран стал чашей для его крови[8].

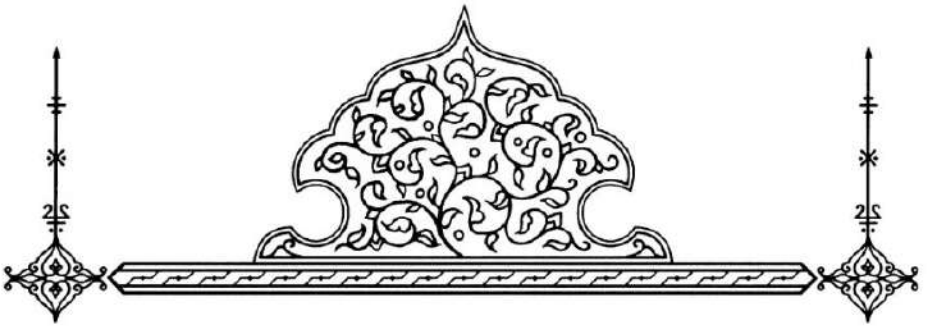
Поскольку Коран был его [единственным]
возлюбленным во всём мире,
исчез в Коране этот светоч влюбленных.

Хотя и был свечою рая Фарук,
словно свеча, он отдал голову
на пути к Возлюбленному![9]



ВОСХВАЛЕНИЕ ПОВЕЛИТЕЛЯ ПРАВОВЕРНЫХ ‘АЛИ





Если есть имам где-нибудь между Востоком и Западом,
то это — эмир правоверных Хайдар[1].

541 Завоеван этот мир ударом его копья,
донеслась из того мира хвала его трем хлебам[2].

Поскольку в тайне даяния у него была искренность,
трем хлебам посвящено семнадцать айатов[3].

Три его круглых хлебца — словно два круга луны и солнца,
два мира он навечно усадил за трапезу.

Если на тебя будут дождем непрестанно сыпаться стрелы,
для спасения довольно [слов]: *«Любовь к ʻАли — щит»*[4].

545 Пророк сказал [ему]: «О свет очей!
Мы оба созданы из одного света».

Поскольку ʻАли и Пророк — из одного света,
они — одно, каждый из двух далек от двойственности.

Такой он стал дверью в граде знания,
что поистине он стал привратником рая[5].

Настолько совершенным он был в бедности и нищете,
что золоту и серебру трижды сказал он «развод»[6].

Хоть серебро и золото очень почитаемы,
но для общины [ʻАли] они были как [золотой] телец[7].

550 Да разве осмелится когда-нибудь телец
сразиться с таким львом, как ʻАли?!

Рассказывают, что у него были такие доспехи,
что и спереди, и со спины в них был просвет[8].

Оттого спина его была открыта, как лицо,
что доспехами ему была защита Пророка.

Так сказал он: «Пусть меня убивают,
никто не увидит в сражении моей спины».

Если ты станешь прахом [под его ногами] —
это *хорошая награда*[9],
ибо он и «отец прекрасного»[10], и «отец пыли»[11].

555 Так сказал он: «Если бы мне поставили минбар,
по велению Истинного дали бы мне судейство,

Я выносил бы суждения для людей мира
согласно четырем Книгам»[12].

Всё, что он говорил, он черпал
из моря несомненности.
Однажды он раскрыл уста и сказал так:

[Слова] «*Если бы снял покров*!»[13] протянули мне руку,
[иначе] как бы я поклонялся Богу, не видя Его?

Слава глазам, слава знанию, слава делу!
Слава солнцу [Божественного] закона
и морю бурному!

560 Дыхание Льва Божия дошло до Чина,
его знание дало пупку лани мускусный аромат.

Потому-то говорят: «Стань мужем веры
и справедливости,
из Йасриба иди искать знания в Чине»[14].

[Даже] у того Льва, который есть пуп дома Солнца,
от той лани дыхание стало подобно чистому мускусу[15].

Ошибся я! Не от той лани хатанской [этот мускус][16],
но от того, что у него то же имя, что у Льва Господня.

Если бы его знание приняло образ моря,
то одной лишь каплей было бы в нем зеленое море[17].

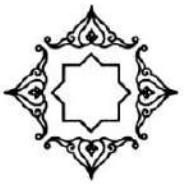
565 Поскольку он не хотел быть в долгу,
из усердия стал он наемником у иудея.

Кто-то сказал ему: «Зачем ты это сделал?» Он возмутился
и дал ответ — словно меч извлек:

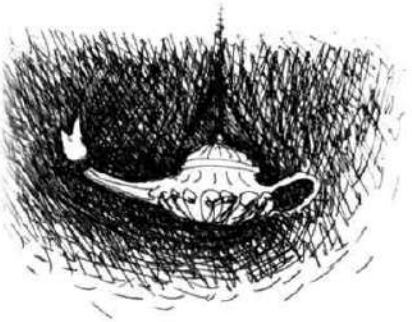
«Лучше для меня было бы таскать камни с вершины горы,
чем быть в долгу у человека!

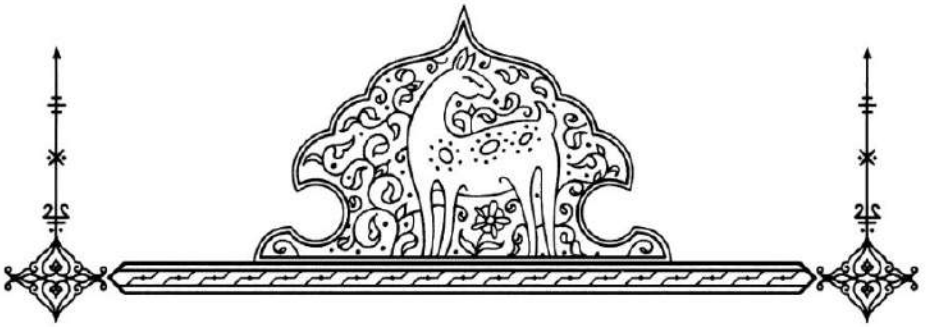
Мне говорят: "Стыдно трудиться ради пропитания",
но я говорю: "Стыдно пасть так низко,
чтобы побираться"»[18].

Всегда четыре столпа веры крепки
трудами двух тестей и двух зятьев [Пророка][19].



ВОЗЗВАНИЕ К ДУШЕ





О Душа, излей свой мускусный аромат![1]
Ведь ты — распорядитель в доме наместничества![2]

571 «Дух [нисходит] по повелению Господа»[3] —
это слова о тебе,
трон духовного царства принадлежит тебе.

Оба мира, вместе взятые, — одна горсть праха,
святой простор — [вот твой] чистый стольный град[4].

Вся Вселенная связана с тобой,
земля и небо соединены с тобой.

Ты и соединена [с нами], и отсечена от нас[5],
тебя не узришь, но ты — в самом зрении.

575 Рай и ад и День воскрешения,
всё это — обозначение[6] твоего имени.

Ты таинственно даруешь ангелам познание[7],
ты придаешь творениям сотни видов атрибутов.

Ты — словно сотня солнц. Если воссияешь,
каждая пылинка создаст сотню солнц.

Поскольку свет твоего солнца всегда в возрастании,
единая частица его — Престол *Владыки славного*[8].

Ты — всегда доверенный друг Сущего.
К чему я говорю? Ведь ты всегда знаема![9]

580 Ты — удивительная птица... Не ведаю, какова ты,
ведь ты — вне нашего утверждения и отрицания[10].

Если ты не на небе и не на земле,
где же ты?! Ты — близ *Господа миров*[11].

Всё, что ни есть, — это ты, и ничто — тоже ты.
Что́ я скажу? И прямое, и кривое — это тоже ты!

Вознеси из сердца чистое мускусное дыхание,
дыхание, от коего 'Арш стал благородной кадильницей!

Ты — царь и халиф навечно,
у тебя шесть сыновей, и каждый — уникален.

585 Каждый твой сын — велик и славен[12],
ибо в своем искусстве каждый — уникален.

Один — *Нафс*, и место его в чувствилище[13],
один — *Шайтан*, и мысли его — в воображаемом[14].

Один — *Разум*, говорящий об умопостигаемом,
один — *Знание*, что ищет сведений[15].

Один — *Нищета*[16], желает небытия [всех вещей][17],
один — *Таухид*, желает единой сущности[18].

Если эти шесть обретут путь согласно [высшему] велению,
они обретут Вечное Присутствие [перед Богом].

590 Поскольку ты навечно — халиф,
от твоей милости весь мир полон милостивости.

Надень черные [одежды] наместничества, подобно Адаму[19],
пустись в странствие в себе самой, подобно Вселенной[20].

Направь свои стопы, как Хизр, на путь [истинных] мужей,
чтобы и пылинки [с твоего пути] не нашел вращающийся свод[21].

Твое место, о вождь, — ковчег Нуха,
твое время — «*Клянусь утром*»[22] и «*Ночь могущества*»[23].

Подобно Сулайману, воссядь на престол
и надень перстень на палец[24].

595 Заблистай красотою Йусуфовой[25],
весь обратись в зрение, подобно Ибрахиму;[26]

Словно пророк Давуд, играй эту мелодию;[27]
словно 'Иса, дыши любовью к ближним;[28]

Ты — спутник Мусы, сына 'Имрана[29],
пей же воду жизни из чаши души[30].

Раскрой свои крыла в сени Симурга[31],
сядь рядом с Идрисом, творя эликсир[32].

Когда ты проявишь без счета усердие и старание,
ты обретешь помощь от души Мустафы.

600 Когда ты достигнешь совершенства в вере,
говорить слово для тебя станет дозволенным.

Не смотри на слово глазами уничижения,
ибо зависят оба мира от слова «*Будь!*»[33].

Основание обоих миров не что иное, как слово,
ибо от «*Будь!*» стало бытие, из «*Не будь!*» — небытие.

От Высокой Истины было ниспослано Слово,
которое стало славой Посланников Божиих.

Если Муса стал собеседником [Божиим][34],
то сделало его собеседником слово Создателя.

605 И если бы 'Иса не был Словом Истинного[35],
как мог бы Он быть преславным чистым Духом?!

Также и Мухаммад, который был целью [слова] «*Будь!*»,
в ночь ми'раджа был владыкой благодаря слову[36].

Слово — «наличность» обоих миров,
оно — и брак, и развод, и продажа[37].

Во время смотра *поколений влюбленных*
слово было основой договора и соглашения[38].

Видимое или слышимое,
вкушаемое или запрещенное[39],

610 Осязаемое или обоняемое,
понятое или воображенное,

Мысль или образ[40],
возможное или невозможное —

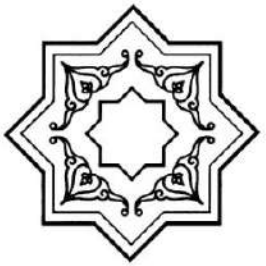
Всё это будет ограниченным,
если не высказано в слове!
Всеобъемлющей благодаря слову стала
Хранимая скрижаль[41].

Будь то существующее или несуществующее —
в пальцах слова оно словно воск.

Через него каждую мелочь средствами
[поэтического] вкуса и намека
сотней различных способов можно выразить.

615 От этого доказательства разуму становится очевидно,
что в нем — полнота слова[, обозначающего] вещи[42].

Слово — основа всего, так говори же,
ищи слово, спрашивай слово, говори слово!..[43]



НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Скиталец, что исходил весь мир, утративши друга[1],
смятенный сердцем и растерянный,

Поведал со слов того, кому было это ведомо,
что было некогда у одного халифа шесть сыновей.

Все шестеро были устремлениями[2] высоки,
все победили заносчивость и гордыню[3].

620 Во всех знаниях, что есть на свете,
не было им равных в обоих мирах.

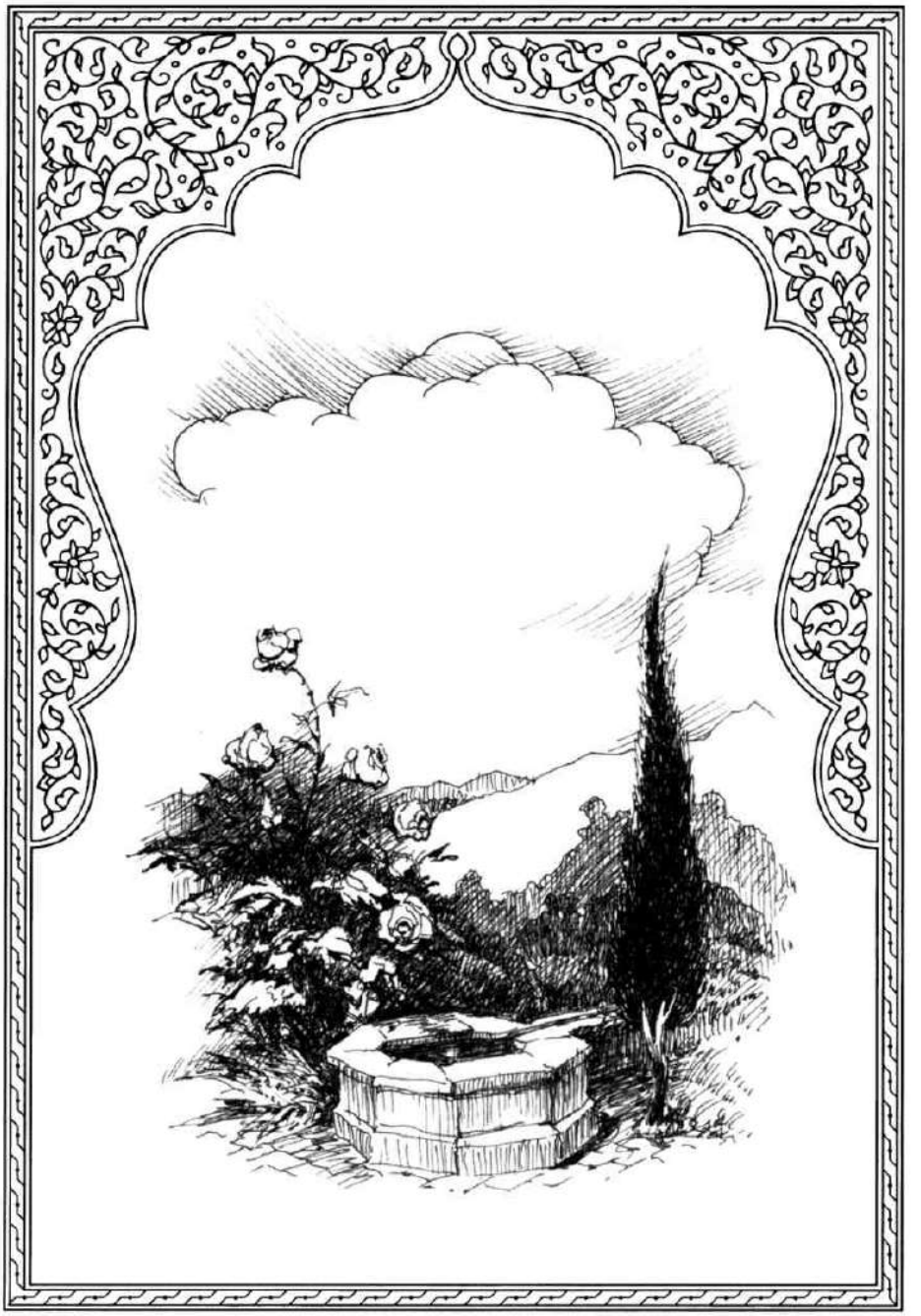
Каждый из них постиг все знания на свете,
любому из них равного в обоих мирах не сыскать.

Однажды отец собрал их всех вместе:
мол, все вы сведущи в любых науках мира,

Все вы — наследники халифа и цари;[4]
что же вам желаннее всего на свете?

Сотня желаний у вас или одно —
расскажите мне обо всех не медля!

625 Когда узнаю желания каждого из вас,
устрою каждому, как для него надобно.



ПЕРВЫЙ СЫН

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

[О желании первого сына]

Вот первый сын повел речь
о своем сокровенном:
«Рассказывают великие мужи[1],

Что у царя народа пери[2] есть дочь-девица,
никого нельзя назвать подобной ей.

По красоте и разуму она — души услада,
она — украшение неба и земли.

Если обрету я мою желанную,
довольно будет мне до скончания века.

630 Тому, у кого есть подобная красавица,
искать ли еще где-то совершенства?!

Тому, кто приближен к солнцу,
до близости ль к пылинке, что в солнечном луче?!

Вот что мне надо, а если это не сбудется,
религией моей станет лишь безумие»[3].

Ответ отца

Отец сказал: «О, ты — раб желаний плоти,
от плотских желаний ты совсем опьянел![1]

Если сердце мужчины в плену у женского лона,
то растрачивается вся наличность его бытия.

635 А кто подлинно становится мужем,
тот полностью избавляется от плотских желаний,

Подобно той жене, что отстранила желания
и стала главою мужей в чертоге Бога[2].

Рассказ о праведной жене

Была одна женщина, прекрасная собой;
ее лицо и кудри были подобием дня и ночи.

Хороша она была и пригожа,
дружна с благоразумием и воздержаньем.

Повсюду славилась она — так была хороша,
так была мила и приветлива.

640 На каждом волоске в локоне этого кумира
было по пятьдесят завитков, да и больше, чем по шестьдесят[1].

Глаза и брови ее были[, словно буквы] «сад» и «нун»,
то был текст неоспоримый. Да нет! Меч разящий![2]

Когда раскрывала свои сердолики, рассыпающие перлы,
водою Хизра убивала гордецов.

Ее смеющиеся уста ты назвал бы раковиной,
а зубы — марваридами в ней.

Словно марвариды, за ее смеющимися рубинами
жемчужное сияние являли перлы ее зубов[3].

645 Ее подбородок был словно серебряное яблоко,
от того яблока был людям убыток[4].

Небосвод, [взирая] на черты ее лица,
кружился в смятении, подобно влюбленным в нее[5].

Красноречивые, что рассыпают перлы слов,
зовут ее именем «Благословенная»[6].

Она была женой, которую вращающийся свод
причислил к сонму славных героев...

Но вот ее муж внезапно
отправился в путь — совершить хадж[7].

650 У этого человека был младший брат,
а был он человеком неблагородным[8].

Муж оставил распоряжение о своей супруге,
чтобы брат заботился о ее достоянии.

Сказал это и отправился в хадж.
Брат обещал ему всё, о чем он просил,

И усердно исполнял всё, что он велел,
всячески заботился о его жене.

Днем и ночью он ей служил,
что ни час, что-нибудь ей присылал.

655 Однажды он пришел к этой женщине
и увидел из-за завесы[9] лицо этой пленительной.

Сердце его взволновалось, потеряло покой,
да нет, что я говорю! — кровью изошло.

Так запутался он в силках этой прелестной,
словно в один миг утратил сто жизней.

И так и этак пытался себя урезонить,
но любовь разгоралась всё сильней.

Он думал только об этой женщине
и уже никак не мог совладать с собой.

660 Когда же страсть одолела его и разум умчался,
он сразу открылся этой женщине.

Завлекал ее и золотом, и мольбами,
но она с позором прогнала его с порога.

Она сказала: «Не стыдишься ты Бога!
Так-то почитаешь ты своего брата!

Вот они, твои вера и правда!
Вот как ты хранишь доверенное братом!

Иди, покайся, обратись к Богу,
оставь эти дурные мысли!»

665 Тот человек сказал ей: «Зря стараешься!
Ты должна немедленно меня осчастливить!

А если нет — то и мне нет горя о тебе,
осрамлю тебя, не посчитаюсь с тобой.

Прямо сейчас устрою твою погибель,
ужасную беду на тебя навлеку».

Женщина сказала: «Гибель от тебя мне не страшна.
Лучше мне погибнуть в этом мире, чем в том».

Тогда тот беспутный испугался,
что она расскажет обо всём брату.

670 Пошел злодей и, чтобы себя обезопасить,
поспешил нанять за золото четверых —

Чтобы те злодеи засвидетельствовали,
что женщина совершала прелюбодеяние.

Судье рассказали об этом деле,
и он приказал тут же побить ее камнями[10].

Вывели ее в поле при большой дороге
и с четырех сторон забросали камнями.

Набросали на нее камней без счета
и решили, что душа ее покинула.

675 Для назидания народа
ее так и оставили там.

Осталась бедная женщина лежать на земле,
в прахе и в крови осталась она лежать...

Прошла ночь, и занялся день,
к утру женщина немного пришла в себя.

Несчастная горько плакала и стонала,
с ее нарциссов на шафран стекала роса[11].

А тем утром один араб на своем верблюде
возвращался по этой дороге домой.

680 Он услыхал ее стоны и ужаснулся,
спустился с верблюда и подошел к ней.

Спросил у нее: «О женщина, кто ты?
Ты похожа на живого мертвеца!»

Она отвечала: «Я больна и несчастна».
Араб сказал: «Я о тебе позабочусь».

Поднял ее на верблюда и поспешно поехал,
привез ее к себе домой.

Много он заботился о ней днем и ночью,
пока не оправилась эта озаряющая сердца.

685 Снова засияла ее красота,
снова ожило ее очарование.

Снова обновился гранатовый цветок ее лица,
снова завился кольцами зуннар[12] ее кудрей.

Из-под каменной груды она явилась,
словно рубин из серого камня[13].

Араб, увидев такую ее красоту,
готов был всю свою кровь отдать по единому ее слову.

Из-за любви к ее лицу потерял голову,
так страдал, что рубашка на его теле стала саваном.

690 Сказал он ей: «Стань моей законной женой!
Я умер — воскреси меня единением с тобой!»

Женщина сказала: «У меня уже есть муж,
как же можно тут быть другому мужу?!»

Когда эта любовь перешла предел,
он тайно позвал к себе эту женщину.

Женщина сказала ему: «О, забыл ты о вере,
не боишься ты прогневать Справедливого!

Ты заботился обо мне ради Истинного,
а теперь выполняешь приказы дивов.

695 Когда что-то доброе сделал — не порть этого,
не причиняй изъяна Ка'бе веры![14]

Ведь за то, что я на такое не соглашалась,
сколько видела я горя, да и камнями меня побили.

Теперь и ты зовешь меня к тому же,
но не знаешь ты, как чиста моя вера!

Разорви меня хоть на сто кусков —
не найдешь в моем чистом теле порока.

Уйди и ради своей похоти
не обрекай душу на вечные муки!»

700 Видя праведность той чистой жены,
принял ее этот араб в сестры.

Раскаялся он в своих дурных замыслах,
понял он — от дива было это дело...

А у того араба был черный раб.
Вот он вернулся из какой-то отлучки,

Увидел лицо этой женщины — и отдал ей сердце.
Взволновались в нем сердце и душа,
тело изнемогло.

Сердце его возжелало соединения с нею,
но не исполнялось это его желание.

705 Он сказал ей: «Я — ночь, а ты — как луна.
Почему же ты не хочешь быть со мной?»

Она сказала: «Никогда этому не бывать!
Твой хозяин долго этого желал от меня.

Если не добился меня он, с лицом как луна,
где уж тебе, такому чернолицему!»

Раб сказал ей: «Морочишь меня?
Не избавишься от меня, пока не утешишь!

А не то — такое тебе устрою,
что тебя выгонят из этого дома».

710 Женщина сказала: «Делай что хочешь,
чего мне бояться!
Не испугаюсь, если мне судьба погибнуть».

Раб на нее очень разозлился.
Как он ее прежде любил! —
А теперь вот каким стал!

Однажды ночью он поднялся в злобе;
а у жены хозяина был прекрасный младенец.

Он убил этого ребенка в колыбели,
а потом взял окровавленный нож[15]

И спрятал под подушкой той женщины:
мол, кровь его пролила та злобная.

715 Утром, когда мать несчастного убитого
поднялась, чтобы покормить его молоком,

Увидела своего ребенка с отрезанной головой,
испустила крик из горестного сердца.

Подняла крики и вопли на весь мир,
отрезала косы и обмотала вокруг пояса[16].

Стали искать, кто это сделал,
кто того бедняжку умертвил.

И вот из-под изголовья женщины на свет
извлекли окровавленный нож.

720 Все сказали: «Это сделала она,
подлая безжалостно убила его».

Мать ребенка и раб эту молодую женщину
так избивали, что и сказать нельзя.

Пришел араб и сказал: «О женщина, как же это?!
Что́ я тебе сделал плохого,

Что ты убила мое дитя, подобное луне?
Не побоялась ты пролить кровь невинную!»

Женщина сказала: «Кто во всём мире мог сказать такое?
О брат мой, Бог для того дал тебе разум,

725 Чтобы ты использовал разум и рассудок,
из разума извлекал бы пользу.

Взгляни глазами разума, о чистый! —
Ты столько добра мне сделал,

Принял меня как сестру ради Бога,
столько милостей ты мне оказал!

Неужто я так тебе за это отплачу? Подумай:
от этого убийства много ли мне будет чести?»

Араб, разумный в делах мира,
согласился со словами этой женщины.

730 Стало ему ясно, что она невиновна,
но нет ей пути там оставаться.

Сказал он: «Раз такое дело случилось,
тебе на сердце ляжет сотня тяжестей.

Раз моя жена тебя в этом винит,
ты всегда будешь ей напоминать о ребенке.

Всякий час печаль о нем будет обновляться,
и горесть ее станет безграничной.

Она будет жестока с тобой, не пожалеет тебя,
пусть я и буду к тебе добр — да она-то не будет.

735 Лучше ты уйди отсюда по доброй воле».
Дал он ей потихоньку триста дирхамов:[17]

Мол, возьми это с собой на дорогу...
Женщина взяла дирхамы и ушла.

Шла эта горестная по дороге,
но вот показалась вдалеке деревня.

У дороги она увидела возведенную виселицу,
вокруг нее со всех сторон толпились люди.

Некоего юношу, чье сердце в крови,
сжигающей печень[18],
собирались в тот день вздернуть на эту виселицу.

740 Женщина спросила у одного из мужчин: «Кто это?
Расскажи мне, в чем он провинился?»

Ей ответили: «Это — деревня эмира,
не имеющего себе равных в жестокости.

В этой деревне такой обычай, о проницательная,
что каждого, кто не может заплатить налог,

Этот угнетатель вздергивает на виселицу
вниз головой;
теперь вот хочет повесить этого юношу».

Женщина сказала: «А велик ли налог,
который он должен сейчас заплатить?»

745 Ей ответили: «Это известно: ежегодно
он должен платить по три сотни дирхамов».

Сказала она в своем сердце, будучи милосердной:
«Выкупи теперь же его жизнь!

Ты спаслась от камней и от казни,
спаси же от виселицы и его».

Сказала им: «Если я дам эти деньги,
продадут ли его мне?» Сказали ей: «Теперь же».

Сразу отдала она им триста дирхамов,
и тот юноша тут же избавился от горя.

750 Отдала дирхамы женщина и сразу ушла,
а юноша как стрела помчался за ней.

Лишь увидел он ее лицо, от страсти душа его
подошла к устам[19], к небу понеслись его жалобы.

Он совсем ошалел и, собой не владея, закричал:
«Зачем только она избавила меня от виселицы?!

Отдал бы я разом душу на виселице
и не мучился бы вовек любовью к той луне!»

Многое он говорил этой женщине — но что толку?
Ведь она не была огнем, откуда же быть дыму?

755 Много он ее уговаривал и умолял,
но ничего не получил, кроме стыда.

Женщина сказала ему: «Так-то ты поступаешь со мной!
Я вот что сделала для тебя — и это ли мне награда?!»

Юноша сказал ей: «Ты забрала мое сердце и душу,
как же я теперь от тебя оторвусь хоть на миг?»

Она сказала ему: «Пусть и не оторвешься от меня —
нисколько не надейся соединиться со мной».

Долго они так шли, разговаривая,
пока вместе не пришли к морю.

760 А там у берега стоял на якоре корабль,
на нем — много товаров и много купцов.

Отчаявшись заполучить эту женщину,
юноша подозвал одного из купцов:

«Есть у меня рабыня, подобная луне,
нет за ней вины, кроме строптивости.

Никогда я не видел таких непослушных —
сколько мне еще терпеть ее вздорность!

Пусть нет ей равных по красоте,
ее дурной нрав не по мне.

765 Долго я с ней бился — сколько еще стараться!
Теперь, если хочешь, продам ее тебе».

Женщина сказала купцу: «Берегись!
Не вздумай купить меня у него!

Ведь у меня есть муж, и я не рабыня,
я взываю о спасении от него!»

Купец не стал ничего слушать
и купил ее за сотню динаров[20].

Насильно затолкали ее на корабль,
и тут же корабль отчалил от берега.

770 Когда купец увидел ее стан и облик,
сотней душ отдался он страсти к ней.

В том море сердце его взволновалось,
морское чудище[21] похоти набрало силу.

Он приблизился к ней, но она закричала:
«На помощь, люди, на помощь!

Вы мусульмане, и я мусульманка,
вы верующие, и я верующая!

Я — из свободных, и муж мой жив,
Бог мне истинный свидетель в том.

775 У вас тоже есть матери и сестры,
есть у вас дочери в дому, за завесой.

Задумай кто против них такое зло,
конечно, вы бы возмутились.

Вы ведь не хотите такого для них,
почему ж вы согласны, чтобы меня мучили?!

Я на чужбине, я — женщина,
обездоленная и несчастная,
слабая, беспомощная, горестная и беззащитная.

Не мучайте больше эту истерзанную —
ведь после этого дня наступит Завтрашний!»[22]

780 Благие речи и благое сердце той жены
зажгли все сердца состраданием к ней.

Все корабельщики заступились за нее,
стали охранять ее и оберегать.

Но каждый, увидевший ее лицо,
сотней сердец влюблялся в ее лицо.

И наконец все люди на том корабле
запылали к ней страстью до безумия.

Долго говорили о ней между собой,
долго скрывали от нее свою страсть.

785 Но каждое сердце желало ее,
и наконец они сговорились

Внезапно схватить эту женщину,
насильно исполнить свое желание.

Когда она поняла,
что́ творится с этими гнусными,
кровь ее печени наполнила море[23].

Она раскрыла уста: «О Знающий тайное!
Охрани меня от зла этих гнусных!

Нет у меня в обоих мирах никого, кроме Тебя, —
изгони же из их голов это вожделение!

790 Если сейчас ниспошлешь мне смерть — сделай это:
лучше смерть, чем такая жизнь!

Пошли мне сейчас или избавление, или смерть,
не могу я больше терпеть эти муки!

Доколе заставлять меня обливаться кровью?
Никого не найти несчастнее меня!»

Сказала эти слова жалобы и лишилась чувств.
Воды моря из-за этой женщины взволновались,

Вышел из воды огонь пожирающий,
от того огня запылало море.

795 В один миг все люди, что были на корабле,
низверглись в огонь вниз головой,

И тут же все они превратились в пепел,
а всё их добро осталось нетронутым.

Ветер подул в сторону берега
и пригнал корабль к какому-то городу.

Женщина стряхнула пепел за борт
и переоделась в мужскую одежду:

Чтобы избавиться от любовных притязаний,
решила она ходить в облике горделивого мужа.

800 Сошлось туда много народу из города
и увидели знатного юношу, подобного луне,

Что приплыл на корабле в одиночестве,
посреди груды упакованных товаров.

Спросили они у этого солнцеликого создания:
«Ты что, один прибыл со всем этим добром?»

Она сказала им: «Пока не придет царь,
не расскажу никому свою историю».

Известили о нем царя: «Сегодня
прибыл сюда отрок, воистину прекрасный.

805 В одиночку целый корабль, полный товаров,
привел он — и ничего не говорит.

Он хочет видеть тебя, чтобы всё объяснить,
рассказать историю корабля и тех товаров».

Удивился царь и отправился в путь,
пришел к той прекрасной луне.

Стал расспрашивать ее мудрый царь,
и сказала она: «Нас было много.

Мы отплыли на этом корабле и долгий путь
проделали, не останавливаясь ни днем, ни ночью.

810 Когда бездельники с того корабля меня увидели,
они все похотливо возжелали моей любви.

Я взмолился к Истинному, чтобы Истинный
послал мне защиту от этих злонамеренных.

Сошел огонь и всех спалил,
освободил меня и озарил мою душу.

Посмотри: только один я остался здесь,
людей здесь нет, везде черный уголь.

Это диво стало мне вразумлением,
не нужны мне блага мира сего!

815 Возьми всё, товаров здесь без числа,
а к тебе у меня только одна просьба:

Построй мне здесь на берегу моря
для поклонения Богу обитель, радующую сердце,

И скажи, чтобы никто, ни скверный, ни чистый,
ни за каким делом ко мне не являлся.

Ибо, если привело меня в эти края,
стану я ночь и день поклоняться Богу».

Когда царь и войско услышали эти речи,
увидали эти чудеса и духовную высоту[24],

820 Они все настолько в нее уверовали,
что ни на волосок от ее повеления
не уклонились.

Построили ей такую обитель,
что ты назвал бы ее Домом Ка'бы.

Пошла она туда и предалась служению,
жила, довольствуясь тем, что у нее было[25].

Когда же царь попал в силки смерти,
он призвал везиров и военачальников.

Сказал им: «Кажется мне благим делом,
чтобы, когда я отвращу лицо от мира сего,

825 Этот молодой аскет[26] для вас
стал бы вместо меня владыкой и царем.

Чтобы благодаря ему подданные жили в мире,
исполните, о люди, мою предсмертную волю».

Сказал это, и вознеслась его чистая душа,
а тело его сокрыла земля.

Все везиры тут же собрались вместе,
собрались и подданные, и вельможи.

Пришли к той женщине и открыли ей всё,
передали ей последнюю волю царя.

830 Сказали ей: «Всё, что тебе угодно,
приказывай, ведь это царство — твое».

Не согласилась, конечно, женщина на это:
мол, разве аскет может стать владыкой?

«Только ты и можешь, о аскет, ты избран!
Согласись на царство, довольно отговорок».

Она сказала им: «Раз ничего не поделаешь,
то нужна мне подруга, подобная луне,

Чтобы стала она мне законной супругой,
ведь меня уже утомило одиночество».

835 Знатные так сказали ей: «О царь!
У любого из нас посватай дочь!»

Сказала им: «Пришлите сто девиц,
и каждая пусть явится со своей матерью.

А я, когда их всех увижу,
какую захочу из них, ту и выберу».

Знатные со всей охотой в тот же день
прислали ей сто прекрасных девушек.

Каждая пришла со своей матерью,
от смущения все они себя не помнили.

840 Все они ждали: кого же царь
выберет? которая ему желанна?

Эта женщина открылась перед ними [и сказала]:
«Разве подобает женщине царствовать?

Расскажите об этом своим мужьям,
освободите меня от этого тяжкого груза».

Женщины, потрясенные, устремились прочь,
известили обо всём вельмож.

Знатный и простой, кто бы ни слышал об этом,
все приходили в изумление от истории той жены.

845 Они послали к ней одну из женщин [сказать]:
«Ты — наследница престола, ты — из знатных.

Поставь же кого-нибудь над нами царем,
а нет — сама царствуй, как мужчина!»

Выбрала она из всех одного пригодного,
а сама осталась заниматься своим делом.

Собственной рукой поставила она царя,
не сдвинулась с места ради царства.

* * *

...Ты-то, сын мой, ради куска хлеба
Весь мир перевернул бы вверх ногами,

850 А женщина нисколько не возжелала царства.
Покажи мне из мужчин хоть одного такого!..

Разнеслась молва о той женщине по всему свету:
мол, явилась рожденная под счастливой звездой!

Ничья молитва не бывает услышана так, как ее,
этой женщине и среди мужчин нет равных.

От ее дуновения многие расслабленные
начали ходить, и ноги слушались их[27].

Много в мире о ней ходило слухов,
но никто не знал ее подлинной меры.

855 Тем временем муж ее вернулся из хаджа
и не увидел нигде ее лица.

Видит он: хозяйство разорено,
а брат его — слепой и беспомощный,

Не может шевельнуть ни рукой, ни ногой,
расслабленный, он прикован к месту.

День и ночь терзался из-за той жены,
адские муки не отпускали его полу́.

Из-за вины перед братом душа его горела,
и неисцельная боль его жгла.

860 Брат спросил его о своей жене,
и он начал свой рассказ:

«Эта женщина блудила с одним чернокожим[28],
несколько человек — удивительно! —
стали свидетелями.

Когда услышал это от тех людей судья,
порешил он побить ее камнями.

Ее тут же жестоко побили камнями,
да продлится твоя жизнь[29], а ее уж нет...»

Когда услышал эти слова муж разлученный,
горько пожалел и о смерти ее, и о развращенности.

865 Он и плакал, и бил себя в грудь,
ушел в уединенный уголок и там молча горевал.

Но, видя брата в таком жалком положении,
что ни один его член не двигается, кроме языка,

Сказал ему: «О безрукий и безногий!
Я слышал, что сейчас в таком-то месте

Есть женщина прославленная, подобно солнцу,
молитвы которой к Истинному бывают услышаны.

Сколько слепых по ее молитвам стали зрячими!
Сколько хромых и расслабленных стали ходить!

870 Если хочешь, свезу тебя в это место —
может быть, эта женщина и тебе вернет здоровье».

Возрадовалось сердце брата, он сказал: «Поспеши,
я совсем пропал: если хочешь — обрети меня».

У того доброго человека был осёл,
привязал он брата к ослу и пустился в путь.

Волею судьбы по дороге повстречали они
как-то вечером того самого араба.

И тот араб, будучи мужем благородным,
их обоих пригласил к себе ночевать[30].

875 Вот завел он с гостями беседу:
«Куда вы отсюда держите путь?»

Ответ был: «Слышал я, что там-то и там-то
есть женщина-аскет, она творит молитвы

Такие, что многие незрячие и больные
исцелились ее амулетами и молитвами[31].

Этот мой брат тоже тяжело болен,
он ослеп, он не может двигаться.

Везу его к ней — быть может, снова
он сможет ходить и вновь обретет зрение».

880 На это араб сказал ему: «Как-то раз
случилось прийти сюда одной мудрой женщине.

Один мой раб жестоко избил ее,
и за это зло он стал слепым и недвижным.

Повезу-ка я его теперь с вами,
может, и он исцелится по ее молитве».

Вот отправились они, и прошли долгий путь,
и прибыли наконец в деревню,

Где когда-то хотели повесить того юношу.
Выбрали они там себе пристанище.

885 Пристанище было как раз для того каравана,
ибо хозяином дома был тот жестокий юноша.

Юноша был — о диво! — неподвижен,
ни зрение ему, ни руки, ни ноги не служили.

Они сказали: «Мы в том же положении,
ведь и у нас тот же товар и то же горе.

Раз такова наша наличность,
здесь нам и подобает остановиться».

Мать этого юноши тоже была там.
Увидав этих двоих, безруких и безногих,

890 Стала расспрашивать об их беде и болезни,
и они рассказали ей обо всём.

Горько заплакала та мать: «У меня тоже
есть сын, такой же, как эти двое.

Пойду и я с вами», — и сразу поднялась,
а сына крепко привязала к верблюду.

Все вместе они отправились в путь
и на рассвете пришли к той женщине.

С рассветом занялось утро счастья,
вышла женщина-аскет из кельи,

895 Увидела она издали своего мужа,
от радости простерлась в поклоне.

Много плакала она, говоря: «Теперь
как мне разрешить это смущение?

Что́ я сделаю или что скажу своему мужу —
ведь не могу я показать свое лицо?»

Взглянула снова и увидела за ним тех троих,
увидела трех смертельных врагов своей жизни.

Сказала в сердце своем: «Довольно того, что муж
принес с собою свидетельство.

900 О том, что все эти трое виновны,
свидетельствуют их ноги и руки.

Я вижу глаза этих троих — чего мне еще хотеть?
Что́ говорить? Бог мне достаточный свидетель».

Она вышла к ним и взглянула на своего мужа,
но на лицо накинула покрывало.

Сказала она мужу: «Скажи, чего ты хочешь».
Ответил ей тот божий человек:

«Я пришел сюда ради твоей молитвы,
потому что со мной слепец тяжко болящий».

905 Жена ему сказала: «Этот человек — грешник.
Если он признается в своем грехе,

То избавится от своей неподобной болезни,
а нет — останется слепым и больным».

Сказал брату тот ходивший в хадж:
«Ты немощен и бессилен,

Открой же свой грех и получи избавленье,
не то никогда не расстанешься с горем».

Брат сказал: «Страдать и болеть сто лет
для меня лучше, чем открыть это».

910 Долго толковали они, пока наконец со стыдом
от начала до конца не поведал он всего.

«Из-за этого преступления я и стал неподвижным.
Теперь хочешь — убей меня, хочешь — помилуй».

Брат поразмыслил немного
и, хотя ему это далось нелегко,

Сказал в сердце своем: «Раз жены не вернуть,
спасу я теперь брата».

Простил он брата. Она сотворила молитву
и тотчас избавила его от сотни страданий.

915 Снова смог он ходить и владеть руками,
его глаза снова стали видеть.

Затем тот хозяин сказал рабу:
«Сознайся в своем грехе!»

Раб ответил: «Хоть убей меня,
не решусь я открыть свое преступление».

Тогда араб ему сказал: «Скажи правду,
сегодня ты не должен бояться меня!

Я ведь дал тебе прощение навечно —
чего ты боишься, зачем увиливаешь?»

920 Словом, открыл раб свою тайну:
«Я убил твоего ребенка в колыбели.

Та женщина не виновна в его убийстве,
[а] я наказан за свое злое дело».

Увидев его искренность, она сотворила молитву,
и сотворила его видящим и способным ходить.

Принесла своего сына и старуха,
и он тоже рассказал о своем грехе.

Он сказал: «Одна женщина спасла меня,
нежданно выкупила меня от виселицы.

925 Она выкупила мою жизнь, и тогда
я продал ее — вот и весь сказ».

Помолилась о нем та женщина, и юноша тоже
в одно мгновение начал и видеть, и ходить.

После этого она всех выслала,
а мужу сказала, чтобы он остался.

Откинула перед ним покрывало с лица.
Вскричал муж, когда увидел ее,

Лишился чувств, а когда пришел в себя,
его добродетельная жена к нему подошла:

930 Мол, что с тобой, почему ты внезапно
закричал и упал на землю?

Сказал он ей: «У меня была жена,
и мне вдруг почудилось, что ты — это она.

Все твои черты так похожи на ее,
что ни на самую малость не отличаются.

Ты в точности как моя жена — и по речи,
и по виду, и по росту, и по походке.

Если бы она не истлела в земле,
я сказал бы, что ты — это она, о чистая!»

935 Жена сказала ему:
«Услышь радостную весть, о муж:
твоя жена не творила ни греха, ни распутства.

Эта жена — я, прошла я путем веры,
не была я убита камнями и не умерла.

Господь меня избавил от множества бед,
по Своей щедрости привел в этот уголок.

Теперь — каждый миг сто благодарностей Богу,
что Он ниспослал нам это свидание».

Припал тот муж к земле в поклоне,
воскликнул он: «О Владетель чистый!

940 Как выскажет язык мой благодарность Тебе,
ведь пределов ее ни сердце мое не знает,
ни душа!»

Пошел и позвал своих спутников,
рассказал обо всём без утайки.

Тут же крики и стоны
полетели к небу из каждых уст.

Раб, и тот брат, и тот юноша тоже
пристыжены были, но и обрадованы:

Сперва та женщина их пристыдила,
но в конце одарила богатыми дарами.

945 Поставила мужа своего царем,
арабу поручила везирство.

Когда заложила то счастливое основание,
предалась она поклонению Богу.

БЕСЕДА ВТОРАЯ

[Вопрос первого сына]

Сын сказал отцу: «Не будь желаний плоти[1],
не было бы близости между мужем и женой,

Прервался бы род человеческий,
не стало бы во всей Вселенной порядка.

Не будь той премудрости и того устава,
не было бы во всём царстве ладу.

950 Да, тысячу и одного человека надо приставить к делу,
чтобы хоть один кусок хлеба попал тебе в рот!

Премудростью вершители дел на этом пути
правят всем, от Рыбы до Луны[2].

Землю Он сотворил из пены, небо — из дыма[3],
а чему не до́лжно быть — того и не было бы[4].

Если бы не было желаний плоти,
не было бы на свете ни тебя, ни меня.

Ты хочешь изгнать из людей желанья плоти?
Объясни это, посвяти мое сердце в эту тайну!»

Ответ отца

Отец сказал ему: «Смотри, не подумай того,
что я хочу изгнать мечту плотских желаний!

956 Но раз ты из всего мира избрал именно это,
говорил и хотел знать только об этом,

То похоже, что из ста миров тайны
ты не знаешь ни о чем, кроме желаний плоти.

Я ради того веду с тобой эту речь наедине,
чтобы ты вышел за пределы плотской страсти.

Если можно стать сотайнником 'Исы,
кто захочет быть сотоварищем ослу?![1]

960 Для чего быть напарником осла в похоти,
если можно уединиться в близости[2] с 'Исой?!

В конце концов, похоть — не дольше чем на миг,
так не лучше ли вечная близость?!

Если к тебе постоянно взывает вечное —
отвратись от бренного, то есть от похоти!

Близость нисколько не нуждается в плотской страсти,
кто не постиг этой тайны — ущербен!

Но когда плотская страсть достигнет высокой степени,
из нее родится страстная любовь, не имеющая предела.

965 А когда страстная любовь еще более усилится,
из нее явится истинная любовь.

Когда же истинная любовь достигнет предела,
твоя душа исчезнет в Возлюбленном[3].

Откажись от плотской страсти, не ее мы взыскуем,
ведь основа всего — Возлюбленный, Возлюбленный.

Быть жестоко убитым на пути к Нему
намного лучше, чем оставаться в плену похоти.

Рассказ первый

О женщине, влюбленной в царевича

У одного царя был сын: станом — что серебро,
в силки его кудрей попалась даже Луна[1].

970 Всякий, увидев его лицо,
невольно обращал сердце к той луне[2].

Это было такое чудо света,
что весь свет был страстно влюблен в него.

Две его брови, формой подобные луку,
были двумя привратниками у дворца султана-души[3].

Стоило лишь глазам увидеть стрелы его ресниц,
сердце становилось его жертвой,
избирало поклонение ему[4].

Кто видел эти брови, похищающие сердце,
и не сделал сердце жертвой того лука?!

975 Его уста собрали тридцать жемчужин,
скрыли их за двумя лалами чистой воды[5].

Пушок на его лице выносил приговор влюбленным[6]
и был подобен красой арке его бровей.

Его подбородок сшибал с мужей головы,
словно мяч, с силой пущенный на ристалище[7].

Одна женщина обезумела
от любви к тому кумиру,
душа ее стенала, сердце обливалось кровью.

Когда разлука с ним ее одолела,
бедняжка совсем потеряла рассудок.

980 Она насы́пала пепел [и сидела в нем],
была огнем — и в пепле устроила прибежище.

Еженощно она плакала о той луне,
то лила кровавые слезы, то стенала.

Когда бы ни выезжал на прогулку тот красавец,
несчастная женщина выбегала на дорогу,

Устремлялась к его коню, словно мяч,
косы влачились за ней, как два чаугана[8].

Долго смотрела она вслед той луне,
и слезы дождем струились на дорогу.

985 От сотни стражей[9] получала она по удару,
но ни крика не издавала, ни жалобы.

Смотрели на это толпы людей,
они указывали на нее мужам.

Все мужи были в изумлении от нее,
а бедная всё оставалась в смятении.

Когда же это перешло все границы
и вконец отяготило сердце царевича,

Он сказал отцу:
«Сколько мне терпеть эту попрошайку?!
Она срамит меня, избавь меня от этой женщины!»

990 Так повелел тогда высокий царь:
«Приведите на площадь вон того жеребца,

Привяжите ее к ногам жеребца за волосы,
быстро погоните коня на все четыре стороны,

Чтобы эту бесстыжую разорвало в клочки
и мир наконец от нее бы избавился.

Конь, словно яростный слон, затопчет ее на пути,
пешка больше не станет устремляться к шаху»[10].

Пришли на площадь царь и царевич,
там уже стояла огромная толпа.

995 Все лили кровавые слезы от жалости к той женщине,
и от той крови земля стала подобна гранату.

Когда воины уже бросились к ней,
чтобы привязать ее волосы к ногам коня,

Несчастная упала ниц перед царем,
с мольбой она припала к земле:

«Раз уж ты решил так жестоко меня казнить,
выполни, если можно, одну мою просьбу».

Царь сказал ей: «Если ты просишь
даровать тебе жизнь[, знай] —
я намерен лишить тебя жизни.

1000 А если скажешь: не убивай меня,
таща за волосы, [знай] —
я пролью твою кровь не иначе как под ногами скакуна.

А если скажешь: погоди, дай отсрочку[, знай] —
нет уже времени для пощады.

А если хочешь общения с царевичем[, знай] —
ни разу больше его лица ты не увидишь».

Женщина сказала: «Я не прошу жизни
и отсрочки никакой я не прошу,

Не говорю я, о царь добродетельный:
“Не убивай меня под копытами коня!”

1005 У меня, о царь Вселенной, если это возможно,
есть просьба иная, чем эти четыре просьбы,

Мне навечно этого будет довольно».
Царь сказал ей: «Скажи, что это за просьба.

Если ты отказываешься от тех четырех,
любое другое, чего ни попросишь, получишь».

Женщина сказала ему: «Если ты сегодня неизбежно
должен убить меня без жалости под копытами коня,

То вот моя просьба, о господин:
привяжи мои волосы к копытам его коня,

1010 Чтобы он, погнав своего скакуна,
убил меня, растоптал под его копытами.

Ведь если я буду убита этой луной,
то навечно пребуду живой на сем пути.

Да, если я буду убита любимым,
свет моей любви превзойдет свет звезды ‘Аййук[11].

Я женщина, у меня нет такого мужества,
сердце мое в крови. Во мне уже словно и души нет...

А теперь, для той, которая столь предана своему пути,
исполни эту просьбу — такую легкую».

1015 Ее искренность и горение умягчили сердце царя,
да что я говорю! — от его слез земля стала глиной.

Простил он ее, отправил ее во дворец,
обновленную душой отправил к любимому.

* * *

Иди, о муж, если ты нам товарищ,
научись от женщины истинной любви!

А если ты меньше, чем женщины —
что ж, покрой голову.
Ты [ведь] не ниже, чем муханнас![12] —
Выслушай эту историю.

Рассказ второй

О потомке 'Али, а также ученом богослове и муханнасе

Однажды потомок 'Али,
ученый-богослов и муханнас
вместе направлялись в Рум[1]
каждый со своей поклажей.

1020 По дороге их всех внезапно схватили неверные,
с позором притащили их к идолу[2].

Так сказали неверные этим троим:
«Хотите не хотите, а поклонитесь идолу.

А не то прольем кровь всех троих,
отсрочки не дадим, убьем сразу».

Путники сказали тем неверным:
«Дайте нам одну ночь сроку.

Ведь нам нужно хоть одну ночь подумать,
позволительно ли нам кланяться идолу».

1025 Оставили им троим жизнь на эту ночь,
чтобы они хорошенько поразмыслили.

Первым заговорил потомок ʻАли: «Делать нечего,
придется повязать зуннар перед идолом[3].

Ведь у меня есть помощь от моего предка,
он *завтра* за меня заступится»[4].

Заговорил ученый, сказал он: «Я тоже
не решаюсь распроститься с душой и телом.

Если я и склоню голову к земле перед идолом,
то получу прощение за свое знание науки веры»[5].

1030 Муханнас сказал: «А я пропащий,
мне неоткуда ждать помощи, я лишен защиты.

У вас есть заступники, а у меня нет,
значит, негоже мне кланяться идолу.

Ну отрежут мне голову, словно свече[6], — что страшного!
Не стану я поклоняться идолу, ведь это [и есть] погибель!

Я не склоню голову к земле перед идолом,
а если мне голову и отрубят — не страшно».

* * *

Где те двое предпочли выжить,
там муханнас оказался мужчиной.

1035 Удивительное дело, что во время испытания
именно муханнас заслужил хвалу за мужество!

Когда Каруны[7] оказываются на этом пути нагими,
отважные львы прибегают к защите муравьев.

Если ты уступаешь муханнасу в твердости,
то не меньше ли ты муравья на этом пути?!

Рассказ третий

О Сулаймане и муравье

Сулайман во всём своем великолепии
проезжал мимо племени муравьев.

Все муравьи вышли на свой труд,
в одночасье их собралось множество тысяч.

1040 А один муравей спешил больше всех:
у него перед домом был земляной холм,

Муравей, быстро как ветер, эту землю по крупинке
перетаскивал, намереваясь полностью срыть холм.

Сулайман подозвал его и сказал: «О муравей!
Я не вижу у тебя ни силы, ни крепости,

Так что, будь у тебя долголетие Нуха[1]
и терпение Аййуба[2],
дело твое всё равно не сладится.

Эта работа не по твоим силам,
тебе не убрать этот холм с глаз».

1045 Муравей отверз уста и сказал: «О царь!
Высокое устремление поможет одолеть этот путь!

Ты не смотри на мой вид и сложение,
смотри на совершенство моей цели:

Есть одна муравьиха, которая от меня сокрыта,
она завлекла меня в силки страстной любви[3] к себе.

Она сказала мне: "Если ты этот земляной холм
сроешь и расчистишь путь,

То и я с пути каменную глыбу разлуки[4]
устраню и тогда с тобою воссяду".

1050 Вот я и подпоясался для этого дела[5],
таскаю землю — и другого дела не знаю.

Если этот холм исчезнет,
я смогу добиться соединения с ней.

Пусть я расстанусь с жизнью на этом пути,
зато не окажусь бахвалом и лжецом»[6].

* * *

Дорогой мой, научись любви у муравья,
научись зоркости у незрячего!

Хоть на муравье и черная дерюга,
но он — из опоясавшихся для Пути.

1055 Не смотри на муравья с презреньем,
ибо и у него в сердце есть пыл.

Что же такое творится на этом Пути:
лев получает нагоняй от муравья!

Рассказ четвертый

О повелителе правоверных ʻАли и муравье

Однажды шел ʻАли куда-то
жарким полднем
и на дороге наступил на муравья,

Тот забился в корчах.
Его немощь сразила ʻАли,

Испугался 'Али и очень встревожился.
Такой лев[1] — и повержен муравьем!

1060 Немало он плакал и всячески старался,
чтобы этот муравей снова мог двигаться.

А ночью он увидел во сне Мустафу[2].
Тот сказал ему: «О 'Али, в пути не спеши,

Ведь ради одного муравья целых два дня
из-за тебя небеса будут оглашаться сетованиями.

Не знаешь ты разве, каков твой путь,
что обижаешь по дороге муравья?!

Муравья, который обладал знанием смыслов,
чьим единственным делом было поминание Бога!»

1065 'Али задрожал всем телом,
из-за муравья Лев Божий попал в силки.

Пророк сказал: «Радуйся и не приходи в смятение,
тот муравей стал твоим заступником у Истинного:

Мол, Боже, не держу я зла на Хайдара[3],
если и была во мне вражда[4], то теперь ее нет!»

О благородный, знай: это печаль по вере[5]
сделала такого льва таким из-за муравья.

Мужа с доблестью Хайдара, с силою льва,
видел ли кто притороченным к седлу муравья?!

* * *

1070 Блаженна душа, что познала Истинного
и направляла стопы по Его велению.

Если ты в полном невежестве проходишь Путь,
ты — полный нищий, будь ты хоть из царей.

Нужно сначала посмотреть, а потом шагнуть,
ибо нельзя не глядя идти по дороге.

Если ты не глядя под ноги отправишься в Путь,
то не миновать тебе свалиться вниз головой[6].

Если ты идешь вслепую, как идут ослы,
значит, разумом ты не выше других.

1075 Рассчитывай каждый шаг, коли ты муж Пути,
ибо сочтено всё, от Луны до Рыбы[7].

Если ступишь ты хоть шаг без повеления,
ждет тебя великая боль, не знающая лекарства.

Если ты шагнешь [правильно] здесь один раз,
не придется тебе в могиле проходить целый мир![8]

Каждый, кто один раз шагнул здесь,
считай, что там прошел сотни раз.

Пусть здесь ты лишь миг шел вперед —
зато там ты пройдешь сотню миров.

1080 И если сегодня ты сделаешь один шаг в чистоте,
не придется идти сотню фарсангов во прахе[9].

Увы! Не видишь ты великой пользы,
ведь, если б видел, ни на миг не оставлял бы трудов.

За каждый шаг, что ты сделаешь сегодня,
от Господа получишь ты дар, озаряющий сердце.

Такую пользу ты можешь получать каждый миг —
так стоит ли из-за лености ее уменьшать?!

Рассказ пятый

Об Ануширване и старике, сажающем деревья

Гнал Нуширван коня, словно стрелу,
и на пути увидел старика, согнутого, словно лук.

1085 Тот старик сажал деревья.
Царь сказал ему: «У тебя волосы что молоко,

Ты не протянешь и нескольких дней —
зачем же ты сажаешь здесь деревья?»

Старик отвечал царю: «Довольно той причины,
что когда-то другие посадили для нас
столько деревьев,

Что мы и до сего дня ими пользуемся.
А теперь и мы для других посадим.

Нужно совершать каждый шаг,
на который ты способен,
ибо в каждом деле необходим порядок».

1090 Царю понравились речи того старика,
он наполнил ладонь золотом и сказал: «Бери!»

Сказал ему старик: «О победоносный царь!
Мое дерево принесло плоды уже сегодня.

Хоть моя жизнь перевалила за семьдесят,
от этого труда мне, ты видишь, хуже не стало.

Не заставил меня этот саженец ждать десять лет —
уже сегодня принес мне плод золотом».

Этот ответ еще больше понравился царю,
и он подарил старику и землю, и деревню, и воду.

* * *

1095 Тебе нужно сегодня совершать свой труд,
ведь без труда ты плод не получишь.

Нужно шагать по пути веры,
а леность оставить позади.

Если ты муж — бороду, как подобает мужам,
обрати в метлу для отхожего места![1]

Не стыдно ль тебе с такою силой руки́
ставить свою гирю на весы?[2]

Ты меньше пса! Выслушай это слово,
ведь ты себя считаешь бо́льшим, чем пес!

Рассказ шестой

О ходже Джанди и псе

1100 Некто спросил у ходжи Джанди:
«Кто лучше: ты или пес?»[1] —
и людей не побоялся!

Все муриды[2] бросились к нему,
чуть было не разорвали его в клочья.

Но старец решительно воспретил им
и сказал: «Не открыто мне предопределенное[3],

Не ведаю, сынок[4], как обстоят дела,
какими же словами я дам тебе ответ?

Если я уберегу свою веру от дорожного сброда[5],
то смогу сказать, что я лучше пса.

1105 А если не уберегу свою веру от дорожного сброда,
то быть бы мне хоть как волосок собачьей шерсти!»

Поскольку завеса не открыта [для нас][6],
ни на волосок нет у тебя права
свысока смотреть на пса,

Ибо хотя путь его [проходит] в пыли земной,
но у него общее происхождение с тобою[7].

Рассказ седьмой

О Ма'шуке Туси, а также о псе и всаднике

Как-то в полуденный зной Ма'шук Туси
словно в забытьи[1] шел по дороге.

На той дороге подбежал к нему пес,
а он в своем забытьи швырнул в него камень.

1110 Увидел это издали всадник, одетый в зеленое[2],
с лицом светозарным. Настиг его,

Сильно стегнул хлыстом
и сказал: «Эй, невежда![3] Берегись!

Знаешь ли ты, в кого бросаешь камень?!
По происхождению ты с ним одинаков![4]

Не из одного ли ты с ним тела?[5]
Почему же ты смотришь на него свысока?»

* * *

Раз собака сотворена Могуществом [Божиим],
не дозволено тебе надмеваться над собакой.

1115 Собаки сокрыты завесой, о дорогой друг!
Если твоя сердцевина чиста,
разгляди больше той оболочки![6]

Ведь хотя собака обличием неприятна,
по своим свойствам она занимает высокое место.

Множество тайн сокрыто в собаке,
но ее внешность препятствует их обнаружению[7].

Рассказ восьмой

О Бу Са'иде, а также о суфии и псе

Один суфий, идущий по дороге, внезапно
ударил посохом пса[, попавшегося] на пути.

Сильный удар пришелся псу по лапе,
тот громко взвыл и убежал,

1120 Скуля, явился он перед Бу Са'идом,
упал на землю, а сердце кипело от ярости.

Показал ему свою лапу, шейх поднялся
и призвал к ответу того нерадивого[1] суфия.

Шейх сказал суфию: «О лишенный чистоты![2]
Кто поступает так жестоко
с бессловесной [тварью]?![3]

Ты сломал ему лапу, покалечил его,
он теперь беспомощен и так тяжко страдает!»

Суфий отверз уста и сказал: «О старец!
Это не я, это пес совершил оплошность.

1125 Он осквернил мою одежду[4] —
за то и получил палкой, не за шуточное дело!»

Где тут было псу хранить спокойствие?!
Он громко завыл и забил лапами.

Сказал тогда псу несравненный шейх:
«Всем, что только могло бы тебя порадовать,

От всей души я сам возмещу твой ущерб —
прикажи, не оставляй до Дня воскрешения![5]

И если хочешь, чтобы я дал ему отпор,
я ради тебя накажу его уже здесь.

1130 Не хочу я, чтобы ты гневался,
а хочу, чтобы ты был доволен»[6].

Пес сказал: «О несравненный шейх!
Я увидел, что он одет, как суфии[7],

Вот и не ждал от него обиды! —
Мог ли я знать, что он мне кости переломает?

Шел бы по этой дороге кто-то из одетых в каба́[8],
вот такого бы я поостерегся.

А как я увидел одежду людей мира и спасения[9],
то и не стал опасаться — не знал я, чем дело кончится.

1135 Если накажешь его — накажи сейчас:
отними у него эту одежду [святых] мужей,

Тогда можно будет обезопаситься от его зла,
ведь такого вреда мне не было и от риндов[10].

Сними с него хирку людей мира и спасения —
довольно этого наказания до Дня воскрешения!»

* * *

Раз таково положение пса на Его пути,
то надмеваться над псом для тебя запретно[11].

Если ты мнишь себя бóльшим, чем пес,
знай твердо: это мнение
твоей собственной псовости.

1140 Коли скинули тебя на землю столь жалким,
то уж падай вниз головой[12].

Ведь если ты в упрямстве задираешь голову,
несомненно, придется тебе ее низко опустить[13].

Что за похвальба такая от горсти праха?!
Ведь это ради праха тебе перерезают пуповину![14]

Каждый, кто здесь был более подобен земле,
знай твердо — *там* он стал наичистейшим![15]

Когда мужи себя равняли с землей,
мужеством душу и тело очищали.

1145 Достигшие величия на Пути потому высоки,
что выбросили из головы [привычку]
задирать голову.

Рассказ девятый

О предсмертных минутах Абу-л-Фазла Хасана

Когда к Абу-л-Фазлу Хасану пришел смертный час, некто сказал ему: «О ты, кем благоустроен закон![1]

Когда Йусуф твоей души освободится из колодца[2], мы соорудим тебе гробницу на таком-то месте».

Отверз шейх уста и сказал: «Остерегись!
Ведь это место для великих и праведных.

Разве такой, как я, стократ никчемный
смеет помыслить о гробнице в подобном месте?»

1150 Сказали ему: «О чистый [муж] с благим сердцем,
где же ты велишь, чтобы лежал твой прах?»

Взволновалась его душа, и он отверз уста:
«На вершине вон того холма быть моей могиле.

Там лежит немало завсегдатаев харабатов[3],
и из воров непутевых кое-кто есть,

Много там и игроков в кости —
все они там грешники.

Погребите и меня среди них,
пусть голова моя лежит у них в ногах —

1155 Ведь я во всём такой же, как и они,
ибо, по сути, творю такое же, что и они.

Мое место — среди этих грешников,
ибо тягаться с совершенными мне не под силу.

Пусть этот люд и весьма темен,
зато близок к свету Его милосердия.

Ведь если где-то жажда достигает предела,
она привлекает к себе бесконечную влагу[4].

Ибо туда, где поселилась немощь,
чаще обращается взор милосердия.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

[Вопрос первого сына]

Сын сказал: «Жена для того надобна,
чтобы появился достойный сын[1].

1161 Ведь о том, у кого есть хоть один[2] сын,
навеки останется благая память.

Если мой сын будет просвещенным,
завтра он станет мне заступником[3].

Если появляется достойный сын-наследник,
сотню душ можно за него отдать.

Каждому подобает иметь такого сына,
необходима связь с таким сыном!»

Ответ отца

Отец сказал ему: «Сын желанен,
но только если человек лишен несовершенств[1].

1166 Если же у [духовно] новоначального[2]
родится один-единственный ребенок —

Станет он несовершенен и подвержен воздействию[3],
отстранен от мистического просвещения.

Если ты хочешь иметь веру Ибрахима,
будь готов с покорностью принести сына в жертву»[4].

Рассказ первый

Об Ибрахиме Адхаме и дервише

Однажды Ибрахим Адхам
спросил у одного печалующегося дервиша:[1]

1170 «Были ли у тебя когда-то жена и дети?» —
«Не было». Тот в ответ: «О! Прекрасно!»

Сказал ему дервиш: «О муж из мужей!
Почему ты так говоришь? Просвети меня!»

Тогда Ибрахим так сказал: «О муж!
Горе-дервиш, который взял жену,

Плывет на корабле, не зная сна и пищи;
а родись у него ребенок — он пойдет ко дну»[2].

Как твое сердце попало в плен к ребенку,
стал ребенок для тебя милым врагом.

1175 Будь ты велик и славен в адабе[3],
родился ребенок — и ты уже не тот.

Будь ты самый почитаемый аскет[4],
родился ребенок, и ты — законченный ринд[5].

Рассказ второй

О кошке шейха Гургани

Шейх Гургани был [целым] миром правдивости[1]
и полюсом[2] своего времени в духовности,

И была у него в ханаке[3] кошка,
видел ее шейх по нескольку раз на дню.

На всех четырех лапках ей кожаные
сшиты были чехольчики,

1180 Чтобы, когда она выходила наружу,
ни передние лапки не пачкала, ни задние[4].

То она забиралась к шейху на колени,
то спала на его молитвенном коврике.

Когда приходило время, она звала,
и к ней приходил прислужник,

Собственными руками обувал ее
и тогда выпускал ее оттуда.

Она устроила себе место в поварне,
и никогда не прятали от нее мясо.

1185 Не брала она ничего — ни сырого, ни готового,
а только то, что ей давали в должное время.

Доверяли ей и в ханаке, и на трапезе,
никто не видел, чтобы она что-нибудь стащила.

Но вот она как-то ночью в поварне
вдруг стянула со сковороды кусок мяса.

Тогда прислужник потребовал ее [к ответу],
хорошенько надрал ей уши, поучил адабу[5].

Кошка больше не пришла к шейху,
сердитая уселась поблизости в уголке.

1190 Шейх справился о ней у прислужника,
прислужник рассказал ему, что́ произошло.

Позвал ту кошку шейх верный,
спросил: «Зачем ты сделала такое?»

Ну а кошка в ту пору была тяжела,
и теперь она принесла по одному трех котят,

Положила их перед шейхом на землю,
увидела там дерево и в печали бросилась к нему.

От гнева на прислужника быстро взобралась наверх,
глаза раскрыла широко, уста для звуков замкнула.

1195 Когда шейх увидел это, он взволновался,
удивился и сказал окружающим:

«У кошки, несомненно, есть извинительная причина:
она вовсе не ради себя ела.

Дело не в том, что она забыла правила адаба,
это желание было для нее вынужденным»[6].

Если кто оказался на стоянке необходимости,
становится ему дозволенным и то, что запретно[7].

Для своего чада даже тот, кто меньше паучка,
и то вырвет кусок из пасти льва.

1200 Для кошки такой поступок не удивителен,
ведь связь с ребенком — удивительная вещь.

Пока у тебя не появится ребенок,
тебе не понять, что такое горе из-за ребенка».

Сказал прислужнику шейх, умудренный жизнью:
«Эта бессловесная обижена.

От гнева на тебя сидит она на ветке,
[но] твое покаяние примирит ее с тобой».

Служитель снял с головы чалму,
стал перед кошкой в покаянии[8].

1205 Его покаяние не принесло плода,
кошка и взглянуть на него не желала.

Наконец шейх заговорил с ней,
вступился [за служителя] и просил ее спуститься.

Кошка сразу спустилась вниз
и стала кататься у ног шейха.

Из каждой груди вырвался крик,
все сердца, словно факелы, вспыхнули огнем.

Все как один прониклись сочувствием к кошке,
все сплотились в благодарности за эту сладость[9].

* * *

1210 Пусть будет у тебя сто миров родственников,
это не то, что связь со своим ребенком.

[Единственный,] кто свободен от ребенка, —
это пречистый Господь, не имеющий подобия[10].

Рассказ третий

О купце-христианине

Был один купец-христианин, очень богатый[1],
из почитаемых людей в своей стране.

Был у него красавец сын, такой,
что было то христианское дитя светочем мира[2].

Фиалка получила от него мускусные локоны,
изящная роза получила от него смеющиеся уста[3].

1215 Когда покрывало спадало с его лица,
посреди ночи наступал день[4].

Когда закручивал кольца черных мускусных локонов,
всем влюбленным он повязывал зуннар[5].

Такое множество изгибов являли его кудри,
что ни малейшей прямоты не было в нем[6].

Когда наставлял дротики ресниц для битвы,
наносил он обоим мирам по удару.

Когда его брови натягивали тетиву лука,
пред его стрелой мир трепетал за свою жизнь[7].

1220 Его мазхабом было рассыпать сахар с губ[8],
ибо губы его были столицей сладости.

Грудь влюбленных его смеющиеся лалы
превращали в море, [являя] жемчужины зубов[9].

Но вот та жизнь [омрачилась] болезнью,
словом, умер он во дни юности.

Отец от горя по нему убивался,
потерял он и душу, и разум.

Но в конце концов, когда омыл его и очистил,
он принял ислам и тогда предал сына земле.

1225 Так сказал он: «Стала нам сегодня
из-за смерти сына очевидна религия:

Конечно же Бог не имеет ребенка,
Он свободен от жены, родных и близких.

Ведь, будь у Него хоть одно дитя,
разве в радость было бы Ему мое страдание?![10]

Понял я, что есть только Безначальный,
тому, кто не правоверен, счастья нет»[11].

Рассказ четвертый

Об отце, у которого умер сын

У одного старца был сын, подобный луне,
при красоте лица имел и добрый нрав, и вежество.

1230 Отец любил его, как свою душу,
и постоянно за него трепетал.

Но вот он умер, и душа отца сгорела,
да что говорить — печень! Сотня печеней сгорела![1]

Отец сам не свой шел за погребальными носилками —
так был он растерян и оглушен.

Осыпав голову прахом, горестно стеная,
с горестным сердцем он поднял голову к небу.

Сказал он: «О Ты, у Кого не было родных!
Тебя можно извинить, ведь у Тебя не было сына.

1235 Ты далек от такого страдания, как мое,
потому что Тебя не может коснуться смерть сына[2].

Если бы не бесконечная самодостаточность,
Ты услышал бы рассказ о лачуге скорбей»[3].

* * *

Сыну *здесь* — колодец или тюрьма,
отцу *здесь — дом скорбей*[4].

Если бы у Него, как у тебя, был сын,
то, несомненно, было бы у Него подобие.

Связь отца с сыном — сорок лет[5],
что же труды отца не приносят плода?![6]

1240 Если хоть строка появится — она ошибочна,
если хоть слово вылетит — и то не дозволено...[7]

Рассказ пятый

О встрече Йа'куба и Йусуфа

Когда Йа'куб и Йусуф, эти двое любимых[1],
наконец встретились друг с другом,

Отец сказал ему: «О мой глаз и мой светоч![2]
Ты заставил мой мозг иссохнуть от плача по тебе,

Вселил меня в лачугу скорбей[3],
целый мир огня низвел в мою душу, —

Столько времени ты жил радостно,
словно меня никогда и не видывал!

1245 Как же ты совершил такую несправедливость?!
Как же ты мне ни одного письма не прислал?!

Отец твой так долго скорбел по тебе,
томился сердцем в неведении о тебе!»

Йусуф сказал слуге: «О сильный,
пойди и принеси мне все те письма».

Тот сразу поднялся и вышел,
и принес тысячи листов одного цвета.

На каждом сверху написано: «Во имя Божие»,
а дальше всё бело, как снег.

1250 [Йусуф] сказал отцу: «О моя райская свеча!
Все эти письма я писал тебе,

Рассказывал о моих делах и обстоятельствах;
когда же дописывал письмо до конца,

Кроме имени Божия в возглавии письма
не оставалось снизу доверху ни одной строки,

Всё письмо становилось цвета снега,
не оставалось ни строки, ни словечка.

Тогда являлся Джабраил от Всевластного:
«Смотри не отправляй ему ни единого письма!

1255 Ибо, если ты пошлешь письмо тому старцу,
Строки, [черные] как смоль,
станут подобными молоку».

Вот что оправдывает меня, тосковавшего [по тебе],
вот почему я не отправлял писем.

Хоть я и хотел, Истинный не хотел,
потому-то и не осуществлялось мое намерение»[4].

* * *

Если поселится в тебе любовь к сыну,
немало придется терзаться твоему сердцу.

Пусть твой отпрыск будет достойным сыном —
попадет он, как Йусуф, в колодец и в оковы[5].

1260 Будет твой сын прекрасен, как Йусуф, —
тебе достанутся страдания Йаʻкуба.

Будет ли у кого сын, подобный Йусуфу?!
А сколько печалился из-за него Йаʻкуб!

Никогда не будет такого отца, как Йаʻкуб, —
а сколько страдал без него прекрасный Йусуф!

Если ты сын — душу твою отец сжег,
а если ты отец — очи твои сын зашил[6].

Для подтверждения сего в этой старой обители[7]
довольно тебе, мой сын, одного этого рассказа.

Рассказ шестой

О Йусуфе и Ибн Йамине

1265 Когда пришел к Йусуфу Ибн Йамин,
тот усадил его подле себя на золотой трон.

Йусуф был скрыт покрывалом —
да кто же мог бы сокрыть солнце?![1]

Как было знать Ибн Йамину,
что с ним — [его] милая душа?!

Он думал, что это — драгоценный султан,
мог ли он знать, что это — драгоценная душа?![2]

Если бы он не был душою
[всего] почитаемого и любимого,
вовек не быть бы ему
почитаемым [правителем] Египта[3].

1270 Хотя Йусуф усадил его рядом с собой,
он от почтения не поднял головы.

Там Йусуф говорил с ним ласково,
там расспрашивал его о Йа'кубе[4].

[Ибн-Йамин] протянул ему за завесой письмо[5],
вручил известие о страдании души Йа'куба.

Когда Йусуф взял письмо, увидел на нем свое имя[6]
и пошел оттуда к своим детям:

«Все сюда! Скорей! Заря взошла! —
Пришло письмо от вашего деда!»

1275 Что́ мне сказать? Письмо развернули,
много раз приложили его к глазам[7].

Всё собрание от восторга забурлило,
поднялись шум и восклицания.

Немало проливали кровавых слез скорби,
и от той скорби стократно умножалось смятение.

Наконец Йусуф вернулся назад,
поднялся на трон с сотней почестей.

Через некоторое время явились прислужники,
расставили посреди зала блюда с угощениями.

1280 Тут приказал Йусуф, царь возлюбленный,
чтобы вошли все сыновья Йа'куба:

«Каждый из вас пусть выберет себе пару,
и за каждым блюдом пусть сядут по два брата».

Уселись они по его слову,
а Ибн Йамин сидел печальный:

Когда Ибн Йамин остался в одиночестве,
он вспомнил о Йусуфе и затосковал.

Он горько плакал из-за тоски по Йусуфу,
горько печалился из-за разлуки с ним.

1285 Спросил у него Йусуф, царь благородных:
«О дитя, почему ты так горько плачешь?»

Он сказал: «Я сейчас оказался в одиночестве,
вот и стал я в горе плакать кровавыми слезами.

Ведь когда-то, о правитель[8], и у меня был брат,
мы с ним были от одного отца и одной матери[9].

Вот уже долгое время, как он пропал,
никто не знает к нему дороги.

Если бы он был сейчас с этим горестным[10],
то сидел бы со мной за одним блюдом».

1290 Он говорил, а перед ним стояло блюдо с яствами,
всё блюдо он залил своими слезами.

И столько он пролил слез из глаз,
что ничьи глаза и не видывали таких слез.

Когда Йусуф увидел его плачущим,
а сердце — горящим, как и его, Йусуфа, душа,

Сказал ему: «Не плачь, о юноша!
Прими меня сейчас вместо Йусуфа,

И я сяду с тобой за одной чашей[11] —
а что для тебя лучше общей чаши со мной?»[12]

1295 Тут раскрыл уста распорядитель трапезы:
«Эта чаша полна его слез, о царь!

Скажи: как ты станешь их пить?!
Допустимо ли тебе есть хлеб с кровью?!»[13]

Тогда Йусуф так сказал: «Молчи,
ибо кровь моя кипит от его горя.

Сердце мое от этой крови словно обрело
пищу для души.
Такое блюдо можно обрести только
кровавыми мучениями!

Он сирота, и я душу свою напитаю[14],
если кровь сироты я приму»[15].

1300 Так сказали сыновья Йа'куба:
«Он еще очень мал, хотя и любим.

Не знает он придворных обычаев —
где уж ему быть приятным в служении!

Оттого страшимся мы, и страшимся не попусту:
ведь он еще мал, а царь —
тонкий знаток [приличий]».

Такой пришел ответ от прекрасного Йусуфа:
«Сын Йа'куба — достойный [юноша].

От того, у которого отец — Йа'куб,
что ни исходит — всё хорошо».

1305 После того сказал Йусуф: «Ну, Ибн Йамин!
Отчего бледно твое лицо? Скажи скорее!»

Тот ответил: «Разлукой с собою Йусуф меня
убил, я бледен от тоски по нему».

Сказал [Йусуф]: «Пусть стало бледным твое лицо,
но отчего же так растрепаны твои волосы?»

Тот ответил: «У меня нет матери,
оттого растрепаны мои волосы и моя судьба».

Сказал [Йусуф]: «Расскажи об отце[16],
который, как говорят, потерял сына!»

1310 Тот отвечал: «Он стал незрячим,
Йусуфа нет — и он одинок.

Целый мир огня в груди его,
и живет он в лачуге скорбей[17].

От множества кровавых слез,
что он льет из глаз,
он погружен в пучину слез и крови.

Когда он начинает думать о Йусуфе,
тотчас призывает к себе меня.

Расскажу ли я, как горестно тогда
плачет он в своей тревоге!

1315 Камень, случись он там в такое время,
тут же растекся бы кровью!»

Когда пришла к Йусуфу весть о Йа'кубе,
его покрывало сразу увлажнилось от слез.

Скрывал Йусуф свои слезы печали,
как вдруг явился перед Йусуфом
вестник Божий:[18]

«Открой лицо, что́ ты его терзаешь?!
У тебя львиный рык и могучие когти».

Когда всё покрывало промокло от слез,
он наконец откинул покрывало с лица.

1320 Словом, когда увидел его Ибн Йамин,
ты сказал бы — покинула его милая душа.

Когда океан его сердца взволновался,
вскрикнул он и лишился чувств.

Сотней усилий приведен был в чувство, и тогда
спросил его Йусуф: «О желающий блага!

Что́ случилось с тобой, отчего ты лишился чувств,
отчего ты ослабел и так взволновался?»

Ответил ему: «Не понимаю, что́ ты такое!
Я сказал бы, что ты — Йусуф, хотя ты — ʿазиз!»[19]

1325 Я тебя выбрал вместо Йусуфа,
потому что я словно бы видел тебя прежде!

Ты похож на Йусуфа. Ради Бога,
если ты и вправду он, зачем ты мучаешь меня?

У меня, одинокого, нет ни перьев, ни крыльев[20],
я не знаю, а ты знаешь — объясни же мне!»

* * *

Кто зовет эту историю сказкой,
того Разум считает чуждым себе.

В твоей душе за завесою сокрыт Знакомец,
с которым у тебя прежде уже была встреча[21].

1330 Если ты его вновь узнаешь хоть на миг,
ты превзойдешь людей мира сего.

А если для твоего сердца Он чужд,
у тебя, чужака, всё станет пустою сказкой.

Если в твоем сердце нет такого Знакомца,
ни одно дело [для тебя] не озарится светом.

Кто ощущает благоухание Знакомца,
тот постоянно пребывает в близости к Богу.

В присутствии перед Богом он постоянно,
это присутствие займет всё его существо.

1335 Ведь если Истинный будет с ним вечно,
то Истинный
никогда не отнимет солнца от этой тени[22].

Рассказ седьмой

О юноше в День Сбора

Рассказывают: в Долине Сбора некий юноша
выйдет и попросит у Бога убежища.

Грехи его будут весьма многочисленны,
но щедрый Судия будет ему помощником.

Ангелы туда за ним поспешат,
чтобы предать его в аду мучениям.

Но тут раздастся голос от Дворца:
«Почему вы его так тащите?»

1340 Все ответят: «Мы схватили его,
чтобы бросить его в ад».

Вновь голос прозвучит, а [в нем] — тайна:
«Мы с ним (о диво!) вместе!

Вам же не нужно слышать того,
что мы двое будем вместе».

Ангелы этих слов не услышат
и ничего об этой великой милости не узнáют.

Ужаснувшись, все они замолчат,
задрожат и лишатся чувств.

1345 Юноша услышит: «О смятенный!
Что ты медлишь? Скорей убегай от них!»

Юноша скажет: «О Боже! В таком месте,
в Долине, где нет ни начала, ни конца,

Куда бежать от Дня воскрешения?!
Ведь отсюда некуда бежать!»

И прозвучит глас: «О опьяненный!
Приди, скройся в Нас —
и от всего избавишься!»

Юноша скажет: «Я этого не смею,
ведь вся моя наличность — это беспомощность!

1350 Разве что Ты пустишь в дело Свою щедрость,
возьмешь меня за завесу тайн!»

Господь милосердно простит его,
скроет его от людей Дня воскрешения,

Пошлет в прибежище Своих тайн,
пошлет в тайный покой встречи.

Когда ангелы придут в себя,
они уже не увидят того юношу.

Станут искать его усердно, но не найдут,
будут метаться во все стороны.

1355 Скажут они Истинному: «Где наш ответчик?[1]
Разве уничтожился он
в мире вечного пребывания?!

Мы сейчас обыскали рай и ад,
не увидели его — и опустили руки[2].

Ты знаешь, Боже, куда он пропал,
если не скажешь нам — пропала наша душа!»

Глас прозвучит:
«Это Наша мудрость [сотворила],
что он под защитой в шатре Нашей чистоты[3].

Поскольку он обрел у Нас покой,
вам уже нет с ним никакого дела.

1360 Теперь знает он и Мы [знаем] навечно,
вам же следует уйти отсюда».

* * *

Коли благоволение Божие[4] —
предвечный помощник,
разве разве может там быть
кто-то иной[, чем Бог]!?

Но сначала Пророку ради руководства
засияет солнце благоволения.

Если благоволение тебя изберет,
все твои изъяны оно превратит в добродетели.

Явит тебе свой облик,
и делом твоим станет лишь созерцание.

Рассказ восьмой

Другой рассказ о Дне Сбора

1365 Такой есть рассказ в преданиях, что в тот День,
когда восстанут мертвые
и всё будет объято пламенем,

Появится в толпе нарядный юноша,
а вокруг него тысячи бьющих в барабаны

Станут расчищать ему дорогу,
и все перед ним расступятся.

Тут стражник услышит глас Всевластного:
«Отведи его в такой-то дворец!»

Отведут его радостно в тот дворец —
все гурии в страсти возопят!

1370 В этом прекрасном дворце будут двери,
больше тысячи с каждой стороны.

В какую этот юноша ни глянет,
он увидит там своего Господа.

Тысячи дверей будет он открывать каждый миг,
за каждой из них будут скопища людей,

Но в каждом из них, в сотнях мужчин и женщин,
не увидит он никого, кроме своего Бога...

* * *

Весь мир молит о встрече [с Богом],
но всё это — бесплодная тоска.

1375 Не каждого достигает аромат *оттуда*,
не каждому чауган присылает мяч *оттуда*![1]

Нужно сердце, плачущее и горящее об Истинном,
язык, вопрошающий о Его путях и страшащийся.

Если, пока ты существуешь, твое занятие —
постоянно страшиться и вопрошать,

Всё твое существо будет полно этой мыслью,
весь град твоего сердца будет занят одним [желанием] —

Хоть на миг вдохнуть аромат *оттуда*[2],
но это доступно лишь обонянию души.

1380 Истинная жизнь [настает] для тебя в то время,
когда твоя душа находится
в присутствии возлюбленного[3].

А если твоя жизнь будет вне счета,
то каждый миг тебе будет насчитываться
по сто завес[4].

Рассказ девятый

О дервише и Маджнуне

Спросил некий дервиш у Маджнуна:
«Сколько, сынок, тебе сейчас лет?»

Ответил ему тот смятенный духом:
«Мне одна тысяча и сорок лет».

Тот сказал ему: «Что́ ты говоришь, невежда!
Ты что, еще больше обезумел, бестолковый?!»

1385 Тогда он сказал: «Тысяча — это то время,
когда Лайли на миг явила мне лицо.

Моей жизни — сорок лет, и все они — убыток,
но тот один миг — это тысячелетняя жизнь.

Те сорок лет, что я был сам по себе,
скудна была наличность моей жизни.

Но один тот миг — что тысяча лет,
[когда я] с Лайли, меня нет —
вот подлинный счет»[1].

* * *

Тысячи лет — это один миг *там*.
Что́ я говорю! Там это еще меньше!

1390 Когда наступит бесконечное Бытие,
в обоих мирах останется [лишь] ничто[2].

Смотри, о друг, что́ это за Бытие,
перед которым преклоняется каждая частичка!

Бытие, что не становится ни больше, ни меньше,
в нем всё[, что ни есть,] становится ничем[3].

О великое Бытие, в котором всё бытийствующее
с наслаждением становится ничем!

Когда человек *здесь* перестает существовать[4],
весь его убыток становится *там* прибылью.

1395 Если протянут [к нему] руки люди всего мира,
ни один не сможет коснуться его полы.

Когда ни его не будет, ни его полы,
кто же тогда сможет обступить его?!

Рассказ десятый

О безумце

Некто спросил безумца, у которого
была лихорадка:
«Тебя что, охватила лихорадка?» Безумец удивился,

И ответил тот смятенный безумец:
«Раз я умираю, кого ж теперь схватит лихорадка?!»[1]

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ

[Вопрос первого сына]

Сын сказал: «Сердце мое по-прежнему
в смятении,
ведь по-прежнему нет с ним царевны-пери.

1400 Раз так драгоценно для меня соединение
с этой девушкой —
расскажи, умоляю: что она такое?

Ведь, [еще] не видав ее, я от разлуки с ней
подобен свече[1], душа подошла к устам[2] —
истомился по ней.

Ответ отца

Отец рассказал ему такую историю,
явил ему невесту из-за завесы тайны[1].

Рассказ первый

О Сарпатаке-индийце

Был в стране Индии у одного человека сын[1],
чей разум был велик, а [лета] жизни [еще] недолги.

Он многое изучил в каждой науке
и в [учености] превосходил всех.

1405 Хоть во всех науках он был успешен,
милее всего была ему наука о звездах[2].

Там было описание царя джиннов[3]
и рассказывалось о красоте его дочери.

Мгновенно был он покорён этой пленительной —
ведь [так] легко влюбиться в пери!..

В одном дальнем городе был некий ученый врач,
знаменитый [познаниями] в астрологии и медицине.

Он никого не впускал в свое жилище,
никогда не было у него в дому наперсника.

1410 Он жил в одиночестве, чтобы никому
не открылись его науки: знал бы он один — и только!

Тот мальчик сказал отцу: «Когда-нибудь
возьми меня к этому старцу блистательному!

Ведь говорят, что приходит к нему
царь [всех] пери, а с ним — его дочь.

Сердце мое стремится попасть к нему —
быть может, там я увижу лицо друга.

И тогда я стану в каждом знании сведущ,
не умру как падаль мирская!»[4]

1415 Отец сказал: «У него нет ни жены, ни ребенка,
многие люди стремятся его увидеть,

Да он не впускает к себе никого.
Многие желают того же, что и ты,

[Но] он боится, что если кто-то к нему попадет,
то сможет вызнать его науку и премудрость».

Сын сказал ему: «Отведи меня туда тайком,
ибо я знаю, какой уловкой помочь делу».

И вот отец с сыном отправился в путь.
Сын рассказал ему о своей хитрой выдумке:

1420 «Пойди к этому мудрецу индийскому,
изгони из сердца вражду, стань любезным,

Скажи ему, мол, есть у меня сын глухой и немой,
богатства нет у меня, я человек неимущий.

Ради [награды в] будущей жизни
прими его от меня,
такой тяжкий груз! Сними его с меня...

А он в служении тебе будет постоянен,
исполнит всё, что изволишь приказать:

И огонь тебе разожжет, и принесет воды,
расстелет тебе почтительно ложе для сна,

1425 Если ты уйдешь, будет сторожить дверь, —
Сотнями способов будет тебе всегда услужать.

Он очень смышлен, но глух и нем;
прошу, не отправляй меня ни с чем!..

Такой человек, если хорошенько рассудить,
что он есть, что нет его — всё равно!»

Отец пришел к лекарю, долго упрашивал,
пока наконец тот не впустил [его сына].

Лекарь сразу устроил ему испытание,
чтобы узнать, правда ли он глух и нем:

1430 Дал ему снадобье, лишающее сознания;
когда юноша принял его, сразу обмяк.

Устад[5] вышел за дверь по какому-то
лекарскому делу,
а мальчик тут же поднялся и вскочил на ноги.

Он понял, что это проверка,
что его душу хотят одурманить сном.

Он, как ураган, стал носиться по дому,
в своем деле сам стал себе устадом.

Для того он бегал и для того была эта спешка,
чтобы не заснуть от этого снадобья.

1435 Когда устад вернулся и отворил дверь,
мальчик сразу же притворился спящим.

Во время «сна» издавал он звуки,
[словно] спящий,
не казался он ни пьяным, ни встревоженным.

Тут устад подошел, сел рядом
[и] с силой вонзил ему в ногу шило.

Мальчик вскочил, а потом упал
и стал горестно мычать, словно немой.

Когда вопли вылетали из его рта,
его язык свидетельствовал о его немоте.

1440 Пока он так кричал, устад спросил его
внезапно: «Эй, мальчик, что случилось?»

Мальчик, конечно, ему не ответил —
смышленость сослужила ему добрую службу.

Когда хитрый устад произвел это испытание,
он уверился, что мальчик и глухой, и немой.

Что сказать? Днем и ночью
десять лет постоянно
жил он в этом доме вот каким образом:

Когда устад куда-нибудь уходил,
он заучивал [что-то] из его книг.

1445 А когда устад оставался дома
[и] говорил [сам с собой]
о разных науках — он слушал.

Мальчик запоминал все его слова
[и] записывал, когда оставался один.

Во всех науках он стал таким устадом,
что устад стал ему уже не нужен.

[Но] один ларец был всегда заперт:
устад хранил его за завесой,

Не снимал печать и не открывал его,
ничей взгляд на него не падал.

1450 В сердце [своем] мальчик говорил: «Ясно,
что то, что я ищу, — здесь».

Но не смел он открыть [ларец],
и приходилось ему терпеливо ждать.

Но вот в том краю заболел царевич[6],
[и] кто-то пришел к знаменитому устаду:

Мол, в голове у царевича что-то,
от чего он падает с ног.

Иногда оно шевелится, будто живое,
и никому не удается найти причину.

1455 Быть может, разгадает это славный устад!
А иначе [больной] сегодня умрет жалким образом.

Юноша не слыхал о такой болезни.
Когда его устад отправился в путь,

Он пошел и набросил на себя покрывало,
чтобы попасть на место, откуда всё видно.

Короче говоря, устад подошел к царю[7],
[а] высоко наверху стоял этот юноша.

Под последним слоем кожи на голове у царя
была опухоль, а в ней — какое-то живое существо.

1460 Состриг он ему все волосы, надрезал кожу
и нашел там что-то шевелящееся, похожее на краба,

Вонзившее клешни в следующий слой кожи.
Врач немедля достал свои инструменты,

Чтобы извлечь это существо из-под кожи —
надеялся его удалить с помощью железа.

[Но] чем глубже он вонзал свой инструмент,
тем глубже оно впивалось клешнями в голову.

От ран, наносимых клешнями,
кричал царевич, а также от боли в темени.

1465 Ученик сверху на всё это смотрел,
пока наконец не кончилось у него терпение.

Заговорил он: «О устад [всего] мира!
Железом ты укрепляешь эту хватку,

Но, если его спины коснется прижигание,
все его когти выйдут из мозга [больного]».

Когда устад понял, в чем тут дело,
от огорчения отправил свою душу в мир иной.

Когда устад умер, юношу подозвали,
с почетом усадили на место [устада].

1470 Удалил он прижиганием эту тварь,
составил мазь из нужных снадобий.

Когда царь исцелился от своей болезни,
дал он юноше индийское имя Сарпатак.

Немало золота ему дал
и прислал [почетную] одежду,
подарил ему дом и имущество устада.

Пришел юноша домой, открыл шкатулку
и увидел в ней описание лица возлюбленной.

Книгу, которая была о науке о звездах,
всю прочитал и стал устадом в стране.

1475 И наконец от стремления к этой озаряющей сердца́
не стало у него ни часа покоя ни днем ни ночью.

И вот он начертил круг, посреди него
сел, и во все стороны разбежались линии.

Читал заклинания[8], и после сорока дней[9]
явилась ему дочь пери, озаряющая сердца,

Кумир, пред чьей красотой онемеет красноречивый —
да что говорить! Описать ее невозможно...

Когда Сарпатак увидел ее с головы до ног,
то увидел он, что она — в его груди[10].

1480 Изумился он этому и спросил:
«Как ты очутилась внутри меня?»

Ответила ему та луна, озаряющая сердца:
«Я была с тобою с первого дня.

Я — твоя [душа-]нафс[11], ты ищешь себя самого,
почему ты не делаешь [свой] разум зрячим?

Вглядись хорошенько: весь мир — это ты,
и снаружи, и внутри твой друг — это ты».

Ученый муж сказал ей: «О [душе-]нафс известно,
что эта зловредная — змея, свинья и собака[12].

1485 Ты же — украшение земли и неба,
с такой красой не походишь ты на нафс».

Пери сказала ему: «Если я *побуждаю ко злу*[13],
то я в сто раз хуже, чем свинья или собака.

Но когда я становлюсь *обретшей покой*[14],
да не будет ни у кого такого мнения!

Но если я становлюсь *обретшей покой*,
призыв "*Вернись!*" приходит из Чертога[15].

Сейчас я — твоя [душа-]нафс, о единственный![16]
Если я последую за шайтаном,

1490 Меня *побуждающей ко злу* назовут люди веры, —
разве что мой шайтан станет мусульманином»[17].

* * *

Если шайтан здесь станет мусульманином,
все дела здесь придут в порядок.

Сколько трудов понес тот муж взыскующий[18],
пока его душа не одолела его нафс![19]

Тому, кто из всех желаний сердца выбрал тайну души, —
как же много трудов предстоит на этом пути!

Сейчас, о сын, то, чего ты ищешь, — это ты сам,
всё это в тебе, а ты в трудах слаб.

1495 Если в трудах [ради] Истинного ты будешь мужествен,
ты будешь всем, и ты будешь в одном доме [с собой][20].

Ты внезапно потерялся, [выйдя] из себя самого,
и потому ищешь ты себя самого на этом пути!

Ты [сам] — свой возлюбленный, вернись к себе,
не уходи во внешнюю пустыню, вернись на родину!

Потому *любовь к родине* — твоя чистая вера[21],
что Возлюбленный — внутри твоей чистой души[22].

Рассказ второй

О любви суфия

У одного везира был красавец сын, такой,
что Луна от любви к нему была сама не своя[1].

1500 Его красота наложила печать на похищение сердец[2],
его уста были напоены влагою Каусара[3].

Красотою он был, словно бровь, уникален[4],
своими нарциссами он разбойничал
среди влюбленных[5].

Один суфий изнемог от любви к нему[6],
такое с ним творилось, что и не знаю,
как такое возможно!

Никак не мог он осмелиться
открыть тайну своей любви.

Любовь его так мучительно жгла,
что весь он с головы до ног был в огне.

1505 Не было у него сочувствующего и единодушного,
в этой скорби не было у него наперсника,

Вот и хранил он эту тайну в своем сердце,
пока, утративши сердце, не обессилел вконец[7].

Его глаза были словно дождь,
струящий потоки крови,
пока не стали вдруг оба [глаза] незрячими.

Когда стала ему явной его незрячесть,
каждая его боль умножилась тысячекратно.

В конце концов тайна его стала явной,
множество людей изумлялись ему.

1510 Когда его глаза затмились, а лицо пожелтело,
сердца людей исполнились болью о его боли.

Знать и эмиры, все какие были,
все стремились его навестить.

Прибыл туда и царский везир,
сын с ним тоже туда явился.

Везир услышал о состоянии того влюбленного,
спешился с коня перед всем народом,

Своего сына свободно и беззаботно вместе с собой
усадил перед этим дервишем[8].

1515 Хоть для отца сын и был зеницей ока,
но с тем влюбленным было дело другое:[9]

Очи влюбленного ушли из-за него,
но когда же ушли бы очи отца?!

Добрый везир согласился без гнева,
чтобы ослепшие очи обрели зеницы.

Он сказал беспомощному слепцу:
«Если очи ушли из-за этого лица, подобного луне,

То вот, мальчик-то сидит перед тобой —
что́ ты еще хочешь, о ты, чьи закрыты глаза?!»

1520 Едва влюбленный услышал это, вскочил на ноги,
испустил вопль, не мог сдерживать себя.

Столько слез пролил тот измученный,
сколько не пролить облаку из всех своих глаз.

Везир сказал ему: «О беспамятный в этом деле!
Мальчик с тобой — что же ты так горько плачешь?»

Отверз уста слепец в стеснении сердца:
«Камень заплакал бы кровью над горем моего сердца!

Ведь столько времени прошло у меня [в надежде],
что этот мальчик хоть на миг придет ко мне.

1525 И вот пришел этот луноликий [кумир] влюбленных,
а мне из всего мира нужны лишь два глаза.

Если раньше я искал его,
то теперь я ищу свои глаза.

Если мне явятся мои глаза,
я душу отдам за возлюбленного.

А если у меня нет глаз —
что мне делать, о несравненный[10] возлюбленный?!

Пусть мир полон прекрасных кумиров,
если нет глаз — что́ в том толку!

1530 Мне сейчас нужны глаза, а не возлюбленный,
ведь для слепого что творец,
что тварь [— всё едино]!»

* * *

Весь мир — красота в красоте,
но слепой твердит: «Не может быть!»

Если ты станешь зрячим на этом пути,
ты познаешь собственную красоту.

Если твое сердце освободится из этой темницы[11],
из каждой твоей частицы вырастет
тысяча цветников.

Каждая пылинка твоей бесплодной земли[12]
затмит луну и солнце своим [сиянием].

1535 И тело твое слепо, и душа,
раз ты не можешь увидеть,
что каждая частица в тебе — велика и славна[13].

Раз из единой сущности[14] происходят оба мира,
то они произойдут и из какой захочешь частицы.

Знай твердо, что повсюду, где есть шипы,
за ними [сокрыт] прекрасный рай,

Но если он явится из-за завесы,
будут изранены глаза слепцов.

Рассказ третий

О царе в измененных одеждах

В некоторый город ворвалось войско,
и царь скрылся из этого города.

1540 Пришел он в другой город,
сменил одежду,
ни знатный его не узнавал, ни простой.

Некий знакомец понял, кто он,
и сказал: «Что же ты словно нищий?

Скажи им наконец: "Я — царь!"
Что́ ты сидишь здесь жалкий
и смятенный?»

И сказал царь: «Смотри на меня и молчи:
если я откроюсь, меня разорвут в клочья».

* * *

Тому, у кого нет глаз[, чтоб видеть]
владыку,
невозможно приблизиться к владыке.

1545 Ведь если без [таких] глаз ты ищешь
близости царя,
ты обольешься кровью своей души[1].

Рассказ четвертый

О царевиче и влюбленном витязе

У одного царя был сын, прекрасный,
как луна, такой,
что Солнце из ревности к нему
пускалось в скитания[1].

Небосвод, видя солнце его лица, всякий раз
содрогался, словно припадочный перед новой луной.

Чело его было серебряной дощечкой [для письма],
на нем мускусом были [начертаны] «джим» и «мим»[2].

Когда «джим» и «мим» крутились и изгибались,
«джимом» и «мимом» он мог завоевать
царство Джама[3].

1550 Бровями он открывал вход молодому месяцу[4],
ресницами охотился то на сердце, то на печень[5].

Поскольку смута считала его нарциссы
вороными [скакунами],
она отправлялась [на них] на царскую охоту[6].

О скакун и добыча, которых она обрела!
Ну и славного скакуна обрела она для охоты!

Губы его были и медом, и сахаром,
и каждая из двух была лучше тех обоих[7].

Когда пчела препоясалась ради того меда,
то и тростник препоясался ради того сахара[8].

1555 В два ряда выстроились тридцать
его дружных марваридов,
сияющие из его сердоликов,
словно тридцать жемчужин[9].

С вершины высшего мира звезды
с седьмого неба им любовались.

И каждый, кто видел его лицо,
владей он душой, вручил бы ему[10].

Некий витязь влюбился в ту луну,
сердце его смутилось[11], разум сбился с пути.

Страдал он тяжко, ведь не было ему лекарства,
не было у него души, достойной любимого[12].

1560 Много страдал он и горевал,
и никто ничего не знал об этом.

Столько претерпел он в своей любви,
сколько ни одному страдальцу не доводилось...

Но вот один из врагов того царя —
другой царь — напал на эту страну.

Послал [наш царь] своего сына
навстречу тому врагу,
луну послал, словно рыбу, в панцире[13].

Сын отправился во главе передового отряда,
все шагали, жаждущие крови, словно небосвод[14].

1565 Лишь только витязь услышал об этом деле,
не скажу «побежал» — сломя голову понесся![15]

Возликовал он сердцем от известия о войне,
как ликует от радостной вести муж опечаленный.

Взял он коня и отправился в путь,
и отправился он в панцире и доспехах.

Посреди войска того царевича
телом он был на коне, а душа мчалась пешей.

Он украдкой любовался лицом царевича,
то и дело из глаз рассыпал перед ним нисар[16].

1570 О, что за блаженство! Как прекрасны
те [часы] жизни,
когда ты втайне видишь лицо своего Друга!

Лицо Друга, которое ты можешь видеть украдкой,
ты можешь видеть и в своей душе, и глазами!

Итак, когда два войска встретились,
два строя смешались в сражении,

Земля потемнела от мужей [обеих] стран,
небо померкло от пыли, взметаемой войском.

Одним словом, из-за кривых путей небосвода
такой [прекрасный] царевич попал в плен!

1575 Войско бежало, а царевич остался;
из всех остались лишь он да тот витязь.

Никто не брал витязя в плен —
он сам бросился в эти цепи.

Привели их обоих в темницу,
одному — свидание, другому — разлука...

Заковали им обоим ноги,
поместили их вместе в одном узилище.

Тут юноша и спросил витязя:
«Когда же ты пришел на эту войну?

1580 Я не знаю тебя! Из какого ты стана?
Или ты в моем войске незваный гость?»

Отверз уста тот растерянный витязь:
«Я — преданный друг царя мира![17]

С давних пор я лелею надежду:
не примет ли царь мое служение?

Когда царь внезапно отправился сюда,
я тоже устремился в дорогу.

Сказал я: "В этом походе
буду крепко сражаться!
Быть может, счастье поможет мне у царя

1585 И получу я от него и хлеб и славу,
на всю жизнь обрету [высокий] ранг!"»

Когда царевич услышал от него эти слова,
освободился он от горя и обрадовался.

Много тепла сердечного дал ему тот славный,
да и сам [царевич] любил его уже давно.

На сердце у витязя было так,
словно стал он владельцем сотни миров.

Хоть и был тот смятенный в оковах,
он сохранял мужество и не унывал,

1590 День и ночь он был в трудах для того юноши,
каждый миг умножал служение ему.

Всю ночь до прихода дня растирал ему ноги,
весь день говорил ему слова, озаряющие сердце.

Так близок он стал к тому благоуханному,
как жасмин,
что словами этого и описать невозможно.

Каждый день молил этот раненный в сердце:
«О Боже! Всю эту неволю и страдания

Умножай, да не настанет разлука!
Не освобождай нас из этой темницы!

1595 Ведь для меня эта тюрьма — рай,
я и кирпичика ее за сто цветников не отдам!»

Когда царь узнал о своем царевиче,
мир для него померк без лика той луны.

Если такой пленитель сердец попадет в плен, —
долго ли сможет отец это терпеть?

Такой камень оказался на пути!
Жестокой была война между царями.

И вот, когда они навоевались,
когда достаточно крови пролилось,

1600 Заключили они союз и наступил мир,
они друг с другом хорошо поладили,

Порешили они на том, что разумный царь
даст свою дочь в жены пленному царевичу.

Пошел он к тому царскому сыну,
дал ему свою дочь, подобную луне.

Призвал его к себе и того витязя тоже:
мол, нет у нас спора и войны тоже нет.

Столько милостей он оказал обоим,
что ни я этого не перескажу, ни ты.

1605 А после постарался для своей дочери,
несметные сокровища[18] с нею отправил.

Когда царевич вернулся в свой город,
после оков и тюрьмы дала ему руку подруга.

Среди своего народа тот озаряющий мир
справил свадьбу и праздновал сорок дней и ночей.

Был он в объятиях похитительницы сердец,
всё это время никто его ни разу не видел.

Что́ творилось в сердце витязя каждый миг!
Он, полуживой, страшился за свою жизнь.

1610 Не было у него нисколько
ни терпения, ни твердости,
весь он был в крови, грудь была залита кровью[19].

Сорок ночей и дней в жару и горячке
был он, словно свеча, без еды и сна.

В своей ревности так исходил кровью,
ни минуты не находил себе покоя[20].

Если кто-то привык быть наедине с таким другом,
разве не станет у него гореть душа, случись такое?!

Через сорок дней царевич счастливый
в должный срок с венцом на голове взошел на трон.

1615 Встали его стражи горделивые,
каждый с разящим мечом[21] наголо.

Гуламы[22], подобно ресницам,
выстроились в ряд,
все черные сердцем и воинственные,
как зрачки глаз[23].

А если ты спросишь о его везирах —
у всех у них были троны, подобные ʻАршу[24].

Сердце царевича, озаряющего мир,
было занято в тот день тем витязем.

Призвал его к себе; когда тот пришел,
приветствовал царевича и тут же упал.

1620 Рухнул на землю и лишился чувств,
из горла вырвался непроизвольный крик.

Когда пришел в себя тот упавший на землю,
спросил у него царевич чистый:

«О витязь, что же с тобой такое?
Отчего ты стонешь и худ, как тростинка?[25]

У тебя такой вид, словно ты болел!
Может, терзала тебя печаль[26] без меня?»

Отверз уста тот витязь: «О царь!
В той тюрьме я не знал, каков ты.

1625 Я сорок дней терпел разлуку с тобой
и вот после сорока дней тебя увидел,

Увидел тебя среди величия и великолепия,
посреди царственных дел от востока до запада...

Я было привык к тебе — тому [прежнему],
а такого[, каков ты теперь,] — мне не вынести.

Если ты явишься в той [прежней] одежде,
тогда я вновь смогу к тебе приблизиться.

Если же ты останешься в той одежде,
в какой ты сейчас,
посреди дел царствования и властвования,

1630 Где этой взволнованной душе взять силы,
чтобы объять такое величие?!»

Сказал это, и пришел ему конец,
с сотней горестей ушла его чистая душа...

* * *

Если будет у тебя мужественное рвение,
Царя Вселенной обретешь обитающим
с тобой в одном доме.

А если будешь нестоек, как тот витязь,
в своей слабости ты споткнешься о камень.

Если ты — путник, о друг, то увидь путь,
во всех на свете вещах узнавай покровы Царя,

1635 Дабы, когда Царь скроется за тысячью одежд,
не оказаться тебе в стане нетвердых.

Не ошибись, знай истинно, как подобает мужам,
что Царь постоянно меняет одежды.

Черен ли этот мир или он бел,
знай всегда, что это — одежда Царя царей.

Считай оба мира одеждой Единого,
единое видь, ибо косоглазие —
это многобожие магов[27].

Множество одежд в сокровищнице царя,
ты увидь не одежду — увидь единого царя.

1640 Ибо тот, чье зрение [нацелено на] внешнее,
всегда останется вне внутреннего.

Те, у кого сердце оживлено Богом,
будут глядеть глазами грядущего мира[28].

Если и у тебя тоже будут такие глаза,
ты всё увидишь глазами грядущего мира.

Твои внешние глаза через образ,
[видимый] «обычным» людям[29],
ни на кончик волоска не связаны
с Творцом образов.

Но у Творца образов в обыкновении
Свой образ постоянно скрывать.

1645 Его лик — красота безмерная,
Его сияние — покров для Его красоты.

Да, хотя Он — красота солнечная,
но сам свет Его лика — копье преграждающее[30].

Пусть весь мир стоит с мечами наголо —
обладающий зрением найдет путь к владыке.

Тебе до мечей и грозных криков стражей[31]
что за дело? Не смотри ни на что, кроме царя!

Всё, что ты видишь впереди и позади,
всё это нужно оставить, и себя самого — тоже,

1650 Чтобы, когда предстанет перед тобою образ,
совершенный Творец образов допустил тебя
к Своей близости.

Рассказ пятый

О продавце хвороста и султане Махмуде

Однажды Махмуд
с пятьюдесятью всадниками
возвращался домой с охоты.

Разбили они у дороги шатер,
стали жарить добычу над огнем.

На дороге царь увидел немощного старца
с тяжелой вязанкой хвороста на спине.

Махмуд из жалости подошел к нему,
спросил у него: «Почем этот хворост?»

1655 Отверз уста старик: «О эмир!
За два джау[1] продаю, за два джау возьми!

[У царя] было в кошеле сто динаров[2] золота,
каждая крупинка[3] весила больше двух джау.

Царь открыл его и сел напротив старика,
вложил ему один опилок в руку.

Сказал: «Здесь будет два джау золота, о старик!
Если хочешь, возьми, прими их от меня».

«А вдруг, — сказал тот, — здесь
больше двух джау!
Весов нет, как это взвесить?»

1660 [Царь] вложил ему другой [опилок] в руку,
сказал: «Смотри, здесь не будет ли двух джау?»

Тот сказал: «Здесь больше,
я это и так скажу, не взвешивая».

Дал [царь] другой и спросил: «Ну как?»
[Старик] сказал, что и этот велик.

Так давал [царь] ему опилок за опилком,
но знал точно, что их вес больше.

Когда наконец перебрал весь кошель,
в сердцах бросил его старику:

1665 «Положи золото в мешок —
это прекрасный мешок!
Отнеси его в город, там есть весы.

Возьми два джау, а остальное сразу же
быстро вручи привратнику султана».

Не принимал[4] старик от царя золото,
[но] царь умчался от него на коне.

Когда на другой день царь взошел на трон,
пришел во дворец тот горемычный старик.

Увидел царя, и сердце его сжали силки,
всё тело от ужаса охватила дрожь.

1670 Он с несомненностью понял: царь —
[вот кто] был его зеркалом,
царь — [вот кто] его вчерашний знакомец.

Когда царь его увидел, сказал:
«Пропустите его,
усадите его перед царем!»

Что ж, сел он, и царь сказал ему: «О старик!
Как ты провел [время]? Расскажи мне всё».

Он так сказал: «О царь блистательный!
Я спал голодным всю ночь до утра».

Царь спросил: «Почему?»
Ответил: «Там, на дороге,
ты ведь не завершил со мною сделку.

1675 Ты думал, что я, как ты, — богатый господин,
вот и оставил меня вчера голодным».

Царь сказал ему: «Иди, храни это золото,
оно всё целиком тебе принадлежит».

Отверз уста старик и сказал: «О царь!
Если ты даешь мне всё золото сразу,

Почему ты не мог его дать мне вчера?
По крупинке вкладывал мне в руку?»

Царь сказал: «Когда ты звал меня эмиром,
не знал ты, старик, что я — султан[5].

1680 В сердце мне пришло желание,
чтобы ты узнал, что я — царь мира.

Когда ты узнал о моем царствовании,
стал ты царем над всеми своими нуждами».

* * *

О дорогой! Старик с ношей хвороста
на этом пути —
это ты, а свет Истины[6] — тот великий царь!

Всю жизнь от Истинного
мгновение[7] за мгновением править
ты принимаешь, как он крупицу за крупицей.

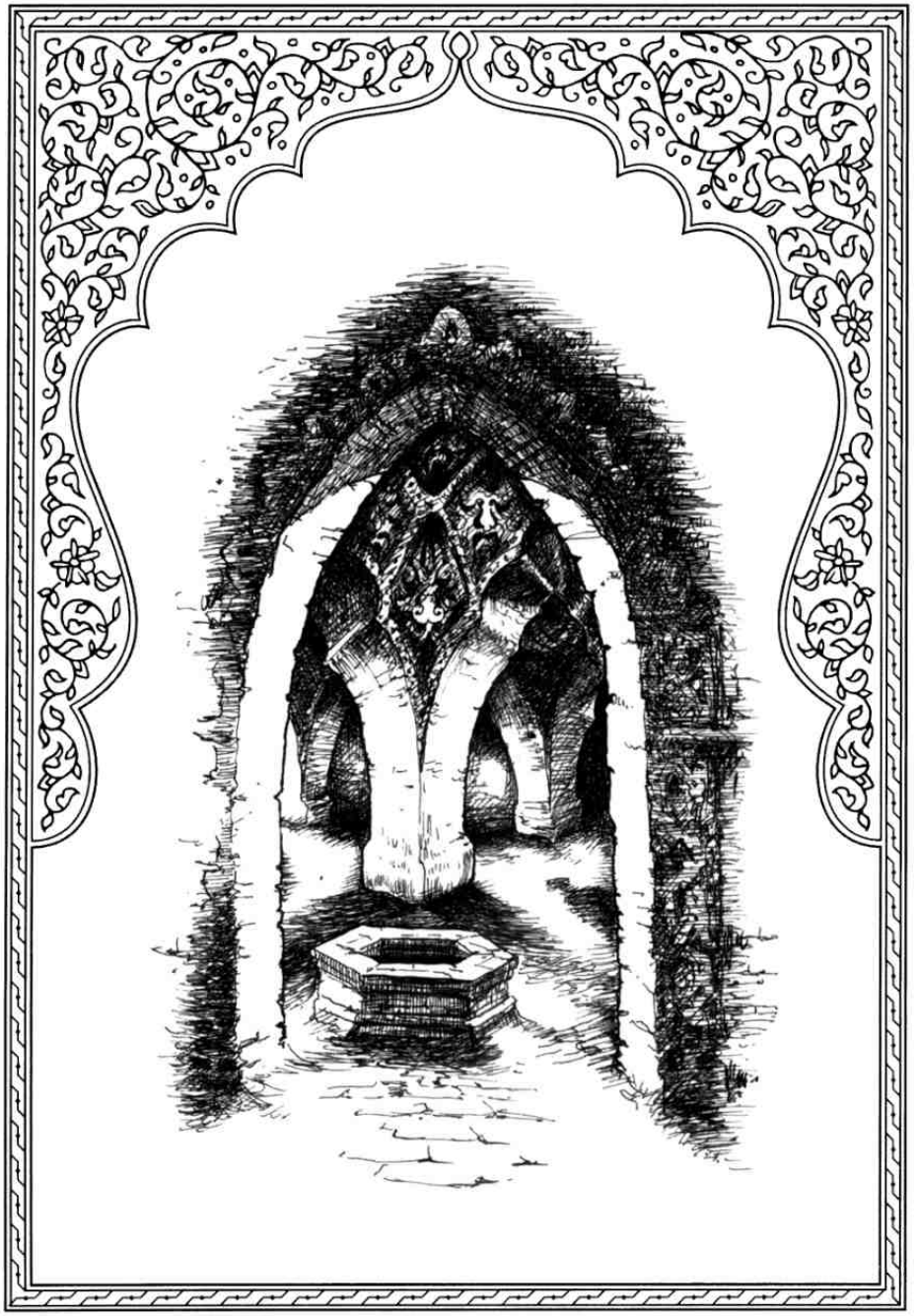
Когда *завтра*[8] обретешь ты вечную жизнь,
то перед Престолом обретешь тот кошель.

1685 Тысячи веков *этой* жизни
[Там] и мига[9] не будут стоить. Знай это,
если ты совершенен.

Поскольку *тому* [мигу-]вздоху не будет конца,
то тысяча веков [*здесь*] — это меньше малого!

Если *здесь* ты в страданиях умрешь
для времени[10],
то обретешь наслаждение вечной жизни.

А если ты скуешь ноги оковами времени,
то будешь ограничен временем
и связан местом[11].



ВТОРОЙ СЫН

БЕСЕДА ПЯТАЯ

[О желании второго сына]

Пришел второй сын к отцу и сказал:
«Я хочу научиться просверливать
жемчужины волшебства[1].

1690 Из всего мира мое сердце выбрало
волшебство;
если я овладею волшебством,

Смогу я увидеть любые страны,
в радости смогу жить повсюду.

То в мире буду жить, а то в сражении,
разгуляюсь я от востока до запада.

Захочу — и обернусь птицей,
а то вознесу главу, как человек.

То обращу свое тело в слоновье,
а то верну себе собственный облик.

1695 То взберусь на гору, словно леопард,
то вспеню море, как чудище морское[2].

Я увижу всех прекрасных,
к любым войду за завесу.

Ко всему, чего ни пожелаю, найду путь,
от Рыбы до Луны[3] всё будет мне доступно.

Ты только представь себе всё это!
Скажи, кому будет лучше[, чем мне]?!»

Ответ отца

Отец сказал ему: «Тебя одолел див,
вот твое сердце и ищет волшебства.

1700 Если бы не воздействие дива,
не было бы в твоем сердце такого желания.

Если избавишься от дива — будешь свободен,
а нет — ты злосчастный служитель шайтана.

Неужто о Господе ты не знаешь
совсем ничего,
что хочешь творить дела дивов
и ничего больше?!

Ради Господа ты нищему и куска хлеба
не подашь,
[а] ради прихотей потратишь
в сто раз больше.

Ты щедр для лицемерия и страстей,
но для Господа ты — человек ада»[1].

Рассказ первый

О Шибли и пекаре

1705 Жил в некоем краю один пекарь,
дошли до него рассказы о деяниях Шибли.

Немало он слышал о нем,
[но] не видел его ясного лица.

Он долго томился по нему,
ибо любил его горячо.

Любил не потому, что сам видел,
но любил его по рассказам о нем.

И вот однажды в жаркий день Шибли
прямо с дороги вбежал к нему,

1710 И не успел пекарь опомниться,
как тот взял себе одну из лепешек.

Пекарь выхватил из его руки хлеб:
мол, не дам я тебе, нищий, хлеба!

Не дал ему хлеба, и Шибли ушел.
Кто-то сказал тому пекарю:

«Это Шибли! Коли ты так его любишь,
что ж ты ему лепешки пожалел?»

Пекарь бегом помчался в пустыню,
от стыда кусая себе руку[1].

1715 Стократ в раскаянии падал ему в ноги,
и так и этак к нему взывал.

Вымаливал прощение усердно:
чем, мол, мне это исправить?!

Когда Шибли увидел его на пути, сказал:
«Если хочешь, чтобы это снялось с тебя,

Завтра пойди и устрой для нас пир,
устрой большое собрание».

И вот пекарь поспешил,
разукрасил роскошно палаты.

1720 Приготовил прекрасный прием,
потратил сотню золотых динаров[2].

Так великолепно всё устроил,
что никому бы такое не под силу.

Всем и каждому он сообщал:
«К нам придет Шибли!»

Наконец все сели за трапезу,
Шибли произнес молитву,
они преломили хлеб.

Там был один муж[3] смятенного состояния,
и задал он Шибли вопрос:

1725 «Не различаю я добра и зла;
скажи: кто принадлежит аду, а кто — раю?»

Ответил Шибли тому брату:[4]
«Если хочешь увидеть адского,

Посмотри на хозяина нашего пира:
он устроил пир из-за нашей славы.

Не дал он лепешки ради Бога,
но дал сто динаров — нам.

Ради Шибли он понес сотню убытков,
[а] Истинному лепешки не даст вовеки.

1730 Если бы он хоть лепешку дал без грубости,
не был бы он адским — был бы райским.

Если хочешь сейчас [увидеть]
адского — взгляни,
всю воду и хлеб его считай черными».

* * *

Если ты хочешь быть адским,
становись щедрым подобно ему.

Как можешь поклоняться искренне Богу,
если ты — лицемер и служитель пса?!

Для пса ты всегда тут как тут,
а для Истинного тебя нет.
Вот оно, твое неверие!

Рассказ второй

О молящемся и собаке

1735 Как-то вечером пришел в мечеть
благой человек,
сердце которого горело верой.

Решил этот муж, палимый скорбью[1],
что будет молиться до наступления дня.

Когда стемнело, раздался какой-то шум,
будто бы кто-то вошел в мечеть.

Тот муж, пришедший для молитвы, подумал,
что это — некто совершенный в делании.

Сказал он в сердце своем: «В такое место
такой человек
приходит только для поклонения Истинному.

1740 Конечно, он станет за мной наблюдать,
будет слушать мои молитвы и возношения.

Мне нужно быть очень внимательным в молитве,
чтобы этот человек понял, что я —
из людей Тайны»[2].

Всю ночь до утра творил он молитвы,
не отдыхал и не прерывался ни на минуту,

Много возносил молений и рыданий,
то каялся, то просил о прощении грехов.

Исполнил все правила и обряды,
поистине хорошо показал себя.

1745 Когда же неложная заря взошла с Востока[3]
и свет ее озарил мечеть,

Тот человек украдкой приоткрыл глаза —
в мечети спала собака!

От стыда его сердце облилось кровью,
слезы дождем потекли с ресниц.

Сердце его так горело в пламени стыда,
что стоны сердца опаляли ему гортань и язык.

Отверз он уста и сказал: «О невежа!
Истинный тебе сегодня через эту псину
преподал урок!!

1750 Всю ночь ты усердствовал ради собаки —
провел ли ты без сна хоть одну ночь ради Истины?

Ни одной ночи не видел я у тебя искренности[4],
чтобы ты творил поклонение ради самого Бога.

Собака гораздо лучше тебя, лицемер,
смотри — куда тебе до собаки!

От бесстыдства ты утонул в лицемерии,
у тебя совсем нет стыда перед Богом.

Когда в конце падет завеса,
что скажешь ты своему Господу?

1755 Теперь, когда я увидел, на какой я ступени,
отбросил я всякую надежду на свои дела.

Никакого от меня толку в этом мире нету,
а если и есть — такое только псам сгодится!»

* * *

Зачем ты хочешь быть сотоварищем диву,
из-за нафса, подобного псу, быть безумным?[5]

Беги из этого мрачного гнезда дива,
беги из этой темницы, полной безумцев!

Чего ты хочешь от этих, мыслящих, как Даджжал?
Чего ты ищешь от этих, строящих из себя Махди?[6]

1760 Если вражда приходит к тебе от друзей,
чертополох на твоем пути — из цветника[7].

Много даджжалов с лицами Махди,
которые, словно Даджжал, опьянены мнимым[8].

Сколько ты еще будешь идти за даджжалом
колдовства?
Не пришло ли время наконец услышать совет?

Если в конце времен [некто]
в своем несовершенстве
сделает семь шагов вослед Даджжалу,

То, — говорит муж, знающий тайное, —
ни на миг ему уже не освободиться,

1765 Станет подвластен тому во всём,
останется навеки в свите Даджжала.

Всякий, кто семь шагов, не согласных с верой,
пройдет вослед даджжалу — таков.

Тот, кто семьдесят лет в хитрости и лицемерии
направляет свои шаги (вот удивительно!)
по стопам Иблиса[9],

Он подобен Иблису, ведь в нем —
свойства Даджжала,
уж не знаю, что́ о нем и сказать!

Раз твои даджжалы: один — коварный див,
другой — низкий мир, а еще —
твой угнетатель-нафс,

1770 [То] с такими свирепыми даджжалами
сможешь ли хоть раз вздохнуть радостно?!

Много [людей] с сердцем махди,
непорочной жизни
взяты были в плен этим даджжалом-миром!

Много крови пролил этот даджжал,
не за один день — за десятки тысяч лет!

Рассказ третий

О разговоре Масиха с дольним миром

Непорочный Масих,
великий в мире горнем,
очень хотел увидеть дольний мир.

Вот шел он однажды, погруженный в свет,
и на дороге издалека увидел старуху.

1775 Волосы ее побелели, спина согнулась,
все зубы у нее повыпадали,

Глаза голубые[1], лицо — что смола,
всё тело ее было в нечистотах.

На ней был стоцветный наряд[2],
в сердце — злоба, в голове — вражда.

Одна рука раскрашена в сто цветов,
другая рука — вся в крови.

На концах волос — хищные клювы,
на лицо накинуто покрывало.

1780 'Иса, когда ее увидел, сказал: «О старая!
Скажи, кто ты — уродливая и коварная?»

Так сказала ему: «Поскольку ты весьма праведен[3],
то я — то желание, которое у тебя было».

Масих сказал ей: «Ты и есть низкий мир?»
«Я, — сказала, — такова. А ты кто такой?»

Масих сказал ей: «Ты закрылась завесой,
зачем же ты сделала себе
этот разноцветный наряд?»

Так сказала: «За завесой я для того,
чтобы никто никогда не разглядел меня.

1785 Ведь, если увидят мое лицо во всей его мерзости,
разве останутся со мной хоть на миг?!

А одежду я для того расцветила,
чтобы сбивать ею с пути всех людей Вселенной.

Кто ни увидит мой многоцветный наряд,
поневоле избирает любовь ко мне».

Масих сказал: «О темница низменности!
Почему у тебя одна рука вся в крови?»

Так сказала она: «О несравненный глава!
Это из-за множества мужей, которых я поубивала».

1790 Масих сказал: «Слушай, пьяная старуха!
Зачем ты разукрасила другую руку?»

Так сказала она: «Я ведь соблазнительница мужей,
и мне нужно много украшений,
чтобы быть красивой».

Масих сказал ей: «Когда ты убивала
всех этих людей,
у тебя совсем не было к ним жалости?

Так сказала она: «Что́ я знаю о жалости?!
Я только и знаю, что проливать кровь».

Масих сказал: «О бессмысленная!
Ты заманиваешь их и не знаешь милосердия?»

1795 Так она сказала: «Я слыхала о милосердии,
но никогда ни к кому милосердной не была.

Я постоянно кружу по свету,
чтобы побольше людей попало ко мне в силки.

Всем я вцепляюсь в горло
[и] для своих муридов становлюсь старцем»[4].

'Иса пришел от нее в изумление и так сказал:
«Мне отвратительна такая спутница!

Посмотри на этих несведущих дураков,
которые стремятся к той старухе-бродяге!

1800 Не вразумляются они той гулящей,
не делают послушание [Богу] своей основой.

Жаль! Люди этого смысла не разглядели,
забыв о вере, не разглядели дольнего мира».

Как сказал эти слова тот чистый и безгрешный,
отвратил он лицо от этого смертоносного мира.

* * *

Подобен падали этот предательский мир,
а ты, словно собака, тянешься к падали.

Если ты в рабстве у собаки и падали,
то станешь во сто раз хуже их обеих.

1805 Этой собаке всегда не хватает падали,
и эта собака никогда не насытит тебя.

Если посадишь ее на цепь — спасешься от нее,
а нет — день и ночь будет она терзать тебя.

Рассказ четвертый

О христианском затворнике и о шейхе Абу-л-Касиме

Один из христиан построил
хорошую обитель,
закрыл дверь и оставил лишь узенькое оконце.

Долгое время он там оставался,
предаваясь многим аскетическим трудам.

Однажды Абу-л-Касим Хамадани туда
пришел; много раз обошел он обитель,

1810 С каждой стороны подолгу взывал,
но так и не вышел к нему затворник.

Наконец [в ответ] на его громкие крики
затворник выглянул сверху из окна

И сказал: «О любопытствующий!
Что́ ты тревожишь горестного человека?

Чего ты хочешь от меня? Скажи прямо!»
Шейх сказал затворнику: «Вот чего я хочу:

Открой мне, коли есть у тебя любовь:
каким трудам ты предаешься здесь?»

1815 Отверз уста монах и сказал: «О старец!
Какие труды?! Оставь эти слова.

Увидел я в себе кусачую собаку,
что бессмысленно кружит по городу.

Я закрыл ее в этой обители,
затворил двери и не выпускаю,

Ведь она так и норовит бросаться на всех.
Вот и все мои труды в этой обители!

Я отказался от жены и детей
[и] запер эту собаку в темнице.

1820 Запри и ты свою, чтобы не могла она больше
приставать непрестанно к смятенным душой».

* * *

Свяжи свою собаку —
доколе пребывать в страстях?! —
чтобы *завтра* тебя самого
не превратили [в собаку][1].

Так сказал Пророк вопрошающему:
«Превращение моего народа — внутри сердец»[2].

Сердце твое — жертва злонравной [души-]нафс,
из-за ее злого нрава много предстоит тебе жертв.

На тебя набросился Афрасиаб нафса
и заточил в колодце, словно Бижана[3].

1825 А тут и Акван-див ополчился на тебя
и завалил твой колодец камнем,

Таким камнем, что у мужей мира сего
сдвинуть его не хватит сил.

Нужно, чтобы пришел к тебе Рустам,
снял этот тяжелый камень с твоего колодца,

Извлек тебя из этого мрачного колодца
и перенес в прибежище Духа.

Из коварного Туркестана естества
обратил к Ирану Божественного закона[4],

1830 Открыл тебе путь к Кай-Хусраву Духа
и там вложил в твою руку чашу Джама[5],

Чтобы малейшую пылинку, [отраженную]
в этой чаше,
ты воочию узрел [сияющей], как солнце.

На сей дороге Рустамом для тебя станет старец,
которого несет на себе Рахш[6] счастья.

Раз пагубное дыхание бешеной собаки
так явственно действует на людей,

Ты с великим мужем подлинного дела[7],
будь рядом, и будет тебе великая польза.

1835 Ведь для всякого, кто любит старца,
даже убытки станут прибылью.

Но ты-то не старец и не ученик,
ты иногда — Байазид, а иногда — Йазид[8].

Сколько тебе еще оставаться
двутелым созвездием[9],
сколько тебе еще оставаться
между верой и неверием?

Ты — не человек хирки и не человек зуннара[10],
ты — не то и не другое, а всё вперемешку.

По легкомыслию откололся от мусульманства
и к христианству как следует не пришел.

Рассказ пятый

О том, как христианин стал мусульманином

1840 Один христианин стал мусульманином, и,
торжествуя,
отправился на другой день этот невежда пить вино.

Когда мать увидела его пьяным, горестно
сказала ему: «О сын, что ты наделал?

Ведь 'Ису ты сильно огорчил
и Мухаммада ты не порадовал.

* * *

Идти по Пути как муханнас[1] — нехорошо,
в чьей натуре лукавство и слабость[2], — тот не муж!

Иди мужественно в той вере, в которой ты живешь,
ибо немужественность в вере —
это идолопоклонство.

Рассказ шестой

Об 'Умаре и Торе

1845 'Умар взял один раздел Торы[1].
Пророк, увидев это, сказал:

«С Торой непозволительно играть —
разве что стань законченным иудеем».

* * *

Поневоле придется стать законченным иудеем:
уж лучше такой иудей, чем незрелый правоверный.

Не смешивай свою [мусульманскую] веру и иудейство,
если бы ты был законченным иудеем — был бы мужем.

Ты — не то и не другое, а это запретно,
ибо несовершенство в вере — несовершенно.

1850 Ты не совершенен ни в вере, ни в неверии —
скажи наконец: где же ты?

Рассказ седьмой

О гебре, который построил мост

Некий гебр, который звался Пир[1],
крайне ревностный в делах своей веры,

Построил мост на свои средства,
и идущие [через мост] его благословляли[2].

Султан веры, победоносный Махмуд,
однажды подъехал к этому мосту.

Он увидел с дороги мост через реку,
мост прекрасный и на нужном месте,

1855 И сказал: «Вот доброе дело!
Кто же построил такой мост?»

Ему сказали: «Это гебр по имени Пир».
Взревновав, Махмуд там остановился,

Призвал его и сказал: «Ты — Пир, однако
полагаю, что ты — враг правоверных[3].

Приди, и, сколько золота ты истратил на этот мост,
столько и получи от меня полностью.

Раз ты гебр — нет твоей душе благословения
и не будет тебе пользы от этого моста[4].

1860 А не возьмешь золото — берегись! Когда ты уйдешь,
как ты со мной выйдешь на мост?»

Гебр отверз уста и сказал во всеуслышание:
«Пусть царь разрежет меня на куски,

Всё равно не продам, не возьму золота за мост,
потому что я построил его ради веры».

Царь заточил его и для пущего мучения
не давал ему в тюрьме ни хлеба, ни воды.

Наконец, когда мучения превзошли меру,
сердце гебра рассыпалось в прах и изошло кровью.

1865 Послал он весть царю и сказал: «Встань,
садись прямо сейчас на коня,

Возьми с собой уважаемого знатока,
который точно определит цену моста».

Обрадовался этому царь мира,
направился к мосту со своими приближенными.

Когда царь туда пришел с множеством народа,
на том мосту [уже] стоял этот мудрый гебр.

Отверз он уста и сказал: «О царь!
Теперь спроси у меня цену этого моста.

1870 Я встречу свою смерть на *этом* мосту,
[а] на *том* мосту дам тебе ответ.

Смотри — вот цена, о высокий царь!»
Сказал так — и тут же бросился в воду.

Когда он упал в воду,
вода унесла его, и отдал он и душу, и тело.

Отдал он тело и душу, но из сердца веры не изгнал,
поскольку она была его целью, о них
он не заботился[5].

* * *

Воде предал себя служитель огня,
лишь бы вера его не потерпела поражения.

1875 Но ты в мусульманстве таков,
что вода унесла тебя навечно.

Раз у гебра больше горения, чем у тебя,
научись мусульманству у гебра![6]

У кого во всём мире хватит наглости
принести Истине[7] монету из нечистого золота?!

В День Суда нужно золото наилучшего качества,
лишь такая проба достойна того пробного камня.

В тот час, когда твоя душа покинет тело,
как ты пойдешь к Истине с идолами в сердце?!

1880 Выбрось всех идолов, которые у тебя внутри, —
будучи домом идолов, ты не можешь идти к Другу.

Если у человека нога «уснула»[8],
сможет ли он пойти к минбару?![9]

Если не могут идти к минбару уснувшие ноги,
то и сердце, что *здесь* спит[9], не придет к Истине.

Если человек хоть один миг будет бодрствовать —
пусть всего лишь миг, — это уже очень много!

Всю свою жизнь ты дремлешь в беспечности,
ни разу не видел ты лика бодрствования.

1885 Будет ли польза от такого долгого сна,
которому пробуждением будет смерть?!

Если у тебя о себе горя нет, о человек, —
кто станет о тебе печалиться?

Неси без строптивости свою ношу,
своими руками делай свое дело.

Ибо никто не станет заботиться о твоем деле,
ни минуты не потащит твою ношу.

Рассказ восьмой

О вопросе дервиша Джа'фару Садику

Один дервиш, [человек экстатических]
состояний[1],
в искренности сердца спросил Джа'фара Садика:

1890 «Для чего это деннонощное воздержание?»
Ответил тот светильник, озаряющий сердца:

«Ведь никто другой не делал моих дел,
никто не съедал за меня предназначенный мне хлеб,

И, коли мне нужно делать свое дело [самому],
я стряхнул со своих плеч леность.

Раз мой насущный хлеб определен мне от начала,
я не испытываю ни жадности, ни алчности.

Раз смерть мне назначена без моего желания,
начал я шагать [уже сейчас] навстречу смерти.

1895 Поскольку я не видел в людях верности,
душой и сердцем выбрал я верность Истинному.

А всё иное, что я представлял себе в воображении,
было воображаемым, и я от этого отказался».

* * *

Не знаю, придешь ли ты к себе самому?
Когда ты вернешься от такой разделенности?

Трехсторонни желания мои и твои,
ты же хочешь, чтобы они стали
четырехсторонними[2].

Имей одну сторону, словно Ка'ба,
если ты [один] из нас!
Что ж ты словно игральные кости?![3]

1900 Тебя создали не ради игры[4],
создали не ради мнимости.

Смотри не растрать попусту свою жизнь!
Не полагайся слишком на свою жизнь!

Не знаешь разве, что каждую ночь тебя
подстерегает рассвет
и выкрадывает у тебя, спящего, жизнь из кармана?

Боюсь я, что, когда ты пробудишься,
не увидишь никакой наличности, обнищаешь.

Во всём, что ты ни делаешь, видна игра,
в твоем намазе видна не-намазность.

1905 Молитва, которую совершаешь небрежно,
не будет стоить и лепешки хлеба.

Рассказ девятый

О безумце и цене намаза

Безумцу, который шел путем порицаемых[1],
сказали: «В День воскрешения и суда

Некто свой десятилетний намаз
будет предлагать на продажу, [бегая] вверх и вниз.

Никто за него ему и лепешки не даст,
хотя он долго будет взывать к толпе».

Тот безумец возразил: «Не сто́ит того!
Весь его намаз одной лепешки не стоит.

1910 Потому что, если бы люди той долины[2]
покупали его,
не было бы ему нужды столько кричать».

* * *

Если у тебя будет сто деяний мнимых,
не думай, что это и есть намаз!

Раз он будет намазом лишь иносказательно,
в истинном смысле он будет не-намазным.

Рассказ десятый

О безумце и пятничной молитве

Был один безумец из людей Тайны[1],
он молился только в одиночестве.

Но однажды упросили его
прийти в пятницу на общинную молитву.

1915 И вот, когда имам возвысил голос,
безумец начал громко мычать.

Кто-то после намаза его спросил:
«Или твоя душа во время молитвы
не боялась Истинного,

Что ты мычал по-коровьи посреди собрания?
Да тебе надо голову отрубить, как свече!»[2]

Так ответил: «Мне образцом был имам,
я ведь должен следовать за ним.

Когда во время восхваления Бога
он покупал корову,
то и от меня услышал коровье мычание.

1920 Раз я его избрал руководителем во всех делах,
то, что он ни делает, я делаю то же».

Кто-то поспешил пойти к [тому] проповеднику,
подробно расспросил его обо всём этом.

Тот сказал ему: «Когда я завершил такбир[3],
[вспомнил:] есть у меня в дальних краях деревня.

Когда я начал возглашать восхваление Бога,
на память мне пришло: в той деревне есть коровы,

А у меня коровы нет. И как стал я покупать корову,
сразу позади себя услышал коровье мычание».

БЕСЕДА ШЕСТАЯ

[Вопрос второго сына]

Сын сказал ему: «Все люди,
сколько ни есть,
привязаны сердцем к своим желаниям[1].

1926 Ни на шаг не отступятся от желаний,
ни шагу не ступят без лицемерия[2].

Ведь *сегодня* — время [главенства] нафса[3],
не вижу я сердца, победившего нафс.

Если и я, чтоб получить желаемое,
немного попользуюсь волшебством,

Ну а в конце [жизни] в этом покаюсь, —
не будет мне, отец, большого вреда».

Ответ отца

Отец сказал ему: «О, как ты заблуждаешься,
как далек ты от тайн Истины!

1931 Смотри не растрать *сегодня*[1] попусту жизнь!
Ты ведь знаешь, что *завтра* тебя уже не будет.

Идешь в Вавилон, глупый ты человек,
учиться волшебству у Харута и Марута[2].

А те два ангела уже столько тысяч лет
висят вниз головой и томятся жаждой

В колодце, хотя от них до воды
всего лишь одна пядь — о, диво!

1935 Если они себе не могут дать воды,
какую дверь они тебе смогут открыть?

Если учитель такой беспомощный, —
кто же идет к нему учиться?

А ты *сегодня*, вижу, стал дивом:
мол, *завтра* успею стать ангелом!

Не смерть ли гонит тебя в Вавилон,
гонит тебя, легкомысленного и беспечного?!

Если бы смерть не поджидала тебя
в Вавилоне, —
не было бы у тебя в сердце такого желания».

Рассказ первый

Об ʿАзраиле и Сулаймане

1940 Слыхал я, что ʿАзраил, исторгающий души,
явился однажды во дворец Сулаймана.

Перед царем сидел некий юноша.
Ангел взглянул ему в лицо,

Рассмотрел его и вышел вон.
У того от страха всё внутри перевернулось,

Он тотчас сказал Сулайману:
«Вели, чтобы облако прямо сейчас

Унесло меня подальше отсюда[1],
ибо гнетет меня страх смерти».

1945 Сулайман сказал, чтобы облако немедля
перенесло его из Парса в Индустан[2].

Через день после того таинственного дела
ʿАзраил вновь явился к престолу [Сулаймана].

Сулайман сказал ему:
«О проливающий кровь без меча![3]
Что ты так пристально смотрел на того юношу?»

Тогда ответил ему ʿАзраил:
«Пришел мне приказ из [Божественного] Чертога:

"Через три дня забери его с пути[4],
в Индии внезапно забери его душу..."

1950 Увидав его здесь, я взволновался:
как доберется он туда за три дня?

Когда же облако отнесло его в Индустан,
я отправился туда и взял его душу».

* * *

Эта история — о том, что происходит
с тобой постоянно,
о том, что нельзя избежать
предвечного веленья.

Чего стоят все наши планы и расчеты,
если неотвратимы вынесенные определения?![5]

Всегда в точку изначального Определения
смотри и не становись в деле «косоглазым»[6].

1955 Когда Его дело не таково, как твое дело,
[то] и расцветшая роза тебе обернется шипом.

Пребывающий в раздвоенности
подобен многобожнику[7],
Наша беда [в разделении на] «Я» и «Ты».

Если твоя раздвоенность исчезнет,
то станут едины эта воля и *та* воля.

Пролей ты с каждой ресницы
хоть сотню кровавых слез, —
если тебе глаза закрыли, как ты их откроешь?

Если тебе связали руки, о израненный,
что́ смогут развязать твои связанные руки?

1960 Мужи разума в страданиях взыскуют веры,
[а] ты стремишься в гущу колдовства!

Каждая часть мира — словно сама боль,
все не жалеют жизни на поле битвы[8].

Знал ли ты хоть миг ту боль ради веры? О нет!
Были у тебя лишь никчемные страсти.

Если бы ты изведал хоть крупицу той боли,
ты умер бы для желания жизни.

Но пока меч не пронзил твою печень[9],
ни боли не знаешь ты, ни скорби.

Рассказ второй

О юноше, раненном камнем из баллисты

1965 У одного юноши был давний друг.
И ранило того юношу камнем из баллисты,

Он лежал в пыли и крови,
беспомощный, душа подошла к устам[1].

Жизни ему оставалось на два вздоха, —
а друг ему, [лежащему] в бессилии,

Сказал: «Ну ответь мне, что́ же с тобой?»
Тот ответил: «Да ты совсем обезумел!

Если бы в тебя попало камнем из баллисты,
тогда ты мог бы понять, каково твоему другу.

1970 Но ты не ранен — как ты это поймешь?!»
Сказал так — и освободился от [этой] жизни...

* * *

Где тебе знать, что за боль у [истинных] мужей!
[Лишь] мужи из мужей знают такую боль.

Если знаешь лекарство от моей боли —
подай, а нет — пойди посиди где-нибудь.

Удел мой, раз моя луна закрыта тучей:
увы мне, увы мне, увы мне!..

Сотни скорбей у меня *здесь*[2],
и каждая *здесь* тяжелее сотни гор,

1975 Если я расскажу повесть о своей скорби[3],
расскажу над морем и посреди гор.

Застынет в скорби море, словно каменная гора,
морем слез растекутся все горы...

Такой подлинный рассказ донесли нам предания:
каждый день, когда займется утро,

Посреди четырех столпов и семи вращающихся [сводов]
семьдесят облаков являются из мира Сокрытого[4].

На каждое сердце, что скорбит ради Истинного,
из шестидесяти девяти проливаются скорби.

1980 Но на каждое сердце, что терпит [их] ради Истинного,
всю радость изливает одно облако[5].

Земля и небо — это океан страдания.
Не станет погружаться в него подлинный муж.

Пока мой дом [стоит] на берегу океана,
я всегда буду в страхе перед волнами.

Вошел я в такой океан, о друг,
в котором утонули сотни тысяч душ[6].

Если столько душ тонет в нем каждый миг, —
где уж разглядеть половинку души![7]

1985 Не удивительно будет, если я сразу пропаду,
удивительно будет, если я буду видим[8].

Рассказ третий

О безумце из Каира

Жил в столице Египта один смятенный [душой][1],
которому дано было достоверное ви́дение[2].

Он сказал так: «Когда смятенный [из мужей] Пути
умирает от тоски по Возлюбленному, —

Это не удивительно! Удивительно, что это пламя
оставляет влюбленного в живых хоть один день».

* * *

Если влюбленный [и] остается живым
хоть один день,
он, словно свеча, остается постоянно
в слезах и огне.

1990 Никогда влюбленному не озариться светом[3],
если сам он в разлуке не будет гореть, как свеча.

Ведь горение влюбленного сильней,
чем у сотни свеч,
у него, как у свечи, свет —
от собственного горения.

Если горестный влюбленный
найдет возлюбленного, —
тот исчезнет сразу же, лишь будет увиден.

Кому доведется проверить пробу этой монеты,
у того радость окажется поистине сгоревшей!

Рассказ четвертый

О Фахр ад-Дине Гургани и гуламе

В Гургане[1] был один проницательный падишах,
имел он добрый нрав и чистую веру,

1995 Была у него милостивая натура,
величие и достоинство,
и Фахр Гургани пришел служить ему.

Свой язык он поставил ему на службу,
а тот оказывал ему много милостей.

У того шаха вселенной был гулам,
красотой лица подобный Йусуфу[2].

Два локона его были что две мускусные рыбы[3],
да что я говорю! — два индийца в Чине[4].

Его лицо было как луна, а локоны как рыбы,
от Рыбы до Луны[5] простиралось его царство.

2000 Если чьи-либо глаза видели его брови,
изгиб этих бровей насылал на них сглаз.

Два его нарцисса спали на ложе
с ресницами-шипами[6],
две его губы повадкой были
как одно гранатовое зернышко[7].

У его сладких губ было столько сахара,
что тростник пред его губами стоял препоясанный[8].

Его рот был меньше игольного глазка,
поэтому глаз о нем ничего не знал[9].

И вот однажды тот славный царь
созвал свое войско и начал пир.

2005 Фахр в тот день восседал радостный;
пришел тот гулам, озаряющий мир.

Красой он разбойничал везде, где была
хоть одна [живая] душа[10],
[своей] сладостью он рассыпа́л сахар по всему миру.

Тысячи сердец он похищал ресницами,
каждым волоском похищал сотни душ.

Аркан своих кудрей он опустил на землю[11],
из-за уст его поднялось волнение на небесах.

Когда увидел Фахр его лицо, тут же ему покорился,
душа покинула его, и сердце он ему отдал,

2010 Но из страха перед царем не отваживался
смотреть на это лицо, подобное луне.

Рассудок покинул его, но он рассудок сохранял
и мужественно сдерживал свои глаза[12].

Царь сразу понял эту тайну,
но завесу с ее лица не откинул.

Когда пирующие упились вином,
в опьянении повалились с ног, —

На том пиру от вина и от любви
к забравшему сердце
в Фахре проявились два опьянения[13].

2015 Такие волны огня вздымала его душа,
что душу свою он предал тому горению.

В том возбужденном собрании,
охваченный пламенем,
он был недвижен, словно свеча.

Когда царь увидел Фахра Гургани таким,
увидел его сердце, охваченное любовью,
и огонь в груди,

Тут же подарил ему своего гулама.
Красноречивый от радости онемел.

От пламени любви и стыда перед высоким царем
лицо его — вот удивительно! —
сто раз меняло цвет.

2020 Царь сказал: «Что́ с тобой, почему ты умираешь?
Раб — твой, возьми его за руку и забирай».

Гулам и Фахр, оба радостные,
отправились из царского собрания.

Но, хотя хмельным был Фахр и вне себя,
он выказал разум [мужа] рассудительного.

Знатным, что были вокруг шаха,
разумеющим добро и зло,

Он сказал: «Царь теперь хмельной,
да и гулама свалило с ног вино.

2025 Если я его сейчас из объятий шаха
заберу в свой дом до утра, —

То на другой день царь протрезвеет
и может раскаяться в своем решении.

А что, если он и вообще забудет обо всём,
если кровь в нем закипит от ревности?!

Коли раб его ночь проведет со мной,
то, что я ни скажу, всё будет напрасно.

По навету прольет мою кровь без вины,
выбросит меня собакам на дорогу.

2030 Скажет мне: "Не знаешь ты разве, невежда,
что речи пьяного не бывают разумными?

Почему не потерпел одну ночь до утра,
пока не придет в разум царь победоносный?"

Не стану брать его с собой,
пока [царь] во хмелю. Размыслим добро и зло».

Все сказали: «Верно твое суждение,
что он должен спать подле царя».

Под троном этого великого царя
был устроен каменный покой[14].

2035 В том покое было красивое ложе,
а на нем — девять покрывал.

Хмельного гулама в сопровождении
всего собрания
он уложил там спать при двух-трех свечах,

Почтительно зажег для него три свечи,
вышел — а сам пылал, как свеча.

В том подвале Фахр Гурганский
затворил его на глазах у всех вельмож.

Ключ сразу отдал им, а сам до утра
лежал у той двери, полный любви
к озаряющему сердца.

2040 Когда царь на другой день воссел с вином,
Фахр пришел и препоясался для служения.

Вельможи отверзли уста для речей,
положили перед шахом ключ.

Рассказали ему о Фахре — мол, такое он сделал,
что истинно его осмотрительность
превзошла все пределы:

Когда в опьянении царь дал ему того гулама,
поистине сохранил он к нему почтение.

Ночью на глазах десятка людей отправил спать —
[чтобы узнать,] что́ царь повелит после...

2045 Царь сказал: «Такое вежество безупречно.
Этот гулам — твой, он в твоем владении».

Очень Фахр этому обрадовался,
сердце его от радости так и вспыхнуло.

Когда же он наконец открыл дверь подвала,
из глаз его хлынули кровавые слезы.

Он увидел, что тот луноликий стал ужасным —
с головы до ног стал он черным углем:

Ночью огонь перекинулся от свечи
и упал на покрывала того подобного пери.

2050 Сгорел несчастный полностью,
ни покрывал, ни ложа не осталось.

Опьяненный вином и опьяненный сном,
утонул он в этом горящем огне.

Когда [Фахр] увидел его пленительное лицо таким,
огонь, [вырвавшийся] из сердца, охватил его душу.

Раз его друг исчез в огне,
то и ему оставалось лишь броситься в огонь.

Да что говорить! Сердце его обезумело,
множество безумств он сотворил.

2055 В этом безумии он бросился в пустыню,
день и ночь кружил там, словно небосвод.

Когда его любовь перешла пределы,
он поладил со своим страданием
и сделал своим вирдом рассказ о Вис и Рамине[15].

В нем он выговаривал свое горе до конца,
хотя и называл в этой истории другие имена.

День и ночь в пустыне он повторял ее и скитался,
в крови и прахе он и лежал, и скитался...

* * *

Ты не хаживал по этому пути,
тайны влюбленных ты не знал.

2060 Что́ ты знаешь о состоянии влюбленного,
у которого место поклонения — виселица?!

Нужно совершить омовение собственной кровью,
чтобы [тебе] даровали такое место поклонения[16].

Рассказ пятый

О Мансуре Халладже у подножия виселицы

Когда у подножия виселицы отрубили
обе руки Халладжу так жестоко,

То кровь, хлынувшая из его рук,
залила ему лицо и предплечья[1].

Ему сказали: «О [муж] смятенной судьбы!
Зачем ты залил свое тело кровью?»[2]

2065 Тогда он сказал: «Познавшему тайну любви,
для молитвы надобно омовение[3] кровью.

Ибо если свое омовение не совершишь ты кровью,
то не будет твоя молитва чистой».

* * *

Иди мужественно на улицу возлюбленного,
не бойся суда никого из сотворенных,

Ибо сердце, которое сильно Сущим,
не боится *порицаний порицающих*[4].

Приди мужественно, стой в деле Божием,
не внимай иным, будь принадлежащим Другу!

2070 Сколько тебе кружить по миру, словно небосвод!
Мужественно поднимись над своеволием,

Ибо если твоя любовь будет немужественной,
то от стыда все твои суставы скует боль.

Много было львов, обладающих силой,
которых сила любви обращала в муравьев!

Ты, что силой и мощью меньше муравья,
как ты сможешь появиться перед [ликом] любви?![5]

Рассказ шестой

О любви Маджнуна

Стоило лишь Маджнуну увидеть жилище Лайли,
не мог он вынести этого и убегал[1],

2075 Лицо его становилось шафрановым[2],
все волоски на теле становились копьями,

На всё его тело нападала дрожь,
словно у лисы при виде свирепого льва.

Ему сказали: «О пребывающий в отделенности!
Никто не видел подобного тебе храбреца.

Ты не боишься льва в чаще,
ты и думать не думал о леопарде,

Ты скитаешься по степям и горам,
ты, мужественный,
не боишься ничего в мире,

2080 А только увидишь шатер Лайли —
желтеешь и дрожишь, словно ивовый лист»[3].

Вот как ответил горестный Маджнун:
«Того, кому не страшны оба мира,

Лев любви (посмотри на его могущество!),
словно муравья, попирает ногами.

Природная сила любого человека
перед мощью любви — [всего лишь] ветер».

* * *

Если ты станешь мужем[, достойным] этих слов,
то станешь ты собеседником этого кипариса[4].

2085 Когда влюбленный пройдет испытание,
навсегда примет его возлюбленный.

Рассказ седьмой

О красавце отроке и дервише

Был один прекрасный луноликий отрок,
один его волосок был благоуханнее
всего мускуса мира.

На кончиках его локонов была [буква] «даль»,
этот «даль» *сулил* одно лишь *зло*[1].

Глядя на себя в зеркало, он видел луну,
его губы соперничали с рубином.

Поскольку бровями он непрерывно охотился на сердца,
был утвержден указ об этой непрерывности[2].

2090 Его уста были киноварным джазмом,
был тот джазм вакфом двадцати девяти харфам[3].

Так он был тесен, что и харфа не вмещал, —
конечно, и двадцати девяти в нем было тесно[4].

То перлы были для него [рабами] с проколотым ухом,
то Луна была для него [рабом] с кольцом в ухе[5].

Некоего дервиша сразила любовь к нему.
Всё сердце [того дервиша] стало кровью.

Когда горячая любовь ввергла его в огонь,
от огня все его суставы воспламенились.

2095 Когда же наконец его терпение иссякло,
пришел к этому всесветному красавцу,

Сказал ему: «От моей болезни нет лекарства,
потому что нет мне мочи жить без тебя.

Без тебя мне и мига жизни не надо.
Во мне уж души не осталось. Остальное ты знаешь.

Если смилуешься надо мной — я упаду у твоих ног,
если убьешь меня — я пребуду [живым][6].

Мне без тебя ни терпения не остается, ни силы,
сделай всё что хочешь — поспеши!»

2100 Когда отрок услышал это от влюбленного,
сказал ему: «Если ты готов отдать свою жизнь,

Испытаю тебя тяжелым испытанием,
увижу достоинство и цену твоей души».

Когда дервиш услышал эти слова,
он вскочил,
как огонь воспламенился, как дым взлетел.

Отрок тут же вскочил на коня,
помчался в степь, прочь от людей,

Накинул веревку на шею дервиша
и тут же погнал коня во весь опор.

2105 Помчался конь, а дервиш
бегом за ним с веревкой на шее.

Много его тот гонял во все стороны,
много его всячески мучил,

А когда заставил набегаться,
потащил в степь, полную колючек.

Этот несчастный был изранен в сотне мест,
в ноги впились тысячи колючек,
подобных розовым шипам.

Когда возлюбленный познал
тайну его сердца[7] —
что этот влюбленный
полностью предан любви,

2110 Что нет в нем похоти, он чист,
достоин тайны любовной игры[8], —

Сошел с коня этот украшающий мир,
с любовью положил его ноги к себе на колени.

Своими руками мучительные шипы
один за другим
целый день вытаскивал из его ног.

В своем сердце говорил себе
страдающий влюбленный:
«О, если бы каждый этот шип был сотней шипов!

Ведь, если бы на теле было больше ран,
моему сердцу было бы
больше покоя и утешения».

2115 Говорил он эти слова в своем сердце тайно,
а из каждой колючки расцветала тысяча роз:

«Если бы не было этих колючек в моих ногах —
не быть бы мне в объятиях этого отрока!»

* * *

Если в твоих ногах шипы ради Друга,
то каждый из них — розовый сад, а не шип.

Призывай его имя, пока не будешь убит
и пока всё твое тело не зальется кровью.

Если его имя выпьет твою кровь, то он
ради твоей крови взглянет на тебя.

Рассказ восьмой

О незрячем человеке и шейхе Нури

2120 Шел по дороге один слепец,
который постоянно твердил: «Аллах!»[1]

Когда Нури услышал от него
имя Истинного,
подбежал к нему в нетерпении,

Сказал ему: «Ты что, знаешь Его?
А если знаешь, почему ты еще жив?»

Сказал так — и словно впал в исступление,
ты сказал бы: его томящаяся душа покинула тело.

Пламенея, он устремился в степь,
а на его пути был срезанный тростник.

2125 Он так изранился в этих зарослях,
что всё его тело было изрезано.

Наконец столько крови вышло из его тела,
что его душа вышла вместе с кровью.

Посмотрели на него и увидели, что он мертв,
всё вокруг было в его крови.

Кровью из груди этого убитого на пути
на верхушке каждого тростника
было написано: «Аллах».

* * *

Вот так надо слушать пение тростника:[2]
принять смерть от тростника и опочить в крови.

2130 Когда услышишь имя Друга, стань таким же,
каждой своей частицей стань океаном огня.

Если ты в Любви не проиграешь свою душу,
эта твоя Любовь останется иносказательной[3].

Если в Любви ты будешь человеком Тайны,
любовь твоя будет правдой[4],
и ты отдашь свою жизнь.

Рассказ девятый

О шейхе Абу-л-Касиме Хамадани

Как-то раз 'Абу-л-Касим Хамадани
отправился в путь из Хамадана.

Он подошел к языческому храму
и ждущих чего-то
увидал людей, стоящих перед этим храмом.

2135 Увидел там на огне котел с маслом,
бурлящим, как вспененное море.

Но вот пришел какой-то христианин,
склонился до земли перед этим идолом[1].

Спросили у него: «О смиренный!
Кто ты для Бога?» Он ответил: «Раб».

Ему сказали: «Тогда клади скорее свой дар!»
Ну, он положил дар и умчался, словно дым.

Пришел другой, сделал то же самое,
и тем же порядком еще десять человек.

2140 И вот пришел наконец еще один,
пришел обессиленный и сам не свой[2].

Был он изнуренный, иссохший,
желтый и тощий,
ты сказал бы — то был мертвец
на [смертном] одре.

Его спросили: «Кто же ты такой?
Ведь ты словно живой мертвец!»

Он так ответил: «Я — клочок кожи[3],
я — друг моему Богу!»

Когда сказал он эти слова, они сказали: «Сядь!»
Он радостно сел на золотое сиденье.

2145 Мигом принесли то масло
[и] опрокинули ему на темя.

Из-за кипящего масла тот несчастный
тут же уронил к ногам чашу своей головы[4].

Когда эта черная чаша исчезла,
его сразу целиком сожгли,

Потому что пепел, который останется от его праха,
станет лекарством от всякой болезни.

Когда шейх увидел это, он убежал из обители,
много он размышлял об этом деле.

2150 Сказал он себе в сердце своем: «О занятый игрой!
Когда идолопоклонник пришел
к любви иносказательной[5],

Он ради этой любви проиграл жизнь.
Если твоя душа — обладатель Тайны,

То и ты ради истинной любви будь таким,
а иначе — присоединись к муханнасам[6].

Коли он в любви к идолу таков,
то, раз ты верен любви к Истинному,

Распрощайся с жизнью — или распрощайся с верой,
если того не можешь сделать — это сделай».

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ

[Вопрос второго сына]

Сын сказал ему: «Это — высокое дело.
Кто знает, докуда простирается
высота любви?

2156 Подниматься можно по мере своих сил,
добираться до верха можно
ступенька за ступенькой.

Той высоты любви, где сгорает душа,
можно ли достигнуть за один день?

Если я не могу дотянуться до ветки,
зачем мне притязать на достижение ее?

Не могу выбросить из головы мечту о магии,
мне необходимо ее осуществить.

2160 Раз сердце этого просит — что́ мне делать?!
Ведь если не получит — изойдет кровью!»

Ответ отца

Отец сказал ему: «Тебе надо просить о том,
о чем правильно просить у Господа Величия.

Ибо, если будет недостойным просимое,
оно принесет тебе только погибель».

Рассказ первый

Об ‘Исе и Величайшем имени

Некто однажды попросил ‘Ису:
«Научи меня Величайшему имени Бога!»[1]

Масих[2] отвечал: «Ты не годишься для этого.
Зачем ты просишь о том, что тебе не по силам?»

2165 Долго тот человек его заклинал:
мол, должен ты открыть это имя!

Когда наконец узнал он Величайшее имя,
от радости сердце его засияло как свеча.

И вот однажды тот человек по степи
мчался, подобно быстрому ветру,

И заметил на пути яму, полную костей.
Он поразмыслил и почел разумным

Увидеть какой-нибудь признак[3]
Великого имени,
испытать его в чем-то совсем малом.

2170 Именем этим он у Господа попросил
прямо сейчас оживить мертвые кости.

Только он произнес это имя, кости
соединились и сразу ожили.

Появился оттуда лев,
из глаз его били языки пламени.

Ударил он лапой и убил того мужа,
лапой сломал спину тому мужу.

Тут же свирепо сожрал злосчастного
и оставил его кости при дороге.

2175 Та яма, в которой были кости льва,
наполнилась теперь костями того человека.

Когда услышал об этом 'Иса, взволновался,
отверз уста и так сказал друзьям:

«Если того, чего ты недостоин,
просишь у Бога, не одобрит этого Бог».

* * *

Ты не можешь просить у Бога всего
что ни есть хорошего,
ведь нужно просить только того,
что по твоей мере.

Если ты будешь достоин,
чего ни попросишь — получишь, и даже больше.

2180 Ведь пусть твое дело — плач и мольба,
но Его дело — даровать без условий.

Какую можешь ты предъявить причину? —
Ведь Он Сам подарит, если ты будешь достоин[4].

Рассказ второй

О Намруде

Когда Намруду восемьсот лет
минуло, плохи стали его дела[1].

Хоть он был спесив и телом что слон,
но преградил ему путь один комарик.

Стало ему очевидно, что за отрицание [Бога]
наслал на него Бог этого комара.

2185 Сказал он Ибрахиму: «Известно,
что у меня больше тысячи сокровищниц.

Все они полны червонного золота и жемчугов,
все их тебе дарю — вознеси же молитву,

Чтобы своей щедростью и милосердием
Всевышний Бог
дал мне совершенство посредством света веры».

Халил[2] там же склонился лицом к земле,
отверз уста: «О чистый Вседержитель!

Сними замóк с сердца этого неведающего,
сбрось цепь и отвори дверь!

2190 Верою обнови его опьяневшую душу,
по щедрости Своей не дай ему
умереть идолопоклонником!»

Пришло речение от Престола: «О пророк!
Оставь его и не печалься о нем!

У Нас нет веры на продажу,
ибо эта жемчужина веры дается в дар.

Если Мы захотим и пошлем веление —
христианин станет мусульманином».

* * *

Великие, которые видели Его самодостаточность[3],
ни ночью не спали, ни днем не знали покоя.

2195 Не могли они видеть той центральной точки Тайн[4],
вот и кружили непрестанно, опрокинутые, как циркуль[5].

Поскольку никто не знает о своем последнем миге,
то страх и трепет — вот всё, что мы представляем
об этом миге[6].

Рассказ третий

О христианине и Байазиде

Был один христианин, носивший зуннар;
пришел он прямо с базара к Байазиду:

Он стал мусульманином, отбросил сомнения
и сразу же изрезал [и сорвал с себя] зуннар[1].

Когда новообращенный мусульманин сорвал зуннар,
шейх принялся горько плакать.

2200 Некто спросил его: «Шейх, почему
ты так плачешь о том, о чем впору бы радоваться?»

Он так сказал: «На меня напал плач [вот почему]:
как это может быть, что через семьдесят лет

[Бог] развязывает ему путы зуннара,
в один миг его убыток заменяет на доход?!

[А] если [Он] этот зуннар повяжет мне —
как быть, что делать? Вот о чем я плачу.

Если тот зуннар, который он сейчас разрезал,
[Господь] повяжет другому — как мне быть тогда?!»

* * *

2205 Если изрезать зуннар — не прегрешение,
то отчего нельзя повязать зуннар?![2]

Водой и кровью становятся желчь и сердца тысяч людей
[в ожидании:] каков же будет исход этому делу?![3]

Если бы жизнь имела здесь хоть какую-то цену,
не было бы смерти людей и убийства животных.

Поднимешь ли ты голову до небес,
сделаешь ли своей обителью колодец,

Сломаешь ли ты голову или поднимешь высоко —
это нисколько не изменит ни конца твоего, ни начала.

2210 Будешь ты без головы или гордо поднимешь голову —
всему будет равная цена для [Божественной]
самодостаточности[4].

Рассказ четвертый

О безумце перед вратами Ка'бы

Один безумец, плачущий и страдающий[1],
провел у Ка'бы всю ночь до рассвета.

Жалостно твердил: «Если Ты не откроешь мне дверь,
я, как дверное кольцо, буду биться о дверь головой,

Пока наконец не разобью свою голову
и сердце мое не освободится от этого страдания».

И тут голос прозвучал в его сердце:[2]
«Ка'ба два или три раза была полна идолов[3].

2215 Разбились те идолы, что внутри нее;
представь, что разбился и один снаружи —
что с того?

Если ты разобьешь свою голову снаружи,
ты тем самым сокрушишь идола.

Без твоей головы на этом пути не будет убытка,
ведь там даже океан не сто́ит и капельки росы».

Когда великий муж услышал тот голос,
когда он услышал об этих тайнах,

Он упал на землю, из глаз заструилась кровь...
Много душ от такого горя обольется кровью,

2220 Ведь с Ним мы не можем тягаться.
остается нам плакать и горько рыдать.

Рассказ пятый

Об Аййубе

Рассказывают, что пророк Аййуб
всю жизнь страдал в тяжких бедствиях,

Терпел страдания и от волков мира сего,
и от червей немало мук перенес[1].

Пришел к нему Джабраил и сказал: «О чистый!
Что́ молчишь?[2] Стенай от всей своей
страждущей души![3]

Ведь гибни ты хоть каждый миг,
Богу от того не будет горя!

2225 Терпи ты хоть всю свою жизнь,
у тебя терпения не больше, чем у Бога».

* * *

Вот так предопределение поворачивает циркуль[4],
и никто о нем ни точки не знает.

Ни сердце ничего о сердце не знает, ни душа,
но всё продолжается и без того, и без этой.

Рассказ шестой

О словах Йусуфа Хамадани

Так рассказал тот светильник,
озаряющий сердце,
всезнающий Йусуф из Хамадана:[1]

«Однажды вельможи сказали Йусуфу:
“О изранивший сердце Зулайхи![2]

2230 Ты оставил женщину беспомощной, без друга,
она от твоего равнодушия больна.

Ты у нее при жизни отнял сердце,
если хочешь вернуть ей сердце — верни!”

Так сказал тогда Йусуф: "Никогда
не отнимал я се́рдца у той немощной старухи!

Я и не знал о том, что у нее отнято сердце,
и не искал способов отнять у нее сердце.

У меня не было никаких дел с ее сердцем,
у меня и в мыслях никогда такого не было.

2235 Ты говоришь это мне, который
вот уже двадцать лет
как и свое-то сердце потерял, —
да это ведь невозможно!"[3]

Тот, кто не знает о своем собственном сердце, —
как найдет дорогу к сердцу другого?!»

Некий вельможа спросил однажды у Зулайхи:
«Как же Йусуф отнял у тебя сердце? Ответь!

Ведь, если твое сердце у тебя, ты притворяешься,
когда просишь у Йусуфа свое сердце обратно».

Зулайха стала клятвенно заверять его:
«Да хоть бы один мой волосок знал что-то
о моем сердце![4]

2240 Не знаю, почему мое сердце стало влюбленным,
и если стало влюбленным — то, Боже,
куда оно делось?

Ведь Йусуф вовсе не держит сердце,
и у Зулайхи тоже этого сердца нет!»

Если ни этот, ни та здесь были ни при чем,
ни этот не забирал сердце, ни та не владела
сердцем[5], —

Так куда же оно делось, это сердце?!
Что́ я скажу об этом колдовстве и этой причине?!

* * *

О чауган, который так ударил по мячу[6],
что тот промчался от Востока до Запада,

2245 А затем сказал: «О быстрый мяч!
Беги разумно, не свались в яму!

Ведь если ты будешь бежать вкривь, о мяч,
то останешься навечно в огне и колодце»[7].

Раз путь мяча не будет [задан] без чаугана,
то нет вины на катящемся мяче.

[Но] хоть не твои дела причина той вины,
всё же ложится эта вина на твои плечи.

Рассказ седьмой

Сравнение Предвечности с луком

Некто великий сказал:
«Предвечность — словно лук,
каждый миг оттуда вылетают тысячи стрел.

2250 С другой стороны цель — вечность без конца,
и ни в ту сторону, ни в другую нет дороги.

Когда стрела летит из лука прямо —
таков промысел, так пожелал стрелок.

Но когда летит криво, отклоняется от пути,
тогда да будет этой стреле проклятие!»

Не знаю ничего удивительнее этого,
сердце обливается кровью,
больше я ничего не знаю...

Рассказ восьмой

Об Абу Бакре Суфала

Так сказал Бу Бакр Суфала:
«Я постоянно ввергнут в воду.

2255 Бросили меня в воду и говорят:
"Смотри не намокни, о бессильный![1]

Потому что хоть ты и погрузился [в воду],
если намокнешь, будешь из [людей]
с намокшей полой!"»[2]

* * *

Не намокай, хоть ты и постоянно в воде!..
Лев чащи — и тот здесь будет бессилен.

Кто знает, каково мужам, из-за той печали
беспомощно утопающим в пучине крови?»

Если бы эта боль была твоим уделом,
целый мир крови ты бы пролил
из своего сердца.

Рассказ девятый

О султане Махмуде и безумце

2260 Однажды Махмуд пришел
к каким-то развалинам,
увидел там безумца, терзаемого горем.

На нем была шапка из войлока[1],
[всё] добро и зло мира он отверг.

Султан пробыл рядом с ним какое-то время,
ты сказал бы — вся скорбь мира была в нем.

Ни минуты он на султана не смотрел,
ни на миг не оставил своей скорби.

Царь сказал ему: «Что у тебя за скорбь,
такая, что на сердце твоем
словно сотня гор?»

2265 Заговорил тот муж из-за завесы тайны:
«О взращенный за ста завесами неги!

Будь на тебе тоже такая шапка из войлока,
ты нашел бы дорогу к этой скорби.

Но посреди царствования —
что́ ты знаешь про жестокость
боли разлуки?»

* * *

Воск, покоясь с медом в сотне нег,
не ведает ни об огне, ни о ножницах[2].

Но когда из него сделают свечу,
из его горения делают свет для всех,

2270 Когда слезы и огонь увенчают его,
тогда узнает он, что́ ему выпало.

У тебя сейчас тоже нет знания о себе,
но, как только тебя заберут с пути[3],

С каждым вздохом ты будешь узнавать,
что при жизни ты был мертв.

Рассказ десятый

О срубленном дереве

Некто сре́зал с зеленого дерева ветку,
а мимо дерева проходил муж страдания[1].

Он сказал: «Эта цветущая ветка,
которую отсекли от ствола,

2275 Потому лежит свежая и зеленая
при дороге,
что не знает еще, что ее срезали.

Она еще не ведает о своей беде,
лишь через неделю она узнает о ней».

* * *

Сейчас ты ничего не знаешь
о своем состоянии[2],
а узнаешь, когда птица твоей души
подойдет к устам[3].

Ты видишь: птица души
попала в силки ради зернышка —
кто же дает это зернышко райской птице?

Когда Адам дал зернышко птице души,
отпал он от рая вечного[4].

2280 А если бы Адам не съел пшеницу,
люди не ели бы всё подряд, кроме людей[5].

Если от тебя убегают звери и птицы,
то убегают они потому, что ты их ешь.

Рассказ одиннадцатый

О Хасане Басри и Раби'и

Однажды Хасан ушел из Басры[1]
и пришел в пустыню к Раби'и.

Дикие козлы, всевозможная дичь и лани
во множестве окружали ее со всех сторон.

Когда издалека увидели Хасана,
все сразу разбежались от Раби'и.

2285 Когда Хасан это увидел, он был поражен,
некоторое время мучился ревностью,

Потом он с искренностью спросил у Раби'и:
«Почему животные вот так

От тебя не убегали, а от меня разбежались?
Может, они увидели во мне недостойного?»

Тогда она спросила о его тайном:
«Что ты ел сегодня?» Сказал:
«Луковую похлебку[2].

В то время у меня, о чистая душой,
был лук и немного [бараньего] жира.

2290 С трудом[3] состряпал я луковую похлебку
и съел ее перед приходом к тебе».

Когда Раби'а услышала от него эту тайну,
она — о диво! — возвысила по-мужски голос:

«Съеденный жир разогнал эту горстку!
А как же им не убегать от тебя?!»

* * *

Если ты будешь есть мало, как муравей,
то меньше достанется пищи червям
в твоей могиле.

Если твоей ежедневной пищей
будет один финик,
ты будешь защищен от могильных червей.

2295 Когда черви станут глотать твое тело,
им придется довольствоваться
одним фиником.

Ты так уповаешь на хлеб и воду,
набил свой живот по-богатырски!

Ты ничто без нужника и кухни, о муж!
Твое сердце не вырывается из этих двух адов, о муж!

Из одного ада переходишь в другой,
выйдешь из нужника — и сразу в кухню.

Ты ни минуты не можешь без еды и испражнения.
До коих же пор тешиться пустыми фантазиями?[4]

2300 Тебе было сказано очищать свою душу,
а ты всегда заботишься только о своем теле.

Ты должен всегда чтить внутреннее,
а ты всё только и служишь внешнему.

Некто сказал: «В себе самом разожги огонь,
а когда съел кусок — сядь и помолчи».

Рассказ двенадцатый

О Мусе

Мусе сказал Истинный: «О муж тайны!
Когда ты один, следи за своим сердцем,

А когда ты с народом — будь приветлив,
в этот час следи за своим языком.

2305 А если идешь по дороге — береги голову,
гляди на то, что у тебя под ногами.

И если расстелют перед тобой десять скатертей,
то и там следи за своей гортанью[1],

Ведь ты весьма несовершенен[2], а несовершенный
препоясывается ради пропитания».

* * *

Когда беспомощное дитя приходит в мир,
для его напитания в груди матери
умножается молоко.

Ибо, когда предопределяли судьбу этого младенца,
для его пропитания ее сосцы снабдили молоком.

2310 Тебе всегда дается дневное пропитание —
зачем же людям нападать друг на друга?

Всё это суета, о суетный!
Зачем ты идешь вслед за суетой?

Если ты мудр, отбрось суету!
Ты сегодня живешь — отбрось печаль
о завтрашнем дне!

Рассказ тринадцатый

О молчащем безумце

Был один безумец в Багдаде,
который ни слова не говорил и не слушал.

Ему сказали: «О немощный безумец!
Почему ты никогда не говоришь ни слова?»

2315 Он так сказал: «Кому мне говорить слово?
Раз нет людей, от кого мне искать ответа?»

Ему сказали: «А этот народ, который сейчас тут?
Ты разве не видишь, что все они — люди?»

Он так сказал: «Эта толпа — не люди.
Человек — это тот, кто в своем величии

Не печалится ни о сегодняшнем дне, ни о завтрашнем,
из-за пустого дела не тревожится,

Не горюет о том, что еще не пришло,
не убивается о том, что уже прошло,

2320 Не печалится ни о бедности, ни о хлебе насущном,
у него об одном лишь печаль, день и ночь».

* * *

Ведь в обоих мирах есть только одна печаль —
я говорю тебе истину, нет в том сомнения.

Если ты сегодня печалишься о завтрашнем дне,
ты с чистоганом сего дня выпускаешь из рук свою жизнь.

Не печалься, ведь в этом мире нет сопечальника,
а если печалишься, каждый миг будет тысячью [печалей].

Быть радостным, где нет радости, — вот совершенство,
ибо бесполезно искать чистоган сердечной радости.

2325 На этой стоянке — в потопе обольщения и обмана[1] —
для кого хоть на единый миг возможно веселье?!

То, что придет в конце, будет хуже того[, что сейчас,] —
здесь сотни печалей и приближаются другие.

Что́ ты хочешь от этой радости, которая рождает печаль?
Что́ ты хочешь от бытия, которое рождается из небытия?

Радость твоя — только в Нем, другой нет,
печалься об отсутствии счастья, а о другом — нет.

Если ты хоть на мгновение обретешь радость в Нем,
у тебя будет наличность целого мира радости.

2330 И если Его имя призовешь хотя бы раз,
все имена будут у тебя на языке.

Рассказ четырнадцатый

О том, как Маджнуна спросили о Лайли

Некто спросил у горестного Маджнуна:
«Что говоришь ты о Лайли, несчастный?»[1]

Упал на землю Маджнун ничком,
сказал ему: «Скажи еще раз "Лайли"!

Сколько ты будешь искать от меня смыслов?[2]
Тебе достаточно произносить [имя] "Лайли"!

Пусть будет и много просверлено жемчужин смысла[3],
это всё не то, что сказать "Лайли!".

2335 Если ты произнесешь имя и хвалу Лайли,
то скажешь о целом мире из мира тайн!

Если можно постоянно произносить имя Лайли,
для меня будет неверием хоть раз сказать
о [чем-то] другом».

Если кто-то начинал [произносить] имя Лайли,
к Маджнуну возвращался разум[4],

А если поминали что-нибудь, кроме имени Лайли,
становился безумцем и жалобно кричал.

* * *

Если ты помнишь о своей потерянности,
тогда можешь подлинно поминать Его[5],

2340 Но пока перед тобой стена из твоей самости[6],
пусть ты и поминаешь Его — всё равно поминаешь себя.

Рассказ пятнадцатый

О муэдзине и безумце

Сладкогласый, из стремящихся к благу,
был один муэдзин в городе Исфахане[1].

В том городе был высокий купол[2],
глава его терлась о вращающийся купол [небес].

Поднялся на купол тот горделивый муж,
призвал людей на предписанную молитву.

А мимо проходил один безумец.
Его спросили: «О просвещенный муж!

2345 Что́ говорит на этом куполе муэдзин?»
Ответил ему тот добродетельный безумец:

«Этот орех — с головы до пят скорлупа,
он катится с вершины купола, о друг.

Коли его не трогает святость [внутреннего] смысла,
знай несомненно, что это орех [катится] с купола»[3].

* * *

Ты — словно орех: в своем небрежении
перечисляешь девяносто девять имен Истинного[4],

Но, раз в тебе нет следа ни от какого из имен,
ты не знаешь и сотой доли из сотой доли [имени].

2350 Так в чем же цель этого перечисления?
Ведь тебе — что поклоняющегося называть,
что поклоняемого!

Он не высчитывает тысячи Своих милостей к тебе,
не высчитывай и ты перед Ним, словно скаред!

Раз Истинный сделал Свое имя скрытым[5],
как ты сможешь хоть раз помянуть Его?!

Раз ты не можешь ни слова сказать о Его сути,
ни слова не надо говорить ни о ком другом.

Рассказ шестнадцатый

Об Абу Са'иде из Михны

Так сказал однажды шейх из Михны:
«Я ходил к одному старцу, озаряющему мир.

2355 Находил его постоянно в глубоком молчании,
погрузившимся в бескрайнее море.

Я сказал ему: "Скажи хоть слово, о старец,
чтобы сердце получило подкрепление от твоих речей".

Ненадолго склонил [старец] голову в состоянии озарения
и затем сказал: "О ищущий речей!

Что́ ты знаешь, кроме Истинного? Что́ мне искать?
Не стоит это речей[1] — что́ мне сказать?!

Ведь о том, что является несомненной Истиной,
невозможно сказать, — отсюда и мое молчание"».

* * *

2360 Раз не можешь сказать — к чему столько [Его] поминать?!
Раз не можешь обрести —
к чему столько взывать о помощи?!

Поминание Его — не для каждого языка,
но и молчать невозможно ни минуты.

Такое дивное дело потому произошло,
что возлюбленный был крайне прекрасен.

Постоянно необходим влюбленный,
чтобы возлюбленный делал его
то существующим, то несуществующим.

Между влюбленным и возлюбленным — такая связь,
изъяснять которую мы не достойны.

2365 Только если онемеешь в своем красноречии,
подобает тебе подступиться к изъяснению.

Раз возлюбленный по красоте был таким,
что был солнцем земли и неба,

Раз возлюбленный по красоте уникален,
несомненно, влюбленный должен быть
страстно желающим.

Ибо, когда возлюбленный начинает красоваться[2],
он превращает глаза всех влюбленных
в источники вод.

Если бы у возлюбленного не было влюбленного,
Он не был бы достоин быть возлюбленным[3].

2370 Возлюбленный не бывает закрыт от влюбленного[4],
ибо цену возлюбленному
знает только влюбленный.

Красота такового [возлюбленного]
на большом базаре[5]
становится явной благодаря горению влюбленных.

Возлюбленный сам создает влюбленных в себя,
раз не видит он влюбленного, достойного Себя.

Пусть возлюбленный поднимется
до [звезды] 'Аййук[6],
никогда не увидишь ты влюбленного,
иного чем возлюбленный.

Поскольку возлюбленный [сам]
творит себе влюбленных,
то без возлюбленного не было бы и влюбленного.

2375 Пусть влюбленный исчезнет навечно
и пусть он пропадет из обоих миров,

В бытии ли он или в небытии —
сердце возлюбленного всегда в его руке.

Рассказ семнадцатый

О султане Махмуде и Айазе

Как-то утром справедливый Махмуд
сказал своему приближенному Айазу:
«О благой сердцем!

Я сегодня собираюсь на охоту.
Если ты пойдешь со мной — дело доброе».

Гулам сказал ему: «Мне хватит и одной добычи,
я ведь уже здесь поохотился».

2380 Царь сказал ему так: «Ну и искусный ты наездник!
Чем же ты здесь поймал свою добычу?»

Гулам сказал ему: «О мой высокий царь!
Добычу я поймал своим арканом».

Царь сказал: «Что у тебя за добыча?»
Ответил: «Ее зовут Махмуд».

Царь сказал ему: «Покажи свой аркан».
Распустил он до пят свои длинные локоны[1].

«Аркан мой, — сказал он, —
мои беспокойные локоны,
добыча моего аркана — царь мира».

2385 Эти слова запали в душу Махмуда,
он опустил голову, загорелся, как ало́й[2].

Он извивался[3], словно змея,
жалили его, словно скорпион, эти слова.

Он приказал, чтобы его высокий кипарис[4]
с головы до ног связали собственным арканом.

Хотя, ты сказал бы, он этого
жасминостанного связал,
но сам втайне сотней душ привязал к нему сердце.

Сказал ему [царь]: «О Айаз, довольно!
Который из нас — добыча в аркане?»

2390 Открыл уста Айаз и сказал: «О царь!
Если ты навечно бросишь меня в колодец

И если безжалостно прольешь всю мою кровь —
ты [всё равно] вечно будешь моей добычей».

Царь сказал ему: «[Это] ты попался в силки —
почему же ты называешь меня добычей?»

Гулам сказал ему: «Тело — ветвь, а сердце — корень[5],
мое соединение с твоим чистым сердцем —
совершенно.

Если на один миг мое тело [и] попало
в твой силок,
твое сердце попало в мой силок навсегда.

2395 Обрежешь ли ты мои локоны, сожжешь ли —
у тебя не будет твоего сердца ни одного дня».

Знай твердо, что во́роны моих локонов[6] с этих пор
не будут пить ничего, кроме крови твоего сердца[7].

Если твой бедняк[8] станет прахом,
то и этот прах будет пить твою кровь.

Буду ли, не буду ли я существовать, —
я всегда буду пить кровь Махмуда.

Раз твое сердце постоянно будет моей добычей,
эта добыча навеки будет моей.

2400 Пусть ты станешь совершенным на своем пути —
тебе не вырвать сердце из моих рук.

А если ты и убьешь меня — знаю, что неизбежно
ты убьешь и себя в тоске обо мне.

Есть ли я, нет ли меня, на этом пути
я — отнявший сердце, я — вождь, я — царь.

Но нищий ли я или царь,
кто бы я ни был — я твой».

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ

[Вопрос второго сына]

Сын сказал: «Что же такое магия, ответь?
Ведь не оставляет меня томление по ней!

2405 Волшебство так полюбилось мне —
почему же в твоих глазах оно порочно?

Открой мне тайную суть волшебства
и обрати в своего единомышленника!»

Ответ отца

Отец открыл двери сокровищницы сло́ва,
сказал он сыну: «О ищущий тайн!
[Послушай.]»

Рассказ первый

О Хавве и Ханнасе

Хаким Тирмизи[1] рассказал такую историю,
предание об Адаме и Хавве:

Когда они принесли покаяние
и встретились вновь,
изгнанные из рая, они нашли себе где-то приют.

2410 Но вот однажды Адам за каким-то делом вышел,
[а] к Хавве пришел про́клятый[2] Иблис.

Был у него ребенок именем Ханнас;[3]
Иблис оставил его Хавве и ушел.

Когда Адам пришел и увидел этого ребенка,
он рассердился на Хавву и спросил ее:

«Зачем ты взяла его у Иблиса?
Опять ты попалась на Иблисов обман!»[4]

Он убил того ребенка, разрубил на куски,
отнес их в степь и разбросал там.

2415 Когда Адам ушел, снова явился Иблис,
призвал своего ребенка чародейством.

Собрались все кусочки его ребенка,
соединились — и ребенок появился.

Когда он ожил, [Иблис] стал клянчить,
покуда Хавва вновь не приняла его.

Он ушел, а Адам вернулся
[и] увидел этого ребенка.

Он разгневался на Хавву снова:
мол, хочешь нас ввергнуть в огонь снова!

2420 Убил он того ребенка, развел огонь,
а потом сжег ребенка на этом огне,

Весь его пепел развеял по ветру —
словом, ушел от Хаввы с криком.

Снова явился Иблис чернолицый[5],
призвал своего ребенка со всех сторон.

Собрался его пепел отовсюду,
соединился — и получился ребенок.

Когда он ожил, начал [Иблис] ее упрашивать:
«Прими его и не развеивай снова по ветру!

2425 Я не могу [за ним смотреть], мне надо уйти,
а когда вернусь, заберу его отсюда».

Сказал так и ушел, а Адам пришел —
опять у него горе из-за Ханнаса!

Снова он стал бранить Хавву:
«Снова ты заодно с дивом!

Не знаю, что́ злодейский Шайтан
устроит нам на этот раз!»

Сказал это и снова убил того ребенка,
порубил его и поджарил[6].

2430 Они с удовольствием съели вместе это блюдо,
и ушел [Адам] по своим делам, разгневанный.

Снова пришел про́клятый Шайтан,
громко позвал своего ребенка.

Когда Ханнас услышал его призыв,
отозвался на него из груди Хаввы[7].

Как услыхал его голос коварный Иблис,
«Теперь, — сказал, — мне всё доступно!

Моей целью было всегда
поселиться внутри Адама.

2435 Теперь я попал к нему внутрь,
и дети его будут беспомощны передо мной:

Я в груди человека через Ханнаса
раскину соблазнами сотню силков бесчестья,

Сто разных видов похоти в нем возбужу,
словно кровь, буду гулять по его жилам[8].

Порой призову его к особому поклонению[9]
[Богу],
но в том поклонении захочу лицемерия,
а не искренности.

Тысячами многообразных колдовских чар
буду сбивать людей с пути!»

* * *

2440 Когда шайтан поселился внутри тебя,
воссел на царство, поставил престол,

Дал тебе сильное стремление к волшебству,
чтобы твоя душа вожделела волшебства.

Не будь шайтан таким [сильным] разбойником[10],
не владычествовал бы он над мужами и женами.

Он ввергает людей в го́ре,
весь мир приводит в смятение.

В каждом уголке он заставляет чье-то сердце уснуть,
повсюду он подбрасывает глину в воду[11].

2445 Он подстерегает тебя на дороге
и такое причиняет страдание,
что глаза твои становятся как две тучи,
проливающие кровавый дождь.

Если Адам взглянул на одно зернышко
и пришлось ему плакать триста лет[12],

То подумай: Иблису, про́клятому, ревнующему,
сколько же слез приходится проливать из глаз?!

Рассказ второй

О плаче Иблиса

«На дороге в пустыне, —
сказал несравненный [муж], —
я увидел два струящихся потока черной воды[1]

И пошел вдоль них — узнать, откуда эта вода,
которая так быстро течет.

2450 Наконец пришел я к какому-то камню
и увидел упавшего наземь Иблиса.

Его глаза были что две тучи, струящие кровь,
из обоих глаз текли потоки крови.

Словно дождь плакал он и горько жаловался,
постоянно твердил он такие слова:

"Эта история не из-за того лика,
подобного луне,
но из-за того, что чёрен мой покров[2].

Не хотят Они моего послушания,
а вину возлагают на мои плечи"»[3].

* * *

2455 Кого постигало когда-нибудь такое дело?!
Никто не может припомнить подобного ему!

Рассказ третий

О Йусуфе и Ибн Йамине

Один великий муж сказал:
«Когда Йусуф захотел
открыть свое сердце Ибн Йамину,

Соединиться с ним сердцем в искренности,
уединиться с ним в сокровенном покое,

То ради этого он подложил чашу в его мешок
и обвинил его в воровстве!
О, [удивительное] дело!»

И сказал тот великий [подвижник] веры:
«Совершенно
так же с Иблисом обошелся Истинный:

2460 Прогнал его от Своей двери и ради того же
отличил его проклятием во всём мире[1].

Для того Он покрыл его одеждой Своего гнева,
чтобы укрыть этим гневом
от глаз непосвященных.

Он стои́т постоянно перед этим Порогом
с оружием гнева [Господня] в руке.

Если прежде не испросишь *защиты* от него,
не сможешь приступить к Божеству[2].

Перед той дверью для того он [стоит]
денно и нощно,
чтобы изгонять людей с подмоченной полой[3].

2465 В руке его пробный камень для людских монет[4],
от Востока до Запада все выстроились перед ним.

Кто приносит туда фальшивую монету,
тут же получает [удар] Иблисовой секирой[5].

Так говорит хозяину той монеты Иблис:
«О превзошедший меня в притворстве![6]

Господь мое тысячелетнее послушание
отверг в половину мгновенья,

А ты от одной крупицы послушания взыграл,
приносишь [ее] Истинному, и нет у тебя стыда!

2470 Пусть меня проклянут оба мира,
любовь моей души ни на крупицу не уменьшится».

* * *

Если тебя проклянет хоть один человек,
ты тут же сокрушишься от этого испытания.

Иди, стань мужем Пути,
подобно [истинным] мужам,
а потом, жертвуя душой, иди к царю!

Почему в твоих глазах ничтожен Иблис?
Ведь он своими кознями сбивал с пути великих!

Вот что знай несомненно про всех повелителей,
сокрушивших хребет сотням таких, как ты:

2475 Хоть над тобой они и цари,
в дружине шайтана они — нищие.

Если нищий [из воинства] дива — твой царь,
что же у тебя за мусульманство такое?!

Иблис ни на миг не свободен
от жгучего страдания,
научись мужеству у про́клятого Иблиса!

Тот, кто стал [истинным] мужем
на ристалище молитвы,
всё[, посылаемое] от Господа,
принимает как должное.

Рассказ четвертый

О султане Махмуде и Айазе

Беседовали однажды Айаз и славный царь,
Айаз растирал ему ноги до рассвета[1],

2480 Каждый миг умножал он свое служение,
растирал и целовал ему ноги.

Айазу сребростанному[2] сказал Махмуд:
«Для чего же ты целуешь именно ноги?

Почему из семи частей [тела] ты целуешь ноги[3],
а другие — как жаль! — оставляешь!

Ты ведь видишь высокое положение лица,
почему ты стремишься к ногам, которые внизу?»

Айаз сказал ему: «Удивительное дело:
у всех есть доля в твоем лице,

2485 Потому что все видят твое лицо, подобное луне,
[но] никто не находит пути к твоим ногам.

Раз нет здесь никого, кроме этого искреннего[4],
я ближе [к тебе, а] я хочу этого избранничества».

* * *

То же самое было и с Иблисом,
который во всём свете искал [лишь] гнева Истинного.

Много видел он искателей Его милостей,
но он был взыскующим Его гнева[5].

Поскольку он один искал гнева Истинного,
в мужестве он превзошел многих.

2490 Когда он был обвинен Истинным,
сразу препоясался и решительно пошел.

Ведь проклятие было его почетным одеянием
из Дворца,
а раз оно было из Дворца, для него оно
было прекрасным.

Из-за того проклятия он стал противником
мужчин и женщин,
для многих людей мира он стал
дорожным разбойником[6].

Не будь у него силы от этого проклятия,
разве была бы у него такая власть над людьми?!

Он рад был проклятию и просил отсрочки,
выбрал [это] душой и просил вечной жизни[7],

2495 Чтобы, пока у него не возьмут
это почетное одеяние,
он радовался бы ему всю свою долгую жизнь.

Никому [больше] не явилось проклятие,
он [один] возжелал ожерелья проклятия[8].

Проклятие Божие стало для него богатством,
хоть для других оно было смертью.

Рассказ пятый

О красавце отроке и влюбленном

Был один красавец, похищающий сердца,
от лица которого цветник бросало в пот[1].

Как-то весной он отдыхал в степи,
был он один в своем шатре.

2500 Благодаря ему шатер уподобился небу —
ведь в шатре было второе солнце.

Один юноша внезапно увидел его,
и сердце его от любви сбилось с пути.

Так крепки были путы этой любви,
что ничьи советы не шли ему впрок.

Не мог терпеть ни мига без его красоты,
но не было у него надежды на свидание.

И всё ж настала встреча горестных:
однажды начался ливень,

2505 Все, кто был в степи, разбежались,
все попрятались по шатрам.

По воле [Бога] влюбленный
и прекрасный возлюбленный
оказались вместе в одном шатре.

Когда дождь усилился сверх всякой меры,
все спрятались под покрывалами.

В этом шатре те двое любящих
укрылись одним покрывалом.

Глазами друг у друга похищали душу,
губами друг другу умножали душу.

2510 Все [остальные] молились
взволнованной душой:
«Уменьши, о Господи, дождь хоть ненадолго!»

Но влюбленный твердил: «О Боже,
умножай дождь, сколько хочешь,
не уменьшай его!

С давних пор я всегда на суше,
потому и корабль я вел по суше.

Теперь, когда из тучи низвергается потоп,
самое время отправиться в плаванье.

Так долго была засуха [и неурожай] на друзей,
что теперь этого дождя недостаточно.

2515 Если он будет идти до Дня воскрешения,
смогу я сейчас воскреснуть от радости!

О Господь! Даруй мне это счастье:
пусть этот дождь постоянно усиливается!»

* * *

Когда Истинный пожелал проклясть Иблиса,
тот просил у Истинного длить это [проклятие]:

Ведь Истинный говорил с ним без посредников,
говорил он всё это от Себя.

Когда тому про́клятому пришло веление
поклониться [Адаму],
закрыл он глаза, видящие Путь.

2520 Ему сказали: «*Поклонись*!» А он:
«*Перед иным*[, *чем Бог*,] — *нет*!»,
Ему сказали: «*Прочь*!» Он отвечал: «*Не беда*![2]

Пусть я навлеку на себя проклятие —
как я склоню голову перед иным, чем Он?!

Если бы я хоть раз взглянул на кого-то, кроме Него,
не была бы моя власть от Луны до Рыбы»[3].

Рассказ шестой

О султане Махмуде и Айазе

В тот час, когда миродержец Махмуд
уходил из этого предательского мира,

Потребовал он к себе сребростанного[1] Айаза:
мол, скажу ему одно слово с глазу на глаз.

2525 Ему сказали: «Тебе жить осталось один миг,
а тебе всё еще до разговоров с Айазом!»

Он так сказал: «Если его не будет рядом
со мной всегда — что мне за дело до могилы![2]

Если моему сердцу дóлжно озариться им,
то для этого мне нужен именно такой день!

Любовь, которая не будет вечной, —
всего лишь пылинка, будь она хоть солнцем.

Поскольку моя любовь к нему не имеет подобия,
в мире ином нужен мне Айаз».

2530 Призвал наконец Айаза сребростанного,
тайно сказал ему на ухо такое слово:

«О друг, ради союза с Поклоняемым [прошу]:
когда погребальные носилки
станут прибежищем Махмуда,

Никогда не препоясывайся для другого[3],
ибо это было бы мне неприятно,
даже если и тебе приятно».

Раскрыл уста Айаз и сказал: «Да!
Будь я стервятником — поедателем трупов,

Не было бы у меня такой добычи, как Махмуд!
Разве ты меня считаешь стервятником?

2535 Если я могу привязать одним волоском[4],
не смею ни для кого другого повязать пояс.

Пока Айаз, твой избранный [друг], существует,
в конце для него всегда будет Махмуд»[5].

* * *

В тот час, когда проклят был Иблис,
раскрыл он уста для восхваления и благодарения:

«[Получить] проклятие от Тебя —
в сто раз лучше,
чем отвернуть от Тебя голову к другим.

Если собака из-за пинков уйдет от двери,
то она навечно будет лишена костей.

2540 Да что я говорю! Ведь, когда он
услышал проклятие,
из всего этого проклятия он увидел
только Говорящего.

Тот, кто тысячи лет пил чистое [вино],
пил не по глотку́, а из полной чаши,

Если в конце концов выпьет осадок —
разве забудет он то чистое вино?!

Если он выпил осадок проклятия,
в этом осадке он видел только Виночерпия.

Если он тысячи лет видел Его в чистом вине —
неужели он в осадке увидит кого-то другого?!

2545 Поскольку проклятием его наделили
из того Дворца
и поскольку имя «про́клятый» дано
из того Присутствия,

Не разбирал он, плохо оно или хорошо,
но видел, что оно — из Его дворца.

Поскольку проклятие было его почетной
одеждой из Дворца,
принял он его всей душой — и дело с концом!

Рассказ седьмой

О воре, которому отрубили руку

Как-то раз одному вору отрубили руку,
он не проронил ни звука,
схватил свою руку и убежал.

Ему сказали: «О злосчастный!
Зачем тебе эта отрубленная рука?»

2550 Он так сказал: «Имя близкого друга
я начертал на ней[1] с искренностью.

И вот, пока я живу, этого мне достаточно,
ведь без него жизнь для меня запретна.

Пусть из-за моей руки мне выпала боль,
раз на ней имя друга — это не мучение!»

* * *

Про́клятому Иблису были ве́домы тайны,
если он не поклонился — то именно поэтому.

Для людей и для себя самого
пожалел он этой тайны,
не поклонился он и затеял спор,

2555 Чтобы ни он сам, ни люди мира
не могли видеть ни ту дверь, ни тот порог,

Чтобы тот свет [сияющий] из-за завесы величия
никогда не был осквернен [ничьим] взглядом.

Рассказ восьмой

О том, как Луна ревновала Солнце

Слышал ли ты, как спросили у Луны:
«Что тебе милее всего на свете?»

Так сказала: «Я хотела бы, чтобы Солнце
навсегда было укрыто за завесой.

Хочу, чтобы его лик всегда был за облаком,
ибо [даже] и для своих глаз мне его жалко».

Рассказ девятый

О Маджнуне

Один друг сказал Маджнуну смятенному:
«Лайли умерла». [Тот] ответил: «Слава Богу!»

[Друг] сказал: «О путаник в вере!
Если ты так любишь ее,
почему ты так говоришь?»

2560 Так он ответил: «Если доли от этой луны
не было у меня — да не будет ее
ни у какого зложелателя!»

Рассказ десятый

Об Иблисе

Некто спросил Иблиса: «О злополучный!
Когда ты узнал о своем проклятии,

Почему ты так [радостно] сохранил его в душе,
сберег его в сердце, словно сокровище?»

2565 Так сказал он: «Проклятие — стрела царя,
но ведь первый взгляд его —
на место, куда стрелять:[1]

Сначала надо увидеть мишень,
а потом уже — выстрелить из лука.

Пока что ты знаешь только о стреле,
ты же гляди, если у тебя есть глаза, на взгляд».

Рассказ одиннадцатый

О султане Махмуде и Айазе

Великие, чьи головы достигали небес,
собрались перед троном Махмуда.

Царь Вселенной обратил к ним лицо:
мол, каждый скажите свое желание.

2570 Городов, имущества, царств,
должностей, почестей
много в тот день испросили у царя.

Когда очередь дошла до Айаза, кто-то сказал:
«О нечет в красоте и чета достоинствам!

Чего ты желаешь?» Он сказал: «Одного.
Кроме этого ничего мне не надо.

Я одного хочу на все времена:
быть всегда мишенью для стрелы Махмуда.

Если это желание будет мне даровано,
то во мне ни атома кривизны не останется»[1].

2575 Ему сказали: «О обделенный,
безрассудный в своем невежестве!

Ты хочешь растоптать спину разума,
раз хочешь стать мишенью своего царя!

Зачем тебе делать свое тело мишенью,
навеки становиться пленником стрелы?»

Раскрыл тогда Айаз уста и сказал:
«Вы, о люди, не ведаете этой тайны!

Пусть бы меня почитал весь мир —
быть мишенью для стрелы царя мне довольно.

2580 Ведь сначала царь несколько раз на мишень
устремляет взгляд, а потом [уже] стреляет.

Если сначала в дело пойдет взгляд,
то разве будет рана тяжела?

Вы видите эту рану,
но я-то вижу взгляд царя.

Если он сперва десять раз взглянет на меня,
неужели я убегу, испугавшись раны?!»

Рассказ двенадцатый

О Шибли

Когда любовное смятение[1] Шибли
умножилось,
его насильно заперли [в доме безумцев].

2585 И вот пришли к нему люди,
остановились и стали смотреть на него.

Сказал им Шибли такие слова:
«Что́ вы за люди? Откройте мне это».

Все они сказали: «Мы — твои друзья,
не знаем иного пути,
кроме любви к тебе».

Когда услышал Шибли эти слова
от друзей,
сразу обрушил на них дождь камней.

Все друзья, как только камни полетели,
от страха перед камнями
отбежали от него.

2590 Отверз тогда уста Шибли и сказал:
«Эх вы, все вы лжецы и заблудшие!

Когда вы бахвалились дружбой ко мне,
не были вы, о низкие, чисты[2].

Да кто же бежит
от удара[, приходящего от] друга?!
Разве удар от него — не милость от него?!»

* * *

Когда к Иблису пришел от Друга удар,
он не бежал,
но из этого удара сделал сотню бальзамов.

Для того просил он Истинного об отсрочке
до Дня воскрешения,
чтобы этот Его удар оставался совершенным.

2595 Всей душой прими каждый удар, наносимый Им,
ведь если Он нанес удар по твоей душе —
это благо!

Если явится хоть одна пылинка любви —
сто жизней будешь готов отдать за этот удар!

Ты думаешь, что Его удар достается даром?
Тысячи лет послушания — вот его цена!

Хоть тысячи лет длилось его послушание,
оно стало ценою за половину мига проклятия.

Будешь ты весьма достоин разлуки,
если тебе скажут: «Ты нас недостоин!»

2600 Дорогой мой! Послушай повесть о Иблисе,
разок отложи свои заблуждения, послушай!

Если бы хоть раз было у тебя это мужество,
от тебя каждый миг оживал бы целый мир.

Хотя он изгнанник и про́клятый Пути,
он постоянно в присутствии перед падишахом.

Когда проклинаешь его ночь и день,
от него хоть раз поучись мусульманству!

Рассказ тринадцатый

О Мусе и Иблисе

Как-то ночью Муса поднялся на гору [Синай],
и к нему пришел Иблис издалека.

2605 Так сказал Муса этому про́клятому:
«Почему ты не поклоняешься Адаму?»

Про́клятый сказал ему: «О принятый
в Присутствие Божие!
Я без причины был отвергнут Всесильным[1].

Если бы был мне путь к поклонению,
я тогда был бы Собеседником [Божиим], как ты[2].

Но поскольку Высокая Истина того захотела,
чтобы я говорил криво,
то иное не было бы правым»[3].

Собеседник [Божий] сказал ему:
«О попавший в оковы!
Есть ли у тебя хоть когда-то памятование
о Господе?»[4]

2610 Про́клятый сказал ему: «Любящий подобно мне
забудет ли Его когда-нибудь хоть на миг?

Чем больше усиливается Его гнев,
тем больше любовь к Нему у меня в груди».

Хотя проклятие удалило его из Чертога,
но, со слов Мусы, он — в присутствии Божием.

Хотя и проклял его Озаряющий сердце,
от того проклятия огонь в нем усилился.

* * *

Вот как Шайтан горяч в [следовании по] Пути!
Каков же ты, о сын, в любви
к своему сердечному желанию?

2615 Если сегодня ты хочешь волшебства,
будь рад проклятиям, а если не так — научись.

Посмотри, сколько времени Харут и Марут
остаются вниз головой без воды и пищи![5]

Они заключены в этом колодце, сердца их в крови,
потеряли они надежду на судьбу.

Если они оба — устады[6] своего времени,
оба — уникальные в искусстве волшебства,

Сами себя не могут освободить,
кому же принесет радость эта их наука!

2620 Пусть у тебя будет целый мир волшебства —
посох станет вмиг морским чудищем
[и поглотит его][7].

Раз столько магии было истреблено
[единственным] посохом,
лишь недостойный станет ею заниматься.

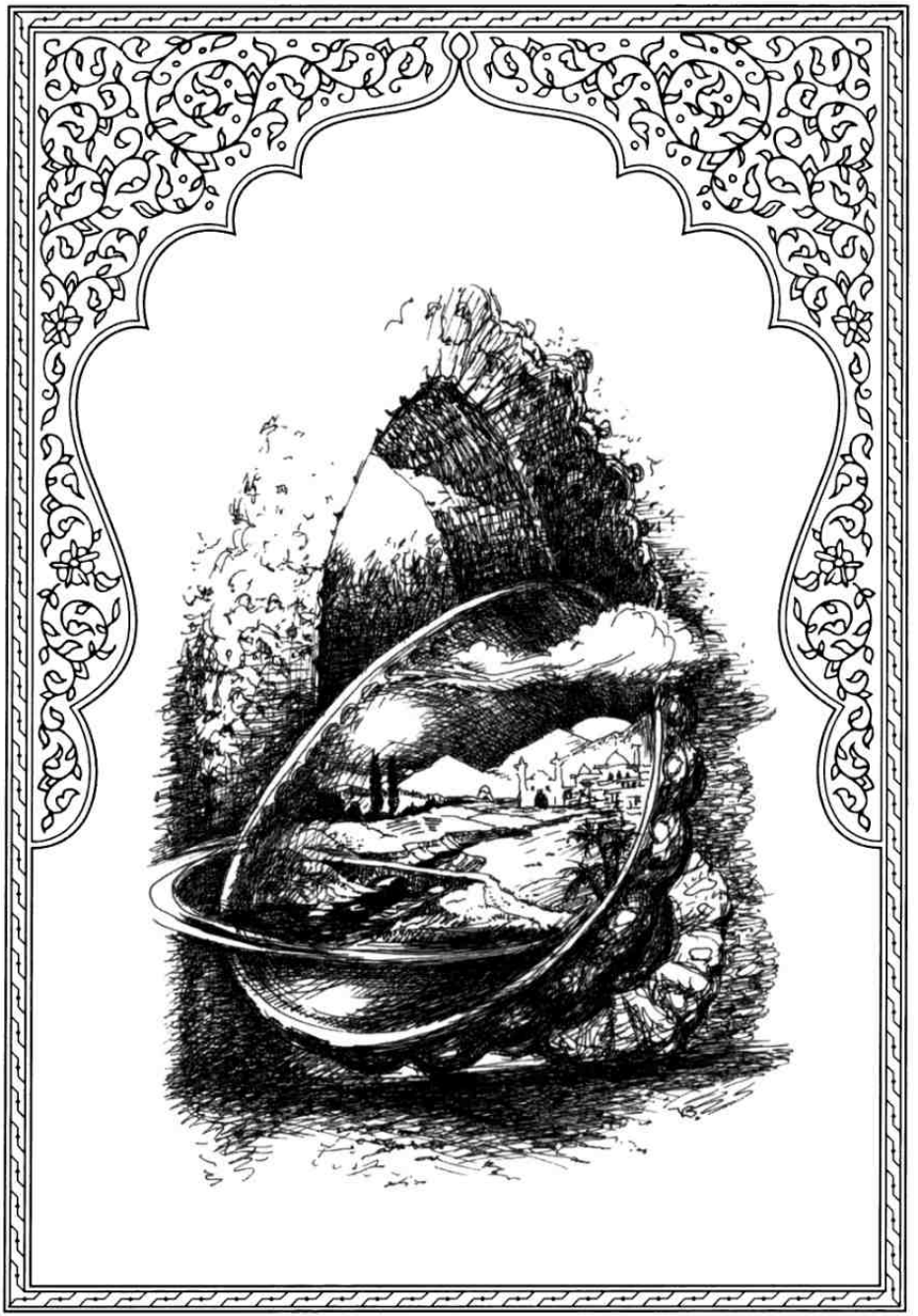
У тебя в груди постоянно [живет] шайтан,
который опьяняется желанием волшебства.

Если твой шайтан станет мусульманином[8],
станет твоя магия — фикхом[9], а неверие — верой,

Пребудешь ты вечно среди людей рая,
шайтан поклонится тебе безоговорочно.

2625 Вот, я рассказал тебе о дозволенной магии,
от которой тебе вечно будет совершенство.

Если ты можешь заниматься такой магией —
ею и надо заниматься, а не стремиться к той.



ТРЕТИЙ СЫН

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ

[О желании третьего сына]

Пришел третий сын, весь совершенство,
сразу объяснил отцу свое состояние:

«Есть чаша, являющая в себе весь мир.
Вот чего я хочу — не богатства, не царства.

Я слышал, что эта чаша такова,
что в ней чего ни ищешь — всё увидишь.

2630 Сколько бы ни было скрытого —
та чаша всё это сделает явным.

Я не знаю, что это за прекрасное зеркало,
в котором отражаются все пределы мира!

В один миг — будь перед тобой хоть целый мир тайны —
всё она сделает для тебя ясным как день.

Если попадет ко мне в руки такая чаша,
для меня высота неба станет низкой.

Тайны всего мира будут мне явлены —
многое мне, невежде, станет ведомо».

Ответ отца

Отец сказал ему: «Тебе надо просить о том,
Твое сердце потому требует этой чаши,

2636 Что, если ты овладеешь всеми тайнами,
ты возвысишься надо всем миром,

Когда увидишь свое величие [достигшим] небес,
ты всех людей земли увидишь в [глубокой] яме[1].

Кичась величием, преисполнишься собой
и останешься навеки в своем тщеславии.

[А] если и будет перед тобой чаша Джамшида,
в которой ты каждую пылинку увидишь [ясно],
как Солнце,

2640 Что толку будет видеть в чаше каждую пылинку,
когда смерть занесет над тобою свою пилу?[2]

Ты, подобно Джаму, не получишь
никакой пользы от чаши,
ибо, подобно Джаму, в конце концов умрешь
жалкой смертью.

Раз для тебя эта чаша — падение в яму,
да будет тебе запретно сбиваться с пути!»

Рассказ первый

О султане Махмуде и старухе

Однажды султан веры Махмуд Гази[1]
скакал на коне в сопровождении войска.

На дороге он увидел вдову,
она протягивала ему жалобу на посохе[2],

2645 Просила о защите от притеснителей,
у того дарующего помощь просила помощи.

Когда увидел эту старуху высокий царь,
не оказал он ей милости и сразу умчался.

И вот ночью видит Махмуд во сне,
что он падает в омут в какой-то яме.

Появилась та старая женщина,
опустила ему свой посох,

Сказала ему: «Хватайся, о царь!
Выбирайся из пучины, из этой ямы!»

2650 Ухватился царь за посох старухи
и так спасся из того колодца бедствий.

Когда на другой день царь взошел на трон,
крепко огорченный ночным виде́нием,

Снова увидел он обиженную старуху:
она подошла, прося справедливости.

С посохом в руке склонилась перед ним,
словно облако, были полны влаги ее глаза.

Вскочил царь с места и позвал ее,
усадил ее рядом с собою.

2655 Сказал свите: «Этой ночью, не будь ее,
морское чудище смерти[3] похитило бы мою душу.

Ее посох стал для меня рукоятью,
он избавил меня от пучины и ямы.

И вы тоже, если сегодня хотите
получить навеки от Господа радость,

Все ухватитесь за ее посох,
и он будет вам поддержкой всегда».

Все воины, натыкаясь друг на друга,
крепко хватались руками за тот посох.

2660 Со всех сторон подходили непрестанно
к тому посоху люди со всего света.

А старушка сидела на царском троне,
держа свой посох в руке.

[Держала] посох в руке и протягивала им;
много вокруг нее было споров и толкотни.

Словно Муса, она укрепляла их этим посохом,
который укреплял их веру, как посох Мусы[4].

Царь сказал ей: «Послушай, бедная старуха!
Ты совсем обессилела, а народу так много!

2665 С твоей слабостью одной деревяшкой
как ты можешь удерживать такую ношу?

Столько народу к тебе тут собралось —
ты не можешь понести весь этот груз!»

Отверзла старуха уста и сказала: «О царь!
Тот, кто вытаскивает Махмуда из ямы,

Всех и каждого может вытащить,
так что твои речи нечего слушать.

Тот, кто вытаскивает из колодца слона,
разве остановится перед стайкой комаров?»

* * *

2670 Если дарители величия *там* — проигравшие [*здесь*],
все помощники царям — женщины[5],

Зачем же тогда так гордиться,
так радоваться в своем невежестве!

От всякого низкого получать подзатыльник
и от всякого злобного терпеть ущерб,

От всякого «иного» терпеть бахвальство: мол,
«никому иному»,
«я лучше» от всякого низкого и того, кто *не лучше*?![6]

Ты, словно бедняга неверный,
остаешься в самом себе.

2675 Не знаешь ты, что тебе предстоит,
потому ты так холишь свою бороду[7].

Завяжи ты чалму хоть как [буквы] «лам-алиф» —
да лучше бы было, если бы ты повязал зуннар![8]

Ибо, завяжи ты чалму хоть словно «лам-алиф»,
это будет «алиф» [и] «лам» креста и зуннара.

Сердце твое не узнает, что это за чалма,
пока ты не окажешься на погребальных носилках.

Если твоя голова — вместилище пустых страстей,
чалма [твоя] хороша для изголовья носилок.

2680 Что пользы оборачивать голову шелком,
если в конце тебя быстро завернут в саван?

Ты в тонкой парче сидишь довольный, —
получишь достойное тебя от ножниц огненных[9].

Зачем ты стремишься к величию и богатству,
если они с тобой только до последнего вздоха?

Ведь ничто не останется твоим,
что ж ты извертелся сам в себе, словно саван?[10]

Рассказ второй

О Бухлуле

Однажды Бухлул взял в руки палку
и колотил по могилам, пока не разобьются.

2685 Ему сказали: «Ах ты, баламут!
Зачем ты бьешь палкой по этим могилам?»

Так сказал: «Эти люди, которые ушли,
бессчетное вранье наговорили и уснули.

Этот говорил: "Мой дворец и моя беседка"[1],
тот говорил: "Мои пожитки и мое золото".

Этот говорил: "Вот моя нива и моя пашня",
тот говорил: "Вот мой сад и мои высокие деревья"[2].

[Но] Бог сказал: "Все эти притязания ложны,
это всё — Мое наследство, не ваша собственность"[3].

2690 Все они назвали это своей собственностью,
но ушли и распрощались со своей жизнью.

Потому я бью их без сна и отдыха,
что все они были горсткой лжецов.

Раз всем в конце концов пришлось уйти,
что́ толку было им такое воображать?»

* * *

Зачем собирать столько добра,
которое придется с сожалением оставить?

Зачем привязываешь свое сердце к миру,
который в конце концов из твоей глины
сделает кирпичи?

2695 У мира, словно у постоялого двора, двое ворот:
между этими воротами и теми — словно бы дорога[4].

Если не будешь проходить этот путь мудро,
свалишься ты в ад вниз головой[5].

Время от времени на Землю ложится тень
и скрывает тогда она Луну темнотою.

Как ни ярко светит глаз Луны —
Земля накрывает его черной водой[6].

Если таково воздействие Земли [даже] на Луну,
что ж делать тому, кто погружен в землю?![7]

2700 Она может в один миг затмить такой свет —
сумеет она разрушить и твою жизнь.

Ты будешь разрушен, и нет никакой надежды,
что ты сохранишься, — ведь это невозможно.

Твоя низверженность[8] безмерна,
ведь все мучения твоей души — от тебя самого.

Все ужасы, которые страшат твою душу,
ты создаешь собственной рукой — это очевидно.

Рассказ третий

О царе-звездочете

Некий царь был силен в науке о звездах[1]
и узнал он, что в такой-то час и такой-то месяц

2705 Найдет на него, беспомощного, некое бедствие.
Ну, словом, построил он где-то каменный дом.

Когда выстроил он дом из гранита,
позвал много стражников охранять его.

Он вошел в дом и увидел там окно.
Когда увидел свет из этого окна,

Собственной рукой заделал окно
и остался один заточенным в доме.

Не было у него выхода, он был беспомощен,
так что в конце концов задохнулся и погиб.

* * *

2710 Ты десятью пальцами вцепился в себя,
не решаешься отпустить хоть один палец.

Если ты хочешь ступить хоть один шаг вперед,
придется тебе выпустить из рук себя самого[2].

А не выпустишь [теперь] ни себя, ни мир,
как смерть придет — и не захочешь, да выпустишь[3].

Не бесконечно ведь тебе есть и спать, —
что же ты будешь делать, когда придет смерть?

Рассказ четвертый

Что значит «покорность [Богу]»

Так сказал [муж] с чистой сущностью:
«Если кому-то придет от Истинного смерть,

2715 В первый день ты его оплачешь,
во второй день и в третий тоже.

В оплакивании дойдешь до седьмого.
А седьмой пройдет — что́ ты будешь делать?»

* * *

Если в последний день придется покориться —
что́ ты изворачиваешься? В первый же покорись![1]

[Даже] если всё твое тело станет ногой, как у змеи,
нет такого места, куда бы ты смог убежать.

Не видел ты разве когда-нибудь, как змея
движется по дороге, сгибаясь и изворачиваясь,

2720 Но, когда доберется до тесной щели,
в ней кривизны на самую малость не останется?[2]

Ведь, если не бросит изворачиваться,
как же она пролезет в тесную щель?

Так и ты оставь свою кривизну, потому что
для тесного пути тебе нужна прямота[3].

Если ты в своей слепоте заблудишься,
останешься, как слепцы, по эту сторону завесы[4].

Не увидишь сотворенного мира,
из-за слепоты останешься, раненный, перед дверью.

2725 Словно «алиф» в куфическом письме, —
вот таким должен видеться суфий[5].

Что такое быть суфием? Спокойно терпеть,
нисколько не желать ничего в мире.

Что такое упование [на Бога]?[6] —
Обуздывать свой язык,
желать людям лучшего, чем себе.

Уничтожиться, отказаться от жизни,
всё [иное] отвергнуть, [а] то — принять[7].

Рассказ пятый

О Шакике Балхи

Шакик Балхи, тот ученый шейх,
проповедовал однажды в Багдаде.

2730 Он говорил чистые слова об уповании [на Бога],
слова, более возвышенные, чем небосвод.

Сказал он людям: «В деле упования
будьте сильными, не бойтесь униженья!

Вот шел я по пустыне с радостным сердцем,
упование творил и шел свободным [от всего].

Имущества у меня был один дирхам,
который хранился в кошеле[1].

Куда бы я ни шел, сердцем я был в Сокрытом мире,
так что этот дирхам так и лежит у меня в кошеле.

2735 Пришел я к Ка'бе[2] и вернулся, радуясь,
что тот дирхем мне не понадобился».

Некий юноша с горячностью вскочил с места
и сказал: «Выслушай слово истинное!

Говоришь, ты один дирхам припрятал в кошеле —
где же была надежда твоей души на Сокрытого?

Где было твое упование,
когда этот дирхам вовлекал тебя в сотни тревог?

Ты что, в тот час не был верующим?
А если был, то не был уверен в Нем?»

2740 Когда Шакик услышал от него эти слова,
он весь задрожал на своей кафедре.

Воздал должное: «Это неоспоримый аргумент!
Что́ мне сказать? Истина — в руках этого юноши».

* * *

В этот Диван [терпения и нищеты][3]
дирхам не вместится,
в него даже волосок[4] — и тот не вместится.

Много крови пролил тот смятенный в Боге,
а теперь он безжалостно Им убит.

Отпусти его [лежать] во прахе и крови,
ибо такие ему подобают румяна.

2745 О удивительное дело творит тот дервиш:
из собственной крови творит себе румяна!..[5]

Удивительное дело: пока не умрет,
ему ни одна рубашка не станет покровом!

Рассказ шестой

О безумце, который просил о куске полотна

Один смятенный безумец однажды встал,
нагой, просил Истинного о [куске] полотна:

«О Боже, у меня нет рубашки на теле,
у Тебя есть терпение, но у меня-то нет!»

Пришло слово к этому вышедшему из себя:
«Я дам тебе полотна, но только на саван».

2750 Отверз уста тот несчастный безумец:
«Знаю я тебя, о питатель [Своих] рабов!

Пока не умрет беспомощный человек,
Ты ему ни за что никогда не дашь полотна!

Надо сначала стать человеку нищим и нагим,
лишь тогда, в могиле, он получит полотно».

* * *

О сердце, если ты убито на этом Пути,
в один миг живым окажешься в Чертоге!

Тебе, о убитый, достаточно
окровавленной рубашки,
да не будет тебе савана — довольно тебе
савана из твоей крови.

2755 Ты весь — кровь и прах земной
с головы до пят,
погрузись же во прахе в собственную кровь![1]

Когда у женщины появляется молоко,
у нее затворяется течение крови.

Ее кровь втайне превращают [в молоко]:
ты пьешь кровь, а думаешь, что это молоко.

Ты начинаешь с того, что пьешь кровь,
а конец твой бывает в земле —

Тот, который [весь] в земле и крови,
зачем гордо поднимает голову —
ведь он опрокинут![2]

2760 Если ты, о «никто», знаешь, каков ты,
по своей природе ты — горстка праха и крови.

Лишь тогда ты очистишься от праха и крови,
когда будешь пить кровь сердца[3],
пока не станешь прахом.

Если всё твое дело будет — слезы и горение,
то однажды упадет на тебя тень Его локона.

Рассказ седьмой

О плачущем безумце

Один безумец много плакал.
Некто сказал ему: «Почему ты плачешь так горько?»

Плача, он ответил: «Я потому проливаю
кровавые слезы
что [надеюсь:] а вдруг у Него сердце загорится
разок обо мне!»

2765 Кто-то сказал ему: «У Него нет сердца.
Кто говорит так[, как ты,] — неразумен».

Ответил на это безумец:
«У Него есть всегда все сердца.

Если все сердца — Его, то вот удивительно:
как это Он не имеет сердца? Что́ ты говоришь?!»

* * *

Всё, что ни есть здесь — всё оттуда,
доброе и злое, высокое и низкое — оттуда.

Так что наши сердца — тоже оттуда,
не о сердце только говорю, но вообще обо всём.

2770 Если тебе благое и злое приходят
как два чудесных знамения,
знай, что происхождение их — оттуда.

Смотри, как землю [из-под копыт коня] Джабраила
[Он] сделал кровью,
когда сокрушил народ самирита![1]

Но когда дыхание Его вошло в Марйам,
от Духа Божия пришла жизнь миру[2].

Знай здесь, что и доброе и злое — оттуда,
выгода ли, неудача ли — всё оттуда.

Ты потому не знаешь о чистой святости,
что ты — в теснине воды и земли[3].

2775 Если ты высвободишься из этих развалин,
ты будешь, как сокровище, скрытое в развалинах.

И если ты здесь будешь страдать телом,
сердцем ты всегда будешь с Истинным.

Рассказ восьмой

Об Абу Бакре Васити

Вздумалось как-то раз Васити
прийти утром в дом умалишенных.

Увидел он там безумца — словно в опьянении,
он то восклицал, то бил в ладоши.

От радости, словно зерна руты, метался[1],
плясал он и подпрыгивал.

2780 Губы его смеялись, сердце пылало,
голова ликовала от вина безумия.

Васити сказал ему: «О сбитый с толку,
скованный тяжелыми оковами!

Ты ведь в цепях — откуда же эта радость?
Ты ведь связан — откуда же эта свобода?»

Раскрыл уста перед шейхом безумец:
«Если у меня сейчас ноги скованы,

То сердце мое не сковано —
вот что для меня главное:
сердце мое не заперто, и это — моя основа[2].

2785 Знай несомненно, что трудное [дело] выпало:
если мои ноги связаны, сердце — свободно».

* * *

Что такое оба мира? — Океан,
именуемый «сердце».
Ты — в океане, а ноги увязли в глине[3].

Войди хоть на миг в океан своей груди,
чтобы увидеть весь мир, сокрытый в тебе.

Если в твоем сердце сокрыты сто миров,
разве посмотрят на сто миров твои глаза?!

И землю и небо ты там увидишь,
ибо ты сам — и тот мир, и этот.

2790 Если ты знаешь, что тот мир в тебе очевиден,
то и не взглянешь на место мимолетное.

Если ты захочешь для себя целый мир,
в один миг силою Божией он явится тебе.

[Земной] мир для тебя [зависит]
от натур и причин,
омыты его семь иклимов семью водами[4].

[А] в том мире птица не происходит из яиц,
дворец из камня, а гурия из регулов[5].

Там мед появляется не от пчелы,
молоко не от козы, вино — не из винограда,

2795 Не от огня появится жареная птица,
не от варки изготовятся разные яства.

Там все посредства устраняются,
всё это изливается из ничего!

Всё то, что ты хочешь,
явится по твоему желанию.

Не смотри на себя глазами уничижения,
не считай оба мира чем-то иным,
чем [твои] душа и тело!

Всё это — ты! Сколько тебе бояться [адского] огня!
Твое сердце — Престол Божий, твоя грудь — Подножие![6]

2800 Если здесь ты зажжешь свое сердце любовью к Нему,
неужели ты сгоришь в адском огне?

Рассказ девятый

О старой женщине с сожженным сердцем

Однажды на Багдадском базаре
вспыхнул ужасный пожар.

Сразу люди подняли крик,
от того огня началось светопреставление.

А какая-то старая слабая женщина своим путем
шла себе с посохом в руке.

Кто-то сказал ей: «Не иди [туда], безумная!
Ведь огонь уже охватил твой дом!»

2805 Женщина сказала ему: «Это ты безумен!
Бог никогда не сожжет мой дом!»

И вот, когда всё наконец сгорело в огне,
не было той старухе от огня никакого ущерба.

Ей сказали: «О, скажи нам, добрая женщина,
как ты узнала эту тайну?»

Вот что сказала эта смиренная старушка:
«Он мог сжечь или мой дом, или мое сердце.

Раз Он сжег печалью мое безумное сердце,
то не станет же Он сжигать мой дом!»

Рассказ десятый

Об огне и труте

2810 Когда столкнулись камень и железо,
от них появился огонь.

Пришел трут, который жил горением,
отверз уста огонь и спросил, кто он такой.

Ответил ему тот сгоревший трут,
что он — его знакомый и близкий друг.

Тогда огонь сказал: «Мое дело — светить,
а ты — тёмен: какое между нами знакомство?»

Сразу же ответил ему добрый трут:
«Из-за кого я тёмен, как не из-за огня?

2815 Ты сжег меня в своем свете,
а теперь говоришь — не знаком [со мной]!

Так же, как я жестоко был сожжен тобой,
так и ты милостиво обласкай
этого сожженного тобой».

Когда огонь понял правоту трута,
забыв обо всём мире, заключил его в объятия.

* * *

И если ты воспламенен таким же горем,
то пусть ты здесь сгорел — там не сгоришь.

Божественный закон сказал:
когда поднимешься с пути[1],
не должен быть в могиле обожженный кирпич.

2820 Ибо хотя кирпич и родился от земли,
но всё же кирпич рожден от огня.

Поскольку обожженный кирпич —
это огненный кирпич,
не подобает он могилам людей веры[2].

Поскольку тебе Закон этого не разрешает,
он не предназначает тебя для огня.

Если светоч обратит свой взгляд на лужайку[3],
сразу же заставит пожухнуть жасмин.

Светоч, что [сияет] от дверей Истинного, прекрасен,
но подобие его —
тот светоч[, что освещает] жасмин.

2825 Хоть [наша] жизнь проходит в трудностях,
кто более хрупок и беспомощен, чем мы?

Упади на нас [лишь] лепесток розы,
ты не увидишь никого слабее нас[4].

Рассказ одиннадцатый

Об Абу 'Али Фармади

Вот какие тот [муж] с сильной душой
и благим разумом
передал речения Абу 'Али Фармади:

«Некоему человеку Господь *завтра*,
в Долине Сбора[1],
даст Книгу: мол, читай и смотри![2]

Тот человек будет два часа смотреть эту Книгу
и не найдет в ней ни греха, ни послушания.

2830 Откроет он уста и скажет: "Боже!
В этой Книге ничего не написано. Что́ Ты хочешь?"

Глас раздастся: "Я о том, кто любит Меня,
не вношу в Книгу ни доброго, ни худого».

О твоем добром и худом не думает Всемогущий,
не думай и ты о рае и аде[3].

Когда посредства устранятся,
ты [станешь] Наш, а Мы — твои навечно.

А если тебе это не нужно, что́ сомневаешься?
Всё — Мы! Всё — Мы! Ты — ничто.

2835 А если ты предпочтешь оставаться в чуждости[4],
тебе вернут твою Книгу, и ты останешься
с самим собой"».

* * *

У нас нет силы [вынести тяжесть
даже] розового лепестка[5],
так что ни с одной части не спросят того, что с целого.

Если Предводитель не знает грамоты[6],
не хочет от нас чтения книг Истинный.

Ибо если ты будешь из книги говорить и слушать,
то быстро станешь дерзким в обращении со смыслом.

Рассказ двенадцатый

О грешнике в День Сбора

Таково подлинное предание от Пророка,
что Истинный скажет некоему человеку в День Сбора:

2840 «О раб, приди и прочитай запись[1],
обо всём, что ты сделал в жизни».

Когда раб прочтет от начала до конца,
не увидит в Книге ничего, кроме грехов.

Когда не увидит в записи ничего, кроме черноты,
откроет уста и скажет: «Боже!

Я пойду в ад за всё, в чем задолжал»[2].
Истинный скажет: «Прочитай
оборотную сторону!»

Когда тот начнет читать оборотную сторону,
в самом конце найдет там надпись:

2845 «Он раскается, принесет обет покаяния,
и все его боли будут исцелены,

Взамен каждого дурного дела Знающий тайное
дарует ему десяток благостей.

Раз он раскается в злом деянии,
Бог впишет ему десять добрых дел».

Когда тот это увидит, обрадуется, —
о, [счастлив] раб, который вот так освободился!

Он скажет Истинному: «О Всемогущий Вечный!
Не получил я по заслугам от *двух благородных писцов*![3]

2850 Ведь у меня гораздо больше грехов,
чем обо мне написали эти двое мудрых!

Скажи, чтобы их для меня, бедняка, записали.
Да! Раз то написали, то пусть и это напишут,

Чтобы за всё зло, что я сотворил от начала,
за каждое Ты бы воздал мне десятью благами!

Ибо, хоть я и умер замаранный грехами,
по Твоей щедрости мои грехи принесут мне пользу».

Пророк от таких слов и дел
засмеялся, зубы его сверкнули,

2855 Потом сказал Владыке Чистому:
«Ну и славная дерзость от горсти праха!»

* * *

Если о тайне, которая заключена в чистой душе,
ты узнаешь — грозит тебе погибель!

Кто знает, что́ это за удивительная тайна?
Какова причина этой удивительной тайны?

Перед тобою столько трудных вопросов,
не потому ли, что сам собой ты — ничто?!

Да, все они потому встретились на твоем пути,
чтобы ты смог узнать самого себя.

2860 Ты был Его возлюбленным, потому Он и сделал так,
чтобы скрыть тебя и от людских глаз,
и от твоих собственных.

Выставил тысячу завес из причин-посредников,
внутри всего этого поставил ложе,

Чтобы с Возлюбленным за завесой на ложе
ты мог возлежать без чужих — о счастье!

Невозможно хоть сколько-то видеть Возлюбленного,
потому именно таким быть лучше месту Возлюбленного.

Явление всем красоты Возлюбленного вовек
не будет правильным — должно быть скрытым
[Его] великолепие[4].

Рассказ тринадцатый

О султане Махмуде и смотре войска

2865 Однажды султан веры, победоносный Махмуд
решил устроить смотр войску.

Его Айаза не было в том месте,
искал его там справедливый царь.

Царь послал к нему кого-то —
мол, царь ждет тебя здесь,

Приди, ибо здесь смотр войска,
а цель этого смотра — твое лицо, подобное луне.

Посланец вернулся к царю с ответом,
который дал ему сребростанный[1] Айаз.

2870 Подошел тот муж к Махмуду,
царь спросил: «Ты не видел лица желанного?»

Тот ответил: «Видел, он не придет,
я услышал от него ответ, что не придет.

Я сказал ему: "Приди, ибо царь победоносный
хочет сделать сегодня смотр войску".

Он сказал мне: "Скажи мудрому шаху,
что никто никогда не делает смотр любимым.

Хочешь ли ты показать меня или нет,
делай смотр только для себя, а для других — нет!"»

БЕСЕДА ДЕСЯТАЯ

[Вопрос третьего сына]

Сын сказал: «Для тебя почет постыден?
Но ведь великие стремятся к почету![1]

2876 Кто отвратил глаза от величия и почета?!
Видел ли ты, чтобы кто-нибудь отвернулся
от почестей?

Не видел разве, как Йусуф со дна колодца
попал на трон Сулаймана[2], обрел почет?

Не видел я во всём мире потомка Адама
свободного от любви к богатству и любви к почету.

Много я видел разных людей,
ни для кого банная топка не стала цветником[3].

2880 Если эти два места для кого-то одинаковы,
то такой — животное, а не человек.

Но поскольку человек обладает разумом,
то ему нужно подняться к величию и почету.

Не к почету ли вознесся на небо 'Иса?!
А ангел не из-за невежества ли своего
постоянно в колодце?!»[4]

Ответ отца

Отец сказал ему: «В этой тюрьме, полной безумцев,
стать великим [ты] можешь только благодаря смирению.

Если хочешь высоты, высшей чем Луна,
ты ее получишь от смирения, не от почета.

2885 Пророк сказал, что последнее скрытое свойство,
которое уходит из мозга правдивых[1], —

Это, без сомнения, любовь к почету и любовь к имуществу.
Тебе искать этого почета — большой грех.

Будь ты на пути к Истине хоть избранным из избранных,
если обретешь почетный сан, станешь ты ослушником.

Этот почет такой из тебя поднимет дым,
что не удастся тебе вернуться обратно»[2].

Рассказ первый

О султане Санджаре и 'Аббасе Туси

Однажды Санджар, высокий царь,
повстречал 'Аббасу в месте его уединения.

2890 Не сладилось у царя с ним дело,
немного посидел рядом и ушел.

Некто спросил его: «Почему ты молчал,
ничего не сказал и не выслушал?»

Тогда ответил ему ʻАббаса:
«Когда моим глазам предстал царь,

Я увидел целое поле острых твердых стеблей,
[а] в руке своей увидел маленький и тупой серп.

Тем серпом я не смог жать
и не увидел пути, кроме молчания».

* * *

2895 Если ты радуешься мирской славе,
будешь ты отстранен от славы будущего мира.

Если тебя станут окружать богатство и почет,
станет твое богатство змеей, а почет — колодцем.

Что такое твое сердце? — Муса,
[а] нафс — Фирʻаун[1].
Подобен огненной чаше
стоцветный земной мир[2].

Если Джабраил велит — радостью будет
для Мусы вложить руку в огонь[3].

Но если это велит Фирʻаун,
то огонь будет мучить тебя на сто ладов[4].

2900 Ибо о том, в послушании ты или в грехе,
будет свидетельствовать каждый твой член[5].

Там не будет для тебя ни неверия, ни веры,
что́ ты отсюда принесешь — то *там* и будет.

Пожнешь ты то, что здесь посеял,
наденешь ты то, что здесь соткал.

Там для тебя и польза и ущерб
будут такими, какие были здесь.

Не найдешь ты, о бедняк, радости *там*,
если не возьмешь ты радость *отсюда*.

2905 Умрешь ли ты с ядом или с медом —
эта твоя ноша будет на твоих плечах.

Раз каждая крупица этого мира —
завеса[, отделяющая от Бога],
если будет у тебя хоть одна —
придется тебе дать отчет.

Ноги ни с места, голова кружит, как циркуль!
Сбрось с души груз, иди радостно налегке![6]

Рассказ второй

О том, как Муса обращался с просьбой к Господу

Истинному сказал Собеседник[1], украшающий мир:
«Покажи мне кого-нибудь из Своих друзей,

Чтобы осветились мои глаза его лицом,
ведь сердце мое горит желанием [увидеть] его».

2910 Раздался глас: «У Нас из людей, тоскующих [по Нам][2]
искренне, есть один человек в такой-то долине.

Он — из избранников Дворца,
день и ночь он следует по пути к Нам».

Пошел Собеседник Божий, чтобы увидать его,
увидел того мужа, труженика Божия.

Под головой у него — половинка кирпича,
дерюга прикрывала его [лишь] до колен.

Тысячи муравьев, и ос, и мух тоже
собрались на нем и бегали взад и вперед.

2915 Приветствовал его Муса и сказал:
«Если есть у тебя какое-то желание, скажи!»

Сказал [тот] ему: «О пророк Божий, поспеши,
дай мне глоток воды из кувшина».

Когда Муса пошел за кувшином,
в один миг душа ушла из тела того жаждущего.

Когда принес ему воду чистый Муса,
увидал его умершим, с лицом во прахе.

Собеседник Божий изумился и отправился
справить ему саван для погребения.

2920 Когда вернулся — уже разодрал его лев,
сожрал его сердце, насытил им утробу.

Взволновалось сердце Мусы от того горя,
его собственное горе возросло из-за того мужа.

Отверз он уста: «О Знающий тайное!
Ты с сотней забот растил цветок,

А когда, измученный жаждой,
он попросил воды, —
умер, и не осуществилось это его желание.

С растерзанным животом и жаждущим сердцем
отдал душу,
о таком жалком состоянии никто никогда не слыхал!

2925 Как найти, откуда тянется нить этой тайны?
Ведь Твою тайну ни сердце не видело,
ни душа не находила!»

В душе его раздался глас Истинного:
«Если каждый раз воду ему давали Мы,

То было бы лучше, чтобы на этот раз, как всякий раз,
из Нашей руки вкусил бы воду тот вкушающий горе.

Ведь это Мы постоянно давали ему одежду,
как же Муса вмешался в это дело?!

Теперь, когда явился [ему] посредник,
зачем он проявил внимание к иным[, чем Мы]?

2930 После того, как он видел от Нас такую заботу,
зачем он захотел чего-то от иного, чем Мы?!

Когда нога этого иного ступила между нами,
Мы забрали [Нашего друга] навсегда.

Но пока не даст он явно
отчет за ту дерюгу и тот кусок кирпича,

Величием сана Моего [клянусь],
что ни на самую малость
не придет к нему от Нас аромат ни с какой стороны».

* * *

О дорогой! Дело с Ним легким не бывает,
беседовать с Ним можно лишь сердцем и душой.

2935 Беседа с Ним совершается в душе и сердце,
говорить о низшем мире *там* трудно.

Кто не может идти путем своей души,
тому нельзя даровать звание «муж».

Не считай небосвод одним из мужей в Его рядах:
он — лишь старуха, вертящая колесо прялки[3].

Ты столькими узами связан со всем на свете —
а чем же ты связан со своей собственной основой?

Тебя норовят заглотить столько морских чудищ[4] —
как же ты надеешься обитать на небосводе?

2940 Твои ноги словно сковала земля —
как же ты желаешь места на небе?

Твоя любовь досталась своре псов —
чего же тебе ждать от жителей неба?

Какое отношение имеют в [своей] святости и чистоте
«*Два благородных писца*»[5] к телу[, состоящему] из земли?!

Красота, которую дозволено созерцать тем великим,
уместна ли у обитателей отхожего места?

Не всякая душа находит дорогу к этой тайне,
не всякий, сынок, находит этот почет.

2945 Тысячи душ придут в этот мир,
прежде чем какая-то одна душа познает эту тайну.

Рассказ третий

О душах прежде сотворения тел

Так говорят о том сроке, за который души [людей]
были сотворены, но еще не соединились
со своими формами,

Что насчитывает этот срок три-четыре года,
а каждый год в Его мире —тысяча [в нашем][1].

Передают, что эти возвышенные души,
когда они еще были свободны от тел,

Собрали все вместе
и выстроили в один ряд[2].

2950 И тогда вдруг из-за их спин
их взорам явился земной мир.

Когда все эти души увидели земной мир,
из [каждых] десяти душ девять
побежали к земному миру.

А той части, что там осталась,
с правой стороны явился рай.

Когда они — о диво! — увидели райский сад,
из [каждых] десяти душ девять
выбрали райский сад.

Той части, которая осталась,
явился с левой стороны ад.

2955 Когда эти оставшиеся увидели ад,
из [каждых] десяти душ девять
разбежались от ада.

Осталась там лишь самая малость душ,
у которых ни к чему не было стремления:

Ни низкий мир, ни рай они не выбрали,
ни от ада они нисколько не отпрянули.

Глас воззвал: «О безумные души!
Чего вы теперь здесь хотите?

Вы отказались и от мира, и от рая,
и об аде у вас нет печали.

2960 Что́ надо вам на Нашем пути,
что вам нужно в Нашем дворце?»

Вопль поднялся от всех этих душ
(ты сказал бы — жизнь душ подошла к концу):

«О владеющий Троном, Землей и Подножием!
Ты знаешь больше, чем мы, —
зачем же спрашиваешь?!

Тебя хотим мы — и ничего другого,
Ты — Несомненная Истина, и никто другой!»

Глас раздался: «Раз вы — желающие Меня,
[то] все вы — желающие всевозможных бедствий.

2965 Сколько волосков на шкуре звериной,
или песчинок в пустыне от края и до края,

Или же сколько капель у дождя,
или же сколько листов у ветвистого древа, —

И более этого страданий и бед Я
пролью на вас жестоко.

Тысячью огненных шипов каждый миг
буду пронзать вашу израненную грудь».

Когда эти души глас Истинного услышали,
все они радостно вскричали:

2970 «Да будет наша жизнь жертвой тех бед!
Всё, что Ты хочешь, да свершится с нами!

Примем от души все беды, что Ты пошлешь,
каждую из них стократ примем навечно!»

* * *

С каждой душой у Него [общая] тайна,
поэтому каждая душа считает,

Что обладатель тайны того Дворца — только она,
о тайне мистического знания извещена только она.

То, что души так считают, — это хорошо,
но только к одной из этих душ у Него любовь.

2975 Другие будут завесами той души,
ради нее они будут изранены.

Перед тем, как Мусу отправили в путь,
восемнадцати тысячам отсекли головы[3].

Хотя свойства всех душ одинаковы,
но избранники — это люди познания[4].

Рассказ четвертый

О женах Пророка

Жены Мустафы[1] однажды все вместе
спросили его: «О глава всего мира!

Которую из нас ты больше любишь?
Если расскажешь нам это, мы будем так рады!»

2980 Пророк сказал: «О прекрасные жены!
Сегодня вам придется потерпеть.

А завтра скажу вам, что́ я думаю,
дам ответ всем, если смогу».

Когда настала ночь, темная, словно день разлуки,
позвал он к себе каждую из жен по отдельности.

Тайно дал каждой жене по перстню,
для раны каждой из них дал бальзам.

И от каждой жены взял обещание
ни слова не говорить другим женам об этом перстне,

2985 Свято хранить эту тайну за завесой,
ни слова не говорить о ней вне завесы.

И вот, когда настало новое утро,
пришли все жены к Пророку,

Снова задали тот же вопрос.
Отверз Пророк уста для речей:

Мол, ту люблю больше всех на свете,
которой тайно дал перстень.

Когда жены услышали от него этот ответ,
все они втайне обрадовались.

2990 Посмотрели они одна на другую,
Ведь, конечно, никто не знал об этой тайне.

По отдельности каждая знала свою тайну,
но с ʻАишей у него была иная тайна[, чем с другими][2].

* * *

Если твое сердце хочет, о муж,
не щадящий своей жизни[3],
чтобы ты был принят за завесой тайны,

Сделай пищу из своей печени[4] — и будь радостен,
будь во прахе и крови — но будь свободен.

Ибо, пока не станешь ты страдать в разлуке,
не обретешь ты пути к тайне
[предвечного] *знакомства*[5].

Рассказ пятый

О Раби'и

2995 Раби'а, достигшая высокой [духовной] степени,
целую неделю не вкушала никакой пищи.

За всю неделю она ни разу не присела,
молитва[1] и пост были ее непрестанным делом.

Когда голод взял над ней верх,
всё тело ее совсем обессилело.

Жила по соседству одна чистая женщина,
она принесла Раби'и миску с едой.

Раби'а, измученная и страдающая, пошла
чтобы где-нибудь зажечь свой светильник.

3000 Когда вернулась, увидела, что кошка
опрокинула ее миску на землю.

Снова она вышла — за кувшином,
чтобы водой разрешить свой пост.

Она вернулась — а светильник погас,
от той жгучей му́ки мозг ее стал подобен свече.

В темноте она поднесла кувшин к губам,
чтобы разрешить этот томительный пост.

Тут же кувшин выпал у нее из рук.
осталась она с жаждущей печенью[2]
и кувшин разбила...

3005 Из сердца такой горячий вздох[3] вознесла
эта страдалица,
что был [весь] мир, ты сказал бы, охвачен огнем.

В крайнем смятении она воскликнула: «Боже!
Чего Ты хочешь от этой беспомощной бедняжки?![4]

Вверг Ты меня в смятение —
сколько будешь заставлять меня катиться в крови?!»

Глас раздался: мол, если хочешь, в этот же миг
подарим тебе [всё,] от Луны до Рыбы[5].

Но тогда твою многолетнюю печаль по Мне
из твоего сердца заберем — подумай об этом!

3010 Ведь печаль обо Мне и коварный земной мир
не поладят в одном сердце и за сотню лет.

Если тебе нужна непрестанно печаль о Нас,
да будет у тебя всегда отречение от мира.

Пока есть это первое, тому второму не быть,
ибо печаль по Боге не дается даром.

Рассказ шестой

О Бухлуле

Однажды Бухлул Багдадский,
смятенный сердцем,
взмолился к мальчишкам о пощаде:

Они швырялись в него камнями,
гоняли его во все стороны.

3015 Когда [совсем] ослабел, камушек с дороги,
поднял, дал им и стал их просить:

«Вот такими маленькими бросайте в меня,
большими камнями не сделайте меня хромым!

Ведь, если камни переломают мне ноги,
я смогу совершать намаз только сидя»[1].

Наконец попал в него тяжелый камень,
сердце его от той боли перевернулось.

Столько от того камня он пролил крови
из стесненного сердца,
что облилось из-за его страданий кровью
сердце камня.

3020 Для того чтобы избавиться от них,
отправился он в Басру[2] хромой и смятенный.

Вот пришел он туда к вечеру
и свернул с дороги, чтобы поспать.

Зашел в какой-то закоулок, а там лежал убитый,
был тот убитый весь в крови и глине.

[Бухлул] не знал этого и заснул рядом с ним,
вся его одежда пропиталась кровью.

Когда наутро появились люди,
увидели этого жестоко убитого,

3025 Увидели рядом с ним Бухлула,
одежда его и всё вокруг было в крови.

Они сразу же так решили,
что Бухлул — ну и ну! — совершил это дело.

Сказали ему: «Ах ты, пес, откуда ты?
Ведь ты нам совсем не знаком!»

«Я из Багдада, — сказал, — сюда пришел,
около этого убитого я спал и отдыхал.

Мне стало ясно, что здесь убитый, [лишь] тогда,
когда мир стал светел в утреннее время».

3030 Ему сказали: «Из Багдада в ночной тьме,
ты пришел, чтобы пролить кровь!»

Крепко связали ему руки и потащили его,
без жалости передали его тюремщикам.

В сердце своем говорил страдалец Бухлул:
«Ну, теперь что тебе еще надо, сердце?!

Ты убежало от мальчишек с их камнями,
а теперь тебя обвиняют в убийстве.

Если бы ты в Багдаде был покóрен,
разве пришлось бы тебе в Басре
бояться за жизнь?!»

3035 Наконец о Бухлуле рассказали царю[3],
и царь приказал его безжалостно казнить.

Тут же привели его к виселице,
палач поставил свою лестницу.

Когда хотел надеть ему на шею петлю,
вверх поднял он голову к Господу,

Прошептал Ему свою тайну.
Вдруг выбежал откуда-то некто отчаянный,

Поднял крик и сказал: «Он не виновен!
Это я убил, это меня надо убить!

3040 Такой груз мне снести не под силу,
на одной спине кровь двоих мне не под силу!»

Привели их обоих к царю,
там присутствовал и царский везир.

А царь Басры уже давно желал
хоть разок побеседовать с Бухлулом.

Он очень хотел увидеть его лицо,
но ни разу еще не видел его лица.

Везир, когда увидел его, сразу узнал
(ведь он видел его раньше) и возрадовался.

3045 Отверз он уста: «О благословенный царь!
Если тебе нужен Бухлул — то вот он!»

Царь от радости вскочил с места,
освободил ему место перед собой,

Поцеловал ему голову и лицо, и с сотней милостей
принял его, и усадил с почетом.

Тут рассказали историю об убитом и убийце,
а после этого рассказали историю Бухлула,

Царь Басры тут же приказал
немедля пролить кровь того юноши.

3050 Царю сказал Бухлул: «О царь, борец за веру!
Если ты хочешь утишить страдание моего сердца,

Упаси Боже тебя пролить его кровь,
если прольешь его кровь — не поднимешься.

Ведь он пришел ради своей правдивости,
стал жертвой за меня ради доброты [ко мне].

Ради моей жизни не пощадил он своей жизни —
как же ты прольешь кровь этого юноши?!»

Тогда царь позвал родных убитого,
сказал им: «Можете потребовать плату за кровь.

3055 Если же хотите убить его — [это] нехорошо,
я отвечаю вместо него, это — не его дело.

Он хоть и грешен, но раскаялся,
потому что Бухлул за него заступился».

Быстро всё уладили с помощью золота,
всех его истцов удовольствовали[4].

Спросил у юноши царь эпохи:
мол, когда ты поднялся посреди толпы,

Что́ на тебя нашло, что ты распрощался с жизнью,
не побоялся и с легкостью сказал свое слово?

3060 Юноша сказал: «Я увидел дракона,
подобного которому не видел нигде.

Он разинул пасть и изрыгал такой огонь,
что и гранитный камень испугался бы
за свою жизнь.

Он сказал мне: "Встань и скажи правду,
а если нет — сей же час тебя не станет!

Проглочу тебя в один миг,
буду тебя держать в утробе вечно.

Останешься навечно в мучениях,
никто никогда не придет тебе на помощь".

3065 В страхе и ужасе я вскочил с места,
рассказал всё — чтобы спастись».

Потом спросил у Бухлула тот мародержец:
«Что́ же ты сказал у виселицы?»

Он так ответил: «Я отчаялся в жизни,
моя погибель стала мне очевидной.

Я поднял голову и сказал: "Боже!
Чего Ты хочешь от этого беспомощного бедняка?[5]

Это всё Ты им вдруг так внушил!
Если сейчас меня жестоко убьют,

3070 Я с Тебя спрошу цену крови, не с них,
что́ мне цепляться за полу горстки растерянных!

Тебя я принимаю, других не знаю никого,
ведь от Твоего веления зависит моя жизнь!"

Только сказал я эти слова за завесой тайны,
как этот юноша вскочил и закричал.

Этим криком он свел меня с виселицы,
своим ответом поднял завесу над тайной убийства.

Пусть испытаний от Высокого Бога,
мне, смятенному, выпало немало,

3075 Пусть сперва Он меня заставил катиться в крови,
на мою молитву Он даровал мне сотню жизней.

Раз мое несчастье — от того Дворца,
отдать сотню жизней — вот путь к Нему!»

* * *

Но покуда ты — человек, смотрящий
на иное[, чем Он],
ты причину доброго и худого видишь
в ином[, чем Он].

И любовь и вражда приходят к нам из одного
и того же места. Считай всё исходящим оттуда!

Рассказ седьмой

О шейхе из Бушанджа

Вышел однажды шейх Бушанджский на базар
и получил по шее от одного грубого тюрка.

3080 Кто-то сказал: «О тюрк, что это за дело?!
Ты разве сам не видишь, кто это?!

Это — такой-то, он словно солнце — весь сияние,
встреча с ним для султана милей,
чем праздничный пир».

Услышал тюрк рассказ о нем,
а когда понял, каков он,

Стал раскаиваться и, как положено виновным,
встал перед старцем, испрашивая прощения:

Мол, моя спина от моей вины сломалась,
не знал я, ошибся я, пьяный.

3085 Старец ответил ему с болью в сердце:
«Не беспокойся, воевода, об этом:

Ибо от тебя это было бы плохим делом,
но там, откуда это пришло, ошибок не бывает».

* * *

Принимай всё как пришедшее из Чертога, но
ни на один миг не оставляй своего служения.

Не знаешь, отвергнут ты или нет,
определено тебе было счастье или нет[1],

Но знаешь, что, пока у тебя есть жизнь,
твое дело — идти по [Его] велению.

3090 Ты знаешь это, а того ты не знаешь[2],
ты не можешь ни на что полагаться с уверенностью.

Господь — великий и сильный,
твое дело — постоянное служение.

Рассказ восьмой

О Мусе и благочестивом подвижнике

Один подвижник не прерывал служения,
ни часу не проводил без поклонения Богу.

И день и ночь он был в поклонении,
проходили в поклонении все его дни[1].

Мусе пришло откровение от Господа[2],
мол, скажи подвижнику: «О муж благой!

3095 В чем цель твоего постоянного поклонения,
если твое имя — в Диване злосчастных?»[3]

Когда Муса пришел и известил его об этом,
муж поклоняющийся умножил поклонение.

Он так увеличил свое усердие,
что к одному делу прибавлял по сто дел.

Спросил его [Муса]: «Раз ты из несчастных,
для чего такое усердное служение?»

Сказал Мусе тот смятенный пути:
«О попугай горы Синай и муж Чертога [Божия]![4]

3100 Я долгое время держался такого [мнения],
что я — ничто и ни на что не гожусь.

Когда же я узнал, что иду в счет,
к каждому служению у меня прибавилась тысяча.

Раз мое имя оказалось в [списке] Его несчастных,
всё мое дело стало лучше.

Вода ли то будет или огонь —
от Него что ни исходит, всё хорошо.

Всё, что ни придет из того Чертога,
что добро, что благо — это дорожный припас
для пути к Нему!

3105 Будет ли мне от Истинного свет
или пламя [адское], —
Он — Господин, мое дело — служение.

Не думаю о том, близок Он или далек,
потому что я постоянно в Его присутствии!»

Когда Муса снова пришел к горе Синай,
возгласил ему Господь с зенита тайны:

«Когда увидел Я, каков этот подвижник,
с ног до головы он занят делами веры,

От Моей угрозы он не ослабел в поклонении,
но его усердие в делании только возросло.

3110 Когда он увеличил свое служение,
Господь увеличил его счастье.

Теперь Я его причисляю к счастливцам,
Я стер его имя из Дивана злосчастных,

Послал его к обладателям счастья.
Теперь пойди, передай ему от Меня благую весть!»

* * *

Поскольку ты не знаешь тайны грядущего,
ни на кончик волоска не отрекайся от нее,

Не твори в своем невежестве ни признания,
ни отрицания,
ибо наличность станет явной [лишь] *завтра*![5]

Рассказ девятый

О старце из Бухары и муханнасе

3115 Шел по дороге старец, что из Бухары,
и встретил он там муханнаса[1].

Когда увидел его, опозоренного в мире,
подобрал брезгливо полу и отстранился[2].

Муханнас сказал: «О бухарский муж!
[Еще] не явлена подлинность монеты[3] —
ни моей, ни твоей.

Не рассчитывай так сегодня на свою монету,
ведь ценность ее обнаружится [только] *завтра*![4]

Раз еще не известно, кто принят, а кто отвергнут,
тебе нет от себя прибыли, а [мне] от меня — убытка.

3120 Раз ты видишь свою сегодняшнюю слепоту,
зачем ты сегодня подбираешь свою полу от меня?

Сегодня сто́ит тебе повременить
до *завтра*, пока не придет о тебе определение».

Когда тот муж выслушал от него эти слова,
он упал наземь, сердце [его] пронзила боль.

* * *

О сердце! Кто видел сегодня твою монету?
Ведь сегодня она скрыта от тебя наружностью!

Если ты исследуешь наличную монету своей души,
смятение твое будет увеличиваться с каждым мигом.

3125 Иди по Велению, если можешь это выбрать,
всё остальное — не твое дело!

Благим ли, дурным ли заберут тебя отсюда —
ты не по своей воле пришел, не по твоей воле
и заберут тебя.

Рассказ десятый

О Газзали и безбожнике

Однажды какие-то люди сказали Газзали:
«Безбожник хочет тебя убить, словно свечу»[1].

Он испугался и засел дома,
ожидая, пока судьба не протянет ему руку.

Когда его сидение дома затянулось,
сердце потянуло его вон из дома.

3130 Был в городе Кушахде муж смятенный[2],
которого тогда называли Кушахди[3].

[Газзали] послал кого-то к нему сказать:
«О учитель, знающий путь истины!

Из-за страха перед безбожником я сижу дома.
Если раньше был мудрым — теперь стал безумным.

Что мне прикажешь, то я и сделаю,
может быть, исцелится моя боль».

От этого послания Кушахди взволновался
и так сказал принесшему то послание:

3135 «Скажи имаму и учителю: "О далекий от Пути!
Истинному [Богу] ты не наперсник и не советчик.

Создавая, Истинный не спрашивал тебя,
каким нужно тебя создавать,

И о смерти твоей не спросит у тебя ничего.
Ты радуйся сейчас — зачем ты так мучаешься?

Ведь раз Он тебя привел в мир без твоей помощи,
так же Он и заберет тебя отсюда"».

Когда Газзали услышал такое послание,
сердцу его стало отрадно, и он вырвался из плена.

* * *

3140 Раз ты не можешь выбирать себе прошлое,
нет у тебя власти над событиями в настоящем.

Раз нет у тебя пути в Царство Божие —
не будет так, как ты просишь!

Рассказ одиннадцатый

О творящем молитву и безумце

Вознес молитву[1] знаток религии,
толпа народа ответила: «Аминь».

Один безумец сказал: «Что такое “аминь”?
Я не знаю, что это такое!»

Ему сказали: «“Аминь” — это вот что:
чего бы имам и господин ни просил
у Истинного —

3145 Да будет так! Да будет так! Да будет так!»
Отверз уста тот безумец в вопле:

«Не будет так, не будет так вовсе!
Имам и господин о стольком просит,

Но не будет ни больше, ни меньше того,
что хочет Истинный. Зачем вы хотите своего?!»

* * *

Если тебе ничего не определено
в дневное пропитание,
не будет тебе пропитания,
кроме страдания сердца.

Захочет Он — получится у тебя дело,
а нет — из твоей розы получится шип.

Рассказ двенадцатый

О плачущем безумце

3150 Один безумец у дороги
сидел в придорожном прахе,

Рассыпа́л слезы, подобные жемчужинам,
а порой сыпал себе на голову прах.

Ему сказали: «О узник праха!
Почему ты всё время так горько плачешь?»

Так сказал он: «Взволнована моя душа,
я утопаю в слезах, словно свеча, потому,

Что нужен мне Он — больше никто и ничто,
но я Истинному нисколько не нужен».

Рассказ тринадцатый

О потаенных молитвах безумца

3155 Был один безумец в пустыне;
когда безумие его похищало,

Он поднимал глаза к небесам
и говорил в сердечной скорби: «О Боже!

Пусть дружба — не Твое дело,
но я всегда Тебе друг».

Пусть Ты не берешь меня в друзья,
у меня, кроме Тебя, другого друга нет.

Как скажу я Тебе, о Озаряющий мир:
"Поучись хоть на миг дружбе у меня"?!»

* * *

3160 Такова тайна, из-за которой каждый миг
все сто миров
в томлении по Тебе — словно
мотыльки[, стремящиеся] к свече.

Никакой не может быть причины, чтобы обрести это,
но можно обрести это с помощью счастья.

Если бы хоть пылинка счастья пришла на помощь,
стала бы она тебе путеводителем к солнцу.

Рассказ четырнадцатый

О помощи счастья

Один человек сказал шейху: «О добродетельный!
Что́ ты сделаешь, если счастье станет
тебе помощником?»

Так он сказал: «Если счастье придет,
оно и скажет, что до́лжно и что подобает [делать].

3165 Если счастье станет кому-то помощником,
то счастье само и станет действовать в нем».

БЕСЕДА ОДИННАДЦАТАЯ

[Вопрос третьего сына]

Сын сказал ему: «Если я достигну почета,
с чего мне быть растерянным и сбившимся с пути?![1]

Если я буду искать почета умеренно,
не запрещай мне идти по этому пути.

Если стремление к почету не будет у меня чрезмерным,
соблазн почета не похитит меня, как горный поток».

Ответ отца

Отец сказал ему: «Что с того, что небольшим будет почет!
Ведь из-за того небольшого будешь ты оставаться в колодце[1].

3170 На этом пути, если ты оглянешься на свое послушание,
перед тобой тут же опустится завеса[2].

Если перед тобой опускается завеса,
[даже когда ты] творишь благочестие,
то от стремления к почету завес будет больше».

Рассказ первый

Об идущем через пустыню в отрешении от всего

Был великий [духом] из постигающих таухид[1],
который всю жизнь провел в пустыне,
в отрешении от всего:

Не было у него ни ведра, ни кувшина, ни веревки,
ни воды, ни дорожных припасов при себе.

Вот вышел он в путь, как скитальцы бездомные,
за воротник[2] положил себе ломоть хлеба.

3175 То нюхал он этот хлеб, то шагал,
а то, обессиленный, ложился ненадолго.

Кто-то сказал ему: «Каким ты был прежде, ка́к жил!
А стал совсем беспомощным — в чем тому причина?

Ты то и дело нюхаешь ломоть хлеба —
да как же ты стал вот таким?!»

Он так ответил: «Я страдаю из-за своего лукавства,
я несу покаяние за всё, что я делал.

Ведь мое отрешение [от мира] было мнимым[3],
во мне было много гордыни и невежества.

3180 Всё это было лишь притязанием, притязанием!..
Теперь, когда просияла мне пылинка[4] смысла,

Я раскаялся в этой своей гордыне
и, что ни час, мое раскаяние умножается».

* * *

Жить чем-либо, помимо Истинного, —
это ли причина считать себя рабом [Бога]?!

Если ты живешь для чего-то, кроме Истины,
ты, несомненно, будешь рабом этого.

Если у тебя будет привязанность [к чему-то]
хоть на волосок,
любая малость, ничтожная, как волосок,
будет тебе путами.

3185 Тебе нужно полностью освободиться от себя,
ты же каждый миг увеличиваешься сам в себе.

Раз ты знаешь, что смерть всё равно придет,
почему ты не собираешь припасы для нее?

Ты не зеленее, чем лист, — вставай,
задрожи, пожухни и опади![5]

Если ты упадешь перед Божественным порогом,
это будет началом твоего возвеличивания.

Если ты рухнешь перед этой дверью,
как разрушенный дом,
то поднимешься так, как восходит солнце.

Рассказ второй

О безумце и погребальных носилках

3190 Несли [люди] в руках погребальные носилки.
Увидел это издалека один опьяненный безумец

И спросил одного из них: «Кем был этот мертвец,
которого безвременно унес лев смерти?»[1]

Ему сказали: «О смятенный безумец!
Это был юноша, борец и силач».

Сказал им тот безумец: «Юноша
хоть и был силен в борьбе,

Но не знал тот сокрушенный,
с кем ему придется вступить в борьбу сегодня.

3195 Достался ему соперник мощный,
напал на него с немилосердной силой.

Так бросил его в прах и кровь,
что больше он уже не поднимется.

Но можно сказать: "Слава Богу!",
ибо юноша упал на такое место,

Где отдать жизнь — значит обрести жизнь,
где упасть — значит подняться».

* * *

Раз никто не может избавиться от падения,
никто не избежит падения в это море,

3200 Если ты не упадешь здесь — у тебя нет души,
значит, ты не веришь в [будущее] восстание.

Полюбился тебе мир, раскрыл ты крылья,
запустил в эту падаль свои когти.

Ты эту деревню не завоевывал и не покупал —
считай, что эту деревню ты и не видел[2].

Не прельстит ни одного мудреца такой мир,
которому для людей в свое время наступит конец.

Для чего тебе привязывать душу к миру,
ведь этот мир привязан к единому вздоху!

3205 [Истинный] мир — *там*,
и, если ты принадлежишь ему,
иди туда, ведь ты — [человек] *того* мира.

Рассказ третий

Слова Пророка о новорожденном младенце

Так сказал своим друзьям Пророк:
«Младенец, который только родился,

Когда упадет он на землю,
бывает совсем слабым и плачет.

Но когда увидит светлость этого мира,
увидит просторы земли и неба,

Ни за что не захочет обратно в утробу,
не захочет вернуться обратно во мрак.

3210 У всякого, кто вырвался из тесного гнезда,
вышел на широкий простор иного мира,

Поистине, такое же состояние, —
ведь он из утробы выбирается в мир.

Так же, как тот младенец, что пришел в мир,
не захочет он обратно ни на минуту.

Каждому, кто ушел из земного в тот мир,
я сказал бы: «У тебя то же состояние, что у младенца».

* * *

О сердце! Раз твоя жизнь — не в этом мире,
брось в огонь этот мир[1], если ты — муж *того* [мира].

3215 Если сердце не будет твоим путеводителем,
ка́к твое тело сможет проходить этот путь?

Ведь если можно пройти этот путь,
знай твердо, что [идти] можно [только] душой.

Создай келью внутри обители сердца,
а из той кельи создай путь к Истинному.

Если делаешь дело — делай в согласии с душой,
не поднимай его на вершине трости, делай втайне.

В шелку совершай свои подвиги, а не в войлоке,
ибо тот (войлок) — дело осла, не дело разума[2].

3220 Если ты поменяешь одежду, это не сгодится,
потому что для Него не важны чалма и одежда.

Но если сможешь, то, как истинные мужи,
забудь про чалму и измени свою душу.

Рассказ четвертый

О Хасане и Хабибе

Шел однажды Хасан и с ним Хабиб,
пришли они вместе к реке[1].

Хасан посмотрел — не увидел Хабиба,
бегал он туда и сюда,

Наконец увидел его по ту сторону реки,
увидел, что степень [Хабиба] выше, чем его.

3225 Сказал ему: «О Хабиб, о муж Чертога [Божия]![2]
Ты ведь от меня обучился этому пути!

Ты прошел прямо по воде —
как ты обрел такое чудотворение?»

Тот ответил: «О совершенный учитель!
Узнай: я обрел это на пути Истины.

Ибо моим занятием было убелять свое сердце,
а твоим — постоянно чернить бумагу».

* * *

Если ты изменишь свое сердце,
как [истинные] мужи,
луна твоя станет держать зеркало перед солнцем[3].

3230 Пусть твое сердце будет свободно
от «уподобления» и «лишения»,
равнодушно к комментариям
и аллегорическим толкованиям[4].

Временами — полностью погружено в святость
и чистоту,
временами — полностью в плену праха земного[5].

То «вне себя», то «при себе» — два его состояния,
и в том, и в другом дается ему совершенство[6].

Рассказ пятый

О Шибли

Был однажды Шибли в собрании,
спросил его некто: «О озаряющий мир!

Скажи: кто есть ʻариф?»[1] Ответил: «Он таков,
Что, если перед ним оба мира,

3235 Одной ресничинкой поднимет их с места.
Сила ʻарифа еще и больше этого».

Однажды спросили его снова:
«Кто есть ʻариф, о учитель тайн?»

Так сказал он: «ʻАриф — тот, кто так немощен,
что и [груза] мошки ему не вытерпеть ни секунды»[2].

Кто-то вскочил: «О озаряющий мир!
Ты так-то назвал ʻарифа в тот день,

А теперь ты вот этак говоришь!
Ты создаешь противоречия на путях веры!»

3240 Дал Шибли ясный ответ в тот день:
«О совопросник, в тот день я не был я.

Но сегодня я — это я, немощный,
и лучшего ответа тебе не могу дать».

* * *

Если кто видит лишь одну сторону красоты,
не бывает его ви́дение совершенным.

Надо видеть и доброе, и дурное тоже,
ступени [пребывания] в «себе» и «вне себя».

Но если ты видишь всё соединенным,
ты увидишь добро и зло связанными воедино.

3245 Пусть тебе видится злое — оно благо,
потому что оно исходит от Него.

Не видь в возлюбленном ни одной части
отдельно —
видь всё соединенным вместе, как люди ви́дения.

Смотри не теряй голову[3] из-за одной его части,
ведь нужно видеть все части в совокупности!

Ибо, когда ты увидишь и дом, и крышу,
ты увидишь, что тебе дарован целый мир любви.

Рассказ шестой

О султане Махмуде и Айазе в бане

Однажды утром Айаз сребростанный,
сжигавший души, один пришел в баню[1].

3250 Некто из друзей сказал Махмуду славному:
мол, твой любимый сегодня в бане.

Когда царь услышал эти слова,
сердце его взбурлило, словно море.

Царь, словно суфии в духовном восторге,
в тот же миг один помчался в баню.

Увидел там лицо того подобного пери
и стену бани, из-за него всю в огне.

От отражения его облика стена бани
вся пустилась в пляс, от пола до крыши.

3255 Когда царь увидел его красоту с головы до ног,
готов был всю душу отдать за каждую из его частей.

Сердце его затрепетало, как рыба на сковороде,
и от того огня он упал в той бане.

Айаз упал к его ногам: «О царь!
Что́ случилось с тобой, скажи, на пути?

Ведь твой разум был столь совершенным,
а теперь такой разум словно пропал!

Царь сказал ему: «Когда я видел твое лицо,
о твоих членах сердце мое не знало.

3260 Теперь, когда я увидел все твои члены,
я готов быть рабом каждого из них, так же как они —
твои рабы.

У меня всегда горела душа от любви к тебе,
а теперь запылала сотня новых огней.

Поскольку все твои члены услаждают мое сердце,
с каким из них мне теперь играть в любовную игру?!»[2]

* * *

О сердце, усади возлюбленного в своей душе,
рассыпь перед ним нисар[3] жемчужин,
сыплющихся из твоих глаз!

Когда он воссядет на престоле твоего сердца,
сбросит он всё лишнее с твоего сердца, —

3265 Ты в радости о нем сорвись с места,
мчись, не разбирая ног и головы.

Любуйся постоянно и вкушай радости мира,
каждый миг будут тебе радости во множестве.

И пусть тысячи людей соберутся вокруг тебя,
станут по своему невежеству осыпать тебя
дождем стрел,

Если твой возлюбленный с тобою присутствует,
а ты испустишь хоть вздох — ты далек от дела.

Рассказ седьмой

О Байазиде и мошеннике

По какому-то делу Байазид, озаряющий мир,
проходил однажды кварталом менял.

3270 У дороги он увидел мошенника,
увидел, что тот грешен с головы до пят.

Его били[1] с такою силой,
что кровь текла из ран без остановки.

Посреди мук он не издал ни вздоха,
он смеялся и радостно восклицал: «О, если бы

Меня бы постоянно вот так били,
огненным мечом били бы меня!»

Шейх веры пришел в такое удивление
от этого ринда[2],
что остался там, чтобы узнать, в чем дело.

3275 Когда наконец наказание закончилось,
тайно спросил его муж бистамский:

«Терпя такие раны, обливаясь кровью,
ты, словно роза, смеялся и цвел,

Ни стона не издал, ни слезинки не пролил!
Я от тебя в полном изумлении!

Расскажи мне, в чем тайна того,
что ты посреди мук смог быть так
радостен сердцем!»

Так сказал тогда этот израненный мошенник:
«Был здесь, о шейх, мой возлюбленный друг,

3280 Стоял он там где-то с краю
и не отрываясь смотрел на меня.

Когда я увидел, что он там стоит,
я перестал чувствовать боль.

Хоть сто раз ударь меня в ту минуту —
разве стало бы это для меня ударом?!

Возлюбленный стоял там ради меня —
мне ли было не оставаться стойким?!»

Когда услыхал эти слова муж несравненный,
из глаз его хлынули потоки крови.

3285 В сердце своем он твердил:
«О старец злополучный!
Научись пути веры от этого ринда!

Все твои благочестивые дела никчемны,
сам смотри: каков ты — и каков он!

Тебе надо научиться вере у этого ринда,
коли учишься — вот чему надо учиться!»[3]

Бывает нередко, что люди покорности[4]
получают урок от наименьшего из рабов.

Рассказ восьмой

Об Ибн ал-Мубараке [и рабе]

Однажды на рассвете Ибн ал-Мубарак
шел по дороге, а [кругом] был снег и ветер.

3290 Увидел он раба в одной рубахе,
который весь дрожал от холода.

Сказал ему: «Почему ты хозяину о своей беде
не скажешь, не попросишь у него одежду?»

Маленький раб сказал: «Я своему хозяину
могу ли сказать? Он ведь видит меня.

Раз он ясно видит меня — что́ мне сказать?!
Раз он знает — чего мне искать?!»

Когда услышал эти слова Ибн Мубарак,
поднялся огонь до неба из его души.

3295 Он издал вопль и упал без чувств,
такой красноречивый — стал безмолвным!

Отверз он уста, когда пришел в себя:
«Повстречался нам наставник в пути!»

* * *

О вы, стремящиеся узреть путь Истины!
Научитесь пути к Истине у этого индуса![1]

Кто знает, что́ у каждого человека в груди?!
На чьем сердце из всего множества людей
выжжено Его тавро?!

Для сердца, которое узнает Его тавро,
путь в один миг станет коротким,

3300 И то сердце, на котором след Его тавра,
тотчас пускается в пляс, готовое отдать жизнь[2] —

Так же, как тот эфиоп, что изведал боль по Нему
и, в один миг отдав жизнь, обрел ее.

Рассказ девятый

Об эфиопе

Один эфиоп пришел к Пророку:
мол, приношу покаяние, пришло тому время.

Если я прощен, если покаяние принято,
то только при поддержке такого пророка, как ты.

Пророк сказал: «Раз ты раскаялся,
знай твердо, что ты прощен».

3305 Снова заговорил эфиоп: «Тогда,
когда я был заблудшим в своих грехах,

Грехах, которые не одобрит Истинный, —
видел ли Он меня в этих грехах?»

Пророк сказал: «Что же ты, не знаешь,
что от Истинного ни одна крупица[1] не скрыта?!

Все твои грехи, каждый атом, увидены,
но по милосердию [Его] они покрыты».

Лишь только эфиоп услышал эти слова,
испустил из сердца кровавый вздох.

3310 Таким жгучим был этот вздох,
что птица его души обмерла.

Упал он наземь перед Мустафой[2],
ушел к чистому Богу, и начисто ушел.

Воскликнул своим друзьям Пророк:
«Поспешите, о соратники, поскорей,

Этого, погибшего из-за стыда перед Истинным,
оплакать и прочесть над ним такбир[3].

Если кто убит стыдом и покаянием,
когда умрет — тело его станет целительным.

3315 Какую крупицу его праха ни понюхаешь,
скажешь, что в ней — больше ста морей
пристыженности.

Рассказ десятый

О невесте и ее благородном муже

Некто взял невесту[, прекрасную] как картинка,
и не обнаружил он у нее печати.

Когда муж не нашел у нее этой печати,
не нашел у нее признака добродетельной девицы,

Всё тело ее покрылось испариной,
как розовой водой,
растерзала она, как роза, но не одежду — душу[1].

Муж увидел, в каком жена состоянии от стыда,
и испугался за ее жизнь.

3320 Сердце его заболело от сострадания,
искренне решил он ее принять.

Он сказал ей: «Будь я неверный,
если эту твою тайну я не буду хранить!

Не узнает твоя мать об этой тайне,
и отцу твоему — как проведать об этом?

Раз не свободен от греха никто из детей Адама,
то если и случился с тобою грех,

Покрою его, да покроет [и] меня Творец,
ибо я больше твоего в религии грешен[2].

3325 Ты храни сердце радостным
и не вспоминай об этом,
да не будет впредь об этом разговора!»

Когда после этого настал другой день,
опало оперенье у той золотой птицы.

Так она погрузилась в пучину болезни,
что в один день погружалась в сотню печалей.

Жилы и сухожилия у нее стонали, словно чанг[3],
внутри нее, словно у финика, всё окостенело.

Когда муж увидел ее лицо подобным золоту[4],
тут же привел врача к ее изголовью.

3330 Но нимало не было толку от лекарства,
ее лицо каждый миг становилось всё бледнее.

Отверз уста муж наедине:
«Ты убиваешь себя в молодости!

Если ты хочешь, чтобы я это скрыл, —
скрою и буду молчать об этом деле.

А если желаешь, чтобы об этом деле
не знал и я — считай это небывшим.

Зачем ты об этом так тревожилась,
что себя довела до болезни!»

3335 Так сказала тогда жена:
«О мой добрый супруг!
О таком, как ты, нельзя сказать ничего,
кроме благого!

Ты сказал и сделал то, что достойно тебя,
печалился о моей бедной душе.

Но мне-то что делать с этим стыдом?!
Я ведь знаю, что ты знаешь мою тайну.

Раз ты извещен о моей тайне,
как уберется этот огонь с моего пути?!

Покуда я — это я, каждое мгновенье
не будет моя душа свободна
от сотни страданий».

3340 Сказала это — и от стыда лишилась чувств,
лицо ее потемнело и состояние изменилось.

Когда всё, что у нее было, она отдала,
не осталось у нее ничего, и она отдала жизнь.

* * *

Если одна капля погрузилась в море Абсолюта,
для чего ты посыпаешь голову прахом, горюя об этом?!

Не становись, словно капля, от этого беспомощным,
ведь для капли лучше быть в море.

Я и ты — [лишь] один ман земли влажной[5],
что с того, коли не будет одного мана земли?

3345 Для чего родился, коли умрешь так горестно?!
Лучше бы тебе, словно искре, умереть, не родившись!

Для чего ты поднялся, если придется улечься,
для чего пришел, если придется уйти?..

Рассказ одиннадцатый

О словах мудреца над прахом Искандара

Когда Искандар в горести уснул в земле,
некий мудрец так сказал над его прахом:

«О царь! Ты много путешествовал,
но не так, как путешествуешь в этот раз.

Много ты кружил по свету, словно небеса,
теперь же отвернулся ты от коловращения мира!»

3350 Для чего, раз надо уйти, ты приходил?
Для чего пришел, если ты уйдешь?

Ни о чем не знаешь ты, там, где ты сейчас,
не извещен о том, что́ ты туда отправил.

Для чего нужно столько привязанностей?!
Сколько еще быть здесь этому приходу и уходу?!

Рассказ двенадцатый

О безумце

Был один бедняга-безумец,
день ото дня ему становилось всё хуже.

И люди опостылели его сердцу, и он сам,
ни вперед у него пути не было, ни назад.

3355 Отверз он уста: «О Знающий тайное!
Не познать нам это Твое творение![1]

Сколько Тебе забирать и приносить,
сердцу Твоему не надоело ли создавать?»

* * *

Что́ мне сказать? Ведь я не знаю о своем конце!
Чего искать? Ведь у меня о том, что впереди,
нет указания!

Мои кровавые слезы обильнее океана.
Что я говорю — весь мир залит
волнами моей крови!

Ты говоришь мне: «Когда ты уйдешь
из этого мира,
покажи Нам признак твоей души!

3360 Но ведь у моей души не осталось признака
от этого мира:
от лишенного признаков ищет ли кто признака?[2]

Не знаю, какое [мне поможет] лекарство!
Что́ такое мое сердце и что такое душа?!

Не знает лекарства это бедное «я»
от своего постоянного непостоянства.

Ходил во все улицы, во все стороны,
но так никуда я и не приходил.

Много блуждал я по миру,
потому я так растерян.

3365 От груди «*Разве не*»[3] меня оторвали,
вниз головой в эту тюрьму скинули.

Оттого растерян я и заблудился,
что каждый миг хочу [снова] в объятья кормилицы.

Раз оттуда я пришел без родных и друзей,
если туда вернусь — этого счастья мне довольно.

Вернусь ли, нет ли? В этом мучении
долго буду скитаться я, смятенный, ночью и днем.

Сердце мое полно боли, душа — горя,
ведь день мой темен, луна моя — за тучей.

3370 Если ноги мои так и останутся на этом месте,
сердце мое будет «ничто», останется глиной[4].

В своей слепоте мы отворачиваемся
от Божественной тайны,
в своем небрежении хирку сделали зуннаром[5].

Отдали разум — купили осла естества,
отдали вежество — избрали дерзость.

Если сердце останется при этой суете,
в наших руках не останется ничего.

Что́ пользы от жизни, коли пользы мы не видели,
а если и видели — благого бытия не видели!

3375 О сердце! Доколе будешь убивать меня,
сжигать на медленном огне?!
Ты и не склоняешь голову, и не поднимаешь ее.

Что же поделать мне с тобой!
Нет у меня средства, кроме боли.

Если у тебя есть боль, о муж, будь мужественным,
мужественно сиди у изголовья своей боли.

Ведь от печали по Тебе я каждый миг
всё беспомощнее —
сколько Ты будешь влачить меня в крови?!

Ты всё время надеваешь мне колпак, словно свече[6],
[а] другой рукой даешь мне снова сияние.

3380 Если я валюсь с ног, говоришь мне: «Встань!»
Если я пускаюсь бежать, говоришь: «Не горячись!»

Далеко ли я буду, близко ли,
пока я — это я, я удален [от Тебя]!

Нет у меня знака от деревни и от старосты деревни:
освободи меня от этой деревни хоть ненадолго!

Словно Бу Аййуб, сотвори из себя дом[7],
когда построишь — открой дверь:

А ну как тогда колыбель Мустафы[8]
станет соседом такого нищего, как ты!

3385 Если ты неверный — дарует тебе веру,
если болен — дарует тебе лекарство.

Если у тебя есть мудрый старец-наставник,
стань учеником, ибо старец — основа для человека.

Поскольку старец-пир уничтожился в Истинном,
его дело — в точности дело Истинного[9].

Рассказ тринадцатый

О Хасане Басри и Шам'уне

Хасан Басри был всемирным учителем,
и был у него сосед, тяжело больной гебр[1].

Семьдесят лет он поклонялся огню,
погряз он в невежестве и пьянстве[2].

3390 Шам'уном звали его в народе,
голова всегда была у него в огне, как у свечи[3].

Когда болезнь его превзошла меру,
у Хасана печаль о нем в сердце усилилась.

Сказал он в сердце своем: «Надо сегодня пойти
расспросить его и поговорить об этом горении.

Хоть он и из гебров нестоящих,
но всё же он мой сосед».

Словом, пошел Хасан к Шам'уну,
увидел его во прахе, лежащим в крови,

3395 Его лицо почернело[, словно] от дыма того огня,
ни одежда на нем не осталась чистой, ни волосы.

Отверз уста шейх и сказал: «О старец,
убойся наконец Истинного — доколе грешить?!

Всю жизнь ты по своей алчности пустил на ветер,
упал ты посреди огня и дыма.

Огорчил ты своего Господа,
предал аду душу и тело.

Ты думаешь, тебе от огня была польза,
не знаешь, что от огня тебе был [только] дым.

3400 Не делай так, спящий, — и обретешь спасение,
будь ты [хоть] лев — с Истинным не потягаешься.

Зачем твое сердце возгорается от огня,
который лишь коснется тебя — начнешь гореть?

В том огне, в котором нет ни крупицы верности,
нечего искать и на волосок верности.

Если бы у огня хоть на миг была верность,
он дал бы тебе хоть миг пощады.

Ты уже давно поклоняешься огню,
а огонь сожжет тебя в конце — вот странно!

3405 Но я, телом и душой поклоняющийся Истинному,
положу прямо сейчас в [этот] огонь руку,

Чтобы узнал ты, о грешник,
что кроме Истинного нет в мире хранителя».

Сказал это и положил руку в огонь,
и ни один волосок не потерпел вреда.

Когда увидел руку шейха болящий гебр,
пришел он в смятение и изумление.

Воссияло из-за завесы утро
[предвечного] *знакомства*[4],
словно свеча, обрел Шамʻун свет[5].

3410 Сказал он Хасану: «О шейх! Что же это такое,
что теперь вот уже семьдесят лет

Как я поклоняюсь огню,
но теперь я крепко задумался об Истинном.

Я уже представлен [пред Господом],
душа подошла к устам[6],
для темного сердца просиял рассвет.

Что́ мне делать, какое ты знаешь средство?
Ведь недолго мне осталось жить».

Отверз уста шейх и сказал: «О старец!
Стань мусульманином — вот тебе предписание».

3415 И тогда сказал Шам'ун: «О добродетельный!
Много огорчал я Истинного своим неверием.

Если ты сейчас мне поможешь,
напишешь мне грамоту и станешь поручителем,

Что Истинный простит меня и не накажет,
удостоит меня в раю лицезрением Его, —

Я приму веру и вступлю на Путь,
только грамоту дашь мне — сразу пойду.

Хасан написал грамоту, проявил доброту,
выполнил он просьбу [Шам'уна].

3420 Снова сказал гебр: «О шейх праведный,
нужно, чтобы благородные мужи Басры[7]

Засвидетельствовали эту грамоту,
ибо я боюсь гнева Божия».

Хасан исполнил волю того старого гебра,
сделал великих [мужей] свидетелями тому слову.

Принес грамоту и отдал Шам'уну,
стал мусульманином Шам'ун, стремящийся к добру.

Принял он бумагу и сказал Хасану: «О старец!
Когда душу мою похитит предназначенная смерть,

3425 Меня, омыв, заверни в саван,
своими руками вложи мне в руку эту бумагу,

Потому что нет у меня ничего, кроме стыда
перед Истинным,
если у меня что и есть, то только стыд».

Сказал это — и вознеслась его чистая душа.
Множество народу собралось вокруг его праха.

Положили ту грамоту ему в руку,
сидели все вокруг его могилы до ночи.

Хасан в ту ночь не спал — он был в раздумье,
всю ночь провел он в молитве и поминании.

3430 Говорил он в сердце своем: «Умный же я учитель,
что, не подумавши, дал грамоту!

Дерзость я проявил, и это было по невежеству,
не знаю, легко это было или трудно.

Если я сам боюсь, что гибну, утопая,
как же я другому тонущему даю руку?!

Если у меня нет власти даже в царстве воды и глины[8],
как я даю билет в царство Истины?!»

Таким мыслям предавался он до рассвета,
как вдруг явился ему во сне вестник.

3435 Увидел во сне этот светильник веры,
что Шам'ун шествует по райскому саду.

На голове у него — венец царского величия,
на плечах — одежда Божественного почета,

Уста смеются, лицо сияет, как Солнце,
уверен он в [своем месте] в царствии вечном.

Хасан сказал ему: «Эй, ну как ты?»
Тот ответил: «Что́ спрашиваешь? Смотри сам:

Жилищем моим сделал Он вечный рай,
по милости Своей глаза мои сделал явно видящими.

3440 Теперь ты от своего поручительства
свободен: возьми эту грамоту, не печалься».

Хасан рассказывал: «Когда глаза мои пробудились,
грамота была у меня в руке, а сердце беспечально».

* * *

Если делаешь лекарство — вот так делай его,
вот так надо принимать веру.

БЕСЕДА ДВЕНАДЦАТАЯ

[Вопрос третьего сына]

Сын сказал: «Если почет[1] для меня запретен,
то скажи мне: что же такое чаша Джамшида?[2]

Ведь я так хочу найти чашу Джама —
и не знаю, что́ же она такое, чаша Джама!»

Ответ отца

Отец алмазом речи
просверлил жемчужины изъяснения[1],

3446 Сказал сыну: «Если есть у тебя
Божественное водительство[2],
то тебе на всю жизнь будет довольно этой истории».

Рассказ первый

О Кай-Хусраве и чаше Джама

Воссел Кай-Хусрав, подобно Джамшиду,
подставив солнцу чашу Джама.

Рассмотрел он тайны семи кишваров,
а оттуда перешел к путям семи планет[1].

Не осталось в мире ничего скрытого,
чего бы он не увидал в чаше Джама.

3450 Захотел он увидеть [и саму] чашу Джама:
он видел в ней всё — и захотел увидеть ее самоё.

Хотя увидел [в ней] он всю Вселенную,
но [самой] чаши Джама он в чаше не увидел.

Много он бился над этой тайной —
но не открывалась перед ним завеса.

Наконец явились ему письмена:
мол, в нас как можно нас увидеть?[2]

Раз мы полностью уничтожились[, ушли] из себя,
кто увидит наше изображение в мире праха?!

3455 Раз уничтожились в нас тело и душа,
ни имени от нас не осталось, ни следа.

Всё, что ты мог бы увидеть, — это не мы,
ведь мы больше никогда не будем явлены.

Ведь наш образ сменился безóбразностью.
Чтó ты ищешь нашего образа?
Он ушел в вечность!

Потому можно видеть в нас все вещи,
что невозможно увидеть посреди них — нас.

Если бы от нашего существа сохранилась хоть частица,
эта частица была бы прельщена собой.

3460 Не увидит никто и частицы от нас вовек,
ибо солнце не станет гордиться частицей.

Если ты в самом себе ищешь сведений о себе,
умри в себе, не смотри на себя.

Когда зрачки твоих глаз услышали о твоей смерти,
оделись они из-за твоей смерти в черное раньше тебя.

Хотя зрачки твоих глаз малы,
но они умерли для себя прежде, чем ты:

Потому они не видят себя самих,
что при жизни предпочли собственную смерть.

3465 Потому не видят они ни ничтожество свое, ни величие,
что мертвецы никогда не видят самих себя.

Если ты хочешь быть живым в смерти,
пойми, что смерть — это совершенная жизнь.

Если ты хочешь обрести вечный облик,
то найти ты его можешь лишь в безóбразности.

Если ты хочешь [стать] таким, как мы, —
откажись от себя самого, уничтожься!

В этом краю необходима крепость из уничтоженности,
иначе со всех сторон на тебя обрушатся удары».

3470 Когда Кай-Хусрав постиг эту тайну,
увидел он, что нет у него в руках никакого царства.

Стало ему очевидно, что царство его — ничто,
Что пребыванию, которое в земном мире, — не пребыть.

Когда он увидел степь самости преградой
[на пути] к самому себе,
то облачился он в одежду отречения от себя,

Как [истинные] мужи, отрекся от
недолговечного царства,
исповедал веру и упокоился в руках небытия.

Там был Лухрасп — [царь] призвал его,
посадил его вместо себя на царство[3].

3475 Ушел он куда-то в пещеру, чашу взял с собой,
исчез под снегом — и больше не думай о нем...

* * *

От того, кто утонул, не остается следа,
не знают о нем ничего сидящие на берегу.

Ты тоже остаешься в пучине,
не знаешь ты, что остаешься во сне.

Ведь мы с тобою — что лед на солнце
или горстка пыли на поверхности воды.

Когда ты окажешься в море без корабля,
скажет тебе море, кто же ты.

Рассказ второй

О камне и комке земли

3480 Однажды шли вместе камень и ком земли,
и вдруг они вместе упали в море.

Горестно сказал камень сказал: «Я тону,
теперь я расскажу дну морскому, что было со мной...»

А ком уничтожился полностью —
не знаю, куда он ушел, куда пришел...

Ком земли безъязыкий вознес голос,
услышал его голос всякий, кто умел слышать:

«В обоих мирах от меня не осталось меня,
моего существа и на кончик иглы не осталось».

3485 Ни души, ни тела моих не сможешь увидеть,
всё — море, ты сможешь ясно [это] увидеть».

* * *

Если ты сегодня станешь одного цвета с морем[1],
ты станешь в нем жемчужиной, озаряющей ночь.

Но, пока ты хочешь собственного бытия,
не найдешь ты ни души, ни разума.

Рассказ третий

О Шибли и юноше в пустыне

Вот Шибли, в огне и боли, словно свеча[1],
шел однажды по пустыне[2].

Увидел он юношу, подобного свече среди собрания:[3]
в руке у него был букет нарциссов,

3490 На голове — шелковая чалма, на ногах — туфли[4],
плавно шествовал он, одетый
словно для праздника.

Шагал он в красоте, неге и изяществе,
словно куропатка, которой не грозит сокол[5].

Подошел к нему Шибли, с любовью,
сказал: «О юноша с лицом Муштари![6]

Откуда ты идешь так быстро, так радостно?»
Луноликий юноша сказал ему: «Из Багдада.

Вышел я оттуда рано утром,
и теперь передо мной долгий путь».

3495 Двух часов не прошло, как он вышел, —
а [ведь Шибли] шел оттуда пятый день.

И вот, когда Шибли дошел до Священного места,
увидел он: кто-то лежит у дороги,

Почерневший, слабый и немощный,
с истерзанным сердцем, в страхе за жизнь.

Рассказывал Шибли [после] своим друзьям:
«Когда он увидел меня, с тихим стоном

Окликнул меня перед Ка'бой:[7]
"Эй, Абу Бакр, ты не узнаёшь меня?[8]

3500 Я — тот изнеженный юноша,
которого ты видел в таком-то месте.

С тысячью нежностей и милостей
[Бог] призвал меня к Себе и отворил дверь.

Что ни час, давал мне новое сокровище,
каждый миг, чего ни попрошу — давал больше.

Но теперь, когда я обратился мыслью к себе,
заставил вращаться вокруг своей головы,
словно циркуль[9].

Сердце превратил в кровь, низвел на меня огонь,
из просторного цветника бросил в банную топку[10],

3505 Подверг меня болезни и нищете,
в один миг отделил меня от обоих миров.

Ни сердца не осталось у меня, ни мира [дольнего],
ни веры,
вот каким ты видишь меня сегодня — таков я и есть"».

Сказал ему Шибли: «О благородный!
Какое веление тебе вышло, таким и стань!»

Ответил ему [юноша]: «О несравненный шейх!
У кого будет когда-либо эта сила?

Не понимаю я, опьяненный, этой загадки.
Он говорит: "Либо ты будь полностью, либо Мы" —

3510 Потому я горю, потому плавлюсь [на медленном огне],
что ни волоска *туда* не вмещается[11]. Что́ я поделаю?!»

* * *

Раз [заслоняешь путь] перед твоими глазами, ты сам
уйди со своих глаз — и будешь спасен.

Тебя сюда послали для твоей пользы,
но не вижу иной пользы для тебя, кроме как не быть.

Раз твоя часть от всей вещей — ничто,
то твоя доля от всех изворотов — ничто[12].

Если ты идешь по Пути, будешь гореть всю жизнь,
ибо дневным пропитанием будет тебе лишь «ничто».

Рассказ четвертый

О муже со смятенным сердцем у могилы

3515 Один смятенный шел ранним утром
и увидел на пути надгробие некоего великого мужа.

Много крепких камней там было сложено,
а на них — выбита надпись.

Когда он постоял там некоторое время,
сердце его устремилось к душе [лежащего в могиле].

Так сказал он: «Этот усопший
не имеет ничего — и это удивительная тайна!

Такой могущественный, душа его так достойна, —
но не вижу, чтобы он [хоть] что-то взял
с собою в путь.

3520 Кроме этих камней, что положили на его могиле,
не дали ему ничего из всего сотворенного мира».

Ему сказали: «Разъясни нам это,
чтобы стала явной и для нас эта тайна».

Он так сказал: «Этот [муж], который уснул,
отказался и от земного, и от иного мира.

Ни земного мира не имеет, ни загробного,
ведь он искал совсем другой вещи.

Но что толку, ведь эта вещь так драгоценна,
что никому не давалась и не дается никогда.

3525 Так что, будь он прав или крив,
всё выпустил из рук, и ничего у него нет».

* * *

В мире сем то ущерб бывает, то выгода:
смотри, сколько в нем спусков и подъемов!

Днем ясно представит их он твоим глазам,
ночью для глаз станут они малыми и ущербными[1].

В бодрствовании этот мир — изгиб в изгибе[2],
когда ты уснешь, то мир — ничто в ничем.

Посмотри, сколько он отдает, сколько отбирает!
Смотри! — всё это создает воображение из ничего.

3530 Что́ есть духовный путь? Отбросить
чеканную монету своей жизни[3],
чтобы не вводить самого себя в заблуждение.

Если у тебя нет [духовных] глаз,
ты будешь всегда в заблуждении,
ведь образ [ждет тебя, как] разбойник на пути,
по воле Творца образов[4].

Пусть твоя боль [в стремлении к Нему] безгранична,
но разве протянет тебе Возлюбленный руку [помощи]?!

Ведь влюбленный должен постоянно гореть,
от него Возлюбленный постоянно озаряется.

Хотя Возлюбленный достоин всего сотворенного,
как Он может в полноте прийти к сотворенному?!

3535 Мы не достойны знания, не способны к нему,
нам остается лишь боль и томление по Нему.

Да и лучше, чтобы никогда Он не протянул руки,
чтобы ты постоянно был в горении по Нему.

Ты — влюбленный: пусть твое сердце горит,
сжигай свое сердце, чтоб Его сердце озарять!

Желаешь ты этого или не желаешь,
кроме этого пути, другого пути у тебя нет.

Уничтожься в Нем, о существующий:
«Ты» и «Он» не вместятся вместе — что поделаешь!

Рассказ пятый

О потаенной молитве безумца

3540 Один безумец, скованный цепями,
втайне шептал что-то Богу.

Некто подставил ухо к его губам,
чтобы узнать об этой высокой тайне.

Говорил он Истинному: «Этот Твой безумец
уже долго был в Твоем доме.

Но Ты с ним в одном доме не помещаешься,
потому что в доме должен быть или Ты, или он.

Теперь по Твоему велению я ухожу из этого дома.
Раз Ты есть — мне, безумцу, надо уйти».

* * *

3545 В этом мазхабе[1], кроме которого нет путей,
нет многобожия и греха хуже, чем «мы» и «я».

Выйди, о сын, из тесного дома [тела],
ибо твой груз тяжел, а твой осёл хромает[2].

Перенеси свои пожитки туда, где нет пространства,
помчись на Бураке любви[3].

Ибо душа несет груз любви,
но ей нужны ристалища рая.

Жди постоянно у Дверей — и внезапно
Царь сделает тебя Своим избранником
и удостоит близости.

3550 Присутствие[4] [перед Ним] — вот твоя основа,
больше ничего,
твое присутствие [перед Ним] нужно,
больше ничего.

Если ты будешь присутствующим на Его пороге,
ты станешь [одним] из допущенных
к близости Царя.

Рассказ шестой

О султане Малик-шахе и стражнике

Однажды ночью выпал обильный снег,
и султан Малик-шах разбил свой царский шатер.

От холода птицы и рыбы замерли,
все попрятались кто куда.

Обеспокоился султан и сказал [себе]:
«Такой ночью
кто станет печалиться о султане, о Боже!

3555 Надо пойти посмотреть тихонько:
лежит ли кто на этом морозе у моей двери?»[1]

Только лишь султан высунул голову наружу,
сразу почувствовал и снег, и мороз.

Не увидел ни с какой стороны никаких
стражников,
кроме одного лежащего обладателя
бессонной души:[2]

Набросил он на себя одежду из войлока,
колышек шатра был ему изголовьем,
земля — ложем.

Всю ночь он был в одних [легких] башмаках[3],
под снегом он оставался на одном месте.

* * *

3560 Не знаю, [хоть] одну ночь ради усердия
в вере ты
оставался ли вот так перед *тем* Порогом?

Будь у тебя хоть крупинка горения сердечного —
и тебе тоже была бы дана однажды такая ночь!..

От звука шагов владыки тот муж
вскочил и крикнул своему царю:

«Эй, ты кто?» Царь сразу отозвался:
«Это я, о стражник, — высокий султан!

Кто же ты, о муж дела,
что несешь стражу султану в такую ночь?»

3565 Отверз уста тот муж и сказал: «О царь!
Я из пастухов, и нет у меня родины.

Нет у меня родины кроме царского порога,
кроме служения царю нет у меня пути.

У меня, пока мои душа и тело будут вместе,
голова там, где ноги царя».

Царь сказал ему: «Даю о тебе указ
и даю тебе управление Хорасаном»[4].

* * *

Когда султан одной ночью увидел его мужество —
тот муж получил от него вечное имя[5].

3570 Если и ты однажды ночью на пороге Друга
будешь на страже до рассвета — о счастье, о величие!

Если одну ночь будешь ты бодрствовать,
достигнешь ты предела верности, —

Его щедрость дарует тебе одеяние вечное[6],
в каждой пылинке ты увидишь солнце.

Если ты хоть на миг обретешь такое зрение,
даже будь ты слеп — ты счастливец![7]

Великие, которые готовы к трудам,
видят все предметы глазами небытия.

3575 Когда у тебя пойдут в дело глаза небытия,
яд для тебя станет сахаром, шип — розой.

Рассказ седьмой

О подарке шейха Абу Са'ида Ма'шуку

Послал шейх из Михны[1] три вещи:
зубочистку, шапку и кусок сахару

Ма'шуку. Но когда Ма'шук их увидел,
не принял, потому что они — сотворенные,

Сказал принесшему:[2] «Так скажи своему шейху:
"У меня полностью исчезли подобные желания.

Зубочистка тому нужна, кому всегда
бывает, что вкусить, кроме крови[3].

3580 Поскольку я постоянно пью кровь,
знай, что я избавлен от твоей зубочистки.

Сахар тому годится, кого [Божественный] гнев
не принуждает пить вместо шербета яд.

Поскольку эта горечь не уйдет из моей глотки,
ты знай, что этот сахар будет мне запретен.

Шапка тому прилична, у кого есть голова[4]
и кто об этой голове хоть на кончик волоска знает.

Тому же, у кого ни воротника, ни головы,
разве может пригодиться шапка?

3585 Три твои вещи — тебе, о живущий!
Мне одной вещи довольно — что́ еще сказать!»

* * *

Тот, кто владеет чистоганом солнца Божественного,
станет ли хранителем солнечной пылинки?

Если ты несешь груз тайны любви,
то не захочешь нагружать себя [богатством],

И если эту тайну ты ставишь во главу всего,
собственной головы тебе не нужно нисколько.

Ведь, если свеча лишится головы,
тьма всего собрания озарится светом[5].

3590 И отрезать голову каламу[6] — прекрасно,
иначе не получить от него красивого почерка.

Когда откажешься от ложного, дадут тебе истинное,
отбросишь условное — дадут тебе совершенное.

Нужно отказаться от самого себя,
чтобы это воистину произошло с тобой.

Ибо, если ты будешь соединен с собой,
Возлюбленный тут же покинет тебя.

Рассказ восьмой

О Шибли и собаке

Некто спросил однажды у Шибли:
«Кто первым показал тебе путь к Чертогу?»

3595 «Собаку, — сказал он, — увидел я на берегу ручья,
которая совсем обессилела от жажды.

Она увидела свое отражение в чистой воде
и подумала, что видит там другую собаку.

Испугалась другой собаки и не стала пить,
быстро отскочила от берега.

Когда сердце ее совсем изнемогло от жажды,
перешло меру ее терпение:

Она внезапно бросилась в воду,
и та, другая собака, исчезла.

3600 Скрылась она с собственных глаз,
была собственной завесой — и из себя ушла.

Когда так явно снялась передо мной завеса,
стало ясно, что моя завеса — я сам.

Уничтожился я для самого себя —
и дело мое наладилось,
собака стала моим первым наставником на пути».

* * *

Так и ты не заслоняй путь взгляду твоих глаз,
твоя завеса — ты сам: подними эту завесу!

Если у тебя будет хоть на волосок самости,
у тебя будут на ногах тяжелые цепи.

3605 Лучше было бы тебе, о немощный человек,
чтобы из колыбели перенесли тебя в табут[1].

Муса оттого обрел от Истинного высокий сан,
что с колыбели обрел путь к табуту.

Если ты хочешь постоянно быть в Его присутствии,
не бери с собою себя: этого для тебя достаточно.

Не иди с собой, [и] обретешь себя в удалении от себя,
ибо эта без-самость есть *свет на свете*[2].

Рассказ девятый

О султане Махмуде и Айазе

Айаз сребростанный[1] под трели соловья
спал в тенистом цветнике.

3610 Когда султану сказали об этом, он пошел,
к изголовью прекрасного Айаза пошел.

Увидел он солнце, укрытое тенью,
от зноя на нем — испарина, словно гуляб[2].

Долго сидел у изголовья и плакал,
не мог насытиться, сколько ни смотрел.

То рассыпа́л лепестки роз над его красотой,
то слезами орошал его лицо.

Но вот Айаз пробудился от сладкого сна
и, застыдясь царя, взметнулся, как пламя.

3615 Царь, увидев это, сказал: «О прекрасный,
раз ты теперь вернулся, я ухожу.

В то время, когда в тебе не было тебя,
как бы я ни восхвалил тебя — ты был больше того.

Когда я смотрел на тебя, радующего душу,
не было тебя, ибо я был вместо тебя.

Когда ты вернулся в себя — возлюбленный пропал,
когда ты стал желающим — желанный пропал».

* * *

Пусть не будет [тебя], о друг,
чтобы возлюбленный был,
ведь, если ты будешь собой,
возлюбленный скроется[3].

3620 Покинь себя, без себя весь ты — это Мы[4],
коль без себя лучше, зачем тебе оставаться с собой?!

Если у тебя будет уединение с Махмудом,
то после уничтожения у тебя будет бытие.

Когда ты уничтожишься — ты будешь существовать,
когда ты станешь ничем, ты будешь весь Махмудом![5]

Когда ты с собой, о тебе и речи не будет,
но, когда тебя в тебе нет, все будут искать только тебя.

Рассказ десятый

О Луне и Солнце

Луна сказала: «Из любви к Солнцу
я весь мир наполню светом навечно».

3625 Ей сказали: «Если это так,
тебе надо мчаться день и ночь,

Чтобы его достигнуть. А когда достигнешь,
ты исчезнешь в нем, станешь невидима,

Ты сгоришь тогда *в его лучах*,
твое существо смирится в его высоте[1].

Когда ты станешь видна из-под лучей,
люди возжелают твоей красоты.

Будут друг другу показывать на тебя пальцем[2],
при виде тебя широко раскрывать глаза».

* * *

3630 Как же так? Не существует — и внезапно
из света является она взорам?!

Опрокинутая, уничтожившаяся, бесстрашно
появляется она над неизменно пребывающей Землей[3].

Та, что сожгла себя в лучах,
обрела после разлуки свидание.

Четырнадцать ночей во всей своей красе
она уже не та, что тонкий месяц.

Во все в эти ночи она тщеславится красотой,
но никто не смотрит на нее, потому что себялюбива.

3635 Но в ту ночь, когда видишь ее тоненькой, как прутик,
все люди улыбаются ей, молодой луне.

Покуда твое существование с тобой,
будут тебе от тебя вечные мучения.

Тогда сердце отвратится от грязи многобожия,
когда сердце найдет пристанище
в удаленности от себя,

Когда ты будешь отлучен от молока многобожия,
твоя зрелость возьмет начало от признания
единства Божия.

Рассказ одиннадцатый

О Байазиде

Как-то ночью муж, бодрствующий [сердцем],
увидел во сне,
что неожиданно появился Байазид.

3640 Он спросил: «О шейх [нашего] времени!
Что ты сказал Единому Господу?»

Так он сказал: «Пришло речение из Чертога:
"О странник, что́ ты принес мне с пути?"

Я сказал Истинному: "Принес я Тебе грехи,
но многобожия не принес я Тебе с пути.

В земном мире выпил я однажды молока.
Ночью у меня разболелся живот —
так, что горло стиснуло.

Когда той ночью боль стала угрожать моей жизни,
я сказал в сердце своем: я пил молоко,
вот почему это".

3645 Истинный сказал: "Говоришь, что с пути
не принес ты многобожия к Чертогу?

Быстро же забыто тобой, о старец,
что с тем молоком ты принес многобожие!

Приписав по многобожию свою болезнь молоку,
ты перечеркнул [записи] в тетради единобожия[1].

Не претендуй на единобожие,
ибо из-за многобожия стал ты пить молоко.

Как ощутит твоя душа розу таухида[2],
если запах молока идет у тебя изо рта?»

3650 Тогда ты станешь зрелым в Истине,
когда полностью освободишься от питья молока.

Если ты станешь зрелым [для мира] тайн,
от каждого своего члена ты будешь пожинать плод.

Не останется у тебя ни младенчества, ни косоглазия[3],
оттуда (из того мира) будешь ты и видеть всё,
и слышать.

Рассказ двенадцатый

Об Ибрахиме Адхаме

Шел как-то раз Ибрахим Адхам
и увидал на пути двоих.

Один торговал у другого что-то за один джау[1],
но за один джау не ладилось его дело.

3655 Он снова сказал: «Возьми у меня один джау,
больше я не дам тебе, и всё тут».

Но тот ответил: «Я не принимаю этого от тебя,
за один джау не продам, не продам».

Когда Ибрахим это услышал, сразу,
как птица, в трепете забил крыльями.

То терял сознание, то приходил в себя.
Кто-то из людей подошел к нему

И спросил: «Ведь ты — султан веры,
что́ выпало тебе, что ты в такое впал?»

3660 Ответ был: «Когда он сказал: "Не продам",
он словно сказал: "За один джау Ибн Адхам!"

"За один джау не отдам!" — так он начал,
"За один джау Ибн Адхам!" — пришел глас[2].

* * *

Хотя каждая крупица постоянно кричит,
слышит ее [только] бодрствующее сердце.

Пусть ты не испытывал состояний истинных мужей,
но ты ведь слышал благой рассказ о них[3].

Если хочешь совершенных состояний,
как у истинных мужей,
уничтожься в состоянии пребывания [в Боге],
как истинные мужи[4].

3665 Не существуй, о пылинка, если хочешь, чтобы навеки
стал твоей постоянной стоянкой солнечный диск[5].

Если бы твое существование не осуществилось,
стоянка [этого мира] не стала бы твоим пристанищем.

Ибо всякое дитя, которое умерло в младенчестве,
легко преодолеет путь через эти четыре вещи[6].

Тебе всё это предстоит из-за них,
днем и ночью тебе беды из-за них.

Но если чашу ты хочешь, чтобы получить знание, —
умри для себя еще при жизни[7].

3670 Слышал я, о мудрый муж, о чаше Джама,
которая много показывала мир.

Знай же, что эта чаша Джама — Разум, о друг!
Он для тебя — ядро, а твои ощущения — скорлупа.

Сколько ни есть частичек[8] в обоих мирах, —
любую увидишь в чаше твоего Разума.

Тысячи искусств, и тайн, и определений,
тысячи велений и запретов, приказов и запретов —

Основаны на твоем Разуме — и это всё.
Какая чаша покажет всё яснее, чем эта?

ЧЕТВЕРТЫЙ СЫН

БЕСЕДА ТРИНАДЦАТАЯ

[О желании четвертого сына]

Пришел четвертый сын
благомысленный,
весь — покой и тишина с головы до пят.

3676 Сказал отцу: «Покуда я — в этом мире,
сотней сердец я взыскую воды́ жизни[1].

Достанется мне та вода — я буду спасен,
а нет — в руках моих будет только ветер.

Я томлюсь по той воде, душа моя в огне,
днем не до еды мне, ночью не до сна.

От этих мыслей сердце мое пылает,
я жажду, у меня страсть к этой воде»[2].

Ответ отца

Отец сказал ему: «Тебя одолело вожделение[1],
и твое сердце стало искать бесконечной жизни.

3681 Оттого ты стал жаждать живой воды,
что в твоей душе явилось вожделение.

Если у тебя есть хоть малость света искренности,
вожделение должно тебе подчиниться».

Рассказ первый

Об Искандаре и мудреце

Пришел Искандар-румиец[1] в некую страну
и стал искать там кого-нибудь сведущего,

Чтобы перенять толику его мудрости,
для своего обучения найти наставника.

* * *

3685 Твой путь — знание: коли ты — царь мира,
станешь Зу-л-Карнайном[2], если станешь знающим.

Ему сказали: «Есть тут один муж,
которому нет соперника в вере.

Одни считают его безумцем,
другие зовут совершенным и мудрым.

Обитает он вне городских ворот,
в мире он известен как отшельник».

Искандар послал кого-то позвать его,
но тот посланца прогнал.

3690 Сказал ему посланец царский:
«Вставай, царь зовет тебя, не сиди и не спорь.

Прими приглашение! Пусть тебе это тяжело,
но ведь Зу-л-Карнайн — повелитель мира».

Отверз уста тот муж несравненный:
«Я не подвластен царю эпохи,

Ибо я господин тому, кому твой царь — раб.
Мне ли быть другом ему?!

Твой царь — из рабов наших рабов,
не подобает мне к нему идти».

3695 Посланный пришел и принес от того мужа весть,
разгневался на него прославленный царь,

Потом сказал: «Этот человек — или безумец,
или он в каком-то странном заблуждении.

Ведь я — и раб Истинного, и друг!
Кто же зовет Истинного своим рабом?!

Не смеют ни царь, ни дервиш называть
меня одним из рабов своего раба!»

Пошел к нему царь и там его приветствовал,
а тот ответил, как подобало его положению.

3700 Царь сказал: «Почему, если ты человек
искушенный,
зовешь меня рабом рабов?»

Ответил ему тот и сказал: «О царь!
Ты исходил своими ногами весь мир,

Для того чтобы овладеть водой жизни
и не умереть, а обрести бесконечную жизнь.

А ведь это называют вожделением![3]
Тебя, словно раба, послали в дорогу.

Ты собрал сотню разных войск,
чтобы стать царем над семью кишварами[4].

3705 И теперь алчности — пойми это! —
вот кому ты служишь, как подпоясанный раб[5].

Раз мною побеждены алчность и вожделение,
значит, ты — раб моих рабов.

Раз твое сердце живет алчностью и вожделением,
значит, для моих рабов ты — раб.

Вожделение, пустив росток, хочет закрепиться,
для того-то и требует оно от тебя живой воды.

А твоя алчность хочет от тебя [целого] мира,
для того-то и требует она от тебя всех этих войск.

3710 Ищущему [сей] жизни и [сего] мира
потому-то и не дается ни то, ни другое.

Раз ты дрожишь за свою жизнь и за блага мира,
стало быть, ты нисколько не достоин
ни жизни, ни мира.

Для твоей жизни довольно вечного мира —
для чего ты в рабстве у [земного] мира
и [земной] жизни?!»

Из глаз Искандара хлынула кровь,
сердце сказало ему: «От такого горя будешь в крови!»

Искандар сказал: «Он не безумец,
ибо нет мудреца разумнее его.

3715 Великое утешение принес он моему духу —
довольно мне этого открытия!»

* * *

Из-за страха смерти воду жизни
искал Искандар и умер молодым.

Что́ ты расспрашиваешь об Искандаровой стене?[6]
Ты сам для себя стена — выйди из себя самого!

Твое существование — стена перед тобою,
ты постоянно за этой стеной — в себе самом.

Ты окружен стеной из себя самого,
как Йаджудж и Маджудж,
ибо надел себе на шею оковы, словно 'Удж[7].

3720 Ты если уберешь от себя эту преграду,
подобную кольцу на шее 'Уджа ибн 'Унука[8],

Если ты освободишь свою шею,
то избавишься от своего страдания,

А если нет, увидишь перед собой сто тысяч завес
и за каждой завесой — [свою] умершую душу.

И если хочешь выйти из огня,
не смотри на мир — капище огня.

Если хоть на волосок будешь ты неверен,
завесой тебе станет огненная гора.

3725 Коли сущность Пути — в прохождении через огонь,
зачем ты спрашиваешь, невиновен ли Сиавуш?[9]

Если бы Истинный не проявлял к тебе
снисхождения[10],
твоя собака-нафс не требовала бы столького!

Падение людей — из-за снисхождения,
если бы не снисхождение, кривое стало бы прямым.

У тебя ведь столько бед впереди,
чего же ты хочешь от себя, скажи!

Целый мир противников тебя окружил,
бойся [лишь] смерти, ведь ты в конце умрешь.

Рассказ второй

О посрамлении людей в День воскрешения

3730 Сказал некто из людей мира и спасения:[1]
«Если [в День] воскрешения
народ будет посрамлен,

Это не удивительно — удивительно будет,
если хоть один избавится от наказания».

Рассказ третий

О Тавусе

Однажды настал засушливый год,
народу пришлось очень туго.

Толпа людей в смятении и страхе
пришла к Тавусу [за молитвой] о дожде:

Мол, дождя всё нет и нет,
помолись Истинному о нашей нужде!

3735 И сказал Тавус: «Дорогие мои,
туча не проливается попусту.

Если у вас нет иного желания, кроме дождя,
то, что дождь не идет, — это не удивительно.

Удивительно то, что при стольких грешниках
из туч не посыпались на людей камни.

Коли облака покинули небосвод,
то раз уж удивляться — удивляйся тому,

Что не разверзается земля от наших злодейств,
не пожирает нас из-за нашей низости»[1].

* * *

3740 Ты мнишь, что ты — из мужей Пути.
Какой там муж?! Заплутавшийся [на] пути!

Когда твое самомнение отнимется у тебя,
будет видно, что из тебя убрали дохлого пса.

Рассказ четвертый

О Пророке в ночь ми'раджа

В ночь ми'раджа Пророк внезапно
увидел перед собой великий океан.

Вокруг [него] толпились ангелы,
у каждого из глаз струился поток.

Пророк спросил: «О чистые, скажите:
почему вы все так горько плачете?»

3745 Когда из Тайны Тайн пришло повеление,
и отверзли они свои уста в ответ Пророку:

«С тех пор, как [воздвигся и] изогнулся
небесный свод,
как Господь сотворил нас из света,

С тех самых пор мы дрожим
за людей твоей общины, которые на этом пути

Полагают — без всякого основания, —
что они трудятся. А они не трудятся!

Они не знают, а предполагают,
проходит их жизнь в предположениях»[1].

* * *

3750 При той наличности, что у тебя, и [при том,]
что́ ты знаешь,
как ты можешь вести торговлю?

Если бы у тебя хоть когда-то была печаль по вере,
не было бы у тебя ни на миг в вере ущерба.

Совершай свой труд, ибо ты здесь должен трудиться, —
ибо как придешь *туда*, отягченный грузом?!

Увы! Твоя великая прибыль обернулась убытком,
оборвался твой путь и караван ушел.

Увы! Жизнь свою ты пустил по ветру,
несправедливо ты обошелся со своей прекрасной жизнью.

3755 Зачем ты хочешь от Истинного [вечной] жизни,
если ты ее ценности нисколько не знаешь?

Того, кто не знает цены одного джау[2] жизни,
и [целая] сокровищница жизни не сможет озарить.

Не пускай безрассудно свою жизнь на ветер,
ведь улетит с ветром жизнь, о живущий!

Та жизнь, что, если ты и захочешь, ни на миг
не купишь ты ее и ценою души.

Рассказ пятый

О копившем богатства и ангеле смерти

Один жадный человек трудами и заботами
с великим старанием копил золото.

3760 Трудился и трудился он днем и ночью,
пока не набралось у него триста тысяч динаров[1].

Больше чем на сто тысяч было у него добра,
больше ста тысяч чистоганом зарыто в земле,

И еще больше сотни тысяч
хранилось у людей его страны.

Когда он увидел, что его богатство превзошло меру,
посмотрел на свой дворец и свое имущество

И сказал в сердце своем: «Сиди себе и целый год
ешь радостно, ну а потом —

3765 Когда растрачу всё на еду и одежду,
то, если надо будет, снова потружусь».

Так что уселся он радостно проедать золото,
радостно ублажать свою животную душу (нафс)[2],

Но, пока он так думал, вдруг
явился по его душу 'Азраил.

Когда он увидел перед собой 'Азраила,
мир перед его глазами потемнел.

Отверз он уста и начал плакаться:
мол, жизнь провел я в спешке и суете.

3770 Теперь я уселся, чтобы получить свою долю!
По-твоему, правильно, чтобы я умер обездоленным?!

Разве отошел от него 'Азраил?
Он приготовился забирать его душу!

Горестно сказал тот человек: «Если дело таково,
что тебе неизбежно сейчас надо забрать мою душу,

То вот у меня есть триста тысяч динаров —
отдам тебе сто, если они тебе годятся.

Дай мне три дня отсрочки, подари их мне,
а потом делай, что собирался».

3775 Разве послушал 'Азраил его слова?
Потащил его, словно щипцы свечу[3].

Снова сказал тот человек: «Я обещаю
тебе двести тысяч динаров чистоганом.

Дай мне два дня отсрочки, ведь это нетрудно!»
Но не дал ему 'Азраил отсрочки.

Тогда стал он предлагать ему триста тысяч,
чтобы тот дал ему отсрочки хоть на денек.

Жалостно говорил он и долго ждал ответа —
не было ему отсрочки, не получил он желаемого.

3780 Наконец сказал: «Прошу отсрочки
на время, чтобы написать одно слово».

Дал ['Азраил] ему отсрочки столько,
чтобы одно слово
написать ресницами, [окрашенными] кровью из глаз:

«О люди, блюдите вашу жизнь и время!
Ибо отдавал я цену трехсот тысяч,

Чтобы купить хоть один час —
не было мне никакой пользы от усилий.

Эту жизнь вы, если можете,
храните и цену ей знайте.

3785 Ведь, когда вылетит она из рук, как стрела
от большого пальца[4],
не продадут ее, не вернется она снова в руки».

Тот, кто в этой жизни потерпел убыток,
разве может обеспечить себя в том мире?!

Рассказ шестой

О том, как у мудреца Марзбана был убит сын

Был один совершенный мудрец по имени Марзбан,
от которого Нушинраван[1] черпал душевный мир.

У него был сын, подобный солнцу,
который сердцем устремлялся ко всем знаниям.

Вдруг какой-то невежда убил этого сына,
истерзал душу его отца.

3790 Тут кто-то из близких сказал Марзбану:
«Нужно отомстить этому псу!»

Дал ответ добродетельный Марзбан:
«Поистине, пролить кровь — не так прибыльно,

Чтобы мне стать соучастником в этом деле,
пролить кровь живого так безжалостно.

Не сделал этот злодей такого доброго дела,
чтобы мне стать в нем соучастником!»[2]

Ему сказали: «Так возьми с него выкуп за кровь!»[3]
«Никогда, — сказал, — не захочу этого выкупа,

3795 Не могу взять за сына цену крови,
ведь съесть эту цену крови — то же, что пить кровь.

Если нельзя пить кровь собственного сына,
то разве ж не грех пить собственную кровь?!»[4]

* * *

Собственную кровь придется пить тому,
кто понапрасну растратит свою жизнь.

Тебе от жизни осталось одна-две недели,
вся ее лучшая часть прошла.

Допустим, ты и покаешься
в эти одну-две [недели],
но как ты исправишь ушедшую жизнь?!

Рассказ седьмой

Наставление

3800 Так сказал один чистый мудрец:
«Кто в игорном доме праха земного

Так увлекся чистой игрой[1],
что проиграл всё, что имел, и даже один глаз.

Допустим, раскаялся и не нарушил обета,
[но] не пустяк это — отдать собственный глаз!

Пусть он в покаянии превзойдет всех,
но разве ж вернет он потерянный глаз?!»

* * *

Дорогой мой! Каждый вздох, что ты
испускаешь из сердца
и не посвящаешь поминанию Истинного,

3805 Считай глазом, который ты проиграл.
Когда ж ты сможешь возместить этот ущерб?!

Не выпускай из рук ту драгоценность,
какую, упустивши, не вернешь назад.

Рассказ восьмой

О Бузурджмихре

Когда разгневалось на Бузурджмихра
сердце Кисры, тот выжег ему глаза[1].

[Но вот] прислали загадку из Рума:[2]
мол, если Кисра разгадает эту тайну,

Пришлем ему дань, а если нет —
пострадает от нас, и всё тут».

3810 Кисра созвал мудрецов,
[но] никто не понял ее смысла.

Все сказали: «Это тайна небес,
такое под силу лишь Бузурджмихру.

Кроме него, никто не знает эту тайну,
спросите об этой загадке у него».

Нушинраван[3] призвал изгнанного мудреца,
после такого унижения назвал его дорогим,
как душа.

Сразу рассказал ему о той загадке:
мол, кроме тебя никто не явит ее [смысл].

3815 Мудрец сказал ему: «Мне нужна баня,
в ней мне нужен один час отдыха.

Когда мое тело придет в равновесие,
потребуй льда,
на льду тогда процарапай мне эту тайну.

Ибо хоть мои глаза и слепы, но
такой уловкой я разрешу загадку».

Ну, сделали то, что он сказал,
и он дал хороший ответ на эту загадку.

Очень обрадовалось этому сердце царя,
сказал он: «Проси о чем хочешь!»

3820 Мудрец сказал ему: «Ты почел правильным
ослепить меня, пронзить мои глаза стержнем,

Теперь вот чего прошу у тебя, о горделивый:
я так немощен — верни мне глаза!»

Царь сказал ему: «Как я это сделаю?!
Ты сам знаешь, что этого я не могу».

Мудрец сказал ему: «О горделивый царь!
Раз ты не можешь вернуть мне глаза,

[То впредь] не спеши отнимать что-либо такое,
что, хоть и захочешь, не сможешь потом вернуть.

3825 Зачем ты отнимаешь столь драгоценное,
что́ никогда не сможешь возместить?!»

* * *

Так и каждый твой миг — драгоценная жемчужина[4],
а что для тебя лучше, чем эта жемчужина?

Не пускай по ветру эту жемчужину ради игры,
ведь, если захочешь вернуть ее назад, — что́ сделаешь?

С каждым вздохом ты должен идти вперед[5] —
сколько ты будешь оставаться с самим собой?!

Ты не фиалка, ты не бывал нарциссом,
что ж ты, как тот и эта, — слепой и синий?[6]

3830 Ты недолговечен, как раскат грома,
ты, как созвездие Скорпиона, слеп и хром[7].

Перед тобой — тысячи завес из тебя самого,
как ты хоть малую часть пути пройдешь
в себе самом?![8]

Если ты пойдешь к себе без своей самости,
то выйдешь из толпы идущих вспять.

Не оставят тебя никогда на самого себя,
ты будешь восполнять пропущенную жизнь.

Если ты пару дней будешь далеко отсюда,
разве останешься [навек] чужим
и разлученным?![9]

3835 Знай твердо, что, когда [предвечное] *знакомство*
станет явным, не останется той разделенности[10].

Рассказ девятый

О птице, живущей у подножия горы

Есть у подножья одной горы такая птица,
которая откладывает яйца сорок дней в году.

Живет она в Сирийской стране,
к яйцам не прилежит ее сердце.

Когда за сорок дней отложит много яиц,
она исчезает с глаз людей.

Тут прилетает чужая птица
и сразу садится на те яйца,

3840 Сохраняет их под своими крыльями,
пока наконец не вылупятся из них птенцы.

Так вскармливает их эта кормилица,
как никто другой бы не смог.

Когда все они покрываются перьями
и начинают видеть друг друга —

Быстро прилетает их мать,
садится сверху высокой горы

И сразу издает издалека удивительный зов,
чтобы услышали ее птенцы.

3845 Когда они слышат зов своей матери,
то улетают от чужой птицы,

Возвращаются к своей матери,
отстраняются от чужой птицы.

* * *

Если на два-три дня Иблис[1] прельщенный
взял тебя под крыло, ты извиняем,

Ибо, когда явится глас Истинного,
ты устремишься к Истинному,
отвратишься от Иблиса.

Стань таким, чтобы, когда придет смерть,
тело твое [еще] было, а душа уже ушла.

3850 Если твоя кончина наступит прежде смерти,
в твоей смерти будет тебе вечный плод.

Душа твоя — светоч в пустыне,
которому ниша тела стала заслоном.

Когда эта ниша удалится, то пустыня
станет вечно сиять как солнце.

Чудес в твоем сердце не счесть,
но, чтобы их узнать, нужно много трудиться.

Снова и снова каждый миг иди вперед в вере,
покинь себя — и иди с собой.

3855 Ибо в каждом [состоянии], и без самости,
и с самостью,
ты оставишь мир, полный зла, позади

И вместо каждого зла на пути к тайне
ты обретешь взамен целый мир блага.

Всему, что Он дает тебе, радуйся,
а если не дает — будь весел и свободен.

Всё, что тебе *оттуда* приходит, не возвращай,
а если плохое к тебе приходит, не жалуйся.

Рассказ десятый

О Бухлуле

Когда одолела Бухлула тоска,
Зубайда дала ему жареного мяса и халвы[1].

3860 Он уселся и ел радостно. Кто-то сказал:
«Ты никому не дашь?» Он вспыхнул:

Мол, раз сейчас дал эту пищу мне Он,
как же я теперь могу Ему это вернуть?!

* * *

Всем, что Он тебе дает, будь доволен,
если руку тебе протянет, будь согласен,

Ведь ни одно повеление,
что пришло из Предвечности,
тебе неведомо, но оно тебе приличествует.

Рассказ одиннадцатый

О Мусе

Однажды Муса спросил у Господа:
«О Знающий, Кому нет сходного и подобного,

3865 Кто из Твоих созданий — будь то враг или друг —
самый нуждающийся и самый бедный?»

Господь сказал: «О принявший благости от Нас!
Это тот, кто отвращается от участи,
[посланной] от Нас.

Ибо, [если] кто отрекается от участи,
от Нас [посылаемой],
что днем, что ночью будет он тяжко страдать».

Рассказ двенадцатый

О наставлениях Кисры

Так сказал Кисра Барбаду:[1]
«Если ты хочешь быть беспечальным,

Изгони жадность — и станешь радостным,
будь доволен Истинным — и станешь свободным».

Рассказ тринадцатый

О потаенной молитве великого мужа Господу

3870 На рассвете великий муж в потаенной молитве
отверз уста и сказал: «О Сущий Безначальный![1]

Я Тобою доволен[2] и днем и ночью,
Ты мною тоже стань доволен, Боже!»

Рассказывал он: «Услышал я голос:
“В твоем притязании Я увидел ложь.

Если бы ты вправду был Нами доволен,
разве ты искал бы от Нас довольства [тобой]?

Если ты доволен Нами, о безумец,
зачем ты сейчас просил, чтобы Мы были
довольны тобой?

3875 Всякому, кто в довольстве совершенен,
если он доволен, искать довольства невозможно.

Если ты доволен Нами, чего ты ищешь?
А если нет, зачем зовешь себя довольным?”»

* * *

Согласись, терпи и не кричи —
что тоскуешь зря? Не требуй и не кипи.

То ты томишься по недостижимому,
тешишься сотней пустых фантазий.

Да ты не слушаешь ни одного слова,
потому что совершенно обольщен невозможным!

Рассказ четырнадцатый

Рассказ Ша'би о человеке, который поймал зяблика

3880 Так рассказал Ша'би, муж Чертога:[1]
Один человек поймал в пути зяблика,

Ему сказал этот зяблик: «Чего ты хочешь от меня?
Чего ты хочешь от этих голеней и от этой шеи?

Если освободишь меня от своих силков,
преподам тебе три полезных совета:

Один скажу в руках у тебя, а вот
второй — когда взлечу на безопасную ветку.

Третий — когда найду место на вершине горы,
с вершины горы тебе его скажу».

3885 Сказал [тот человек] зяблику: «Открой первую тайну!»
Повел такую речь и так сказал этот зяблик:

«Если что ушло из твоих рук, будь то даже твоя душа, —
о том не печалься ты ни одной минуты!»

Человек выпустил его из рук, как и обещал,
тот взлетел и сел на высокое дерево.

«Второй: если услышишь о невозможном,
не верь, пока сам не увидишь воочию», —

Сказал это и взлетел на вершину горы,
сказал: «Ох, бедный ты, несчастный!

3890 У меня внутри две огромные жемчужины,
и каждая весом в два мискаля[2].

Убей ты меня — жемчужины были бы твоими,
а ты меня выпустил из рук — это большая ошибка!»

Сердце того человека облилось кровью,
в смятении прикусил он зубами палец[3].

Сказал зяблику: «Бога ради, свое третье слово
скажи, а то море моего огорчения так глубоко!»

Сказал ему зяблик: «Нет у тебя и крупицы смысла,
ведь ты забыл первые мои два слова!

3895 Если ты из двух советов толком не услышал ни одного —
зачем тебе хотеть третьего?

Я тебе сказал: не печалься об ушедшем,
не верь невозможному, о [муж] чистой жизни!

Ты так сильно опечалился об ушедшем!
Я сказал невозможное — а ты принял за истину.

Во мне самом сейчас нет двух мискалей —
две сияющие жемчужины в четыре мискаля

Как могут быть у меня внутри?
Ты мне сейчас кажешься безумцем!»

3900 Сказал это — и улетел с горы,
оставил того человека в сожалениях и горестных мыслях.

* * *

Всякий, кто печется о невозможном,
днем и ночью остается в смятении.

Ты не можешь идти туда, куда хочешь, —
иди по велению, по велению направляй путь!

Ибо каждый, кто не по велению Истинного шагает,
не успеет вздохнуть, как потеряет голову, словно свеча[4].

Рассказ пятнадцатый

Про осу и муравья

Одна оса вылетела из гнезда,
очень непоседливая и радостная.

3905 И вот муравей увидел ее такой радостной,
увидел ее свободной от мысли о рабстве.

Сказал ей: «Почему ты так радуешься,
что тебя словно и вся земля не вмещает?»

Ответила ему та оса: «О муравей!
Как же не быть в моем сердце волнению радости —

Ведь я сажусь в любом месте, где мне надо,
любой снеди, когда захочу, могу отведать.

Где хочу, там и кружу по свету, —
отчего же мне хоть минуту печалиться?!»

3910 Так сказала и, словно стрела из лука,
умчалась к лавке мясника.

Увидела там кусок баранины,
жадно запустила туда жало.

А тут мясник как раз опустил топор,
рассек топор осу на две половины,

Упала на землю, не успев опомниться.
пришел муравей и забрал одну половинку.

Потащил ее, жалкую, по дороге,
открыл рот и сказал тогда:

3915 «Всякому, кто ест что заблагорассудится,
садится повсюду по своему желанию,

Волей-неволей всё, чего ему не хотелось бы
пережить,
придется в конце концов испытать — и тебе тоже.

Всякий, кто живет по своему желанию,
умрет так, как ты. Смотри, каков твой конец.

Если ты ступишь за свои пределы,
в своем незнании ступишь ты в кровь».

* * *

Шагать надо в своем пределе,
шагать надо по велению разума.

3920 Гордыню и надменность надо презреть,
надо идти путем [доброго] нрава и доброты.

Один джау[1] стоит сила руки у человека,
который на весах тяжел, как гора Каф[2].

Выбери кротость и терпение —
у тебя нет пути короче этого.

Рассказ шестнадцатый

О Пророке и рабыне-эфиопке

Так передают от Салмана[1], что однажды
[в мечети] сидел Предводитель, озаряющий мир[2],

И одна девушка-эфиопка, с лицом что индиго[3],
вдруг поспешно вошла в мечеть,

3925 Схватилась за плащ Мустафы[4] [и сказала]:
«Пройди со мной немного по пути!

У меня трудное дело, мне не под силу,
и нет у меня здесь хозяина — что мне делать?

Ты сегодня друг всем, у кого нет друзей.
а у меня никого нет сегодня, я беспомощна».

Она говорила это и быстро шла,
тащила его за плащ и шла по дороге.

Пророк ничего не сказал, пошел,
не вырвал у нее плащ, так и шел.

3930 Из-за своего [доброго] нрава не спросил Пророк:
мол, куда мне с тобой надо идти?

Радостно шел с ней, словно глухой,
пока не привела она его к продавцу зерна,

Заговорила и сказала: «О господин, сегодня
сердце мое горит от голода.

Я сейчас напряла немного шерсти,
возьми ее и купи мне немного зерна!»

Пророк взял [пряжу] и купил ей зерна,
положил себе его на плечи и понес.

3935 Принес его в жилище той девушки,
потом обратил свое благословенное лицо к кибле:[5]

«О Боже, если, работая для служанки,
я допустил оплошность — не вмени мне вины!

По щедрости Своей, если в этом деле
и в этих мыслях
я поступил неверно, — прости меня!

Я купил зерно для рабыни,
из-за [доброго] нрава и мягкости
стал я носильщиком».

Так взывал он к Господу, смущенный,
стоял перед Ним, моля о прощении[6].

* * *

3940 О благородный! Увидь великодушие и верность!
Открой глаза, увидь [добрый] нрав Мустафы!

Чего ожидать от такого тела и такой души?
А чего ожидать от изнеженных и нечистых?..

Рассказ семнадцатый

О Фазле Раби'

Один старик с расстроенной судьбой
пришел к Фазлу, сыну Раби'а, по какому-то делу

В стыде, нужде и нищете,
в немощи, старости и беспамятстве.

У него был посох с острым концом,
он не заметил, как вонзил его [Фазлу] в ногу.

3945 Из ноги Фазла сразу хлынула кровь,
покраснел и побледнел тот высокий предводитель.

Ни слова не молвил, пока тот не сказал всё,
любезно взял у него прошение и подписал.

Когда старик с радостным сердцем ушел от него,
Фазл от своей раны совсем обессилел.

Один из великих сказал: «О господин!
Почему ты радовался боли в ноге?

Какой-то дряхлый старик поранил тебе ногу,
а ты слушал его и рта не раскрыл!

3950 Когда из твоей ноги потекла кровь,
ты ведь мог ему сказать и покончить с этим!»

Так сказал Фазл: «Я боялся, что тот старик
растеряется от этого, застыдится,

Рассердится [на себя] из-за своего проступка
и не расскажет мне о своей нужде.

У него и без того такой тяжелый груз,
неправильно было бы еще его нагружать».

* * *

О, что за любовь, верность и терпение!
Посмотри на эту верность, если имеешь глаза!

3955 Щедрость, равная [щедрости] сотни вёсен[1],
она от щедрости Истинного, не от Фазла Раби'.

Ты — муж неблагородный и днем и ночью.
Если ты муж — научись благородству!

Не стремись, о земля, вверх, словно огонь,
если ты земля — не становись жгучим как огонь[2].

Если ты хочешь достигнуть того Чертога [Божия],
нужно тебе быть прахом на этом пути.

Рассказ восемнадцатый

О Бухлуле

Однажды скакал некто по Багдаду на Рахше[1]
с таким видом, будто весь мир принадлежит ему.

3960 И спереди, и позади него множество воинов,
людям из-за него негде было пройти.

Со всех сторон раздавался крик: «*С дороги*!»[2],
во все стороны неслись эти крики.

А Бухлул подобрал горсточку земли
и потихоньку смотрел на эту горсточку:

Мол, праху земному не подобает такая гордыня!
Ведь пусть Фир'аун[3] и стал господином,
но он не Господь!

* * *

Ты учился у людей базара,
они расставили силки ради падали[4].

3965 Когда человек стремится к падали,
разве будут ему доступны тайны святости?!

Рассказ девятнадцатый

О безумце и щеголях

Сидел у дороги безумец,
шла мимо компания в два-три ряда.

А эти люди были привержены к мирскому,
были погружены в [заботу] об одежде и чалмах.

В своем надменном щегольстве и высокомерии
вышагивали они, словно куропатки, по дороге[1].

Когда этот безумец, у кого ни кола ни двора,
увидел эту толпу самовлюбленную
и плавно шествующую,

3970 Втянул от стыда голову в воротник [и так сидел],
пока эти невежды не пропали из виду.

Когда они ушли, он высунул голову из воротника.
Кто-то спросил его: «О муж беспорочный!

Почему, лишь увидев лица щеголей,
ты взволновался и спрятал голову?»

Так он сказал: «Я прикрыл голову
из-за сильного ветра тщеславия, который ощутил.

Испугался я, что ветер унесет меня,
а когда они ушли, я высвободил голову.

3975 Ведь, когда я услышал вонь от этих щеголей,
не смог я терпеть и спрятал голову в воротник».

* * *

Когда щегольством охвачено все семь членов[2]
твоего [тела],
мир из-за тебя охвачен бесчестьем.

Те, кто выбрасывает из себя эти свойства,
в мире земном творят дела мира будущего.

БЕСЕДА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[Вопрос четвертого сына]

Сын сказал: «Раз вода жизни
не даст мне спасения от смерти,

То не нужно мне ничего другого —
лишь бы узнать, что́ же такое эта вода!

3980 Если не пить мне из источника жизни,
то пусть знание о нем озарит мое сердце».

Ответ отца

Отец открыл ему истинный путь,
рассказал ему такую историю:

Рассказ первый

О смерти Искандара

Искандар как-то раз прочел в одной книге,
что озаряет сердце вода жизни.

Кто отведает ее, станет как солнце
и жизнь его будет длиться вечно.

А еще есть барабан, а еще — флакон с сурьмой,
оба — изделия тончайшей работы.

3985 Слыхал я от ученого знатока,
что те флакон и барабан остались от Гермеса[1].

Если у кого начнутся острые колики,
то, ударив в барабан, он получит помощь.

Если кто нанесет на глаза эту сурьму —
увидит всё, от Рыбы до подножия 'Арша[2].

Искандара охватило страстное желание
завладеть этими тремя вещами.

Кружил он по миру с войсками и отрядами,
пока не пришел наконец к какой-то горе.

3990 Нашел на ней знак, стал там пробивать гору,
и через десять дней и ночей показался дом.

Распахнул дверь и увидел там свод,
а под ним — барабан и флакон с сурьмой.

Провел сурьмой по глазам, и они стали такими,
что вся земля и небо тут же стали ему видимы.

Один из эмиров, стоявших рядом с ним,
внезапно ударил рукой по барабану,

И вырвались из него (эмира) с шумом ветры.
Он устыдился и, вспылив, расколол барабан.

3995 Искандар хотя и промолчал,
но таинственный барабан треснул.

Тогда пошел он за водою жизни
в Индустан, во тьму, подобную Кайвану[3].

(Для чего я тебе повторяю эту историю?!
Ведь эту историю ты слышал сто раз!)

Когда он ослаб на том темном пути,
впали в растерянность и войско, и царь,

Вдруг появился прекрасный рубин,
от него пришел в изумление
тот потрясенный муж.

4000 Он увидел повсюду тысячи муравьев,
которые сновали в разные стороны.

Он было решил, что этот рубин
явился поддержать его в слабости,

Но раздался глас: «Этот сияющий светоч
горит ради племени муравьев,

Чтобы при его свете заблудившиеся муравьи
узнавали, где они находятся».

Удивился Искандар тому,
что рубин был проводником для муравьев[4].

4005 Вышел он из тьмы с кровоточащей печенью,
сердце его ни на миг не успокаивалось[5].

Две стоянки он проходил как одну
и вот пришел в землю Вавилонскую.

У Искандара была запись, [где предсказано,]
что, когда смерть придет за ним,

Сделают ему изголовье из его кольчуги,
ложе для него постелют из железа,

Стеною дома будут люди,
потолок будет из червонного золота[6].

4010 Пришел он в Вавилон, и начались
[у него] колики.
От боли он умчался в степь,

Не было у него терпения ждать,
пока ему разобьют шатер.

Подложили ему красивую кольчугу,
и из той красивой кольчуги сделали ему
изголовье.

Встали кругом него люди,
сдвинули свои золотые щиты.

Искандар, увидев себя в таком [положении],
в этих коликах увидел свою смерть.

4015 Много плакал он, но что толку:
за ним по пятам шла смерть, не чтящая никого.

Один мудрец из учеников Афлатуна,
бывший приближенным Зу-л-Карнайна[7],

Сел рядом и сказал царю мира:
«Тот барабан, который создал Гермес,

Ты отдал в руки недостойных,
вот и схватила тебя эта болезнь.

Если бы ты его никому не показывал,
разве ты подвергся бы такому страданию?!

4020 Не знал ты, что дело чистых верой
не нужно являть перед косоглазыми?[8]

Оттого пустил ты на ветер целый мир,
что его цены ты не знал ни один миг.

То сочетание звезд, при котором
был создан тот барабан, —
настанет ли оно еще когда-нибудь?!

Не знал ты ему цены,
вот он и скрылся с твоих глаз.

Был бы он дорог тебе как душа —
отпил бы и ты от этого источника.

4025 Однако не печалься, послушай два совета,
они лучше живой воды, если умеешь слышать:

Такое царство и великое могущество —
всё это подарил тебе ветер нечистот.

То царство, которое ты создал и жил в нем, —
посмотри сейчас, на чем оно основано!

Для чего основывать такое царство,
которое всё — ветер? Что есть оно, что нет!

Не печалься о нем и не падай духом —
это просто ветер выходит из кожи.

4030 Теперь про воду жизни, которую ты искал:
хотя ты и омыл руки от нее[9],

Подумай и не очень о ней кручинься,
ибо прочное знание — вот что она такое.

Если покажет тебе свой лик то знание,
будет оно немутнеющей водою жизни.

Тебе много этого знания дал Истинный,
ты познал — так умри свободным и мудрым!»

Когда услышал Искандар эти слова от своего учителя,
сердце его утешилось, и он в радости отдал душу...[10]

4035 И ты тоже, сынок, очень уж не печалься,
ведь эта вода — знание и раскрытие тайн[11].

Если они озарят твою душу,
твое сердце будет видеть оба мира.

Если ты узнаешь путь к знанию и сущности вещей,
постыдно будет для тебя искать воду жизни.

А если ты не будешь знающим эту дорогу
в том ви́дении будешь ты шайтаном.

Твои чудеса будут шайтанскими,
весь твой свет будет являть тьму.

Рассказ второй

О Намруде

4040 Один корабль разбился, и семьсот человек
упали в воду; спаслась одна женщина.

Эта женщина плыла на какой-то доске.
Она родила, и остался от нее мальчик.

Когда разрешилась эта горестная от бремени,
упала она в море вниз головой.

А маленький мальчик остался на той доске,
непрерывно со всех сторон били ее волны.

Пришел глас ветру, волнам и рыбам:
мол, это дитя — под Божественной охраной!

4045 Берегите, чтобы не коснулась его беда,
ибо следует доставить его на место.

Все ангелы сказали: «Боже,
кто это такой посреди волн и рыб?»[1]

Глас раздался: «Об этом злополучном
узнаете, когда придет время».

Когда наконец он прибыл к берегу моря,
выловил его искусный рыболов.

Молоком, куриным мясом и рыбами его вскармливал,
кровью сердца вскармливал с сотней нежностей.

4050 Вот вырос мальчик большим и разумеющим,
и однажды он пошел куда-то по дороге.

На дороге он нашел рубиновый флакон с сурьмой[2],
такой, что от ее свойств разум пришел в изумление.

Когда нанес он палочкой на глаза эту чистую сурьму,
сразу увидел и ʻАрш, и Курси, и небеса[3].

Когда снова провел палочкой по глазам,
стали ему видны все сокровища мира.

Он увидел тысячу кладов под землей,
увидел всё от Луны до спины Рыбы[4].

4055 Все ангелы восклицали: «О Чистый!
Что это за раб, удостоенный такого постижения?»

Такой пришел из Тайны Тайн ответ:
«Это горделивый человек — Намруд.

Будет хвалиться: мол, он Господь, и с сотней уловок
выйдет, занесет руку на битву с Нами».

* * *

Смотри, как его лелеял Он на этом пути —
и как унизил его потом внезапно!

Ни у кого в обоих мирах, кого ни возьми,
нет доступа к Божественным тайнам.

4060 Если ты станешь доискиваться причин,
значит это лишь, что причинен тебе недуг[5].

И если [ищешь причину] в четырех природах, несомненно
покривилась твоя природа: четыре не могут быть Одним[6].

Войди в это море, нырни вниз головой,
выйди за пределы и натур, и причин!

Ты не выше небосвода — научись же у него,
ведь он тоже склоняет голову день и ночь[7].

Обо всём, что есть в мире, от малой частицы до Солнца[8],
что́ ты спрашиваешь? Ведь его *«словно и не было вовсе»*![9]

4065 [Сам] кружащийся свод расколот Млечным Путем,
не даст облегчения: ты рассыплешься в прах[10].

Кружащийся свод — конь[11] мира сего,
на нем (коне) — седло,
Солнце — вот его золотое седло.

Когда приблизится уничтожение мира,
его Солнце станет темным, как ночь[12].

Знаешь ли ты, как возложат то седло
на этого скакуна на западе? — Повернувши![13]

Оттого вспять повернут Солнце,
чтобы это седло навеки повернуть[14].

4070 Исторгни из окровавленной души жгучий вздох,
ибо ни о ночи ты не знаешь ничего, ни о дне.

«Доброй ночи тебе!»[15] А от этой доброй ночи
что тебе пользы?
Ведь светлого дня никогда у тебя не было!

Если хочешь быть день и ночь радостным,
не помни, покуда ты — это ты, об этом дне и ночи.

Но пока ты — это ты, остающийся в себе самом,
ты будешь [всегда] с израненным сердцем.

Нужно, чтобы ты был вне себя самого
в своей взволнованности,
полностью очистился от самости и удалился
от работы на себя.

4075 Ибо пока в делании ты видишь себя,
хоть на тебе и хирка, ты увидишь [на себе] зуннар[16].

Рассказ третий

О милостыне для дервишей

Сказал один великий муж: «Взволнована моя душа,
ибо вот уже целую жизнь я неотвязно стремлюсь к тому,

Чтобы подавать милостыню дервишам так,
чтобы никто не видел из нее ни многого, ни малого».

Лишь только слетело это с его языка,
так сказал в его сердце голос Вестника:[1]

«Если ты обладатель несомненности[2], то надо,
чтобы ты и сам не видел милостыню, которую подаешь.

4080 Когда ты не будешь видеть ту милостыню нисколько,
тогда скажи «кто хочет — смотри!», не бойся![3]

Ты похож на дурного мертвеца[4],
ведь жив ты или мертв — ты для себя бедствие.

Не захочешь ты жизни, если узнаешь,
что умереть для тебя — лучше, чем эта жизнь.

Если бы ты больше видел и больше знал,
ты бы видел всю свою малоценность.

Рассказ четвертый

О дозволенном куске

Один друг сказал мне: «Такой-то
ест дозволенную мирскую пищу:

4085 Он собирает подушную подать с иудеев[1]
и с этого живет — что ты знаешь лучше?»

Я сказал ему: «Я про это не знаю,
знаю только, что я — позор для мира,

И нужно, чтобы сто самых заблудших иудеев
взяли с меня подушную подать иноверца».

* * *

Если ты видишь свою малоценность,
то видишь собаку большей, чем ты.

Твое бытие перемешано с небытием,
это (бытие) — ад, а то (небытие) — рай.

4090 Если хоть одна веревка от этого ада останется,
много собак будет к ней привязано.

Хоть сто раз на дню совершай омовение,
если ты — с самим собой, ты нечист для молитвы.

Рассказ пятый

О шейхе и старухе

Сидел однажды старец из асхабов[1],
полный самомнения, перед михрабом[2].

Вошла в дверь мечети старуха
сердцем — что «алиф», станом — словно «даль»[3].

Она сказала ему: «Ты погибаешь!
Ты грязен, а претендуешь на чистоту.

4095 Этим своим [званием] шейха ты величаешься
перед асхабами,
уйди, о оскверненный, от михраба!»

* * *

Сожги любовью свою самость, о дорогой,
иначе ты будешь аскетом в [своей] незрелости.

Искать от аскета[4] зрелости — запретно,
аскет — несовершенен, он — необожженный кирпич.

Огнем и слезами влюбленный подобен свече,
потому что он — соединение слез и огня.

Оттого он всю ночь в слезах и огне,
что утром ему тоже быть убитым.

4100 Когда завершатся его горение, слезы и убиение,
будет дано ему имя «Убитый возлюбленным»[5].

Будет он принят другом за завесой,
не будет больше с ним дела ни у кого.

Рассказ шестой

О повелителе правоверных ʻУмаре Хаттабе и влюбленном юноше

Как-то раз Фарук пошел на битву и победил
и всем неверным, которые к нему попали в плен,

Приказывал прочитать шахаду[1]. Если слышал [ее] —
не убивал, а не слышал — сразу отрубал голову.

Был там юноша, отдавший сердце возлюбленному.
Привели его к Фаруку.

4105 ʻУмар сказал ему: «Исповедуй ислам!»
Юноша сказал: «Я — горестный влюбленный».

Он снова сказал: «Вера тебя освободит».
Юноша в ответ: «Что́ влюбленному до того!»

В третий раз призвал его к вере.
Когда тот снова исповедал любовь,

ʻУмар приказал его безжалостно убить,
бросить его безжалостно во прах.

Когда ‘Умар вернулся к Мустафе[2],
рассказали Пророку об этом деле.

4110 Пророк услышал этот рассказ
и в горестном раздумье сказал ‘Умару:

«Неужто сердце тебе позволило, о ‘Умар,
так жестоко убить влюбленного?

Ведь влюбленный уже убит горем, это не грех:
во второй раз убивать убитого нельзя!»

* * *

От Истинного убийство прекрасно,
от тебя — гадко!
Ведь это (второе) [приведет] в ад,
а то (первое) — в рай.

Убить себя самому — нехорошо,
ибо убийство прекрасно только от Него.

Рассказ седьмой

О дервише, который желал потопа

4115 Некто спросил у дерзкого [на пути] к Чертогу:
«Чего ты желаешь на этом пути?»

Он так ответил: «Хотел бы я потопа,
который унес бы всех людей мира.

Чтоб и следа не осталось от жизни людей,
погибли бы страны, града и веси,

Чтобы люди, занятые лжемудрованием,
отстали от своих ересей и многобожия.

Раз у них нет страха перед Истинным,
лучше, чтобы у них не было этого мира».

4120 Ему сказали: «Если начнется потоп
и мир кончится для всех заблудших,

Если уничтожатся все люди мира,
то ведь и ты уничтожишься тоже!»

Он сказал: «Хорошо для меня, если будет потоп[1],
я ведь прежде всего стремлюсь к собственной гибели.

Ведь, если тот потоп для меня настанет,
я хочу стать первым среди погибших».

Ему сказали: «Пойди, придумай что-нибудь,
давай, бросайся сам в какое-нибудь море,

4125 Чтобы избавиться от своего существования, —
может быть, так твоя надежда исполнится!»

Он им ответил: «Ведь совершенно очевидно:
то, что исходит от меня, будет таким же, как я.

Причинить самому себе гибель — не благо,
[жди,] не захочет ли тебя уничтожить Друг».

* * *

Всё, что исходит от возлюбленного, приносит благо,
всё, что исходит от влюбленного, приносит ущерб.

Продаст тебя возлюбленный или не продаст,
от него это — прекрасно, от других — нет.

4130 Если любимый продаст тебя стократно,
ты каждый миг всей душой принимай это.

Рассказ восьмой

О юном отбельщике тканей

Был один юноша, станом — кипарис[1],
лицом — луна,
весь мир обезумел от любви к нему.

Ремеслом его была стирка,
а постоянным занятием — похищение сердец.

Закручивая кончики кудрей, что кольца кольчуги,
посреди стирки он становился чародеем.

Опоясываясь майзаром[2] для работы,
из воды он воспламенял весь мир.

4135 Отбивая в воде платье о камень,
он [словно] хватал за платье влюбленных в себя.

Все влюбленные желали его,
у всех руки были под его камнем[3].

Один старец в него горестно влюбился,
от любви голова у него кружилась, как у циркуля[4].

Так ослабел старец от этой любви,
что его разум стал самим безумием.

От любви к тому лицу согнулась спина,
а сердце упало в пучину бедствий.

4140 Он полностью предался тому юноше,
усердно трудился ради него.

Если один день не видел того лица,
от пожара сердца убегало его мужество.

Он каждый день нанимался на работу,
а заработок вечером отдавал красавцу.

Всё, что бы ему ни доставалось,
вручал он тому сребростанному[5] зазнайке.

Но вот однажды юноша сказал старику:
«Твое горение каждый миг усиливается,

4145 Так твое дело не пойдет:
мне нужно много золота.

Ты не можешь раздобыть много золота,
мое сердце пресытилось этими крохами».

Отверз уста старик и сказал: «О любимый,
нет у меня наличности, кроме жил и кожи.

Продай меня, получи золото и возьми его,
будь радостен и не вспоминай
об этом невежде!»[6]

Юноша сразу отвез его в Египет.
Там был дом работорговца,

4150 Где, по обычаю, ставили кресло,
на которое сажали продавца.

Юноша уселся в то кресло,
а старик стоял перед ним.

Так рассказал (о диво!) тот обезумевший старец:
«Никогда не забыть мне того наслаждения,

Когда кто-то спросил юношу:
"Это чей там раб, твой?" —

И юноша ответил со своего места:
"Это мой раб, что́ ты спрашиваешь?"»

* * *

4155 Какое большее блаженство ты знаешь,
чем когда Создатель назовет тебя Своим рабом?

Твое сердце станет оживлено Господом,
и ты навечно, сотней душ, станешь Ему рабом...

А в Египте тогда умер один человек,
и его сын в день его смерти дал обет

Освободить на его могиле какого-нибудь раба.
Он сразу купил того старика и заплатил золотом.

На отцовской могиле дал ему свободу,
дал много золота, сделал свободным.

4160 Сказал ему: «Если хочешь остаться здесь —
наше имущество из-за тебя не уменьшится.

А хочешь вернуться к прежнему хозяину,
иди — ты ведь свободен и сам себе падишах!»

Помчался старик к тому юноше,
снова отдал сердце в руки похитителя сердец.

Не удалялся от него ни на минуту,
ибо от его лица видел светлым мир.

Он прославился правдою в своей любви,
всё, чего он желал, осуществилось.

* * *

4165 Если ты не будешь правдив в любви,
ты будешь влюблен в одного лишь себя[7].

Такой должна быть полнота любви к милому,
чтоб, если жизнь поспешно станет тебя покидать,

Каждый твой вздох говорил бы
о твоем возлюбленном,
и ты бы знал, что тот вздох —
начало [подлинной жизни].

Рассказ девятый

О вопросе Маджнуну

Так сказал тот несравненный Маджнун:
«Один человек воздал мне должное в этой жизни,

Остальные были горсточкой враждебных,
которые порицали мою любовь.

4170 Пришла ко мне, — сказал он, —
однажды женщина,
увидела, что грудь моя в крови[1], сердце в огне,

Увидела, что я во прахе и в крови,
увидела, что я опрокинут, словно небосвод[2].

Сказала мне: "Отчего ты такой —
сидишь на земле, погруженный в кровь?"

Я сказал ей: «Когда я увидел Лайли —
разом отдал разум, купил бесславие.

Из-за любви к лицу Лайли я стал таким,
что из-за любви ни сердца у меня нет, ни веры".

4175 Она сказала мне: "О смятенный Маджнун!
Я сейчас пришла от Лайли.

При той красоте, какая у нее,
ты никогда не исцелишься.

Хуже этого ты должен претерпеть — это еще что!
Ты должен умереть — что́ там горюющее сердце!

Любви к такой[, как она,] приличествует
не оставить на земле такого слабого, как ты,

Ведь всё идет к тому, что от любви к тому лицу
ты станешь [тонок и слаб], как волосок
в изгибе ее волос".

4180 В той женщине увидел я мужество подобающее,
и слова я от нее услышал должные».

* * *

История о сердце и любви — удивительное дело,
эти два — одно, они соединены воедино.

Слово о любви и о сердце в страх повергает душу,
разве что на виселице скажи его — там его место[3].

Сердце обливается кровью, о виночерпий![4]
Не рассказывай повесть о сердце.
Остальное ты знаешь.

Рассказ десятый

О лисе

Лиса утром попала в капкан
и сразу придумала лисью уловку:

4185 Мол, если охотник меня такую увидит,
тотчас снесет мою шкуру кожевнику[1].

И вот она прикинулась мертвой,
в страхе за жизнь тело ее упало на землю.

Когда охотник пришел и счел ее мертвой,
он не стал считать лису маловажной [находкой],

Но тут же отрезал ей под корень ухо:
мол, вдруг мне это ухо пригодится.

В сердце своем сказала лиса: «Не горюй,
если ты осталась жива, то ухо — ерунда!»

4190 Пришел другой и сказал: «Сейчас
ее язык тоже мне подойдет».

Когда тот человек мигом отрезал ей язык,
лиса от страха за жизнь не издала ни звука.

Еще один пришел и сказал: «Мне из этого
больше всего пригодятся ее зубы».

Не крикнула, когда железо вонзили,
жестоко выдрали у нее несколько зубов.

Лиса сказала: «Если останусь жива,
пусть не будет ни зубов, ни уха, ни языка».

4195 Еще один пришел и сказал: «Выбираю
сердце лисы — оно полезно
при некоторых недугах».

Когда лиса услышала издалека про сердце,
мир перед ее глазами тут же потемнел.

Сказала в сердце своем: «С сердцем не поиграешь,
теперь мне нужно придумать какую-то хитрость».

Сказала это — и с сотней усилий и ухищрений
вырвалась [из капкана], словно стрела из лука.

* * *

Рассказ о сердце — рассказ весьма удивительный,
рассказ о сердце охватывает оба мира.

4200 Ты хочешь, чтобы я тонул в своей крови?![2]
Не говори о сердце. Остальное ты знаешь.

Если сердце в крови, скажи: что́ я скажу о сердце?!
Людям беспечным что́ я скажу о сердце?!

Сердце мое там, где возлюбленный:
как я туда попаду, как это осуществится?!

Сердце мое скрылось у меня из виду,
ни я о сердце, ни сердце обо мне не знаем.

Если у меня никогда нет знака от своего сердца,
какой же будет знак от унесшего сердце?![3]

Рассказ одиннадцатый

О султане Махмуде и Айазе

4205 Вот султан веры Махмуд однажды
Айазу, своему избранному, сказал:
«О озаряющий сердце!

Кого ты знаешь между Рыбой и Луной[1],
чье царство было бы больше моего?»

Тот сказал ему: «О царь, владыка мира!
Мои владения во сто раз больше твоих».

Тогда царь сказал тому ненаглядному:
«О раб, чем ты это докажешь?»

Отверз уста Айаз и сказал: «О царь!
Что́ ты спрашиваешь, ты ведь знаешь эту тайну!

4210 Хоть у тебя и есть царство,
но над тобою царь — твое сердце,

А твое сердце в руке этого гулама[2],
мне такого царства достаточно.

Ты — царь, а сердце твое — твой царь сегодня,
но я — над твоим сердцем царь победоносный.

Небо завидует моему высокому положению,
ведь я хоть и раб, [но] над царем — царь.

Если под властью моей печати такое царство[3] —
что́ там царство, которое на поверхности земли!

* * *

4215 Пусть твое царство — царство надо всеми,
но истинно-то царство твоего Айаза!

Раз корень твой — сердце,
а сердцем ты не владеешь,
скажи: на что тебе твое царство?!

Рассказ двенадцатый

О Мухаммаде ибн 'Исе и о безумной

Мухаммад ибн 'Иса, который тонкостью ума
превзошел всех надимов[1] халифа,

Проезжал по городу верхом на Рахше[2],
туго натянув узорные поводья.

За ним на конях следовали гуламы[3],
весь Багдад смотрел на него,

4220 Из каждого уголка спрашивали: «Кто это?
Какое убранство, пышность, роскошный вид!»

По дороге шла старуха с посохом,
она сказала: «Это бедный больной.

Истинный отлучил его от Своего присутствия.
Смотри, Он изгнал его от Себя!

Ведь, если б Он не отстранил его от Себя,
не занял бы его таким бесплодным делом».

Услышал тот муж сию тайну и,
будучи разумным,
сошел со своего скакуна в горести,

4225 Признал он, что его положение таково,
как объяснила эта старая женщина.

Сказал это — и обратился на путь покаяния,
полностью отвратил сердце от богатств и почета.

Уверившись в своем жалком положении,
удалился в затвор и стал одним из людей веры.

* * *

Тешишься: мол, ты богатый господин —
но, по сути,
ты нищ, ты не знаешь, как быть господином.

Раз ты ни на джау над собою не властен,
ты ни джау не можешь подать бедняку[4].

4230 Если не можешь ты самим собою управлять,
как ты можешь управлять кем-либо другим?!

Рассказ тринадцатый

О султане Махмуде и безумце

Махмуд сел рядом с одним безумцем,
а тот закрыл глаза. Царь возмутился,

Сказал ему: «Зачем ты так сделал?» Тот ответил:
«Чтобы не видеть твоего лица». Царь разгневался,

Сказал ему: «Лицо царя мира сего
тебе не годится?» Ответил: «И свое тоже.

Раз и себя-то видеть в этой вере не годится[1],
то уж на кого другого взглянуть — это грех».

4235 Царь сказал: «Я — *обладатель власти*[2] в мире,
любой мой приказ о тебе будет выполнен».

Безумец ответил: «Подумай о том,
что раз твои приказы не действуют на тебя самого,

То они не действительны и ни для кого другого.
Не мешай мне, сколько еще будешь толковать!»

* * *

Не стыдно тебе такого властительства,
которое ты всю жизнь собирал по джау?[3]

[Лишь] тот в [полном] смысле себе хозяин,
кто для себя — спаситель, а не погубитель,

4240 Кто говорит благое и желает благого,
и никогда не находит пути к нему кривда.

Он показывает себя таким, каков он есть,
ведь показная польза — себе же в ущерб.

Если ты знаешь, что ты крив, о лицемер,
для чего ты притворяешься прямым?[4]

Рассказ четырнадцатый

О жесткости и мягкости гилима

Был у одного смятенного душой[1] гилим,
он отдал его посреднику, чтобы тот
его продал.

[А] тот сказал ему: «[Гилим] жесткий,
по мягкости он словно спина дикобраза»,

4245 Купил он гилим дешево, а тут
подошел к нему покупатель.

Спросил его: «Есть у тебя мягкий гилим?»
Тот ответил: «Есть, коли заплатишь золотом».

Словом, когда бедняга выложил золото,
выложил перед ним тот продавец гилим.

Сказал ему: «Это бесподобный гилим,
он мягкий, словно настоящий шелк».

Один суфий слышал его слова,
слышал, как он покупал и как продавал.

4250 Вскричал он и сказал: «О несравненный!
Положи и меня в этот свой сундук,

Ведь там гилим превращается в шелк,
глиняный черепок становится
уникальной жемчужиной.

Ведь я по своей природе — что комок глины![2]
А ну как твой сундук изменит и мое состояние!»

* * *

Если твое состояние не изменится,
будут в твоей жизни одни беды.

Если ты во тьме проводишь свою жизнь,
ты — словно животное в своем невежестве!

4255 Свяжи все свои члены узами веры,
если хочешь стать таким, делай так:

Не смотри, не слушай и не говори иначе
как по велению [Божию],
чтобы не умереть тебе неверным, о мусульманин!

Поскольку не вижу тебя идущим правым путем,
очень боюсь, что умрешь ты неверным.

Эти свод и дворец[3] устроены для твоего назидания,
ты [же], кроме похоти, ничего не видишь,
словно животное.

На базаре, где можно получить прибыль душе,
почему ты всегда остаешься в убытке?!

Рассказ пятнадцатый

О женщине, которая совершала обхождение Ка'бы

4260 Одна женщина совершала обхождение Дома[1].
Какой-то мужчина посмотрел на ее лицо.

Женщина сказала ему: «Если ты из людей Тайны[2],
как ты можешь в такой момент на меня смотреть?

Но не знаешь ты, бестолковый,
от Кого ты отступил в этом месте!

Будь в тебе хоть какой-то признак мужа,
о женщине ты и не помышлял бы ни минуты.

Ты пришел сюда ради пользы,
не для того пришел, чтоб остаться в убытке.

4265 В такой день, на таком большом базаре
ты ищешь убытка? Не стыдишься ты Господа!»[3]

* * *

Господин мира постоянно на тебя смотрит!
Ты от Него удален, Он же к тебе близок.

Поскольку каждый миг Господь о тебе сведущ,
зачем ты, словно змея, извиваешься
[и уползаешь] с пути?

Поскольку Истинный с тобой на каждой стоянке[4],
не делай ни шага иначе как присутствуя перед Ним.

Если хоть шаг на пути ступишь без Него,
придется тебе сильно посрамиться.

Рассказ шестнадцатый

О султане Санджаре и Махасти

4270 Махасти, [девушка-]дабир, чистая душой[1],
была приближенной у престола Санджара.

Хотя ее лицо было не как луна,
царь был к ней привязан.

Однажды была она на лугах Радкана[2]
рядом с царственным Санджаром.

Когда прошла одна стража ночи,
царь Санджар отправился в постель.

Махасти завершила служение царю
и направилась тоже в свой шатер.

4275 А у Санджара был гулам-виночерпий[3],
по красоте не имевший себе равных.

Красоте его было другом обаяние,
царь наслаждался и тем и другим.

Сотней сердец царь был его безумцем,
ибо был тот, подобный луне, самой любовью.

Проснулся ночью царь и позвал его,
не увидел его и пошел искать
того рубиноустого.

Набросил на себя ночную одежду[4],
в ярости выхватил индийский меч[5],

4280 Подошел ко входу в шатер,
а там были Махасти и [его] луна.

Он увидел, что виночерпий сидит с нею рядом
и Махасти сердцем привязана
к этому луноликому.

В любовной печали она играла на ру́де[6],
нежным голосом пела такую песню:

«Обниму тебя этой ночью на краю поля,
даже если мне нужно прясть для других».

Санджар это услышал
и запомнил этот бейт.

4285 Сказал в сердце своем: «Если сейчас я внезапно
ворвусь к ним в шатер с индийским мечом,

Они оба на месте лишатся сил,
я буду повинен в крови этих беспомощных».

Взволнованный, он поспешно ушел,
воротился к себе в шатер.

Прошло дней десять. Однажды царь
приготовил восхитительный пир.

Махасти играла перед султаном на чанге[7],
потом запела высоким голосом.

4290 Стоял там и виночерпий
с чашей в руке, опустив глаза в землю.

Царь вспомнил тот ночной бейт
и как бы невзначай попросил [спеть его].

Когда Махасти услышала от царя этот бейт,
чанг сразу выпал из ее рук.

Всё ее тело задрожало словно лист,
она лишилась чувств, и разум ее сковался.

Царь подошел, сел у ее изголовья,
с руки окропил ее лицо розовой водой.

4295 Когда она снова пришла в себя,
снова наполнил ее страх перед Санджаром.

Раз десять к ней возвращались чувства,
но разум ее никак не находил нити.

Царь сказал ей: «Если ты боишься меня,
от души [говорю] — ты в безопасности,
о враг самой себе!»

Она сказала: «Я не этого боюсь,
но я ночью разучивала этот бейт,

Всю ночь я этот бейт повторяла,
то принимала я его, то отвергала.

4300 Теперь я вспомнила о той ночи,
и мир для меня стеснился.

Похоже, что ночью за этим делом
ты тайно следил и узнал обо мне.

Если ты заточишь меня или прогонишь,
твое сердце не вынесет этого,
и ты меня снова позовешь.

А если убьешь меня в расцвете сил,
будет мне избавление из руки бытия.

А испугалась я так оттого,
что если Султан, Питатель мира,

4305 Каждый миг всегда со мной,
то чем же мне заниматься,
кроме памятования о Нем?!

Когда Истинный предъявит мне мои давние тайны,
что́ я скажу в тот час и что́ сделаю?!»

* * *

Раз Истинный видит тебя постоянно, днем и ночью,
будь как свеча: и радостно смейся, и радостно гори.

Ни вздоха не испускай из сердца
без благодарности Ему,
ни одно дыхание не испусти беспечно
без памятования [о Нем]!

Если ты благодаришь Его, то всё, чего ты хочешь,
получишь чистоганом от щедрости Божественной.

Рассказ семнадцатый

О Махмуде и числе его слонов

4310 Как-то однажды Махмуд, покоритель врагов,
сказал сыну: «О мудрое дитя!

Посмотри, сколько у меня сейчас слонов,
а то я сейчас не знаю их числа».

Сын посчитал и сказал: «О господин!
Тысяча сто слонов у тебя стоят на привязи».

Царь сказал ему: «Помню такое время,
когда и одной козы не мог я насчитать[1].

Теперь, пусть у меня всего до небес,
это не мое, но от щедрости моего Творца».

* * *

4315 Поскольку милости Истинного к тебе беспредельны,
ты не можешь не благодарить Благотворителя.

Поскольку милости к тебе постоянны,
миг провести без благодарности Ему — запретно.

Раз твоя животная душа[2] на благодарность Ему ленива,
эту трудность должно разрешить твое сердце.

Поскольку твоя животная душа всегда ленива,
сердце должно трудиться и стараться.

Если твоя животная душа будет сильна в своем деле,
твое сердце в своем деле станет бедняком.

4320 Добро потому приносит пользу, а зло — ущерб,
что каждый что имеет, то и раздает.

Рассказ восемнадцатый

Об 'Исе и иудеях

Шел чистый 'Иса по какой-то улице,
иудеи его без всякого страха многой бранью

Поносили, и радостно тот чисторожденный[1]
с ясным лицом возносил за них молитву.

Кто-то сказал ему: «Ты не приходишь в волнение
от их брани, а молишься за них?!»

Масих отвечал: «Каждое сердце, которое живо,
раздает из своего имущества то, что имеет»[2].

* * *

4325 Какая наличность в океане твоей души,
такую волны и вынесут на берег,

Но, пока последний миг не придет,
тебе наличность души явной не станет.

Этот миг — пробный камень для душ людских,
ибо тогда незрячие прозреют.

Надо тебе [уже] сегодня позаботиться о *завтра*[3],
сердце должно из страха перед ним гореть душой.

Надо тебе каждый миг стократно умирать,
ибо не можешь ты пройти через эту долину[4].

4330 Если из туч польется на тебя огонь,
нужно, чтобы ты был радостен сердцем.

Ибо если ты, отдавая душу, будешь радостен,
духом ты поистине будешь горячее огня.

Рассказ девятнадцатый

О воре у подножия виселицы

Одного вора внезапно схватили,
с дорожной пыли потащили к виселице.

Попросил он, в слабости и бессилии, отсрочки,
чтобы ему под виселицей совершить намаз.

Когда он покончил с намазом,
он склонился и стал взывать о помощи:

4335 «Боже, в такое время и в таком месте,
когда в каждом волоске я вижу беду,

Смотри — меч гнева Твоего на виселице
что́ сотворит со мною в конце концов!

Смотри — в такой час от чистого сердца
я склоняюсь перед Тобою до земли!

Ты сокрушаешь меня Своим гневом,
я расстаюсь с душой в любви к Тебе.

Я таков, как я сказал, и Ты таков,
теперь отдаю душу — остальное Ты знаешь».

* * *

4340 Вот так отдавай душу, когда придется отдавать,
иначе ты будешь отдавать долг своею жизнью.

Если кровь твоя бурлит при Его гневе,
никогда не забывай о Его Милости[1].

Быстро иди: медлительность — не для Пути,
с радостью иди: уныние — не для Пути.

Свадьба с миром сим не стоит печали,
ибо сто ее радостей не стоят одного горя.

Пусть небосвод хочет тебя спе́шить,
всё равно будь радостным наездником[2].

Рассказ двадцатый

О безумце-всаднике

4345 Один безумец уселся верхом на палочку,
скакал во всю прыть, как на взнузданном коне.

Уста его смеялись, словно роза,
словно соловей, он приводил мир в волнение.

Спросил его некто: «О муж Чертога[1],
отчего ты так бойко скачешь по дороге?»

Так сказал: «На ристалище мира
хочу я поскакать хоть один миг.

Ведь, когда мне против моего желанья
свяжут руки,
уже не поскачет ни один кончик волоска
у меня».

* * *

4350 Если ты пришел на это ристалище,
мужественно принимай свою участь.

Поскольку о прошедшем и будущем
нет сведений,
у тебя нет наличности, кроме [этой] жизни.

Не отдавай попусту эту наличность
за посулы [прибыли],
ведь никто [никогда] не построил ничего
на посулах.

Пока у тебя есть хоть одна точка жизни,
тысячу раз вращайся вокруг нее, как циркуль.

Построй свою радость на наличности
сына времени[2],
не мечись взад и вперед, как бездельники.

4355 Ибо, если ты будешь идти то вперед, то назад,
станешь бедой для своей судьбы.

Рассказ двадцать первый

О военачальнике и его крепости

Один военачальник для управления краем
построил где-то высокую крепость.

Показался там один безумец.
Подозвал его к себе тот владыка,

Сказал ему: «Посмотри, какая крепость!
По высоте она чета вознесенному своду![1]

Всякий, кто удостоится в ней обитать,
посмотри, от каких бед будет огражден!»

4360 Безумец сразу отверз уста,
сказал ему: «Плохо твое дело!

Поскольку беды исходят от небес,
в крепости ты выйдешь навстречу беде».

* * *

Поскольку ты сам — своя совершенная беда,
не ищи других бедствий, о дражайший!

Лишь тогда от себя и от своих бедствий
ты полностью избавишься на этом пути,

Когда ты падешь и станешь смиренным,
перестанешь быть живым,
чтобы стать подлинно существующим.

4365 Когда ты падешь, не имея ни пути, ни дороги,
каждый твой волосок будет просить о помощи.

Рассказ двадцать второй

О султане Махмуде и обиженном

Вот однажды утром ехал куда-то Махмуд.
Некто приблизился к нему
и просил справедливости,

Закричал он и преградил [Махмуду] путь,
схватил поводья его коня.

Когда он схватил поводья, царь эпохи[1]
ударил его по руке хлыстом.

От боли в руке тот смиренный
с сотней стонов упал на землю.

4370 Когда царь увидел его в таком положении,
придержал он из сострадания поводья.

Кто-то спросил: «Тот обиженный, о царь,
когда схватил твои поводья на пути,

Ты вовсе не стал придерживать поводья.
Скажи, а теперь отчего ты
придерживаешь поводья?»

Царь сказал ему: «Я был пьян,
когда он схватил мои поводья.

Теперь каждый волосок этого обиженного —
рука,
и от каждого его волоска мне — поражение.

4375 Когда я увидел столько рук на своих поводьях —
поднимется ли у меня рука погнать коня?

Я схвачен всеми этими руками,
не знаю, как мне удастся вырваться!»

* * *

Если упасть на этом пути — прибыль для мужа,
всякий, кто здесь страдает [ради Бога], — падает.

Если на этом пути высоту считают низкой,
хватают поводья царя без [помощи] рук.

Нужно окунуться в кровь сотню раз,
чтобы понять, что такое падать.

4380 Если ты живешь в неге и удовольствиях,
как откроется перед тобой эта дверь?

Рассказ двадцать третий

О Маджнуне

Некто спросил у Маджнуна: «Отчего
ты такой беспомощный, такой слабый?»

Так он сказал: «Я — старый осёл,
спина моя продавлена этим удушающим грузом,

Тело мое, хоть оно хилое и немощное,
день и ночь таскает этот тяжелый груз.

А если для отдыха от моих сотен страданий
на спину мне хоть на миг набросят попону,

4385 Налетают тысячи слепней-кровососов,
все вонзают в мои раны свои жала,

Так что скажу, что лучше бы никогда
этот бедняга не знал чести такого отдыха!»

* * *

Если ты опытен в [прохождении] Пути,
такое не раз приходится тебе испытать.

Если не будет у тебя такого опыта,
ты очень посмеешься этой истории.

Если ты привык к неге и довольству,
что́ ты можешь знать о таком опыте?

4390 Мне нужен кто-то испытанный,
кто по сто раз на дню оплакивает себя,

Кто жив Истиной и мертв для себя —
не из застрявших [в этом мире],
но умерший прежде [смерти][1].

Пока ты не станешь влюбленным,
проигрывающим душу,
не познаешь ты тайны этого опыта.

Тот, кто остается в изнеженности,
далек от чистых игроков любви.

Рассказ двадцать четвертый

О юном торговце солью

Был один юноша, постоянно круживший[1],
ремеслом его была торговля солью.

4395 Кружил он по всему городу
и всюду выкликал свой товар.

Увидел он как-то Айаза — похитителя сердец[2],
и от головы до ног объял его пламень.

От любви весь мир потемнел для него,
но было ясно, что это было из-за [этой] луны.

Да разве же мир может потемнеть от луны
так, что сердце из-за нее обольется кровью?!

День и ночь, словно пьяный, с сердцем в крови,
оставался он постоянно у порога султана[3].

4400 Он сидел в дорожной пыли,
перед собою он выложил соль.

Не был он лишен соли в любви к той луне,
потому был в волнении ко времени
и не ко времени[4].

То издавал горестный плач,
то метался он, словно огонь.

Когда мимо проходил сребростанный[5] Айаз,
слезы у него струились потоками.

Он падал, и разум его покидал,
словно пьяный, лежал он при дороге.

4405 О горении любви этого несчастного
известили Махмуда.

Махмуд то склонял голову,
то стонал, то возгорался, подобно [дереву] алóй[6].

Сказал он в сердце своем: «Это уж слишком!
Имущество и любовь делить с кем-то —
нехорошо».

Коротко говоря, падишах велел ему немедля явиться,
[и] он, словно дым, примчался с [лотком]
соли на голове.

Отверз уста Махмуд и сказал ему:
«Прими от меня, о нищий, доброе слово:

4410 Распрощайся с любовью к этому
моему кумироликому,
а иначе — распрощайся с жизнью».

В ответ влюбленный сказал: «О царь!
Ты — на троне, я — стою у дороги.

Твой Айаз — твой навеки,
мне от него нет ничего, кроме знака[7].

Посреди роскоши и царской неги
стоит перед тобой тот, кого ты хочешь.

Если этот кумироликий — твой, то чего я ищу?
Если он с тобой — с кем я распрощаюсь?

4415 У меня любовь к нему навечно,
ибо она непрестанно разгорается в моей душе.

Нет ни мгновенья, чтоб моя любовь к нему
не возрастала,
нет у меня другого устава[8], чем приносить себя
ему в жертву.

Раз любовь к нему убивает меня сто раз на дню,
не боюсь я, если убьет меня царь.

Ведь влюбленный нисколько не дрожит за жизнь,
потому что в его глазах жизнь не стоит и джау»[9].

Царь сказал: «О ты, позор с головы до ног!
Где уж тебе равняться со мной по весу!

4420 Ты никогда не сможешь как следует играть
в любовную игру.
Какую наличность поставишь ты на кон
в любовной игре?»[10]

Нищий сказал ему: «Этой наличности никогда
у тебя и крупицы не бывает, а у меня — есть.

Ты в своем царском звании — словно котел,
полный яств,
но без соли, сколько бы ты ее ни хотел.

Раз у меня есть соль — что́ ты на меня нападаешь?
Если нет соли в твоей любви — что́ ты ею хвалишься?

У тебя — имущество, царство, золото и сила,
но нужна соль, как у меня, если есть у тебя
волнение [любви]![11]

4425 Царь сказал: «Докажи это, влюбленный!
Я-то видел, что ты не годишься для любви».

Нищий сказал: «Не стану доказывать!
Если я влюблен — мне нечего бояться.

Ты со своими владениями и завоеваниями
не отказываешься от царства ради любви.

А я от любви к твоему Айазу ни на миг
не откажусь ради всех дел мира.

Я оба мира навсегда оставил ради него,
а ты по сотне причин всегда его оставляешь.

4430 Посмотри же на твою любовь и на мою любовь,
посмотри на разницу между этим нищим[12] и собой».

Царь сказал ему: «Эй, нищий попрошайка!
В которую из его частей ты влюблен?»

Он сказал царю: «Есть ли у меня смелость
думать о любви к этому кумиру!

Неуместно для меня (что поделаешь!)
тешиться любовью к какой-то части в нем.

Если я вижу хоть один его волосок,
каждый мой волос испускает пламя.

4435 Не вынести мне любви и к одной его части —
как же я буду осматривать его с головы до ног?!»

Царь сказал ему: «Если от головы до ног
ты не влюблен ни в какую его часть,

Отчего же тебе так неймется от любви к нему?
Скажи: к чему же эта твоя любовь?»

Так сказал он: «Душа моя полна смятения
знаешь отчего? От жемчужины в его ухе.

Когда я вижу кольцо в его ухе,
всей душой выбираю кольцо рабства ему[13].

4440 Не смею помышлять о любви к этому кумиру —
мне довольно любви к жемчужине в его ухе».

Царь сказал: «Тот, кто обрел знак
от этой жемчужины,
нашел он ее в море тела или в море души?»[14]

Нищий сказал ему: «Такая жемчужина,
о миродержец,
явилась из моря нашей любви.

Если ты сможешь нырнуть в океан любви,
войдешь избранником в покои
этой жемчужины»[15].

Царь сказал ему: «В это море, о благородный,
как можно решиться нырнуть?»

4445 Нищий сказал ему: «Ты с этими слонами и страной,
царством от востока до запада и войском

Не сумеешь стать ныряльщиком в этом море —
тут нужен искренне от всего отказавшийся,

Разом отбросивший оба мира,
бросившийся в это море вниз головой,

Затаивший дыхание, отвергший жизнь,
ищущий жемчуг в глубинах моря[16].

Ты, распростерший крылья над всем миром,
не обретешь надежды на ту жемчужину никогда».

4450 Царь сказал ему: «Султан нисколько не суетился,
жемчужину, о которой ты говоришь, получил даром.

Посмотри — вот она, в ухе Айаза,
а Айаз — мой верный [раб] с кольцом в ухе[17].

Мне не пришлось опрокидываться вниз головой,
эта жемчужина сразу попала мне в руки.

Ты терзай душу, а эта жемчужина — моя.
Мне — жемчужина, тебе — пучина моря!»

Нищий сказал: «Подумай хорошенько!
Разве досталась тебе эта жемчужина?!

4455 Эта жемчужина была бы твоей,
если бы она была в ухе царя.

Раз в твоем ухе нет этой горделивой жемчужины —
что́ тебе до жемчужины? Не хвались
этой жемчужиной!

Если бы царь мира обладал верностью,
у царя, а не у его раба, было бы кольцо в ухе.

Хорошо ли — влюбленный вознесен
до звезды ʿАйюк[18],
а возлюбленный — униженный, с кольцом в ухе?

Если ты влюбленный, не кичись так:
это у тебя должно быть кольцо в ухе!

4460 Раз у тебя этого кольца в ухе нет,
не говори о любви, если ты разумен».

От стыда царь, ты сказал бы, облился кровью,
спустился с трона и ушел к себе.

Нищего с солью прогнал от себя.
Услышаны ли были его слова? — Не знаю.

ПЯТЫЙ СЫН

БЕСЕДА ПЯТНАДЦАТАЯ

[О желании пятого сына]

Пришел пятый сын, погруженный в свет,
сказал отцу: «О океан тайн!

Я искренне желаю того кольца,
благодаря коему Сулайман владел царством,

4465 Пери и дивы были ему послушны,
всё царство стало его шатром.

Имя на печатке его кольца возвысило его
над всеми,
открыл он тайны муравьев и язык птиц[1].

Если то кольцо попадет мне в руки,
небо со всей своей высотой станет
для меня низким».

Ответ отца

Отец сказал: «Что́ тебе до царства,
которое, если и достанется тебе, — прейдет.

О таком царстве лучше — ты сам знаешь —
забыть, потому что оно преходяще[1].

4470 А окажется, что ты был на царстве притеснителем,
считал допустимым притеснение, —

Тогда при Воскрешении тебе дадут облик муравья:
мол, зачем ты так насильствовал на царстве?

Целый мир истцов будет преследовать тебя
за каждую тобою съеденную лепешку[2].

Мир весь целиком — страна печали,
он весь — горстка праха или ветер.

Не обольщайся царством ветра и праха,
не обрекай свою душу погибели!

4475 Для кого будет плодотворной такая жизнь,
конец которой — горестная смерть?!

Мир полон Божественного бальзама:
не убивай себя ядом царствования!

Как ни страдало сердце Рустама,
что пользы от бальзама, если сын умер?![3]

Взыскуй, о мой сын, иного царства,
где тебе до́лжно отрубить голову своему сыну![4]

У всех царей мира, какие только были,
которые касались головой купола небес,

4480 Не было для царства иной поддержки,
кроме как поддержки от клочка кожи.

Все они нашли прибежище под кожей,
названной Кавеянским знаменем[5].

Почему ты не удаляешься от царства,
которое держится на клочке кожи?

Если знамя царства — клочок кожи,
оно сгодится разве что сапожнику.

Для меня царством, что основано на коже,
гордиться было бы стыдно.

4485 Когда тайная суть всех дел обнаружится,
многое железо окажется воском.

В том месте, где разум впадает в растерянность,
если будет гора, то станет она
как расщипанная шерсть[6].

Поскольку царство этого мира так быстротечно[7],
если посмотришь хорошенько,
то [подлинное] царство — это иной мир.

Увы Адаму, который обрел вестника любви,
[но] за одно зерно отвратил лицо
от царства райского[8].

Если хочешь обрести вечное царство,
тебе от мира довольно круга лепешки,
словно солнцу»[9].

Рассказ первый

О султане Махмуде на охоте

4490 Однажды Махмуд отправился на охоту,
оказался он один где-то в стороне от своего войска.

Увидел он поблизости какую-то деревню,
над одним из домов поднимался дым.

Погнал он коня на этот дым
и увидел, что там сидит старушка[1].

[Он] сказал ей: «К тебе в гости пришел халиф.
Что у тебя на огне, о добродетельная?»

Такой ответ дала ему старуха:
«Я варю для себя бобы, о царь!»

4495 Царь сказал ей: «Скажи, о немощная женщина,
дашь ты мне бобов?» Сказала: «Ни за что!

Ведь я эти бобы варю для себя:
как же я продам за твое царство свои бобы?!

Никогда я не куплю твое царство,
ведь мои бобы гораздо лучше твоего царства.

У твоего царства множество врагов,
а мне достаточно моих бобов без всего этого горя!»

Царь посмотрел на бобы старушки
и горько заплакал о своем царстве[2].

4500 В конце концов получил он пригоршню бобов
от той старухи,
дал ей кошель и сразу удалился.

* * *

Раз каждое зернышко идет в счет, о богач,
нет царства выше царства старухи.

Как Рустам ни совершенен,
но он стремится к царству старухи[3].

Что такое тарикат?[4] — Видеть погрешности
[своего] пути,
избрать непричинение обид и легкий груз,

Насыщаться пригоршней бобов,
[ничтожным] зернышком считать царство
и великолепие.

4505 Поскольку царства бесконечного сегодня нет —
чего ты ищешь?! Ведь совершенства сегодня нет!

В этом мире совершенство невозможно:
ведь если есть луна — она идет на убыль.

Сначала увеличивается две недели,
потом две недели уменьшается.

Между этими двумя странствиями — совершенство,
которое сохраняется одну ночь,
а в другую — кончается.

Такого совершенства, которое длится одну ночь,
искать — это не мой мазхаб[5].

4510 Ты теперь из этой притчи узнал,
что всегда будешь в ущербе, если и станешь луной.

Ничто здесь не имеет постоянства,
будь ты в почете или будь ты в ничтожестве.

Поскольку царство этого мира непрочно,
какое тебе будет постоянство среди непостоянства?

Рассказ второй

О шейхе и птице Хума́

Однажды шел шейх искушенный,
увидел арку, воздвигнутую над дорогой.

Над нею Хума, сделанная из гипса,
распростерла свои крылья и перья.

4515 Отверз уста шейх: «О неподобная птица!
Ты бесстыдно явилась сюда.

Ты постоянно над кем-нибудь раскрываешь крылья,
а потом садишься на другой дворец.

Никто не становится обладателем твоей тени,
потому что в твоей природе — непостоянство».

* * *

Если бы у мира было постоянство,
не было бы [это] очевидно сердцу и душе:

Весь мир земной — только марево[1],
все царства в нем — только сон.

4520 Твой осёл потому так прочно застрял в глине,
что в толковании снов «осёл» означает «счастье».

Если кому-то счастье здесь — осёл,
то, несомненно, плохо здесь его дело[2].

Если решето своих мнений о себе из воды
вытащишь, увидишь, что весь мир — это сон.

Рассказ третий

О султане Санджаре

Сказал Санджару Газали: «О царь!
Ты всегда пребываешь
в одном из двух состояний:

Если ты бодрствуешь, когда сидишь здесь,
то, когда закроешь глаза, —
уже ничего не видишь;

4525 А если ты спишь, то из этого царства
ты не увидишь ничего, пока не откроешь глаза.

Сколько ты будешь величаться,
сколько радоваться царству
такому, что, когда откроешь глаза
и посмотришь, —

От него в мире не увидишь [и] следа!
Оно меньше, чем ничто,
да и этого ты [тоже] не видишь.

Будь ты сам падишах Йазджирд,
убьют тебя в конце концов на мельнице[1].

Если ты не знаешь об этой мельнице,
взгляни разок на этот согнутый жернов[2].

4530 Если ты попадешь в этот согнутый жернов,
в конце концов окажешься ты на мельнице.

В этом огне что ало́й, что трава[3],
не спят ночами что царь, что нищий...»

Рассказ четвертый

О султане Махмуде и его тезке

Однажды направлялся Махмуд
со своим войском
с равнины на возвышенное место.

Он рассылал воинов скакать во все стороны,
чтобы найти какой-нибудь дичи в степи.

Увидел он печального, сгорбленного старика —
босого, с головой и лицом, покрытыми пылью.

4535 Тот собирал хворост[1] и тяжко вздыхал,
прокладывал себе путь между колючек.

Царь подошел к нему и сказал: «О почтенный,
ответь мне, скажи мне: как твое имя?»

Тот сказал: «Мое имя — Махмуд,
я — твой тезка, и мне этого довольно».

Царь сказал ему: «Я в недоумении:
ты — один Махмуд, а я — другой.

Ты — один Махмуд, а я — другой Махмуд:
как можем мы быть одинаковыми?»

4540 Ответил ему старик и сказал: «О царь,
когда мы оба поднимемся с этого пути[2],

Сначала мы спустимся отсюда на два гяза[3]
и станем мы тогда равными Махмудами.

Если я сейчас не равен тебе, потому что мал,
стану равным тотчас, как умру.

Ты радостно взойди на трон, ибо этот синий свод
даром изготовит тебе из дерева твоего трона
погребальные носилки[4].

Зачем ты хочешь создавать царство в мире сем?
Ведь не можешь ты ни минуты быть в нем радостен.

4545 Не можешь ты никуда пойти один,
ничего не можешь сделать без свиты.

Ты воды не можешь выпить без пробующего[5],
ты ночью не можешь заснуть без стражника.

Зачем же ты столько печалишься из-за царства,
в котором ты и хлеба не можешь поесть [спокойно]!

Пусть твой трон — из слоновой кости, словно Такдис[6],
и пусть твой венец выше, чем у Нуширвана[7],

Твоя доля от этого венца и от этого трона
не будет ничем иным, как горсткой праха.

4550 Что это за царство и что ты за падишах,
если не можешь совладать с господином смерти?!»[8]

* * *

Для тебя довольно одной лепешки в день,
если ищешь вторую лепешку — это запретно[9].

Рассказ пятый

О султане Махмуде и отбельщике тканей

Однажды шел Махмуд-миродержец,
по дороге увидел отбельщика тканей —

Тот нес на спине кипы связанных полотнищ.
Спросил его [царь]: «Сколько стоят все эти полотна?»

Тот ответил ему: «О шахиншах,
тебе на этом пути довольно десяти гязов полотна[1].

4555 Если тебе довольно десяти гязов,
зачем спрашиваешь, сколько стоят все остальные?»

Услышав это, царь заплакал.
В пути увидал он пришлого кирпичника:

Лицо его почернело на солнце, как уголь.
На дороге в степи он разложил кирпичи.

Царь спросил: «Сколько [просишь] за все эти кирпичи?»
Тот ответил: «Тебе хватит и десятка кирпичей.

Если из всех кирпичей тебе довольно десяти —
что́ ты хочешь? Остальные — запретны[2].

4560 Беды твои — хорош ли ты, плох ли, —
в том, что превышает десять гязов и десять связок.

От земного мира [лишь] эти две вещи пойдут с тобой,
всё, что сверх этого, — показная пышность.

Если тебе досталась от этого дела какая-то прибыль,
считай, что [лишь] дым достался тебе от мира![3]

Оставь зловредную низшую душу, примирись с разумом,
попрощайся с царством — заботься о своем деле.

Ведь царство твое — не больше, чем на миг.
Ты делай дело, ведь и мига этого у тебя нет».

4565 Когда царь услышал слова этих двоих,
сразу же бросился он на землю,

Долго плакал он, пока не пришел в себя.
В конце концов наградил он этих двоих.

Много золота дал этим двум добрым людям,
[потом] вернулся в город
и рассказал эту историю.

* * *

Твоя доля от судьбы — [только] эти две вещи.
Чего же ты хочешь от этого дома,
полного падали?

Пусть ты небесный Бахрам по силе,
в твой последний день ты — Бахрам Гур[4].

4570 И пусть из-за завесы ты сверкаешь, как рубин,
станешь ты Бахрамом Чубином
на погребальных носилках[5].

О Гур-хан, убойся могилы[6],
не уходи под землю низким![7]

Усмирись, пока этот кривоходящий [мир]
не заточил тебя в тебе самом[8].

Рассказ шестой

О мудреце и Зу-л-Карнайне

Один мудрец повстречал на пути
Зу-л-Карнайна.
Сказал Зу-л-Карнайну этот муж Чертога:[1]

«Сколько ты еще будешь кружить по миру?
Ты весь мир наполнил волнением».

4575 Искандар сказал: «Половину стран
я усмирил[2], осталась еще половина.

Теперь я иду дальше, и цель моя в том,
чтобы усмирить эту вторую половину».

Мудрец сказал ему: «Это неправильно,
тебе надо усмириться самому.

Ты ведь знаешь, что тебе воскресать, —
усмирись же! Как ты усмиришь мир?!

Пускай сейчас ты — словно грозный лев,
когда отправишься в могилу, станешь муравьем.

4580 Ибо в мире тебе жить недолго,
а в могиле — сто тысяч лет.

Что́ ты устраиваешь себе жилище в низком мире?
Ведь лучше бы тебе устроить его в могиле.

Построй ты, как Кисра, прекрасный дворец —
он в конце концов всё равно будет разрушен[3].

Не видишь разве, как звезды,
которые ходят по вершине небосвода,

Все скитаются, растерянные, горящие,
из того дома в этот, днем и ночью?

4585 Они видят, что там везде — капканы для них,
поэтому ни минуты покоя нет им
ни в одном доме.

Пусть они и станут высоким шахом,
но в другом доме они получают мат.

Ты тоже, если дом строишь на этом пути,
умрешь в нем внезапно, словно червь в коконе.

Тяжелый груз на тебя нагружен, о безумец:
в конце концов твой дом обрушится на тебя[4].

Не радуй сердце своим жилищем,
не печаль сердце из-за разрушенного,

4590 Ведь что в печали, что в радости —
не останешься [навек],
и то пройдет, как ветер, и это».

Рассказ седьмой

О царе и его кольце

Был в одной стране царь, чистый верой,
всё царство мира подчинялось его кольцу.

Не было во всём мире подобного ему,
ибо весь мир его признавал.

Царство его простиралось от Луны до Рыбы[1],
от востока до запада было его владычество.

Мудрецам, что были при царе,
которые питались при этом доме,

4595 Так он сказал (о диво!) однажды:
«На меня напало смятение и расстройство.

В сердце моем появилось странное желание —
не знаю, по какой причине оно появилось:

Сделайте мне чистое кольцо,
такое, чтобы всякий раз, как очень загрущу,

Я посмотрел на него и стал радостен,
вырвался бы из рук тюрка печали[2].

А если я буду радоваться своему счастью,
когда посмотрю на него — сильно опечалюсь».

4600 Мудрецы попросили у него небольшой отсрочки.
Сидели эти великие мудрецы,

Много раздумывали и размышляли,
много кровавых слез пролили в огорчении.

И вот согласились они на том,
чтобы сделать такое кольцо,

На котором будет написано:
«Скоро пройдет и это».

* * *

Поскольку царство этого мира —
царство преходящее,
тот, кто [истинно] жив,
уходит в царство иного мира.

4605 Если хочешь того царства, пожертвуй этим,
последуй за Ибрахимом Адхамом.

Рассказ восьмой

Об Ибрахиме Адхаме и Хизре

Как-то раз Ибрахим Адхам восседал на престоле,
вокруг него верные слуги [стояли]
со скрещенными руками[1],

На голове — венец,
украшенный драгоценными камнями,
на плечах — одежда, расшитая серебром.

Вдруг во дворец без спросу вошел пророк Хизр,
принявший вид погонщика верблюдов.

У гуламов[2] от страха перехватило дыхание,
все, кто видел его, совершенно растерялись.

4610 Когда Ибрахим внезапно увидел его,
сказал: «Кто тебе позволил войти,
нищий ты попрошайка?!»

Хизр сказал: «Я присмотрел здесь местечко для себя:
это же постоялый двор,
так что я здесь остановлюсь».

Так отвечал ему Ибрахим Адхам:
«Это — дворец великого султана.

Что́ ты зовешь его постоялым двором, невежда!
Не обезумел ли ты, о мудрый муж?»

Отверз уста Хизр и сказал: «О царь!
Чьим был престол этой страны до тебя?»

4615 Так ответил Ибрахим: «Сначала
такой-то был здесь долго царем,

После него, я знаю, — такой-то, потом — такой-то,
а теперь царь этой страны — я».

Хизр сказал ему: «Хотя царь не знает этого,
здесь — постоялый двор, не что иное.

Постоянно один уходит отсюда, другой приходит:
можно ли надолго оставаться в постоялом дворе?

Раз до тебя много царей ушли отсюда,
добрые ли, злые ли — ушли отсюда,

4620 То и к тебе тоже придут за твоей душой
и заберут тебя из этого старого постоялого двора.

Что́ тебе так основательно в нем располагаться?!
Ты — не здешний: что́ тебе здесь быть?!»

Когда Ибрахим услышал это — обмер.
Он переворачивался [внутри себя], словно мяч.

Хизр вышел вон, а он побежал следом:
из силков Хизра можно ли уйти?!

Много он заклинал его: «О благородный,
прими меня теперь, если можешь!

4625 Ты словно семя посеял в моем сердце тайно —
теперь дай ему воды, о жизнь!»[3]

Сказал это и пошел вслед за ним,
и стал он мужем среди [подлинных] мужей мира[4].

Бросил старый постоялый двор мира сего,
власть над миром поменял на бедность.

* * *

Великие мира сего, познавшие тайну нищеты,
купили нищету ценою царства.

Они освободились от образа царства,
а по сути — освободились от нищеты.

4630 Хотя царство мира земного — владычество,
если хорошенько посмотришь — это нищенство!

Рассказ девятый

О Махмуде и дервише

Однажды Махмуд шел со своим войском,
и повстречал он дервиша при дороге.

«Мир тебе!» — сказал ему царь в той степи.
Ответил дервиш: «И тебе», — и пошел дальше[1].

Сказал войску царь с чистой природой:
«Посмотрите на этого нищего с этакой гордыней!»

На это нищий сказал ему: «Если ты разумен,
зачем ты со мной связываешь нищенство,
которое связано с тобой?

4635 Ведь я был больше чем в ста десяти городах
и в каждой мечети тоже видел нищих[2].

Не видел я в целом мире такого нищего, как ты,
нет ни одного места, свободного от твоих насилий.

Ведь на каждой половинке ячменного зернышка
в каждом дому
написано про твое нищенство!

Не видел я ни одного рынка или лавки,
где бы не жаловались на твои притеснения.

Теперь, если твои глаза хорошо видят,
посмотри: кто из нас двоих нищий?»

Рассказ десятый

О Санджаре и Рукн ад-Дине Аккафе

4640 Однажды чистый Санджар пришел
в уединение к Рукн ад-Дину Аккафу.

Тогда шейх отверз уста и сказал:
«Не стыдно ли тебе такого царствования, о царь,

Что старая женщина никогда
не сварит себе луковой похлебки[1]

Без того, чтобы из этой похлебки
ты у нее сколько-то не отобрал».

Царь сказал ему: «О шейх, я не пойму:
как это я из луковой похлебки
у нее что-то отбираю?»

4645 Шейх сказал: «Немощная старушка
с великим трудом[2] спрядет нить,

Когда продаст ее за малость серебра, о царь,
то купит немного луку, жира и дров.

Лук, жир и дрова и прочее —
твои сборщики всё про них знают!

Ты на базаре и из овощей отнимаешь,
и из дров, и из жира — не знаешь разве?

Ты с каждой козы требуешь налог:
лучше нищенство, чем так царствовать!

4650 Царь мира получает свою наличность
из луковой похлебки старухи!»

Сердце Санджара от стыда облилось кровью,
заплакал он кровавыми слезами[3] и ушел.

* * *

На пути Его нищий — словно падишах,
[а] царь мира — нищий в придорожной пыли.

На Его пути нищий, чьи руки пусты, —
словно тот, в чьих руках весь мир.

У царя не меньше пяти тысяч сокровищниц,
а похоже — чистоганом у него и одного динара[4] нет.

4655 На этом Пути серебро и золото не ценятся,
ибо ничто не ценится, кроме высокого устремления.

У такого может не быть ни динара,
но он отрясает руки от [всего] мира.

Рассказ одиннадцатый

О человеке, который собирал сухие ветки, а нашел кошель с золотом

Один чистый пошел собирать сухие кусты,
и, когда он выдергивал их из земли,

Оказался там кошель с золотом.
Опечалившись, стал он бить себя по голове.

Истинному сказал: «Ты омрачил мой день!
хочу ли я от Тебя того, что сожжет меня?

4660 Для чего посылаешь мне от [Своего] чертога то,
что сожжет меня, — не хочу этого!

Я от Тебя прошу справедливости, не жестокости,
нужен хворост мне, а дирхамы — нет!»[1]

* * *

Если у тебя есть устремление,
как у истинных мужей,
ревностно преврати себя в истинного мужа.

Если ты надеешься на царское золото и серебро,
сердце и душа у тебя постоянно в страхе.

Для чего искать золота и серебра,
если в конце придется отдать жизнь?

4665 Откажись от золота и серебра, храни свою душу,
ведь душа гораздо лучше множества серебра!

Махмуд потому обрел такую славу,
что его душа обрела признак нищеты[2].

Ведь если бы он на царствовании
проявлял бы алчность,
никогда бы люди его не вспоминали.

Если султана поминают за нищету,
то и ты можешь стать в нищете знаменитым.

Ибо цари, которые видели тайну нищеты,
обретали защиту от тени старухи[3].

Рассказ двенадцатый

О султане Махмуде и старухе

4670 Однажды как-то раз Махмуд прекраснолицый
оказался где-то в стороне от своих воинов.

На пути встретилась ему старая женщина,
с посохом что «алиф», со спиной что «даль»[1].

На спину взвалила кожаную суму,
потому что шла она пешком к мельнице.

Царь сказал ей: «У тебя нет силы и быстроты,
в суме есть жилы, а в тебе жил нет[2].

Возьми суму и, когда крепко ее завяжешь,
положи на спину моего коня, освободись от нее».

4675 Положила эта старуха свою суму,
и скакун умчался словно ветер.

Когда конь царя опередил эту старую,
отверзла она уста сразу и сказала царю:

«Если сегодня не будешь стоять за меня, о царь,
я не буду стоять за тебя *завтра*[3] в том горении.

Ты погнал коня так горячо,
что мне и пыли твоей не догнать.

Если же *завтра* ты погонишь коня,
ты тоже и пыли за мной не увидишь[4].
Что тогда сделаешь?

4680 Не спеши так сегодня, о царь, —
и *завтра* вместе будем на дороге».

Царь от слов той женщины облился кровью,
повернул поводья и поехал рядом с ней.

* * *

Если ты причастен тайне верности,
как Махмуду, даст тебе поддержку удача.

Вот щедрость, вот союз, вот верность,
вот добродетель, смирение и согласие!

И если ты всегда будешь вдыхать аромат
этого мускусного мешочка[5],
ты перехватишь мяч у девяти чауганов небосвода[6].

4685 А если ты не падешь в раскаянии,
ты никогда не поднимешься до Дня воскрешения.

Ты, о нищий, научись благотворительности,
научись нищенству от такого султана!

БЕСЕДА ШЕСТНАДЦАТАЯ

[Вопрос пятого сына]

Сын сказал: «Никогда потомка Адама
не видел я свободным от жажды царства.

Не вижу я от Луны до Рыбы[1]
никого, кто не хотел бы царской власти.

От [жажды] царства не отказаться —
ради царства тело откажется от души!

4690 Хорошо сказал мудрец,
подобный Муштари:[2]
«Счастлив тот, кто хоть день
будет на царстве!»

Ответ отца

Отец сказал ему: «Царство этого мира
основано на ветре и бренно.

Ты потому выбрал такое царство,
что о будущем царстве не слыхал.

Если бы ты знал о том царстве,
ты уже сейчас был бы царем обоих миров.

Великие, которые видели [истинное] царство
в *том* царстве,
разве купили бы царство земное
хоть за один джау![1]

4695 Они видели то вечное царство,
потому отбрасывали это царство земное.

Рассказ первый

О сыне Харуна ар-Рашида

У Зубайды[1] был от Харуна сын,
он рос взаперти, ничего не зная о мире.

Мать не выпускала его из дворца,
берегла его за завесой, словно свою душу.

Когда вошел в силу его несравненный разум,
взволновалось его сердце, ищущее мудрости.

Он сказал матери: «Этот дворец и есть [весь] мир
или бывают еще какие-то места?

4700 Если кроме этого есть что-то еще,
скажи мне, чтобы я это увидел!»

Сердце матери крепко опечалилось о нем,
она сказала: «О милое мое счастливое [дитя]!

Из этого дворца теперь же тебя отправлю,
отправлю тебя в степи и равнины».

Предоставила ему египетского осла[2],
позвала гулама[3] и десяток слуг.

Они отправились с мальчиком, с ним одним,
чтобы он посмотрел на этот мир.

4705 До того не видел мира сей несравненный,
дивился он обычаям времени.

Волей Провидения увидел он
погребальные носилки:
люди несли их по дороге,

Все они плакали и горько сетовали,
от плача печень их обливалась кровью[4].

Мальчик тут же спросил у прислужника:
«Всем ли людям придется умирать?»

Тот ответил: «Телу, которое обрело душу[5],
нельзя обрести отсрочку от руки смерти.

4710 Для смерти не бывает простых и избранных,
ибо она никому не может дать избавления».

Мальчик сказал: «Раз и мне это предстоит,
как же моей душе не страшиться этого?

Раз даже камень от смерти станет как воск,
нужно пойти и разобраться в этом деле».

Лев смерти[6] поджидал его в засаде,
для того царевичу и было показано всё это.

Когда он вечером вернулся к матери,
наслаждение и радость для него кончились.

4715 Всю ночь он не спал из-за страха смерти,
сломанная ветка дрожала, словно лист.

На рассвете скрылся он из города,
оставил [надежду на] милость [Божию]
из страха перед гневом [Его][7].

Скрывшись, бродил он по пустыне,
во прахе и крови ходил и ходил.

Харун искал его непрестанно,
но ни от кого не слышал вести о нем.

Так рассказал некий муж, чистый сердцем:
«Однажды в моем хозяйстве нужен был работник[8].

4720 Я отправился из дома на базар,
стал искать для себя поденщика.

Увидел я юношу, худого и бледного,
с головы до ног он весь был боль и страдание.

Перед ним были топор и корзина,
был он в смятении, не в себе и не вне себя.

Я спросил: "Ты можешь работать на земле?"
"Могу, — сказал он, — но не прилагая сердца".

Сказал я: "Ты мне подходишь, вставай".
Так сказал тот благородный: "Постой!

4725 Я работаю только по субботам, а в другие дни — нет:
если хочешь меня — принимай так, а нет — так нет".

Поскольку он работал только в субботу,
то его прозвали Сабти[9].

Итак, привел я его к себе в дом,
за двоих работал тот несравненный.

Пошел я на базар на следующей неделе,
долго искал его повсюду.

Мне сказали, что он — безумец,
он всегда в таких-то развалинах.

4730 Я пошел и увидел его в этих развалинах,
увидел его чужим среди людей мира сего.

Был он в горести и слабости,
был он в сетях смерти и униженности.

Я сказал ему: "Раз ты болен и несчастен,
то я буду о тебе заботиться!

Пойдем, приходи сегодня ко мне домой,
ведь я не вижу, чтобы [хоть] кто-нибудь пекся о тебе".

Не принимал он приглашение, но наконец встал,
ради меня выполнил эту просьбу.

4735 Когда пришел ко мне, то он был таким,
что [не знаю,] как можно быть таким немощным!

Целый мир страдания поселился в нем,
признак смерти проявился в нем.

Он сказал мне: "Три желания у меня, о друг,
нужно мне открыться тебе"[10].

Я сказал ему: "О любом, чего ни пожелаешь,
проси, о допущенный к Божественной тайне!"

Сказал мне: "В тот миг, когда моя душа,
поднимется со дна колодца этой тюрьмы,

4740 Обвяжи мне шею веревкой и лицом вниз
брось меня на землю и поволоки на четыре стороны.

Скажи: таково дело людей веры,
это кара тому, *кто грешит перед Всесильным*![11]

Каждый, кто восстает на Всесильного,
будет так же[, как он,] унижен и опрокинут!..

Второе: есть у меня старый чистый гилим;[12]
сделай его саваном и в нем положи меня в землю,

Ибо я в нем много творил дел послушания —
может быть, в земле я получу плод.

4745 Третье: возьми эту Книгу[13] и знай,
что она принадлежала 'Абдаллаху, сыну 'Аббаса[14].

Харун носил ее на груди[15],
она была скрыта от чужих глаз.

Отнеси эту Книгу Харуну в Багдад,
скажи ему: мол, тот, кто дал мне эту книгу,

Передал тебе привет и сказал: 'Берегись,
чтобы не умереть в невежестве, словно падаль!

Ибо я умер в невежестве и мнимости,
не видел жизни, падалью умер'[16].

4750 Скажи моей матери, чтобы в молитвах
не забывала меня, никогда и нигде".

Сказал это, испустил вздох и отдал душу.
Помилуй его, Боже! Кто мог бы так отдать душу!

Сказал я в сердце своем: "Надо мне спросить веревку,
чтобы сейчас же исполнить это завещание".

Привязал его веревкой за шею унизительно,
пренебрежительно потащил его лицом в земле.

И вдруг голос прозвучал в моем сердце:[17]
"О сбившийся с пути из-за полного невежества!

4755 Ты вовсе не стыдишься такого невежества?
Вот так ты обращаешься с Нашими друзьями!

Не привязывай веревку к шее того,
перед кем, словно полумесяц, склонил шею небосвод![18]

Что ты хочешь от этого убитого страданием путника?
Не горюй о нем, ибо Мы помиловали его".

Когда услышал я этот возвышенный глас,
от страха мои руки сразу ослабли.

В сердце сказал я: "О невежда, остановись!
Место ли здесь играм с веревкой?[19] Вставай!"

4760 Пошел, позвал своих друзей,
рассказал историю того бедняка.

Все собрались и с чистым сердцем
обернули его в гилим [и предали] земле.

Когда я исполнил всё для того юноши,
взял я Книгу и отправился в путь.

Стоял я перед дворцом Харуна с раннего утра,
пока Харун не показался на том пути,

Показал ему Книгу. Он принял ее радостно,
спросил меня: "Кто дал тебе эту Книгу?"

4765 Я сказал ему: "Один мой наемник,
юноша худой, бледный и слабый".

Когда я сказал, что он служил за плату — о диво! —
пролили его глаза два потока.

Так много он плакал, что разум покинул его,
а когда немного улеглось его волнение,

Сказал мне: "Где тот благородный кипарис?"[20]
Сказал я ему: "Да пребудет Харун вечно!.."[21]

Когда он услышал это — горько заплакал,
лишился разума этот знающий разумный [муж].

4770 Столько он плакал и жаловался,
что никто такого и не припомнит.

Небес достигали его стоны и вздохи,
смотрели на него отовсюду его воины.

Потом так сказал: "В час, когда он отдал душу,
что́ сказал тебе обо мне, какую весть передал?"

Сказал я ему: "В тот час он сказал:
'Надо так сказать эмиру правоверных:

Не полагайся в гордыне на это царство,
послушай этого бедняка-поденщика[22].

4775 Постарайся принять мой совет,
не умри посреди царства падали.

Ибо, если ты умрешь [как] падаль, о несравненный,
останешься ты навеки подобным падали.

Сколько еще ты будешь привязан к земному миру?
Вступи на путь веры, чтобы стать радостным!

Ибо земной мир — завеса для твоей души,
но религия — свеча для твоей веры[23].

Если ты получишь все владения мира,
они лягут на тебя грузом, когда ты умрешь.

4780 Ты — человек тонкий, взращенный в неге:
откажись от тяжкого груза тварности!

Вот я сказал и ушел, ты не соглашайся
в такое время не принять такой совет!'"

Скорбь Харуна обрела новую силу,
и так и этак терзала его, смятенного[24].

Наконец он отвел в свой дворец
и усадил бедняка перед завесой[25].

Зубайда подошла к завесе,
чтобы он рассказал ей всё это.

4785 Так продолжал он: "Когда я дошел до того,
как я его бросил на землю и потащил,

Раздался из-за завесы вопль,
такой, словно море забурлило".

Зубайда сказала: "О, я жалуюсь на тебя!
Да воздаст тебе Господь по справедливости за меня!

Мой кусочек печени[26] так безжалостно
не побоялся ты бросить лицом вниз!

Ты не узнал сына халифа,
надел ему веревку на шею!

4790 Увы моему юному скитальцу!
Увы свету очей моих и светочу души!

Ты словно ветер устремился в путь,
чтобы нашу душу превратить в пожарище.

Увы тому моему нежному, милому,
что остался в земле, словно сокровище!"

Потом захотела узнать, где его прах,
построила прекрасную новую усыпальницу.

Вестнику дала много золота,
а Харун дал еще больше».

4795 Стал богатым тот человек, принесший весть.
Я рассказал свою историю.
Если у тебя есть другая — расскажи!

* * *

Зачем ты хочешь царства, если оно неизбежно
в конце принесет бедствие твоей душе!

Пускай ты — шах и весь мир — твой дом,
получишь ты в своем доме шах и мат[27].

Для чего ты прочно устраиваешься в теле,
если в будущем тебе из него придется уйти?

Зачем ты привязываешь сердце к тому,
печаль о чем тебя в будущем заставит страдать?

4800 Для чего ты собираешь дорогие вещи,
которыми ни на один джау[28] не сумеешь насладиться?

Если ты враг царства — будь сыном,
а если ты в царстве Харун — будь отцом[29].

Рассказал я о том сыне,
теперь я расскажу тебе немного об отце.

Рассказ второй

О Харуне и Бухлуле

Однажды шел куда-то Харун.
Повстречался ему безумец Бухлул,

Отверз уста: «Эй, добрый Харун!»
Харун сразу разгневался на него,

4805 Сказал воинам: «Что это за нищий бродяга
зовет меня по имени в таком месте?»[1]

Сказали ему: «Это Бухлул, о царь».
Харун тут же подошел к нему,

Сказал ему: «Ты что, меня не чтишь,
раз вот так попусту называешь мое имя?

Не знаешь меня, о безумный человек?
Ведь я прямо сейчас пролью твою кровь
на землю!»

Ответил ему тот муж, знающий смыслы:
«Я хорошо знаю тебя, ты вот кто:

4810 Если на востоке какая-нибудь старуха
споткнется о камень,

И если где-то сломается мост
так, что коза повредит ногу,

То, если [даже] ты на западе, с тебя спросят.
Убойся, о несведущий, ведь с тебя спросят!»

Долго и горестно плакал Харун.
Сказал ему: «Если у тебя есть долги,

Скажи — я их все разом оплачу».
Ответил ему Бухлул добродетельный:

4815 «Ты долг отдаешь в долг,
ведь у тебя своего добра и на джау[2] нет.

Твое имущество — это имущество людей,
всё, что в твоей казне, — не твое.

Пойди, отдай людям их имущество.
Кто сказал тебе: возьми у одного
и отдай другому?»

Харун попросил у Бухлула наставления.
Сказал ему тогда безумец Бухлул:

«Для имеющего разум и знающего
очевидны в тебе приметы людей ада.

4820 Удали со своего лица этот знак.
А не сделаешь, что я говорю, — как знаешь!»

Харун сказал: «Если мне быть в аду,
куда ушли мои мусульманство и религия?»

Ответил [Бухлул]: «Не видишь ли,
что круглый год
ты творишь те же дела, что люда ада?»

[Харун] сказал: «Хоть я и пустомеля,
но всё же я в родстве с Пророком»[3].

Сказал ему: «Когда ты слушал Коран,
слышал ли ты: "*Не будет родства среди них*"?»[4]

4825 Харун снова сказал: «О неимущий!
Я всё же не отсекаю надежды
на заступничество».

Тот сказал ему: «*Без дозволения Аллаха*
не бывает заступничества[5] —
чего ты хочешь от меня?»

Сказал войску Харун: «Скачите отсюда,
ибо он убил нас, а вы и не знаете!»

* * *

Поскольку здесь нет ни царства, ни царя [навечно],
спасение твое — только в том, чтобы уничтожиться.

Если камень сотню тысяч лет
остается, ты не останешься здесь.

4830 Для чего ты хочешь постоянно оставаться там,
где камень останется дольше, чем ты?!

Сердце! Не дорожи опрокинутым жерновом:[6]
чего ты хочешь от этого моря крови?!

О, хорошо кушанье, жирно масло в этом котле,
на котором золотая крышка — смерть.

Нужно ступить на небосвод,
закрыть крышкой этот котел, полный крови.

Раз этот бурлящий котел полон крови,
не суй туда палец — закрой крышку.

4835 Ведь, сколько ни взбаламучивай этот котел,
не найдешь там куска без желчи и жил.

Заря кровава, и постоянно жернов небосвода,
лишенный венца, вращается в той крови[7].

Посмотри на это множество людей толпящихся:
все они рождены, чтобы уйти под землю.

Весь прах земной — черная кровь
людей, неповинных, как Сиавуш.

Если есть у тебя разум — увидь воочию
в каждой из сотен крупиц кровь сотни Сиавушей[8].

Рассказ третий

О Сулаймане и кувшине

4840 Сулайман однажды потребовал такой кувшин,
чтобы пить воду без [примеси] боли и печали[1] —

Чтобы тот кувшин не был сделан
из праха умершего, павшего на [земном] пути.

Долго искали такую землю,
не нашли ее (вот странно!) столькие ищущие.

Пришел один див, сказал: «Эту землю
я принесу, в ней не будет праха умерших».

Бросился он в море вниз головой,
исчез в морской глубине.

4845 Принес сколько-то земли со дна моря,
замесил глину и наконец сделал кувшин.

Когда Сулайман налил в кувшин воду,
кувшин рассказал о себе:

«Я такой-то, сын такого-то.
Пей воду — что́ ты спрашиваешь о знаках![2]

Ведь отсюда до спины Быка, что на Рыбе[3],
сколько угодно найдешь тел человеческих.

Из такой земли, в которой нет ничьего праха,
ты хочешь кувшин, — такого на свете не бывает!

4850 Если у тебя есть кувшин или танур[4],
знай твердо, что они — из праха могильного».

* * *

Блаженна та глина, которую хоть и обожгли,
но всё же сделали из нее кувшин для воды.

Хуже той глине, из которой сделали танур:
ее постоянно сжигают в сильном огне.

Посмотри на кладбище — и увидишь страдание.
Столько женщин, столько мужчин увидишь —

Все они пребывают в крови и прахе,
они уже в пути, они покинули внешнее.

4855 Если твое ви́дение — от твоей души чистой,
посмотри: что́ это за земля — земля кладбища?

Если ты рассмотришь каждую частицу,
то найдешь в ней словно сто миров скорби.

Если кладбище — наша первая стоянка,
то смотри, как трудно будет на последней!

Если хочешь чистоты того мира —
посиди на кладбище, сколько можешь,

Ибо сердце оживает от созерцания мертвых,
твоя наличность отправляется в иной мир.

Рассказ четвертый

О дервише и падишахе

4860 Один царь разгневался на дервиша,
прогнал его прочь, опечаленного сердцем,

Сказал ему: «Не даю тебе отсрочки
ни минуты, уходи из моего царства!»

Ушел дервиш от царя с пустыми руками,
пришел на кладбище и сел там на свободе.

Когда царь услышал [об этом], тут же передал ему:
«Не приказал ли я тебе, о растрепа,

Убраться из моего царства? Бунтуешь?
Ты что, хочешь кровь свою пролить?»

4865 Дервиш сказал ему: «Я это исполнил,
ведь я уже ушел из твоего царства.

При воскрешении, которое будет трудным делом,
разве не кладбище — первая стоянка?

Разве не оно — первая стоянка
[на пути] к Долине Сбора?[1]
Она не в твоем царстве —
она в царстве *того* мира!»

* * *

Когда начнутся у женщины родовые боли,
так говорят люди о ее состоянии:

«Эта женщина — между двумя мирами,
одна нога у нее в этом, другая — в том».

4870 Ты тоже, о несведущий, пока ты в этом мире,
так же остаешься между двумя дыханиями.

Если этот вдох войдет в тебя и не выйдет,
от тебя никакого признака не останется
в этом мире.

Не кричи и не плачь, успокойся:
не вернется птица, улетевшая из силков.

Если тело стало силками для души,
зачем устраивать в этих силках место покоя?

Рассказ пятый

О юноше и красавице жене

Одному юноше дали жену, схожую с луной,
ничей разум не мог бы описать ее.

4875 Красота ее была чудом для израненных сердец,
уста — живительным бальзамом
для жаждущих губ.

Что сказать!.. Эта невеста-луна умерла,
не было у ней болезни — ро́дами умерла.

И вот муж предал ее земле,
в глине укрылось солнце ее лица.

Была у него склянка с розовой водой,
которой он когда-то омывал ноги той луне[1].

Вылил он ту воду на могилу[2], получилась глина,
но смешал ее с кровавыми слезами.

4880 Зачем было ему становиться пленником
той прелестной,
если поневоле пришлось с ней расстаться?!

Зачем он мыл ноги той невесте,
если пришлось ему омыть руки от нее?[3]

* * *

Что́ скажу о тебе и себе, увы!
Увы этому приходу и уходу, увы!

БЕСЕДА СЕМНАДЦАТАЯ

[Вопрос пятого сына]

Сын сказал ему: «Подле любимого
и несовершенного —
ты ведь знаешь — тебе желанно царство.

Великие мужи и славные мудрецы
постоянно у царей ищут пропитание.

4885 Никогда я не видел ни собранного,
ни растрепанного,
кто был бы далек от их дворца».

Ответ отца

Отец сказал: «Дорогой [мой],
сколько ты будешь говорить,
в своей беспечности искать царства преходящего?!

Ведь твое царство — не больше, чем на миг,
не взваливай же на плечи груз [всего] мира!

Если тебе в одиночку и собственный груз[1]
не под силу,
что́ ты рвешься нагрузить на себя
все создания мира?

Если бедняку трудно умирать,
как ты будешь умирать[, покидая] царство?

4890 Если ты предвидишь закат царствования,
удивительно мне: чего же ты ищешь?!

Рассказ первый

Об овцах и мяснике

Так сказал тот эмир страждущих:
«Не то удивительно в овцах,

Что этих бедняжек приводят,
чтобы им безжалостно отрубили головы! —

Ведь у них нет разума, они не знают,
поэтому идут к определенному им[1].

Удивляться надо тому мяснику:
ведь у него есть и знания, и стремление.

4895 Если он знает, что ему тоже внезапно
отрубят голову на этом пути, —

Как это он легкомысленно и уверенно сидит,
не вскакивает, удобно устроился?!»

* * *

У чад, которых мир вынашивает в утробе,
существование основано на небытии.

Посмотри: начиная с Адама, род за родом,
скольких детей мир убил в [своей] утробе!

Сколько владык стали как муравьи!
Сколько львов упало в могилу!

4900 У мира ни частички разума в мозгу нет,
ведь он — лишь Рустам, убивающий Сухраба![2]

Да что я говорю! Болтаю, словно пьяный:
ведь он — старуха, коварство с головы до ног[3].

Откармливает тебя, чтобы съесть,
хочешь не хочешь — подставишь шею под его меч!

Не тяни шею вверх! Небосвод ждет,
он готов ударить тебя по шее[4].

Ты досыта откормишься этими ударами,
а когда разжиреешь — будешь съеден.

Рассказ второй

О соколе и петухе

4905 Сокол рассердился на петуха,
он так сказал петуху:

«Люди дают тебе кров и охраняют,
ни на миг не оставляют без воды и зерен,

Постоянно защищают тебя от врагов,
чтобы никто не наложил на тебя руку.

[А] ты постоянно убегаешь от людей.
Из-за чего ты такой вероломный?

Люди постоянно тебе верны,
а у тебя только и есть, что неверность!

4910 Ни минуты ты не дружишь с людьми —
я не видел другого такого недоброго!

Меня — ей-богу! — если люди сто раз
посылают от себя с сотней поручений,

Я верно отправляюсь в полет
и быстро возвращаюсь к ним.

Нет верности у петухов,
они всегда словно чужие».

Когда петух услышал эти слова,
заговорил и так сказал: «О несведущий сокол![1]

4915 Ты хоть сто раз приди на базар,
не увидишь убитого сокола вниз головой.

Но сотню петухов увидишь
с отрубленной головой,
подвешенных за ноги, с рассеченной грудью.

Если верность человека такова,
я от нее в отчаянии, это точно.

При такой теперешней верности и дружбе
куда лучше посыпать навек голову прахом[2].

Пускай сейчас он меня и откармливает,
но ведь
откармливает он меня ради того, чтобы убить.

4920 Если ты это считаешь верностью —
уж лучше неверность[3],
вражда гораздо лучше такой любви и верности!»[4]

* * *

С давних пор, о вращающееся колесо,
твоя мельница вертится на крови людей[5].

Удивительны твои дела, о колесо неподобное,
в землю ты сбрасываешь взращенного в неге.

Ах, мир! Ты вскармливаешь нас, но цель этого —
не в том ли только, чтобы убить нас?!

Никто не знает о твоей кровожадности,
ведь ты прячешь ее в яме и земле.

4925 Ах, мир! Раз ты живешь [нашей] смертью,
жаждать твоей верности — это гибель!

В начале твоя неверность повергла меня в страдания[6],
в конце твоя верность низвергнет меня в могилу.

Не знаю, этот, у кого ни крыши, ни дверей,
для чего вращается с утра до ночи?[7]

Книга диковин этих семи циркулей
сотню раз погружала меня в кровь[8].

С головы до ног я уничтожался каждый миг,
не нахожу я ни головы, ни ног мира.

4930 Словно мяч, я без головы и без ног из-за того,
что не отличаю головы от ног, ног от головы.

Если здесь душа говорит лишь тайно,
как можно бахвалиться знанием?!

Рассказ третий

О муже, который прозревал дýхи умерших

Был один знаменитый прозорливец,
которому были открыты дýхи [всех умерших].

Стоило ему подойти к могиле,
он видел всё, что происходило в ней.

Один из великих устроил ему маленькое испытание:
привел его к могиле ʻУмара Хайама[1],

4935 Сказал ему: «Что ты видишь в этой земле,
скажи мне, о чистый ясновидец!»

Ответил ему тот почтенный муж:
«Здесь лежит муж несовершенный,

Когда он обратил лицо к тому Порогу,
он претендовал на знание.

Теперь, когда ему стало очевидно его невежество,
он весь покрылся пóтом, пристыженный душой.

Он был пристыжен и смущен,
в своем учении он допустил погрешность».

* * *

4940 Если [тщетно] бьются в ту дверь кольцом семь небес[2],
как можно там хвалиться знанием?

Если ни конца не видно, ни начала,
никто не узнает ни головы, ни ног мира.

Небосвод — мяч. Хоть всю жизнь старайся,
не найдешь у него, словно у мяча, ни головы, ни ног.

Кто знает, по этой страшной долине
каково мне идти из начала в конец?!

Из начала в конец сто раз обошел я мир,
не увидел выхода и в безысходности остался[3].

4945 Из начала в конец этот мир — боль и страдание,
ибо если у тебя есть «время», то оно же и меч[4].

Меня этот круг [неба], подобный ларю
[для отметки] часов[5],
не отпускает от своей игры для послушания [Богу].

Рассказ четвертый

О делах мира сего на взгляд безумца

Некто спросил у смятенного душой:
«Что ты думаешь о делах этого мира?»

Так сказал: «Этот мир, полный горя и страдания,
видится мне подобным шахматной доске[1].

То все стоят на ней, выстроенные рядами,
то сшибаются в битве, словно два храбреца[2].

4950 Одного забирают из его дома,
другого вселяют в этот дом[3],

А то шаха окружают со всех сторон,
с сотнями обид гонят его из дома.

И так продолжается, пока не узнают,
что эту обманчивую доску стряхнули»[4].

* * *

Жизнь игры и забавы[5] далека от Пути,
жизнь мира иного озарит [тебя] светом,

От игрищ и забав века сего[6]
твое сердце освободится навсегда.

4955 *Жизнь игры и забавы* тебя обманула,
ты стал занят деньгами, имением и властью.

Ты — царский сокол: расправь крылья и перья,
взлети над этой ловушкой детских игр!

Рассказ пятый

О делах Божиих на взгляд безумца

Некто спросил горестного безумца:
«О безумец, каково дело Истинного?»

Он так сказал: «Детскую дощечку для письма
если ты видел, то так и смотри на этот мир.

То Он пишет на этой доске что-то новое,
то полностью стирает написанное.

4960 В созерцании этого пребывает Он весь век,
кроме как утверждать и стирать, нет у Него дела»[1].

* * *

Жаль людей, увы этой жизни!
Плачь о надписях на детской дощечке!

Узоры, которыми женщины украшают свои руки[2],
хоть и красивы, когда на них поглядишь,

Но лучше не привязывать к ним сердце,
ведь они дольше нескольких дней не сохранятся.

Узор, который не сохранится долго,
ни для рук не подходит, ни для ног.

4965 Узор, который возникает от нашатыря, —
яд для твоей души, сердце от него стеснится[3].

Хотя удовольствия этого мира бессчетны,
но в вечности они — словно тот узор.

Главой мужей этого мира был Мустафа:[4]
посмотри, где он был на путях [земного] мира!

Когда в царстве нищеты он высоко поднял голову,
набросил на плечи плащ бедности.

Для пиршества голода расстелил сто скатертей,
в царстве нищеты раскинул царский шатер.

4970 Так отряхнул прах на земные царства,
что перенес свое имущество с земли на небеса.

Он обладал такой полнотой царства нищеты,
что и не знаю, кто мог бы [еще] таким обладать.

Рассказ шестой

О приданом Фатимы

Рассказал Усама: «Пророк приказал:
"Позови ко мне Бу Бакра и 'Умара!"[1]

Когда пришли Абу Бакр и ʻУмар,
Пророк позвал туда и Захру[2].

Сказал ей: "Всё приданое, какое у тебя есть,
хочу я, чтобы ты принесла ко мне.

4975 Хоть ты и свет моих очей, о озаряющая сердца,
всё же сегодня я хочу вручить тебя Хайдару"[3].

Вышла, и ручную мельницу[4] та несравненная
принесла в тот же час из дома,

А еще — старую циновку из пальмовых листьев,
зубочистку и вымытые шлепанцы.

Принесла она также и деревянную миску,
подушку из прочной овечьей кожи,

Чадру, правда разорванную в семи местах, —
всё это сложила и стояла, глядя на это.

4980 Пророк, тот господин видов и родов,
повесил себе на шею ту мельницу,

Абу Бакр взял ту циновку,
ʻУмар — подушку, и они ушли.

Потом Фатима, свет очей Пророка,
пошла, накинув старую чадру,

Потом надела на ноги шлепанцы
и взяла в руку зубочистку».

Усама [затем] сказал: «Я тогда эту миску
взял в руку и пошел следом.

4985 Когда я пришел в жилище Хайдара,
от слез я не видел лиц людей.

Пророк сказал: "О добродетельный муж,
почему ты так горько плачешь?"

Я сказал ему: "Из-за бедности Захры
моя душа и печень стали кровью и камнем![5]

У того, кто владыка обоих миров,
вот такое приданое для дочери!

Посмотри, что есть у кайсара и кисры[6] —
и что есть у Пророка из [благ] мира земного!"

4990 Он сказал мне: "О Усама, да и этого всего
слишком много, раз предстоит смерть!

Раз ни ноги, ни руки, ни лицо, ни тело,
ни душа твоя
не сохранятся, скажи, что это тоже
незачем сохранять"».

* * *

Если свадьба любимой дочери Пророка
была такой — чего ты ожидаешь?

Ты слышал, как жил Пророк, —
[а] ты хочешь собрать [добро] со всего мира?

Раз дело этого мира — пить твою кровь,
зачем собирать то, что будет грузом на твоих плечах?

4995 Пусть твое совершенство будет как солнце,
в конце концов твое царство склонится к закату.

Хотя солнце, озаряющее мир,
каждый день садится на трон могущества,

С престола небес оно, с лицом как луна,
каждый вечер опускает корону на землю.

Если бы не было этой завесы цвета индиго,
не знал бы никто ни кривизны, ни синевы[7].

Небосвод искривлен от головы до ног,
ни местечка прямого у него не найдешь.

5000 Поскольку мир перенял у него кривизну,
не найдешь ты и в нем прямоты ни на миг.

Небосвод вертит колесо над кровью людей,
из-за его ведра у людей на шее петля[8].

Земля стоит твердо на Быке[9],
но у неба покоя нет вовсе.

Не знаю, что это за дело такое:
небо бежит, а Бык стоит![10]

Небо потому целится в твою жизнь,
что для тебя у него — ноги Быка[11].

5005 Земля[, стоящая] на Быке, —
твой постоянный враг,
ибо ее Бык постоянно разоряет твое поле[12].

Сколько ты будешь спать среди быков?
Закрепи ему шею ярмом и уходи[13].

Яма, в этой яме — бык, на быке — мяч,
небо — чауган[14]. Кому хоть на миг
выпадет удача в игре?![15]

Смотри на небеса, как на веру Зардушта:
они выжидают, стремясь напиться твоей крови[16].

Но смотри глазами сердца, о растерянный,
набивший утробу по их милости!

5010 На вращающийся небосвод нет никакой дороги:
сколько ты будешь скручиваться в себе, словно нить?!

Ты хоть целую жизнь будешь любить небосвод,
а он не зашьет, пока не распорет[17], словно портной.

Разожжен этим огненным кру́гом танур[18],
на чьем столе ты хорошей лепешки не найдешь.

Как может луна превратить твой камень в рубин[19],
когда она каждый месяц меняет подкову?![20]

Кто знает, этот вращающийся циркуль[21]
какую игру затевает каждый миг?..

5015 О небосвод! Жизни этой горстки немощных
отмеряй, отмеряй и отмеряй!

Ты столько веков отмеряешь —
не кружится ли у тебя голова?

Благого дела не делаешь ты, о опрокидывающий,
ведь в этом деле ты проявляешь львиную силу[22].

На голове у тебя — накрытая чаша с кровью,
ты постоянно убиваешь и всегда молчишь.

Зачем ты постоянно чародействуешь?
Кроме как убивать нет у тебя другого дела?

5020 Старый небосвод, словно шестидневное дитя[23],
с высоты тебя внезапно сбросил вниз.

Плохо твое дело, о шестидесятилетний,
ибо этот шестидневный тебя дурачит[24].

Ты, словно шестидневный ребенок, не знаешь,
что этот шестидневный ребенок сгубит тебя.

Пусть сегодня ты — немощный старик,
но в могиле ты — дитя [для] того мира.

Сколько еще будешь хвалиться силою льва?
Ты совсем заблудился, если ты гордишься.

5025 Ты — как дитя, ни тела у тебя, ни силы нет,
твои пеленки — саван, колыбель — могила.

Твои волосы стали как хлопок[25],
о несравненный,
ведь [растрепать, словно] хлопок,
хочет тебя время.

Мир — словно огонь, о немощный старик[26],
ты — словно хлопок; эти двое вовек не поладят.

Раз с хлопком не поладит жаркий огонь —
не крутись, о старик, вокруг молодых.

Рассказ седьмой

О старике и юной девушке

Один старик женился на юной девушке.
Не поладили они между собою.

5030 Постоянно звал ее к себе этот старик,
но не соединялась она с ним так,
как вино с молоком[1].

Один друг этого древнего старика
сказал ему: «О измученный заботами!

Скажи, как обстоит у тебя с женой?
Ты стар, она молода — это дело гиблое».

Так он сказал: «Я в растерянности из-за нее!
Каждый раз, когда я хочу ее поцеловать,

Она говорит мне: "Не люблю я целовать тебя,
ведь хлопок хорош [только] во рту у мертвеца![2]

5035 Зачем ты со своими поцелуями каждый раз
суешь мне в рот свои волосы, подобные хлопку?"»

* * *

Пойди, вытащи хлопок из ушей[3] —
хлопок хорош для тебя в твоих волосах.

Может, вытащишь хлопок из своих ушей,
когда увидишь, что твои волосы стали как хлопок?

Оттого твоя спина в старости стала как лук,
что твоя голова от грехов стала тяжелой, как стрела.

Проси у Истинного пробуждения
прежде кончины,
ты опьянен невежеством — проси же трезвости.

5040 Расточи всё, что имеешь, подобно мужам, —
что́ ты, как женщины, возишься
с вертящимся колесом?![4]

Если голова у тебя в глине — зачем смываешь?
Скажешь, твоя голова не истлеет в глине?[5]

Сними завесу праха с развалин [тела],
сними крышку с чаши, как подобает мужу!

Да станет этот пустырь многобожия и причин[6]
благоустроенным градом веры! В этом счастье!

Ибо если ты умрешь в многобожии — увы тебе!
Кровью заплачут обо всём тебе, с головы до ног.

5045 Если человек всю жизнь прошел в вере,
как же он в конце умер в неверии?!

Рассказ восьмой

О дервише и Абу Бакре Варраке

Как-то ночью увидел во сне муж,
томящийся [по Истине],
что горестно плачет Бу Бакр Варрак.

Сказал ему: «О Божий человек!
О чем это ты так горько плачешь?»

Так он сказал: «Как я могу не плакать?
Упавши, не быть сбитым с ног, растерянным?

5050 Ведь сегодня с места, где я сижу,
я какое-то время смотрел на кладбище.

Из десяти умерших, которых сегодня привезли,
ни один не принес с собой веры —
вот мое горе!

Того, кто семьдесят лет жил по вере,
каково увидеть осужденным за безверие?

Вот отчего я сегодня плачу и горюю.
Да что говорить! Такова и моя наличность
на сегодня».

* * *

Милый мой! Дело это трудное,
но люди являют беспечность.

Кто узнал страх перед тем, что ждет в конце,
каждый миг узнаёт всё новые горести.

5055 Боясь ступить на путь,
он между верой и неверием
ни неверным не зовет себя, ни мусульманином.

Между неверием и верой застрял он поневоле,
[ожидая:] какой же будет этому делу конец?..

Рассказ девятый

О старце, который хотел быть похороненным между двумя кладбищами

Исполнилось одному шейху шестьдесят семь,
после этого пришел его смертный час.

Некто сказал: «О ступивший в иной мир!
В каком месте сделать тебе могилу, скажи!»

Так он сказал: «Я, такой маловерный,
не хочу лежать рядом с собранием мусульман.

5060 Поскольку у меня нет света мусульман,
что́ я буду делать на кладбище верных?

И с иудеями не хочу соседствовать,
ведь они не любят Пророка.

Между этими двумя кладбищами землю мне
определи, ведь я ни то и ни это.

Я и на путь ислама не вступил,
и путем иудейства не пошел».

* * *

Между теми и этими такому приходится быть
[и ждать], что будет с ним дальше.

5065 Ты еще ни одного шага не сделал по этому пути —
где же ты был всё это время?

Нет у тебя *здесь* никакого дела, дело твое — *там*,
много опасных троп на твоем пути *там*[1].

Столько опасных троп там предстоит твоей душе,
что не будешь и надеяться их пройти.

Той долины, бесконечно трудной[2],
боюсь я, так боюсь ее!

В той долине страха смертного
как не изойти кровью душе!

5070 Что за океан в моей душе!
Ни конца в нем не увидишь, ни начала!

Тысячи душ и сердец стали кровью на этом пути,
но ни о ком из них ни одна душа не ведает.

Кто знает, сердце, подобно факелу,
какие мечтания[3] заставляет кипеть в каждом уме?!

С каждым мигом наше страдание всё сильнее
из-за [незнания] пути, который нам предстоит.

Твой путь освещает факел веры —
что ты будешь делать, если он вдруг погаснет?!

Рассказ десятый

О Суфйане Саури

5075 Когда Суфйан Саури еще был молод,
его спина была согнута, словно лук.

Некто сказал ему: «О имам иного мира!
Отчего твоя спина согнулась надвое в молодости?

Твоей спине еще не время сгибаться,
не подобает видеть такую спину согнутой вдвое!

Что с тобой стряслось, скажи нам,
намекни, поведай, расскажи!»

Он так ответил: «Был у меня наставник,
который постоянно шел по Пути и указывал [путь].

5080 Когда приблизилось время его смерти,
увидел я его в горестном состоянии.

Он весь был охвачен тревогой,
бурлила его кровь, словно море.

Его сердце и душа были в огне ревности,
на каждой реснице были сотни жемчужин слез.

Душа содрогалась, трепетала в теле, словно листок,
сердце его было в безнадежности на пороге смерти.

Я спросил его: "О шейх, что с тобой?"
Он отверз уста: "Вера в упадке!

5085 Пятьдесят лет я шел в крови,
теперь я в крови из-за меча смерти:[1]

Пришел глас: 'Ты отвержен Нами!
Уйди от этой двери, ты Нам не годишься'".

Услышав это от него, я рухнул на землю[2], —
вот так и сломалась моя спина.

Коли таковы были его слова в такой миг,
стала моя спина такой — иначе и быть не могло!

Если такой была участь учителя,
как же ученику надеяться на [свою] веру?!

5090 Когда таким я увидел конец моего учителя,
я отчаялся в своем ученичестве».

* * *

Светильник, оставленный на ветру, —
не знаю, как он будет в безопасности!

Если ветер угасит светильник,
считай, что его и не было никогда.

Если светильник твоего духа внезапно погас,
не найдешь пути ни к нему, ни к аромату его[3].

Светильник угасший — сколько ни ищи,
не обретешь от него света, сколько ни высматривай.

5095 Не оплакивай угасший светильник,
не наполняй сердце печалью!

Хорошо псу — он умрет беспечально
и освободится,
но какой же бедняга сын Адама!

Не было бы никому печали о смерти,
если бы после не наступало «потом».

Ищи знаний об этой долине молчащих,
а когда узнаешь — извлеки назидание.

Стань живым благодаря знанию,
не умирай, о живой сердцем!

5100 Иудей, который понял, что́ ему делать,
был допущен к столу Мухаммада.

Если и ты будешь делать дело,
ты не окажешься меньше иудея!

Рассказ одиннадцатый

О том, как иудей стал мусульманином

Был в Сирии один ветхий старец,
который, когда читал Тору,

Если встречалось ему имя Пророка,
стирал его или вырезал[1].

Когда в другой раз он открывал Книгу,
видел там написанным имя Пророка.

5105 Снова начинал он стирать его имя,
на следующий день
снова находил его написанным.

Осерчал он однажды и сказал в сердце своем:
«Не могу я замазать солнце глиной[2].

А ну как истинен этот новый пророк?!» —
и отправился он в Йасриб[3] к Пророку.

Словно море, взволновалось его сердце
стремлением к нему,
но эту жемчужину словно бы скрывала гора!

Сел он на верблюда
и отправился прямым путем в Медину.

5110 Прибыл он туда в полуденный час,
не знал он там ничего.

Когда подошел к мечети Пророка[4],
туда как раз входил Анас[5].

Он сказал Анасу: «О чистый!
Отведи меня к Пророку».

Анас со слезами отвел его в мечеть,
он увидел там людей, сидящих в растерянности.

В михрабе сидел, склонив голову, Сиддик[6],
вокруг него сидели люди,
достигшие истинности[7].

5115 Тот ветхий старец подумал,
что Сиддик и есть сам Пророк,

Сказал ему: «О избранный посланник Чертога!
Приветствует тебя этот заблудший старик!»[8]

Когда все услышали имя Пророка,
затрепетали как раненая птица.

Из глаз пролили потоки кровавых слез.
Ах! Целый потоп они пролили.

Поднялся вопль среди них,
в каждом сердце словно вспыхнула
сотня свечей.

5120 У пришельца ноги приросли к земле
из-за такого их горестного плача.

Сказал им: «Я пришелец,
я иудей и не знаю шариата.

Не сказал ли я что недолжное,
что-то, о чем надо было молчать?

А если нет, то почему вы так плачете?
Ведь я ничего не знаю об этой вере и обычае».

'Умар[9] сказал ему: «Мы плачем не потому,
мы ни малейшей вины в тебе не видим.

5125 Но вот уже седьмой день, о утружденный,
как ушел из этого мира Пророк.

Когда мы услышали из твоих уст его имя,
у всех нас душа стала кровью, как у тебя.

Мы то в огне из-за тоски [по нему],
то нас бросает в холод из-за разлуки с ним.

Увы тому солнцу, озаряющему мир,
ведь без него мы сегодня стали лишь пылинками!

Увы той жемчужине великого моря,
ведь без него мы меньше, чем капля!»

5130 Когда эта тайна стала для старца явной,
он от скорби разорвал на себе одежду.

Такие потоки слез он пролил из глаз,
какие туча не проливает весной.

От стонов и плача в тот день
скорбь снова стала терзать его душу.

Словом, когда горение утихло,
разум вошел [в сердце], и сердце утихло[10],

Иудей сказал: «Сделайте для меня одно дело:
принесите мне что-нибудь из одежды Пророка.

5135 Ибо раз не смог я увидеть его лица,
то смогу — о Боже! — ощутить его аромат».

'Умар сказал: «Можно попросить одежду,
но надо спросить разрешения у Захры»[11].

'Али[12] сказал: «Кто решится к ней пойти?
Ведь дверь к ней закрыта!

Всю неделю голова ее склонена,
ведь она больше всех горюет.

Ни с кем в своем горе она не разговаривает,
ни на минуту не оставляет горьких жалоб».

5140 Наконец все друзья в горе и печали
направились к райской госпоже[13].

Кто-то постучал в дверь,
и [из-за нее] послышался голос:
«Наш день ушел и настала ночь.

Кто стучится в дверь такой сироты, как я,
укрывшейся изорванным гилимом?[14]

Кто стучится в дверь такой пленницы, как я,
сидящей на ветхой циновке?

Кто стучится в дверь такой, как я, скорбной,
на которую смерть напала из засады?»

5145 И вот они всё ей рассказали.
Она отвечала: «Истинно сказал Пророк!

Предавая душу Господу,
он прошептал мне так:

"Придет сюда издалека любящий нас,
но не увидит моего лица этот благой.

Дай ему этот плащ — это всё, что ему нужно,
и по-доброму приветствуй его от меня"».

Когда дали ему надеть тот плащ,
лишь донесся до него аромат [Пророка],
он взволновался.

5150 Этот запах познакомил его с праведностью,
он стал мусульманином и попросился
к праху Мустафы[15].

Отвели его оттуда к той могиле[16],
сердце его взволновалось, и он упал.

От аромата того волнующего праха
он упал, и вознеслась его чистая душа.

В горести отдал душу тот печальный старец,
опустив лицо на могилу Пророка...

* * *

Если ты любишь, выбери тот же путь,
подобно свече, умри от томления по любимому.

БЕСЕДА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

[Вопрос пятого сына]

Сын сказал: «Раз это кольцо так драгоценно,
скажи, умоляю: в чем его тайна?

5156 Ведь если я сегодня не получу того кольца,
покину я, ей-богу, этот прекрасный мир!»

Ответ отца

Отец снял печать с рубиновой шкатулки,
стал рассыпать перлы, поведал эту историю[1].

Рассказ первый

О Балукйе и ʻАффане

Ради печати, правящей царством Сулаймана[1],
отправился Балукйа и с ним ʻАффан.

Посреди семи морей была пещера,
найти туда путь было трудным делом...

5160 Явилась пери, принявши вид змеи,
отверзла уста и сказала ʻАффану:

«Сок листьев дерева[, растущего] там-то,
если соберешь и натрешь им ноги,

То сможешь ходить по поверхности моря,
как быстрый человек ходит по степи».

Они оба вместе пришли туда,
натерли ноги этим соком,

[И] так помчались эти двое по воде,
словно стрела, пущенная сильной рукой[2].

5165 Когда наконец посреди семи морей
достигли эти смятенные желания сердца,

Показалась величественная пещера,
в трепете перед которой склонила голову гора.

Хотя эти двое друзей были друзьями,
не были они Друзьями Пещеры[3].

Перед пещерой стояло ложе,
на нем спал юноша счастливый.

На его пальце было кольцо,
которое стоило больше, чем Муштари[4].

5170 Перед тем ложем спал огромный дракон,
свернулся кольцом — ни ног не видно,
ни головы.

Когда увидел он их, проснулся,
его пасть, словно свеча, извергла огонь.

Так испугался его ʻАффан,
что ощутил он невыносимую боль.

Сказал он своему другу: «Не иди дальше,
поберегись, пожалей свою жизнь, подумай!

Не отдавай жизнь за кольцо Сулаймана.
Когда умрешь — на что тебе его царство,
мусульманин?!»[5]

5175 Тот не послушался его и пошел,
приблизился к ложу владыки мира.

Когда он попытался взять кольцо,
дракон стал черным, словно уголь.

Вскочил от страха ʻАффан и тут же
погрузился в размышление[6] и узнал эту тайну:

Пришел к нему глас из чертога веры:
«Если нужно тебе царство Сулаймана,

Будь доволен тем, что есть, ибо это —
царство вечное,
оно осеняет даже само солнце.

5180 Сулайман такое царство, которое у него было,
силою довольства[7] имел в подчинении».

Рассказ второй

О Сулаймане и его ковре

Как-то раз отправился Сулайман
с войском в путь,
но он сам летел на своем ковре.

Вдруг пришла ему мысль о царской власти:
«Кто сейчас в мире такой царь, как я?»

Сразу отогнулся угол того великого ковра.
Сулайман тут же крикнул ветру:

«Что это ты сделал с ковром?
Кого ты хочешь сбросить на землю?»

5185 «Я, — сказал тот, — о Сулайман, не виноват!
Ты храни свое сердце от тех мыслей![1]

Такой пришел мне от Порога [Божия] приказ:
"Если Сулайман будет хранить сердце,

Тогда и ты храни его ковер,
а не будет — не выполняй его приказов".

В тот миг, когда ты тешился царской властью,
один угол твоего ковра опустился».

* * *

Ты должен всегда быть довольным тем,
что имеешь,
чтобы тебе не потерять свое царство.

5190 Ибо сердцевина царства и царство могущества —
не что иное, как довольство тем, что имеешь,

Но сердцевина [этого] довольства — нищета.
Ты — царь, если гордость твоя — в нищете[2].

Если хочешь ты и земного царства —
не гордись и хоть на время стань удовлетворенным.

Довольство — вот что было печатью его кольца,
эта печать и делала его владыкой мира.

Такое царство потому ему принадлежало,
что он был удовлетворен плетением корзин[3].

5195 Солнце потому такой высокий султан,
что из всего горизонта ему довольно одного круга.

Луна потому так почитаема в царстве,
что для нее довольно одного круга в месяц[4].

Если ты лишился ног[5], зачем ты собрался в путь?
Если есть Царь, зачем ты хочешь царства?

Если ты без Царя владеешь земным царством,
от этого несчастья тебя каждый миг гнетет
страх за жизнь.

Рассказ третий

О халифе Мамуне и гуламе

У халифа Мамуна был гулам,
который не был лишен ни одной из приятностей.

5200 Красотою он был словно солнце,
все люди стремились к соединению с ним.

Завиток его локона был амбровым арканом,
весь Индустан держал он в изгибе своего аркана.

Да, если бы его локон не был в завитках[1],
он не рассыпал бы аромат мускуса
из мускусного мешочка[2].

Что сказать мне о его бровях, подобных лукам, —
у каждой был во́рон-локон, похититель сердец![3]

Из-за любви к отверстию его рубинов,
в котором виднелись перлы,
тысячи ран отверзались во всех сердцах вокруг.

5205 В отверстие этих рубинов
«зачем» и «как» не вмещается:[4]
оно так тесно, что [и] вздох наружу не вырвется.

С давних пор хотел Мамун
испытать этого гулама[5],

Узнать про этого периликого,
каков он в любви к царю:

Его сердце любит Мамуна или нет,
нарушает он обет верности или нет?

Будучи любим, верен ли он любви,
вправду ли достоин любви?

5210 И вот некие люди в горе и скорби
пришли однажды в Багдад из Басры:[6]

Мол, пусть эмир правоверных
окажет справедливость,
защитит нас от эмира Басры.

Он так угнетает нас и мы столько терпим,
что про такое мы и не слышали, и не видели.

Если ты не защитишь нас от него,
не отступимся мы от тебя с нашими жалобами!

Мамун тайно сказал тем людям:
«Попросите об этом моего гулама.

5215 Может быть, он примет сан эмира,
и тогда он вам поможет».

Те люди сразу попросили царя:
«Если этот твой гулам станет нашим царем,

Все мы будем рады его милости,
избавимся от насилия того эмира».

Тут Мамун взглянул на своего гулама:
верен ли он своей любви?

Сказал Мамун сребростанному[7] гуламу:
«Что ты думаешь теперь об этом сане?

5220 Если направишь ты коня в этот край,
я дам тебе грамоту на сан пахлавана»[8].

Гулам стоял молча,
сердце его бурлило от томления по Басре.

Понял тогда Мамун, что та луна
вовсе не любит своего царя.

Сердце Мамуна отвратилось от гулама,
он оставил заботу о том красавце.

Он раскаялся в своей любви
и был растерян из-за ее исхода.

5225 Сказал он в сердце своем:
«Эта любовь была ошибкой:
мог ли я знать, что возлюбленный
был негодящим?!»

Собственной рукой в уединенном месте
он тут же написал письмо правителю:

«Когда прибудет мой гулам,
принесет письмо с моим именем,

Пусть весь город, улицы и базары,
сразу украсят по всей Басре,

Потом принесут розовой воды, а в ней — яд,
подадут ему — и заберут с пути[9].

5230 И пусть глашатай возглашает
на всех улицах и базарах:

"Каждый, кто царство предпочитает царю,
Заслуживает в сто тысяч раз худшего"».

* * *

Раз Истинный создал тебя ради Себя,
избрал тебя для близости с Собой,

Не позволит Он тебе, о несведущий,
хоть один миг быть с чем-то другим.

А если позволит, это будет для тебя трудно,
потому что Он подложил тайно чашу в твой груз![10]

5235 Почему так трудно тебе идти,
тогда как говорит Господин мира:

«Если ты придешь ко Мне,
Я бегом брошусь тебе навстречу»?

Господь призывает тебя, а ты спишь!
Что ты ждешь в растерянности?

О человек у Порога [Божия],
ты же не хуже верблюда,
который по звуку колокольчика
отправляется в путь!

Рассказ четвертый

Об Асма'и и негре

Так рассказал Асма'и, старец несравненный:
«Как-то ночью я отправился в Аравию.

5240 На другой день один благородный муж
пригласил меня в гости,
у него я увидел негра, который был
весь страдание.

С головы до ног он был закован в цепи,
горестно стонал, словно нижняя струна[1].

Сердце стеснено, как муравьиный глаз,
вся негритянская радость покинула сердце негра[2].

Спросил я у того истерзанного негра:
"Из-за чего у тебя скованы ноги?"

Он сказал мне: "Я совершил грех,
из-за него на мне цепи и оковы.

5245 [Но] мой хозяин дает гостю
такие права, что и сказать невозможно.

Если ты сейчас попросишь его за меня,
он из гостеприимства меня простит"».

Когда принесли скатерть и хозяин уселся,
Асма'и не протянул руки́ к хлебу.

Спросил у него тот избранный муж:
«Почему ты не берешь угощение?»

Сказал ему Асма'и: «Из-за негра
сердце мое стеснилось и не принимает хлеба.

5250 Ведь не могу я вкушать кровь души![3]
Если простишь его — буду вкушать хлеб».

Хозяин дома так сказал Асма'и:
«Пусть у этого негра душа горит огнем!

Мое сердце от гнева на него
словно расколото надвое[4].
Что сказать! Вина его очень велика».

«В чем его вина? — спросил Асма'и. —
О господин, скажи!»
Так он сказал: «Этот зловредный негр

В пути четыре сотни славных верблюдов,
тяжело нагруженных, в полуденный зной

5255 Гнал бегом по дороге,
напевая им песню погонщика[5].

Так что эти верблюды без сна и еды
пробежали десять стоянок в такую жару.

Горестная песня и сладкий голос негра
заставляли верблюдов мчаться по дороге.

Он всё пел и пел не умолкая,
и верблюды пьянели от восторга.

Когда они, измученные, пробежали путь,
все четыреста верблюдов там умерли.

5260 Верблюдам, тяжко нагруженным, безжалостно
пел он песню, пока все не умерли от жажды.

Четыреста верблюдов убиты песней!
Не могу выразить свое горе!»

* * *

Ты меньше животного в страдании этого Пути —
как же я сочту тебя мужем этого Пути?![6]

О благородный! Если у верблюда есть
песнь проводника,
то у тебя от присутствия Истины — сотни мелодий.

Верблюд умирает, заслышав зов,
под грузом любви отдает душу.

5265 Одно за другим приходят тебе
послания Истинного —
неужто твоя ступень ниже, чем у животного?

Господь сотворил тебя для Себя,
купил у тебя и душу твою, и достояние[7].

Ты заинтересован только собой,
в самомнении ты превзошел шайтана.

Истинный дал тебе сто сокровищ бытия,
а ты с шайтаном — в плену служения себе.

Господь призвал тебя к Себе навечно,
ты [же] пошел вослед шайтану.

5270 Господь все твои дела видит до [малейшей] пылинки[8],
ты [же], словно пылинка, задираешь голову к небу.

Ты растратил зря свою жизнь в [этом] мире,
[ведь] ты ни минуты не знал ее [истинной] ценности.

Но терпи, и однажды
завеса вдруг упадет с твоих глаз.

Когда тебе станет очевидно твое растление,
твоя душа загорится огнем стыда.

Рассказ пятый

О Джабраиле и Йусуфе

Когда Йусуфа бросили в колодец[1],
явился Джабраил с [дерева] Сидра:[2]

5275 Мол, будь радостен сердцем[, не печалься]
от боли разлуки,
потому что ты будешь избавлен из колодца.

Избавит тебя от горя Всевышний Бог,
даст тебе полноту [власти] в Египте.

Возложит тебе на голову венец величия,
[всех] египтян пришлет к тебе [на поклон].

Весь мир приведет в подчинение тебе,
множество людей сделает твоими гостями.

Приведет десять твоих братьев
к тебе в унижении ради хлеба.

5280 Итак, скажи мне в этом колодце:
когда твои глаза увидят их,

Отправишь ты их в тюрьму, соорудишь ли виселицу
или распорядишься их убить?

Или же прикажешь бить их плетьми и палками,
покуда из каждого кровь не потечет ручьем?..

Так ответил Йусуф Джабраилу:
«Когда придут, я сразу позову их к себе.

Не помяну ни продажу, ни колодец,
а лицо закрою покрывалом.

5285 Если склонятся передо мной в поклоне,
что́ я скажу им, кроме: "*Знаете ли вы,*
что́ вы сделали?

Не сожалеете ли вы теперь
о страдании, которое причинили Йусуфу?"[3]

Этого внезапного удара[4] будет для них довольно,
этой тяжкой муки будет для них довольно.

Если даже их сердца каменные,
от этого стыда они расколются».

* * *

Твое сердце мертво, если ты далек
от этого страдания,
ведь, несомненно, всякий
живой чувствует страдание[5].

5290 Ты [еще] сырой, и этот рассказ тебе не понравится,
ведь огонь воспламеняет только готовое[6].

Будь в горении, словно воск, днем и ночью —
и тогда огонь сделает твое сияние явным[7].

Раз ты в других не видел никакого проку,
зачем ты занимаешься другими?

Раз твое дело касается лишь тебя,
отправься в путь внутрь себя без ног и без рук[8].

Если хоть один миг пройдешь в себе самом,
знай: ты сотней сердец обойдешь весь мир.

5295 Для тебя на один миг увидеть в себе грех
лучше, чем увидеть сотню светов из Тайны тайн.

Рассказ шестой

О старце Халу Сарахси

Был в Сарахсе старец по имени Халу,
он проводил много времени с Хизром[1].

И жил в тех краях горячий юноша,
он был молод, и душа его была молода.

Сердце его было погружено в свет Истины,
не было у него иного дела, чем предстояние
[перед Господом].

Хизр пришел к этому старцу-дервишу
и взял с собой этого юношу.

5300 Юноша сел, и старец ласково
спросил его: «О юноша, каково твое делание?»

Юноша сказал ему: «Кто это здесь юноша?
Ведь сейчас вот уже десять лет,

Как я из-за размышлений о Друге ни минуты
ни о скорлупе своей знать не знаю, ни о ядре»[2].

Когда услышал эти слова мудрый старец,
сказал ему: «О сильный благородный юноша!

Для меня размышлять о Нем невозможно:
я ведь знаю, что вот уже шестьдесят лет

5305 Я всегда настолько погружен в грехи,
что ни на минуту они меня не оставляют.

Если я в себе вижу сплошной грех и порок,
как я, [весь] в нечистотах, увижу Сокрытое?

Хорошо ли это для меня, плохо ли,
ни на миг из-за стыда не решусь встретить Его.

Если отхожее место очищу от падали,
можно будет, чтобы Друг явился.

Но с такими делами, что у меня в груди,
не осуществится для меня это счастье.

5310 Если тебе нужна чистота — стань чистым,
а нет — пей кровь[3], вернись в прах!

Как же ты желаешь вот так главенствовать,
словно Солнце, которое светит на нечистоты!

Сперва стань чистым, потом смотри,
не проходи путь в невежестве, видь ямы!

Тот, кто в нечистотах ищет мускус,
подобен тому, кто в море ищет сухую землю».

Эти слова так отозвались в сердце юноши,
что от стыда, ты сказал бы, душа покинула его тело.

5315 Он задрожал, застонал и упал.
Таким он стал, что и не сказать, каким стал!

Хизр сказал ему: «О старец, озаряющий сердца!
Не пронзай его этим мечом, сжигающим печень[4],

Ведь это — дело великих мужей мира,
не дело изнеженных юношей.

Пьяного, несомненно, надо пощадить:
лук надо давать по силе руки».

* * *

Ты в этот миг пьян любовью, тешащей сердце,
то ты в опьянении, то в восторге.

5320 Тебе, о хмельной, нужно вино особое,
которое тебя полностью освободит от тебя [самого].

То, что удаляет тебя от тебя [самого], —
вот вино твое, [а] не сок винограда!

Если ты отличаешь небытие от опьянения,
значит, допущен ты за завесу Тайн:

Тот, над кем властно [истинное] опьянение,
знает, что он уничтожился, а не пьян.

[А] если ты не отличил небытие от опьянения —
ты [просто] пьян: не похваляйся же небытием.

Рассказ седьмой

О Йахйе Му'азе и Байазиде

5325 От Йахйа ибн ал-Му'аза,
того светильника ислама,
пришло письмо к старцу бистамскому:

«Что скажет шейх веры о том,
кто пьет напиток чистый и святой,

Так что вот уж тридцать лет ночью и днем
его голова страдает от похмелья?»

Пришел от Байазида ответ:
«Здесь есть у одного мужа такой напиток,

Что море, землю, Престол и Подножие[1]
он выпивает в один миг. Что ты еще спросишь о нем?!

5330 Он всё еще взывает: "*Нет ли добавки*?"[2]
Если его не знаешь, [знай:] это — Байазид!»

* * *

Что́ ты, не выпив вина, отбился от рук?
Пришел трезвый, а ушел пьяный?

Ты показываешь, что руки твои пусты,
раз оказываешься опьяневшим из пустой чаши!

Тысяча морей в наличии у этого мира,
до краев наполненных для избранной души.

Если ты здесь пьянеешь от одной капли,
как сможешь ты выпить море?

5335 Если ты пьян любовью, озаряющей сердце,
умри и сгори по единому слову.

А если нет — ты пьян собой, как пьяные!
Могут ли пьяные пойти в путь?![3]

Иди по велению, если есть у тебя ступень,
ведь, если пьян, и шага не посмеешь ступить.

Ибо у влюбленного, кто не слушает веления,
если и есть боль[4], лекарства не будет.

Рассказ восьмой

О шейхе ʻАли Рудбари

Так рассказывали соотечественники
со слов шейха Бу ʻАли Рудбари:

5340 «Пришел я однажды в баню,
увидел там ясноликого прекрасного юношу.

Лицом он был как луна на небесах,
станом — словно кипарис в саду[1].

Я видел, как его локоны ниспадали до ног,
я видел, как целый мир оживляло его лицо.

Стоило просиять солнцу его лица,
небо замирало, становясь его рабом.

В его локонах были сто тысяч завитков,
для которых сто душ похитить —
это еще было ничто.

5345 Взгляд, падая на его лицо, прочитывал
в двух его глазах
боль и беду [с достоверностью],
будто из *двух «здравых»*[2].

А сердце говорило: из-за тех двух больных глаз
как тебе выздороветь от этой боли и страдания?![3]

Ведь если на этих больных упадет твой взгляд,
два твоих *здоровых*[4] станут двумя *больными*!

Его пушок был указом духа сердцу и душе —
да, у него была такая грамота[5], так оно и было!

В его пушке́ была зелень Ирамского сада[6],
а губы его были румяными.

5350 Зубы были словно косточки жемчужин[7],
которым марварид был нижайшим [рабом-]индусом.

Скрестив ноги[8], этот сребротелый[9]
сидел горделиво в банном доме[10].

Некий суфий стоял, готовый к служению,
не отрывая взгляда от лица того юноши.

То поливал ему голову водой,
то подавал прохладное питье,

То растирал ему руки и спину,
то растирал ему ноги пемзой[11].

5355 Когда очистился от грязи этот сребротелый,
вышел он, подобный солнцу, из бани.

Тот суфий подбежал и помог ему выйти,
принес полотенце, чтобы вытереть его.

Потом он расстелил перед ним коврик,
расстелил его у ног того красавца.

Потом надел на него одежду,
положил благовония и алóй в курильницу[12].

Принес розовой воды, окропил его,
осы́пал его кудри ароматными травами.

5360 Быстро обмахивал его лицо опахалом,
словно ветром овевал ту розу.

Хотя его служение каждый миг умножалось,
в глазах того юноши он был низок.

Отверз уста суфий и сказал: "О луна!
Чего ты хочешь от этого потерянного суфия?[13]

Чтó сделать, чтобы ты был доволен мной?
Скажи, сколько ты будешь на меня гневаться?

Ты в своем кокетстве и не глянешь на меня —
чем этому слабому бедняку угодить тебе?"

5365 Когда мальчик услышал от суфия его тайну,
сказал ему с кокетством: "Умри —
и освободишься"[14].

Когда услышал суфий эти слова от той луны,
испустил он вздох и сразу умер.

Так быстро он умер в совершенстве своей любви,
словно, скажешь ты, его и на свете
не было никогда».

* * *

Если ты, о бедняк, не можешь вот так уйти,
как же ты будешь покоиться в земле?

Если ты вот так умрешь — освободишься,
иначе до Воскрешения будут у тебя
связаны ноги.

5370 В конце концов Бу 'Али обернул его в саван
и ушел оттуда, занялся своим делом.

И вот однажды мчался Бу 'Али радостно
один по пустыне, подобно [быстрому] огню,

И увидел юношу в рубище,
с кровоточащей печенью[15],
с лицом словно шафран[16],
совершенно изменившегося.

Он подошел к шейху и сказал: «Я — тот юноша,
который своими притязаниями убил такого-то.

Убил я такого могучего мужа
и вот скитаюсь из-за этого злонравия.

5375 Теперь обет дал Истинному тот юноша
каждый год совершать хадж[17] ради него.

Ради него иду я в хадж пешком
и лежу у его могилы остальное время.

Горе! Я чтил лишь богатство и силу[18],
не видел его совершенства, был слеп.

Теперь каждый миг горюю о том страдании,
днем и ночью горюю о том муже».

* * *

Если у тебя есть [хоть] пылинка того страдания,
во время любовной игры[19] стань таким же.

5380 Да что я говорю! Какой из тебя муж брани!
Ведь ты в любви и ни мужчина, и ни женщина!

В этом собрании не можешь ты
полностью умереть,
со сгоревшим сердцем, подобно свече, умереть.

Надо тебе уйти вверх от себя самого:
не ладит любовь с благополучием!

Рассказ девятый

О султане Махмуде и мошеннике

Как-то раз шел Махмуд величественно
по дороге,
а на пути повстречался ему один мошенник.

Царь сказал ему: «Эй, плут и разбойник,
не вижу я, как ты это проделываешь![1]

5385 Сидишь ты в пыли на дороге —
не научишь ли царя своей игре?»

Отвечал ему фокусник: «О владыка мира!
Уйди, посиди [где-нибудь] —
чего ты хочешь здесь?

Не поладит, как мотылек со свечой,
эта игра с барабаном и знаменами.

Останься один и тогда займись этим,
а иначе оставайся со своими мыслями».

* * *

На этой стоянке, где никто не найдет
ни сердца, ни души,
можно обрести совершенство [только]
от чистой игры[2].

Рассказ десятый

О шейхе Абу Саʻиде и игроке

5390 Шел как-то шейх Михны[1] по степи,
увидел на дороге толпу, спешащую куда-то.

Они шли вместе, все вровень,
на них были длинные кожаные штаны[2].

Они радостно несли кого-то на плечах,
вокруг было много риндов[3].

И вот спросил тот шейх эпохи:
«Кто этот человек?» Ему сказали:
«О несравненный!

Это эмир всех игроков,
он в своем ремесле — человек дела».

5395 Спросил его шейх, озаряющий мир:
«Чем ты сегодня заслужил свое эмирство?»

Ответил ему этот нечистый ринд:
«Я заслужил его чистой игрой»[4].

Испустил вопль шейх и сказал [себе]:
«Видишь —
у него есть признак чистой игры!

Он эмир и славен в мире,
ибо нечистая игра[5] — бедствие».

* * *

Все львы, что были мужами Пути,
в мире любви были лисами[6].

5400 Иди разумно, хорошо смотри, будь знающим:
бедствия сыплются здесь дождем — будь начеку!

Если ты готов сложить голову,
отдать тело, чтобы пожертвовать душой,

То будет тебе дана эта чистая игра,
а если нет — [ждет тебя] изъян и нечистота.

Если ты действуешь как игроки чистой игры,
не бери с собой, как [взял] ʻИса, [даже] иглу[7] —

Ведь если не будет у тебя ничего, кроме иглы,
то игла и станет тебе завесой,
ни больше ни меньше.

Рассказ одиннадцатый

О Маджнуне и Лайли

5405 Однажды Маджнуну посчастливилось
получить дозволение сидеть подле Лайли.

Лайли попросила у Маджнуна:
«О влюбленный, принеси всё, что имеешь».

Отверз уста Маджнун и сказал: «О луна!
Ни воды не осталось из-за любви к тебе, ни колодца.

Не осталось у меня в печени влаги,
ночью моим глазам нет сна.

Ведь любовь к тебе разграбила чистоган разума,
теперь есть [только] душа. Один знак от тебя —

5410 Если захочешь душу, отдам тебе ее:
знай твердо, что несомненно отдам тебе ее».

Отверзла уста прекрасная Лайли:
«Как куплю у тебя это? Принеси что-нибудь!»

Маджнун дал Лайли одну иглу:
мол, из двух миров одна она у меня есть сейчас.

У меня во всех иклимах бытия[1]
лишь эта наличность, иное — бедность.

И ее-то я для того взял с собой,
что в пустыне я часто падал,

5415 Часто в моих поисках любимой
впивался мне в ногу, словно в розу, шип.

Этой иглой повсюду, в каждой долине,
я вытаскивал шипы из своих ног».

Так сказала тогда Лайли Маджнуну:
«Это я и хотела узнать о тебе!

Если бы ты искренне любил меня,
зачем нужна была бы тебе эта игла?

Если в поисках такой, как я, красавицы
в ногу тебе вонзается шип,

5420 Негоже тебе вытаскивать его иглой,
а если вытаскиваешь — право же,
это неверность!»

Шип, который совершенен настолько,
что постоянно расчищает путь к свиданию[2], —

Жаль вытаскивать его иголкой,
ведь жаль влюбленного, не вкушающего кровь!

Раз в твою ногу шип вонзился ради нас,
считай его розой, приколотой к твоему платью[3].

Ты что, в этом деле меньше, чем розовый куст,
который весь год в надежде на розу
терпит шипы?!

5425 Шип, вонзившийся в твою ногу из-за Лайли,
лучше, чем букет из сотни роз из-за другой.

ШЕСТОЙ СЫН

БЕСЕДА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

[О желании шестого сына]

Пришел шестой сын с сердцем,
полным Тайн,
алмаз его языка расточал перлы.

Он сказал отцу: мое постоянное желание —
чтобы была алхимия моим занятием.

Если найду путь к науке алхимии,
весь свет будет просить у меня эликсир.

Если это счастье обрету — обрету веру,
ведь если оно даст мне руку, то и ее обрету[1].

5430 Я сам наполню мир безопасностью,
я сам бедняков сделаю богачами».

Ответ отца

Отец сказал: «Тебя одолела алчность,
потому твое сердце стало искать алхимии.

Что́ ты хочешь от этого дольнего мира,
обители коварства и пристанища вражды?

Ведь мир — это старуха в семи покрывалах,
и каждое из семи разукрашено
для охоты на тебя.

Не вижу я, чтобы из алчности
произошел покой.
Уймись, о попавший в силки, словно птица,

5435 Ибо зёрна для птицы алчности — прах,
только прахом насытится она навсегда».

Рассказ первый

Об алчном животном

Рассказал ‘Ата, муж хорасанский[1],
про животное, огромное, как сотня гор.

За горой, что зовется Каф[2],
там его место обитания.

Имя того многомощного — Халу‘,
потому что он постоянно жаден до еды[3].

Перед ним — семь лугов густой травы,
позади него невдалеке — семь морей.

5440 Приходит он рано поутру,
съедает травы семи лугов.

Вмиг опустошает семь лугов,
выпивает разом семь морей.

Вот наконец наедается он до отвала, —
и всю ночь не спит от страха и заботы:

Мол, что я здесь завтра буду есть?
Я всё съел — как мне быть завтра?..

На другой день для него Миродержец
снова наполняет луга и моря.

* * *

5445 Алчность Адамова потомка огромна,
за то и зовет его Халу' Всевышний Бог[4].

Как гордо взлетает искорка[5] огня
и возвращается вниз, к дровам!

Если у тебя хоть искорка алчности
есть сегодня,
она вернется к тебе [*завтра*],
чтобы сжечь тебя.

Лучше было бы тебе научиться,
как пролить воду на огонь.

А иначе ты, не разумный и не пьяный[6],
останешься навсегда служителем огня.

5450 И если хоть зернышко запретного[7]
у тебя есть,
то в каждом зернышке для тебя —
вечная кара.

Рассказ второй

Об ʻИсе

Рух-Аллах[1], тот светоч, озаряющий сердца,
проходил однажды через кладбище.

Из могилы до его слуха донесся стон,
сердце его от того горя взволновалось.

Помолился он тут же, чтобы Бог (*возвышен Он*!)
в один миг в видéнии явил бы того живым.

И вот некий старец, согнутый, словно лук,
приветствовал его и на какое-то время появился.

5455 Масих[2] спросил: «О старец! Кто ты,
когда умер ты и когда ты жил?»

Тот сказал: «О море [Божественных] тайн!
Я — горестный Хаййан, сын Маʻбана.

Вот уже тысяча восемьсот лет, о чистый,
как я умер и лежу в земле.

От этих мучений я ни разу не отдохнул,
не видел ни одного мига передышки».

Масих сказал: «О [ты], чей сон так тревожен!
За что тебе такое наказание?»

5460 Сказал ему: «Это мое мучительное наказание —
оно из-за одного данга[3] из имущества сироты».

Масих сказал ему: «Ты что, умер неверным,
если за один данг терпишь такие муки?»[4]

Так сказал: «Я умер в исламе
и столько лет терплю такие муки».

Вознес тогда за него молитву чистый 'Иса,
чтобы спокойно уснул он под землей.

* * *

Мусульмане! Если мусульманство таково,
то не знаю, что же за веру такую я вижу!

5465 Если у тебя лишь зернышко запретного[5] и недозволенного,
то тысячу восемьсот лет за него придется терпеть мучения,

А если всё твое богатство от начала и до конца скверно —
что́ я скажу? Ведь кара будет постоянной!

Дорогой мой! Раз нет у тебя, на кого положиться —
печалься о себе, ведь нет у тебя печальника.

Нет у тебя шеи — не задирай голову,
сбрось со своей шеи расчет с истцом[6].

Раз у тебя нет в помощниках чистого 'Исы,
много мучений ждет тебя в могиле из-за истца.

5470 Никакого дела для себя ты не умеешь делать,
кроме как умалять свою жизнь и умножать золото.

Ты не знаешь, что, пока ты заботишься о серебре,
ты в беспечности продаешь золотую жизнь!

Не собирай золото, словно юркая ртуть,
не то станешь ты, словно ртуть, невидимым[7].

Золота потому так много под землей,
что так много людей ради него погибли.

Камень держит золото в недрах горы —
скупец держит его крепче, чем камень.

5475 Ударь разок киркой — и камень отдаст тебе серебро,
сто раз ударь — не даст низкий скупец и данга.

Отдавай в своей человечности всегда
сотни сокровищ,
но и зернышка не теряй из доблести[8].

Тот, кто раздает хлеб, — он лучше [всех],
раздающий хлеб лучше раздающего приказы.

А погибнуть растоптанным ногами слонов
лучше, чем есть хлеб из рук скупердяев.

Рассказ третий

Об Ануширване

Сказал Ануширван Справедливый[1],
что, если ты умрешь под острым мечом убийцы,

5480 Лучше будет тебе [вкусить] этот удар меча,
чем насытиться хлебом низкого[2].

* * *

Не тягайся с людьми этого мира,
потому что всё это — падаль и горстка червей.

Люди этого мира и [обладатели] главенства
подобны червям посреди отбросов.

Ни золото, ни серебро, ни признание,
ни имущество
не пригодятся в последний миг.

Если будет у тебя тогда искренность —
она и пригодится, а не будет ее — увы душе твоей!

5485 Каждая вещь, которая в земном мире совершенна,
знай наверное, в мире ином
обернется для тебя бедой.

Рассказ четвертый

Хадис о порицании земного мира

Такое вынес определение
Обладатель Божественного закона[1],
что каждый, кто хоть слово скажет
о земном мире,

На пятисотлетний путь, который ему отмерят,
отдалится от рая... Что же это такое?!

А кто два слова скажет, что́ будет тому?!
Чем больше [говорит],
тем бо́льшим будет то [удаление].

Кто жизнь провел в земном мире,
тот был могуч, если умер в вере.

5490 Если ты погубил себя на путях низкого мира,
ты не обретешь себя в мире будущем.

Что́ дает земной мир, кроме раскаяния?!
Не знаешь разве, что́ бывает из-за незнания?

Рассказ пятый

Притча в порицание земного мира

Так сказал [муж], чья природа[1] чиста:
друг земного мира — ничтожнее пса.

Ибо этот вероломный мир — падаль[2],
вокруг падали теснятся псы,

Когда один пес наестся, оставляет ее,
и тогда другой пес за нее принимается.

5495 Никаких запасов он не откладывает,
не думает о завтрашнем дне нисколько.

А вот всякий, кто ищет мира сего,
он постоянно в стремлении, словно мяч.

Словно мяч, он непрестанно катится
по привычке,
чтобы хоть на миг увеличить
[получаемое] от мира.

Не знает, будет ли жив завтра,
а в душе его — заботы на сто лет.

Но собака от этого куска дохлятины
не ищет большего, чем ей сейчас нужно.

5500 Собаке больше чести, чем тому,
кто день и ночь горит в огне алчности.

Рассказ шестой

О словах ʻАббасы Туси

Так сказал ʻАббаса Туси:
«В низком мире [всё]
по сути — словно падаль в банной топке[1].

Когда львы насытятся этой падалью,
приходят леопарды и набрасываются на нее.

Когда леопарды наедятся и утихнут,
набегают своры собак и волков.

Когда останется совсем немного,
слетается отовсюду вороньё.

5505 Эти во́роны тоже сколько-то съедят,
оставят немного навоза и крови.

Сползутся жуки, навоз и кровь
растащат они во все стороны.

Когда останутся кости без мяса,
разогреет их жаркое солнце,

Вытопится из них немножко жира, —
тогда соберутся отовсюду муравьи.

А когда муравьи съедят тот жир,
остаются на дороге сухие кости...

5510 Так сказал он: львы — это цари,
а после них — леопарды-эмиры[2].

Собаки и волки —
их оголтелые чиновники,
вороны — их подчиненные.

Жуки — сборщики налогов за работой,
а вот все эти муравьи — базарный люд».

* * *

Дорогой мой! Не знаю, как тебя назвать,
подумай: к которым ты принадлежишь?

Весь мир — словно мертвечина, о друг,
а еще мертвее — тот,
кто стремится к нему.

5515 Тот, кто стремится к мертвечине,
в сто раз хуже мертвечины.

Рассказ седьмой

О словах Джа'фара Садика

Передали достигшие приближения [к Богу][1],
такое предание о словах Джа'фара Садика:

«Этот мир, подобный падали, — пустырь,
но во сто крат пустыннее его то сердце,

Которое выбирает благоустроение земного мира,
чтобы сидеть на троне этого земного мира.

Но благоустроенное место — это будущий мир,
а более него благоустроенно то светлое сердце,

5520 Которое хочет благоустроения
лишь в будущем мире,
довольствуется малым, [а] низкий мир
отдает на разграбление».

Рассказ восьмой

О словах Йахйи Му'аза

Однажды Йахйа ал-Му'аз, тот поверенный
Божественных тайн,
пришел в какую-то процветающую деревню.

Кто-то ему сказал, что эта деревня очень хорошая.
Воскликнул Йахйа, словно испустил пламя:

«Еще лучше сердце того мужа зрелого,
кого не заботят вовсе хорошие деревни».

Рассказ девятый

О порицании земного мира

Некто спросил у знатока фетвы:[1]
«Что лучше, чем земное имущество?»

5525 Так он ответил: «То имущество, которого нет,
потому что, если есть, оно лишь убыток.

Ведь если имущество берет начало в мире,
то это имущество закрывает тебе путь к Богу.

Но сто́ит ли чего-нибудь мирское имущество,
которое тебя хоть на миг отдаляет от Истины?![2]

Раз имущество отдаляет тебя от Истины,
то лучше, чтобы его и вообще не было!»

Если стала тебе любовь к миру
дорожным разбойником[3],
куда уж стать тебе в вере сокрушителем идолов!

5530 Вся твоя жизнь — ночь, о спящий на пути,
не знающий ни о дне, ни о бодрствовании,

Ведь утро дня быстро покажет,
с кем ты вел любовную игру.

Если ты в любви не уединен [с Другом][4],
то ты — сотрапезник огнедышащего дракона.

Рассказ десятый

О царском сыне и невесте

Был один царевич, сияющий как солнце,
который был светом очей своего отца.

И вот отец для того царевича
нашел невесту, подлинно прекрасную.

5535 Была она образцом красоты для всего мира,
главою дивных творений
Предвечного Художника.

Царь разукрасил дворец
ради той луны — нет, не дворец, а рай!

Дворец снизу доверху — гурия на гурии,
от множества солнц и множества лун —
свет на свете.

Столько было светильников,
благоухающих амброй,
что можно было различить той ночью
каждый волосок.

В ладе стихов и пении ру́да каждый миг
воедино сливались напевы моря и реки[1].

5540 Красота *семи цветов*[2] соединенных
постыдила *семь небес*, [*что*] *одно над другим*[3].

Такая невеста, такой радостный пир!
Такое собрание, все хороши и пленительны!

Рай, полный гурий, сидел там, дожидаясь,
когда жених придет на это празднество.

Но от радости тот царевич
сидел с друзьями за вином.

От множества вина, выпитого
на радостях в эту ночь,
в сердце своем он забыл и о собственном
существовании.

5545 Голова склонилась... он вскочил —
образ невесты возник в его голове.

В разгар веселья он хмельной сел на коня
и погнал скакуна через городские ворота.

Не разбирал он перед собой дороги,
не было у его стремени товарища.

Вот показалась издалека высокая обитель,
ее светильники освещали всю окрестность.

Решил тот пьяный, разлученный [с друзьями],
что там, вдалеке, — замок его невесты,

5550 Но это была дахма[4], построенная гебрами,
в которой лежало множество мертвецов.

В той дахме горело несколько светильников,
они озаряли сердца огнепоклонников.

Перед дахмой стояло ложе,
на ложе покоилась злосчастная:

То была женщина, одетая в саван.
Когда царевич увидел женщину,

Подумалось ему спьяну,
что это и есть его невеста.

5555 В опьянении он головы от ног не отличал,
путь на крышу от пути к двери не отличал.

Откинул саван с лица той новоумершей,
с предмета своей похоти снял покрывало.

Силой вожделения проник за завесу,
язык вложил в рот умершей,

Провел с ней всю ночь до рассвета,
радостно прижимался губами
к ее губам до рассвета.

А сто луноликих всю ночь ждали,
когда же царь[5] войдет в дверь.

5560 Но не явился высокий царевич,
и об этом сообщили отцу.

Отец встал и со свитою всадников
в тревоге отправился в путь.

Все столпы государства примчались,
издалека увидели они царевичева коня.

Когда отец увидел сыновьего коня,
кинулся туда, побежал спешившись.

Увидел сына на ложе с покойницей,
нежно держащего ее в объятиях.

5565 Когда царь и свита увидели его таким,
его (царя) душу до глубины охватил огонь.

Когда сын немного пришел в себя,
царь с воинами подошли к нему.

Он тут же открыл глаза,
[очнувшись] от пьяного сна,
увидел то место уединения
и того высокого шаха.

Он крепко держал умершую в объятиях,
над ним стояли царь и войско.

Понял он всё, что с ним приключилось,
и готов был тут же немедля умереть.

5570 Поистине с ним случилось нежеланное,
всё его тело задрожало от стыда.

От всего чистого сердца он желал,
чтобы земля разверзлась и покрыла его.

Но поскольку что было, то было,
что́ толку было в смущении и стыде!

* * *

У меня тоже есть терпение,
о муж опьяненный,
ждать, пока придет к твоему изголовью свет.

В тот час узнаешь ты и увидишь,
с кем ты занимался любовью.

5575 Будь в вере, словно Ибрахим,
сокрушителем идолов,
будь дорожным разбойником
для идолов Азара![6]

Ибо, когда Ибрахим к этому устремился,
Господин мира его испытал.

Если же тебя станут испытывать,
сделают тебя опрокинутым[7] в этом мире.

Рассказ одиннадцатый

О пророке Ибрахиме

Видел я написанное в «Рассказах»[1],
что вот каким был пророк Ибрахим:

У него было сорок тысяч гуламов[2],
у каждого гулама — собака служащая,

5580 На каждой — золотой ошейник, однако
его овец невозможно было сосчитать.

Ангелы [в изумлении] раскрывали глаза на его дела,
от его дел начинали недоумевать:

«Он занимается столькими овцами,
[а] Господь говорит, что он чист и высок,

Что он [полностью] погружен
в Преславного Господа,
что и зубочистки он не сохранит, ибо он —
друг [Божий]»[3].

Джабраилу верному[4] Истинный сказал: «Встань,
скажи ему о Нас[5] громким голосом,

5585 [Узнай,] каким ты видишь его на Нашем пути,
каков он перед Нашим порогом!»

Дух Святой принял зримую форму человека,
мелодичным голосом пропел: «Пресвятой!»[6]

Когда Друг Божий услышал этот голос —
пал наземь, ты сказал бы, тот возносивший голову:

Подарил ему (Джабраилу) треть своих овец,
сказал ему: «О бальзам для страдающих!

Произнеси еще раз имя моего Друга[7],
ибо это имя постоянно меня утешает».

5590 Снова повторил [Джабраил]: «Пресвятой!» —
и снова он упал в томлении на землю.

Тот венец великих подарил ему (Джабраилу)
вторую треть овец, что были у него.

Снова он сказал: «Имя Истинного еще раз
произнеси, ибо нет ничего лучше этого!»

Тот снова громко произнес: «Пресвятой!»
[Ибрахим] снова пал наземь.

Подарил ему всё свое стадо,
ни единой овечки себе не оставил.

5595 Подошел Джабраил и сказал: «О чистый!
Я — Дух Святой в земном теле[8].

Мне эти овцы не подобают,
для тебя они все, о полностью очищенный!

Ведь верный Джабраил ни у каких врат
не стоял в надежде на кусок жареного мяса».

Халил ответил: «Знаешь ли ты о том,
что ничто отданное я не беру обратно?»

Сказал ему Джабраил: «Из меня пастуха
не выйдет, я ухожу. Делай как знаешь».

5600 Халил ответил: «Я тоже всё это подчистую
отдал, отдал я всех баранов».

Пришел глас от Истинного к ангелам:
«Эй, как же Ибрахим — собственник?!

Ведь стоило Джабраилу возгласить Наше имя,
Нашему имени он всё пожертвовал!

Удостоверились вы, что он — лишь Нам раб,
Нами он живет, не имуществом живет».

Ангелы возразили: «О Господин!
Может быть, сердце его живет сыном?»

5605 Тогда Истинный ему во сне
дал веление убить его сына.

Когда тот взял сына для убиения,
земля закружилась, словно небосвод,

Донеслись от ангелов крики и вопли:
«Он свободен от имущества и от детей!

Однако сейчас он живет самим собой,
эта жизнь больше всего остального!»

Определение пришло от Знающего тайное
ввергнуть его для испытания в огонь.

5610 Наконец, когда он был охвачен огнем,
явился Джабраил с зенита Тайн:[9]

«Эй, проси всего, в чем имеешь нужду!»
«В тебе, — отвечал, — не имею,
ведь ты — не Друг!

Если я у иного[, чем Он,] буду просить
о своих нуждах,
то стану я чужим в этом Дворце.

Я от себя самого удалился, поверь слову!
Господь всё знает, сделает, что пожелает».

Когда ангелы увидели его высоту[10],
от святости его возопили:

5615 «Боже, он чист телом и чист душой,
во всём, в чем [Ты] испытал его, — и более того.

Так горяча, мы видели, его любовь к Тебе,
что огонь холоден [по сравнению] с его любовью.

Его сердце ад обратило в рай.
О дружба, которая ему дана![11]

Если Ты его зовешь Своим другом — он этого достоин,
и если его прославляешь — он и большего достоин!»

* * *

Если ты не следуешь вере Халила,
не будет у тебя другого пути, кроме [пути] Азара[12].

5620 Пусть у тебя нет ни серебра и ни золота,
но у тебя [всё равно свойства] Намруда и Азара.

Удивляешься, что Намруд таким стал,
что поднялся на небо ради войны с Истинным?[13]

Если твое дело будет криво,
твое сердце в тот день станет Намрудом пути.

Ты в своем гневе и похоти окажешься там,
где они, словно коршуны, поднимут тебя на воздух.

Так возбурлят твои гордыня и злоба,
что до неба поднимется короб твоей груди[14].

5625 У тебя тоже есть коршуны и короб,
есть в мире признак твоего подобия Намруду.

Поскольку каждый миг прилетают сто стрел отрицания
от тебя, словно от Намруда, в этот вращающийся циркуль[15],

До сих пор нрав Намруда всегда с тобой —
Ты так же готов воевать с Господом.

Ты сам для себя Намруд,
в добре и зле, пользе и ущербе своем.

Ты пребываешь в цепях страсти к умножению,
всё твое тело погружено в кровь.

5630 Когда жизнь придет к концу — что́ ты сделаешь?!
Ведь ты всю жизнь провел, умножая [богатство].

Вся твоя жизнь была ущербом, о друг,
ради выгоды в одну крупицу[16] золота.

Если устремление мужчины[17] — опилок золота,
то он — меньше, чем женщина в нечистоте[18].

Пророк назвал богатого мертвецом[19],
каждый, у кого есть серебро — мертв.

Зачем собака твоей алчности кружит по миру? —
Ведь ей довольно одной лишь косточки!

5635 Тебя эта неверная низшая душа опьянила,
бросила тебя под ноги небрежения[20].

Если ты не дашь ей занятия,
ты будешь удален от своих занятий.

Рассказ двенадцатый

О Халладже и отроке

Сказал отроку Халладж: «О добродетельный!
Постоянно занимай чем-то свою животную душу,

Иначе она удалит тебя [от твоего подлинного дела],
займет тебя сотней недолжных дел».

* * *

Ведь не настолько твое существо сильно[1] на пути,
чтобы ты смог один говорить
в Назначенный Срок[2].

5640 Пока твоя животная душа порождает
пустые желания,
совершенство твое состоит в том,
чтобы ее придерживать.

Если эта собака хоть раз насытится,
она — вот удивительно! — станет львом.

Если утроба ее хоть на миг насытится,
то язык ее станет голодать по злословию.

Язык свой отточит, словно острый меч,
злословием будет убивать людей мира сего.

Сколько ты ее ни увещевай,
ни на миг ее не угомонишь.

5645 Когда кто-то раскрывает рот для злословия,
каждый миг из [мира] тайны ему приносится ущерб.

Рассказ тринадцатый

В порицание злословия

Так написано в Торе[1], что тот,
кто злословит, а после

Раскается в этом, тот будет последним из людей,
которых Друг допустит в райскую ограду.

А если он не раскается, то первым,
кто войдет в ад, будет он, и всё тут.

Если меч его языка, подобный языку [пламени],
станет прямым, словно копье из Хатта[2],

5650 Это станет признаком прямоты сердца,
ибо такова первая стоянка[3] сердца.

На этой стоянке великим [мужам] мира
нет для души напитка лучше молчания.

Рассказ четырнадцатый

О молчании

Был один великий муж, он говорил и слушал,
много [бывало] странствовал он по миру.

Некто сказал ему: «О мудрый товарищ,
расскажи: видел ли кого, о ком стоит рассказать?»

Так он сказал: «Прошел я семь иклимов[1],
увидел я в мире лишь одного с половиной.

5655 Одним был тот, кто был молчалив
и не говорил ни о ком ни хорошего, ни дурного.

А половиной был тот, кто по своему величию
никогда не говорил о людях ничего,
кроме хорошего».

* * *

У тебя, пока тебя сопровождает доброе и злое,
ни сердце не будет зрячим, ни душа сведущей.

А когда не останется ни того, ни другого,
душа твоя будет погружена в тайну святости.

БЕСЕДА ДВАДЦАТАЯ

[Вопрос шестого сына]

Сын сказал: «Чрезмерная бедность
часто приводит к отступлению от веры.

5660 Раз золотом устраиваются
и религия, и [земной] мир,
то можно просить у Истинного
и алхимии, и золота».

Ответ отца

Отец сказал: «Когда золото набросило свою тень,
оно лишило тебя самой твоей основы и достояния[1].

Вера и мир не устраиваются оба вместе,
у Истинного, знай, просить их вместе нельзя».

Рассказ первый

О шейхе и христианине

Был один шейх благой сердцем, из людей Тайн[1].
Вышел он как-то вечером на базар —

Подобрать на дороге немного зелени,
чтобы съесть вечером или поутру.

5665 И вот с христианином, что сидел на гнедом коне[2]
в седле, украшенном драгоценными камнями,

Столкнулся [шейх] на базаре лицом к лицу;
спереди и сзади у того шло множество рабов.

Когда шейх увидел всё это, его сердце вспыхнуло,
устыдился он поистине своей бедности

и воззвал к Господу: «О Боже,
вот чего Ты хочешь для меня, а для него не хочешь!

Я — из друзей [Твоих], а он — из врагов,
[а] Ты хочешь, чтобы я вот каким был, а он —
вот каким!

5670 Христианин у Тебя в неге, золоте и почете,
мусульманин — в бедности и немощи.

За любовь награда от Тебя — мучения,
а противнику — и богатство, и забота.

От Тебя ни хлеба, ни одежды званому,
а изгнанному — и конь, и тюрбан!»

Лишь сказал это старец, обливаясь кровью [сердца],
как услышал он в своей груди глас вестника:[3]

«О правоверный, если хочешь, всё это
обменяй — поменяйся с христианином!

5675 Отдай всё, что у тебя есть в твоей скудости,
возьми всё, что у него есть, — и избавишься!

Обменяй мусульманство на христианство,
отдай нищету, возьми богатство и действуй.

Если Мы дали ему дирхамы и динары[4],
то тебе, о муж, Мы дали веру и ви́дение.

Отвратись от веры и возьми динары,
сбрось хирку и надень зуннар!»[5]

Когда эта тайна вошла в сердце того чистого,
он лишился чувств и упал на землю.

5680 Когда же пришел в себя тот исшедший из себя,
[чье] бытие осталось позади, разум ушел вперед,

Вскричал он и сказал: «О мой Бог!
Не поменяю это, никогда не поменяю!

Не хочу этого обмена, я раскаиваюсь,
никогда больше так не буду думать!»

* * *

Друг сотней способов украсил тебя —
не отбрасывай от себя эту красоту!

Ты живешь своим мнением, ты опьянен им,
поднимись из себя, будь Божиим — и ты спасен.

5685 Если в тебе хоть малейший признак
Его присутствия,
обретешь ты всё, что есть в обоих мирах.

Рассказ второй

Слова о познании Истинного

Сказал один из великих старцев Пути:
«Я узнал Истинного, и с той поры

Для меня нет ни безопасности, ни опасности,
ни дружбы нет ни с кем, ни вражды ни к кому».

* * *

Вот я сказал тебе тайну, какую подобает
[сказать],
теперь и ты делай то дело, которое следует
[делать].

Рассказ третий

О Зубайде и суфии

Зубайда сидела в паланкине,
направляясь в хадж при благоприятных
знамениях.

5690 От ветра раздвинулась завеса в паланкине,
один суфий увидел ее и упал ничком наземь.

Такой крик и плач он поднял на весь мир,
что никто не мог заставить его замолчать.

Зубайда услышала того суфия
и тайно сказала одному из служителей:

«Избавь меня поскорее от его воплей,
даже если придется потратить много золота».

Слуга дал ему кошель золота,
[суфий] не брал, [но,] когда тот
вдесятеро дал, сдался.

5695 Когда взял все десять кошелей,
перестал кричать и жаловаться горько.

Когда Зубайда узнала его тайну,
что тот суфий отвратился от тайны любви,

Велела слуге связать ему руки
и палкой сокрушить всё его тело.

Закричал он: «Что́ же такое я сделал,
что терплю эти бесконечные побои?!»

Зубайда сказала: «Эх ты, влюбленный в себя,
что́ ты теперь, о лжец, будешь делать!

5700 Ты притязал на любовь к такой, как я,
а увидел золото — вся любовь прошла.

Я узнала, что с головы до ног ты весь —
притязание,
и твое притязание лишено внутренней сути.

Меня ты должен был искать, а когда не стал,
я с несомненностью увидела, что ты в деле слаб.

Если бы ты искал меня,
всё мое добро и достояние,
золото и серебро были бы твоими полностью.

Но раз ты меня продал,
то и я принялась за достойное твоего рвения.

5705 Меня надо было искать, о несведущий,
чтобы всё сразу стало твоим!»

* * *

Привяжи сердце к Истинному, чтобы освободиться,
если привяжешь сердце к сотворенному —
будешь изранен.

Все двери для себя наглухо затвори,
стремись к Его двери, лишь к ней привяжи сердце,

Чтобы из темного тумана разделенности
просиял свет утра [предвечного] *знакомства*[1].

Если ты распознаешь этот свет,
ты распознаешь путь к *знакомству*.

5710 Великие, которые возносили голову до луны,
были ведо́мы в пути светом *знакомства*.

Рассказ четвертый

Об Ардашире

Слышал я, что у могучего Ардашира была жена,
которая была этому царю врагом[1].

И вот однажды эта жена из ненависти
отравила еду, которую несла ему.

Но когда по пути ее взгляд упал на царя,
блюдо выпало из ее рук на пороге.

Она задрожала, краска сбежала с лица,
и муж заподозрил свою жену.

5715 Царь дал эту еду какой-то птице,
[и] та птица умерла. Он пришел в изумление,

Тут же вручил жену мобеду:[2]
«Скорее вырви у нее сердце из тела!

Пролей ее кровь и зарой ее в землю,
освободи мое сердце от этой неверной собаки!»

Жена была тяжела от мудрого царя,
[а] у этого царя не было сына.

Подумал мобед: «Если этот шахиншах
внезапно попадет в силки смерти,

5720 [То,] поскольку у него нет сына,
на его дворец обрушится потоп смут.

Лучше будет, если я эту женщину тайно
сохраню, [и посмотрим,] что будет дальше».

Но опасался он, что невозможное дело
кому-нибудь всё же может вообразиться.

Для [защиты от] клеветы зложелателя
он так устроил,
чтобы клевета стала невозможной:

Когда царь приказал ему убить [жену],
тот мобед пошел и оскопил себя.

5725 Положил отрезанное в ларец,
потом пошел к царю, попросил его печать

[И] запечатал ларец царской печатью.
Царь спросил его: «Что, мобед, у тебя в руке?»

Ответил ему мобед: «О миродержец!
Когда придет время, станет тебе это явно.

Ларец печатью победительного царя
запечатал я датой сегодняшнего дня».

Когда сказал это тот несравненный муж,
отослал ларец в [царское] хранилище.

5730 Прошло несколько месяцев, и та царская жена
родила прекрасного мальчика, подобного луне.

Ты сказал бы — его лицо было солнцем,
которое сияет в ночи, то есть в окружении волос.

Он весь был вежество, сияние и благо,
весь нега, изящество и добронравие.

Когда мобед увидел издалека лицо младенца,
дал ему счастливое имя Шапур[3].

С сотней нег за завесой тайны
воспитывал его день и ночь с нежностью.

5735 Когда достиг мальчик должного возраста,
дал ему [мобед] подобающих наставников.

Озарил его сердце знанием, словно огнем,
быстро обучил его религии Зардушта[4].

Когда закончил наставления и назидания,
обучил его «мячу и чаугану»[5] и стрелам.

В [искусстве] меча и копья он стал
величайшим мастером в мире,
что я ни скажу про него —
он был превосходнее этого.

Вытянулся его стан, стал стройным кипарисом[6],
лицо его стало пленительной луной
над тем кипарисом.

5740 Амбра стояла у стремени его локона,
подчиняясь приказам его волшебника-индуса[7].

Его губы были гранатовой чашей с вином,
которую пригублял пробивающийся пушок.

Встряхивал он рукавом постоянно[8],
ибо весь мир был под его знаменем.

И вот однажды царь мира грустный
сидел с нахмуренными бровями.

Спросил у него мобед: «О повелитель мира!
Что за горе случилось у царя царей?

5745 Я никогда не вижу тебя радостным,
сердцу невыносимо видеть тебя страдающим».

Царь сказал ему: «Я не из гранита,
никто не может избегнуть ухода.

Горе мое в том, что из-за жестокости судьбы
нет у меня ни единого сына,

Который, когда смерть набросит на меня
свой аркан,
после меня занял бы мое место».

Когда услышал эти слова несравненный муж,
из глаз его хлынули потоки крови.

5750 Сказал царю: «Есть у меня скрытая тайна,
которая — одно из чудес этого мира.

Если даст мне обет владыка[9] —
скажу, а нет — буду хранить за завесой».

Когда царь дал ему обет,
рассказал он всю историю.

Приказал затем тот несравненный муж,
чтобы из хранилища принесли ларец.

Когда царь мира страх перед клеветой
увидел у мобеда, и эту веру, и благочестие,

5755 А потом услышал слова о сыне,
услышал зов той отцовской любви, —

Не знал от радости, что и сказать,
не знал, как благодарить мобеда.

Сказал мобеду: «Приведи сто мальчиков,
всех таких, как Шапур, собери вместе.

Всех в одинаковой одежде,
одного возраста, одной стати,
на одинаковых конях, в одинаковых шлемах,
похожих друг на друга,

Чтобы моя душа под завесой тайны
смогла узнать моего родного.

5760 Ибо людей светом *знакомства*[10]
можно различить одного от другого».

Пошел тот мудрый мобед на другой день,
привел на ристалище сто мальчиков,
озаряющих сердца.

Все — в схожей одежде, на схожих конях,
друг на друга похожи,
точно так, как повелел ему царь.

Когда царь тайно пришел посмотреть на них,
сразу увидел посреди них сына.

Только взглянув на него, сразу узнал,
позвал его к себе, обнял и обласкал.

5765 Простил тут же ради него его мать,
много горевал о том старце, претерпевшем боль.

* * *

Из этого рассказа узнай, что,
если есть *знакомство*,
от него освещается каждая пылинка.

Если пылинка[11] не найдет пути к солнцу,
останется она навечно скрыта завесой, как чужая.

А если пылинка обретет *знакомство*,
будет ей от солнца сотня светов.

Рассказ пятый

О болезни глаз Айаза

Однажды от чьего-то дурного глаза
у Айаза случилась болезнь глаз.

5770 Из-за болезни глаз глаза его стали кровавыми,
два вместилища его нарциссов
стали словно тюльпаны[1].

И вот, когда прошло дней десять,
у него от боли глаза вылезали на лоб.

Настолько тяжелым было это испытание,
что его вырвало и он упал без чувств.

Кто-то рассказал о нем Махмуду,
Махмуд вскочил на коня и помчался.

Он тайно подошел к изголовью Айаза,
приложил палец к губам.

5775 Сказал тем, кто ухаживал за больным: «Смотрите
ничего не говорите ему о царе!»

Лишь только Махмуд, борец за веру, сел [рядом],
от утешения сердца Айаз тут же встрепенулся,

Открыл глаза и радостно сел.
О, счастлив раб, который сел как свободный!

Ему сказали: «О ты, что исшел из себя,
тело осталось позади, душа ушла вперед!

Из-за боли в глазах ты был беспомощен,
сам не свой, ты был между душой и телом.

5780 Когда царь сел у твоего изголовья,
тебя так рвало! Как же ты вскочил с места?

Никто тебе не сказал, глаза твои не видели, —
как же ты узнал о Махмуде?»

Так сказал [Айаз]: «Что за нужда в слышании!
Не нуждаюсь я также и в ви́дении.

Душа моя не зависит от глаз и ушей,
ведь душой я узнаю́ его по аромату.

Когда я услышал его аромат из своей души,
ожил я, хоть и был мертв».

* * *

5785 Не знаешь ты, как у пророка Йа'куба
от аромата просветлели глаза?![2]

Тебе нужно избавить глаза от боли,
[а] ты мучишься болезнью глаз.

Если будет у тебя аромат *знакомства*[3],
будут для тебя оба мира светлыми.

Ибо одна пылинка[4] света *знакомства*
наделена светом сотни солнц.

Ведь дружба с Истинным такова,
что одна пылинка [ее] лучше, чем оба мира.

5790 Господь так любит тебя —
от такой радости можешь ли ты вместиться
в свою оболочку?

Великие, которые видели этот циркуль,
сотней душ избирали ради Него точку страдания[5].

Тысячи душ за один Его призыв
отдавали они, смятенные сердцем.

Рассказ шестой

О Джирджисе

Тот язычник три раза в огне и крови
проворачивал над Джирджисом колесо[1].

Тело его искрошилось в пыль,
из праха его выросло поле тюльпанов[2].

5795 Посреди всех этих мук и страданий
пришел ему глас от вестника Величия:[3]

«Каждый, кто хвалится дружбой к Нам,
не будет пить вино чистое, без осадка[4].

Вот что подобает друзьям всегда:
чтобы колесо прошло по семи их членам»[5].

Спросили его: «О Джирджис, о чистый!
Есть ли у тебя какое желание на земле?»

«У меня, — ответил, — сейчас то желание,
чтобы меня снова под этим колесом

5800 Раздробили в пытках на кусочки,
чтобы снова пришел ко мне глас.

Ибо [Он] определил эти многие страдания
моей душе
для того, чтобы вступить в дружбу со мной».

* * *

Ты не знаешь цену Его друзей,
ибо каждый миг жизни ты [проводишь]
в небрежении.

Будь таким, как те, кто усерден в дружбе,
а не можешь — будь другом [Его] друзей.

Рассказ седьмой

О Йусуфе и Зулайхе

Вот шел однажды чистый Йусуф
[и] увидел Зулайху, сидящую на земле.

5805 Весь мир был сокрыт от ее глаз,
но и ее глаза были закрыты
для вместилища праха[1].

В болезнях и нищете
не помнила она о себе вовсе.

Каждый миг испытывала сотни печалей,
печалилась о Йусуфе больше, чем [сам] Йусуф.

Сидела она у дороги в надежде,
что обретет хоть пылинку от пыли на его пути,

Что если она от пыли с пути того царя
хоть пылинку обретет — поднимется она с пути[2].

5810 Когда Йусуф ее увидел, сказал: «О Боже!
Для чего Тебе нужна эта слепая старуха?

Зачем Ты ее не уничтожишь?!
Ведь она искала бесчестия Твоего пророка!»

Пришел тогда Джабраил и сказал:[3]
«Не заберем Мы ее с пути,

Ибо к тому, кто любит Нас, она
таит в себе целый мир любви[4].

Поскольку в ней постоянна дружба к тебе,
то и у Меня ради тебя есть к ней дружба.

5815 Кто сказал тебе "желай смерти розы в цветнике,
желай гибели друзьям друзей"?!

Хотя Я непрестанно терзал ее душу,
ради тебя Я сделаю ее молодой.

Раз она отдала тебе свою милую душу,
если сделаю ее милой — да будет она тебе как душа!

[А] когда она будет мила нашему Йусуфу —
кто станет ей врагом и покусится на ее жизнь?!

Когда она притязает на любовь к подобному тебе царю,
то глаза, проливающие слезы, — вот два ее свидетеля.

5820 Раз эта влюбленная имеет в себе такое свидетельство,
каждый день умножается для тебя ее сияние».

* * *

Если ты постиг, как приносить в жертву душу,
значит, ты обрел признак тайны влюбленных[5].

А если для тебя недоступно жертвовать душой[6],
никакой пользы для тебя нет в разговорах.

А если душу ты не отдашь сейчас же,
отнимет ее у тебя меч неотвратимый».

Рассказ восьмой

Об Ибрахиме Адхаме в пустыне

Так рассказывал Ибрахим Адхам:
мол, шел я в хадж радостный сердцем и веселый.

5825 Когда мой взгляд упал на Зат ал-'Ирк[1],
увидел я семьдесят мертвецов, одетых в рубище[2].

У всех из носа и глаз вытекла кровь,
во прахе и ничтожестве отдали душу.

Я стал бегать между ними и вот
увидел в живых одного полумертвого.

Душа покинула его, остался только скелет,
жизнь ушла, осталось ему несколько дыханий.

Я тихонько подошел к нему,
пытаясь узнать[, в чем дело]:
мол, что с тобой? Скажи: что это такое?

5830 Отверз он уста и сказал: «О Ибрахим,
убойся Друга, который мечом славы

Безжалостно погубил жизни паломников,
словно неверных Рума, поверг их наземь[3].

Он потому ведет священную войну с паломниками,
что их души — преграда [на пути] к Нему.

Знай, о шейх, что нас было семьдесят,
которые решили пойти к Ка'бе[4].

Все мы вместе отправились в путь
и дали обет хранить молчание.

5835 Еще сказали: "Ни минуты в этом пути
не будем думать ни о чем, кроме Бога.

На другого не будем смотреть[5] и будем молчать,
будем все стойкими!"

И вот, когда мы двинулись в путь,
в Зат ал-'Ирк мы встретили Хизра[6].

Приветствовал нас чистый Хизр,
мы ему ответили.

Все мы обрадовались, увидев его.
В сердце сказали: "Мы избавлены!"

5840 В том, что мы от Хизра увидели хороший прием,
увидели мы доброе знаменье для нашего пути.

Когда в наши души вошла эта мысль,
раздался позади нас голос вестника [Божия]:[7]

"О идущие кривыми путями без еды и сна!
Вы все — притязающие, все — лжецы!

Ваши обеты и слова не приняты,
ибо нынче вы были заняты иным, чем Мы.

Поскольку вы от обета Мне на пылинку отвратились,
из-за неверности обету вы прельстились иным,
[чем Мы],

5845 То, пока Я не пролью жестоко вашу кровь,
не будет вам возможности мира и помощи".

Теперь у всех их пролил кровь на землю,
не боится Он [пролить] кровь влюбленных».

Спросил его Ибрахим Адхам:
«Как же ты избавился от смерти?»

Он сказал: «Сказали мне: "Ты [еще] сырой[8],
не видишь нашего меча, ибо ты не готов.

Когда созреешь, о не имеющий ни надежды,
ни пути,
сразу же отправлю тебя к ним"».

5850 Сказал это, и его душа тоже вознеслась,
пропал и след его, как и у других.

* * *

Какой вес имеет на этом пути кровь мужей?!
Ведь здесь мельница вращается на крови![9]

У некоторых глаза глядят на Его путь,
у некоторых глядит исстрадавшаяся душа.

Если у тебя ни глаза не открыты, ни душа —
который ты [из них]? Ты ни тот и ни другой.

Рассказ девятый

О Шу'айбе

Шу'айб десять лет плакал из томления
по Господу,
после этого он жил с закрытыми глазами[1].

5855 Потом Господь вернул ему зрение,
и он снова десять лет плакал кровавыми слезами.

Снова затмились его плачущие глаза,
снова в какой-то день сделал Он глаза
лучше прежних.

Опять следующие десять лет он горько плакал,
снова перестал он видеть.

Когда стал незрячим и принялся плакать,
Господь мира послал ему откровение:

«Если ты от страха перед адом
льешь кровавые слезы,
Я освобождаю тебя навечно.

5860 А если из-за рая ты горюешь и плачешь,
дарю тебе рай, и гурий, и Ризвана»[2].

Шу'айб сразу же отверз уста:
«О Ты, чье веление — веление вечное!

Я из-за томления по Тебе плачу так горько,
ведь я знать не знаю о свете и об огне[3].

Ни о рае я не вспоминаю ни минуты,
ни страха ада у меня нет.

Мне нужна вечная близость к Тебе.
Сказал я о своей боли, а дальше — Ты знаешь».

5865 С высоты пришла весть от *Знакомца*:[4]
«Если ты плачешь от томления по Нам,

То плачь теперь, и плачь горько,
ибо дело твое трудно, очень трудно».

Тогда сказал он: «О Знающий тайны!
Не возвращай мне с этих пор зрения,

Ибо, пока не будет у меня *того* зрения,
мне с моим зрением нечего делать».

* * *

Дорогой мой! Если нет у тебя такого зрения —
плачь много, ведь много у тебя печали!

5870 Ибо, чем больше в сердце рвения,
тем больше слез в глазах влюбленных.

Рассказ десятый

О людях ада

Сообщает предание, что из людей уммы[1]
некоторым не будет оказано милосердия.

Придет глас: «Их прямо сейчас
ведите в ад, погруженными в кровь»[2].

Оказавшись у края ада, они сразу
попросят у Истинного
хоть небольшой отсрочки.

Глас придет от Господа явно:
«Никакое дело не долго для Нас.

5875 Теперь на тысячу лет, не по какой-то причине,
[но] по милости дадим этим людям отсрочку».

Сказано о тех людях несчастных,
что будут они плакать день и ночь.

Когда кончится для них эта тысяча лет,
попросят они у Господа новой отсрочки.

Еще две отсрочки получат они от Господа,
в которые будут в своем страдании
лить кровавые слезы.

Непрестанно эти три тысячи лет и более того
будут они плакать и обливаться кровью.

5880 И никто ни разу не спросит у этих несчастных:
мол, отчего вы так много плачете?

Один великий муж сказал: «Сто душ, смятенных
подобно моей душе, —
да будут выкупом за их слезы![3]

Ибо боль, для которой нет лекарства,
Господь никому не дал, кроме их сердец».

* * *

Пока нет у тебя боли неисцельной,
не придет веление дать тебе лекарство.

Одна боль от Него лучше для тебя сотни жизней,
ибо боль от Него для тебя лучше, чем лекарство.

5885 Если даже у тебя хирургом — Бу ʻУбайда,
исцеление твоему сердцу придет только от раны[4].

Упади головой о землю,
быть может, Друг поднимет тебя с земли.

Если ты не поднимешь головы от Его ног,
возьмешь в руку Его аркан, пленяющий сердце[5].

Рассказ одиннадцатый

О султане Махмуде и Айазе

Султан веры, Махмуд-победитель
спросил однажды у Айаза:

«Чему ты завидуешь в целом мире?
Хочу от тебя сейчас же правдивого ответа».

5890 Так он сказал: «Я постоянно в зависти
к тому камню, которым ты трешь свои ступни.

Сердце мое стонет от зависти к тому камню,
ибо он трется ликом о ступни твоих ног.

Если когда-нибудь подаст мне руку это счастье,
буду постоянно припадать головой
к ступням твоих ног».

Если мое лицо будет у ступней твоих ног,
всегда мое лицо будет тебе опорой.

Если лицо Айаза станет твоей опорой,
ступит он ногой на седьмое небо»[1].

* * *

5895 Коли друг не принимает ни голову, ни тюрбан,
завоюй его хитростью и уловкой![2]

Не знаешь разве, Рустам тамарисковой стрелой
какую уловку учинил с Исфандиаром?[3]

Внутренне делай всё, что можешь делать,
внешне оставь сон и еду[4].

Ухищрением и уловкой действуй[5],
в искренности и просвещении иди вперед,
отринув свое «я»!

Может быть, уловкой ты найдешь путь[6],
обретешь миг единения с Задушевным Другом.

5900 Если ты с Другом будешь хоть миг —
увидишь себя, освободишься ты от горя.

Ты не смотри, где Он, а где ты!
Странно было бы, если б не было разделения![7]

Рассказ двенадцатый

О Маджнуне и Лайли

Вот однажды Маджнун радостный
сидел где-то перед постоялым двором.

Там была стена, сложенная из кирпича,
на ней[, нарисованная,] сидела радостная Лайли[1].

Некто сказал: «Пусть я всю жизнь бежал,
в конце концов и я достиг желания сердца.

5905 Не во сне ли вижу я сейчас,
как перед Лайли сидит Маджнун?!

Кто видел когда-либо этих двоих вместе?!
О Господи, кто видел такую славу?!»

Когда Маджнун услышал от того человека эти слова,
услышал от него о состоянии скорбящего сердца,

Воскликнул он и сказал: «Это не ошибка,
ведь Маджнун ни на один миг не отделён от Лайли.

Между нами и ею прежде [сотворения] обоих миров
было заложено основание единения!»

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

[Вопрос шестого сына]

Сын сказал: «Советами, что ты давал,
одну за другой ты развязывал мои путы.

5911 Сто моих трудностей разрешились от твоих советов,
моя медь превратилась в чистейшее золото[1].

Все твои слова полезны,
очень назидательны и высоки.

Но ведь желание алхимии возникло во мне потому,
что от нее приходят в согласие вера и земной мир,

А если вера и мир соединят руки,
будет со мной возлюбленный всегда.

5915 Ведь, пока вера и земной мир не станут мне друзьями,
мне на помощь от Друга надежды не будет».

Ответ отца

Отец сказал ему: «Твой ум полон гордыни,
вот почему твоя мысль далека от истины.

Пока ты не проиграешь всё доброе и всё злое[1],
влюбленным ты будешь только иносказательно[2].

Если ты ищешь совершенства в любви,
нужно тебе испытать три состояния:

Первое — слезы, второе — огонь, третье — кровь.
Если пройдешь через эти три моря,

5920 Возлюбленный допустит тебя за завесу,
иначе ждет тебя от возлюбленного много шипов.

А если ты не знал об этом предании,
тебе навек довольно этого рассказа».

Рассказ о дочери Ка'ба, ее любви и ее стихах

[*О величии Ка'ба, эмира Балха*]

Был один эмир, [муж] высокого склада,
жизнь его проходила в Балхе.

Эмир чистой веры, справедливый и праведный,
[уже] дед его был сыном царя страны.

Мужеством и войском он был могуч,
имя той Ка'бы веры было Ка'б[1].

5925 Его веления дарили свет солнцу и луне,
его щедрость дарила славу и хлеб
искусным мастерам[2].

Его справедливостью между волком и овцой
сразу же устанавливался «волчий мир»[3].

От страха перед ним бурные воды морей
утихали, словно огонь посреди камня.

От его доброты целый мир [чужих] провинностей
в одно мгновенье стирался из его сердца.

От его гнева огонь застывал,
становился черным, как уголь.

5930 От его величия высота оставалась в яме, —
да что я! — ни верха, ни низа не различала
из-за того величия![4]

От его спокойствия гора стояла недвижно[5],
земля, словно пыль, лежала у его ног.

От его гнева огонь скрывался со стесненным сердцем
и с влажными глазами в сердцевине камня.

От его сияния солнце небес обретало свет,
весь мир освещал он своим сиянием.

Его щедростью пристыжены были моря и рудники,
потускнели жемчужины[6] в недрах морей и рудников.

5935 У его изящества лепесток розы просил подаяния,
но от стыда перед ним — закрывшись покрывалом.

От его [доброго] нрава мускусный аромат
наполнил мир,
он от земного мира вознесся до мира иного.

[*Красота Хариса, сына эмира*]

У этого эмира, чистого верой, был сын,
чья красота была притчей во всём мире.

Лицо того юноши было подобно солнцу,
Месяц был у него малейшим из рабов.

Царь дал ему имя Харис,
Луна стояла перед ним препоясанной,
словно Орион[7].

[*Красота и поэтический талант дочери эмира*]

5940 Еще у него была в айване[8] дочь,
словно душу любил он ее.

Звали эту сребростанную *Краса арабов*[9],
она волновала сердца и привлекала сердца.

В ее красе собрались все красоты мира,
какую ни возьми — любой она владела.

Разум перед ней приходил в безумие,
прелесть ее была сказкой во всём мире.

Если кто-нибудь произносил ее имя в любом месте,
каждый атом начинал отражать [красоту] Йусуфа[10].

5945 Когда молодой Месяц видел ее с небосвода,
всегда преклонял колена, подобно чангу[11].

Когда Ризван смотрел на ее чело,
узнавал он в нем эдемский сад[12].

Когда волны ее кудрей ниспадали на землю,
волнение, поднявшееся из-за них, достигало небес.

В двух вазах из миндаля были у нее два нарцисса,
как два волшебника, два негритенка в ловушке[13].

Два негритенка, у каждого по луку,
пускали они стрелы повсюду, где была [живая] душа.

5950 Когда стрелы ее кокетливых взоров вылетали из лука,
сердца влюбленных становились мишенью.

Сахар из ее рубинов[14] был необычайного вкуса,
потому что в ее рубинах был сахарный эликсир.

Ее уста были ларцом с влажными марваридами,
и все жемчужины были одна жемчужнее другой[15].

Лишь только показывались
тридцать ее зубов-жемчужинок,
нисаром падала к ее ногам каждая душа[16].

Ее рубиновые губы были чашей,
[украшенной] жемчугами,
вино в ней было из чистых вод Каусара[17].

5955 Когда небосвод видел ее серебряный мяч,
мчался он, словно мяч без рук и без ног[18].

Красоту ее описать невозможно,
так что для меня это описание — пустая мечта.

И такого изящного дарования
[ни у кого из] людей не было,
ибо, что она от людей ни услышит,

Сразу всё перелагала в стихи,
нанизывала, словно жемчужины[19].

Так она была сладкоязычна в стихах,
что в них словно был вкус ее губ.

5960 Сердцем отец постоянно был с нею,
с нежной любовью он пекся о ней.

[*Предсмертное завещание Ка'ба и справедливое правление Хариса*]

Когда пришло время отцу умереть,
усадил он перед собою сына,

Передал ему дочь: «Смотри,
прими ее от меня и заботься о ней.

Всячески, как дóлжно устраивать ее дела,
устраивай и сделай радостными ее дни.

Ведь у меня сватали ее знатные,
многие славные витязи и владыки —

5965 Не отдал ее никому. Если ты сможешь,
отдай ее тому, кого найдешь достойным.

В свидетели этих слов призываю Господа,
не заставляй меня страдать и волноваться!»

Сказал он сыну всё что мог,
сын принял всё, что сказал отец.

И тогда милая душа покинула отца:
не знаю, для чего пришел, зачем ушел...

Много кружил он вверх и вниз, словно небеса,
пока голова его и ноги не легли в землю.

5970 Лук Божий не в руке человека,
никого не известят ни о приходе, ни об уходе![20]

Кто знает, сколько ему жить придется
и, если пришел, зачем потом надо уходить?..

Когда отец ушел в Господень чертог,
сын воссел в царском Диване[21].

Правдой и справедливостью сиял он в мире,
мир в нем обрел дыхание Нушинравана[22].

Крестьянам и воинам раздал он дирхамы[23],
воеводам вручил немало барабанов и знамен[24].

5975 Много скорбей он изгнал из голов,
многих угнетателей сокрушил.

В добре, неге и славе
как душу берёг он дорогую сестру.

Теперь послушай, этот вращающийся циркуль
какую игру сыграл и с ней, и с ним![25]

[*Красота Бакташа*]

Был у Хариса несравненный гулам[26],
который был у него хранителем казны.

Звали того подобного луне Бакташ,
не знаю, найдется ли кто подобный ему...

5980 Красотою он был чудом света,
удивительную любовь он внушал!

Его красота вошла в пословицы,
смерть сторожила томящихся по нему.

Роза старалась помедлить в глине,
если он покрывался *румянцем смущения*[27].

Если показывалось отражение его лица,
начинали содрогаться росписи на стене[28].

Когда его локоны-индийцы затевали битву,
казалось, что завитки-негры засели в изгибах[29].

5985 Его локоны держали удальцов в рабстве[30] —
вот какое богатство он сохранял!

Его брови сведенными становились [еще] лучше —
это был лук, на который впервые натянули тетиву[31].

Его глаза потому казались лакомой добычей.
что у них была общая краса с миндалем[32].

Ряды его ресниц сражали ряды богатырей
дождем стрел, вылетающих из обоих
[рядов лучников].

Уста его были что просверленный рубин,
скрывали они тридцать непорочных жемчужин[33].

5990 Да, рубин его уст мог быть просверлен
одним лишь только алмазом его языка[34].

Его губы издавали указ о вечной жизни,
ведь от этих губ обретала жизнь вода Хизра[35].

О его зубах можно было бы сказать,
что в одном «миме» у него было
тридцать два чудесных знамения[36].

Словно Йусуф он был, ты скажешь, красотою.
А что сказать о мяче его подбородка!

Сколько мне оставаться в безумии из-за его мяча!
Лишь примусь говорить о нем — умолкаю...[37]

5995 Перед дворцом был великолепный сад,
подобный небесному раю.

Всю ночь не спал влюбленный соловей,
пел он розе песню о шипах[38].

Роза[, показавшись] из бутона,
нарядная и игривая,
рассмеялась сладостным смехом[39].

Вышла, словно младенец, покрытый кровью,
алая роза из зеленых пелён.

Утренний ветерок примчался, словно Зулайха,
розе он, словно Йусуфу, разорвал полу[40].

6000 Словно ветер, Хизр прошел над степью:
зелень выросла, степь зазеленела[41].

Падающая звезда и молния метнули копья,
облако отпустило узду дождя,

Зеленые поля подставили ладони,
в каждой ладони — по сто жемчужин дождя.

Фиалка склонила голову, готовая к служению,
да поцеловала собственные ноги.

Багряник, весь покрытый кровью,
пришел, готовый пролить [свою] кровь[42].

6005 Нарцисс взял в руку золотую чашу[43],
выпил сладкое молоко дождя.

Головка тюльпана склонилась к ногам,
и корона его склонилась к поясу.

Из цветника прибыли тысячи Йусуфов,
в Ханаан донесся аромат рубашки[44].

Птичий призыв зазвенел над лужайкой,
в степи от того призыва поднялось волнение.

Утренней порою мускусный ветер
словно напильником наморщил гладь воды.

6010 Не Афрасиаб ли нашел во́ды [моря] Зирих,
что вода от весеннего ветра оделась в кольчугу?![45]

В каждой стороне струился новый Каусар[46],
такой, что вода Хизра была его малой каплей.

Свод, воздвигнутый в возглавье сада, достигал Кайвана[47],
под куполом был поставлен трон Хариса[48].

Царь Харис, подобно славному солнцу,
сидел, словно Сулайман, на возвышении[49].

Гуламы с руками на поясе, подобные Ориону[50],
каждый станом — что стройный кипарис.

6015 Стояли рядами отважные тюрки,
скрестивши руки, готовые к служению[51],

У гордых надимов[52] от трепета [перед ним]
взоры опущены к ногам.

Благородные [мужи] всего мира низки перед ним,
порядок мира [происходил] из его высокого суждения.

От бодрствования его счастья смута уснула,
от страха перед его гневом у огня глаза полны влаги.

Воинственный, как Кайван, подобный Муштари,
с лицом Луны,
с талантами ʻУтарида[53] и величием Солнца.

[*Дочь Каʻба видит Бакташа*]

6020 Но вот взошла на крышу дочь Каʻба[54],
великолепие пира поразило ее.

Когда она немного огляделась по сторонам,
увидела лицо того прекрасного как луна[55].

Увидела она лицо и ланиты Бакташа,
увидела его, стройного, словно кипарис в каба́[56],

[Целый] мир красоты был дарован его лицу[57],
вся красота, словно у Йусуфа, была его долей[58].

Виночерпием стоял он перед царем,
длинные локоны спадали до земли.

6025 От хмеля его лицо раскраснелось что гранат,
ресницы стали шипами для глаз влюбленных [в него].

Расточал он сахар из источника сладости[59],
ронял [капельки] испарины с Луны на Парвин[60].

То, хмельной, наполнял он чашу,
то радостно играл на рубабе[61].

То издавал он трели, словно соловей,
то наливал вино из кувшина.

Когда девушка увидела его лицо столь прекрасным,
сердце безвозвратно отдала
каждой частице его существа[62].

6030 Вспыхнул быстро огонь ее любви,
полностью разграбил всё, что у нее было.

Так этот огонь опалил ее душу,
что тело уже не помнило о себе.

Сердце влюблено — душа приговорена:
всё ее бытие стало небытием.

Из двух нарциссов, словно из тучи, хлынула кровь[63],
в одночасье целый поток она пролила.

Любовь вырвала ее с корнем
и словно пригвоздила ее [к любимому][64].

6035 Так из-за одного взгляда попала она в его силки,
что ночью от нее бежал сон, днем — покой.

Так неисцельна стала та целительная,
что совсем она потеряла голову[65].

Всю ночь лила кровавые слезы и стонала,
вновь и вновь вспыхивала, словно свеча.

От обилья огня, что ниспал в ее душу,
словно хмельная, она не помнила себя.

Коротко говоря, из-за горя и печали
такая луна за год стала больной.

6040 Харис привел врача — но что пользы!
Ведь ту болезнь не вылечить лекарством.

Разве для такой боли найдется лекарство!
Ведь только от любимого примет лекарство душа...

[*Дочь Ка'ба признаётся кормилице в своей любви к Бакташу*]

В покоях у девушки была нянька,
искусная во всяческих ухищрениях.

С сотней уловок выспрашивала она у луноликой:
мол, что с тобой, доченька? Скажи правду!

Конечно, не признавалась та луна,
но потом решилась и заговорила:

6045 «Я в такой-то день увидела Бакташа,
чьи локоны и лицо сжигают душу и озаряют сердце.

Словно хмельной, прижимал он рубаб,
у меня из-за него, словно у рубаба, руки на голове[66].

Когда он запел напевом "сабзаранг",
от той песни птиц охватило желанье полета[67].

Когда полились напевы "сабзаранг" и "гульзар"[68],
тут даже и розы словно захмелели.

Ударом по струнам в том ладе, который выбрал[69],
он "противника" делал "усмиренным"[70].

6050 Если противник и не бывает усмирен в этом мире,
в том ладе он примиряет верхнюю струну и нижнюю.

Сердце стало мне противником — что мне делать?!
Не сладить мне с этим ладно играющим![71]

Я стала смятенной скиталицей в мире,
ведь я теперь из людей "завесы влюбленных"![72]

Когда я услышала от этого удальца песню,
из глаз своих я за завесой пролила реку[73].

Любовь к нему меня заставила забыть о себе!
Сто лет горя принесла мне она.

6055 Так его локоны разметали мою жизнь[74],
что погибло всё, чем я владела.

Так опоясали меня кольца его локонов,
что сердце кровоточит, а печень иссохла[75].

Я потому так больна и беспомощна,
что знаю я, что цены ему я не знаю.

Никто не сравнится с Бакташем красотой,
никто не может быть лучше его.

Если можно говорить об этом кипарисе,
зачем говорить о ком-то другом?!

6060 Его подбородок — серебряный мяч,
изгиб его локона — мускусный чауган[76],

Если его чело — серебряное ристалище,
разве нельзя назвать чауганом его локон?!

Такое ристалище, тот изогнутый чауган...
Не взять мне мяч его подбородка![77]

Когда он делает из локона чауган,
голова моя кружится, словно мяч.

Когда появляется его сияющее лицо,
каждая его частица становится сотней лун[78].

6065 Когда гало является на месяце его ланит,
новая луна рыдает от горя[79].

Когда его локоны, похитители сердец,
завиваются в кольца,
каждым их кольцом сотня душ
опоясывается [для служения].

Нашли темное пристанище обитатели
его нарциссов,
потому они стали затворниками в его собрании[80].

Что за волшебники его глаза!
Весь мир околдовывают его кудри!

Когда стрелы его взоров вступают в дело,
от страха перед ними копье и дротик
остаются за поясом.

6070 У его тридцати зубов есть копья,
вот его губы и улыбаются в моей крови[81].

Увидев его раковину и те редкостные жемчужины,
серебро оказалось не в силах их восхвалить[82].

Его рот — крохотная смеющаяся фисташка,
а зубы — словно косточки для нард[83].

Когда он являет смеющееся утро на табашире [зубов],
табашир обретает природу кости[84].

У его губ больше ста тысяч рабов,
обе они животворней, чем вода Хизра[85].

6075 [Вязь] его зеленого пушка — истинный [указ],
полностью защищенный от приказа о прекращении[86].

Его губы держат весь мир под [властью] печати[87],
небосвод — под его седлом тридцатизвездным[88].

Из-за этого его яблока я просыпаю на айву
из еловой шишки гранатовые зерна[89].

Раз нет мне свободы от этого стройного кипариса,
айвою стало мое лицо[90], и нет мне надежды на лучшее.

Печаль из-за стрелы его стана каждый миг
натягивает меня, словно лук тетиву.

6080 Теперь, няня, встань и пойди,
стань посредницей между этими двумя возлюбленными[91].

Пойди и расскажи ему эту историю,
заложи основу любви этих двух нежных.

Открой ему эту тайну, и, если он разгневается,
всем сердцем приму я его [гнев][92].

Теперь соедини нас двоих, да так,
чтобы не знал о том никто из мужчин и женщин».

Сказала это — и выпустила из рук доброе имя,
написала письмо кровью сердца:

6085 «О ты, что сокрыт и [всё же] рядом[93] — где ты?
Ты не в моих глазах — так где же ты?

Свет в моих глазах[94] — от тебя,
в сердце моем *знакомство* — от тебя[95].

Приди и прими гостями мои глаза и сердце,
а если нет — возьми меч и отними мою душу.

Изо всего, что ни есть на свете,
осталась мне половинка души[96].

Как же мне эту половинку души не отдать тебе!
Ведь без тебя мне и сотни душ не надо.

6090 Ты забрал мое сердце, и, будь у меня их тысяча,
не было бы у меня иного дела, чем бросать их
к твоим ногам.

Не оторву от тебя сердце ни на миг,
ведь не оторвать мне сердце от забравшего сердце[97].

Боль любви к тебе я храню в душе,
язычеству твоего локона вверяю веру[98].

Без тебя у меня нет ни сердца, ни веры —
как же ты оставляешь меня такой беспомощной?!

Без твоего лица динару подобно мое лицо[99],
от любви к твоему лицу я обратила лицо к стене[100].

6095 Увидела тебя, которому равных не видела,
подобного тебе кипарисостанного не видела.

Если придешь ко мне, я спасусь,
а если нет — обегу все края,

Каждый палец сделаю светильником[101],
стану искать тебя во всех степях, на всех путях —

Не появишься ли ты передо мной, как свеча?
А нет — считай меня угасшей, как светильник».

Написала это письмо и потом начертала
образ свой, подобный луне.

6100 Дала [письмо] няне, чтобы няня пошла —
к тому луноликому любимому пошла.

[*Бакташ влюбляется в дочь Ка'ба и передает ей признание в любви*]

Когда увидел он ее изображение и прочел стихи,
от изящества ее дарования и стихов
пришел в изумление.

Мгновенно сердце его ушло из рук,
пришла любовь, и сердце облилось кровью.

Морское чудище любви вмиг одолело его,
его грудь и пола сделались морем крови[102].

Без ее лица таким стало для него лицо мира,
что, ты сказал бы, не видел он ни неба, ни земли.

6105 Словно мяч — без рук, без ног, несчастный —
шапка на ногах, туфли на голове...

Сказал он няньке: «Встань, о сладкоречивая,
пойди к той кумироликой и от нас ей скажи:

"Нет у меня глаз, чтобы видеть твое лицо,
нет у меня терпения, чтобы без тебя быть в покое.

Что́ мне теперь делать без тебя?
Не стерпеть мне такую боль без тебя!

Словно твой локон, я прорвал завесу[103],
потому что я влюблен в твое лицо.

6110 Потому твой локон меня всего перевернул,
что моя жизнь теперь связана твоим локоном.

Не видел я тебя — как же ты вошла в мою душу?
Сердце мое исчезло, теперь в моей крови — ты.

Теперь ты скрыта в моей душе.
Зачем ты жаждешь крови моей души?!

Не обмани меня, как ранняя заря,
о луна за облаком,
не извлекай воинственно, подобно солнцу, меч![104]

Если осветишь мои глаза лицезрением тебя,
сотню душ я за тебя отдам.

6115 Умираю я, о жизнь!
Спасти ли меня, нет ли — ты сама знаешь!»

[*Кормилица приносит дочери Ка'ба весть о любви Бакташа*]

Пошла кормилица к той луне,
известила ее о любви гулама:

Мол, он влюблен куда больше твоего,
своим жаром он поспорит с огнем!

Если твое сердце узнает, какова его любовь,
твое сердце научится от него
страданиям любви, о луна!..

Сердце девушки возрадовалось,
слезы радости потекли по лицу.

6120 Не знала [с тех пор] иного дела озаряющая сердце,
чем слагать бейты и газели день и ночь.

Плавно слагала стихи и отсылала,
так стала в стихосложении мастером.

Гулам с каждым стихотворением,
которое прочитывал,
всё больше влюблялся и приходил в изумление.

[*Бакташ встречает дочь Ка'ба и что случилось потом*]

Прошло некоторое время, и как-то раз
вышла из покоев[105] та озаряющая сердца.

Увидел ее внезапно Бакташ и узнал,
ведь он всю жизнь проводил в любви к ее образу.

6125 Схватился за ее полу, а девушка вспыхнула,
встряхнула рукавом[106] и потом сказала ему:

«Ах ты невежа, что это за дерзость?
Ты лис — что это за львиная отвага?

Никто не смеет схватить меня за платье.
Кто ты такой, что касаешься моей полы?!»

Гулам сказал: «О, я пыль на твоей улице!
Если ты скрываешь от меня свое лицо,

Для чего стихи присылаешь мне день и ночь,
сердце мое забрала этим прекрасным
изображением!

6130 Если ты сначала сделала меня безумцем,
зачем под конец обратила меня в чужака?»

Ответила ему тогда та сребростанная:
«Ты и крупицы не знаешь из той тайны!

В моей груди свершилось нечто,
и открылось мне это через тебя.

Возможно ль такое для сотни гуламов?!
Я открыла тебе, и этого достаточно.

Не довольно разве для тебя,
что ты стал причиной этого?

6135 Ты на этом заложил основание для стыда,
в похоть ты, ей-богу, впал от этого».

Сказала так и ушла от него,
а сердце гулама стало стократ смятеннее...

[*Старец Абу Саʻид о любви дочери Каʻба*]

В словах Бу Саʻида из Михны я видел,
что он сказал: «Я туда пришел[107]

Расспросить о состоянии дочери Каʻба:
была она познавшей Бога[108]
или страстно влюбленной?

[Старец] так сказал: “Мне [вот что]
стало очевидно
о стихах, что выговаривались в ее словах:

6140 От горения любви к метафорическому
возлюбленному[109]
не появляются такие стихи так легко.

Эти стихи не имели отношения к сотворенному,
ибо ее жизнь была постоянно с Истинным.

Совершенство в смыслах у нее было полным,
гулам был лишь посредником на этом пути”».

[*Харис начинает подозревать сестру*]

Итак, влюбленная девушка в том горенье
слагала горестно стихи день и ночь.

Но вот однажды ходила она по лугам,
в одиночестве прекрасно пела такие стихи:

6145 «О предрассветный ветерок, полети,
поведай обо мне тому грабителю-тюрку[110],

Скажи: ты жаждой отнял мой сон,
отнял мою воду, выпил кровь!»

А по другую сторону луга был Харис,
до слуха Хариса донеслись эти слова.

Вскипел он и крикнул ей:
«Что́ ты говоришь, беспутная!»

Влюбленная сразу склонилась до земли,
изменила стихи и пропела так:

6150 «О предрассветный ветерок, полети,
поведай обо мне тому румяному водоносу![111]

Скажи: ты жаждою отнял мой сон,
отнял мою воду, выпил кровь!»

Был у нее один румянолицый водонос,
который всегда приносил ей воду в кувшине.

Вместо «грабителю-тюрку» та подобная луне
пропела «румяному водоносу».

Брата это навело на такие дурные мысли,
что он на сестру посмотрел без почтения.

[*Бакташ отправляется на войну. Военные подвиги Бакташа*]

6155 И вот, когда миновал месяц,
напало на Хариса войско.

Войско огромное, и счету ему не было,
словно вращению небес, не было ему конца.

Войско, вздымающее волны мечей и панцирей, —
мир от [блеска] мечей и панцирей стал светлым.

Наступала та дружина с вершин и склонов,
от нее Бык Земли застыл, словно осёл на льду[112].

А с той стороны Харис с войском
вышел на рассвете из городских ворот.

6160 Молодо его войско, словно его счастье,
высоки его шатер и шлем, словно его суждение.

По одну руку с ним шла победа с кольцом в ухе[113],
по другую — завоевание и торжество.

И вот войска встретились,
раскрыли руки для убийства.

Пыль поднялась над всею степью,
вопль поднялся до зеленого купола[114].

Гром барабана оглушил уши небосвода,
Земля перевернулась, словно небо.

6165 Земля от [крови] его врагов
стала тюльпановым лугом,
воздух от дождя стрел источал росу.

В стране словно выросла плотина,
тела убитых громоздились повсюду.

Смерть заострила когти для убийства,
Судьба[115] заострила зубы для битвы.

Явились сто примет Судного дня,
див встал на молитву из-за того судного дня[116].

Тут явился впереди рядов Харис,
он вывел вперед несметное войско.

6170 Лишь только построил он это войско,
помчался, как лев, и напал на врагов.

Высокий небосвод, усыпанный звездами,
острием его дротика был изрезан в клочки.

Когда поднимал голову его молодецкий меч[117],
смута склоняла голову до Дня воскрешения.

Когда его меч омывал врага кровью, словно розу,
из его меча вырастала роза победы.

Когда его стрела достигала индигового небосвода,
проходила она через ушко иголки 'Исы[118].

6175 А с той стороны Бакташ луноликий
рубился двуручным мечом во все стороны.

Но вот чей-то дурной глаз вступил в дело,
и от удара мечом у него закружилась голова,

Так что чуть было этот прекрасный
не попал в руки врагов.

[*Дочь Ка'ба спасает раненого Бакташа*]

А среди воинов была девушка — с закрытым лицом,
в боевых доспехах и верхом на коне.

Выступила она перед войском, подобная горе́,
в каждом сердце она вызвала трепет.

6180 Никто не знал, кто же этот сребростанный[119],
она отверзла уста и крикнула: «Что это за трусость?!

Я — тот шах, у которого ферзем небосвод,
пешками у моих стремян — Солнце и Луна!

Если погоню коня на кружащийся ковер,
двумя ладьями, словно отважный лев, отброшу его!

Главу, которая отвернется от моего приказа,
брошу под ноги слону, [поставлю] шах и мат![120]

Когда извлеку я разящий свой меч,
извлеку печень у рыкающего льва!

6185 Как сверкнет мой блестящий клинок,
от страха у огня желчь станет водой![121]

Как раскручу рукою змею дротика,
все в этом войске будут ничем передо мною!

Пусть встанет наковальня перед моим копьем —
мощь моего удара расколет ее на куски!

Моего удара и наковальня не выдержит,
от наковальни и горчичного зерна не останется!

Когда птица моей стрелы слетит с тетивы,
из горла птицы небосвода вылетит: "Слава!"[122]

6190 Когда сорву я свой аркан с ремня[123],
вихрем швырну врага лицом во прах!

Погоню́ Рахша и раскрою двери красноречия[124],
ибо в битве я — Рустам и из корня Рустамова!»[125]

Сказала — и, подобно грозным бойцам,
убила из тех бойцов с десяток,

С мечом в руке подскакала к Бакташу,
выхватила его и доставила к его войску,

Опустила его на землю и исчезла,
никто в целом мире не узнал ее.

6195 Когда эта кумироликая куда-то скрылась,
вражеское войско хлынуло, что морской прилив.

Вот оно уже совсем приблизилось,
чтобы не оставить ни города, ни горожанина,

Как вдруг Харису явилась помощь —
множество народу от царя Бухары[126].

Пришло [столько] воинов с гор и степей,
что от их обилия у неба закружилась голова.

Помощь вовремя нашла Хариса,
воины Хариса и [сам] Харис одержали победу.

6200 Бежали воины царева противника,
а кто-то остался лежать убитым на дороге.

Когда царь вошел в город,
радостный и победоносный,
стал он расспрашивать о том храбром воине.

Ни один человек не мог ничего о нем сказать,
все говорили: исчез он, словно пери...[127]

[*Дочь Каʻба горюет о Бакташе и пишет ему послание*]

Но вот явился негр ночи,
поднес к губам чашу луны,

И всю ночь лунный круг, что круглое мыло,
испускал вокруг себя пену из света.

6205 Этим мылом и кровью глаз до утра
смывала надежду на жизнь[128] та озаряющая мир.

Когда прилетел ворон ночи, из-за того прелестного
сердце девушки было словно птица в силках.

Сердце ее из-за раны гулама так горело,
что в один миг сгорела и ее душа.

Не было у нее ни мига сна и покоя —
ведь в голову был ранен покой ее сердца!

Как было успокоиться ее сердцу!
Написала она письмо кровью глаз.

6210 Такие сложила стихи та благоухающая жасмином,
ты послушай повесть этой красноречивой молчуньи:[129]

«Голова, своим величием достойная великого венца, —
что общего с ней у головы[-наконечника] копья?![130]

Да потеряет голову[131] голова твоего недруга,
да не поднимется его голова вверх, иначе как на виселице!

Голова, над коей не главенствует твое бытие,
низко опустит голову — это не пустые слова!

Та голова, что не станет прахом твоего порога, —
[клянусь] душой и головой, той голове придет конец!

6215 Если с тобой в пути поднимет голову завистник[132],
словно змее, отруби ему голову — так ему положено!

А если голову задерет самоуверенный враг,
низложи ему голову, с легкостью отруби ему голову!

Ту голову, что не дружна с тобой, —
да не покинут ту голову страдания!

Если не склонит перед тобой голову враг и снова нападет,
[то лишь потому, что] ему головы своей не жаль[133].

Если не преклонит перед тобой голову глава,
значит, ни на волосок он не печется о своей голове.

6220 От твоей славной головы венец получает великолепие,
от ее славы каждая голова получила главенство[134].

Небосвод, опрокинутый вниз головой,
оттого возносит главу,
что каждый миг он преклоняет голову [перед тобой][135].

Если моя головная боль причинила тебе головную боль —
да станет твоим лекарством моя отрубленная голова!

Склоняю перед этим главой голову до земли —
да будут сотни таких голов жертвой твоей голове!

Если сраженный враг помыслит отомстить,
лишь попытается — будет сражен твоим гневом.

6225 Тот, кто вкушает плод от древа наслаждения,
если не помянет тебя — будет есть свою печень[136].

Тот, кто по невежеству хвалится своим разумом,
если чеканит золото не твоим именем — плохо чеканит.

Тот, кто пожелал отправиться в хадж[137],
если отправится без твоего веления — согрешит!

Что́ на тебя напало, что упал ты в крови!
О, горе! Не найти никого несчастнее меня!

Всю ночь у меня, как у свечи, пылает грудь,
проходит ночь — и день несет мне смерть...

6230 Словно свеча, каждый миг я смеюсь от любви,
глазами своими я создала запруду,

Словно свеча, которая жива любовью,
которая смеется посреди слез и огня.

Если бы ночью у меня была надежда на день,
тогда я не горела и не страдала бы так сильно[138].

Свеча, у которой нет надежды на день,
ни на миг не перестанет гореть и страдать.

От этого огня, что ниспал в мою душу,
дождь пролился на мои ресницы.

6235 Таким сильным жаром опаляет этот огонь —
удивительно, что он вызывает столько воды!

Что́ ты хочешь от меня при всем этом горении —
ведь ни ночью не бываю я без горения, ни днем!

Не влачи меня во прахе и крови,
не обрекай кружить, словно круг небес!

Ты ведь знаешь, как я беспомощна, —
зачем же ты так меня терзаешь?![139]

Ты знаешь, что я опьянена тобой,
твоею рукою я сбита с ног.

6240 Мне, пьющей кровь[140], как мне не быть в крови,
как мне не быть окровавленной!

Сама не своя бреду в тоске по тебе,
ни вперед, ни назад не вижу дороги!

Сердце мое измучено страданием,
я заперта в *доме скорби*![141]

Сколько еще ты будешь терзать каждую мою жилку?!
Сколько еще ты будешь сжигать меня, словно руту?![142]

Если бы не надежда на соединение с тобой,
ни пепла не осталось бы от меня, ни дыма.

6245 Жить ради себя — позор для меня,
ведь я могу жить [лишь] надеждой на свидание с тобой.

Мое сердце не выносит слова "разлука" —
ведь оно и радость единения с любимым
едва бы вынесло!

О боли своей, как [все] смятенные,
я рассказала тебе тысячную часть.

Скажу и больше, если найду способ,
а нет — схороню в душе эту тайну».

Отправилась нянька с этим посланием,
ничего не прибавила и не убавила[143].

[*Ответное послание Бакташа дочери Ка'ба*]

6250 Бакташ, у которого голова была так изранена,
от того письма обрел успокоение сердца и утешение.

Из его глаз полились потоки крови,
немало передал он ей любовных слов:

«Душа моя! Доколе оставляешь меня в одиночестве,
не приходишь проведать больную голову?![144]

Приди, о ненаглядная, как возлюбленные,
присядь хоть на миг к изголовью одинокого![145]

Если сегодня у меня в голове одна рана,
то в душе их — тысяча, о озаряющая сердце!

6255 От томления по тебе рубашка на моем теле
стала саваном!..»
Сказал так — и лишился чувств.

[*Дочь Ка'ба встречает поэта Рудаки, и что случилось потом*]

Прошло время, и влюбленный Бакташ
оправился от всех своих ран.

А девушка, озаряющая сердца, бывало, сидела
у дороги, и однажды там проходил Рудаки[146].

Он сказывал бейт, что расплавленное золото,
а девушка много лучшим [бейтом] ему отвечала.

Много стихов сказал в тот день устад,
на которые та девушка давала ответ[147].

6260 От изящества дара той собеседницы[148]
пришел в изумление Рудаки.

Узнал он о любви той благоуханной, как жасмин,
и отправился оттуда дальше.

Когда стала для Рудаки та тайна явной,
пошел он оттуда в город Бухару.

Пришел он ко двору того царя,
который тогда прислал подмогу Харису.

Прибыл к тому высокому царю
также и Харис, дабы принести извинения.

6265 А в тот день был царский пир —
что́ сказать! — то был рай, озаряющий сердце!

И вот царь пожелал от Рудаки стихов.
Стал отвечать устад, поднялся с места.

Поскольку были у него на памяти стихи дочери Ка‘ба,
он все их прочел, и собравшиеся пришли в волнение.

Царь спросил его: «Чьи это стихи?
Они подобны марваридам — кто их просверлил?»[149]

Откуда было знать Рудаки о Харисе?!
Он ведь сам был пьян от стихов и пьян от вина.

6270 В опьянении заговорил он тогда:
«Это стихи дочери Ка‘ба, о царь!

Сотней сердец влюблена она в одного гулама,
попала она, словно птица, в силок.

И минуты нет у нее ни для сна, ни для еды,
нет ни для чего, кроме как слагать бейты и газели.

Сотни стихов слагает, полных смысла, —
и все тайно отправляет ему.

Если бы ее любовь не была подобна огню,
не было бы от нее таких прекрасных стихов».

6275 Харис услышал эти слова и был поражен,
но притворился он тогда пьяным.

И, когда вернулся обратно в свой город,
от сестры он скрыл эту тайну.

Но душа его кипела от ярости,
он постоянно втайне следил за сестрой,

Чтобы поймать ее на грехе
и тут же на месте пролить ее кровь.

Все стихи, которые слагала та луна,
она всегда посылала Бакташу.

6280 [Тот] бережно складывал их в ларец,
запечатывал его, чтоб никто не мог открыть.

Был у Бакташа жасминостанного напарник[150],
который всё гадал: что же в этом ларце?

[И вот] открыл его и прочитал те письма,
отнес их Харису и прочитал ему.

Сердце Хариса вспыхнуло от той тайны,
и решился он погубить сестру.

Сначала своего гулама приближенного
царь заключил в оковы и сбросил в яму.

6285 Потом велел однодверную баню
растопить для той сребротелой

И приказал, чтобы цирюльник на обеих руках
вскрыл ей вены и не закрывал их.

Царь оставил ее в этой бане,
а выход заложил известью и кирпичами.

Много звал на помощь тот стройный кипарис[151],
но не было ей никакой пользы от плача.

Кто знает, как сердце ушло из нее?!
У всех печень стала кровью из-за нее!

6290 Кто когда-либо слышал такой рассказ?
Кому выпадало такое, как ей?

В таком горе, в такой боли, таком горении
был ли кто в целом мире хоть один день?!

Приди, коли ты влюблен, чтобы увидеть боль,
увидеть путь влюбленных мужей!

Взметнулось несколько огней вокруг той луны,
устремился весь этот огонь одним путем [к ней].

Один огонь был из той страшной бани,
другой — из тех стихов, подобных огню.

6295 Один огонь — от воздействия юности,
другой огонь — от пролития столькой крови.

Один огонь — от жара любви и ревности,
другой огонь — от стыда и растерянности.

Один огонь — от болезни и слабости,
другой огонь — от сердечного жара и горя[152].

Погасит ли кто такой огонь сотней [мер] воды?!
Кому под силу терпеть такой огонь?!

[*Последние стихи дочери Ка'ба*]

Обмакнула в кровь та луна кончик пальца,
написала она множество стихов.

6300 Исписала кровью всю стену,
болью сердца писала она стихи.

На стене бани не осталось места,
а в ней [самой] крови почти не осталось.

Когда всю стену исписала стихами,
упала она, словно кусок стены.

В крови и любви, в огне и слезах
ушла ее милая душа с сотней горестей.

Когда на другой день раскрыли баню —
что́ сказать мне, какой была та озаряющая сердца!

6305 Слово ветка шафрановая с ног до головы,
но с ног до головы погруженная в кровь!

Взяли ее, омыли водой,
сердце окровавленное зарыли в землю.

Посмотрели в тот день на стену —
на ней были написаны стихи, сжигающие сердце:

«Любимый! Без тебя мои глаза — что два ручья,
всё мое лицо украшено кровью сердца!

Ты предал меня потоку, текущему с моих ресниц, —
не то говорю! Ты забрал всю воду!

6310 Ты отнял мою душу и живешь там в радости —
не то говорю! Ты живешь в ней среди огня!

Ты вошел в мое сердце и не уйдешь из него —
не то говорю! Ты ведь не станешь жить в крови![153]

Ты дал мне два ручья из глаз,
в бане дал глину, чтобы омыть голову[154].

Я — словно рыба на сковороде,
не приходишь ты в мою баню![155]

Такое было веление о моей любви от Чертога,
чтобы меня живой поместили в ад:

6315 Чтобы в аду ту тайну, которая в ней,
я написала посреди жара и пламени!

Откуда узнаешь, как надо писать?
Такой рассказ кровью надо писать!

Если я в аду из-за этого райсколикого,
со всех сторон наличность моя — рай!

Если Истинный сделал моим уделом ад,
рассказ мой стал раем влюбленных.

Три пути есть сейчас у мира любви:
один — огонь, другой — слезы, третий — кровь.

6320 Я теперь в огне оттого,
что то кровь проливаю, то роняю слезы.

Хотела я, чтобы моя душа сгорела в огне,
[но] раз в душе — ты, нельзя, чтоб она сгорела.

Омываю ноги милого слезами,
кровью омываю руки от жизни[156].

Огнем, что вырывается из моей души,
я сожгу всех сырых в этом мире![157]

Этими слезами, что текут по моему лицу,
я омою всех, чьи лица не омыты[158].

6325 Этой кровью, если откроют мне путь,
я сделаю всем влюбленным румяна[159].

Этим огнем, что так горит во мне,
я покажу семи адам[160], как [надо] гореть.

Этими слезами, которые суть кровавый потоп,
научу ливень, как [надо] проливаться.

Этой кровью, которую назови морем,
я научу зарю, как [надо] алеть.

Этим огнем я так украшу свою эпоху,
что [сам] ад попросит у меня язычок пламени.

6330 Этими слезами в обоих мирах
я смешала глину с водой до Судного дня[161].

Этой кровью я преградила путь небесам,
так что жернов небосвода будет теперь
вращаться в крови[162].

Кроме образа моей мечты, озаряющей сердце,
я сожгу этим огнем все другие образы.

Из-за той боли, что терпел мой любимый,
слезами я затоплю землю.

Поскольку мой кумир любит пить мою кровь,
если моей кровью наполнится мир — прекрасно.

6335 Выпил кровь моей души сполна[163] —
здравия тебе, о дорогой друг!

Теперь в огне, и в слезах, и в крови
ухожу я с израненным сердцем из этого мира.

Моя жизнь без тебя подошла к концу,
я для тебя ушла — ты же пребудь вечно!»[164]

Когда написала это кровью, пришло веление[165],
чтобы вознеслась душа из той измученной[166].

Увы! — нет, тысячу раз увы
горестной смерти того венца всадников!..

6340 А Бакташ наконец ухитрился
выбраться из своего колодца.

Тайком пошел, и голову Харису на рассвете
отрубил, и отправился оттуда,

Пришел к могиле девушки, распахнул одежду,
взял кинжал и ударил себя в печень.

Забрал пожитки из этого бренного мира,
освободил сердце из этой тюрьмы и крепких оков.

Не было у него сил [жить]
без несравненной любимой,
он соединился с ней — и рассказу конец.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

[Вопрос шестого сына]

Сын сказал: «О отец,
что же такое эликсир?
Ведь невыносимо мне жить без него.

6346 Расскажи мне об эликсире,
чтобы я узнал,
ведь иначе моя душа не успокоится».

Ответ отца

Отец рассказал ему историю,
предание об Афлатуне-греке[1].

Рассказ первый

Об Афлатуне и Искандаре

Афлатун, этот всемирный устад[1],
первой своей задачей считал вот что:

Изобрести способ производить золото
из меди, слитки золота, — создать эликсир.

6350 Пятьдесят лет скрывался он где-то, и там
из яичной скорлупы и человеческих волос

Создал он этот эликсир[2], и такой действенный,
что из малого эликсира создал много золота[3].

Поскольку создавать золото ему было так легко,
для него золото и прах земной были равны.

И вот сказал он в сердце своем: «О сердце! Подумай,
как сделать эликсир из собственной сущности[4].

Раз яичная скорлупа и волосы сегодня
твоим усердием превратились в золото,

6355 То, если ты сделаешь эликсир из своей сущности,
эта алхимия будет превыше всего мира.

Можно сделать эликсир из яичной скорлупы —
но как же сделать эликсир из души?!

Твоя душа не меньше яичной скорлупы,
волосы головы не ценнее, чем твой дух.

Пятьдесят лет ты трудился над этим эликсиром,
не спал ни днем, ни ночью, обдумывая средство.

Теперь же, если ты мудр, о создатель эликсира,
от обоих миров откажись ради того эликсира!»

6360 Когда его цель стала твердой, на тысячу лет
удалился он от людей мира.

Такой эликсир сделал он из своей сущности,
что от его света оба мира наполнились сиянием.

Для него исчезло [всё] от Рыбы до Луны[5],
открылись ему тайны Божественные.

Дважды по пятьсот лет был он занят
этими тайнами,
сердце его было погружено в эти тяжкие труды.

Он создал снадобье для зимы,
которым натирался с головы до ног.

6365 Вырастали на его теле волосы, словно перья[6],
чтобы защитить его от холода.

Составил он и другое снадобье,
которым он натирался летом,

И тогда волосы не вырастали из его тела
и он отдыхал от летнего зноя.

Составил он еще одно снадобье,
которое принимал раз в шесть лет.

Когда он принимал это снадобье,
то потом шесть лет не нуждался в пище[7].

6370 Его натура всегда оставалась в равновесии,
его соки никогда не изменялись[8].

Хотя он был величайший из живущих на земле,
[лишь] такие одежды были у него
два пятисотлетия.

Однажды пришел к нему Аристаталис,
с ним вместе пришел и Искандар[9].

Сидел Афлатун в раздумьях горестных,
в пещере страшной, где с шести сторон — горы[10].

Росло там дерево, под ним — источник воды,
там сидел Афлатун, грудь его жгло страданье.

6375 Искандар с Аристаталисом долгое время
ждали, но не произнес ни слова мудрый старец.

Искандар сказал наконец: «Скажи хоть одно слово[11]
мудрости, ибо ради [твоего] слова мы пришли сюда!»

Ответил им тот всесветный устад:
«Молчание — вот вся наша наличность.

И поскольку молчание — наличность вечности,
прими этот вечный цвет, да пребудешь [вечно]».

Искандар сказал: «Если ты хочешь пищи —
доставлю [тебе ее], чтобы твое тело обрело силу».

6380 Так ответил ему тот муж из мужей:
«О царь, не превращай мое тело в нужник.

Не ешь, ибо эта еда не стоит того дела[12],
еда не стоит того, чтобы идти в нужник!

Если живот мой станет ямой для нечистот,
у меня не останется ни знания, ни прозорливости».

Искандар сказал: «О ты, великий в мире, —
дай хоть ненадолго отдых своему телу!»

Ответил ему старец любомудрый:
«Столько у меня сна впереди,

6385 Что невозможно сказать, сколько [его] и какой [он].
Жизнь бодрствования для меня — только теперь.

Если каждый миг мне дают новую жизнь,
негоже мне спать хоть минуту».

Когда его сердце пришло в смятение от разговоров,
умчался он в горы, бежал от них.

Искандар и Аристаталис долго
плакали в печали и страхе.

* * *

Слыхал, какова была жизнь Афлатуна,
как проводником ему служила мудрость?

6390 Если об алхимии, озаряющей мир,
не знаешь — научись у Афлатуна!

Зачем тебе делать эликсир для серебра и золота
из яичной скорлупы и волос?

Сделай свое тело сердцем, а сердце — болью,
ибо так создают эликсир [подлинные] мужи!

Рассказ второй

О [словах] Бу ʻАли Туси

Великий муж, благой сердцем и благой разумом,
рассказывает о ходже Бу ʻАли Туси,

Что он говорил некоему мужу, одетому в каба́:[1]
«Пойди, оставь каба́, трудись для небытия!

6395 Ибо сейчас ты в крайнем бедствии,
с головы до пят ты весь — каба́!

Ты весь — спина! На Пути сделайся весь лицом,
[и] тогда стань весь — зрением, весь — глазами[2].

Ставши весь зрением, сразу стань весь сердцем,
всё свое сердце, о муж, сделай болью![3]

Когда ты в боли станешь само́й болью,
ты будешь весь — лекарство, и станешь мужем.

Если ты хочешь узнать, что такое боль,
тебе нужно обернуться лицом к смерти[4],
о живущий!

6400 Но знай, что суть боли — это то,
чего не знает никто в обоих мирах».

Рассказ третий

Что такое боль

Некто спросил у безумца:
«Что такое боль, что́ за боль у тебя?»

Ответил: «Боль — это вот что:
как тому, кому отрубили руку, нужна рука,

Или тому, кто десять дней не пил,
изо всего на свете нужна только вода —

Вот так человеку бывает нужен Господь,
чтобы стали тайны для него явными!»

* * *

6405 Боль бывает тогда, о живущий,
когда тебе нужно что-то, чего ты не знаешь.

Не знаешь того и желаешь того всегда —
не знаю, что́ это за дело и что за занятие!

Всё остальное, что ты имеешь, — ничто,
ведь хотеть то того, то этого — одно мученье.

Рассказ четвертый

О ребенке на базаре

Одна женщина взяла ребенка на базар,
ребенок отстал от матери и горько плакал.

То сыпал себе в горе на голову прах,
то проливал кровавые слезы.

6410 Когда люди увидели его, в пыли и крови,
они испугались за его жизнь.

Стали спрашивать: «Как зовут твою мать?
Скажи!» Он говорил: «Не знаю, кто она!»

Ему говорили: «Ох ты, безумный!
Скажи хотя бы: где твой дом?»

Сказал тот мальчик, потерявший дорогу:
«Не знаю я ни дома, ни места!»

Ему сказали: «Как называется твой квартал?
Скажи, чтобы избавиться от своей беды!»

6415 Так он сказал: «Полна боли моя душа,
ведь я не знаю имени того квартала».

Ему сказали: «Ну что же нам с тобой делать?!
Ты горишь, а мы расплавляемся!»

Он так сказал: «Я заблудился в пути[1],
не знаю, кто моя мать и как ее зовут,

Не знаю я ни квартала, ни дома,
кроме матери не знаю ничего.

Только одно знаю я, бедный и одинокий —
что мне здесь нужна моя мать, и всё.

6420 Я одно знаю, что в крови моя душа,
что нужна мне мать, а другого я не знаю!»

* * *

Если ты весь станешь болью, с ног до головы,
станешь ты достойным святилища[2] свидания.

Как же тебе не быть достойным, если *поистине*
ты — абсолютная цель стремлений
в обоих мирах?![3]

Но ты — это не ты! Ты — отражение Его[4],
потому-то ты всегда прекрасен и благ.

Если ты благ — увидь, что это Он благ,
раз ты — отражение, увидь, что оно — Его!

6425 Посмотри же, каково твое косоглазие![5]
Не ты благ — Его Сокрытое[6] благо.

Ты видь не себя, не это тело и душу,
видь [в себе] Его красоту, не свою![7]

Полны Им оба мира — хорошо это увидь!
Не видь себя, если имеешь глаза, — видь Его!

Рассказ пятый

О Йусуфе и зеркале

Однажды Йусуф посмотрел в зеркало,
и очень похвалил он то лицо, подобное луне.

Но зеркало подумало, ничтожное,
что это его хвалят, — ну и невежество!

6430 Ведь хоть Йусуфом и стоило восхищаться,
зеркало-то стоило лишь пожалеть.

Если бы возлюбленный не видел зеркала,
он не видел бы воочию свою красоту.

Если бы зеркало устранилось,
кто знал бы о своей красоте?

И если бы Йусуф увидел свою красоту,
сразу порезал бы он и цитрон, и руку[1].

Поскольку лицо его не стало ему зримо,
не расстался он с жизнью из-за любви к себе.

6435 Поскольку у него не было созерцания себя,
не пришлось ему терзаться[2] от любви к себе.

Но если бы другой посмотрел бы на него,
несомненно изрезал бы и цитрон, и руку.

* * *

Если тебе нужен такой любимый, как Йусуф,
прежде нужны тебе глаза Йа'куба[3],

Чтобы зеркало явило тебя прекрасным,
сделало бы явленной незримую красоту.

На свою красоту Он набросил покрывало,
Он сделал Адама Своим зеркалом.

6440 Когда в зеркале увидел воочию Свое лицо,
красоту незримую увидел зримо[4],

Он весьма восхитился Своей красотой.
Не думай, что Он восхитился кем-то иным.

Если потомок Адама в своем прельщении
дает себе прозвание «обладатель красоты»,

Он пребывает в заблуждении, как то зеркало,
он остается вне окружности того круга[5].

Ты хоть сто веков просиди в уединении,
пытаясь увидеть свое лицо, — не увидишь его.

6445 Видал ты кого-то, кто видел бы свое лицо?
И слуха не было, чтобы кто-нибудь
слышал о таком!

Если ты видишь в зеркале отражение,
как увидишь ты собственное лицо воочию?!

Раз твое лицо не обрело ни вечности,
ни уничтожения —
как можешь ты видеть свое лицо?!

Раз нельзя увидеть собственное лицо,
увидеть иначе, чем в зеркале перед собой,

То берегись, не вздыхай перед зеркалом,
чтобы не затемнилось то лицо, подобное луне.

6450 Сохраняй свои вздохи внутри души,
словно ныряльщик, береги дыхание[6].

Ведь если ты хоть чуть-чуть в себе искривишься,
всё отражение окажется ничем.

Ни мертвым не будь, ни спящим, ни бодрствующим —
не будь вообще! Запомни это.

Ты уже имеешь то, что ты ищешь в мире, —
так исчезни, чтобы обрести это, как влюбленные.

Рассказ шестой

Рассказ Ахмада Газзали

Беззаветным игрокам с озаренным сердцем
так рассказал однажды Ахмад Газзали:

6455 «Когда ради прекрасного Йусуфа
пришел Йа'куб из *дома скорби*[1] в Египет,

Быстро подошел к нему Йусуф,
тесно сжал этого стесненного сердцем в объятиях.

Тут Йа'куб горько заплакал:
"Где же Йусуф, не упал ли он в колодец?"[2]

Ему сказали: "Да что же ты говоришь?!
Он в твоих объятиях — чего же ты ищешь?!

Ты из Ханаана услышал аромат рубашки[3],
а теперь увидел его самого́ и говоришь: 'Не вижу!'"

6460 Ответил Йа'куб-пророк:
"Сегодня я стал самим Йусуфом.

Я, несомненно, потому услышал аромат Йусуфа,
что в то время я был Йа'кубом.

Теперь я стал собой — кто же Йусуф?!
Я нашел себя, этого мне довольно"»[4].

* * *

Если ты хоть раз опустишь взгляд[5] внутрь себя,
найдешь признак всего, что бы ни пожелал.

Но если ты освободишься от всего,
так что не будешь ни печалиться, ни радоваться,

6465 Тебя вознесут выше вращающегося свода,
вознесут в цвете делания подлинных мужей[6].

Рассказ седьмой

О [словах] Абу 'Али Фармади

Вот что славные, знающие Путь
друзья-единомышленники
передали о Бу 'Али Фармади:

Он сказал: «О человек, не радуйся,
если тебя призвали,
[и] не опечаливай сердце из-за изгнания!

Если тебя примут — не считай это легкой добычей,
если тебя отвергнут — не считай это поражением.

Ибо если ты ни на миг не обольщаешься
благоденствием,
то в несчастье не одолеет тебя потом печаль.

6470 Если тебе покажут множество форм
и ты не выберешь ни одну из них,

То вне всех этих многообразных цветов,
в новом цвете явят тебя[1].

Если этот цвет упадет на твои лоскутья,
оба мира заблагоухают амброй от твоего аромата.

Если ты обретешь этот цвет, чистый и беспримесный,
медь станет золотом, а тело — душой, вот и всё!

Если ты обретешь этот цвет, о уникальный,
не нужно будет тебе никогда ничего.

6475 Если всё будет осуществляться через тебя —
быть ли у тебя желанию чего-либо еще?!

Если ты постоянно без всякого посредства будешь тобою,
то ты будешь обладать всем постоянно[2].

Если ты всегда будешь уничтожен в Боге,
от тебя будут хотеть, но [сам] ты хотеть не будешь».

Рассказ восьмой

О вопросе Маджнуну

Маджнуна спросил один его друг из дружбы:
«Как давно ты любишь Лайли?»

Тот сказал: «Истиною Трона и Подножия[1]
[клянусь], разве я ее люблю?! О чем ты спрашиваешь?»

6480 Друг сказал ему: «Ты столько слагаешь стихов,
день и ночь не ешь и не спишь,

В крови и прахе ты, горестный, —
отчего всё это, если не от любви?»

Ответил Маджнун: «Это уже прошло,
теперь Маджнун — это Лайли,
а Лайли — Маджнун.

Двойственности теперь нет,
всё — Лайли, а Маджнуна — нет».

* * *

Когда молоко и вино соединяются,
они избавляются от порока двойственности.

6485 Когда является единственность,
уже нет, о друг, места двойственности.

Если ты от души Его желаешь —
пойди, исчезни, чтобы Он явился.

Исчезни так, чтобы больше никогда
не нашел ты себя в этой жизни.

Рассказ девятый

О Байазиде и пришлеце

Пришел откуда-то к Байазиду
неизвестный, постучал в дверь, как знакомый.

Посреди дома шейх благомысленный
стоял, погруженный в размышление[1].

6490 Сказал он: «Не скажешь ли, мол, откуда ты?»
Пришедший сказал: «Я — человек знакомый.

Чужак я [здесь] и пришел ради встречи
на благоуханье Байазида из дальних мест[2].

Дал ему ответ шейх, озаряющий мир:
«О бедняк, вот уже тридцать лет,

Как я желаю [найти] Байазида,
много искал его, но [и] пыли [с его пути] не видал.

Не знаю, что с ним случилось и куда ушел,
тридцать лет, как он покинул меня.

6495 Так умолкло в золоте его существо[3],
что уже тридцать лет, как он забыл
о своих делах и о себе».

* * *

Тот, кто навеки исчез в золоте,
никогда не получит вестей о себе.

Но истинный [алхимический] эликсир — это тот,
который идущие по Пути назвали Светом Божиим.

Если хоть миг посветит он на неверного,
тот от этого света получит целый мир.

Когда такой свет упал на волшебников Фир'ауна,
то прежде далекие стали так близки к Богу[4].

6500 Если старуху осветит хоть на миг,
сделает ее, как Раби'йу, [великим] мужем в мире[5].

И если осветит копающего землю, почтит его,
сделает его славным, как Харакани[6].

И если [хоть] единая частица его посветит на Ма'руфа,
от христианства он придет к вере[7].

И если он явится перед Фузайлом,
от дорожного разбоя пойдет он дорóгой тайн[8].

И если войдет он в душу Ибн Адхама,
сердце его станет владыкой обоих миров[9].

6505 И если он падет на тело, сердцем станет та земля[10],
а если падет на сердце, [оно] полностью станет душой.

Когда душа в себе обретет этот свет,
для нее оба мира станут далеки
от [истинного] существования.

Когда душа от этого света станет совершенно
уничтоженной,
выйдет она наружу с [восклицаниями:]
«*Преславен я*!» и «*Я — Истина*!»[11]

Когда она в искренности вступит в преддверие рая,
придет к ней глас от Божественного Присутствия:

«Это есть письмо от Царя Единственного
к падишаху вечному.

6510 Поскольку Мы ему надели Свою собственную одежду,
это письмо — от Святого к Святому»[12].

Поскольку ты можешь навеки стать святым,
всё тело станет сердцем, а всё сердце — душой.

Поскольку дал [Он] тебе Свой облик и Свои свойства[13],
приди, чтобы [Он] дал тебе и это [духовное] знание.

Рассказ десятый

О султане Махмуде и шейхе Харакани

Как-то раз Махмуд вернулся из дальнего пути
и однажды пришел к Харакани.

А для испытания шейха царь
позвал туда с собой Айаза[1].

6515 Надел на него свою одежду:
мол, я — телохранитель, а он — славный царь.

Но Харакани посмотрел на него
[и] сказал: «Нет, ты не телохранитель,
ибо ты — царь.

Выйди вперед, о царь-дервиш,
ибо Истинный сейчас тебя поставил впереди.

Пусть ты, Махмуд, и царь,
твое сердце постоянно хочет нищеты.

Все царства мира тебе покорны,
всё в [твоих] руках, [но] нужно тебе и это.

6520 Если ты — царь над царствами мира,
зачем ты, как нищие, просишь куска хлеба?

Не видишь ли: Тот, кто был
предвечным Махмудом[2], —
он тоже, можно сказать, делал это.

У Него были свойства беспредельного моря,
был мир, полный познавших и познания.

От всего этого Он отказался ради Адама,
вышел в обличии людей мира.

При чистоте[3] от всего Он принял эти атрибуты,
в одеянии этих атрибутов явился:

6525 Мол, когда Я был болен, чем же ты был занят,
что́ ты не пришел Меня посетить?

Когда Я просил хлеба и воды у твоей двери,
ушел Я от тебя и без того, и без этого[4].

Ибо Я выкупаю у тебя твое имущество
и твою душу
и от тебя прошу ссуды! О, тайна![5]

При всём этом Я — желаю тебя и люблю,
если ты тоже будешь желать Меня — прекрасно!»

* * *

Дорогой мой! Не знаю я, что это такое!
Что за страдание, что за любовь, что за пламя!

6530 Господство — это вечный достаток,
служение — путь рабов.

Божеству подобает самодостаточность,
но Оно является в рабствовании[6].

О Господи! Трудное это дело,
никто не знает [решения] этой загадки.

Дети Адама поистине подобны Айазу,
одетому в одежды Махмуда.

Если Он сначала дал тебе Свой облик,
в конце Он даст тебе Свои атрибуты.

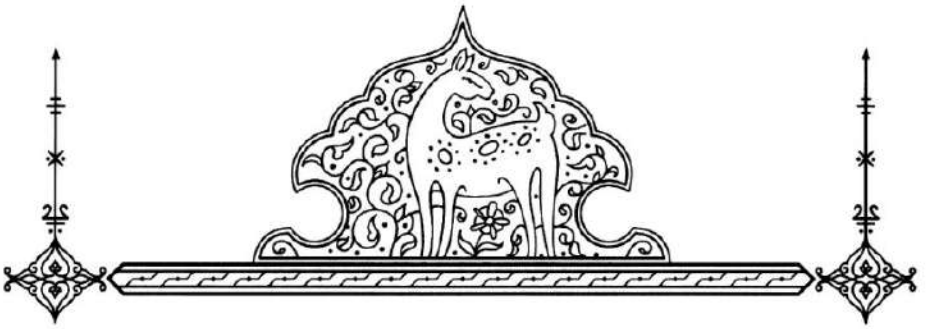
6535 Порой Он делал твое имя Своим [именем],
порой Свое имя делал нашим и моим.

Но раз нет дозволения — что́ я скажу!
Господь близко, ты далеко — что́ я скажу!

Как ты сможешь идти к Истинному
со [своей] самостью?
Лишь отказавшись от самости, ты сможешь идти.

Если ты хочешь мускуса Его на этом пути[7],
не будь меньшим, чем лань в рассветный час.

ПРИТЧА О МУСКУСНОЙ ЛАНИ



Так рассказывали славные учителя,
что есть лань, которая сорок суток

6540 Ни сухой былинки не съест, ни колючки,
лишь раз-другой найдет ароматный цветок[1].

Когда соблюдет эти сорок дней[2] в чистоте,
на рассвете поднимает голову навстречу утру.

И когда рассвет выдыхает свое дыхание,
она втягивает в себя этот утренний воздух.

Когда то дыхание войдет в кровь ее души,
из ее пупка начинает источаться мускус[3].

От того дыхания появляется в ней мускус,
и из-за того дыхания желают ее люди.

6545 Знает ли кто в целом мире о том дыхании,
от которого кровь в один миг
становится мускусом?!

Если кровь становится мускусом
от чистого дыхания,
то может и прах от него сделаться душой[4].

Да, когда свет Истины войдет в душу,
твое тело полностью примет цвет души.

Что́ я скажу еще! Нет тому возможности,
ибо душе моей на большее нет дозволения.

Если творишь эликсир[5] — вот так твори его,
только создавай этот эликсир на пути веры.

6550 Этот эликсир не в ʻАрше и не в Курси[6],
что ты спрашиваешь? Взыскуй его
от своей души!

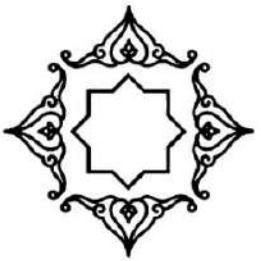
Создай этот эликсир, если ты муж Пути,
ибо это Божий эликсир для души.

Большего говорить о тайнах тебе
не дозволено, кроме как на виселице[7].

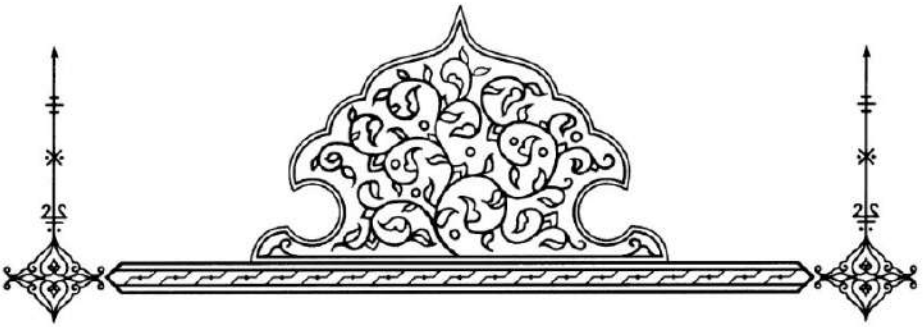
Кроме этих стоянок бывают и другие —
не знаю, есть ли у кого-то о них сведения.

Сам собой идти по этому пути не могу,
ибо и вздохнуть-то не могу без Дозволения.

6555 Если прозвучит мне разрешение[8]
объяснить это, —
скажу, а если нет —
тайне лучше оставаться за завесой.



ЗАВЕРШЕНИЕ КНИГИ



[*'Аттар о себе и своих стихах*]

Пусть [чье-то] слово и выше 'Арша[1]
преславного,
его ступень ниже, чем у стихов Фарида[2].

Ни один пришедший из высших миров[3]
никогда не скажет того, что мы сказали.

Вознес я слово в такое место,
куда никому нет дороги.

Явил [я] тебе дыхание 'Исы,
словно утро, своим дыханием явил я
белую десницу[4].

6560 Садами, что я оставляю в память о себе,
мир изукрашен, словно райский сад.

Благородные мужи немало ночей до рассвета
озаряют сердца [светом] моих садов.

Тот, кто хвалился своими речами,
испускал дыхание подобно утру истинному[5],

Доживи он до моего века,
умер бы, если б их увидел.

Да, когда появляется солнце,
утро не ценится нисколько!

6565 Так переполнено море моих стихов[6],
что тысячи источников открылись на берегу.

Море моих стихов на каждом берегу
каждый миг являет изобилие источников[7],

Один из этих источников — высокое солнце[8],
что щедро ниспускает в мир дар света.

Если бы оно не получило помощи от моря моих стихов,
не спасло бы голову от собственного меча[9].

Солнце померкнет в день Восстания мертвых,
но эти стихи всегда будут оставаться светлыми,

6570 Чтобы в раю гурии, озаряющие сердце,
напевом любви пели их каждый день.

Поскольку все мои стихи —
утверждение единства Божия[10],
то и в раю их пропеть не зазорно![11]

Распахнул я двери Божественной сокровищницы,
дал ей имя «Божественная книга»[12].

Великие, что обитают на семи небесах[13],
читают «Божественную книгу» 'Аттара.

Благодаря славе этой книги у меня царство,
ибо «Божественная книга» [явилась]
от Божественной щедрости.

6575 Каждый миг присылают мне новую жизнь,
из [мира] сокровенного присылают полное блюдо[14].

Если я из [мира] сокровенного получаю насущный хлеб,
зачем мне быть в оковах всякого беспомощного?!

Сердце, выучившее *боговдохновенный* урок[15],
не захочет разогретой пищи.

Словно дикарь, я сижу в уголке один,
от мира мне довольно миски с похлебкой из трав.

Поскольку этому дикарю нет покоя
из-за похлебки —
что́ мне до дикаря и до похлебки?[16]

6580 Поскольку я — пленник этого бирюзового купола,
в [низшем] мире мне довольно одного дома.

Что́ мне до длины и ширины мира,
до синих небес и просторов мира?

Того царства, что у меня есть, мне довольно,
если мне и нужно что-то, то это рута[17].

Я — падишах в царстве удовлетворенности
[судьбой],
потому я могу всегда делать всё, что хочу.

Рассказ первый

О школьниках

Великий муж проходил мимо школы,
и вот увидал он двух мальчиков.

6585 У одного был хлеб и мясо к хлебу,
у другого — один лишь пустой хлеб.

И вот тот у этого стал клянчить мяса:
мол, не могу я есть хлеб без мяса!

Ответ был: «Если станешь моей собакой
и будешь бегать за мной, как собака,

Получишь от меня мясо, а нет —
будет с тебя и пустого хлеба, и всё тут».

И вот мальчик согласился на это дело,
побежал он по дороге по-собачьи.

6590 Тот обвязал ему шею веревкой: мол, будь собакой,
тявкай, как собака, и беги побыстрее!

Ну, тот сделал, как ему велено,
и получил кусок мяса к хлебу.

[Муж] великий в вере сказал ему: «О мальчик!
Если бы ты был посообразительнее,

Ты бы довольствовался хлебом,
и не пришлось бы тебе становиться собакой».

* * *

Надо отказаться от приправы к хлебу,
чтобы не бегать тебе, подобно собаке.

6595 Сколько ты будешь, подобно собаке, вослед миру
бежать ради [куска] падали и костей?

Если Махмуд за историю 'Аджама
дал поэту сколько-то дирхамов,

То ты, принеси стихов хоть на слоновий груз,
не получишь ни одного дирхама в жизни.

Ведь, хотя тот слоновий груз его [поэмы] немало стоил,
для поэта он не стоил и [кувшина] пива.

Ты посмотри на высокое устремление поэта,
а теперь посмотри, что́ он за это получил![1]

6600 Слава Богу, я возмужал в вере,
в мире сем мне ни от кого ничего не надо.

Всё, что нужно, — у меня больше того:
зачем буду я тянуться к тому, что сверх этого?

Рассказ второй

Слова Божьего человека

Так сказал однажды некий служитель Истины,
который был опытен в тайнах:

«Всё, что у тебя есть, и [всё,]
в чем ты нуждаешься, —
лучше тебе искать избавления от всего этого.

Сколько вещей ни есть на свете,
для тебя лучше их небытие, чем бытие».

* * *

6605 Будь оба мира райской обителью[1],
мне довольно зрелища собственной души.

Моя чистая душа — райский сад,
в луке моем — сотня Муштари[2].

Такой рай — а друга, дышащего со мной
в лад, нет![3]
Сердце полно тайною любви — а вхожего
в его святилище нет![4]

Раз каждый друг[5], кого я ни вижу, — завеса,
то мне при каждом вздохе[6] дру́гом — эта книга.

Не нахожу никого дышащего в лад со мною,
вот и поверяю ей свою печаль.

6610 У меня в сердцевине сердца — лишь боль,
из нее и родятся все эти слова.

Мало ли я буду говорить, много ли, —
зачем мне искать кого-то? Я говорю с самим собой.

Протягивал я руку ко всему свету,
никакой друг не протянул мне руки́.

А если один друг и ответил бы мне,
он не помог бы, но обманул бы меня[7].

Хотя у рассвета тоже есть дыхание,
но не протянул ему искренне тот содыхатель руку[8].

6615 Среди стольких людей нигде
не вижу я ни на волосок верности.

А раз во мне тоже нет ни пылинки верности,
от других искать ее неправильно.

Коли я сам себе не верен ни минуты,
кто будет верным мне в целом мире?!

Ни одного спутника на пути веры я не видел,
от [следов] «Братьев чистоты» и пылинки не видел[9].

Много я шел — а всё я там же, где и был,
не знаю, от этого движения была ли мне польза!

6620 О сердце! Раз твои спутники ушли,
друзья и товарищи твои ушли,

Сколько ты еще будешь в тоске измерять ветер[10],
иди — до каких пор предаваться этим
«сегодня» и «завтра»?!

Поглотил ты, как бездельники, целый мир[11],
заботой о деле не был поглощен ни минуты.

Трудись, сегодня у тебя еще есть время,
зажги пламя, если есть в тебе огонь.

Все спят, что пьяные, что разумные, —
когда же ты проснешься ото сна?!

6625 Сколько еще будешь толковать об этих тонкостях?
Ведь придется тебе заснуть во тьме!

Ты речами — словно Ибрахим,
зачем же ты в делах — словно Намруд?![12]

Раз ты мог бы умереть, как муж дела[13], —
увы тебе, если ты умрешь, как падаль!

Сколько ты еще будешь заниматься речами?!
Вступи на путь [духовных] состояний,
если ты отважен!

Если твое сердце удовлетворяется словами,
как оно узнает состояние истинных мужей?!

6630 Все эти речи — всего лишь скорлупа,
ищи, словно мужи, духовного состояния![14]

Если ты свою милую жизнь полностью
проведешь в словах — когда ж ты будешь трудиться?!

Хотя стихи на грани совершенства,
если хорошо посмотришь — это регулы мужчин[15].

Если бы твое сердце было хоть на волосок сведущим,
не было бы тебе дела до рассказывания вестей.

Вижу, что всегда твой идол — стихи,
у тебя нет иного дела, кроме идолопоклонства.

Рассказ третий

Об Увайсе Карани

6635 Спросил у Увайса некто чистый душой:
«Говорят, что такой-то вот уже тридцать лет

Как выкопал себе могилу
и положил там саван.

Он постоянно сидит у той могилы,
ни на минуту не прекращает плача.

Ни днем покоя, ни ночью сна ему нет,
в его исплаканных глазах уже слез нет.

Такого страха[1] и трепета, как у него,
в целом мире
не бывало ни у кого из других
богобоязненных.

6640 Ты видел ли его, о чистый наставник?»
Тот сказал: «Отведи меня туда!»

Когда он пришел туда, таким его и увидел:
едва живым от страха перед мечом смерти
увидел,

Жалостным и тонким, словно зубочистка[2],
лицо, подобное полной луне,
стало словно месяц.

Из обоих глаз потоком текла кровь,
сердце в огне, язык — что язык пламени[3].

Перед ним — саван и вырытая могила,
и возле он лежит, словно мертвый.

6645 Увайс сказал ему: «О чуждый тайнам!
Этой могилой и саваном ты закрыт от Истинного.

Ты поклоняешься собственным фантазиям,
поклоняешься лишь могиле и савану!

Могила и саван только и занимают тебя,
тридцать лет отлучают тебя от Истинного.

Вот уж тридцать лет могила и саван — твои кумиры,
дорожные разбойники[4] на твоем пути к Богу».

Когда тот муж увидел свое несчастье,
ушла душа из этого бедняка, отдавшего сердце.

6650 Поняв, что был слеп к тайнам Истины,
испустил он вопль и упал в могилу.

Словно птица, вылетел он из клетки бытия,
умер и освободился от служения кумирам.

* * *

Такому, кто не знает меры в аскетизме,
могила и саван становятся многими завесами.

А твоя завеса возникла из твоих стихов:
ведь из-за этого идола ты отстранен от Бога!

Много было всевозможных идолов — я их разбил,
теперь я поклоняюсь идолам-стихам.

6655 Тысячи деревянных клеток я разбил,
теперь у меня золотая клетка — из стихов.

Если вылечу — избавлюсь от клетки,
а нет — в клетке умру опрокинутым[5].

Если я отделен идолом от Бога,
как я стану сотайнником Божиим?!

Бедствия, которые на меня сваливаются, —
знаю точно: они от меня же и исходят.

Столько слов сказал тебе 'Аттар!
Если бы хоть раз он сказал их себе,

6660 Поднялся бы он выше седьмого неба,
поднялся бы выше сонма ангелов.

О, что за рассказ — от дурного слова
собака освобождается, а человек попадает в плен![6]

О сердце! Раз нет тебе здесь пристанища,
быть опрокинутым — вот слава и честь твоя здесь!

В славе и величии не возноси голову —
проливай кровь и вздохов не возноси!

Ты долго был языком. Ныне, как подобает мужам,
с ног до головы обрати себя в ухо.

6665 Много несчастий на говорящего навлекает язык,
безмолвно золото — вот и получает оно почет!

Каламу потому всегда отрубают голову,
что у него во рту два языка[7].

Когда весы высовывают свой язычок изо рта,
каждое зернышко[8] идет в счет судьбы.

Из всех твоих членов в день Суда
именно твой язык свяжет Судья.

Лилия потому достигла свободы,
что при десяти языках она избрала немоту[9].

6670 Если хочешь стать молчаливым, как гора,
не бурли, словно море, у которого пена на губах.

Рассказ четвертый

О смерти Искандара-румийца

Когда Искандар ушел из этого мира,
один мудрец сказал: «О царственный владыка!

Если ты вот так исчезнешь под землей,
для чего ты накопил такое состояние?!»

* * *

Увы, о, увы моей судьбе,
нет у меня ничего, кроме «увы»!

Когда увидел я наличность своей жизни,
полностью отсек всякую надежду на себя.

6675 Весь я был в крови души,
ибо пока я «был» — был я ущербом себе.

В надежде на благо, сколько я себя помню,
прошла
вся моя жизнь. Она подошла к концу,
а я стал хуже.

Мир отнял у меня здоровье, дал болезнь,
забрал молодость, дал взамен старость.

Поскольку я — ничто и телом, и душою,
то не хочу я ни минуты «быть»!

Кроме как умереть, ничего мне не осталось,
ведь у меня жизни и на волосок не осталось!

6680 Хоть я небытия[1] и на волосок не видел,
кроме как «не быть» исхода я не видел.

У меня то траур, то праздник,
ведь то обещание [приходит] мне, то угроза.

У меня в этом мире было только лишь сердце —
оно стало кровью, и больше я ничего не знаю.

О, сколькими скорбями наполнено сердце!
О, кровью и огнем наполнено сердце!

Погружение в это море будет несомненно,
но как поднимусь из него? Вот что страшно![2]

6685 С чего бы в сердце моем быть страху смерти?!
Ведь я — ничто и сердце мое ни к чему не привязано!

Вся моя жизнь прошла в сказках —
кто захочет другой такой жизни?!

Я остался с пустыми руками, ибо дело мое в упадке,
ноги моей души застряли в грязи,
так она беспомощна.

Словно народ Мусы, я остался в пустыне,
от «лишения» перехожу к «уподоблению»[3].

Я — и не призванный, и не изгнанный,
остаюсь я между неверием и верой.

6690 И вот сижу я в уголке растерянный,
подперев голову руками.

Если тебе нужен целый мир печали,
посиди немного рядом с моим сердцем:

Столько у меня горя и печали,
что на моем сердце — словно сотня гор.

Каждый миг с неба сотни тысяч
скорбей дождем проливаются на это сердце.

Словно роза, милую жизнь среди шипов
я провел, и в пустых делах...

6695 Раз не могу я рассказать свою жизнь,
я затворил дыхание в горле, стал немым.

Что скажу? Всё, что сказал, сказано.
Кому скажу? Люди все спят.

Язык знания бурлит, как солнце,
язык познания вечно нем.

Словно пьяный, я выговорил всю свою растерянность,
как горсть земли, под землей усну.

Ты говоришь мне: «Больше не говори!»
Не стану говорить.
[Но] что мне делать?! Сгорю, если не буду говорить!

6700 Ты всегда спрашиваешь с меня слов,
но никогда не спрашиваешь о моем горении[4].

Дорогой мой! Рассказал я тебе о своем положении —
не поскупись же для меня на молитву!

Если от тебя изойдет чистая молитва,
на мой прах низойдет сотня светов!

Если кому что-то не дается в руки,
пусть изредка и дается, но постоянно — нет,

Лучше, чтоб без смущения и лицемерия
поутру творил он молитву.

6705 Сейчас от людей сердца[5], что в сокровенном покое[6],
прошу о себе искренней молитвы.

Цели у этих слов иной, чем молитва, нет,
ибо нет бескорыстных дел, кроме как у Бога.

Милый мой! Я рассказал тебе о состоянии мужей.
Если ты муж — не забывай меня!

Если у тебя есть хоть пылинка этой тайны,
твоя грудь всегда будет наполнена горением.

Если ты будешь оплакивать это,
тебе подобает траур.

6710 Но сам ты от изнеженности таков,
что слышишь ты оплакивание — а считаешь за игру.

Оплакивание подобает благородным,
оплакивание — дело страдавших[7].

Если ты — влюбленный, утративший друга,
и если ты — обессиленный и потерянный,

Для тебя, кроме оплакивания, нет дела,
кроме оплакивания, нет у тебя выбора.

Ты ищешь знак от потерянного[8]
и никогда не оставляешь искания.

6715 Раз ты ничего не потерял, [то] вот удивительно! —
чего ты ищешь, о чем так сильно просишь?

Рассказ пятый

О просеивающем пыль

Некто сказал просеивающему пыль:
«Удивляет меня в тебе одна вещь:

Ты ищешь то, чего не терял, бедняга!
Никогда не найти тебе то, чего не терял!»

«Удивительнее, — сказал тот, — другое:
если я не нахожу то, что не потерял,

То так сильно горюю, — и это удивительнее,
чем та странность, о которой ты сказал прежде».

* * *

6720 Ни найти нельзя, ни потерять,
ни молчать невозможно, ни говорить.

Целью да будет, чтобы ты — не был «ты»,
ни тем не был бы, ни тем и другим не был бы.

Рассказ шестой

О пророке Аййубе

Сказал великий муж: «Пророка Аййуба
так много лет терзал червь,

А целью стольких страданий был его вздох —
когда он издал вздох, Бог дал ему спасение.

Но когда Закарийи к голове приставили пилу,
сказано было ему: "Если издашь вздох,

6725 Вымараю твое имя из [списка] пророков!
Не жалуйся, покуда не покончит с тобой пила!"»[1].

* * *

Смотри — [вот] странно:
от этого Он хотел вздоха,
а от того Он хотел молчания.

Ни вздохнуть нельзя о своей беде,
ни молчать нельзя — подумай об этом!

Подобны морю эти двое — тело и душа,
ни начала не видать, ни конца, ни середины.

В этом море — ни молчать, ни говорить,
ни пребывать [не можешь], ни уйти.

6730 О благородный! Столько тебе крутиться
и вертеться?!
Как ты найдешь путь, если ты —
ничто ничтожное!

Впереди — тысячи завес из мрака и света[2],
как завершить этот дальний путь?!

Сотни пут на тебе до Дня воскресения —
как ты проложишь путь к здравию?!

Разве что впереди поднимется завеса,
по милости Истинного засияет солнце!

Ведь, если эта милость от Него просияет,
для тысяч болей найдется лекарство!

Рассказ седьмой

Об арабе и Пророке

6735 Один араб пришел к Пророку,
плотно запахнув на груди края одежды.

Сказал ему: «Я приму ислам,
если ты скажешь мне, что у меня за пазухой».

Пророк сказал: «Там у тебя голубка,
а у нее под крыльями два птенца».

От удивительной правдивости
того высокого главы [пророков]
в правдивости сердца он сразу
стал мусульманином.

Спросил: «Кто сказал тебе это, о Пророк?»
Пророк сказал: «Истинный, Владыка великий».

6740 В тот миг все, кто там был из арабов,
были в изумлении из-за той голубки,

Которая двух своих голубят крепко
прижала к себе своими крыльями.

Пророк сказал: «О асхабы и ансары![1]
Что вы так удивляетесь этому делу?

[Клянусь] Господом, который явным образом
послал меня к своим творениям,

Что к любому грешнику в мире
Он в сто раз сострадательнее,

6745 Чем сегодня эта голубка к своим детям.
Научитесь от Него состраданию!»

Рассказ восьмой

О милосердии Божием

Такой истинный рассказ передают предания,
что завтра будет один раб,
которого Могущественный[1]

Семьдесят раз будет призывать,
а тот головы не поднимет от стыда.

Господь скажет ему: «Не мучайся,
ибо сегодня — день примирения!

Подними голову —
сколько будешь отказываться!
Считай не бывшими дела,
которые до́лжно было тебе делать!»

* * *

6750 Дорогой мой! Для Истинного всё легко,
ведь если есть боль, то исцеление —
от Истинного.

Поскольку легко это для Истинного,
то неправильно тебе считать это трудным.

Рассказ девятый

О сне Бу Сахла

Как-то Бу Сахл в предрассветный час
увидел во сне, что внезапно

Подошел к нему Бу Са'ид, [старец] Михны[1],
из его лица лучился свет.

Весь мир от него стал светел,
земля от его аромата стала цветником.

6755 [Сахл] спросил у него: «О шейх славный,
что сотворил с тобою там Господь, расскажи,

Ибо меня терзает страх перед Его возмездием».
Такой пришел ему ответ от Бу Са‘ида:

«Для Истинного это дело легче,
чем полагают беспомощные творения.

Если милость Божия станет тебе помощником,
мир обернется к успеху твоего дела.

Пусть ты совершишь сотню грехов —
лишь один раз сотвори послушание,
и будешь принят».

Рассказ десятый

О женщине и Пророке

6760 Пророк сказал: «Была одна распутная женщина,
религии не слушалась, была блудницей[1].

Однажды шла она куда-то по степи,
и попался ей посреди степи колодец.

Увидела она, что там стоит собака
с языком, высунутым от жажды.

От сострадания бросила она свое дело,
сделала из башмака бадью, а из покрывала —
веревку,

Вытянула воду, дала собаке, и Бог ее
сделал почитаемой в обоих чертогах[2].

6765 В ночь восхождения[3] я видел ее подобной луне,
райский сад был ее обителью».

* * *

Греховная женщина дала собаке воды —
и такую награду получила от Истинного!

Если ты успокоишь на миг хоть одно сердце,
награду от Него не вместят оба мира.

Для того, чье сердце расстанется с самостью,
награда от Него превзойдет оба мира.

Самость — погибель, стань «лишившимся себя»,
чтобы в без-самости достигнуть высот.

6770 Самость обернулась для Иблиса проклятием,
из-за своего «я» он стал превозноситься
над другими[4].

Если ты очистишь себя от Иблисовых свойств,
станешь ты благой землею, словно Адам[5].

Ибо если Иблис проявил «я», то это оттого,
что хранит он вечную надежду на милосердие.

Рассказ одиннадцатый

О Шибли и Иблисе

Однажды Шибли, имам, озаряющий мир,
проходил долиною 'Арафат[1].

Вдруг взгляд его упал на Иблиса,
и он сказал: «О про́клятый Богом!

6775 Нет у тебя ни покорности, ни послушания, —
зачем ты здесь, среди этих людей?

У тебя печень изошла кровью[2] от этого черного дня —
и всё еще есть у тебя надежда на Истинного?»

Когда услышал эти слова горестный Иблис,
отверз уста и сказал: «О шейх Вселенной!

Когда Истинному тысячи лет непрестанно
я поклонялся между страхом и надеждой,

Показывал ангелам путь к Присутствию,
каждому растерянному показывал этот порог,

6780 Сердце мое было полно Его величия,
признавал я Его единство.

Если без причины при всех этих трудах
изгнал Он меня из своего чертога,

Кому из стоящих у порога достанет дерзости
сказать: "Из-за чего Ты его изгнал?"?!

И если без причины Он примет меня обратно —
будет не удивительно. Ведь невозможно
объяснить эту тайну!

Раз без причины я был изгнан от Него,
стану без причины призванным Им!

6785 Поскольку в делах Божиих нет «что» и «как»,
отсекать надежду на Бога — неправильно.

Раз Его гнев дал начало моему изгнанию,
не удивительно будет, если Его щедрость
меня призовет обратно.

Не знаю я, не знаю, о Боже, —
Ты знаешь, Ты знаешь, что́ Ты хочешь!

Одного призвал с сотней ласк,
другого прогнал с сотней мучений.

Ни у того нет нисколько послушания,
ни у этого — вины,
к Твоим решениям ни у кого нет пути.

6790 Поистине, Ты ни на кого не походишь,
ведь в *тот* час Ты никого не оставишь.

Не смотри на мои преступления и низость,
с милосердием посмотри на меня, низкого.

Не предавай меня горестной смерти
под ногами слона Твоего гнева,
ведь у меня нет и муравьиной дерзости в сердце!

Раз у меня нет отваги даже одного муравья,
у меня не будет силы перед слоном Твоего гнева.

Меня, горестного, наделили радостным сердцем:
убей меня или освободи мою шею!

6795 Если я причинил зло, то себе причинил,
из-за Твоего милосердия я причинил большее зло.

Хорошо ли я сделал, плохо ли —
Ты знаешь, что я это сделал себе.

Раз Ты не нуждаешься ни в моем хорошем,
ни в моем плохом —
пройди мимо их обоих, устрой мое дело!

Хотя я связан хорошим и плохим, однако
не говорю я о хорошем и плохом ни хорошего,
ни плохого.

Раз Ты без причины даешь многим счастье,
дай и сейчас мне без причины!

6800 Если Ты без причины даровал мне бытие,
без причины даруй мне погрузиться
в Твою щедрость!

Мои страдания не приносят Тебе покой,
для Твоего прощения не бывает причины —

Не разрывай же из-за содеянного мной
мою завесу[3],
перечеркни всё содеянное мной!

Тот неверный, который обретает веру,
разве не становится в первый же день
человеком дела?!

Исповедание веры после стольких лет неверия
дает счастье его омытому сердцу.

6805 Господь! Пусть и в крови я пришел,
сочти, что теперь я пришел!

Сочти меня раскаивающимся, как тот неверный, —
сочти меня новообращенным мусульманином!

Рассказ двенадцатый

О том, как Байазид повязал зуннар

Когда тот муж бистамский[1]
был на смертном одре,
сказал он окружающим: «О славные люди!

Принесите скорее зуннар,
чтобы опоясался им этот влюбленный бедняк»[2].

Крик вырвался у всех вокруг:
«С зуннаром быть тебе не годится!

6810 Как это может быть, о султан тайн,
чтобы Байазида опоясать зуннаром?!»

Снова попросил он у учеников зуннар,
никто не мог решиться на это.

Шейх долго просил и умолял,
никто не знал, как тут быть.

[Наконец] сказали: «Если шейху предопределение
судило несчастье — что сделаешь?»

Принесли ему ученики зуннар,
он повязал его и разразился слезами.

6815 Потом припал он лицом к земле
с тоскующей душой и с болью сердца стенал.

Текли из его глаз потоки крови...
А потом он сорвал с себя зуннар,

Отверз уста: «О Сущий совершенный,
истиной того, что Ты — навечно Истинный,

[Молю,] чтобы в этот миг, когда я сорвал зуннар,
Ты отнесся ко мне как к семьдесят лет
бывшему гебром[3],

Разве гебр, который в такую минуту
возвращается [к Тебе],
единой Твоей милостью не становится
обладателем тайн?

6820 Я — тот гебр, который сейчас возвратился,
хотя поздно пришел, но всё же возвратился».

Сказав это, вновь прочитал шахаду[4],
много и безмерно сетовал он.

* * *

Хотя долгий путь я прошел,
считай, что лишь сейчас пришел я.

Ты ведь знаешь, что я — ничто, Боже,
а от «никого» всего этого зачем требуешь?

Что у меня есть? Есть у меня боль безмерная,
из всего богатства и имения есть у меня новое сердце.

6825 Ведь сердце у меня разрушено и сожжено —
что ж Ты требуешь пошлины от разрухи?[5]

Если Ты хочешь немощи — у меня ее довольно,
не знаю, есть ли где еще такой немощный, как я.

Моей немощи не знает никто, кроме Тебя,
если никто не знает, то Ты знаешь.

Зачем мне говорить, если Ты — постоянно зрящий,
кого мне искать, если Ты —
каждый миг присутствующий.

Ты даруешь, прошу ли я или нет,
Ты знаешь, говорю ли я или нет.

6830 Поскольку мы беспомощны и в цепях,
что́ может прийти от этих беспомощных?!

Поскольку от сотворенных Тебе ни пользы, ни ущерба,
всё [Твое] милосердие — ради грешников![6]

Рассказ тринадцатый

О потаенной молитве Ибрахима, сына Адхама

Перед Ка'бой[1] Ибрахим Адхам
сказал Истинному: «О Владыка мира!

Соблюди меня безвинным, соблюди безгрешным,
от грехов, которые бывают, сохрани меня!»

И тогда вестник [Божий][2] принес ему ответ:
«Этой чистоты, что ты просишь у Чертога,

6835 Просили у Меня все люди.
Если бы Я исполнил твое и их желание,

Чтобы вы все всегда остались безвинными,
то все вы были бы отлучены от Моего милосердия.

Если Я всех постоянно буду видеть безвинными,
кого же Я тогда буду прощать?»

* * *

Тысячи океанов милости не имеют подобия —
но всё же рабу стоит бояться.

Не знаю я, что такое мой трепет, что́ это за трепет!
Каков путь для моего смятенного разума?

6840 Нет у меня во всём мире ничего,
кроме страха за свою душу,
мой язык — переводчик боли по Нему.

Я благоденствия не видел от жизни,
ущерб видел, а большой пользы не видел.

Согласен я умереть из этой жизни[3],
если освободишь меня — сделай это!

С ног до головы на моем теле нет ни одного места,
где бы каждый миг не появлялась новая рана.

Рассказ четырнадцатый

О ринде у дверей лавки

Некий ринд, истерзанный
и измученный болью,
стоял перед лавкой какого-то купца.

6845 Просил подать что-нибудь — тот не давал.
Долго стоял он перед лавкой.

Отверз уста хитрый владелец лавки:
«Пока себя не ранишь, не дам тебе ничего.

Если ранишь себя, получишь от меня
монету[1],
а если нет — стой себе тут и проси!»

Ринд тут же обнажил свое тело,
сказал ему: «Осмотри хорошенько!

Если на мне от головы до пят
сможешь найти хоть местечко без сотни ран,

6850 Скажи, и я нанесу туда рану:
ведь я не знаю ни одного места без сотни ран.

Если хоть где-то на мне нет раны,
не будет нисколько твоей вины.

А раз нет с головы до ног [места] без язвы,
дай что-нибудь, чтоб получить
мне от тебя утешение.

Всё мое тело уже изранено,
теперь пришла очередь духа».

* * *

О Господь! Я — словно тот нищий ринд,
ибо у меня на теле нет места без сотни ран.

6855 Сколько ни обыскивай мое тело с головы до ног,
ран [на нем], сколько ни скажи — их больше.

Иногда я разок вздохну с облегчением,
когда могу забыть эти сотни ран.

Иногда, если сотню ран не нахожу,
от жизни своей утешения не нахожу.

Пусть с головы до ног я весь — боль,
будь я неверный, если насыщусь болью!

Печаль по Тебе — вот что мне надо из всего
Твоего мира,
нет мне печали, если есть у меня печаль по Тебе.

6860 Как жаль, что нет у меня сотни тысяч душ,
чтобы излить их к твоим ногам, подобно дождю!

Когда [восклицания] «здесь!» и «Он!»[2]
достигают моего слуха,
то я весь [в этих] «здесь!» и «Он!» и в восклицаниях.

Увидел Тебя — уничтожил свою самость,
стал жив Тобой и умер для себя.

Если так будет всегда — это будет совершенство,
а если я [вновь] приду к себе — это гибель.

О Господь! Протяни руку этому смятенному сердцем,
освободи меня из этой томительной темницы!

6865 В тот час, когда душа моя подойдет к горлу[3],
не останется никакой надежды на сотворенных,

Телу моему дай свет в могиле,
сердцу моему дай навек *знакомство*![4]

Когда уничтожится это царство
моего существования,
не лишай меня доли из океана Твоей щедрости!

Рассказ пятнадцатый

О Харуне ар-Рашиде в смертный час

Когда Харун ар-Рашид,
тот недремлющий муж,
был схвачен капканом смерти,

Сошел он с престола и снял венец,
сделал своим уделом прах и пепел.

6870 В горести склонил лицо к земле,
отверз уста и сказал: «О чистый Судия!

Истиной того, что Ты — Господь Всевышний,
царству Которого не будет конца,

[Молю,] смилуйся над этим беспомощным
и презренным,
ибо царству его приходит конец!

Оттого всё это горе для пьяного сердца,
что не знаю: каков будет последний вздох?..»

Рассказ шестнадцатый

О шейхе Акта' в смертный час

Когда подступила к шейху Акта' смерть,
с сотнею жалоб горестно плакал он.

6875 Когда ему сказали: «О шейх с благой судьбой,
ты так сильно боишься смерти?»

Так сказал он: «Я томлюсь по смерти!
Кроме смерти во всём мире у меня цели нет.

Но того я боюсь с сотней мучений,
что в этот миг мой корабль попадет в пучину.

Не знаю я, этот корабль
уйдет на дно или найдет спасение.

Если [Бог] явит гнев — потонет корабль,
а если нет — навечно буду я в раю.

6880 Теперь передо мной эти две стоянки —
из-за того пла́чу, [что не знаю:]
к которой я принадлежу?

Если человек сто лет посуху вел корабль,
а теперь начнет тонуть — каково будет ему?

Но надеется этот смятенный на то,
что хранение Господне — защита души».

Рассказ семнадцатый

О залоге, врученном Господу

Был один славный муж,
который каждую ночь перед сном
с искренностью произносил исповедание веры[1].

И при этом говорил он Истинному: «О Господь!
Окажи милость, прими от меня
этот небольшой залог,

6885 Ибо такого доверенного, как Ты, нет на земле —
да что я говорю! Кроме Тебя доверенного нет!

Чтобы, когда обессилею, Ты узнал об этом
и в том моем бессилии передал его мне!»

Когда подошла к нему разрушительница смерть,
уста его были скованы трое суток.

Когда осталось ему [жизни] на два вздоха,
развязался его язык в исповедании веры.

И вот, когда он произнес исповедание
и отдал душу,
вестник Божий[2] сказал ему:

6890 «О муж, возьми этот залог,
который каждую ночь ты передавал с верой,

Чтобы ведал [каждый] муж разумный,
что благое дело никогда не бывает напрасным!»

* * *

О Господь! Если мое сердце полно надежды,
то это не от [дел] послушания, а от седых волос!

Моя надежда на [свое] рабствование — лишь обольщение,
ибо всё, что от меня исходило, было самим небрежением.

[Но раз] твое прощение и на волосок
не зависит от причины,
если простишь меня за один лишь волосок —
не удивительно!

Рассказ восемнадцатый

О том, как Саджаванди искал раба

6895 Имам веры Саджаванди в собрании
сказал: «О люди, томящиеся [по Истине]!

Попрошайничество — в обычае проповедника,
[а] у меня этого попрошайничества еще больше.

Мне нужно, чтобы вы мне дали раба,
чтобы избавить [меня] от забот об этом старце»[1].

Один предложил ему одного раба, второй — другого,
другой — третьего, и так до шестого.

Он так сказал им: «Поскольку я стар и немощен,
мне нужен раб, такой же старый и беспомощный, как я».

6900 Когда собравшиеся услышали его ответ,
у них сразу перехватило дыхание.

На втором собрании и на третьем
он просил того же,
[но] ни от кого такого раба не получил.

Стал жаловаться старец, и сказал он:
«Не думал я о людях своего собрания,

Что увижу от них такие отговорки,
что поскупятся они мне на раба!»

Кто-то сказал ему: «Это не их вина!
Но [дело в том, что,] раз тебе нужен старый раб,

6905 Мы долго ходили по городу,
но никто не приводил [на продажу] такого раба.

Ни у высших, ни у низших не бывает того,
чтобы привели старого раба на базар.

[Все] говорят: "Пусть мы даже и в нужде,
но мы стыдимся Бога высокого,

Чтобы продавать старого раба, —
ведь это будет такой позор!"»

Когда старец услышал эти слова, он встал
[и] так сказал: «Сбылось мое желание!

6910 Я для того просил о таком рабе,
чтобы сказать: "Вот конец достохвальный!

Если нет сегодня человека,
считающего допустимым
разбить сердце старому рабу,

Щедрый Господь в дни старости
разве продаст Своего раба в неволю?!"»

* * *

Боже! Как я низко ни пал,
но я и старый, я и раб.

Хоть я весь в грехах,
не продавай меня, я ведь старик!

Рассказ девятнадцатый

Об ʻАбдаллахе ибн Масʻуде и рабыне

6915 У ʻАбдаллаха [сына] Масʻуда была рабыня,
которая владела сотней различных искусств.

Но когда пришла к нему нужда,
стал он искать покупателя для этой девушки.

Он так сказал ей: «О дорогая,
пойди, выстирай одежду и расчеши волосы,

Чтобы я продал тебя, ибо пришла нужда.
Тело требует налог с разрушенного сердца!»[1]

Когда девушка выполняла его приказ,
уронила с головы два-три седых волоска,

6920 И, когда ее взгляд упал на них,
тысячи кровавых слезинок упали из ее глаз.

Когда ʻАбдаллах [сын] Масʻуда увидел это,
увидел ее глаза подобными кровавой туче,

Он сказал ей: «Почему ты плачешь?
Почему ты так опечалена?

Я теперь заключил с тобой
безмолвный договор,
что не продам тебя — не рыдай так!»

Девушка сказала: «Я плачу не потому!
Ведь ты волен продать меня.

6925 Но я оттого плачу так горько,
что всю жизнь служила я тому,

На чьей службе поседели мои волосы,
[а] в конце пришла безнадежность.

Зачем же я служила человеку,
который продаст меня в тяжелую минуту?!

Зачем я отдала молодость тому,
кто в старости меня продаст за деньги?!

Зачем я провела свою жизнь там,
где в награду за службу меня продадут?!

6930 Зачем мой путь был к порогу другого,
если такой Порог был передо мной?!

Тому, у кого есть такой Порог,
к другому порогу держать ли путь?

Ты, хозяин, не слушай моих слов,
хоть я ничего не стою — продай меня!»

Тут сразу явился Джабраил
перед главою и луною незаходящею:[2]

«Скажи ʻАбдаллаху: "О верный!
Не считай ты эту боль допустимой!

6935 Поседели ее волосы в послушании[3],
только свобода должна быть ее путем!"»

* * *

О Господь! Я — Твой [раб] с кольцом в ухе[4],
не выставляй меня на продажу в дни старости!

Хоть никакого у меня нет послушания,
у меня поседели волосы в исламе![5]

Если продашь меня — сгореть моей душе,
ведь в *тот* день запылает ад!

Что делать тому, чьи душа и сердце сожжены?!
Что делать муравью в такой день?!

6940 Величием Твоим, о знающий тайное,
[молю:] не бросай меня в ров бессилия!

Не сминай, словно воск, руками гнева!
Не отлучай меня от Твоего милосердия!

Всё доброе и злое мое сочти несделанным!
Своей милостью [освободи] меня от меня!

Ведь всё доброе и злое, что от меня исходит,
станет мне поневоле ярмом на шее!

Если Ты меня не пробудишь,
сочти, что я мертв в своем сне небрежения!

6945 Если я, немощный, низко, то Ты — высоко,
подними меня в высоту, ибо Ты меня сбросил!

Я в Твоем плену с давних времен:
покажи мне дорогу к Тебе!

Открой мне дверь и сделай меня Своим стариком,
похить мое сердце и сделай меня Своим безумцем!

От меня много пришло мне разрушения,
Боже! *Спаси меня от меня самого*!

Освободи меня от меня, если пожелаешь,
ибо всё, что Ты хочешь сделать — можешь!

6950 Не оставляй меня с моим «я»,
прими меня без моего «я»,
я уж сыт собою, моего «я» не бери в расчет!

Не знаю я ни себя самого, ни доброго и злого,
раз Ты существуешь — на что мне это «я»!

Истиною того, что Ты знаешь, каков я,
[молю:] выведи меня из этой кровавой пучины!

Меня без моего «я» прими к Себе,
не отдавай меня мне снова!

Назови меня псом и не прогоняй от порога,
ибо на Твоей улице мне довольно одной кости!

6955 Если я получу кость с Твоей улицы,
расстелю я свою скатерть
перед [птицей] Хума небосвода![6]

Рассказ двадцатый

О Бишре Хафи

В начале дня вышел Бишр Хафи,
пьяный от [винного] осадка, но чистый душой.

И нашел он на дороге листок бумаги,
на том листке было написано имя Божие.

Во всём мире не было у него ничего,
кроме одного джау[1],
он отдал его и получил мускус — вот она, прибыль!

В ночи тот муж, ищущий Бога, имя Божие
умастил своим благовонным мускусом,

6960 [А] перед рассветом он увидел во сне,
что пришло к нему воззвание:

«О поднявший Мое имя из праха,
с благоговением ты его сделал благоуханным и чистым!

Мы сделали тебя ищущим Истину,
сделали тебя и чистым, и благоуханным».

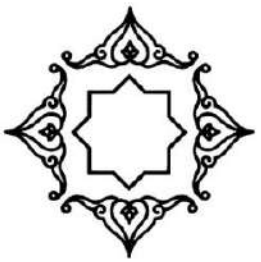
* * *

Владыка! Хотя этот 'Аттар благоречивый
ароматом стихов[2] сделал Твое имя благоуханным,

Что с того, что 'Аттар был благоречивым?
Ведь имя Твое [и так] всегда было благоуханным!

6965 Ты своей щедростью сделай его прахом Своего порога,
Своим именем сделай его именитым!

Ибо кроме как на милость Твою нет у него надежды,
ведь послушания-то у него ни на волосок нет!



ДОПОЛНЕНИЯ

РАССКАЗ О ПРАВЕДНОЙ ЖЕНЕ*

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

Ночи 465—466
Рассказ о праведной женщине
фрагменты

Рассказывают также, что среди сынов Исраиля[1] был судья из их судей, и была у него жена, редкостно красивая, обладавшая великой строгостью к себе, терпением и выносливостью. И пожелал этот судья выехать и посетить Иерусалим, и оставил он своего брата заместителем в должности судьи и поручил ему свою жену. А брат его услышал о ее красоте и прелести и влюбился в нее.

И когда судья уехал, брат его отправился к его жене и стал ее соблазнять, но она отказывалась и искала защиты в богобоязненности. И умножил брат судьи свои домогательства, но она всё отказывалась. И когда у него исчезла надежда, он испугался, что она расскажет мужу о его поступках, когда тот возвратится, и призвал лживых свидетелей, чтобы они засвидетельствовали ее прелюбодеяние. А затем он довел это дело до царя того времени, и царь велел побить женщину камнями.

И вырыли яму, и женщину посадили туда и бросали в нее камнями, пока камни не покрыли ее; и царь сказал: «Пусть эта яма будет ее могилой».

---

* Здесь и далее в наст. разделе представлены истории, сюжетно близкие к повествованиям из «Илахи-наме» 'Аттара (подробнее см. в преамбуле к примечаниям к разделу «Дополнения»); так, «Рассказ о праведной женщине» из «Тысячи и одной ночи» сюжетно схож с «Рассказом о праведной жене» (I.1.1). Далее, в начале каждого тематического блока, в подстраничных сносках, приводятся условные шифры из трех цифр (номера сына (римская цифра), Беседы и рассказа в ней), обозначающие, к какому рассказу из «Илахи-наме» 'Аттара отсылает приводимый текст.

Когда же опустилась ночь, женщина стала стонать от того, что́ ее постигло, а мимо нее проходил человек, направлявшийся в одно селение; и, услышав ее стоны, он подошел к ней и вытащил ее из ямы. Он снес женщину к своей жене и велел ей ее лечить. И жена его лечила женщину, пока она не исцелилась. А у жены этого человека был ребенок, и она отдала его этой женщине, и та стала за ним ходить, и ребенок спал с нею в другой комнате.

И увидел ее однажды один из ловкачей, и пожелал ее, и стал посылать к ней, соблазняя ее, но она отказывалась. И тогда он задумал ее убить и, придя к ней ночью, вошел в ее комнату, когда она спала, а затем он ринулся на нее с ножом, но ему попался под руку ребенок, и он зарезал его. И когда ловкач понял, что он зарезал ребенка, его охватил страх, и он вышел из комнаты, и Аллах защитил от него женщину. А наутро она нашла ребенка подле себя зарезанным, и пришла его мать и сказала: «Это ты его зарезала». А потом она побила ее болезненным боем и хотела ее зарезать, но пришел ее муж и спас эту женщину и сказал: «Клянусь Аллахом, ты этого не сделаешь!»

И женщина вышла, убегая, и не знала, куда направиться; а у нее были кое-какие деньги. И вот она проходила мимо какого-то селения и видит: собрались люди, и один человек распят на стволе дерева, но только он еще в оковах жизни. И женщина спросила: «О люди, что с ним?» И ей ответили: «Он совершил грех, и не искупит его ничто, кроме его жизни или выкупа в столько-то и столько-то денег». «Возьмите деньги и отпустите его», — сказала женщина.

И преступник раскаялся с ее помощью и дал обет служить ей ради великого Аллаха, пока не возьмет его смерть. И потом он построил для женщины келью и поселил ее в ней, а сам рубил дрова и приносил женщине пищу; она же усердно поклонялась Аллаху, и когда приходил к ней больной или одержимый и она за него молилась, он тотчас же выздоравливал.

<...> к этой женщине стали направляться люди, а она обратилась к поклонению Аллаху в своей келье. И было так, по приговору Аллаха великого, что брату ее мужа, который побил ее камнями, оказалась ниспослана болезнь на лице его, и женщину, которая ее била, поразила проказа, а ловкача постигла болезнь, из-за которой он стал сиднем.

А судья, ее муж, вернулся из паломничества и спросил своего брата про жену, и тот рассказал ему, что она умерла. И опечалился о ней судья и счел, что она у Аллаха.

А потом люди прослышали об этой женщине и направлялись к ее келье со всех концов земли, длинной и широкой. И судья сказал своему брату: «О брат мой, не направишься ли ты к этой праведной женщине? Может быть, Аллах пошлет тебе при ее помощи исцеление». И его брат ответил: «О брат мой, снеси меня к ней».

И услышал о ней муж той женщины, на которую пала проказа, и пошел к этой женщине; и услыхали родные ловкача-сидня о ее деле и тоже пошли с ним к ней, и все они собрались у дверей ее кельи. А она видела всех, кто приходил к ее келье, из такого места, где ее никто не видел. И пришедшие ждали ее слугу, пока он не пришел. И тогда они пожелали, чтобы он испросил им позволения войти к ней, и слуга сделал это. И женщина надела покрывало и закрылась и стала у дверей, смотря на своего мужа, его брата, вора и женщину; и она узнала их, но они ее не узнали.

«Эй, вы, — сказала она им, — вы не избавитесь от того, что с вами, пока не признаетесь в своих грехах. Когда раб признаётся в своих грехах, Аллах прощает его и дает ему то, из-за чего он к Нему пришел». «О брат мой, — сказал судья своему брату, — покайся Аллаху и не упорствуй в твоем ослушании: это полезнее для твоего избавления, и язык обстоятельств говорит такие слова:

Вот день, когда встретятся злодей и обиженный,
и тайну сокрытую откроет тогда Аллах.

Унизятся грешники в таком положении,
но тех, кто послушен был, Аллах вознесет *туда*[2],

Владыка и Господин покажет нам истину,
хотя бы и гневался ослушник, упорствуя.

О, горе тому, кто враг Владыке, гневят Его,
как будто не знает он Аллаха жестоких кар!

О ищущий славы, слава — горе тебе! — лишь в том,
чтоб страх иметь к Господу. Ищи же защиты в Нем!

И тогда брат судьи сказал: «Теперь я скажу правду: я сделал с твоей женой то-то и то-то, и вот мой грех». А прокаженная сказала: «У меня была одна женщина,

и я приписала ей то, чего не знала наверное, и побила ее нарочно. Вот мой грех». «А я, — сказал сидень, — вошел к одной женщине, чтобы убить ее, после того как я ее соблазнял, а она отказывалась от прелюбодеяния, и я зарезал ребенка, который был подле нее. Вот мой грех».

И тогда женщина сказала: «Боже мой, как Ты показал им унижение из-за ослушания, так покажи им величие из-за повиновения. Поистине, Ты властен во всякой вещи!» И излечил их Аллах, — велик Он и славен! И судья стал смотреть на женщину и разглядывать ее, и она спросила, почему он смотрит, и судья сказал: «У меня была жена, и, если бы она не умерла, я бы сказал, что это ты». И женщина дала ему узнать себя, и оба начали восхвалять Аллаха (велик Он и славен!) за то, что Он ниспослал им встречу, а затем все: и брат судьи, и вор, и женщина — стали просить у нее извинения, и она простила всех. И они поклонялись Аллаху в этом месте, прислуживая женщине, пока не разлучила их смерть.

О ПОТОМКЕ ‘АЛИ, А ТАКЖЕ УЧЕНОМ БОГОСЛОВЕ И МУХАННАСЕ*

Санаи

САД ИСТИНЫ

Глава 7

Притча
о стойкости человека

Шли в Рум борцы за веру,
чтоб добыть в джихаде доброе имя[1].

Но их одолели, они были разбиты,
а трое из них попали в плен:

Потомок ‘Али, ученый муж
и муханнас[2], но разумный.

Правитель Рума велел их судить,
и вынес всем троим приговор
жестокий судья:[3]

«Повяжите пояс магов[4],
поклонитесь идолу,

А иначе сожгу всех троих,
причиню[5] всё зло, какое смогу».

* I.2.2.

Сели все трое, стали совещаться,
все трое воздели руки в молитве.

Ученый законовед сказал: «Закон дозволяет,
чтобы попавший в руки врага нарушил обет,

И, если враг принуждает к отречению,
дал бы согласие языком, но не сердцем,

А потом, сделавшись свободным,
вернулся бы к обету и договору».

Потомок ʻАли сказал: «У меня есть заступник —
мой предок, вождь великих и малых».

Муханнас сказал ученому:
«Я за вас радуюсь!

Для тебя твоя наука — достаточное основание,
для потомка ʻАли его друга-отца достаточно.

А я в обоих мирах — муханнас,
от моих грехов мир разрушается.

Делайте со мной что хотите,
хоть возьмите и отрубите голову!

Хорошо ли [мне будет], плохо ли — всё равно!
Я из всего мира выбрал доброе имя!

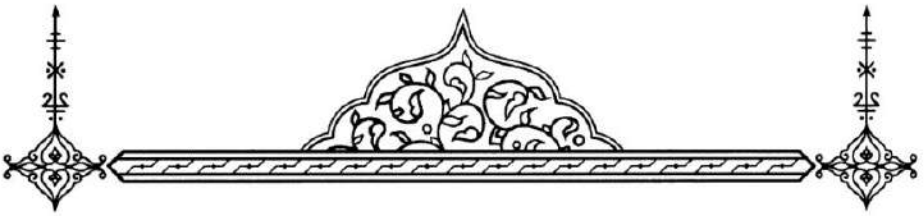
Отдам жизнь ради веры —
зачем предавать душу позору ада!

Лучше мне быть убитым с добрым именем,
чем оставаться жить с тысячью грехов!»

Отдал душу, но не преклонился ни перед кем,
не уселся у дверей позора и колебания...

О ты, что мужеством — образец в своей эпохе!
Вот какое дело явил муханнас!

Если ты мужчина, покажи такое же,
а иначе — не хвастайся!



ОБ АНУШИРВАНЕ И СТАРИКЕ, САЖАЮЩЕМ ДЕРЕВЬЯ*

Низам ал-Мулк

КНИГА О ПРАВЛЕНИИ

Глава 36
О вознаграждении достойных слуг и рабов

фрагмент

Таков был обычай в роде Саманидов: когда кто-либо говорил перед ними речь или показывал талант, который им нравился и у них вырывалось восклицание «славно!»[1], немедленно казначей давал тому лицу тысячу дирхемов[2], а цари-хосрои[3] превосходили других государей в правосудности, благородстве и великодушии, особенно Нуширван Справедливый.

Передают: однажды Нуширван Справедливый сел на коня и отправился с приближенными на охоту. Проезжая по окраине одной деревни, он увидал девяностолетнего старика, который сажал в землю дерево — грецкий орех. Нуширван удивился, ибо только после двадцати лет грецкий орех приносит плоды. Сказал: «Эй, старик! Ты сажаешь грецкий орех?» [Тот] ответил: «Да, владыка». [Царь] спросил: «Сколько же ты думаешь прожить, чтобы поесть плодов?» Старик ответил: «Они посадили, а мы съели, мы сажаем, а они съедят». Нуширвану это понравилось, он воскликнул: «Славно!» — и немедленно приказал казначею дать старику тысячу дирхемов. Старик сказал: «О господин! Никто быстрее меня не поел плодов этого грецкого ореха». [Царь] спросил: «Как это?» Старик сказал: «Если бы я не сажал ореха, а владыка не проезжал бы здесь, то сему рабу не досталось бы того, что досталось; если бы сей раб не дал того ответа,

---

* I.2.5.

откуда бы я достал эту тысячу дирхемов?» Нуширван сказал: «Славно! Славно!» Казначей немедленно выдал две тысячи дирхемов, потому что Нуширван дважды произнес «славно».

Са'д ад-Дин Варавини

КНИГА МАРЗБАНА

Глава 9
Об орле и [двух куропатках:] Азадчихре и [его жене] Ира́
фрагмент

<...> однажды Хусрав отправился в степь. Там он увидел садовника, мужа ветхих годов. Хотя град его бытия уже клонился к разрушению, и резвые разведчики отошли от четырех окошек, и все тридцать две его мельницы одна за другой вышли из строя[1], ветвь упования в пору осени жизни и опадания листьев наслаждения расцвела у него новым цветом и после оскудения соков выпустила новую поросль. То есть на последних ступенях старости он сажал смоковницу. Хусрав сказал: «О старик, безумие, которое восходит от ветви юности и поры отрочества, ты проявляешь в сезон седины! Тебе сейчас время выдрать корень привязанностей из этой зловредной почвы и посадить дерево в цветущем саду рая. Место ли здесь этой тщетной страсти и пустой алчности? Дерево, которое ты сегодня сажаешь, — когда же ты сможешь съесть его плоды?!» Старик ответил: «Другие посадили, а мы ели, мы сажаем — другие будут есть. Как сказали светлые сердцем:

[Они] сажали, а [мы] едим, сажаем,
а [они] будут есть,
если поразмыслишь, все мы —
земледельцы друг для друга».

Хусрав пришел в великое изумление от изобилия его знаний и уместности его ответа. Он сказал: «О старик, если тебе в этом доме бытия и уничтожения[2] дадут столько [лет], чтобы ты мне принес с этого дерева гостинец, то я тебе отдам поземельный налог с этих садов». Надежда, скажем коротко, оправдалась. Дерево принесло плод, [старик] отнес падишаху гостинец, и тот выполнил обещание.

ВАВИЛОНСКИЙ ТАЛМУД

Трактат «Таанит»

фрагмент

Хони сказал: «Где это видано, чтобы кто-нибудь провел семьдесят лет в сновидении?» Однажды шел он по дороге и увидел человека, который сажал рожковое дерево. Сказал ему: до каких лет вынашивает?[1] Сказал ему тот: «До семидесяти лет»[2]. Сказал ему Хони: «Ты уверен, что проживешь семьдесят лет?» Сказал ему тот человек: «Нашел я мир уже с рожковыми деревьями. Как сажали для меня отцы мои, так и я сажаю деревья для сыновей своих».

Сел Хони, поел хлеба, заснул. Сомкнулась над ним скала, скрыла его от глаз, и проспал он семьдесят лет. Когда проснулся, то увидел человека, который собирал с них. Сказал ему: «Это ты его посадил?» Сказал ему тот: «Я сын сына его».

ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ РАВВИНОВ

Рассказ 26

[Император] Адриан[1] увидел в Палестине старика, сажающего смоковницы. Он укорил его, сказав: мол, если тот не трудился в молодости, то зачем работает сейчас, в преклонных годах? Старик ответил, что работал сколько мог, а остальное оставил на Бога. Император ответил: «Если ты когда-нибудь соберешь смоквы с этого дерева, принеси их мне». Старик [со временем] собрал смоквы и принес императору, а тот в награду наполнил его корзину золотом. Завистливая жена соседа сказала мужу, что император, наверное, любит смоквы, так что муж должен ему принести сколько-нибудь. Муж так и сделал, а император поставил его перед воротами и приказал, чтобы каждый проходящий бросал смокву ему в лицо. Когда он вернулся домой, домочадцы сказали ему: «Благодари своего Создателя, что это были не цитроны, а смоквы, что они были спелые и не тяжелые».

О ХОДЖЕ ДЖАНДИ И ПСЕ*

Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 3

Поминание Хасана Басри

фрагмент

Как-то он (Хасан Басри) увидел собаку и сказал: «Господи, сочти меня ро́вней этой собаке!» У него спросили: «Кто лучше — ты или собака?» Он сказал: «Если я буду избавлен от наказания Господня, то я лучше собаки, а если нет — клянусь всевеличием и всеславием Господа, собака сто́ит ста таких, как я».

Рази ад-Дин Нишабури

БЛАГИЕ СВОЙСТВА ХАРАКТЕРОВ

Глава 21

фрагмент

Однажды ходжа имам Абу Исхак Ширази шел по дороге. Навстречу им попался пес, и ученик, который прислуживал Абу Исхаку, крикнул этому псу, чтобы он ушел с пути великого мужа. Ходжа имам сказал: «Не гони его: разве ты не знал, что путь у нас с ним общий?!»

---

* I.2.6.

ТЫСЯЧА ИСТОРИЙ

фрагмент

[Наср, сын Ахмада, спросил:] «О безумец, этот пес лучше или ты?» Тот сказал: «Раз мое естество сотворил Тот же, кто сотворил пса, то, когда придет смерть, мы оба станем едины. Но и меня, и тебя прогонят от Порога, и один волосок собаки будет лучше и меня, и тебя, претендующего на то, что ты царь». Когда Наср, сын Ахмада, услышал это, он освободил собаку, сокола и [охотничьего] гепарда, повернулся, ушел домой и предался поклонению Богу.

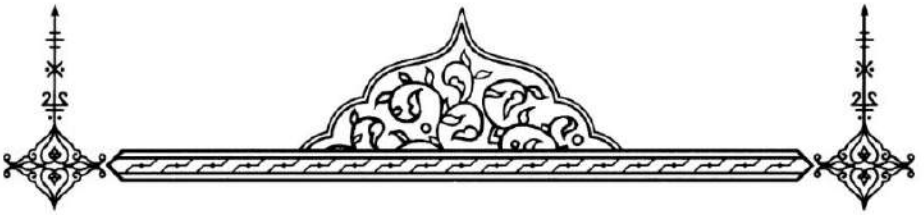
О БУ СА‘ИДЕ, А ТАКЖЕ О СУФИИ И ПСЕ*

ВКУШЕНИЕ МОМЕНТА

Рассказ 64

Рассказывают, что один суфий так сильно ударил пса посохом, что сломал ему лапу. Пес пришел к шейху Абу Са‘иду и стал кататься по земле. Шейх позвал суфия: мол, зачем ты так сделал? Тот ответил: «Он лежал у меня на дороге, сколько я ему ни говорил, не встал. Я его ударил посохом». Пес всё не умолкал. Тогда шейх сказал псу: «Какое ему назначить наказание?» Пес на языке, который шейх понимал, сказал: «Я увидел на нем одежду людей мира и спасения[1] и не стал его сторониться. Сказал себе: “Мне от него не будет никакого вреда”. Я не знаю большего наказания для него, чем если ты снимешь с него одежду людей мира и спасения, чтобы все знали, что он — стражник[2], а не суфий». Шейх пересказал слова пса. Суфий встал перед ним, прося прощения[3], и тот момент для всех стал радостен[4].

* I.2.8.



О ПРЕДСМЕРТНЫХ МИНУТАХ АБУ-Л-ФАЗЛА ХАСАНА*

Фарид ад-Дин ʻАттар

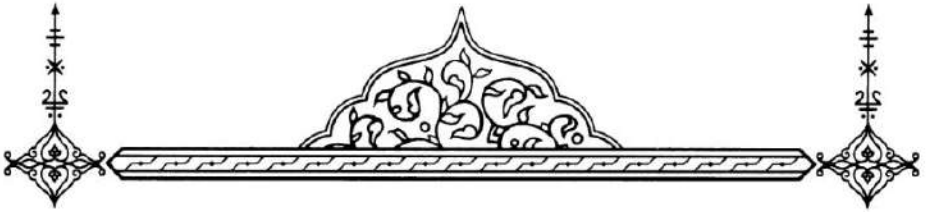
ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 96
Поминание Абу-л-Фазла Хасана

фрагмент

Рассказывают, что, когда приблизилась его (Абу-л-Фазла Хасана) смерть, ему сказали: «Мы похороним тебя в таком-то месте, потому что там лежит прах шейхов и великих мужей». Он сказал: «Остерегитесь! Кто я такой, чтобы меня хоронить рядом с такими людьми?! Я хочу [быть похороненным] на вершине того холма, где [лежат] завсегдатаи харабатов[1], мошенники. Положите меня в землю рядом с ними, потому что они ближе к милосердию. Ведь жаждущим дают больше воды».

* I.2.9.



ОБ ИБРАХИМЕ АДХАМЕ И ДЕРВИШЕ*

Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 11
Поминание Ибрахима Адхама

фрагмент

Он (Ибрахим) спросил у одного дервиша: «Ты женат?» Тот ответил: «Нет». Он спросил: «Есть ли у тебя дети?» Тот сказал: «Нет». {Он сказал: «Это замечательно». Тот дервиш спросил: «Почему?»} Он сказал: «Тот дервиш, который женился, сел на корабль, а когда появился ребенок, корабль утонул».

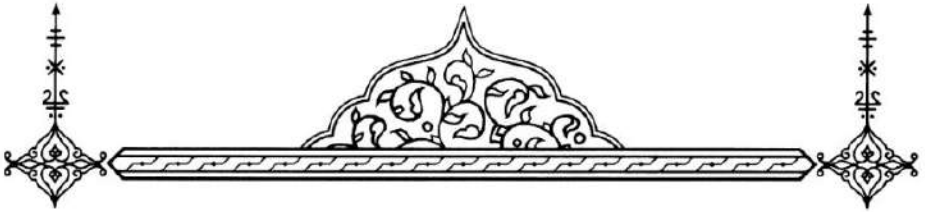
Каза'и Магриби

ОСТАВЛЕНИЕ МНОГОСЛОВИЯ В ТОЛКОВАНИИ «МЕТЕОРА [ИЗВЕСТИЙ]»

фрагмент

Так сказано: «Когда человек достигает зрелого возраста, он оказывается на берегу моря, когда женится — садится на корабль, а когда родится ребенок — корабль разбивается и он падает в воду, но выбирается на берег на какой-нибудь доске».

* I.3.1.



О ВСТРЕЧЕ ЙА‘КУБА И ЙУСУФА*

Ахмад Туси

РАССКАЗ О ЙУСУФЕ

фрагмент

Йа‘куб сказал: «Душа отца![1] Вот уже сорок лет, как мое лицо в разлуке с тобой не осушается от слез! За эти сорок лет как же ты не написал мне ни одной записки, чтобы я узнал, что ты жив?!» Йусуф засунул руку за пазуху, вынул связку писем и сказал: «О отец! Каждый раз, когда я изнемогал в разлуке с тобой, я доставал калам[2] и бумагу, чтобы написать тебе письмо. [Но] являлся Джабраил[3], брал мою руку и говорил: “О Йусуф! Могущественный [Повелитель] мира говорит: ‘Мы повелением ревности сжигаем старца в огне ревности и расплавляем в горниле любви’. Ты руку овладения убери в рукав, чтобы исполнилось предвечное обещание”. Поскольку таково было веление ангела, я не мог ему противиться»[4].

Абу Исхак Нишабури

РАССКАЗЫ О ПРОРОКАХ

фрагмент

В предании сказано, что, когда Йусуф был в Египте, он написал отцу больше пятидесяти писем, но Господь Всевышний дал веление, чтобы ни одно письмо к нему не дошло, и каждый раз появлялась какая-то причина, по которой веление Господа выполнялось, чтобы люди мира узнали, что Он то делает, что пожелает.

* I.3.5.

О ЙУСУФЕ И ИБН ЙАМИНЕ*

Абу Исхак Нишабури

РАССКАЗЫ О ПРОРОКАХ

фрагмент

Он (Йусуф) приказал, чтобы принесли еду. Распорядитель сказал [братьям Йусуфа]: «Вставайте, идите в трапезный зал». Йусуф сказал ему: «Приведи их сюда, они будут есть, а я буду с ними говорить» — и приказал, чтобы устроили шесть мест для еды, и расспрашивал их об отце, а сам из-за покрывала[1] смотрел на Ибн Йамина и плакал. Вот принесли еду. Йусуф сказал: «Каждые двое, кто от одной матери, ешьте вместе». Они расселись по двое. Ибн Йамин остался один и принялся плакать. Йусуф спросил: «Почему ты плачешь?» Тот сказал: «У меня был брат, от одной матери со мной. Был бы он здесь, мы бы вместе сидели и ели». Йусуф сказал: «Распорядитесь, чтобы он сидел и ел вместе со мной». Ему сказали: «Для него будет честью есть вместе с ʻазизом»[2]. Братья сказали: «Это от небес, что дело Ибн Йамина до того дошло, чтобы ему сидеть за трапезой с ʻазизом». Йахуда[3] сказал: «Я говорю вам, что это Йусуф». Тут Йусуф сказал: «Я не ем с посторонними, возьмите скатерть и отнесите ко мне, и я буду с ним есть, потому что он остался один и опечален».

Тогда они вошли в зал. Как только они уселись, Йусуф снял с лица покрывало. Ибн Йамин увидел его лицо, вскрикнул и лишился чувств. Йусуф приказал облить его лицо водой. Когда тот пришел в себя, заплакал. Йусуф спросил: «О юноша, что с тобой? Может быть, ты болен? Или на тебя напала падучая болезнь?» Тот ответил: «Нет, о ʻазиз, но мы — потомки пророка[4]. Когда я на тебя посмотрел, ты был очень похож на Йусуфа, моего брата, который пропал».

---

* I.3.6.

Йусуф сказал: «О Ибн Йамин, не горюй: я и есть Йусуф, твой брат». Ибн Йамин вновь лишился чувств. Йусуф приказал, чтобы принесли гуляб[5] и окропили ему лицо, чтобы он снова пришел в себя.

Когда он пришел в себя, Йусуф спросил: «О Ибн Йамин, как мой отец?»

Тот ответил: «Он сидит в доме скорбей[6], он ослеп от горя по тебе».

Йусуф заплакал, и так плакал, что лишился чувств.

О САРПАТАКЕ-ИНДИЙЦЕ*

РАССКАЗ О ЧЕТЫРЕХ ДЕРВИШАХ

фрагменты

Юный принц влюбляется в царевну пери[1]*, которая внезапно спустилась к нему с неба, но потом была уведена единоплеменниками. От горя и любовной тоски он заболевает, непрестанно рыдает и лишается дара речи. Его привозят на индийский остров к целителю-йогу*[2]*, который никого к себе не пускал, однако принять юношу всё же соглашается.*

Йог взял меня за руку, повел в свой сад. Сад был окружен неприступной оградой. <...> Я делал всё, как он мне посоветовал, и изо дня в день набирался сил и здоровья, слабость постепенно отступала от меня. Но любовь к той красавице не забывалась. Днем, чтобы чем-то заняться, я читал книги. Таким образом я стал искусным во многих редких науках, познакомился с природными свойствами всех цветов и трав, минералов и драгоценностей, с их особенностями, с их пользой и вредом. Также я научился использованию отдельных вещей и предметов, научился готовить различные составы и лекарства. Но слышать — не то, что видеть! Пока всё это сам не увидел, я представления не имел, какое снадобье от чего.

Я пробыл там год <...>. Когда йог вышел из уединения к больным, [одного изможденного болезнью юношу] он увел с собой в место своего уединения и закрыл дверь. Я остался в недоумении: что он с ним будет делать?

Наконец, не выдержав, я взобрался на крышу здания. Над той комнатой на крыше было отверстие. Осторожно я заглянул внутрь и увидел, что лекарь усыпил юношу, крепко привязал к четырем кольям, с удивительным мастерством снял черепную кость и отложил ее в сторону. Поодаль горел огонь. Он сунул в пламя

---

* I.4.1.

щипцы и нагрел их. Увидев всё это, я понял, что́ за болезнь у этого юноши. В одной из книг йога я прочитал, что, если сороконожка вползет в ухо человека, она добирается до самого мозга, и больной от сильных головных болей день за днем теряет аппетит и силы, начинает худеть. В конце концов мозг заболевает, чернеет, и человек умирает. Выход один: необходимо со всеми предосторожностями снять черепную кость и теплыми щипцами извлечь сороконожку. Если щипцы не нагреть, сороконожка вцепляется ножками в мозговую оболочку и разрывает ее. Если же щипцы согреты больше, чем нужно, они прожигают оболочку. После извлечения сороконожки кость водворяют на место и определенными мазями и лекарствами заживляют раны. Других способов излечения нет.

В это время йог вынул щипцы и хотел удалить сороконожку. Я знал, что он ошибается и юноша погибнет. Поэтому не удержался и крикнул:

«Учитель, щипцы горячие!»

Услышав мой голос, он поднял голову и увидел меня. Он очень разозлился, отбросил щипцы и, хлопая себя по голове и груди, распахнул дверь и ушел вглубь сада. Я спустился с крыши и вошел в комнату. К этому времени щипцы остыли, я взял их и уверенно зацепил ими сороконожку. Сороконожка под влиянием тепла втянула ножки в себя, я же извлек ее из мозга и отбросил прочь. Затем положил черепную кость на место, смазал раны снадобьями, лекарствами и мазями, приготовленными йогом, наложил крепкую повязку и, успокоившись состоянием больного, вышел из комнаты и занялся поисками йога. Наконец я увидел его. Он, скрутив петлю из своих волос, повесился на дереве. <...>

С большим сожалением я снял его с дерева и, выкопав яму, хотел похоронить там же. Тут в его волосах я увидел два ключа. Я вынул их и положил себе в карман, затем похоронил его, вернулся в дом и вошел в его место уединения. <...> Там я увидел запертую дверь. Я вставил в замок ключ, отпер дверь и вошел внутрь. Там <...> я нашел шкатулку, к которой подошел второй ключ. Я открыл крышку и увидел книгу в кожаном инкрустированном переплете. Я раскрыл книгу и стал читать. В ней были описаны все лекарства, Величайшее имя[3], указания для сорокадневного уединения для поста и молитв, метода подчинения джиннов, ду́хов, заклинателей. Увидев всё это, я завопил от радости и потерял сознание.

Юноша возвращается домой и селится в своем старом саду.

<...> [я] стал читать книгу. Сорок дней я не притрагивался к животной и другой пище. Каждый день и каждую ночь я видел удивительные вещи и явления

и переживал множество испытаний. Надеясь, что когда-нибудь подол встречи все-таки попадется мне в руки, я мужественно вел себя и ничего не страшился.

Герою рассказа удается добиться, чтобы явился джинн, отец красавицы, в которую герой влюблен.

[Джинн] сказал: «Юноша! Ты — человек, а мы из рода джиннов. Близость между человеком и джинном невозможна и маловероятна».

Сколько он ни увещевал, я становился всё настойчивее в своей просьбе. Наконец я и джинны уговорились так: владычица красавиц будет находиться здесь, возле меня, но при условии, что я не буду смотреть на нее чувственными глазами.

Я принял это условие.

Он тогда сказал: «Это ты сейчас так говоришь, но не будешь ты верен своему слову!»

Я спросил: «Откуда ты так знаешь?»

Он ответил: «Нет верности в человеке!

Я так, как есть, даю тебе совет,
а ты ему последуй или нет.

Еще не поздно, и я говорю тебе: если твое желание не подсказано похотью, она будет служить тебе как рабыня. Я тоже буду твоим сторонником. Если ты будешь жить с ней как с женой, сожительствовать, это послужит причиной ее смерти. А ее смерть будет причиной твоих мук и страданий».

Я сказал: «О великий правитель, ты покажи мне красавицу всего лишь один раз, и тогда любое несчастье я перенесу с легкостью.

И в завершение договора...

Я отрекся от жизни,
красавица стала моею,
от ее поцелуев горячих
в огне пламенею.

Пусть услада любви и сдалась
моему нетерпенью,
но не сам ли Аллах мне сосватал
крылатую фею.

Красавица появляется.

Некоторое время мы жили в том помещении, что в углу сада. Утеха моей души говорила мне:

«О мой дорогой! Не будь беспечен, ибо джинны подстерегают тебя. И береги свою книгу: ее могут украсть у тебя. Среди джиннов есть такие колдуны, что стоит им пошевелить губами — как погибнет весь мир».

Однажды ночью в опьянении меня попутал лукавый, я хотел обнять мою красавицу. Тут же я услышал голос: «Дай мне книгу, ибо в ней есть величайшие имена, и нехорошо, если в этот момент она будет с тобой!»

Будучи пьян, я не стал вникать, кому принадлежит голос, вынул книгу из-за пазухи, отдал ее и вознамерился исполнить свое желание.

Красавица закричала на меня:

«Ах, злодей! Ты забыл мои советы! Теперь всё пропало».

Книга исчезает, красавица падает в обморок и остается бесчувственной. Но в конце повествования, после многих перипетий, она оживает и влюбленные вступают в брак.

О ШИБЛИ И ПЕКАРЕ*

Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

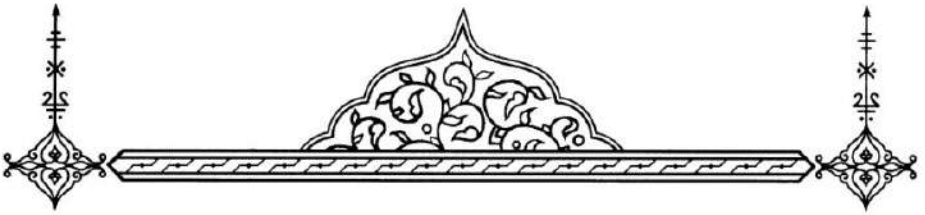
Глава 75

Поминание шейха Абу Бакра Шибли

фрагмент

Рассказывают, что в городе жил слепой, который так много раз слышал имя Шибли, что полюбил его, хотя никогда его и не видел. Однажды случилось так, что Шибли с ним столкнулся, а был он голоден и выхватил у него лепешку. Слепой вырвал из рук Шибли лепешку и обругал его. Кто-то сказал слепому: «Это был Шибли». Он запылал. Он пошел за Шибли, бросился перед ним на землю и сказал: «Я хочу в знак раскаяния устроить пир». Шибли сказал: «Так и сделай». Тот человек устроил прием, потратил на это около ста динаров[1] и пригласил многих великих мужей:[2] мол, Шибли сегодня будет нашим гостем. Когда они сели [за стол], кто-то спросил Шибли: «О шейх! Каков признак райского и адского?» Он ответил: «Адский — тот, кто ради Всевышнего Господа не может дать дервишу лепешку, а в угоду своей животной душе тратит сто динаров на пир, как этот слепой. А противоположность этого — признак райского».

* II.5.1.



О РАЗГОВОРЕ МАСИХА С ДОЛЬНИМ МИРОМ*

Абу Хамид Газали

ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ НАУК

Четверть третья
О ДЕЯНИЯХ, ВЕДУЩИХ К ПОГИБЕЛИ

Книга 6
Книга о порицании земного мира

фрагмент

Он (земной мир) словно женщина, которая наряжается для женихов, а потом, когда выходит за них замуж, убивает их. Рассказывают, что ʻИса, мир ему, сподобился откровения о земном мире и увидел его в образе беззубой старухи, наряженной всеми украшениями.

Он спросил ее: «Сколько раз ты была замужем?»

Та ответила: «Я не считала их».

Он спросил: «Все они умерли из-за тебя или развелись с тобой?»

Та сказала: «Напротив, я их всех убила».

Он сказал: «Беда для твоих других мужей: почему же они не извлекают уроки из того, что случилось с твоими прежними мужьями, из того, как ты убиваешь их одного за другим, а они не остерегаются тебя?»

---

* II.5.3.

Абу Хамид Газали

ЭЛИКСИР СЧАСТЬЯ

Унван третий
О ПОЗНАНИИ ДОЛЬНЕГО МИРА

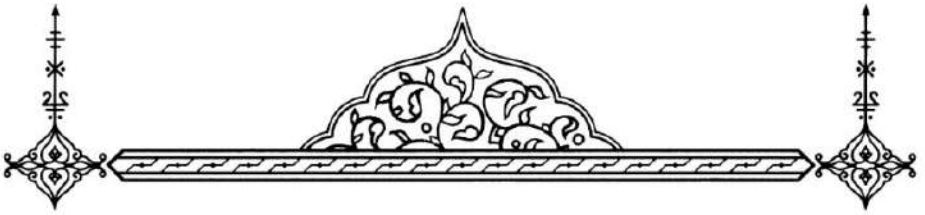
Фасл 4
Примеры чародейства и обмана дольнего мира и небрежения людей дольнего мира

фрагмент

'Иса (*мир ему*!) в состоянии раскрытия[1] увидел дольний мир в образе старухи. Он спросил: «Сколько у тебя было мужей?» Она ответила: «Так много, что не сосчитать». Он спросил: «Они умерли или дали тебе развод?» Ответила: «Нет, это я всех убила». Он сказал: «Как не удивляться на новых дураков, которые видели, что́ ты сделала с теми прежними, но всё равно страстно желают тебя и не вразумляются!»

Другой пример чародейства[2] дольнего мира состоит в том, что он украшает свой внешний облик, а все, какие ни есть, беды и мучения прикрывает, чтобы невежды смотрели на его внешний облик и обольщались. И можно его уподобить уродливой старухе, которая закрывает лицо и надевает парчовые наряды и множество украшений, так что всякий, кто увидит ее издалека, пленяется ею. А когда с нее спадет покрывало, он раскаивается и стыдится.

И в предании сказано, что в День воскрешения дольний мир явят в виде уродливой старой карги с голубыми глазами[3] и выпавшими зубами. И когда люди увидят ее, то скажут: «*Просим защиты у Господа*![4] Что́ это, такое постыдное и такое уродливое?!» Им ответят:[5] «Это дольний мир, ради которого вы завидовали другу, враждовали друг с другом, были немилосердны и страстно желали его». Тогда ее отправят в ад, а она скажет: «Боже, где мои друзья?» [И Он] прикажет, чтобы их тоже отправили в ад.



О ХРИСТИАНСКОМ ЗАТВОРНИКЕ И О ШЕЙХЕ АБУ-Л-КАСИМЕ*

'Абд ал-Карим Кушайри

ПОСЛАНИЕ О СУФИЙСКОЙ НАУКЕ

Глава 6
Об уединении и затворничестве
фрагмент

[Некие люди] увидели затворника и спросили его: «Ты монах?»[1] Тот сказал: «Нет, я сторож собаки. Моя [животная душа-]нафс[2] — это собака, она постоянно бросалась на людей. Я удалил ее от них, чтобы они были безопасны от нее».

Абу Хамид Газали

ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ НАУК

Четверть четвертая
О деяниях, ведущих к спасению

Книга 8
Книга о самонаблюдении и отчете
фрагмент

Рассказал 'Абд ал-Вахид ибн Зайд:[1] «Я проходил мимо кельи одного из монахов Чина[2]. Я позвал его: "Эй, монах!" Он не вышел ко мне. Я во второй раз позвал

---

* II.5.4.

его. Он не вышел ко мне. Тогда я позвал его в третий раз. Тогда он вышел ко мне и сказал: "Что это за [человек]! Я не монах. Поистине, монах — это тот, кто страшится Бога, кто прославляет Его величие, терпеливо переносит насылаемые Им страдания, проявляет довольство Его приговором, восхваляет Его дары, благодарит за Его благодеяния, склоняется перед Его величественностью, проявляет смирение перед Его могуществом, подчиняется Его силе, преисполняется страхом перед Его величием, думает о Его суде и Божьем наказании, который днем постится, а ночью выстаивает молитвы, ему не дают спать напоминание об адском огне и вопросы Могущественного[3]. Вот он — монах. А что касается меня, то во мне — злая кусачая собака, я спрятал ее от людей в этой келье, чтобы не дать ей кусать людей"»[4].

'Али б. Усман Худжвири

РАСКРЫТИЕ СОКРЫТОГО ЗА ЗАВЕСОЙ

Глава 14
О различных общинах, их толках, чудесах, стоянках и рассказы [о них]

Раздел 6
Сахлиты
фрагмент

Ибрахим Хаввас[1] рассказал: «Я услышал, что в Руме[2] есть затворник, который вот уже семьдесят лет как живет в монастыре по обычаю затворничества. Я сказал себе: "Вот удивительно! Ведь срок затворничества — сорок лет! По какому же правилу он семьдесят лет остается в этом монастыре?" Я отправился к нему. Когда я подошел к его обители, он открыл окошко и сказал мне: "О Ибрахим, я знаю, для чего ты пришел. Я не монахом сижу здесь эти семьдесят лет в затворе! Ведь у меня есть собака, обезумевшая от страстей. Я здесь сижу сторожем этой собаки и ограждаю людей от ее зла! Ей-богу, я не [монах]!"

Услышав эти слова, я сказал: "О Господь, как Ты могуществен, что даже рабу, пребывающему в заблуждении, даруешь правый путь и верную дорогу!"

Затворник сказал мне: “О Ибрахим, сколько ты будешь искать людей? Ищи самого себя, а когда найдешь, — стань сам себе сторожем, ибо каждый день эта страсть на триста шестьдесят ладов[3] прикрывается разнообразными божественными одеяниями и сбивает людей с пути”».

ОБ ‘УМАРЕ И ТОРЕ*

Ат-Табризи

НИША СВЕТИЛЬНИКОВ

Хадис 194

‘Умар ибн ал-Хаттаб[1] пришел к Посланнику Аллаха[2] со списком Торы и сказал: «О Посланник Аллаха! Это — список Торы». Тот промолчал. Тогда он (‘Умар) взялся читать, а лицо Посланника Аллаха начало переменяться. Абу Бакр[3] [Ас-Сиддик] сказал ему: «Да не лишится тебя матушка твоя! Не видишь, что́ на лице Посланника Аллаха?» ‘Умар посмотрел на лицо Посланника Аллаха и сказал: «Оберегаюсь Аллахом от гнева Божьего и гнева Его посланника, довольны мы Аллахом как нашим Господом, исламом как нашей религией и Мухаммадом как нашим пророком». Тогда Посланник Аллаха сказал: «Клянусь Тем, в чьей длани душа Мухаммада! Если бы к вам явился Муса и вы последовали за ним, то сошли бы с прямого пути. Если бы он был жив и дожил до начала моей пророческой миссии, то последовал бы за мной».

* II.5.6.

О ГЕБРЕ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ МОСТ*

Мухаммад б. Ахмад Мукаддаси

ЛУЧШЕЕ ИЗ РАСПРЕДЕЛЕНИЙ В ПОЗНАНИИ ЧАСТЕЙ СВЕТА

фрагменты

Гератская река[1] вытекает из [гористой] области Гур и затем разделяется. <...> Там есть мост, такой, что во всём Хорасане нет более достойной удивления постройки. А построил его один из магов[2] и написал на нем свое имя, и написал, что строители этого моста [за время его возведения] съели тысячу джарибов[3] соли.

Говорят, что султан хотел написать на этом мосту свое имя. Некоторые говорят, что этот гебр принял ислам, а некоторые — что он бросился в реку.

* II.5.7.

О БЕЗУМЦЕ И ПЯТНИЧНОЙ МОЛИТВЕ*

ЖЕМЧУЖИНЫ ТАЙН

фрагменты

Однажды Ахмад Газзали половину намаза провел с [Абу Хамидом] Мухаммадом [Газзали], а потом вышел из рядов молящихся. Когда его спросили о причине этого, он ответил: «Пока он совершал намаз, я следовал за ним. Когда он вышел напоить своего верблюда, мы не могли продолжать намаз без имама». От этих слов имама охватило сожаление, и он сказал: «Велик Аллах! У Господа <...> были люди из друзей, которые суть лазутчики сердец и осведомленные в тайнах тайн <...>. Мой брат правильно говорит, что мне во время намаза пришло на ум, что я не напоил того верблюда».

* II.5.10.

ОБ ʻАЗРАИЛЕ И СУЛАЙМАНЕ*

Абу Нуʻайм Исфахани

УКРАШЕНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ И РАЗРЯДЫ ЧИСТЫХ

фрагмент

Вошел ангел смерти к Сулайману (*мир ему*!) и стал смотреть на одного из бывших с ним. Долго на него смотрел, а когда он вышел, тот спросил: «Кто это?» [Сулайман] ответил: «Это ангел смерти (*мир ему*!)». Сказал: «Я увидел, [что] он на меня смотрит, как будто хочет меня [забрать]». [Сулайман] спросил: «А ты чего хочешь?» Тот ответил: «Хочу, чтобы ты на ветре перенес меня в Индию»[1]. [Сулайман] призвал ветер, отправил его в Индию и оставил там. Затем ангел смерти пришел к Сулайману (*мир ему*!), и тот сказал: «Ты долго смотрел на человека из моих сотрапезников». Тот ответил: «Я дивился на него: мне было велено забрать его душу в Индии, а он был у тебя».

Казаʻи Магриби

ОСТАВЛЕНИЕ МНОГОСЛОВИЯ В ТОЛКОВАНИИ «МЕТЕОРА [ИЗВЕСТИЙ]»

фрагмент

Сказал Пророк (*да благословит его Аллах*!): «Когда Господь (*возвышен Он*!) пожелает забрать душу какого-либо раба в какой-либо стране, то посылает ему потребность [отправиться] в эту страну, и тот прибывает туда и умирает».

---

* II.6.1.

В преданиях сказано, что однажды при Сулаймане (*приветствие ему*!) присутствовал кто-то из купцов. Тут вошел ангел смерти, посмотрел на него и сказал пророку Сулайману: «Смерть этого человека близка, ему остался один миг жизни, но его душу надо забрать в Чине»[1]. Ангел смерти еще говорил эти слова, как тот человек сказал: «О посланник Божий, у меня желание повидать Чин. Повели ветру отнести меня туда!» Сулайман улыбнулся и повелел ветру перенести его в Чин, и ангел смерти забрал там его душу.

Абу Хамид Газали

ЭЛИКСИР СЧАСТЬЯ

Столп четвертый
О ДЕЯНИЯХ, ВЕДУЩИХ К СПАСЕНИЮ

Основа 10
О ПАМЯТИ СМЕРТНОЙ
фрагмент

Однажды к Сулайману (*мир ему*!) пришел ангел смерти и пристально посмотрел на одного из его надимов[1]. Когда он ушел, тот надим спросил: «Кто это был, который так на меня посмотрел?» Тот ответил: «Ангел смерти». [Надим] сказал: «Наверное, он хочет забрать мою душу. Повели ветру перенести меня в страну Индустан, чтобы он не нашел меня, когда вернется!» [Сулайман] повелел ветру так и сделать. Ангел смерти сразу же вернулся, и Сулайман (*мир ему*!) спросил его: «Ты пристально посмотрел на того надима; в чем была причина?» Тот ответил: «Мне было повелено ровно в этот час забрать его душу в Индустане, а он был здесь. Я сказал [себе]: "Как он за один миг доберется до Индустана?!" Когда я прибыл туда, увидел там его, удивился и забрал его душу». А суть этого рассказа в том, что от встречи с ангелом смерти нет избавления.

Абу-л-Фазл Рашид ад-Дин Майбуди

РАСКРЫТИЕ ТАЙН И ПРИПАСЫ ДЛЯ ПРАВЕДНЫХ

фрагмент

Передают, что как-то раз, когда Сулайман сидел на троне, и при нем — его надим[1], вошел ангел смерти и стал пристально смотреть на лицо надима. Когда он ушел, надим спросил у Сулаймана: «Кто это был, который так пристально на меня смотрел?» Сулайман сказал: «Это был ангел смерти». Надим испугался и попросил Сулаймана велеть ветру перенести его в страну Индустан. Сулайман велел ветру перенести его в Индустан, и тут же снова пришел ангел смерти. Сулайман спросил его: «Что это ты так пристально смотрел на нашего надима?» Тот сказал: «Я пришел в удивление, потому что мне было велено прямо сейчас забрать его душу в Индустане, а я видел, что между той страной и этим человеком огромное расстояние. Так что я удивлялся: что же это такое?! И случилось то, что ты видел». *И знайте, что Аллах — слышащий, знающий*![2] В слышании единственный и в знании не имеющий равных: если призовешь Его — услышит твою молитву, если нет — знает твое состояние.

ПАЛЕСТИНСКИЙ ТАЛМУД

фрагмент

Елихореф и Ахийа были двумя письмоводителями Соломона[1]. Он увидел ангела смерти, который смотрел на них и скрежетал зубами. Соломон сказал слово и спрятал их в пещере. Ангел пошел и забрал их оттуда. Потом он пришел и, смеясь, стал перед царем. Соломон сказал: «Совсем недавно ты скрежетал зубами, а теперь ты смеешься над ними». Тот ответил: «Милостивый повелел мне забрать Елихорефа и Ахийю из пещеры; я сказал: "Кто поместит этих людей в место, откуда я должен забрать их?" Он вложил в твое сердце сделать так, чтобы я смог выполнить свое поручение».

О ЛЮБВИ МАДЖНУНА*

Ахмад Газали

НАИТИЯ

фрагмент

Передают, что однажды люди из племени Маджнуна собрались вместе и сказали родичам Лайли: «Этот человек сокрушен любовью! Какой вред будет, если вы один раз позволите ему созерцать красоту Лайли?!» Те сказали: «Да нам вовсе не жалко, но ведь Маджнун и сам не в силах вынести красоту Лайли!» Привели Маджнуна и открыли завесу шатра Лайли. Еще и тень Лайли не показалась, как Маджнуна охватило безумие. Когда показалась она сама, он упал наземь. Она появилась — и он исчез, потому что при возлюбленной милее исчезновение. Те сказали: «Разве не говорили мы, что Маджнун не в силах видеть ее?!»

'Абд ал-Карим Кушайри

ПОСЛАНИЕ О СУФИЙСКОЙ НАУКЕ

Глава 3
Разъяснение некоторых трудных слов, имеющих хождение среди этого [суфийского] сообщества

«Сокрытие» и «явленность»

фрагмент

<...> дервиш пришел на стоянку какого-то арабского племени. Один юноша принял его [в своем шатре]. Юноша угощал его и вдруг потерял сознание. Дер-

* II.6.6.

виш спросил, что́ с ним. Ему сказали: «У него есть двоюродная сестра, которую он горячо любит. Эта девушка вошла в свою палатку. Юноша увидел подол ее одежды и лишился сил»[1]. Дервиш подошел к двери той палатки и сказал: «Странник среди вас почитается. Я пришел с заступничеством. Смилуйся над этим юношей, ведь ему так тяжело!» Она сказала: «Простая ты душа! Да он даже пыль [встающую на дороге от] моего подола не в силах видеть! Как же он сможет смотреть на мое лицо!»

О НЕЗРЯЧЕМ ЧЕЛОВЕКЕ И ШЕЙХЕ НУРИ*

Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 46
Поминание Абу-л-Хусайна Нури

фрагмент

Передают, что однажды некий незрячий человек повторял: «Аллах, Аллах!» Нури подошел к нему и спросил: «Ты Его разве знаешь? Если бы знал, не остался бы в живых!» Сказал это, пришел в беспамятство и, охваченный страстным влечением[1], помчался в степь, в заросли свежесрезанного тростника. Кружился там, и этот тростник вонзался ему в ноги и бока, хлынула кровь, и в [каждой] капле крови можно было увидеть: «Аллах! Аллах!»

ʻАбд ал-Карим Кушайри

ПОСЛАНИЕ О СУФИЙСКОЙ НАУКЕ

Глава 33
О зикре

фрагмент

<...> один из асхабов[1] постоянно повторял: «Аллах! Аллах!» Однажды на голову ему упал сук и расколол ему голову. Хлынула кровь, потекла на землю, и на земле кровью начерталось: «Аллах! Аллах!»

---

* П.6.8.

Абу Хамид Газали

ЭЛИКСИР СЧАСТЬЯ

Столп второй
ОБ ОБЫЧАЯХ

Основа 8
О правилах сама‘ и ваджда
фрагмент

<...> шейх Абу-л-Хусайн Нури (*да будет над ним милость Божия*!) во время сама‘ помчался туда, где в поле был тростник, срезанный после уборки, изранил все ноги и не заметил этого.

О ШЕЙХЕ АБУ-Л-КАСИМЕ ХАМАДАНИ*

Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 70
Поминание Абу ʻАбдаллаха Мухаммада б. Хафифа

фрагмент

Был я в какой-то год в Руме[1]. Однажды я пошел в степь. Туда привели монаха, [худого] словно призрак, сожгли его и приложили его прах к глазам слепцов. Силою Божией (*возвышен Он*!) они прозрели. И больные вкушали и исцелялись. Я удивился: ведь их вера — ложная, как же это может быть?! И увидел я во сне Мустафу[2] (*да благословит его Господь и приветствует*!). Я спросил его: «О посланник Божий! Как это так?» Он изрек: «Это — действие искренности и подвижнических трудов[3], хоть и в ложной [вере]». А будь они в истинной — каково бы оно было?!

Ибн ан-Надим

АЛ-ФИХРИСТ

Глава 8
Известия и произведения этих ученых

Рассказ 2

О голове

Та голова — это голова человека, чей облик, согласно представлениям сабиев[1] об облике звезд, похож на облик ʻУтарида[2]. Если обнаружится человек, который,

---

* II.6.9.

по их мнению, имеет облик ʻУтарида, они коварно захватывают его с помощью уловок и начинают проделывать с ним разные дела. В том числе на долгое время погружают его в оливковое масло и буру, пока его суставы не размягчатся настолько, что если его голову потянуть, то она сама отделится от тела, нет нужды отрубать ее. И отсюда у них в ходу говорить о человеке, который попал в беду, старинную поговорку, что он — в оливковом масле. Они проделывают это каждый год, когда ʻУтарид находится на востоке[3], и утверждают, что душа направляется от ʻУтарида к этой голове и эта голова говорит ее языком, сообщает о том, что случилось [в мире], и отвечает на вопросы, которые ей задают.

Мутаххар б. Тахир Макдиси

ТВОРЕНИЕ И ИСТОРИЯ

Раздел 12

ОБ ОБЫЧАЯХ, СЕКТАХ И ВЕРОУЧЕНИЯХ РАЗЛИЧНЫХ НАРОДОВ ЗЕМЛИ, КАК ЛЮДЕЙ КНИГИ, ТАК И ДРУГИХ

[Глава 2]

О СЖИГАНИИ ТЕЛ И ОСВОБОЖДЕНИИ ИХ В ОГНЕ

фрагмент

Они (индийцы) убеждены, что таким образом достигнут спасения и освобождения для вечной жизни в раю. Бывают такие, что выкапывают яму для тел, наполняют ее красками, маслами и благовониями и зажигают там огонь, а потом приходят и бьют вокруг нее в тарелки и барабаны и восклицают: «Блажен тот, кто поднимется в рай вместе с дымом», а тот говорит про себя: «Да будет принята эта жертва!» Потом он кланяется на восток, запад, север и юг, бросается в огонь, сгорает и отправляется в ад.

'Айн ал-Кузат Хамадани

ТРАКТАТ О ПРОЯВЛЕНИЯХ [СОКРОВЕННЫХ ИСТИН]

фрагмент

Когда индийцы достигают совершенства в любви к идолу, они ставят себе на голову чашу, наливают туда масло и нефть, умягчают этим свое тело, берут в руку горящий факел и желают умереть перед незрячими глазами того идола. Когда шаманы со многими выражениями почтения открывают завесу перед красотой идола, они устремляют взгляд на эту красоту, поджигают огнем нефть, отдаются любви к его образу и радостно сгорают. При этом они произносят безмолвным языком:

О утративший жизнь посреди огня!
Приди хмельным и пей вино любви!

Когда ты опьянишься образом любимого,
радостно танцуй, подобно мотыльку!

Они сгорают полностью, ни разу не вскрикнув, а их прах собирают и используют для излечения больных. И воздействия этого крайне удивительны.

Если от горения любви к Нему
ты станешь водой,
от твоего праха множество мертвых
воскреснет.

ТЫСЯЧА ИСТОРИЙ

фрагмент

Один шейх рассказывал: «Я путешествовал в Индию и однажды попал в место, где стоял огромный идол, которому они поклоняются. Я видел, как собравшиеся там индийцы разожгли перед этим идолом огромный огонь. Я увидел человека, который нагой стоял возле этого огня. Я спросил: "Что это за огонь и кто

этот человек?" Мне сказали: "Этот человек притязал на любовь к сему идолу. Каждого, кто притязает на любовь к идолу, мы испытываем этим огнем. Если он правдив в своем притязании, он выйдет из него, а если лжив — сгорит". Шейх рассказал: «Я смотрел, а тот человек повернулся к идолу, шагнул в огонь и вышел с другой стороны. Я подошел к тому индийцу и спросил: "Ты совсем не боялся того огня?" [Тот ответил:] "Цель [моих стремлений] была передо мною. Близость к нему так захватила мое сердце, что я и не помнил об огне"».

ОБ ʻИСЕ И ВЕЛИЧАЙШЕМ ИМЕНИ*

ʻАбдаллах ʻАнсари

РАЗРЯДЫ СУФИЕВ

фрагмент

Один человек увидел мертвого льва и сказал: «Боже, оживи его!» Тот ожил, поднялся и его съел.

* II.7.1.

О ХРИСТИАНИНЕ И БАЙАЗИДЕ*

Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 14
Поминание Байазида Бистами

фрагмент

Рассказывают, что он (Байазид) говорил: «Двенадцать лет был я кузнецом своего нафса[1], и держал его в печи подвижничества, и раскалял в огне борений, и клал на наковальню поношений, и бил молотом порицаний, пока не сделал себя зеркалом. Пять лет я был зеркалом [из] себя. Подчинением и поклонением я полировал это зеркало. А потом один год я видел [себя] достойным. И увидел на себе зуннар[2] из гордыни, <само>обольщения, упования на [свое] послушание и довольства [собой]. Следующие пять лет я трудился, пока этот зуннар не разорвался. И я снова стал послушным Богу. Я взглянул и всё сотворенное увидел мертвым. Я четыре раза прочитал над ними такбир[3], отвернулся от их трупов и, не заботясь о сотворенных, с помощью Истинного пришел к Истинному».

* II.7.3.

'Абд ал-Карим Кушайри

ПОСЛАНИЕ О СУФИЙСКОЙ НАУКЕ

Глава 5
О духовной борьбе
фрагмент

Бу Йазид сказал: «Двенадцать лет я был кузнецом своего нафса[1], пять лет был зеркалом своего сердца, один год смотрел в зеркало — и увидел зуннар на себе внешнем. Двенадцать лет я старался его разорвать. Снова посмотрел и увидел его на себе внутреннем. [Еще] пять лет я посвятил тому, чтобы его разорвать. И тут дано мне было раскрытие[2]. Я посмотрел на сотворенных и увидел всех мертвыми. Четыре раза прочитал я над ними такбир[3].

О ХАСАНЕ БАСРИ И РАБИ‘И*

Фарид ад-Дин ‘Аттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 9
Поминание Раби‘и ‘Адавиййа

фрагмент

Передают, что однажды Раби‘а взошла на гору. Горные козлы и газели собрались в круг и смотрели на нее. Тут показался Хасан Басри. Все бросились бежать. Хасан, увидев такое, пришел в замешательство и воскликнул: «О Раби‘а, почему они от меня бросились бежать, а с тобой были дружелюбны?» Раби‘а спросила: «Что ты ел сегодня?» Он сказал: «Похлебку с салом». Она сказала: «Ты же съел их сало. Как им не бежать от тебя?»

* II.7.11.

ОБ АБУ СА‘ИДЕ ИЗ МИХНЫ*

Ибн Мунаввар Мухаммад

ТАЙНЫ ЕДИНОБОЖИЯ В СТОЯНКАХ ШЕЙХА АБУ СА‘ИДА

фрагмент

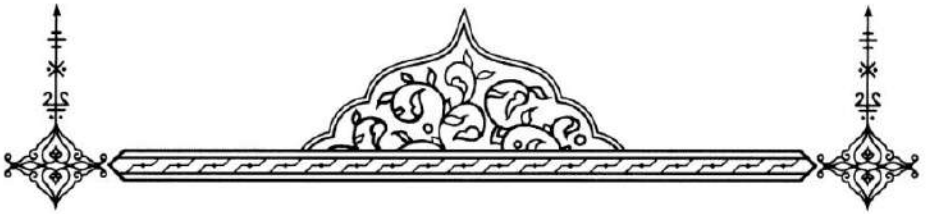
Один юноша пришел к старцу[1] и сказал: «О старец! Скажи мне слово!» Старец ненадолго опустил голову и погрузился в размышление, потом поднял голову и сказал: «О юноша! Ты ждешь от меня ответа?» Тот сказал: «Да». Старец сказал: «Всё, что не Истинный, Всемогущий (*слава Ему*!), не стоит слов, а всё, что Истинный, не вмещается в слова. *Поистине, всевышний Аллах выше того, что описывается описанием и поминается поминанием*».

ВКУШЕНИЕ МОМЕНТА

Рассказ 107

Абу Са‘ид сказал: «Я пришел к одному старцу. Сказал: “Скажи слово!” Он какое-то время не отвечал, потом сказал: “Помимо Истинного, всё, что ты знаешь, не стоит разговора. А об Истинном словами не скажешь. Так что лучше молчать”».

* II.7.16.



О ХАВВЕ И ХАННАСЕ*

Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 58
Поминание Мухаммада б. ʻАли ат-Тирмизи

фрагмент

Никогда не полагайся на свой нафс[1] и берегись, пока не одержишь над ним победу и не оградишься от того бедствия, о котором я сказал, ибо шайтан засел внутри тебя. Ибо — так сказал хаким Мухаммад б. ʻАли [Тирмизи] — когда Адам и Хавва воссоединились и их покаяние было принято[2], однажды Адам (*мир ему*!) пошел по какому-то делу. [Тут] пришел Иблис. Он принес Хавве своего ребенка — по имени Ханнас — и сказал: «Мне надо уйти по важному делу! Последи за моим ребенком, пока я вернусь!» Хавва согласилась. Иблис ушел. Когда Адам вернулся, он спросил: «Это кто?» Она сказала: «Сын Иблиса, он мне его оставил». Адам разбранил ее: мол, зачем ты его взяла? В гневе он убил ребенка и разрубил на куски, развесил все куски на ветке дерева и ушел. Иблис вернулся и сказал: «Где мой ребенок?» Хавва ему рассказала: «Его порубили на куски, и все куски висят на ветке дерева». Иблис позвал своего сына. Куски снова собрались вместе, сын ожил и подошел к Иблису. [Иблис] снова сказал Хавве: «Возьми его, у меня снова важное дело». Хавва не принимала [ребенка, но] он так просил и умолял, что она приняла. Тогда Иблис ушел, а Адам вернулся и спросил у Хаввы: «Это что?!» Хавва объяснила. Адам изругал Хавву и сказал: «Не знаю, в чем тут дело, что ты не слушаешься веления, принимаешь что-то у врага Божия и даешь его словам обмануть себя!» Потом он убил [ребенка], сжег его и половину

---

* II.8.1.

пепла бросил в воду, половину развеял по ветру {и ушел. Иблис пришел и спросил про своего сына. Хавва ему рассказала, и Иблис позвал своего сына. Тут все его части соединились, он ожил и уселся перед тем проклятым (то есть Иблисом). Тогда Иблис снова сказал Хавве: «Прими его!» Хавва отказывалась, сказала: «Адам меня убьет!» [Но] Иблис заклинал ее, и она согласилась. Пришел Адам, увидел его и разгневался.} Так несколько раз он давал его Хавве, а Адам ругал Хавву и убивал Иблисова сына. Наконец Адам сказал: «Бог знает, что это будет! Ни Его слов ты не слушаешь, ни моих!» Потом он разгневался, убил Ханнаса и приготовил калие[3]. Половину съел сам, а половину дал Хавве (говорят — в последний раз Ханнас явился в образе барашка). Когда Иблис пришел и спросил про своего сына, Хавва ему рассказала: «[Адам] убил его, приготовил калие, половину съела я, а половину — Адам». Иблис сказал: «Моей целью и было попасть внутрь Адама. Теперь, когда его грудь стала моим пристанищем, моя цель достигнута».

Тирмизи Мухаммад б. ʻАли

РЕДКОСТНЫЕ ОСНОВЫ В ПОЗНАНИИ ХАДИСОВ ПРОРОКА

фрагмент

Иблис положил сына перед Хаввой и сказал: «Позаботься о нем». Пришел Адам (*мир ему*!) и сказал: «Кто это, Хавва?» Она сказала: «Его принес наш враг Иблис и сказал мне: “Позаботься о нем”». Он сказал: «Разве я не говорил тебе — не слушайся его ни в чем! Его, который обольщал нас, пока мы не утвердились в ослушании [Бога]!» Он подошел к мальчику, разрубил его на четыре части и в гневе на него развесил все части на дереве. Иблис пришел и сказал: «Хавва, где мой сын?» Она известила его о том, что сделал Адам (*мир ему*!). Иблис сказал: «О Ханнас!» — и тот ожил и ответил ему. И пришел [Иблис] с ним к Хавве и сказал: «Позаботься о нем». Потом пришел Адам (*мир ему*!), сжег его (Ханнаса) в огне и высыпал пепел в море. Пришел Иблис (*проклятье ему*!) и сказал: «Хавва, где мой сын?» Она известила его о действиях Адама (*мир ему*!). Он пошел к морю и позвал: «О Ханнас!» Тот ожил и ответил ему. И пришел он к Хавве в третий раз и сказал: «Позаботься о нем!» Тогда Адам посмотрел на него (Ханнаса), зарезал его, зажарил, и [они] съели его вместе. Иблис пришел и спросил ее, и Хавва

известила его. Он позвал: «О Ханнас!» Тот ожил и ответил ему и явился к нему изнутри Адама и Хаввы. Иблис сказал: «Это то, чего я хотел: [теперь] жилище твое в сердце сына Адама». [И теперь] он (Ханнас), поглотивший сердце сына Адама, нашептывает злые мысли, пока тот пребывает в небрежении[1], а если [сын Адама] вспоминает Бога, то [Ханнас] выплевывает сердце его и отступает.

О ПЛАЧЕ ИБЛИСА*

Абу Хафс ʻУмар б. Хасан ан-Нишабури

ВЕЛИКОЛЕПИЕ СОБРАНИЙ

фрагмент

Однажды в странствии я увидел поток, текущий между двух холмов, в котором вода была не такой, как обычная вода. Я пошел вверх по течению и пришел к какой-то яме. Там я увидел Шайтана, который сидел на камне и плакал. Я сказал ему: «О чем ты плачешь?» Он ответил: «О Зу-н-Нун, как могу я не плакать?! Если кому и нужно плакать, то это мне. Я был ближе всех других созданий к Истинному. Он изгнал меня и наложил на меня проклятие». Я спросил Шайтана: «Почему ты не выполнил веление Истинного?» Он ответил: «От такого ли, как ты, [я слышу] эти слова?! Не было для меня в этом велении желания и благоволения»[1]. И потом прочитал айат: «И предстало пред ними от Аллаха то, на что они не рассчитывали»[2].

Абу-л-Фазл Рашид ад-Дин Майбуди

РАСКРЫТИЕ ТАЙН И ПРИПАСЫ ДЛЯ ПРАВЕДНЫХ

фрагмент

Сахл ʻАбдаллах Тустари[1] рассказал: «Однажды я встретил Иблиса. Сказал: "*Ищу защиты у Бога*!"[2] Он сказал: "О Сахл! *Если ты ищешь защиты от меня, то я ищу защиты у Бога от Бога*! О Сахл! Если ты говоришь: '*Защиты от Шайтана*!', то я говорю: 'Защиты от Милостивого!'" Я сказал: "О Иблис! Почему ты не поклонился Адаму?" Он ответил: "О Сахл, избавь меня от этих пустых слов! Если

---

* II.8.2.

ты будешь допущен в присутствие [Божие], скажи: 'Ты не хочешь этого беднягу, зачем же на него возлагаешь причину?' О Сахл! Я в этот самый час был у могилы Адама, я тысячу раз там поклонился ему, прах с его могилы прикладывал к глазам и наконец услышал: "*Не докучай Нам, Мы не желаем тебя*!"»

Так разрушился путь перед Тобою,
что всякое послушание на нем обернулось грехом.

Не из-за этого лица, подобного луне, случилось то,
что цвет моего гилима[3] стал черным!

Сахл сказал: «Он дал мне запись и сказал: "Прочитай!" Я стал читать, а он исчез. Написан же был такой [арабский] бейт:

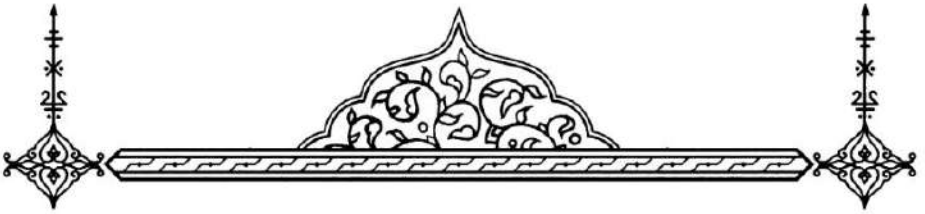
Если были совершены грехи —
то были грехи Предопределения,
хочешь, о Сахл, — вини меня, хочешь — оставь!»[4]

ТЫСЯЧА ИСТОРИЙ

фрагмент

Он (Ибрахим Хаввас) шел по пустыне и почувствовал жажду. Увидел текущий поток. Подошел к этому потоку и отпил из него воды. Она была соленой. Подошел к ее истоку. Увидел, что кто-то сидит на камне и из его глаз льется эта вода. Он подошел. Увидел Иблиса, *про́клятого Аллахом*[1], который плакал и говорил:

«Знаешь Ты, что Твоя улица была для меня всем,
знаешь, что не по моей воле случился этот уход!»



О ЙУСУФЕ И ИБН ЙАМИНЕ*

Ахмад Туси

РАССКАЗ О ЙУСУФЕ

фрагменты

Йусуф приказал отмерить зерно в ноши десяти братьев и потом сказал Ибн Йамину: «Я тебя обвиню, чтобы ты остался со мной». Тот спросил: «В чем [обвинишь]?» [Йусуф] сказал: «У меня есть золотая чаша, инкрустированная драгоценными камнями, из которой пил Раййан[1]. Я подложу ее в твой груз и при помощи этой клеветы верну тебя с дороги, чтобы ты остался со мной». Ибн Йамин согласился на это. [Йусуф] приказал, чтобы его груз отмерили, а чашу — так, чтобы никто не узнал, — подложили в этот груз. «*Когда [Йусуф] распорядился снабдить их зерном, он наказал положить чашу в тюк своего брата*»[2]. Целью Йусуфа не было обвинить брата в воровстве: его целью было, чтобы Ибн Йамин с помощью той клеветы остался с ним. <...>[3]

О братья, удалитесь, ибо Йусуфу нужен Ибн Йамин, перенесший страдания! О Шайтан, удались, ибо Царю нужен раб, запятнанный [ложными обвинениями и перенесший их]![4]

Абу Исхак Нишабури

РАССКАЗЫ О ПРОРОКАХ

фрагмент

Три дня он (Йусуф) оставлял братьев гостить у себя, а потом приказал дать каждому по верблюжьей ноше зерна. И была [у него] чаша Валида б. Раййана[1] из червонного золота, инкрустированная драгоценными камнями, цену которой никто

---

* II.8.3.

не знал. [Йусуф] приказал, чтобы ее вложили в ношу Ибн Йамина, и [все братья] взяли свои ноши и прошли один переход. Тогда Йусуф отправил за ними своего привратника с несколькими всадниками остановить их и закричать: «Вы воры!» Те сказали: «Что́ мы сделали? Что́ мы украли?» Он ответил: «Мы не находим чашу царя, тому, кто ее вернет или укажет, где она, дадим харвар[2] зерна. Я за это ручаюсь».

Караван остановили и стали искать. Они сказали: «Богом [клянемся], что мы не такие люди, мы не приехали для воровства и порока!» Привратник сказал: «Я осмотрю ноши и буду искать. Что́ мне сделать тому, кто украл, какое у вас предписание?» Они ответили: «У нас такое предписание, что если кто крадет, то его связывают и передают хозяину [украденного] добра». Привратник сказал: «Мы поступим так же, хотя нам предписано воров убивать». И вот они стали искать и нашли [чашу] в грузе Ибн Йамина и привели его к Йусуфу.

О ШИБЛИ*

Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 75
Поминание шейха Абу Бакра Шибли
фрагмент

Однажды пришли к нему (Шибли) люди, а он был связан[1]. Он сказал: «Вы кто?» Они ответили: «Твои друзья». Он стал кидать в них камни. Все убежали. Он сказал: «О лжецы! Друзья бегут от своего друга из-за нескольких камней?! Вот и выяснилось, что вы — друзья себе, а не мне!»

ʻАбд ал-Карим Кушайри

ПОСЛАНИЕ О СУФИЙСКОЙ НАУКЕ

Глава 23
О любви
фрагмент

Однажды Шибли заперли в доме умалишенных. Люди пришли к нему. Он сказал: «Кто вы?» Они сказали: «Твои друзья, пришли тебя посетить». Он подобрал камень и бросил в них. Они убежали. Он сказал: «Вы сказали неправду! Если вы притязаете на дружбу, почему убежали от испытания[, пришедшего от меня]?»

---

* II.8.12.

Абу Наср ас-Саррадж ат-Туси

КНИГА О САМОМ НАСУЩНОМ В СУФИЗМЕ

Глава 7
О стоянке терпения

фрагмент

Когда аш-Шибли поместили в дом умалишенных и надели колодки, к нему пришли несколько его друзей. Он спросил их: «Вы кто такие?» Они ответили: «Мы люди, которые тебя любят». Тогда он принялся швырять в них кирпичи, и они обратились в бегство. Аш-Шибли воскликнул: «О лжецы! Они утверждают, что любят меня, а моих ударов вытерпеть не могут».

Абу Хамид Газали

ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ НАУК

Четверть четвертая
О деяниях, ведущих к спасению

Книга 6
Книга о любви, страстном влечении [к Богу], близости и довольстве [тем, что посылает Бог]

фрагмент

Рассказывают, что аш-Шибли, да смилуется над ним Аллах, был помещен в больницу. К нему пришла группа людей. Он спросил их: «Вы кто?» Они ответили: «Мы — любящие тебя друзья, пришли проведать тебя». Он стал бросать в них камни, и те бросились бежать. Он же сказал: «Если бы вы были моими друзьями, то спокойно перенесли бы притеснение от меня».

Абу Хамид Газали

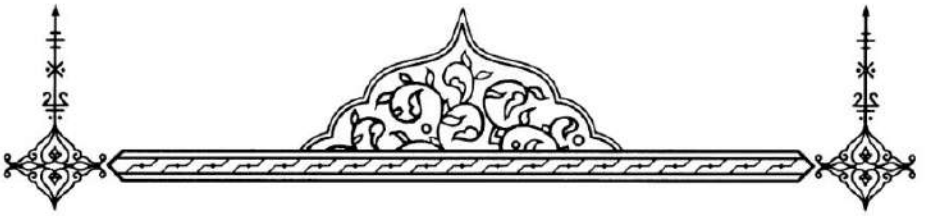
ЭЛИКСИР СЧАСТЬЯ

Столп четвертый
О ДЕЯНИЯХ, ВЕДУЩИХ К СПАСЕНИЮ

Основа 9
О любви, страстном влечении [к Богу] и довольстве [тем, что посылает Бог]

фрагмент

Шибли держали в доме умалишенных, говорили: «Он безумец». К нему пришли люди, [он] сказал: «Вы кто?» [Они] ответили: «Мы твои друзья». Он стал кидать в них камни, все убежали. Сказал: «Неправду говорите: если бы вы были моими друзьями — потерпели бы беду от меня».



О МУСЕ И ИБЛИСЕ*

Мансур Халладж

КНИГА «ТАВАСИН»

Глава 6
Та Син Предвечности
и прикровенности
фрагмент

Муса (*да приветствует его Господь*!) и Иблис встретились на тропах горы [Синай]. Муса спросил: «Что воспрепятствовало тебе поклониться [Адаму]?»[1] Тот ответил: «Воспрепятствовало мне притязание на Единого Поклоняемого. Если бы я поклонился Адаму, я был бы таким, как ты, которого призвали один раз, сказали: "Посмотри!"[2], и ты посмотрел; меня же призывали тысячу раз: "Поклонись Адаму!", а я не поклонился. В этом притязании для меня вся суть!»[3]

[Муса] сказал: «Ты нарушил повеление!» Тот ответил: «Это было испытание, а не повеление».

Ахмад Газали

МАДЖЛИСЫ

фрагменты

Муса и Иблис встретились на склонах горы [Синай]. Муса спросил Иблиса: «Почему ты не поклонился Адаму?» Иблис сказал: «Да будет это далеко от меня! Поклоняемый — один, а я уже семьсот тысяч лет говорю «*Славный и Святой*»! Как же я вычерню свое лицо двойственностью?!» Муса сказал: «О Иблис, зачем

---

* II.8.13.

ты отказался [исполнить] повеление?» Иблис ответил: «Это было повеление испытания, а будь то повеление произволения, оно бы осуществилось. О Муса, я притязал на единобожие! <...>

Ты, о Муса, стал желающим лицезрения и сказал: "Яви мне Себя!", и в то время твой взгляд обратился к горе. Клянусь Господом, если бы ты не занялся горой, увидел бы Его! Я говорю о своем поклонении Единому более правдиво, чем ты!» Муса спросил: «О Иблис, ты сколько-нибудь помнишь ли о любви к Нему?» Ответил: «Чем больше Он любит иных, чем я, тем больше моя любовь к Нему устремляется к возрастанию».

О БУХЛУЛЕ*

Фарйаби Махмуд б. Ахмад

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ИСТИН И НАДЕЖНОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ ТОНЧАЙШИХ ТОНКОСТЕЙ

фрагмент

Рассказано, что Бухлул пришел на кладбище, принялся бить рукой по всем могилам и восклицать: «Эй, лжец! Эй, лжец!» Ему сказали: «Это серьезные слова! Почему ты так говоришь?» — «Потому что они говорили: наши вещи и наши поместья, наши цветники и наши фруктовые сады, наши богатства и наш скот. Если им [всё это] принадлежало — почему они с этим не ушли?»

* III.9.2.

ЧТО ЗНАЧИТ «ПОКОРНОСТЬ [БОГУ]»*

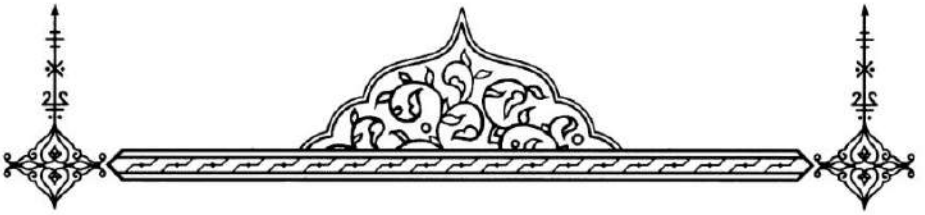
Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 15
Поминание ʻАбдаллаха ибн ал-Мубарака
фрагмент

Рассказывают, что как-то раз ʻАбдаллаха постигло несчастье. Люди пришли [выразить] ему соболезнования. Пришел также некий гебр[1] и сказал ʻАбдаллаху: «Мудрый человек, когда его постигает несчастье, делает в первый день то, что невежа сделает через три дня»[2]. ʻАбдаллах сказал: «Запишите эти слова, это мудрое изречение!»

* III.9.4.



О ШАКИКЕ БАЛХИ*

Фарид ад-Дин ʻАттар

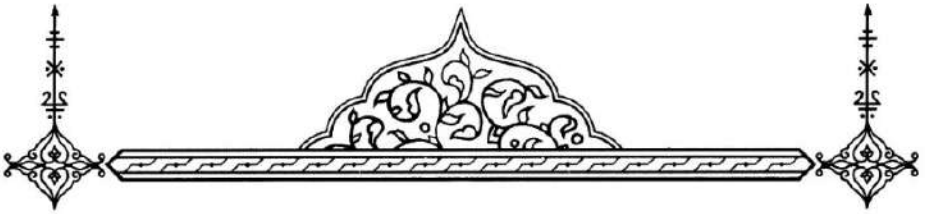
ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 17
Поминание Абу ʻАли Шакика [Балхи]

фрагмент

Когда он (Абу ʻАли Шакик Балхи) вернулся из Мекки в Багдад, он как-то раз проповедовал в собрании [суфиев] и больше всего говорил об уповании на Бога. В ходе беседы он сказал: «Я пошел через пустыню. В моем кошеле было четыре серебряных монетки, и до сих пор они у меня с собой». Какой-то юноша поднялся и сказал: «Там, где ты держал в кошеле четыре монетки, не присутствовал ли Господь (*велик Он и славен*!)?! И в тот миг была ли [у тебя] надежда на Господа (*велик Он и славен*!)?!» Шакик пришел в волнение, признал правоту [юноши], сказал: «Верно говоришь», — и сошел с минбара[1].

* III.9.5.



ОБ АБУ БАКРЕ ВАСИТИ*

Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 85
Поминание шейха Абу Бакра Васити

фрагмент

Рассказывают, что однажды он (Абу Бакр Васити) пошел в дом умалишенных. Увидел он там безумца, который издавал радостные крики[1] и вопли, и сказал ему: «На тебе же такие тяжелые цепи, как тут веселиться?!» Тот ответил: «О невежда, цепи у меня на ногах, а не на сердце!»

* III.9.8.

О СТАРОЙ ЖЕНЩИНЕ С СОЖЖЕННЫМ СЕРДЦЕМ*

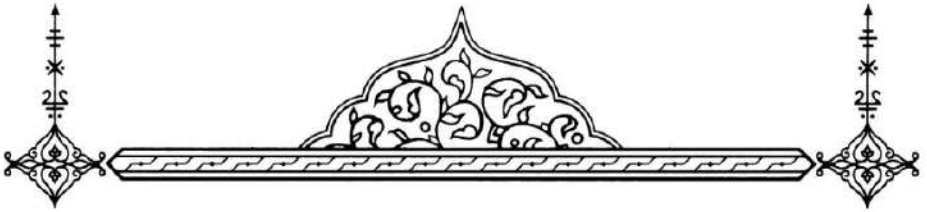
Ахмад Туси

РАССКАЗ О ЙУСУФЕ

фрагмент

В каком-то году в Басре[1] вспыхнул пожар. Раби'а ал-'Адавиййа[2] за пределами города стирала в реке свою хирку[3]. Кто-то сказал ей: «В Басре пожар, все заботятся о своих домах, ты тоже позаботься о своем доме!» Она сказала: «Огонь не сожжет мой дом». Ее спросили: «Почему?» Она сказала: «Огонь сжигает только одно из двух — либо сжигает дом, либо сжигает грудь[4]. Вот уже тридцать лет, как он сжигает мою грудь. Я знаю, что сегодня он не сожжет дом». Рассказали, что огонь, дойдя до дома Раби'и, погас.

* III.9.9.



ОБ ОГНЕ И ТРУТЕ*

Абу-л-Касим Ахмад б. Мансур Сам'ани

ОТДОХНОВЕНИЕ ДЛЯ ДУШ В ТОЛКОВАНИИ ИМЕН ЦАРЯ ПОБЕЖДАЮЩЕГО

фрагменты

Огонь нуждается в [ветошном] труте, за который он сможет ухватиться. <...> Если ты положишь тысячу драгоценных парчовых тканей перед камнем и железом, огонь за них не ухватится, потому что те слишком горды своей пригожестью. И если принесешь новую одежду, толку не будет, потому что от нее исходит аромат бытия. <...> Ухватится он за ту сгоревшую ветошь, ибо, если ты испытанному мудрецу положишь уголек в сердце, оно от горения разрушится. <...>

Огонь безмолвным языком говорит: «Он сожжен мною, а настанет день, когда
он озарится мною». — «О светлый огонь, этот сгоревший трут чёрен
и тёмен. Что тебе до него?» Ответил он: «Да, это так,
но на нем — мое клеймо».

* III.9.10.

О ГРЕШНИКЕ В ДЕНЬ СБОРА*

Абу-л-Фазл Майбуди

РАСКРЫТИЕ ТАЙН И ПРИПАСЫ ДЛЯ ПРАВЕДНЫХ

фрагмент

Рассказывают, что *завтра*[1], в День воскрешения, одному рабу дадут в руки книгу[, где записано] о нем[2]. Он увидит свои нечистые дела и опустит голову. Его охватит великая печаль. Господь (*возвышен Он*!) посмотрит на него взором милосердия и скажет: «О бедняк ушедших дней, подними голову, ибо сегодня день примирения и время дарования милости». Раб от стыда перед Истинным всё так же будет стоять с опущенной головой. Тогда *Господь Величия* в Своем милосердии скажет: «Моим величием [велю тебе]: подними голову и узри Мою красоту. Если ты в низшем мире не делал того, что Я повелел, сегодня, в день твоего бедствия и беспомощности, Я сделаю то, чего ты хочешь».

Ахмад Туси

РАССКАЗ О ЙУСУФЕ

фрагмент

Завтра[1] в руки [некоего] раба дадут книгу[2]. Раб посмотрит, увидит, что унван[3] этой книги чёрен, и поймет, что внутри этой книги нет [о нем ничего] хорошего. Он выронит книгу и направится в ад. Раздастся глас: «О раб, куда идешь? Сначала прочти книгу». Тот ответит: «О Господь, я прочел книгу. Прикажи и дай повеление мне пойти в ад». Великий Владыка скажет: «Почему?» (а Он более знающ).

Тот ответит: «О Господь, ведь, если я прочту о своих деяниях, я устыжусь и усрамлюсь. Лучше мне отправиться в ад, потому что у меня нет мочи перенести боль и стыд».

---

* III.9.12.

О ТОМ, КАК МУСА ОБРАЩАЛСЯ С ПРОСЬБОЙ К ГОСПОДУ*

Абу Хамид Газали

ЭЛИКСИР СЧАСТЬЯ

Столп четвертый
О ДЕЯНИЯХ, ВЕДУЩИХ К СПАСЕНИЮ

Основа 9
О любви, страстном влечении [к Богу] и довольстве [тем, что посылает Бог]

фрагмент

И Бишр Хафи[1] говорит: «В начале своего служения[2] я пришел в ʻАббадан[3] [и] увидел там прокаженного безумца, он лежал, по нему ползали муравьи и ели его; я приподнял его голову, мне стало его жаль. Когда он пришел в себя, сказал: “Что там за бездельник[4] встревает между мной и моим Господом?”»

* III.10.2.

О ДУШАХ ПРЕЖДЕ СОТВОРЕНИЯ ТЕЛ*

Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 13
Поминание Зу-н-Нуна Мисри

фрагмент

Рассказывают, что однажды друзья нашли его (Зу-н-Нуна Мисри) плачущим. Они спросили: «В чем причина твоих слез?» Он сказал: «Вчера я заснул на молитвенном коврике и увидел во сне Господа (*велико Его величие*!). Он сказал: "Абу-л-Файз! [Когда] Я сотворил людей, они разделились на десять частей. Я предложил им мир{, и девять из десяти частей обратились к миру. А одна часть разделилась на десять частей. Я предложил им рай}. Девять частей обратились к раю. А одна часть разделилась на десять частей. Я поставил перед ними ад. Девять частей содрогнулись и разбежались от страха перед адом. Так осталась одна часть, которая не обманулась миром, не захотела рая и не испугалась ада. Я сказал: "Рабы мои! Вы не смотрели на мир, не надеялись на рай и не испугались ада. Чего же вы ищете?" Они опустили головы и сказали: "*Ты знаешь, чего мы хотим*"».

* III.10.3.

О РАБИ‘И*

Фарид ад-Дин ‘Аттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 9
Поминание Раби‘и ‘Адавиййа

фрагмент

Передают, что один раз она (Раби‘а) семь суток не прерывала поста и не спала ночью. На восьмую ночь ее одолел голод. Нафс[1] завопил: «Сколько ты будешь мучить меня?!» Вдруг кто-то постучал в дверь, он принес миску с едой. Она взяла [ее] и поставила [на землю], чтобы принести лампу. Пришла кошка и рассыпала ту еду. Она сказала: «Пойду принесу кувшин воды, чтобы разговеться». Когда она ушла, лампа погасла. Она хотела напиться — кувшин выпал у нее из рук и разбился. Она вздохнула так [жарко], что чуть не спалила дом. Воскликнула: «О Боже! Что Ты делаешь со мной, несчастной?!» Услышала голос: «Остерегись, о Раби‘а! Если хочешь, Мы дадим тебе блага этого мира, но отнимем у твоего сердца печаль по Нам. Печаль по Мне и блага мира не соединимы в одном сердце. О Раби‘а! Ты желаешь одного, Мы желаем другого. Нашему желанию не соединиться с твоим желанием в одном сердце!» Она сказала: «Услышав эту речь, я настолько отделила сердце от мира и уменьшила свои чаяния, что тридцать лет с тех пор молилась так, как если бы то была моя последняя молитва — *я молюсь прощальной молитвой*, — и настолько не нуждалась в людях и отрешилась [от них], что, когда наступал день, я говорила, страшась, что люди отвлекут меня: “О Боже! Увлеки меня Собой, чтобы никто не отвлек меня от Тебя!”»

* III.10.5.

О ШЕЙХЕ ИЗ БУШАНДЖА*

Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 57
Поминание Абу-л-Хасана Бушанджи

фрагмент

Рассказывают, что однажды он (Абу-л-Хасан Бушанджи) шел, [одетый в рубище,] как ходят суфии. К нему подошел тюрк, ударил его по лицу и пошел прочь. Люди спросили [тюрка]: «Зачем ты это сделал? Ведь это шейх Абу-л-Хасан, он — великий муж нашего времени!» Тот раскаялся, вернулся и просил у шейха прощения. Шейх сказал: «О друг! Будь спокоен, ибо мы это получили не от тебя. А там, откуда это пришло, не ошибаются».

* III.10.7.

О МУСЕ И БЛАГОЧЕСТИВОМ ПОДВИЖНИКЕ*

Ахмад Газали

ПИСЬМА К ʻАЙН АЛ-КУЗАТУ ХАМАДАНИ

фрагменты

Некий муж из сынов Исраила[1] много лет подвизался в поклонении Богу. [*Тот, Который*] *есть и будет*, захотел, чтобы затворничество того мужа было явлено. Он послал к нему ангела сказать: «Не трудись, ты недостоин Нас и будешь из людей ада». Тот человек ответил: «Мне — рабствовать, а господствовать — Ему»[2]. Ангел вернулся и передал эти слова. [*Обладатель*] *Величия и Единственности* ответил: «Если он при своей скудости не отворачивается [от поклонения], как же Я при Своей щедрости отвернусь [от него]?!»

Ахмад Газали

МАДЖЛИСЫ

фрагмент

Господь послал одному из пророков откровение: «Скажи такому-то подвижнику: "До каких пор ты будешь трудиться и мучиться, ведь Я тебя прощать не собираюсь?"» Подвижник сказал тому пророку: «Скажи Господу Всевышнему: "Я тружусь в своем рабствовании, а Он вершит свое Господствование"». Господь послал тому пророку откровение: «Скажи ему: "Ты — раб, обретший вежество (адаб)[1]. Мы тебя простили и даровали тебе приближенность и близость"»[2].

---

* III.10.8.

'Али б. Усман Худжвири

РАСКРЫТИЕ СОКРЫТОГО ЗА ЗАВЕСОЙ

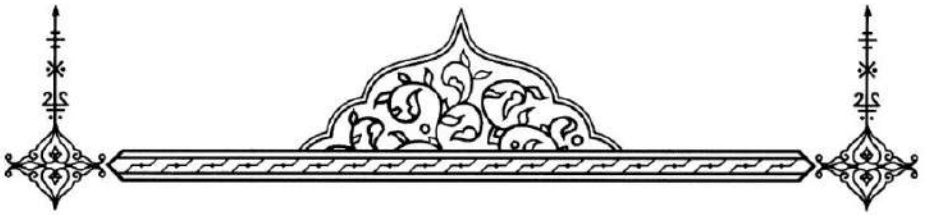
Глава 14
О различных общинах, их толках, чудесах, стоянках и рассказы [о них]

Раздел 5
Нуриты
фрагмент

Среди сынов Исраила был благочестивый служитель[1], который четыреста лет подвизался в поклонении [Господу]. Однажды он сказал: «О Боже! Если бы этих гор не было и Ты не сотворил бы их, ходить и странствовать Твоим рабам было бы легче». Пришло повеление одному из пророков того времени: «Скажи этому подвижнику: "Твое ли дело вмешиваться в устройство Моего царства?! Теперь, раз ты вмешался, Мы изглаживаем твое имя из дивана[2] счастливых и вносим его в диван злосчастных"».

У подвижника сердце взыграло от радости, и он склонился в благодарности перед Господом (*велик Он и славен*!). Пророк сказал: «О старец, нет необходимости благодарить за злосчастье!» Тот ответил: «Я потому благодарю за злосчастье, что — Боже! — мое имя в [Его] книге. Но у меня, о пророк, есть просьба к Господу». [Пророк] сказал: «Скажи мне, чтобы я передал твои слова». Тот ответил: «Скажи Господу (*велик Он и свят*!), чтобы Он послал меня в ад и сделал мое тело таким большим, чтобы я занял место всех грешных единобожников, чтобы они пошли в рай».

Тогда пришло повеление: «Скажи [Моему] рабу: целью испытания
было не принизить тебя, но явить тебя[3] всем людям, чтобы
в День воскрешения и ты, и все, кому ты станешь
заступником, оказались в раю».



О СТАРЦЕ ИЗ БУХАРЫ И МУХАННАСЕ*

Фарид ад-Дин ʻАттар

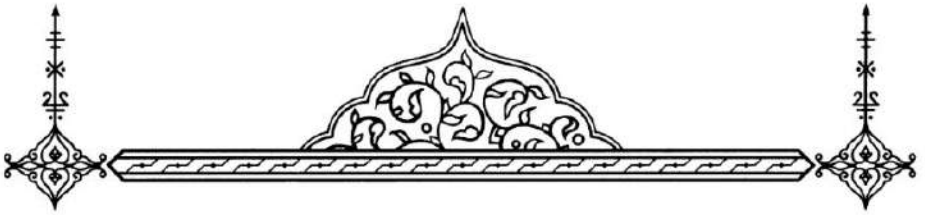
ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 3
Поминание Хасана Басри

фрагмент

[Хасан] сказал: «Однажды я подобрал полы своей одежды, проходя мимо муханнаса. Он сказал: “О ходжа, положение наше еще не прояснилось; ты не подбирай одежду, ведь, каковы будут наши дела в той жизни, знает [лишь] Господь”».

* III.10.9.



О ХАСАНЕ И ХАБИБЕ*

Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 6
Поминание Хабиба ʻАджами

фрагмент

Передают, что однажды Хасан шел по дороге, дошел до берега Диджлы[1] и остановился. Хабиб спросил: «Наставник! Почему ты остановился?» Ответил: «Я [жду], пока придет лодка». Хабиб сказал: «Наставник! Я получил от тебя знания. Изгони из своего сердца зависть людей, охлади свое сердце к этому миру, прими беды за дар, возведи все [свои] деяния к Богу — [затем] стань на воду и иди!» Сказал это, ступил на воду и пошел. Хасан потерял рассудок. Когда он пришел в себя, у него спросили: «Что с тобой приключилось?» Он ответил: «Хабиб получил знания от меня. Сейчас он упрекнул меня и пошел по воде. Вот *завтра* раздастся возглас: мол, пройдите по Мосту[2]. Что я смогу поделать, если точно так же окажусь беспомощным?» Позже он увидел Хабиба. Спросил: «Благодаря чему ты достиг этой ступени?» [Хабиб] ответил: «Благодаря тому, что я обеляю сердце, а ты делаешь бумагу черной». Хасан сказал: «*От моего знания получают пользу другие, но не получаю я* (Мое знание идет на пользу другим, но не мне)»[3]. Возможно, у кого-то возникла мысль, что ступень Хабиба была выше ступени Хасана, но это не так. Ведь на пути к Богу (*возвышен Он*!) нет ступени выше, чем ступень знания[4]. Именно поэтому Мустафе (*мир ему*!) было приказано: «Говори: "Господи мой! Умножь мое знание"»[5].

* III.11.4.

О ШИБЛИ*

Фарид ад-Дин ‘Аттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 75
Поминание шейха Абу Бакра Шибли
фрагмент

У него (Абу Бакра) спросили: «Кто есть ‘ариф?»[1] Он сказал: «Тот, кто не вынесет [тяжести даже] одной букашки». Когда снова задали ему тот же вопрос, он сказал: «‘Ариф — тот, кто одной ресницей поднимает семь небес и землю». Ему сказали: «О шейх! Тогда ты так говорил, а сейчас этак говоришь!» Он сказал: «Тогда мы были мы, а сейчас мы — это Он».

* III.11.5.

О БАЙАЗИДЕ И МОШЕННИКЕ*

ʻАбд ал-Карим Кушайри

ПОСЛАНИЕ О СУФИЙСКОЙ НАУКЕ

Глава 20
Об уповании на Бога
фрагмент

Каттани[1] говорит, что слышал от Бу Джаʻфара Фаррухи: «Я видел одного аййара[2]. Его били хлыстом. Я спросил его: "Когда боль от ударов бывает легче для вас?" Он ответил: "Когда тот, ради которого [тебя] бьют, смотрит [на тебя]"».

Абу Хамид Газали

ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ НАУК

Четверть четвертая
О деяниях, ведущих к спасению

Книга 6
Книга о любви, страстном влечении [к Богу], близости и довольстве [тем, что посылает Бог]
фрагмент

Бишр ибн ал-Харис[1] рассказал: «Я проходил мимо одного человека, которого подвергли наказанию в тысячу ударов плетью в восточной части Багдада, а он не

---

* III.11.7.

проронил ни слова. Затем его повели в тюрьму, и я последовал за ним. Я спросил его: "За что тебя били?" Тот ответил: "За то, что я влюбленный". Я спросил его: "А почему ты молчал?" Тот сказал: "Мой возлюбленный стоял напротив и смотрел на меня". Я сказал ему: "Если бы ты посмотрел на Превеликого Возлюбленного!" Он вскрикнул и упал замертво».

Абу Хамид Газали

ЭЛИКСИР СЧАСТЬЯ

Столп четвертый
О ДЕЯНИЯХ, ВЕДУЩИХ К СПАСЕНИЮ

Основа 9
О любви, страстном влечении [к Богу] и довольстве [тем, что посылает Бог]

фрагмент

Друг Бишра Хафи[1] рассказывает [с его слов]: «Одному человеку на багдадском базаре дали тысячу ударов палкой, а он не сказал ни слова. Я спросил: "Почему ты не кричал?" Он ответил: "Тут был мой возлюбленный, он смотрел [на меня]". Я спросил его: "Если бы ты увидел Высшего Возлюбленного, что бы ты сделал?" Он вскрикнул и отдал душу».

Абу-л-Фазл Рашид ад-Дин Майбуди

РАСКРЫТИЕ ТАЙН И ПРИПАСЫ ДЛЯ ПРАВЕДНЫХ

фрагмент

Бишр Хафи[1] сказал: «Я шел по базару в Багдаде, где кого-то наказывали тысячью ударов хлыстом, а он даже не охнул. Его повели в тюрьму, а я пошел следом за ним и спросил, за что его били. Он сказал: "За то, что я — плененный любовью". Я спросил: "Почему ты не стонал и не жаловался, чтобы тебе смягчили наказание?" Он сказал: "Мой возлюбленный смотрел на меня, я был так поглощен созерцанием возлюбленного, что у меня не было охоты стонать и жаловаться".

Я сказал: "*Если бы ты смотрел на Величайшего Возлюбленного*, если бы твой взгляд упал на Величайшего Возлюбленного, каким бы ты был?!" *Сказал* [*это, а он*] *издал вопль и умер*, вскричал и принес душу в жертву этим словам. Да, когда любовь подлинна, любое притеснение оборачивается великим благом. Это великое счастье: красота возлюбленного открывается тебе, и в созерцании ее весь гнев становится милостью»[2].

'Айн ал-Кузат Хамадани

ТРАКТАТ О ПРОЯВЛЕНИЯХ [СОКРОВЕННЫХ ИСТИН]

фрагмент

Некоего влюбленного били в Багдаде плетьми по законам шариата. Он не потерял сознания и не упал. К нему подошел Васили[1] и спросил об этом. Тот сказал: «Тут был мой любимый, и созерцание его дало мне силы терпеть».

ОБ ИБН АЛ-МУБАРАКЕ [И РАБЕ]*

Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 15
Поминание ʻАбдаллаха ибн ал-Мубарака

фрагмент

Передают, что как-то была холодная зима. [ʻАбдаллах Мубарак] шел по базару в Нишапуре и увидел раба в одной рубахе, который дрожал от холода. Сказал: «Что́ ты не скажешь хозяину, чтоб он купил тебе хоть какой-то халат?» Тот сказал: «Что́ я стану говорить? Он сам видит и знает». ʻАбдаллах возрадовался, издал вопль и упал. Потом сказал: «Учитесь [правилам] Пути у этого раба!»

* III.11.8.

ОБ ЭФИОПЕ*

Абу Хамид Газали

ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ НАУК

Четверть четвертая
О ДЕЯНИЯХ, ВЕДУЩИХ К СПАСЕНИЮ

Книга 1
Книга о покаянии

фрагмент

Рассказали, что один эфиоп сказал: «О Посланник Аллаха, я имел дело с распутными женщинами. Будет ли принято мое покаяние?» Тот сказал: «Да». Он (эфиоп) ушел. Затем он вернулся и спросил: «О Посланник Аллаха, видел ли Он меня, когда я был занят ею?» Тот сказал: «Да». Эфиоп издал вопль и испустил душу.

---

* III.11.9.

Абу Хамид Газали

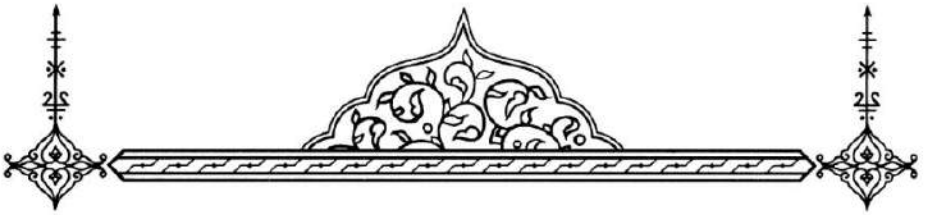
ЭЛИКСИР СЧАСТЬЯ

Столп четвертый
О ДЕЯНИЯХ, ВЕДУЩИХ К СПАСЕНИЮ

Основа 1
О покаянии

фрагмент

К Посланнику[1] (*да благословит его Аллах и приветствует*!) пришел эфиоп и спросил: «Ко мне приходило много распутных женщин. Будет ли принято мое покаяние?» Тот отвечал: «Будет». Он ушел, но вернулся и спросил: «Когда я грешил, [Он] меня видел?» Тот сказал: «Видел». Эфиоп издал вопль, упал и испустил душу.



О ХАСАНЕ БАСРИ И ШАМ‘УНЕ*

Фарид ад-Дин ‘Аттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 3

Поминание Хасана Басри

фрагмент

Рассказывают, что у Хасана был сосед-огнепоклонник, по имени Шам‘ун. Однажды он заболел и был уже на пороге смерти. Люди обратились к Хасану: мол, помоги соседу! Хасан приблизился к его изголовью и увидел, что тот лежит почерневший от огня и дыма. Он сказал: «Устрашись Господа, ибо ты всю жизнь провел среди огня и дыма. Прими ислам, чтобы Господь помиловал тебя!» Шам‘ун ответил: «Три вещи отвращают меня от ислама: первое — то, что вы поносите этот мир, а сами день и ночь стремитесь [к нему]; второе — вы говорите, что смерть несомненна, а сами никак не готовитесь к смерти; третье — вы говорите, что предстоит увидеть встречу с Истинным, а *сегодня*[1] всё делаете вопреки Его соизволению». Хасан сказал: «Эти [речи] — признак осведомленности. Но, если так говорят правоверные, что́ скажешь ты? Они утверждают Его единство. Ты свою жизнь потратил на поклонение огню. И тебя, который семьдесят лет поклонялся огню, и меня, который не поклонялся, — обоих жжет огонь и не дает тебе преимущества. Но если мой Господь пожелает, огонь не посмеет сжечь и единого волоска на моем теле, потому что огонь — создание Бога, а созданное подчиняется [Создателю]. Теперь давай возложим на огонь обе руки, чтобы ты узрел слабость огня и мощь Истинного (*возвышен Он!*)». Так сказал он, сунул руку в огонь и держал, и ни одна частичка его плоти не измени-

---

* III.11.13.

лась и не сгорела. Увидев такое, Шам'ун изумился, и утро узнавания занялось для него. Он сказал Хасану: «Уже семьдесят лет я поклоняюсь огню, сейчас осталось всего несколько вздохов; что мне следует предпринять?» [Хасан] сказал: «Стать мусульманином!» Шам'ун сказал: «Если ты выдашь мне расписку, что Истинный (*возвышен Он*!) не накажет меня, я приму веру. Ну а если не выдашь, не приму веры». Хасан написал расписку. Шам'ун сказал: «Прикажи честным свидетелям из Басры[2] удостоверить написанное!» Они подписались. После этого Шам'ун пролил обильные слезы, принял веру и завещал Хасану: «Когда умру, распорядись, чтобы меня обмыли, своими руками предай меня земле, а эту расписку вложи мне в руки, ибо она и будет моим доказательством!» Хасан сказал: «Я согласен». [Шам'ун] произнес [слова] исповедания веры и скончался. Его обмыли, сотворили над ним намаз, вложили ту расписку ему в руки и похоронили его. А Хасан в ту ночь не заснул; он думал: «Что же это я такое сделал? Я сам — утопающий, так как же я протягиваю руку другому утопающему?! Я не распоряжаюсь принадлежащим мне, как же я выдал поручительство на принадлежащее Богу (*велик Он и славен*!)?» С такими мыслями он погрузился в сон и увидел Шам'уна в сияющем, как свеча, венце на голове, в шелковом одеянии на плечах, с улыбкой гуляющего по райской лужайке. Хасан спросил: «О Шам'ун, как ты там?» Тот сказал: «О чем ты спрашиваешь?! Как видишь, Бог (*возвышен Он*!) по благоволению Своему приблизил меня к Себе и удостоил встречи по щедрости Своей, и все те милости, которыми одарил меня Господь, не выразить и не описать словами. Теперь ты выполнил свое поручительство. Возьми эту свою расписку, ибо мне она больше не нужна». Когда Хасан проснулся, он увидел ту бумагу у себя в руке. Он сказал: «Господи, мне известно, что у дел Твоих нет иной причины, кроме благоволения. У врат Твоих кто понесет урон? Семидесятилетнего гебра[3] за одно только слово Ты приблизил к себе, так неужели лишишь [этой милости] правоверного семидесяти лет?»

О ШИБЛИ И ЮНОШЕ В ПУСТЫНЕ*

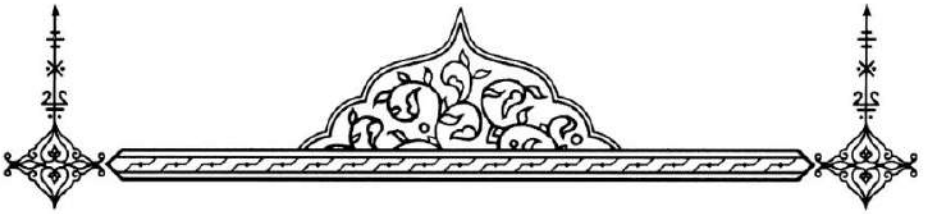
Абу Ну'айм Исфахани

УКРАШЕНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ И РАЗРЯДЫ ЧИСТЫХ

фрагмент

Джунайд[1] рассказывает: «Я в середине года шел по пустыне, положив себе идти в безусловном уповании на Бога. Через несколько дней я пришел к источнику воды в зеленом оазисе. Я совершил омовение, набрал воды и встал, чтобы приступить к молитве. Тут я увидел юношу: он шел в одежде купца, словно только утром вышел из дома на свою торговлю или возвращался с торговли домой. Он приветствовал меня, и я спросил, откуда он идет. Он ответил: «Из Багдада». Я спросил: «Когда ты вышел из Багдада?» Он ответил: «Вчера». Это привело меня в изумление, ведь мне понадобилось несколько дней, чтобы дойти до этого места. Тогда он сел рядом со мной, и мы стали беседовать. Тут он вытащил что-то из своего рукава и стал есть. Я сказал ему: «Угости и меня тем, что ты ешь!» Тогда он вложил мне в руку горькую тыкву-колоквинт, и на вкус она была как свежий финик. Потом он пошел дальше и оставил меня. Когда я пришел в Мекку и начал обхождение Ка'бы[2], кто-то потянул меня сзади за одежду. Я обернулся и увидел юношу; он весь был как изодранный бурдюк, обрывок 'абы́[3] прикрывал одно плечо. Я сказал ему: «Открой мне, кто ты!» Он ответил: «Я тот самый юноша, который дал тебе колоквинт». Я спросил его: «Что же с тобой случилось?» Он ответил: «О Абу-л-Касим![4] Они оттолкнули меня, а когда я упал, сказали: "Хватайся!"»[5]

* III.12.3.



О БАЙАЗИДЕ*

Фарид ад-Дин ʿАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 14
Поминание Байазида Бистами

фрагмент

Великий муж увидел его (Байазида) во сне и спросил: «Как поступил с тобой Господь (*велик Он и славен*!)»? [Байазид] сказал: «Он спросил у меня: "Байазид! Что́ ты принес?" Я сказал: "Господи! Я не принес ничего достойного чертога[1] Твоего величия. При этом я не принес многобожия". Истинный (*возвышен Он*!) сказал: "*А та ночь молока?* Не была ли многобожием та ночь молока?"» [Байазид] сказал: «Однажды ночью я выпил молока, у меня заболел живот, и с языка сорвалось: "Я выпил молока, и у меня заболел живот". Вот как Истинный (*возвышен Он*!) попрекнул меня». Это означает: «Еще кто-то кроме Меня совершает действие?»[2]

Абу Ибрахим Мустамли Бухари

ТОЛКОВАНИЕ «ВВЕДЕНИЯ В СУФИЙСКОЕ УЧЕНИЕ»

фрагмент

В связи с рассуждением о скрытом многобожии автор сначала цитирует комментируемый арабский рассказ Калабади о Валиде Сакка[1]*, который сказал друзьям, угощавшим его молоком:*

---

* III.12.11.

Это молоко принесет мне вред, потому что однажды я говорил Господу: «Помилуй меня, ведь я ни одного мига не был многобожником!» И услышал я глас в своем сердце: «И в ночь молока тоже?»

Затем следует персидский комментарий:

Однажды друзья принесли мне молоко. Я сказал: «Мне от него [будет] ущерб». А считать ущерб [приходящим] от иного, чем Бог, есть многобожие, ибо в основе многобожия у многобожников бывает то, что они ущерб и пользу считают [приходящими] от иного, чем Бог, и в этом смысле становятся неверными.

ОБ ИСКАНДАРЕ И МУДРЕЦЕ*

ʻАли б. Усман Худжвири

РАСКРЫТИЕ СОКРЫТОГО ЗА ЗАВЕСОЙ

Глава 2
О нищете

[Вступление]

фрагмент

Случилось встретиться дервишу и царю. Царь сказал: «Скажи свою просьбу!» Тот сказал: «Я не обращаюсь с просьбой к рабам своих рабов». Царь спросил: «Что это значит?» Тот ответил: «У меня есть два раба, и оба они — твои господа. Один из них — алчность, другой — вожделение»[1].

Мухаммад б. Йусуф ал-ʻАмири

СЧАСТЬЕ И ОСЧАСТЛИВЛИВАНИЕ

фрагмент

Было сказано Диаджинусу:[1] «Кто твой раб?» Он сказал: «Твой господин, то есть похоть»[2].

---

* IV.13.1.

Ал-Туртуши Мухаммад ибн ал-Валид

СВЕТОЧ ЦАРЕЙ

фрагмент

Пришел один из царей к Сократу и застал его спящим. Он пихнул его ногой и сказал: «Встань!» Тот встал, не страшась его и не обращая на него внимания. Царь сказал ему: «Разве ты не знаешь меня?» Ответил: «Нет, но я вижу в тебе природу скотскую, ибо и скоты лягаются». Царь разгневался и воскликнул: «Ты ли говоришь мне это? Ты же раб мой!» Сократ ответил: «А ты раб раба моего...» «Как же это?» — спросил тот. Ответил: «Ибо страсть твоя властвует тобой, а я владею своими страстями...»

О ТАВУСЕ*

Абу Хамид Газали

ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ НАУК

Четверть четвертая
О ДЕЯНИЯХ, ВЕДУЩИХ К СПАСЕНИЮ

Книга 2
Книга о терпении и благодарности

фрагмент

Одного [суфийского шейха] упрекнули: «Не выходишь на молитву испрашивания дождя, дожди же задерживаются». Он ответил: «Вы ждете с нетерпением дождя, а я с нетерпением жду [падения с неба] камней».

* IV.13.3.

О КОПИВШЕМ БОГАТСТВА И АНГЕЛЕ СМЕРТИ*

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

Ночи 462—463
Рассказ о горделивом царе
фрагменты

Рассказывают также, что один царь из царей собрал большие деньги, числа которых не счесть, и приобрел многие вещи всякого рода, которые создал Аллах великий в здешнем мире, и всё это для того, чтобы понежить свою душу. И когда захотел он освободиться для наслаждения тем, что он накопил из полезных благ, построил он для себя высокий дворец, возвышавшийся и уходивший ввысь, который годился для царей и был для них подходящим, а затем устроил он во дворце двое крепких ворот и назначил во дворце слуг, войска и привратников, как хотел он. И приказал царь повару в какой-то день приготовить ему какое-нибудь из наилучших кушаний и собрал своих родных, челядинцев, приближенных и слуг, чтобы те у него поели и получили дары. И сел он на престол своего царства и владычества и оперся на подушку и, обратившись к своей душе, сказал ей: «О душа, я собрал для тебя все блага мира; предайся же теперь наслаждению и вкуси от этих благ, поздравляемая с долгой жизнью и обильной долей счастья...» <...>

И не окончил он еще того, о чем говорил со своей душой, как подошел ко дворцу извне человек, одетый в поношенные одежды, и на шее у него висел мешок, как у нищего, который пришел, чтобы получить пищу. И подошел этот человек и постучал кольцом на дворцовых воротах стуком великим и ужасающим, который едва не потряс дворца и не сдвинул престола с места, и слуги испугались

* IV.13.5.

и подскочили к воротам и закричали на стучащего: «Горе тебе! Что значит этот поступок и неблагопристойность? Подожди, пока царь поест, и мы дадим тебе из того, что останется!» И пришедший сказал слугам: «Скажите вашему господину: пусть он выйдет ко мне и поговорит со мною, у меня до него надобность, и важное дело, и настоятельная просьба». «Отойди, о бедняк, — сказали слуги, — кто ты, чтобы приказывать нашему господину выйти к тебе?» «Осведомьте его об этом», — сказал пришедший.

И слуги пошли к царю и осведомили его, а царь воскликнул: «И вы не прогнали его, не обнажили против него мечей и не выбранили его?» Но тут пришедший постучал в ворота еще страшнее, чем в первый раз, и слуги поднялись с палками и оружием и бросились к нему, чтобы сразиться с ним. И пришедший крикнул на них криком и сказал: «Оставайтесь на местах ваших! Я ангел смерти!» И устрашились сердца их, и исчез их разум, и улетел рассудок их, и задрожали у них поджилки, и перестали двигаться члены их.

И царь сказал им: «Скажите ему: пусть возьмет кого-нибудь вместо меня и взамен мне», — но ангел смерти молвил: «Я не возьму заместителя и никого взамен. Я пришел только ради тебя, чтобы тебя разлучить с теми благами, которые ты собрал, и деньгами, которые ты приобрел и накопил».

И тут царь стал глубоко вздыхать, и заплакал, и воскликнул: «Прокляни, Аллах, деньги, которые соблазнили меня и мне повредили, препятствуя мне поклоняться моему господину! Я думал, что мне от них будет польза, а оказались они теперь для меня горестью и бедой. Вот я выхожу с пустыми руками, и останутся они моим врагам».

И Аллах дал деньгам способность речи, и сказали они: «По какой причине клянешь ты нас? Кляни самого себя. Аллах великий создал нас и тебя из праха и вложил нас тебе в руки, чтобы ты запасся через нас для будущей жизни, раздавая нас как милостыню нуждающимся, беднякам и нищим и строя на нас монастыри, мечети, мосты и водопроводы, и были бы мы тебе помощью в последней обители. А ты собрал нас и накопил и ради страстей своих нас истратил, и не воздал ты нам должной хвалы, но отрекся от нас. И теперь оставил ты нас твоим врагам и пребываешь в печали и раскаянии. В чем же наш грех, что ты нас поносишь?»

И потом ангел смерти взял душу царя, когда он был на престоле, раньше чем съел он кушанье, и пал царь мертвым, свалившись с престола. Сказал Аллах великий: «А когда радовались они тому, что им было даровано, взяли Мы их внезапно, и вот они в отчаянии».

Ночи 463—464
Рассказ о царе-притеснителе
фрагменты

Рассказывают также, что один царь-притеснитель из царей сынов Исраиля[1] сидел в некий день на престоле своего царства. И увидел он человека, который вошел к нему через ворота дома и имел вид неодобряемый и облик ужасающий. И стало противно царю, что ворвался к нему этот человек, и испугался он облика его, и вскочил навстречу пришедшему, и воскликнул: «Кто ты, о человек, и кто позволил тебе ко мне войти и приказал тебе прийти в мой дом?» «Приказал мне хозяин дома, — ответил человек. — Не преградит мне дорогу преграждающий, не нужно мне для входа к царям позволения; не испугает меня власть султана и обилие телохранителей. Меня не сокрушит притеснитель, и никому не убежать от моей хватки. Я — разрушитель наслаждений и разлучитель собраний».

И когда услышал царь эти слова, пал он на лик свой, и заползал страх по его телу, и он упал, покрытый беспамятством, а очнувшись, спросил: «Ты ангел смерти?» «Да», — ответил пришедший. И царь воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, не дашь ли ты мне отсрочки на один день, чтобы попросил я прощения за грехи мои, и искал бы извинения у моего Господа, и возвратил бы те деньги, что в казне моей, их владельцам, не обременяя себя тяготой отчета за них и бедствием кары за них?»

И сказал ангел смерти: «Не бывать, не бывать! Нет для тебя пути к этому! <...>

И как дам я тебе отсрочку, когда дни твоей жизни сосчитаны, и дыхания твои исчислены, и время твое записано?» «Отсрочь мне на час», — сказал царь. И ангел ответил: «Этот час входит в счет, и он прошел, когда ты был беспечен, и окончился, а ты был рассеян. Ты получил свои дыхания полностью, и осталось тебе лишь дыхание единое». «Кто будет подле меня, когда понесут меня в могилу?» — спросил царь. И ангел ответил: «Не будет подле тебя никого, кроме деяний твоих». «Нет у меня деяний», — сказал царь. И ангел молвил: «Нет сомнения, что будет пребывание твое — в огне и исход твой — ко гневу Всевластного».

И затем взял он его дух, и повергся царь, падая с престола своего, и упал на землю. И раздались вопли среди жителей царства его, и возвысили они голоса и подняли крики и плач; а если бы знали они, что идет царь ко гневу своего Господа, был бы их плач по нем больше и вопли их сильнее и обильнее.

Абу Хамид Газали

СОВЕТ ВЛАДЫКАМ

Часть третья
ВЫЯВЛЕНИЕ ВСЕХ ИСТОЧНИКОВ, ИЗ КОТОРЫХ ПИТАЕТСЯ ДРЕВО ВЕРЫ

Источник 2
Познание последнего вздоха

Рассказ 2

Рассказывают, что был один человек, который накопил множество золота и серебра[1]. И хотел, чтобы у него собрались все блага мира, которые сотворил Всевышний Господь, а он бы сидел и радостно пировал. Вот он накопил все эти блага, построил высокий дворец, сделал крепкие двери и поставил гуламов[2] для охраны.

И вот однажды он приготовил прекрасную трапезу и собрал своих людей, чтобы они ели перед ним. А сам он уселся на троне, прислонившись, и сказал себе: «О нафс[3], ты собрал все блага мира! Теперь сиди спокойно и радостно ешь!»

Он еще предавался этим мыслям, как за оградой дворца появился какой-то человек в ветхой одежде, с сумой на шее; видом он был как дервиш, просящий хлеба. Он постучал дверным кольцом таким громким стуком, что все испугались. Гуламы вскочили и бросились к нему. Он сказал им: «Скажите вашему хозяину, чтобы вышел, у меня к нему дело». Они сказали: «Ты кто такой, чтобы звать его к себе?» Он сказал: «Вы ему скажите». Они сказали [хозяину]. Тот сказал: «Почему вы с ним то и то не сделали?!» [Ангел] снова постучал, еще сильнее, чем сначала. Все вскочили с мест и хотели наброситься на него. Он сказал: «Утихните, я — ангел смерти». Услышав это, все испугались, ни руками, ни языком не могли овладеть.

Хозяин сказал: «Скажите ему, не примет ли какую замену». Они сказали. Тот сказал: «Нет, я пришел за тобой. И со всеми этими благами, что ты собрал, я тебя разлучу». Тогда царь обратился к своим богатствам и сказал: «О богатство и благо, будь проклято! Ты прельстило меня и удержало от поклонения Всевышнему Господу! Я мнил, что ты будешь моим! А сегодня ты стало моей бедой и го-

рем!» Тогда Всевышний Господь дал богатству речь, и оно сказало: «Что́ ты меня проклинаешь? Проклинай себя самого, потому что Всевышний и тебя, и меня сотворил из земли и вручил меня тебе, чтобы ты из меня взял себе путевой припас[4], а другое роздал бы как милостыню[5] дервишам, построил бы мечети, мосты и рибаты[6], чтобы они подали тебе руку в *том* мире. Но ты удержал меня, а остальное растратил на свои страсти[7] и был неверен. В чем же моя вина?» Тут ангел смерти забрал его душу, и он упал с трона.

О ТОМ, КАК У МУДРЕЦА МАРЗБАНА БЫЛ УБИТ СЫН*

Рази ад-Дин Нишабури

БЛАГИЕ СВОЙСТВА ХАРАКТЕРА

Глава 29

фрагмент

Во времена Нуширвана[1] был мудрец, его звали Марзбан. У него был сын, который среди всех своих сверстников отличался особой красотой. Повредил ему дурной глаз, и какой-то невежда пролил его кровь. Марзбан сказал: «Смута и нечестие — не такие хорошие свойства, чтобы я стал в них сотоварищем с невеждами и глупцами». Ему сказали: «Возьми же с них хоть выкуп за кровь!»[2] Он ответил: «Убивший моего сына больше нуждается в деньгах, чем я. Сколько денег [ему] нужно для счастья! Я могу получить толику терпением горя, он же к этому счастью не допущен».

* IV.13.6.

О БУЗУРДЖМИХРЕ*

Фирдоуси

ШАХНАМЕ

Царствование Кесры Нушинравана

фрагмент

[*Нушинраван гневается на Бузурджмехра и приказывает его заточить*]

Послушай, какой совершил этот свод
в судьбе Бузурджмехра крутой поворот.

Кто прежде его к облакам возносил,
однажды до темного праха спустил.

Случилось всё это, когда властелин
для лова покинул свой град Мадаин[1].

Баранов, газелей преследовал вскачь,
но день оказался тот днем неудач.

Весь лов Бузурджмехр его не оставлял,
любовь и служенье собою являл.

Увидели зелень средь желтых степей —
под сенью деревьев лужайка, ручей.

Владыка неспешно спустился с коня
прохлады вдохнуть после знойного дня.

---

* IV.13.8.

Из слуг не увидел Кесра[2] никого,
один ясноликий был возле него.

Заснул повелитель, как веки смежил,
и любящий тоже главу преклонил.

Всегда на раменнице шаха браслет[3]
был, скрытый одеждой,
жемчужный надет.

Рука у царя обнажилась в тот час.
Какая-то птица, внезапно явясь,

Спустилась из светлого неба, черна,
и села в его изголовье она.

Увидела перлы браслета его,
каменьев сиянье, кругом — никого.

Воители кружат в просторах степных,
охотою заняты помыслы их.

А царь пребывает один среди снов,
и нету с ним знающих проводников.

И черная птица, лишь кинула взгляд
на жемчуг, разбила сияющий ряд.

Браслет раздробив, проглотила тотчас
перл чистый, а следом и желтый топаз.

Склевала и прочь устремилась она,
и мигом от взоров сокрылась она.

Застыл Бузурджмехр
и не верит глазам,
дивится он сфер круговратных делам.

Паденья пора, понимает, грядет,
крушенье надежд, испытанья черед.

Проснулся владыка, мобеда[4] узрел —
он, губы кусая, в сторонке сидел.

Кесра заподозрил неладное — грех
какой-то, должно быть,
скрывал Бузурджмехр.

«Эй, пес! Отвечай мне, где слышал о том,
что тайное явным не станет потом!

Да, я не Ормозд, не Бахман[5], у меня
из праха и воздуха плоть и огня!»

И долго тот голос хулы не стихал,
в ответ Бузурджмехр только тяжко вздыхал.

Мертвел Бузурджмехр, шелохнуться не мог!
Вот царский, вот сфер круговратных урок!

Столь скорым он знаменья видит конец.
Безмолвствовал в страхе великом мудрец.

Вкруг луга — воители, в центре — Кесра.
Не долго ли, долго ль та длилась пора,

Разгневанный царь скакуна оседлал,
в пути никого замечать не желал.

Он думал о мудром: то хмурил чело,
то губы сжимал. И, покинув седло,

Вконец разъяренный, велел из дворца
убрать, заковать, заточить мудреца.

Исполнили волю владыки владык.
Узрел Бузурджмехр свода хмурого лик.

Был родич младой, из доверенных слуг
царя Нуширвана — опальному друг.

Служил при владыке и ночью и днем,
был смел и находчив в беседе с царем.

Слуге солнцеликого шаха вопрос
услышать от друга такой довелось:

«Как служишь ему? Совершенствуй труды,
труды совершенствуя, множишь плоды».

Слуга отвечал: «О мобедов мобед[6],
сегодня, уже завершился обед,

Так грозно взглянул Нуширван на меня,
не видеть, подумалось, нового дня.

Владыка поднялся, я воду поднес.
Немного ее мимо рук пролилось.

Столь явно венчанный свой гнев показал —
добро, что кувшин я в руках удержал».

И слышит: «Теперь за водою пойдешь,
мне также, как на руки шаха, польешь».

Вот с теплой водой возвращается тот
и на руки мудрого бережно льет.

Наставник сказал: «Умывания час
настанет — с водой не спеши на сей раз.

Уста благовоньем украсит когда,
пусть чутко течет из кувшина вода».

Тревожное время прислужник провел,
пока умывания миг не пришел.

Лил воду, как мудрый его научил,
ни скор, ни медлителен в действиях был.

«Кто, — слышит, — учил
поливать без помех?»
Слуга отвечает царю: «Бузурджмехр.

Его наставленьем уменья достиг,
да будет доволен владыка владык».

Владыка велит мудрецу передать:
сумевший, мол, славу, величье стяжать,

Зачем же себя низвергал с высоты,
послушался нрава строптивого ты!

Слуга в подземелье помчался бегом,
предстал перед мудрым
в волненье большом.

Владыки слова повторяет слуга,
такому ответу внимает слуга:

«Нет хуже, скажи, моего бытия,
и всё ж не завидую доле царя».

На родича в мыслях немало ропща,
вернулся к владыке; ответ сообща,

Увидел, как гнев венценосца терзал.
Царь в яму спустить мудреца приказал.

Срок некий спустя вопрошает о нем:
мол, как пребывает тот скудный умом?

Прислужник пришел к Бузурджмехру
в слезах,
поведал ему о царевых словах.

А тот доброхоту ответил: «Моя
жизнь легче, по-прежнему, жизни царя».

Посланец, как вихрь, прибегает к царю,
ответа слова повторяет царю.

Что тигр, разъярился тот, выслушав речь.
Велит изготовить железную печь

С торчащими внутрь остриями шипов,
закрыть в ней упрямца, не снявши оков.

Не ведал покоя ни днем, ни во сне,
истерзано тело и сердце в огне.

Вновь царь посылает слугу своего:
«Что нового скажет? Спроси у него:

Как ныне приходится плоти твоей,
и впору ль рубаха из наших гвоздей?»

Отправился посланный, всё передал,
что царь самовластный ему приказал.

Муж юный услышал: «Мой день для меня
всё ж лучше, скажу, Нуширванова дня».

Когда передал он владыке владык
ответ, пожелтел венценосного лик.

Умевшего прямо спросить и сказать
и знающих выслушать и понимать,

А следом того, что служил палачом,
призвал и в темницу отправил вдвоем.

Сказал: «Несчастливцу тому предложи:
иль слово разумное шаху скажи,

Иль будешь мечом палача просвещен,
узнаешь, что значит кончина времен.

Твердил, заточенье светлей, чем престол,
оковы, мученья вкушать предпочел».

И тот с палачом к мудрецу поспешил,
слова Нуширвана ему повторил.

Сказал Бузурджмехр правдолюбцу тому:
«Грядущего знать не дано никому.

Ни в чем постоянства, —
продолжил мудрец, —
что зло, что добро — всё имеет конец.

С казной на престоле иль в муках живем,
но, так иль не так, поневоле уйдем.

Кто в муках здесь жил, тому легче стократ,
царей пред кончиною страхи томят».

Когда возвратились палач и мудрец
к царю горделивому в славный дворец,

Ответ донесли ему в точных словах.
Возмездья судьбы убоясь, шаханшах

Велит добронравного освободить
и в прежние стены его поместить.

Свод неба свершает вращения чин,
не счесть на лице Бузурджмехра морщин.

Слабело в нем сердце —
всему есть предел! —
от горестных помыслов взор потускнел.

Какою казной за труды наделен!
Ужели такого заслуживал он?

[*Прибытие к Нушинравану посла от кейсера*[7] *с ларцом*]

Так было, в те дни с караваном пришел
румийский[8] к владыке Ирана посол.

Дары и нисар[9] был доставлен послом,
посланье, а также ларец под замком:

«О царь благородных, отважных! В твоей
державе немало, знать, мудрых мужей.

Ларца и замка не коснувшись рукой,
его содержимого тайну открой.

Ответите верно — дань будем платить
и данников прочий обычай хранить.

А станется, дух быстроумных мужей
не справится, сникнет пред тайною сей —

С нас дани, о царь, да не требуешь впредь
и жаждой отмстить да не станешь гореть.

Такой получил я кейсера наказ,
каким же ответом порадуешь нас?»

И слышит посол миродержца ответ:
«Для взоров Йездана[10] сокрытого нет.

Когда благомысленных здесь соберем,
его благодатью разгадку найдем.

Семь дней с нами радости вместе вкушай,
свой дух весели и заботы не знай».

Затем озадаченный шах повелел
звать тех, кто в познаниях долю имел.

Ларец мудрецы осмотрели кругом:
как взяться, мол, справиться
с хитрым узлом?

И долго они от ларца без ключей,
забыв обо всём, не отводят очей.

Ответить, увы, не смогли на вопрос,
сознаться в неведенье мудрым пришлось.

Бессилье мобедов своих увидав,
в печаль погрузился владыка держав.

Так думает: «Тайну сию, как на грех,
один только мог бы понять —
Бузурджмехр».

От дум изведясь и не видя пути,
в казну повелел казначею пойти.

Доставлены тем одеянье, потом
скакун благородный под царским седлом.

Сей дар мудрецу отправляя, сказал:
забудь, мол, мученья, что ты испытал.

Знать, был круговратным сей послан удел,
что ты от меня это зло претерпел.

Язык твой в ту пору мой мозг распалял,
ты сам, знать, в то время с собой враждовал.

Мне дело одно предстоит из таких,
что ставит в тупик даже старцев благих.

Ларец золотой предо мною стоит,
замком и печатью кейсера закрыт.

Одним именитым мобедом ларец
доставлен из Рума в наш славный дворец.

Условья свои предлагают они,
о тайне ларца вопрошают они.

Должны-де мобеды Ирана с царем
раскрыть содержащееся под замком.

Сию сокровенность, —
подумалось мне, —
лишь дух Бузурджмехра
постигнет вполне».

Когда Бузурджмехру ту весть принесли,
все муки былые на память пришли.

Омылся, покинув затвора покой,
в молитве предстал пред благим Судией.

Страшился он гнева владыки страны,
ведь был заточен им без всякой вины.

И, бодрствуя темною ночью и днем,
наказ исполнял, размышлял об одном.

И только светило явило свой свет,
мудрец, рассмотревший движенье планет,

И, разума влагой взор сердца омыв,
помощника знающего пригласив,

«Печально, — сказал, — положенье мое,
ослабло в мучениях зренье мое.

Как только прохожий появится тут,
окликни, не бойся, узнай, как зовут».

Выходят. Как раз, поспешая, одна
прекрасная шла по дороге жена.

И знающий тотчас о том услыхал,
что зрячий помощник и друг увидал.

Немедля тому наставленья даны:
«Муж есть ли, дознайся, у этой луны».

Жена эта чистая молвила им:
«И муж есть, и плод есть под сердцем моим».

Внимает тому сообщенью мудрец,
коня горячит от волненья мудрец.

А вот и другая дорогой идет,
окликнул ее вопрошающий тот:

«Ответствуй, имеешь ли мужа, детей
иль ветер ласкаешь ладонью своей?»

«Есть муж, только чада, — ответствует, — нет.
Теперь отойди, получивший ответ».

А вскоре и третья явилась в черед,
приблизившись к ней, вопросил доброхот:

«Скажи, кто супруг, о красавица, твой?
За поступью, знать, удивишь красотой». —

«Нет мужа и не было вовсе его,
ввек мужу лица не узреть моего».

Когда к Бузурджмехру та речь донеслась,
смотри же, какая в нем мысль родилась!

Той мыслью влеком, устремляется вмиг,
ведом провожатым, к владыке владык.

Тот к трону приблизиться старцу велит.
С печалью Кесра на мобеда глядит.

Незрячие очи его увидав,
вздыхает от сердца владыка держав.

Раскаялся в прошлом деянье своем,
ведь был невиновен мудрец пред царем.

О Руме, кейсере потом говорил
Кесра, о ларце золотом говорил.

Так начал ему Бузурджмехр отвечать:
«Да будешь блистать — сколько небу сиять!

Мобедов и знатных собрать прикажи,
посланца кейсера призвать прикажи.

Поставим ларец перед троном твоим,
пусть будет он ищущим истины зрим.

Я силой того, кто мышленье создал,
душе моей к правде стремленье послал,

Не тронув замка и ларца самого,
поведаю о содержимом его.

Да, тьма в моем взоре, но сердце светло,
ведь знанье, что панцирь, мой дух берегло».

Тем словом он радость в венчанном зажег,
душа расцвела в нем, что вешний цветок.

Он с плеч его гору, сказал бы ты, снял.
Румийца с ларцом повелитель призвал.

Мобедов и радов[11] призвали, вождей,
пред троном весь цвет именитых мужей.

Затем миродержец послу предложил,
чтоб тот свое дело при всех изложил.

Ларец перед всеми являет посол,
кейсера слова повторяет посол:

«Царю, чьим победным сражениям несть
числа, подобает и слава и честь.

Ты — фарром[12] весь мир озаряющий царь
и крепкой рукой обладающий царь.

Имеешь достойных владыки царей,
мобедов и преданных богатырей.

Из подданных все — доброхоты твои,
весь мир разделяет заботы твои.

Когда сей ларец и замок и печать,
как должно, рассмотрят и смогут сказать

Твои мудрецы о сокрытом — притом
словами, согласными с ясным умом, —

По-прежнему подать и дань назначай,
любые расходы наш вынесет край.

Но если ответ не получим от вас,
не требуйте более дани от нас».

Мудрец, говорящего выслушав, встал,
хвалебное слово вначале сказал:

«Да будет вовеки владыка владык
и в слове, и в счастье высок и велик.

Хвала Господину обоих светил,
он духу к познаньям дорогу открыл.

Он видит и тайную мысль, и труды,
мы ищем, а Он не имеет нужды.

Три перла в ларце этом скрыты, покров
их ярче в различье, чем видно из слов.

Просверлен один, вполовину — другой,
а третий и вовсе не тронут иглой».

Услышав ответы, ключи достает
румиец, являет пред шахом в черед —

Ларец, в нем шкатулка,
в ней шелковый плат,
на плате три перла, сияя, лежат.

И счетом и видом был жемчуг таким,
как сказано было иранцем благим.

Просверлен один, вполовину — второй,
нетронутой третий сиял красотой.

На мудрого жемчуг посыпался тут —
и знать, и мобеды хвалу воздают.

Смеется владыка исходу сему,
рот жемчугом царским наполнил ему[13].

Но прошлое на сердце камнем легло,
морщины покрыли владыки чело:

Зачем, мол, обидел он мужа сего!
Встречал ведь любовь только, верность его.

А знающий, видя, что шах удручен,
что дух его муками отягощен,

Открылся, о той злополучной поре
со всем красноречьем поведал Кесре:

О птице той черной, браслете; как страх
слугу охватил, когда спал шаханшах.

И так продолжает: «Здесь видится рок,
в раскаянье, в муках какой теперь прок.

Где свод своей воли являет пример, —
что царь, что мобед ему, что Бузурджмехр!

Да радостен будет душой властелин,
да будет свободен от всяких кручин!

Посеял Йездан наших звезд семена,
на лбу нашем носим судьбы письмена.

Хотя шаханшах высоко вознесен —
но счастлив дастуром[14] владыка и трон.

Охота, сраженье — вот дело царя,
и радости множить, пируя, даря.

Смотреть на деяния прежних царей,
чтоб мысль становилась прямей и острей.

А что до казны, до трудов войсковых,
до жалоб, прошений подвластных любых,

Казны умноженья, расходов казны —
дастуру заботы сии отданы».

О ПТИЦЕ, ЖИВУЩЕЙ У ПОДНОЖИЯ ГОРЫ*

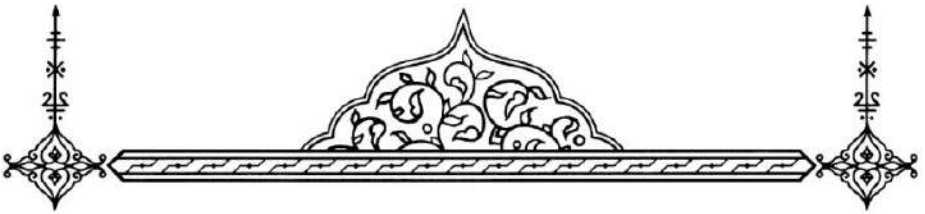
КНИГА О БИЛАУХАРЕ И БУДАСАФЕ

фрагмент

Была одна птица на берегу моря, которую звали Кудум[1]. Она откладывала множество яиц — она очень любила птенцов и хотела их иметь побольше. Но настало время, когда невозможно было ей оставаться на том острове. И решила она расстаться с родиной и, пока не пройдут эти тяжелые времена, оставаться в чужой стране. Но она боялась, как бы ее потомки не погибли, так что свои яйца она разложила по гнездам других птиц. Птицы приняли эти яйца под крылья вместе со своими, и птенцы той птицы вылупились вместе с птенцами других птиц. Прошло время, птенцы той птицы сблизились с птенцами других птиц и привыкли к ним. Когда срок удаления птицы Кудум закончился, она отправилась на родину, ночью вернулась к себе домой и пролетела над гнездами всех тех птиц. Ее голос достиг слуха ее птенцов и птенцов других птиц. Когда ее птенцы услышали ее призыв, они полетели за ней. А другие птенцы, которые подружились с птенцами птицы Кудум, полетели за ними. А те, кто был не из этих птиц и не был с ними близок, не полетели на зов птицы Кудум. Так как птица Кудум имела большую любовь к своим детям, она приняла и своих птенцов, и тех, кто полетел вслед за ними...

---

* IV.13.9.



РАССКАЗ ША‘БИ О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ ПОЙМАЛ ЗЯБЛИКА*

Абу Ну‘айм Исфахани

УКРАШЕНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ И РАЗРЯДЫ ЧИСТЫХ

фрагмент

Один человек поймал жаворонка, а тот, когда оказался у него в руках, сказал: «Что ты хочешь со мной сделать?» Он сказал: «Я тебя зарежу и съем». Тот сказал: «Не насытит тебя этот кусочек и не утолишь мною голод. Но я тебе расскажу три мудрых правила, [они] лучше для тебя, чем еда. Первое расскажу тебе[, когда буду] в твоих руках, второе — на горе́, а третье — на дереве». И сказал [человек]: «Какое первое?» [Тот] сказал: «Не вздыхай по тому, что от тебя ушло». Когда переместился на гору, сказал: «Не верь тому, чего не может быть». А когда переместился на дерево, сказал: «О несчастный, если бы ты меня зарезал, вышли бы из моего зоба две жемчужины, в каждой по двадцать мискалей»[1]. [Человек] прикусил губу и огорчился. И сказал: «Какое третье?» [Жаворонок] сказал: «Уже забыл два [первых]? Как я поведаю тебе третье? Разве я не сказал тебе “не вздыхай по тому, что от тебя ушло”? И “не верь тому, чего не может быть”? Во мне с моими перьями и мясом и кровью не будет веса в двадцать мискалей». Сказал [это жаворонок], улетел и пропал.

---

* IV.13.14.

Абу Хамид Газали

ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ НАУК

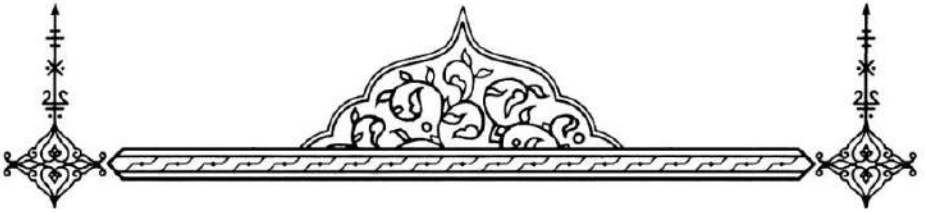
Четверть третья
О ДЕЯНИЯХ, ВЕДУЩИХ К ПОГИБЕЛИ

Книга 7
Книга
О ПОРИЦАНИИ СКУПОСТИ И О ПОРИЦАНИИ ЛЮБВИ К ИМУЩЕСТВУ

фрагмент

Ша'би рассказывал: «Один человек поймал жаворонка, и тот жаворонок сказал ему: "Что ты хочешь сделать со мной?" Ответил: "Зарежу и съем". Тот сказал: "Ей-богу, если съешь меня — голод не пройдет, сытым ты не станешь, мною ты не насытишься, а я тебя могу научить трем вещам, это для тебя будет лучше, чем съесть меня. Одной научу прямо здесь, у тебя в руке. Второй — когда сяду на дереве. Третьей — когда взлечу и сяду на вершине горы".

Тот сказал: "Скажи первое". Жаворонок сказал: "Не горюй о том, что ушло". Тот человек его отпустил, и он взлетел на дерево. Тогда тот человек сказал: "Давай второе!" Он сказал: "Тому, чего не может быть, не верь!" Потом он вспорхнул, взлетел на вершину горы и сказал: "Эх ты, несчастный, если бы меня зарезал, ты нашел бы во мне две жемчужины, каждая по двадцать мискалей"[1]. Тот очень огорчился, прикусил губу и сказал: "Скажи третью!" Ответ был: "Два совета, которые я тебе дал, ты позабыл, как я скажу тебе третий? Разве не сказал я: 'Не горюй о том, что ушло, и тому, чего не может быть, не верь'? Во мне со всем моим мясом, кровью и перьями нет и двадцати мискалей, как же во мне могут быть две жемчужины, по двадцать мискалей каждая?!" Потом улетел и пропал из виду. А эта притча — об огромной жадности, которая делает человека слепым к постижению Истины, так что он ценит вещи, которых не может быть».



ПРО ОСУ И МУРАВЬЯ*

Ибн Мунаввар Мухаммад

ТАЙНЫ ЕДИНОБОЖИЯ В СТОЯНКАХ ШЕЙХА АБУ САʻИДА

фрагмент

Однажды оса повстречала муравья и увидела, как он тащит домой пшеничное зернышко, переворачивается с ним сверху вниз со столькими усилиями и ухищрениями. Люди наступали на него ногами, он весь был измучен и изранен. Оса сказала муравью: «Что за тяжкие труды ты взвалил на себя ради одного зерна! Из-за ничтожного зерна ты терпишь такие унижения! Идем со мной, посмотри, как легко мне достается пища, как без всяких этих трудов я получаю столько вкусных блюд, да еще и по своему желанию выбираю самое лучшее и сладкое!» Оса взяла муравья с собой в лавку мясника, где висело прекрасное жирное мясо. Оса опустилась, уселась на кусок помягче, наелась досыта и приготовила кусочек, чтобы взять с собой. Тут пришел мясник, рассек ее ножом надвое и выбросил. Оса упала на землю. Муравей пришел, прихватил ее за ножку и потащил, приговаривая: «Каждого, кто садится, где захочет и пожелает, потащат, как он не хочет и не желает».

Захири Самарканди

КНИГА О СИНДБАДЕ

фрагменты

Когда настигла судьба <...>, то зрение слепнет. Разве ты не знаешь, что невозможно противостоять судьбе небес и что бесполезно остерегаться рока? <...>

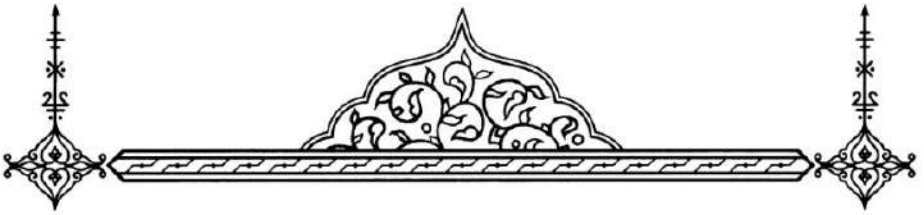
---

* IV.13.15.

Примером тому служит оса, которая увидела в степи муравья, с большим трудом тащившего зернышко по направлению к муравейнику. Оса спросила:

«Братец, что за труд ты себе избрал? Что за муки ты навлек на себя? Пойдем-ка, посмотришь, что пью и ем я. Остатки после меня достаются падишахам».

Оса полетела, а муравей пополз следом. Когда они подошли к лавке мясника, оса села на мясо. Но мясник ударил осу ножом, рассек ее пополам и бросил на землю. Тут подоспел муравей, схватил лапку осы и поволок, приговаривая: «Каково пастбище, такова и смерть».



О СМЕРТИ ИСКАНДАРА*

Ибн Халликан

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

фрагменты

[Халиф] Ал-Хафиз[1] <...> страдал от сильных приступов колик, и именно для него [врач] Ширмах Дайламит, или, как некоторые говорят, Муса ан-Насрани (Мозес-христианин)[2], как некоторые говорят, создал инструмент, названный *барабан от колик,* который хранился в сокровищнице этой династии до восшествия на престол Салах ад-Дина[3], который приказал разломать его. История этого барабана хорошо известна. Внук вышеупомянутого Ширмаха рассказал мне, что его дед составил его [последовательно] из семи металлов, [добавляя очередной металл] всякий раз, когда одна из семи планет[4] достигала высшей точки подъема. Природа барабана была такова, что, когда кто-то ударял в него, из его тела естественным путем испускались ветры; потому барабан и считался таким полезным при коликах.

* IV.14.1.

О ЛИСЕ*

Захири Самарканди

КНИГА О СИНДБАДЕ

фрагменты

— Рассказывают, <...> что в давние времена одна лиса повадилась в дом сапожника: она похищала куски кожи и пожирала их. Сапожник был очень расстроен убытком, не знал, что бы такое придумать, как бы расправиться с лисой, и не находил себе места. <...>

Привычка давняя твоей натурой станет.

Когда сапожнику стало невмоготу, то он сел как-то ночью в засаду у пролома городской стены, где пролезала лиса. Когда лиса прошла, он заделал пробоину и вернулся к себе домой. Здесь он застал лису, которая, по своему обыкновению, возилась с кусками кожи. Сапожник схватил дубину и бросился на нее. Видя, что сапожник разъярился и рассвирепел, лиса подумала: «<...> надо бежать и скрыться, ибо "бегство от того, кого не можешь одолеть, предписано пророками". Ведь сказали же великие мужи: "Бежать вовремя — это одержать победу"».

С этими мыслями лиса выскочила из дому и побежала к пролому. Прибежала она туда и видит, что дыра заделана. Она подумала: «Настала беда, настигла судьба!»

Лучше рабу в несчастье хвалить Владыку мрака и света,
ибо есть в мире немало бед, гораздо худших, чем эта.

---

* IV.14.10.

«События таковы, как ты видишь, а долины спасения — впереди, — продолжала рассуждать лиса. — Если я растеряюсь и испугаюсь, то совершу несправедливость по отношению к себе, причиню боль своей шкуре. Надо схитрить и обмануть, провести и одурачить. Быть может, хитрость спасет меня из этой гибельной пропасти. Ведь говорят же: "Своевременное бегство — это уже победа"».

С этими мыслями лиса притворилась мертвой и легла у самого пролома. Прибежав к лисе, сапожник нашел ее бездыханной. Он нанес ей несколько ударов по спине и бокам и подумал: «Слава Аллаху, эта подлая хитрюга отошла из мира жизни в царство мертвых. Теперь кончились бедствия и вред, чинимые ею, приносимые ею несчастья и тяготы».

И сапожник вернулся домой, довольный и веселый, и уснул на ложе победы и успеха. А лиса тем временем думала: «Городские ворота сейчас закрыты, пролом заделан. Если я подниму шум, то сбегутся собаки, худо придется мне, ведь нет у меня врагов злее. Потерплю-ка, пока пройдет обманчивый рассвет[1] и настанет настоящее утро, когда пробуждающий на заре закричит: "Спешите на молитву". Тогда откроют городские ворота, и я возьму себя в руки и придумаю что-нибудь, чтобы спастись от этой беды».

Когда знамена царя небесных горизонтов показались на востоке, а стяги темноты исчезли на западе, утренние петухи, словно муэдзины, принялись будить людей, и жители стали выходить из домов. Они увидели у пролома дохлую лису, и один из них сказал:

«Я слышал, что собаки не лают на того, у кого есть с собой лисий язык».

С этими словами он вынул нож и отрезал у лисы язык по самый корень. Лиса терпеливо снесла это, хладнокровно пережила эту беду.

Затем к ней подошел другой горожанин.

«Хвост лисы — это хорошая щетка», — сказал он и отрезал ей хвост до самых позвонков.

Третий горожанин изрек:

«Если повесить лисье ухо над люлькой ребенка, то он не будет плакать и вырастет добронравным».

И он отрезал ухо лисы до основания. Лиса и это стерпела.

Четвертый горожанин промолвил:

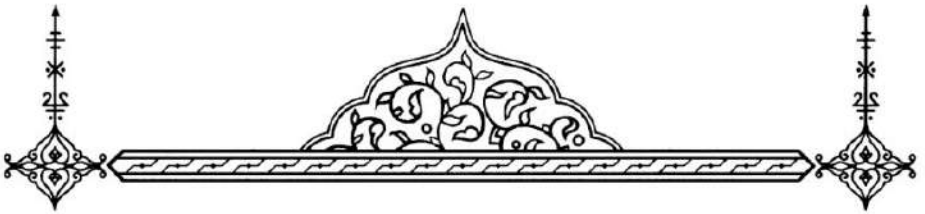
«Зубы лисы, если носить их с собой, предохраняют от зубной боли».

С этими словами он схватил камень и выбил у лисы все зубы. Лиса сносила и терпела эти удары и побои, бедствия и тяготы, муки и страдания.

Тут подошел еще какой-то человек и заявил:

«Сердце лисы, если поджарить и съесть его, успокаивает сердечные боли».

Он вытащил нож и собирался уже распороть ей живот. Тут лиса подумала: «Теперь пора бежать и спасать свою шкуру. Я терпела, пока речь шла о языке, хвосте, ушах, зубах. Теперь же нож дошел до кости, речь идет уже о спасении жизни. Нет смысла мешкать и откладывать, да и терпение мое лопнуло». Она вскочила и выбежала из городских ворот, как бы говоря: «И перед угрозой смерти я свою открыла тайну».



О МУХАММАДЕ ИБН ‘ИСЕ, И О БЕЗУМНОЙ*

‘Абд ал-Карим Кушайри

ПОСЛАНИЕ О СУФИЙСКОЙ НАУКЕ

Глава 4
О покаянии
фрагмент

‘Али б. ‘Иса[1] ехал на коне в окружении большой свиты, и какой-то чужестранец спросил: «Кто это?» На крыше дома стояла женщина, и она сказала: «До каких пор будут спрашивать, кто это? Это раб, который потерял благоволение Господа вышнего, [потому что] он увлечен вот таким!» ‘Али б. ‘Иса, услышав это, удалился в какой-то дом, отказался от должности везира, ушел в Мекку и стал жить там при святом месте.

* IV.14.12.

О ЖЕНЩИНЕ, КОТОРАЯ СОВЕРШАЛА ОБХОЖДЕНИЕ КА‘БЫ*

Санаи

САД ИСТИНЫ

Глава 6

В порицание дурных нравов, предосудительных дел и об удерживании от них

Ты — словно жених, будущая жизнь — невеста,
не смотри на мир сей себе на беду!

Боюсь, что к желаемому эта беспечность[1]
не допустит тебя в назначенный срок[2].

Рядом с султаном не смотри на стражника,
лучше тебе глядеть на царя!

Пример дел людей беспечных и смотрящих дурно

Слышал ли ты, как женщина
при обхождении Ка‘бы
сказала одному юноше прекрасные слова?

---

* IV.14.15.

Когда тот увидел ее при обхождении Ка‘бы,
лишился он и терпения, и мудрости.

Он влюбился с первого взгляда
и сразу же всё сказал ей об этом.

Сказала она тому юноше слово мудрости
(такая женщина мудростью
превосходит мужей!):

«О юноша! Разве тебе неизвестно,
от Кого ты отлучен из-за этого
взгляда [на меня]?!

В этом месте, о изнеженный юноша,
преуспеет только муж добродетельный.

Горе тебе! Не стыдишься ты Творца,
что отбросил ты стыд?

Сотворивший тебя на тебя смотрит,
ты [же] в своем сердце не предстоишь Ему.

Здесь не место наслаждения и взирания,
[здесь] урочище страха и место угрозы!

Твой Создатель взирает на тебя,
ты же в похоти идешь за другими!..»

ОБ ‘ИСЕ И ИУДЕЯХ*

Абу Хамид Газали

ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ НАУК

Четверть третья
О ДЕЯНИЯХ, ВЕДУЩИХ К ПОГИБЕЛИ

Книга 5
Книга о порицании гнева, ненависти и зависти

фрагмент

Ал-Масих ибн Марйам[1], благословение и мир ему от Бога, проходил мимо иудеев. Они желали ему зла, а он пожелал им добра. Его спросили: «Они желают тебе зла, а ты желаешь им добра!» Он ответил: «Каждый подает милостыню из того, что у него есть».

Рази ад-Дин Нишабури

ДОСТОИНСТВА НРАВА

фрагмент

Однажды Масих (*мир ему*!) проходил мимо собравшихся иудеев. Они говорили ему злые слова, а он отвечал лишь благословением. [Кто-то] сказал: «На столькие обиды ты отвечаешь им благом!» Масих (*мир ему*!) изволил сказать: «*Каждый тратит то, что имеет*».

---

* IV.14.18.

'Ауфи

СОБРАНИЕ ИСТОРИЙ

Часть вторая

Глава 4
О превосходстве кротости и ее преимущества

Рассказ 17

Рассказывают, что 'Иса (*приветствие ему*!) однажды проходил мимо какого-то сборища, и там иудеи говорили ему гадкие слова, а 'Иса (*приветствие Ему*!) не отвечал им ничем, кроме благожеланий и восхвалений. Один из учеников спросил его: «О пророк Господень, почему ты изволишь на эти гадкие слова отвечать хвалой?» Масих (*приветствие ему*!) с благословением сказал: «Каждый тратит то, что имеет. Раз все их запасы — злое, то они и говорят злое, а раз у меня в душе нет ничего, кроме блага, то от меня исходит лишь благое».

О ЮНОМ ТОРГОВЦЕ СОЛЬЮ*

Ахмад Газали

НАИТИЯ

фрагмент

Рассказывают, что однажды султан Махмуд восседал в своем тронном зале. Туда вошел некий человек с подносом соли в руках, встал посреди собрания и принялся выкрикивать: «Кто купит соль?» Махмуд никогда не видел ничего подобного! Он приказал его побить. Когда все удалились, позвал его и сказал: «Что за дерзость ты себе позволяешь? Разве тронный зал султана Махмуда — место выкликать соль?!» Тот ответил: «О благородный! Я здесь ради твоего Айаза, а соль — это предлог».

[Махмуд] сказал: «О нищий, кто ты такой, чтобы запускать руку в одну чашу с Махмудом?! У меня семь сотен слонов, множество подвластных стран и областей, а у тебя и куска хлеба на вечер нет!»

Тот ответил: «О Махмуд, оставь эти разговоры, ведь всё, о чем ты говоришь, присуще единению, но не присуще любви[1]. Любви присущи сожженное сердце и сгоревшая печень[2], а они у нас есть в полноте и именно таковы, какие надобны здесь. Нет, мое сердце свободно, оно не пристанище для семи сотен слонов, ему не до расчетов и управления столькими странами. Это сердце свободное [от всего], сгоревшее в любви к Айазу. О Махмуд, всё, чем ты гордишься, присуще единению, а у любви нет никаких общих свойств с единением. Когда приходит черед единения, присущее единению есть у Айаза. О Махмуд, эти семь сотен слонов и все эти страны стоят ли чего-нибудь без Айаза?»

[Махмуд] сказал: «Нет».

Тот спросил: «А с Айазом в банной топке[3] или в темных развалинах — это совершенное единение?»

---

* IV.14.24.

[Махмуд] ответил: «Да».

[Тот] сказал: «Так всё, что ты перечислил, тоже не присуще единению, потому что присущим единению может обладать только возлюбленный, а не влюбленный, и это — ланиты, родинка, локон, красота и совершенство[4]. В котле твоей любви должна быть соль очищения [от всего][5] и униженности, потому что основа единения — небытие, а основа разделения — существование. Пока созерцающий [красоту возлюбленного] при свидании [находится в состоянии] небытия, единение совершается, а когда он возвращается, то разделение набрасывает тень и поднимается отрицание единения; ведь у влюбленного не может быть того, что присуще единению, потому что это дело возлюбленного. И пойми слово Великого Господа к шестистам одетым в павлиньи перья [ангелам, которые сказали]: "*Мы возносим хвалу Тебе и святим Тебя*"[6]. [Господь] сказал тремстам одетым в павлиньи перья: "Вам нужно очиститься [от самости]. Если бы вы могли сделать это, вы не были бы такими; но у вас нет власти отказаться от себя».

Из этого ты можешь понять, что у любви нет никаких общих свойств с единением и разделением, она не связана с тем, что присуще единению и разделению, и влюбленному о единении ничего не известно и не может быть известно, потому что присущее единению — существование возлюбленного, а присущее разделению — существование влюбленного. Если счастье момента[7] придет тебе на помощь — это и есть единение в полноте.

О ЦАРЕ И ЕГО КОЛЬЦЕ*

Наджм ад-Дин Рази Дайя

ТАЙНОСЛОВИЯ АСАДИ О ПЕСНОПЕНИЯХ ДАВУДА

Тайнословие шестое
СОВЕТЫ И ПРОПОВЕДИ ЦАРЯМ

Рассказ 120

Один царь приказал своему везиру: «Изготовь для меня кольцо, а на его печати сделай такую надпись, чтобы, когда мной овладеет чрезмерное веселье и радость перейдет должные пределы, я посмотрел бы на эту надпись и успокоился, а когда меня охватит огонь гнева, я посмотрел бы на нее и пламень гнева бы утихнул, а когда похоть возобладает мною, я благодаря тому кольцу смог бы освободиться от нее». Везир изготовил такое кольцо, а на его печати велел начертать «*Что потом?*», то есть «Что будет потом?»[1].

* V.15.7.

ОБ ИБРАХИМЕ АДХАМЕ И ХИЗРЕ*

Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 11
Поминание Ибрахима Адхама

фрагмент

Он (Ибрахим Адхам) был царем Балха[1]. Начало его [духовной] жизни было таким. Во время своего царствования, когда целый мир был под его властью и перед ним носили сорок золотых щитов, а за ним — сорок золотых палиц, как-то ночью он спал на своем троне. В полночь крыша дома затряслась, как будто на ней кто-то был. Он спросил: «Кто там?» [Неизвестный] ответил: «Знакомый. Потерял верблюда». [Ибрахим сказал]: «О невежда! Ты ищешь верблюда на крыше? Как может быть верблюд на крыше?» Тот ответил: «О беспечный! Ты ищешь Господа[, сидя] на троне в шелковой одежде. Разве искать верблюда на крыше более странно?» От этих слов в сердце Ибрахима появился страх, и в сердце его явился огонь. Он пришел в раздумье, погрузился в смятение и опечалился.

* V.15.8.

О МАХМУДЕ И ДЕРВИШЕ*

Тадж ад-Дин Ахмад

СБОРНИК ВЕЗИРА ТАДЖ АД-ДИНА АХМАДА

фрагмент

Во времена султана Махмуда один дервиш[1] дал такой обет: «Если мне подадут дирхам[2], я не проем его, а отдам нуждающемуся». И вот наконец ему подали дирхам. Он взял тот дирхам, отнес султану Махмуду и положил [перед ним]. Султан спросил: «Что это?» Дервиш сказал: «Я дал обет: всякий раз, как мне подадут дирхам, отдавать его нуждающемуся. Теперь я выполняю обет: я принес этот дирхам тебе, потому что нет никого более нуждающегося, чем ты». Султан спросил: «Как это?» Дервиш сказал: «Сколько я ни смотрю — по всем базарам, городским кварталам и областям[3] каждый день собирают для тебя золото и серебро. Я понял, что, если бы ты не нуждался, такого бы в твои времена не было». Султан заплакал и приказал отменить все налоги и поборы с народа.

* V.15.9.

О СЫНЕ ХАРУНА АР-РАШИДА*

Абу Муса Исбахани

ПРИЛОЖЕНИЕ К «КНИГЕ ИМЕН, СОВПАДАЮЩИХ ПО НАЧЕРТАНИЮ, ТОЧКАМ И ОГЛАСОВКАМ»

фрагмент

<...> ас-Сабти, человек, о котором говорят, что он был сыном Харуна ар-Рашида, который жил в отрешении от мира, каждую субботу работал, а остальные дни предавался поклонению. О нем рассказывают прекрасную историю. Он похоронен в Багдаде, и каждую субботу (сабт) [люди] приходят к его могиле, и она известна как «могила субботнего» (ас-Сабти).

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

Ночи 401—402
Рассказ о благочестивом царевиче

фрагменты

Рассказывают, что у повелителя правоверных Харуна ар-Рашида был сын, который достиг шестнадцати лет жизни, и жил он отвратившись от мира, шествуя по пути постников и богомольцев. И он выходил на кладбище и говорил: «Вы владели миром, но не спасло это вас, и пришли вы к могилам. О, если бы только я мог знать, что́ вы сказали и что́ было вам сказано!» И он плакал плачем испуганного и устрашенного и произносил слова того, кто сказал:

---

* V.16.1.

Пугают меня носилки всегда и вечно,
и горько мне слышать плакальщиц рыданья.

И случилось, что его отец проезжал мимо него торжественным выездом, и его окружали везири и вельможи царства и обитатели его страны, и они увидели сына повелителя правоверных, и на теле его был кафтан из шерсти, а на голове плащ из шерсти, и одни люди говорили другим: «Этот юноша опозорил повелителя правоверных среди царей[1]. Если бы халиф пожурил его, он наверное отступился бы от того, чем он занят».

И повелитель правоверных услышал их слова и заговорил об этом со своим сыном и сказал: «О сынок, ты позоришь меня тем, что ты делаешь». Но его сын посмотрел на него и ничего не ответил. А потом он взглянул на птицу, сидевшую на одной из бойниц дворца, и сказал: «О птица, заклинаю тебя тем, кто тебя сотворил, упади на мою руку». И птица опустилась на руку юноши. А потом он сказал ей: «Вернись на свое место!» И птица вернулась на место. «Упади на руку повелителя правоверных», — сказал ей царевич, но птица не захотела упасть на его руку. И юноша сказал своему отцу, повелителю правоверных: «Это ты опозорил меня среди друзей Аллаха своей любовью к здешнему миру, и я решил расстаться с тобой такой разлукой, что вернусь к тебе только в последней жизни».

И затем он спустился в Басру[2], и работал там с рабочими, меся глину, и зарабатывал каждый день только дирхам и даник[3], и на даник он кормился, а дирхам раздавал милостыней.

Говорил Абу-Амир аль-Басри: «У меня в доме упала стена, и я вышел на стоянку рабочих, чтобы присмотреть человека, который бы поработал для меня. И мой взор упал на прекрасного юношу со светлым ликом, и я подошел к нему и приветствовал его и сказал: "О любимый, хочешь ты работать?" "Да", — ответил он. И я сказал: "Ступай со мной строить стену". А юноша молвил: "На условиях, которые я тебе поставлю". "О любимый, а каковы твои условия?" — спросил я. И юноша ответил: "Плата — дирхам и даник, и, когда прокричит муэдзин, ты отпустишь меня помолиться с людьми". И я сказал: "Хорошо". И взял его и пошел с ним в дом, и он работал работой, подобной которой я не видел. И я напомнил ему об обеде. И он сказал: "Нет". И я понял, что он постится, а услышав призыв на молитву, он сказал мне: "Ты знаешь условие?" И я ответил: "Да". И тогда он распустил пояс и занялся омовением, и совершил омовение, лучше которого я не видывал, а потом он вышел помолиться и помолился с народом, а после

этого вернулся к работе. Когда же раздался призыв к предзакатной молитве[4], он омылся и пошел на молитву, а затем вернулся к работе, и я сказал ему: "О любимый, кончилось время работы — рабочие работают до предзакатной молитвы". Но он воскликнул: "Слава Аллаху! Моя работа до ночи". И не переставая работал до ночи.

Я дал ему два дирхама, и, увидев их, он спросил: "Что это?" И я ответил: "Это часть платы за твою старательную работу для меня!" Но он бросил мне дирхамы и сказал: "Я не хочу прибавки к тому, что было условлено между нами".

И я стал его соблазнять, но не мог осилить и дал ему дирхам с даником, и он ушел. Когда же настало утро, я рано пошел на стоянку, но не нашел его и спросил про него, и мне сказали: "Он приходит сюда только в субботу".

И когда пришла следующая суббота, я отправился к этому месту и нашел его и сказал: "Во имя Аллаха! Пожалуй на работу!" А он молвил: "На условиях, которые ты знаешь". "Хорошо", — сказал я. И пошел с ним домой и встал и принялся смотреть на него, а он меня не видел. И он взял немного глины и положил ее на стену, и вдруг камни стали ложиться друг на друга, и я воскликнул: "Таковы друзья Аллаха!"

И юноша проработал этот день и сделал за день больше, чем прежде, и, когда настала ночь, я дал ему его плату, и он взял ее и ушел.

Когда же пришла третья суббота, я пошел на стоянку и не нашел юноши, и спросил про него, и мне сказали: "Он болен и лежит в палатке такой-то женщины". А эта женщина была старуха, известная своей праведностью, и у нее была палатка из тростника на кладбище. И я отправился к палатке и вошел туда — и вдруг вижу: он лежит на земле и под ним ничего нет, и он положил голову на кирпич, и лицо его сияет светом. И я приветствовал его, и он возвратил мне приветствие, и тогда я сел у его изголовья, плача о том, что он молод годами и чужеземец и получил поддержку, повинуясь своему Господу.

А потом я спросил его: "Есть у тебя в чем нужда?" И он ответил: "Да". "Какая?" — спросил я. И юноша сказал: "Когда настанет завтрашний день, ты придешь ко мне на заре и найдешь меня мертвым; ты обмоешь меня и выроешь мне могилу, и не скажешь об этом никому, а завернешь ты меня в этот кафтан, который на мне, но сначала распори его и поищи в кармане: вынь то, что там есть, и храни это у себя, а когда ты помолишься обо мне и похоронишь, отправляйся в Багдад и выследи, когда халиф Харун ар-Рашид выйдет, и отдай ему то, что ты найдешь у меня в кармане, и передай ему мой привет".

И затем он произнес исповедание веры, и восхвалил своего Господа красноречивейшими словами, и произнес такие стихи:

"Залог передай того, кончина к кому пришла;
его ар-Рашиду дай — награда ведь в этом.

'Изгнанник, — скажи ему, — стремился увидеть вас,
хоть долго вдали он был, но шлет вам привет он.

Вдали он не из вражды к тебе или скуки, нет!
К Аллаху он ближе стал, целуя вам руку.

Вдали от тебя, отец, теперь он лишь потому,
что чуждо душе его стремленье к мирскому'".

А после этого юноша принялся просить прощения у Аллаха <...> и воссылать привет Господину благочестивых и прочитал некоторые стихи Корана, а потом произнес такие стихи:

"О родитель мой, не дай счастью обмануть себя:
жизнь ведь кончится, а счастье прекратится.

А когда узнаешь о людях ты, чей плох удел,
то знай, что ты о них вопрошен будешь.

А когда снесешь носилки ты на кладбище,
то знай, снесут тебя потом за ними"».

Говорил Абу-Амир аль-Басри: «И когда юноша окончил свое завещание и стихи, я ушел от него и отправился к себе домой. Когда же настало утро, я пошел к нему на заре и увидел, что он уже умер, — да будет милость Аллаха над ним! И я обмыл его и распорол его карман и нашел там яхонт, стоящий много тысяч динаров[5], и тогда я воскликнул про себя: "Клянусь Аллахом, этот юноша был до крайности воздержан в этой жизни!" А потом, похоронив его, я отправился в Багдад и пришел ко дворцу халифа и стал ждать выхода ар-Рашида. И когда он вышел и я встретил его на какой-то дороге, я отдал ему яхонт. И, увидав яхонт, ар-Рашид узнал его и упал, покрытый беспамятством. И слуги схватили меня,

а когда ар-Рашид очнулся, он сказал слугам: "Отпустите его и отошлите со всею учтивостью во дворец".

И слуги сделали так, как он им приказал, и, придя во дворец, халиф призвал меня и ввел в свои покои и спросил: "Что делает владелец этого яхонта?" И я отвечал: "Он умер". И описал халифу его положение. И халиф начал плакать и воскликнул: "Сын воспользовался, а отец обманулся!" А потом он крикнул: "О такая-то!" И к нему вышла женщина, и, увидев меня, она хотела уйти обратно, но халиф сказал ей: "Подойди сюда, тебе не будет от него дурного". И женщина вошла и поздоровалась, и халиф бросил ей яхонт, и, увидев его, женщина закричала великим криком и упала без чувств, а очнувшись от беспамятства, она сказала: "О повелитель правоверных, что́ сделал Аллах с моим сыном?" "Расскажи ей про него", — сказал халиф. И его начали душить слезы, а я рассказал женщине про юношу, и она стала плакать и говорила слабым голосом: "Как я стремлюсь тебя встретить, о прохлада моего глаза! О, если бы я тебя напоила, когда ты не нашел поящего! О, если бы я развлекла, когда ты не нашел развлекающего". И затем она пролила слезы и сказала такие стихи:

"Я плачу об изгнанном, что умер и был один,
и друга он не нашел, на грусть чтобы сетовать.

И после величия и близости к милым всем
остался он одинок, не видел он никого.

Все люди ведь видят то, что дни за собой тают,
и смерть никому из нас остаться не даст навек.

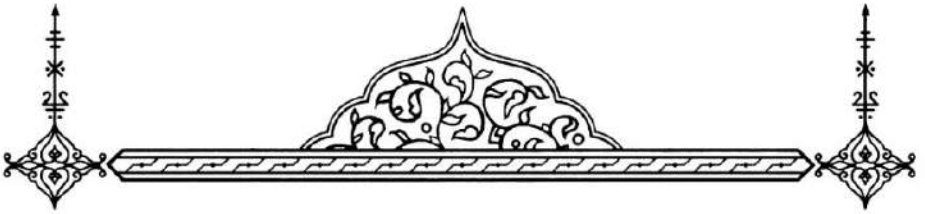
Изгнанник! Судил Господь ему быть в изгнании,
и сделался от меня далек он, хоть близок был.

Хоть смерть отняла надежду встретить тебя, мой сын,
мы все-таки встретимся, День счета[6] когда придет".

И я спросил: "О повелитель правоверных, разве это твой сын?" И халиф ответил: "Да. Раньше, чем я получил эту власть, он посещал ученых и сиживал с праведниками, а когда я получил власть, он стал меня избегать и отдалился от меня. И я сказал его матери: 'Этот ребенок предался Аллаху великому, и, может быть, постигнут его беды, и он будет бороться с испытаниями. Дай ему этот яхонт, он

найдет его в минуту нужды'. И она дала ему яхонт и упрашивала сына взять его, и тот исполнил ее приказание и взял его, а потом он оставил наш земной мир и исчез от нас, и отсутствовал, пока не встретил Аллаха, великого, славного, чистый и богобоязненный".

"Поднимайся, покажи мне его могилу!" — сказал мне потом халиф, и я вышел с ним и шел до тех пор, пока не показал ему могилу. И халиф стал так рыдать и плакать, что упал без чувств, а очнувшись от беспамятства, он попросил прощения у Аллаха и воскликнул: "Поистине, мы принадлежим Аллаху и к Нему возвращаемся!" И помолился о благе своего сына. И затем он попросил меня о дружбе. И я сказал: "О повелитель правоверных, поистине в твоем сыне для меня величайшее назидание"».



О ХАРУНЕ И БУХЛУЛЕ*

Наджм ад-Дин Рази Дайя

ТАЙНОСЛОВИЯ АСАДИ О ПЕСНОПЕНИЯХ ДАВУДА

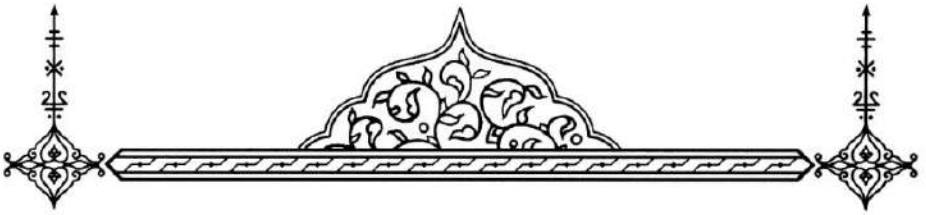
Тайнословие восьмое

О ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИИ УГНЕТАТЕЛЮ И ОСУЖДЕНИИ УГНЕТЕНИЯ

Рассказ 119

Однажды Харун ар-Рашид (*да упокоит его Господь*!) скакал на коне окруженный свитой, с горделивостью султана и великолепием халифа. Бухлул окликнул его: «Харун!» Тот оглянулся и сказал: «Это кто зовет меня по имени?» Бухлул сказал: «Я!» Тот сказал: «Эй, ты что, не знаешь меня, что так нагло себя ведешь?» Бухлул сказал: «Знаю! Ты вот кто: если на востоке у козы какой-нибудь старухи застрянет в щели моста копыто, а ты в это время будешь на западе, то *завтра*, [в День] воскрешения, с тебя спросят». Харун ар-Рашид заплакал и сказал: «Верно говоришь, ты и впрямь меня знаешь».

* V.16.2.



О СОКОЛЕ И ПЕТУХЕ*

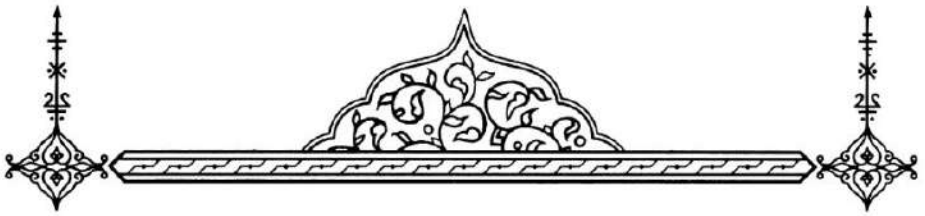
Абу Мансур ʻАбд ал-Малик ас-Саʻалиби

ПРИТЧИ И БЕСЕДЫ

фрагмент

Сокол с упреком спрашивал петуха: «Почему, когда тебя хотят взять, ты убегаешь от людей?» Петух ответил: «Если бы ты увидел сокола на вертеле, побежал бы быстрее моего».

* V.17.2.



О ДЕРВИШЕ И АБУ БАКРЕ ВАРРАКЕ*

Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 59
Поминание Абу Бакра Варрака

фрагмент

[Абу Бакр Варрак] горько плакал. Ему сказали: «Ко благу!»[1] Он ответил: «Что может быть хорошего! На этом кладбище, где я сейчас, из десяти покойников ни один не умер мусульманином».

* V.17.8.

О СУФЙАНЕ САУРИ*

Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 16
Поминание Суфйана Саури
фрагмент

Рассказывают, что у Суфйана еще в молодости согнулась спина. Ему сказали: «О имам мусульман! Тебе еще не пришло время для этого». Он не ответил, потому что при поминании Бога ему было не до людей. Но однажды они стали очень настаивать. Он сказал: «У меня был наставник, он был весьма велик, я у него учился. Когда его жизнь подошла к концу и корабль его жизни готов был погрузиться в пучину смерти, я сидел у его изголовья. Вдруг он открыл глаза и сказал мне: "О Суфйан! Видишь ли, что́ со мною делают?! Пятьдесят лет я указывал людям верную дорогу и призывал к порогу Истинного! А теперь меня прогоняют и говорят: 'Уходи, ты Нам не годишься!'" Говорят, что он сказал: "Я служил трем наставникам и изучал науки. Когда жизнь одного из них подошла к концу, он стал иудеем и в том и умер. Другой стал *магом*[1], третий — *христианином*. От этого страха спина моя затряслась и раскололась"».

* V.17.10.

О БАЛУКИЕ И ‘АФФАНЕ*

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

Ночи 486—489
Рассказ
о Хасибе и царице змей
фрагменты

Царица змей рассказывает Хасибу историю Булукии, сына царя Исраиля: он находит среди наследия отца книгу с пророчеством о приходе Мухаммада, извлеченную из иудейских писаний. Булукия проникается любовью к Мухаммаду и отправляется его искать. В Иерусалиме он встречает человека,

<...> который овладел всеми науками и основательно изучил геометрию, астрономию, счисление, магию и науку о ду́хах. Он читал Тору, Евангелие, псалмы и свитки Ибрахима[1], и звали его Аффан, и он нашел в одной из своих книг, что всякому, кто наденет перстень господина нашего Сулеймана, подчинятся люди, джинны, птицы, звери и все твари[2], а в какой-то книге он видел, что, когда скончался господин наш Сулейман, его положили в гроб и проехали с ним по семи морям, а перстень был у него на пальце, и никто из людей и джиннов не мог взять этот перстень, и ни один из едущих на кораблях не мог проехать к этому месту <...>

И он нашел еще в какой-то книге, что среди трав есть такая трава, что всякий, кто возьмет ее немного и выжмет и возьмет ее сок и намажет им ноги, пройдет по любому морю, которое создал Аллах великий, и его ноги не промокнут. Но никто не сможет достать эту траву, если с ним не будет царицы змей.

---

* V.18.1.

Аффан и Булукия решают продлить с помощью перстня царя Сулеймана свою жизнь, чтобы дождаться прихода Мухаммада. Они получают от царицы змей чудесную траву и выжимают ее сок. Змея предостерегает их.

«Не бывать тому, чтобы вы могли взять перстень!» — воскликнула царица змей.

«А почему?» — спросили они. И она сказала: «Потому что Аллах великий сделал Сулейману милость, даровав ему этот перстень, и он выделил его этим потому, что Сулейман сказал: "Господи, подари мне власть, которая не подобает никому после меня: поистине, Ты ведь есть даритель!"[3] Зачем вам этот перстень? Если бы вы взяли такой травы, что всякий, кто ее поест, не умрет до первого дуновения (а эта трава есть среди тех трав), она, право, была бы для вас полезней, чем та трава, которую вы взяли, так как вы не достигнете через нее вашей цели», — сказала она потом.

Змея рассказывает Хасибу, как Аффан и Булукия достигли горы посреди семи морей.

Эта гора была из зеленого изумруда, и на ней бежал ручей, и вся земля ее была из мускуса. И, достигнув этого места, они обрадовались и воскликнули: «Мы достигли нашей цели!»

А затем они пошли дальше и, дойдя до высокой горы, пошли по ней и увидели вдали на горе пещеру, над которой был большой купол, и из пещеры блистал свет. И, достигнув этой пещеры, они вошли в нее и увидели, что в ней стоит золотое ложе, украшенное различными драгоценными камнями, и вокруг ложа стоят скамеечки, число которых знает только Аллах великий. И они увидали господина нашего Сулеймана, который лежал на этом ложе, и на нем была зеленая шелковая одежда, вышитая золотом и украшенная драгоценными металлами и камнями. Его правая рука лежала на груди, а перстень был у него на пальце, и сияние этого перстня было сильней сияния драгоценностей, которые находились в этом помещении. Потом Аффан научил Булукию клятвам и заклинаниям и сказал ему: «Читай эти заклинания и не переставай их читать, пока я не возьму перстня».

И Аффан подходил к ложу, пока не приблизился к нему, и вдруг большая змея вышла из-под ложа и закричала великим криком, от которого задрожало всё помещение, и искры полетели у змеи изо рта. Потом змея сказала Аффану: «Если

ты не повернешь назад, ты погиб!» Но Аффан отвлекся заклинаниями и не испугался этой змеи. И змея дунула на него великим дуновением, которое чуть не сожгло пещеры, и воскликнула: «Горе тебе! Если ты не повернешь назад, я тебя сожгу!» И когда Булукия услышал от змеи такие слова, вышел из пещеры.

Что же касается Аффана, то он не испугался этого, а, напротив, подошел к господину нашему Сулейману и, протянув руку, дотронулся до перстня и хотел снять его с пальца господина нашего Сулеймана, но вдруг змея дунула на Аффана и сожгла его, и он превратился в кучу пепла.

'Абу Са'ид Харгуший

БЛАГОРОДСТВО ПРОРОКА [МУХАММАДА]

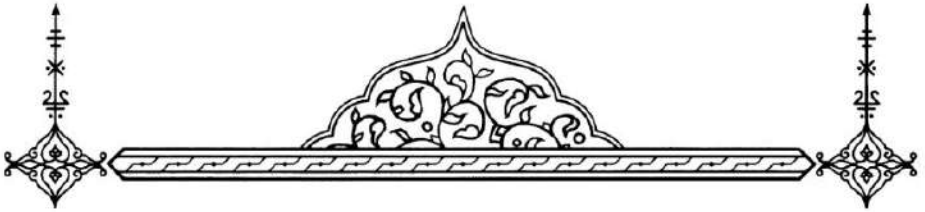
Глава 25

О том, что стало известно сынам Исраила о признаках пророческого достоинства Посланника, и рассказ о Балукийе

фрагмент

Потом они ('Аффан и Балукийа) достигли Румского моря;[1] посреди моря была гора, не очень высокая и не очень низкая, а земля ее — как мускус. В той горе была пещера, в той пещере — золотое ложе, а на этом ложе был юноша с длинными волосами: его правая рука лежала на груди, а левая рука — на животе, словно у спящего, но он не спал. Это был Сулайман ибн Давуд[2] (*мир ему*!). У его изголовья лежала другая змея, а на руке его был перстень, который был хранилищем царства. Кольцо этого перстня было из золота, а печать — из красного четырехгранного рубина[3]. На ней были написаны четыре строки, в каждой строке — имя из Великих имен Бога[4] (*возвышен Он*!). А 'Аффан читал [про это кольцо] в Книге[5] и понял, что это [кольцо] Сулаймана ибн Давуда. Он сказал Балукийи: «Я сниму этот перстень с его руки, и царство Сулаймана будет наше, и у нас есть надежда, что мы будем жить до тех пор, пока явится Мухаммад». Балукийа сказал: «Нет, Сулайман просил: "*Господи! Даруй мне такую власть, которая после меня не будет приличествовать никому*"[6]. Господь никому не даст его царство до Дня воскрешения». 'Аффан сказал: «О Балукийа, замолчи, ведь с нами Великое имя Бо-

жие! Ты читай Тору[7] и Великие имена!» Балукийа сказал: «Как мы доберемся до перстня, ведь его сторожат две змеи?» ‘Аффан сказал: «Змеи не могут нанести вред Великому имени Божию». Балукийа стал читать Тору, а ‘Аффан подошел, чтобы снять перстень с руки Сулаймана. Эти две змеи сказали: «Эй, ‘Аффан, что это за дерзость ты творишь перед Господом Вышним? Хотите взять перстень пророка Божия? Если хотите принудить нас именем Божиим, мы одолеем вас силою Бога Вышнего!» Потом змея подула на ‘Аффана и Балукийу, но им не было никакого вреда по благодати имени Господа (*велик Он и славен*!), которое читал Балукийа из Торы. ‘Аффан подошел, чтобы взять перстень, а Балукийа смотрел на ‘Аффана и одно мгновение не читал Великого имени Божия. Тут же спустился с небес Джабраил[8] и возгласил им так, что земли и горы сотряслись и задрожали, моря вздыбились и мирные воды стали бурными, а бурные — мирными от страха перед голосом Джабраила, и ‘Аффан и Балукийа оба упали и лишились чувств, а змея снова подула, из ее утробы вырвался огонь, словно ослепительная молния, сжег ‘Аффана на месте, и он стал пеплом. А Балукийа спасся Наивысшим именем Господа (*велик Он и славен*!) и избег мучения благословением тех имен, которые он читал.



О СУЛАЙМАНЕ И ЕГО КОВРЕ*

Абу Хамид Газали

СОВЕТ ВЛАДЫКАМ

Часть вторая
РАЗНИЦА МЕЖДУ БЛАГОЧЕСТИВЫМ И НЕБЛАГОЧЕСТИВЫМ

Глава 2
О ПОЛИТИКЕ МИНИСТЕРСТВА И ОБРАЗЕ ЖИЗНИ МИНИСТРОВ

Рассказ 4
О тщеславии

Пророк Сулайман (Соломон) (*мир ему!*), восседал на престоле, когда ветер поднял его в воздух и понес. Сулайман тщеславно посмотрел на свое царство, на исполнительность ветра, дивов, пери, птиц и тварей, на их почтение и благоговейный страх, на свое управление, как вдруг трон чуть было не перевернулся.

«Трон, держись прямо!» — сказал Сулайман.

«Ты сам держись прямо, чтобы выпрямились мы, — заговорил трон. — Как сказал Всевышний Господь: "*Поистине, Аллах не меняет того, что с людьми, пока они сами не переменят того, что с ними*"»[1].

---

* V.18.2.

Абу-л-Фазл Рашид ад-Дин Майбуди

РАСКРЫТИЕ ТАЙН И ПРИПАСЫ ДЛЯ ПРАВЕДНЫХ

фрагмент

Пророк Сулайман, столь высокого чина и ранга, однажды сидел радостный на царском троне[, который держался на ветре]. Перед ним было распростерто его царство, джинны, люди и птицы выстроились перед ним, венец посланничества был надет на главу пророчества, и тут в его помышлениях промелькнуло: «Даровано ли сегодня кому-нибудь большее, чему сыну Давуда?» Сразу же ветру повелели[1] сорвать рида[2] с его макушки и сбросить на землю. Сулайман нахмурился [и] гневно сказал ему: «*Верни рида* [*на место*]!» Ветер ответил: «*Верни свое сердце* [*на место*]! О Сулайман, ты верни свое сердце на место, чтобы мы вернули твою рида!»

Абу-л-Касим Ахмад б. Мансур Сам'ани

ОТДОХНОВЕНИЕ ДЛЯ ДУШ В ТОЛКОВАНИИ ИМЕН ЦАРЯ ПОБЕЖДАЮЩЕГО

фрагмент

Однажды ветер поднял его царский ковер к ближнему небу[1], так что до его слуха донеслись голоса ангелов. Один ангел говорил другому: «Каким великим стал этот Сулайман, что его вознесли на эту ступень!» Другой ответил: «Если бы в тайне своего сердца он любовался этим, то как высоко его подняли, так низко и сбросили бы. Ведь однажды ветер нес его трон по воздуху. В его помышлениях промелькнула опасность, а в глазах — порок. Его помышления еще были на месте, как ветер перевернул его ковер. Он сказал: "О ветер, держись прямо!" Тот отвечал: "Храни свое сердце прямым, чтобы я держал твой трон прямо"».

Мухаммад Киса'и

РАССКАЗЫ О ПРОРОКАХ

фрагмент

Имя ветра, который Бог сделал его (Сулаймана) служителем, было Руха; за утро он пролетал месячный [путь] и за вечер пролетал месячный путь[1]. По утрам Сулайман (*мир ему*!) был в Сирии, а по вечерам — в Фарсе[2]. И вот, когда Сулайман, сын Давуда (*мир ему*!), в один прекрасный день был со своим войском на своем летающем ковре[3] и ветер переносил его с места на место, он подумал: «Есть ли кто-нибудь, наделенный таким могуществом, как я?» Не успел закончить эти хвастливые слова, как ковер перевернулся и упал на его войско, да так, что десять тысяч человек погибли. После этого Сулайман пришел в ярость, хлестнул ковер и ветер бичом и крикнул: «Эй, Руха, будь посмирнее!» Но тот возразил ему: «Ты будь посмирнее, Сулайман! Тогда и я усмирюсь».

О ХАЛИФЕ МАМУНЕ И ГУЛАМЕ*

Абу Наср Кушайри

ПРИМЕРЫ И ПРИТЧИ

фрагмент

У одного из падишахов был гулам[1], которого падишах предпочитал всем его сверстникам. Однажды жители одной из областей принесли падишаху жалобу на своего правителя. Падишах сказал им: «Выберите того, кого считаете пригодным для этой должности, и я его на это дело назначу». Они выбрали того гулама, потому что увидели склонность падишаха к нему. Падишах сказал: «Обратитесь к нему. Если будет у него желание стать управителем этой области, я его на эту должность назначу». Гулам не скрыл своего желания получить эту должность. Тогда падишах приказал написать для него указ на эту должность и велел, чтобы, как только он туда прибудет, его там торжественно встретили, восхваляли и всячески преувеличенно его ублажали. А тайно распорядился, чтобы тот, кто будет окроплять его гулябом[2], подмешал в этот гуляб яду. И потом приказал, чтобы, когда [гулам] уже будет в преддверии смерти, кто-нибудь сказал ему: «Таково воздаяние всякому, кто чин повелителя области предпочитает служению своему господину!»

* V.18.3.

ОБ АСМА‘И И НЕГРЕ*

‘Абд ал-Карим Кушайри

ПОСЛАНИЕ О СУФИЙСКОЙ НАУКЕ

Глава 52
О САМА‘
фрагмент

Я был в пустыне и повстречал там племя арабов. Один из них пригласил меня к себе. Там я увидел чернокожего: он стоял со скованными ногами. И увидел я перед входом мертвых верблюдов. Этот раб сказал мне: «В эту ночь ты гость, а мой хозяин великодушен. Будь моим заступником, он тебе не откажет». Я сказал хозяину дома: «Я не буду есть твоей пищи, пока ты не освободишь этого раба!» Тот сказал: «Этот раб меня разорил и погубил мое имущество!» Я спросил: «Что он сделал?» Хозяин ответил: «У него красивый голос. А источник моего благосостояния был в этих верблюдах. Этот раб очень тяжело нагрузил их, и они пробежали трехдневный путь за один день под его пение[1]. Когда с них сняли груз, они тут же на месте скончались — вот ты их видишь. Тем не менее ради тебя я его прощаю». Он снял с раба цепи. Утром я захотел послушать пение этого раба. Я попросил об этом, и хозяин приказал рабу петь для верблюда, который пил воду из колодца. Он запел, и верблюд разорвал веревку и умчался в пустыню. Ни у кого я не слышал такого красивого голоса. Я упал наземь, и хозяин дал ему знак замолчать.

---

* V.18.4.

'Али б. Усман Худжвири

РАСКРЫТИЕ СОКРЫТОГО ЗА ЗАВЕСОЙ

Совлечение одиннадцатой завесы

О СЛУШАНИИ (САМА') И ОПИСАНИЕ ЕГО ВИДОВ

Глава 3
О СЛУШАНИИ ГОЛОСА И МЕЛОДИИ

[Введение]

фрагменты

Однажды я гостил у некоего арабского племени, и меня принял у себя один из их эмиров. Я увидел чернокожего, который лежал у входа в шатер, скованный по рукам и ногам. В моем сердце родилось сострадание, и я решил заступиться за него перед эмиром. Когда принесли еду, эмир пришел оказать гостеприимство. Когда он собрался начать угощение, я отказался. А для араба нет ничего тяжелее, чем когда отказываются от его еды. Он спросил меня: «О благородный[1], что тебя отвращает от моей еды?» Я сказал: «Я ожидаю твоего великодушия и щедрости»[2]. Тот ответил: «Всё, что я имею, — твое, ты ешь!» Я сказал: «У меня нет нужды в твоем имении. Дай мне держать ответ вместо этого раба». Он ответил: «Сначала спроси о его вине, потом снимай с него оковы. Всё будет, как ты прикажешь, потому что ты мой гость». Я сказал: «Скажи: в чем его вина?» Он ответил: «Знай, что у этого раба, погонщика верблюдов, очень красивый голос. Я его отправил на свое поле с сотней верблюдов, чтобы он привез зерно. Он нагрузил каждого верблюда двойной поклажей и по дороге пел песню погонщика[3] и этим подгонял верблюдов, пока они не прибежали сюда с грузом вдвое большим, чем я приказал. Когда с них сняли груз, они все, один за другим, издохли».

<...> Я очень удивился и сказал: «О эмир, твое благородство не позволяет тебе говорить ничего кроме правды, но я бы хотел сам услышать этот голос». Когда мы так говорили, из пустыни пригнали несколько верблюдов, чтобы напоить. Эмир спросил: «Сколько дней эти верблюды не пили воды?» Ему отве-

тили: «Три дня». Тогда он приказал рабу начать песню погонщика. Верблюды слушали его пение, и ни один из них не наклонился к воде, а потом все вдруг сорвались с места и умчались в пустыню. Эмир расковал того раба и простил ради меня.

О ЙАХЙЕ МУ‘АЗЕ И БАЙАЗИДЕ*

Фарид ад-Дин ‘Аттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 14
Поминание Байазида Бистами

фрагмент

Рассказывают, что Йахйа Му‘аз Рази написал Байазиду (*да помилует Бог их обоих*!) письмо: «Что ты скажешь о таком, который выпил одну чашу и опьянился вечностью, безначальной и бесконечной?»[1] Байазид написал ответ:

«Здесь есть человек, который за сутки выпивает море вечности безначальной и бесконечной и восклицает: “Нет ли добавки?”»

* V.18.7.

'Али б. Усман Худжвири

РАСКРЫТИЕ СОКРЫТОГО ЗА ЗАВЕСОЙ

Глава 14
О различных общинах, их толках, чудесах, стоянках и рассказы [о них]

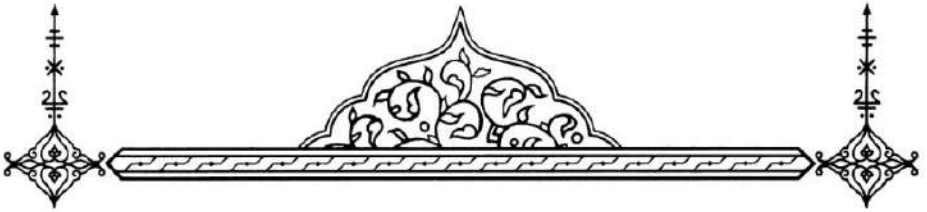
Раздел 3
О тайфуритах. Об опьянении и трезвости

фрагмент

Йахйа ибн Муаз (*да будет доволен им Аллах*!) написал [Байазиду] письмо: «Что скажешь ты о том, кто пьянеет от одной капли из океана любви?»

Байазид (*да будет доволен им Аллах*!) написал в ответ: «Что скажешь ты о том, кто, [для кого] все моря в мире становятся напитком любви, выпивает всё и кричит, что [страдает] от жажды?»

Людям представляется, что Йахйа говорил об опьяненности, а Байазид — о трезвости, но всё наоборот. Обладает трезвостью — тот, кому не под силу даже капля, а обладает опьянением — тот, кто выпивает всё и жаждет еще.



О ШЕЙХЕ АБУ СА‘ИДЕ И ИГРОКЕ*

Ибн Мунаввар Мухаммад

ТАЙНЫ ЕДИНОБОЖИЯ В СТОЯНКАХ ШЕЙХА АБУ СА‘ИДА

фрагмент

Рассказывают, что однажды шейх Абу Са‘ид ехал на коне по Нишапуру в окружении суфиев. Он повернул коня на базар. Туда пришли раздетые юноши, на них были [только] кожаные штаны[1]. Они несли одного из них на своих плечах. Когда они поравнялись с шейхом, он спросил: «Кто это?» Они сказали: «Эмир игроков»[2]. Шейх спросил его: «Чем ты обрел это эмирство?» Тот ответил: «О шейх! Честной игрой и чистой игрой». Когда шейх это услышал, он испустил крик и сказал: «Играй честно, играй чисто — и будь эмиром!»

* V.18.10.

ОБ АЛЧНОМ ЖИВОТНОМ*

Абу-л-Фазл Рашид ад-Дин Майбуди

РАСКРЫТИЕ ТАЙН И ПРИПАСЫ ДЛЯ ПРАВЕДНЫХ

фрагмент

Халу‘ — животное[, обитающее] по ту сторону горы Каф[1], которое каждый день поглощает по семь степей, полных травы, и семь морей воды. Оно не выносит ни холода, ни жары и каждую ночь тревожится о том, что будет есть завтра. Поэтому Господь сравнивает потомка Адама с Халу‘.

Абу Наср Тахир б. Мухаммад Ханикахи

ИЗБРАННЫЕ [РАССКАЗЫ] О НРАВАХ И СУФИЙСТВЕ

фрагмент

За горой Каф[1] есть животное, которое зовут Халу‘. Каждый день оно съедает семь степей травы и выпивает семь морей воды и каждую ночь засыпает в печали: мол, что буду есть завтра? На другой день Господь Всевышний выращивает в этих степях траву и наполняет эти моря водой. Поэтому Господь уподобил алчность потомка Адама — его (Халу‘) [алчности], сказав: «*Воистину, человек создан нетерпеливым*»[2].

* VI.19.1.

ОБ АНУШИРВАНЕ*

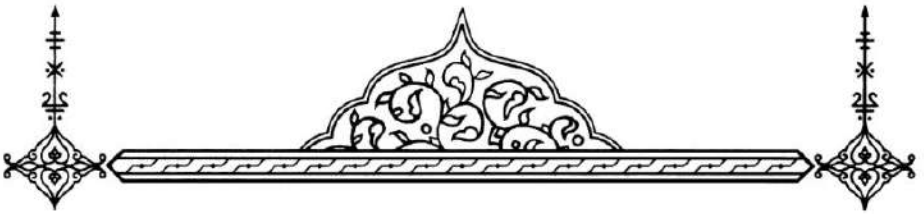
Ибн Мискавайх

ВЕЧНАЯ МУДРОСТЬ

фрагмент

[Спросили:] Какая из вещей горче горечи? Ответил: «Обращаться со своей нуждой к человеку недостойному».

* VI.19.3.



О СЛОВАХ ʻАББАСЫ ТУСИ*

ʻАбд ал-Ваххаб б. Мухаммад

КНИГА РАЗДЕЛОВ

фрагмент

Если бедный сын Адама достигнет предела своих мирских желаний, он уподобляется мертвому ослу: сдирает с него шкуру живодер, а собаки и вороны ожидают его мяса; а как живодер освобождается[1] — слетаются птицы и едят. Также и мертвый — когда душа покинет его и он будет зарыт, то наследники набрасываются на его наследство и делят его. Потом к остаткам направляются черви и едят его.

* VI.19.6.

О СЛОВАХ ЙАХЙИ МУ‘АЗА*

Фарид ад-Дин ‘Аттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 35
Поминание Йахйи ибн Му‘аза

фрагмент

Йахйа [ибн Му‘аз] подошел с одним из братьев к какой-то деревне. Брат сказал ему: «Хорошая деревня!» Йахйа сказал: «Лучше нее сердце человека, которого не заботит эта деревня».

* VI.19.8.

О ЦАРСКОМ СЫНЕ И НЕВЕСТЕ*

Абу Хамид Газали

ЭЛИКСИР СЧАСТЬЯ

Унван четвертый
О ПОЗНАНИИ БУДУЩЕГО МИРА

Фасл 12
Три вида адского духовного огня

фрагмент

Один царь женил сына. И вот сын в ночь [свадьбы] выпил слишком много вина и, когда опьянел, стал искать свою невесту. Он устремился в ее покои, но заблудился и вышел из дворца. Так он и шел, пока не добрался до места, где были видны какой-то дом и светильник. Он решил, что нашел дом невесты. Вошел туда и увидел лежащих людей. Сколько он их ни звал, никто не откликнулся. Он подумал, что они спят, и тут увидел одну, одетую в новую чадру. «Это невеста», — решил он. Он лег рядом с ней, снял с нее чадру, и до его носа дошел приятный запах. «Без сомнения, она — моя невеста, раз от нее исходит приятный запах», — сказал он. До утра он совокуплялся с ней, вкладывал язык к ней в рот, а оттуда исходила какая-то влага. Он решил, что она проявляет учтивость и одаривает его розовой водой.

Когда наступил день и он пришел в чувство, то увидел: это была дахма гебров[1], те спящие оказались покойниками, а та в новой чадре — которую он принял за невесту — была уродливая старуха, которая недавно умерла. Приятный

---

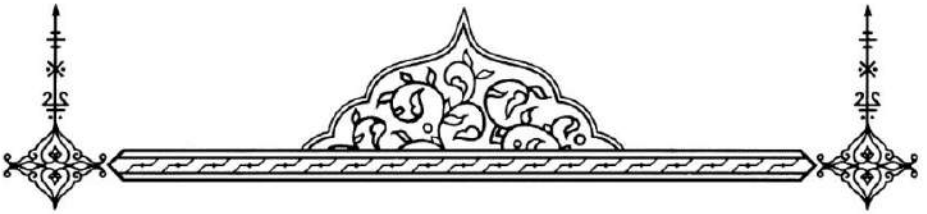
* VI.19.10.

запах был запахом бальзамических ароматов, а та влага, что исходила от нее, была ее нечистотами. Он посмотрел — и увидел, что всё его тело в этих нечистотах, а во рту и на нёбе ощутил горький и неприятный вкус от мокро́ты [из] ее рта. От того стыда и позора он хотел уничтожиться навсегда и боялся, что отец найдет его и свита отца его увидит. Пока он об этом думал, падишах, который со своей пышной свитой разыскивал его, явился туда и увидел его среди всего этого срама. Он (сын) хотел бы провалиться под землю, лишь бы от этого срама избавиться.

МАНИХЕЙСКИЕ ТЕКСТЫ ИЗ ТУРФАНА

сохранившиеся фрагменты

<...> увидел и подумал: «Это кто-то из сопровождающих меня». Он вошел, лег с этим мертвым телом и в своем опьянении и по своей глупости обнял это тело, занялся бесстыдными делами и соединился с этим мертвым телом; и так на него нажал, что мертвое тело лопнуло. <...> Кровь и гной, бывшие внутри ее устрашающего тела, мутные и отвратительные, выдавились и вышли наружу. <...> И всё тело того праведного человека с ног до головы испачкалось кровью и гноем, из-за своего бесстыдного намерения и из-за опьянения он стал безумным и говорил в своем сердце: «Дурно радующимся стал я». Словно кровь засияло утро, взошло солнце... Опьянение покинуло того праведного мужа, он проснулся. Его опьянение рассеялось, он проснулся от своего сна. С поднятой головой вошел он внутрь ступы, [*нрзб.*] там лежал труп, гной и кровь вытекали наружу, всё смердело. Когда он, весь измазанный кровью, увидел себя таким неблаговидным, то пришел в ужас, закричал громким голосом, быстро вскочил с [*нрзб.*] и убежал так быстро, как мог.



О ПРОРОКЕ ИБРАХИМЕ*

Абу-л-Фазл Рашид ад-Дин Майбуди

РАСКРЫТИЕ ТАЙН И ПРИПАСЫ ДЛЯ ПРАВЕДНЫХ

фрагменты

В ответ на слова пророка Ибрахима «Я предался Господу миров!»[1] *Аллах подверг его испытаниям. Первое из них было направлено не на него самого, но на то, что «вне его».*

Испытание состояло в том, что он владел множеством богатств: говорят, что у него было семьсот тысяч голов овец в семи тысячах отар и при каждой отаре было по собаке, и у каждой на шее был золотой ошейник, и ему было сказано: «Всё это отдай и оставь на пути Господнем!» — и Халил всё это отбросил и ничего себе не оставил. Рассказывают, что ангелы сказали: «Господь наш! Ты в царстве малакут[2] возгласил: "*Поистине, Аллах взял Ибрахима другом*!"[3] Наши души погрузились в пучину, и наша желчь стала водой[4] от этого именования! Чем друг удостоился этой щедрости?» Пришел глас: «Джабраил, раскрой свои павлиньи крылья[5], опустись с вершины дерева Сидра[6] на макушку той горы и испытай Ибрахима!» Джабраил по предопределению[7] и вождению Божию отправился, принял вид одного из сыновей Адама, встал за горой и воззвал: «О Священный!»[8] Ибрахим от сладости услышанного упал без чувств. Он сказал: «О раб Божий, еще раз произнеси это имя, и вся эта отара овец — твоя!» Джабраил снова воззвал: «О Священный!» Халил стал кататься по земле, как раненая птица, и говорить: «Еще раз это скажи, и другая отара — твоя!» <...>

Так он раз за разом просил и каждый раз давал ему отару овец и вместе с собакой в золотом ошейнике, пока не отдал всё и всего не лишился. Когда он всё от-

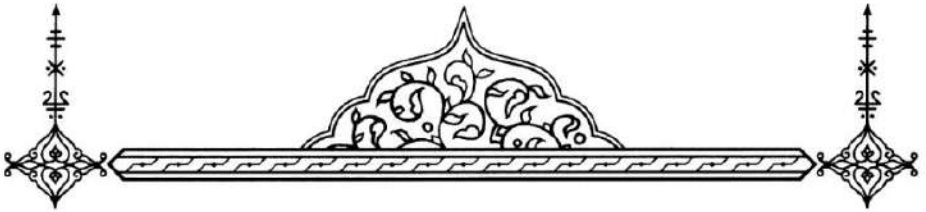
---

* VI.19.11.

дал, те узы стали более прочными, и любовь и бедность соединились. Халил вскричал и сказал: «О раб Божий, скажи еще раз имя Друга, и моя душа — твоя!»

Имущество, золото и вещи надо даром отдать,
когда дело дойдет до души — надо душу отдать.

Джабраил возрадовался, раскрыл свои павлиньи крылья и сказал: «Правильно [Он] взял тебя в друзья». Потом Джабраил явил себя ему и сказал: «О Халил, эти овцы мне ни к чему и мне нет в них нужды». Халил ответил: «Пусть тебе нет в них нужды, но взять их назад — не соответствует благородству!» Джабраил сказал: «Тогда отпустим их в степи и пустыни, чтобы паслись где хотят». Люди получают пользу, охотясь на них, нынешние горные бараны, которые рассеяны по миру, все происходят от них, и кто на них охотится и ест их мясо, тот до Дня воскрешения — гость Халила.



О ХАЛЛАДЖЕ И ОТРОКЕ*

Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 72

Поминание Хусайна б. Мансура Халладжа

фрагменты

Слуга его (Хусайна б. Мансура Халладжа) <...> попросил предсмертного наставления. Он сказал: «Занимай свою животную душу (нафс)[1] стóящим делом, а не то она потянет тебя к какому-нибудь из дел нестóящих, а в этом состоянии сохранить самообладание под силу лишь святым».

Абу ʻАбд ар-Рахман Сулами

ИСТИНЫ ТОЛКОВАНИЯ [КОРАНА]

фрагмент

Вечером накануне казни Хусайна Мансура [Халладжа] к нему пришел его слуга и попросил: «Дай мне последнее наставление!» Хусайн сказал: «Держи свою душу (нафс)[1] постоянно занятой».

---

* VI.19.12.

Абу-л-Фазл Рашид ад-Дин Майбуди

РАСКРЫТИЕ ТАЙН И ПРИПАСЫ ДЛЯ ПРАВЕДНЫХ

фрагмент

Хусайн Мансур Халладж завещал своему муриду: «*Занимай свой нафс*[1] *каким-то занятием, иначе он займет тебя собой!*»

О ЙУСУФЕ И ЗУЛАЙХЕ*

Абу Исхак Нишабури

РАССКАЗЫ О ПРОРОКАХ

фрагменты

Некоторые говорят, что <...> Господь (*велик Он*!) сделал Зулайху молодой и отдал ее Йусуфу, потому что она провела свою молодость, тоскуя по Йусуфу. [Этим] *Он словно* говорит: «Я ничьи страдания не оставлю напрасными. Зулайха свою молодость ради Нашего праведника пустила по ветру, Я верну ей молодость и приведу к ней ее друга. Так каждому, чье тело состарилось в служении Мне, Мы не сделаем служение напрасным и в День воскрешения возвратим ему молодость и поселим его в раю».

* VI.20.7.

ОБ ИБРАХИМЕ АДХАМЕ В ПУСТЫНЕ*

Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 14
Поминание Ибрахима Адхама

фрагмент

[Ибрахим] пошел в пустыню и сказал: «Я дошел до Зат ал-ʻИрк[1]. Я видел семьдесят одетых в муракка:[2] они все испустили дух, из них текла кровь. Я обошел вокруг этих людей, в одном еще оставалось дыхание. Я спросил: "О благородный, что здесь случилось?" Он ответил: "*О Ибн Ибрахим, для тебя — омовение и михраб*[3]. Не уходи слишком далеко, не то станешь разлученным, и не подходи слишком близко, не то станешь раненым. Да не будет того, кто позволит себе дерзость, будучи на ковре спасения! Бойся этой дружбы, которая паломников Священного дома[4], словно неверных Рума[5], убивает и с паломниками ведет священную войну![6] Знай, что мы были суфиями и в уповании на Бога отправились в пустыню и порешили не говорить ни слова ни о чем, кроме Бога, не помышлять, идти и останавливаться [только] ради Него и ни к кому, кроме Него, не проявлять склонности. Когда мы миновали пустыню и пришли в место повязывания ихрама[7] (*да благословит его Господь*!), пришел Хизр[8]. Мы приветствовали его, обрадовались и сказали: ʻ*Слава Богу*, что наш путь оказался похвальным и не был напрасным, и ищущий соединился с искомым, и такой славный вышел к нам навстречу!ʼ Нас тут же разлучили с душой[, сказав]: ʻО лгуны и притязающие! Ваши речи и обеты о том ли были? Вы забыли Нас и обратились к иному, чем Мы! Знайте же, что в наказание Мы отнимаем ваши души и, пока не прольем ва-

---

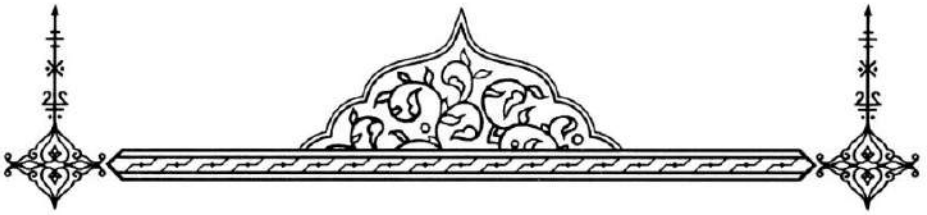
* VI.20.8.

шу кровь, с вами не примиримся'. Благородные, которых ты видишь, — все сожжены этим возмездием. Смотри же, о Ибрахим! Если у тебя тоже есть такое намерение, иди вперед!"»

Постоянно проливается кровь в Нашей стране,
душа постоянно бывает алоем в Нашей кадильнице[9].

Ты желаешь Нас? Если нет — держись подальше от Нас,
Мы убиваем друзей, а ты не желаешь Нас.

Ибрахим пришел в изумление. [Он] спросил: «А почему тебя оставили?»
Тот ответил: «Сказали: "Они были зрелыми, а ты еще сырой[10]. Борись, чтобы и тебе тоже стать зрелым
и прийти следом"». Сказал это —
и отдал душу.



О ШУ‘АЙБЕ*

‘Абд ал-Карим Кушайри

ПОСЛАНИЕ О СУФИЙСКОЙ НАУКЕ

Глава 50
О страстном влечении [к Богу]

фрагмент

Шу‘айб (*приветствие ему*!) плакал, пока не ослеп. Господь (*возвышен Он*!) отверз ему глаза. Он снова стал так плакать, что снова ослеп. Господь (*возвышен Он*!) отверз ему глаза. В третий раз он столько стал плакать, что ослеп. Господь (*возвышен Он*!) послал ему откровение и сказал: «Если ты так плачешь из желания рая, Я дозволяю тебе рай. А если ты плачешь из страха перед адом, Я даю тебе защиту». Тот сказал: «Боже! От тоски по Тебе!» Ответил [Бог]: «Вот поэтому Я своего пророка и Собеседника [Мусу] на десять лет сделал твоим слугою»[1].

Абу Исхак Нишабури

РАССКАЗЫ О ПРОРОКАХ

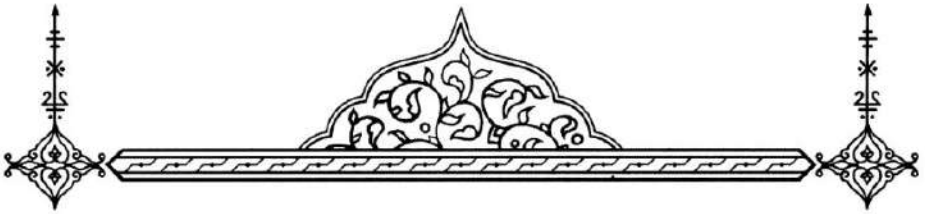
фрагмент

В предании сказано, что Джабраил[1] (*мир ему*!) пришел и спросил [у Шу‘айба]: «Почему ты плачешь? Хочешь, Мы откроем тебе глаза, чтобы ты снова смог видеть?[2] Если ты плачешь о рае — дозволим, если боишься ада — защитим и запретим ему, а если плачешь о мире, то, чего ни пожелаешь, дадим тебе и племя лучшее, чем эти [твои соплеменники, которые не слушали твою проповедь и оскорбляли тебя], тоже дадим».

---

* VI.20.9.

Шу‘айб сказал: «О Джабраил, ни о чем из того, что ты сказал, я не плачу, а только из желания близости к Богу Всевышнему!» Джабраил ушел, потом вернулся и сказал: «Бог Всевышний говорит: “Для глаз, которые ослепли из желания видеть Нас, нет другого лекарства, кроме как видеть Нас и быть в близости к Нам. Пусть остается таким, пока не достигнет Нас”».



О ЙУСУФЕ И ЗЕРКАЛЕ*

Абу Исхак Нишабури

РАССКАЗЫ О ПРОРОКАХ

фрагменты

<...> однажды Йусуф взял зеркало и увидел в нем свое лицо, и оно ему очень понравилось, потому что он никогда не видел никого, кто был бы похож на него[1]. <...> Он сказал сам себе: «Если бы я был рабом, то ничто во всём мире не стоило бы столько, сколько стою я». На эти его слова пришло порицание от Истинного (*возвышен Он*!), который сказал: «О Йусуф! За тот облик, который ты увидел, почему ты не вознес благодарности Создателю обликов и не помянул своего Господа, а сам себе назначаешь [высокую] цену? [Клянусь] Моим величием и красотой, что Я тебя ввергну в рабство и покажу тебе твою цену, чтобы обитатели мира сего не назначали сами себе [высокой] цены, а цена их — та, которую Я назначаю».

* VI.22.5.

О БАЙАЗИДЕ И ПРИШЛЕЦЕ*

Абу Ибрахим Мустамли Бухари

ТОЛКОВАНИЕ «ВВЕДЕНИЯ В СУФИЙСКОЕ УЧЕНИЕ»

фрагмент

В этом и состоит смысл сказанного Байазидом, когда кто-то позвал у его двери: «О Байазид!» Байазид ответил: «*Ищешь Абу Йазида? Я уже сорок лет его не нахожу*». Сам Абу Йазид был на месте, но его настолько заняло созерцание Истинного (*возвышен Он*!), что он вовсе не имел вестей о себе.

'Абд ал-Карим Кушайри

ПОСЛАНИЕ О СУФИЙСКОЙ НАУКЕ

Глава 3
Разъяснение некоторых трудных слов, имеющих хождение среди этого [суфийского] сообщества

«Сокрытие» и «явленность»

фрагмент

Рассказано, что Зу-н-Нун Мисри[1] послал одного из своих близких к Бу Йазиду[2], чтобы тот разузнал о Бу Йазиде и описал его свойства. Тот прибыл в Бистам[3], спросил, где дом Бу Йазида, и пришел туда. Абу Йазид спросил его: «Кто тебе нужен?» Тот ответил: «Абу Йазид». [Абу Йазид] сказал: «Кто [такой] Бу Йазид? Где Бу Йазид? Я давно уже ищу Бу Йазида».

---

* VI.22.9.

Тот человек вышел и сказал: «Это безумец». Он вернулся к Зу-н-Нуну и рассказал ему, каким он нашел Байазида, Зу-н-Нун заплакал и сказал: «Мой брат Бу Йазид ушел к идущим к Богу»[4].

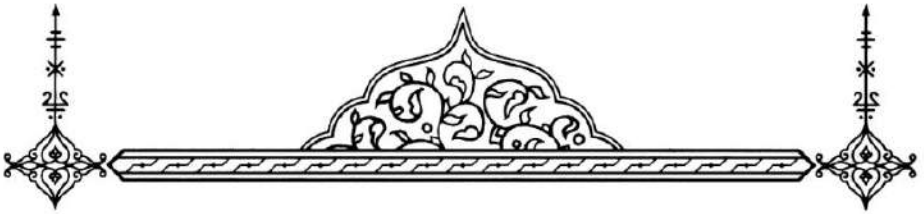
'Али б. Усман Худжвири

РАСКРЫТИЕ СОКРЫТОГО ЗА ЗАВЕСОЙ

Глава 14
О различных общинах, их толках, чудесах, стоянках и рассказы [о них]

Раздел 9
«Отсутствие» и «присутствие»
фрагмент

Известен рассказ, как один из муридов[1] Зу-н-Нуна отправился к Байазиду. Когда он подошел к его дому и постучал в дверь, Байазид сказал: «Кто ты и кто тебе нужен?» Тот ответил: «Байазид». [Байазид] сказал: «Кто такой Бу Йазид, где он и что он такое? Я долго его искал и не нашел». Когда мурид вернулся и рассказал всё Зу-н-Нуну, тот сказал: «Мой брат Бу Йазид *(да помилует его Господь!) ушел к идущим к Богу»*.



О СУЛТАНЕ МАХМУДЕ И ШЕЙХЕ ХАРАКАНИ*

Фарид ад-Дин ʿАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 79
Поминание Абу-л-Хасана Харакани
фрагменты

Рассказывают, что однажды султан Махмуд позвал Айаза: «Надену на тебя свою одежду и буду держать над твоей головой обнаженный меч, как делают гуламы»[1]. Когда Махмуд пришел посетить шейха [Харакани], он отправил посланного сказать шейху: «Султан Газнийский пришел сюда, ты тоже ради него выйди из ханаки[2] в шатер!» И велел посланному: «Если он не придет, прочитай ему этот айат: «*Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь Посланнику и обладателям власти среди вас*»[3]. Тот передал послание. Шейх сказал: «Прошу извинить меня»[4]. Ему прочли тот айат. Шейх сказал: «Скажите Махмуду, что я так утонул в "*Повинуйтесь Аллаху*", что от "*повинуйтесь Посланнику*" мне стыдно, а от "*обладателям власти*" — тем более». Посланный ушел и пересказал это Махмуду. Махмуд умилился и сказал: «Вставайте, ибо он не такой человек, как мы о нем думали!» Он дал свою одежду Айазу, и тот оделся; и десять служанок одел в одежду гуламов, а сам ходил взад и вперед как оруженосец — ради испытания [шейха]. Он направился к келье шейха. Когда он вошел в дверь кельи и поздоровался, шейх ответил, но не встал. Потом он повернулся к Махмуду, а на Айаза не посмотрел. Махмуд сказал: «Не встал перед султаном? А ведь это было ловушкой!» Шейх сказал: «Это ловушка, но ты — птица не для нее». Потом он взял Махмуда за руку и ска-

---

* VI.22.10.

зал: «Выйди вперед, потому что ты поставлен впереди». Махмуд сказал: «Скажи мне слово». [Тот] сказал: «Удали всех этих посторонних». <...> [После беседы и наставлений шейха] Махмуд сказал: «О шейх, у тебя прекрасная келья!» [Шейх] ответил: «У тебя есть всё то, [а] тебе нужно и это?» Когда Махмуд уходил, шейх поднялся перед ним. Махмуд сказал: «Сначала, когда я пришел, ты не уделил мне внимания, а теперь встаешь передо мой? Что это за милость? А то [прежнее] — что́ было?» Шейх сказал: «Ты пришел с царством и высокомерием, а уходишь с дервишеством и смирением, потому что над тобой засияло солнце дервишества. Я не встал ради твоего царства, а теперь встаю ради твоего дервишества».

Абу Хамид Газали

ЭЛИКСИР СЧАСТЬЯ

Столп второй
ОБ ОБЫЧАЯХ

Основа 1
О принятии пищи
фрагмент

В предании[1] сообщается: Истинный (*велик Он*!) скажет в День воскрешения: «*О сын Адама*! Я стал голоден, [а] ты не дал мне еды». Ему ответят: «*О Господь величия*![2] Как Ты мог стать голодным, [ведь] Ты — господин всего мира?» Он скажет: «Твой брат[3] был голоден, если бы ты дал ему еды — дал бы Мне».

СВЕТ НАУК
фрагмент

Махмуд ибн Сабуктегин[1] остановился возле деревни Харакан[2]. Послал кого-то: «Скажите этому отшельнику — султан Газны пришел к тебе на поклон, ты тоже выходи из кельи! А если будет раздумывать, прочитайте стих: "*Повинуйтесь Пророку и тем, кто имеет над вами власть*!"»[3] Шейх ответил: «Скажи Махмуду, Бу-л-Хасан занят приказом "*повинуйтесь Аллаху*", тобой заняться не может». Эти слова произвели на Махмуда впечатление. Он встал и пришел к дверям. Двери не открывали. Махмуд приказал, чтобы слуг одели в платье девушек, царское

платье надели на Айаза, а сам вместо Айаза взял оружие. Когда вошли к шейху, он взял руку Махмуда и сказал: «Бог тебя поставил вперед, зачем же ты стоишь позади?» Махмуд сказал: «Дай мне совет». Ответил: «Это не подобает [истинному] служению — мужи в одежде женщин.

Прибегаем к Аллаху от гнева Аллаха!»

О ШКОЛЬНИКАХ*

'Унсур ал-Маали Кай-Кавус

КАБУС-НАМЕ

фрагмент

Слыхал я, что однажды Шибли[1] (*да помилует его Аллах*!) пошел в мечеть, чтобы выполнить два рак'ата[2] намаза и отдохнуть. В мечети были школьники. Случайно было как раз время их завтрака, и двое ребят уселись около Шибли (*да помилует его Аллах*!). Один был сын богача, а другой — сын нищего. Стояли у них две корзинки. В корзине богача были хлеб и халва[3], в корзине сына нищего — пустой хлеб. Сын богача ел хлеб с халвой, и сын нищего попросил у него халвы. Сын богача сказал: «Если я дам тебе кусок халвы, ты будешь моей собакой?» Ответил: «Буду». Сказал: «Полай, чтобы я дал тебе халвы». Тот несчастный стал лаять, а сын богача давал ему халвы. Несколько раз он сделал так, а шейх Шибли (*да помилует его Аллах*!) смотрел на них и плакал. Муриды[4] спросили: «О шейх, что с тобой случилось, что ты плачешь?» Сказал: «Смотрите, что делает алчность и отсутствие нетребовательности с человеком. Что было бы, если бы этот ребенок довольствовался своим сухим хлебом и не жаждал халвы того ребенка? Не пришлось бы ему тогда и быть собакой у себе подобного!»

* ЗК.1.

ОБ УВАЙСЕ КАРАНИ*

Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 2
Поминание Увайса Карани

фрагмент

Ему (Увайсу) сказали: «Есть тут неподалеку от тебя человек, который уже тридцать лет как вырыл могилу, положил в могилу саван, сидит на краю могилы и плачет, не зная покоя ни днем, ни ночью». Увайс пошел туда и увидел его, исхудалого, пожелтевшего, с запавшими глазами[1]. Сказал ему: «О такой-то! Уже тридцать лет, как могила и саван отвергают тебя от Господа (*возвышен Он*!), из-за них двоих ты отстал. Оба они — кумиры на твоем пути!» Благодаря его свету человек разглядел в себе эту ущербность. Ему открылось положение [дела][2]. Он издал вопль и, отдав душу, упал в ту могилу и на тот саван. Если могила и саван бывают завесами[3], подумай, каковы прочие завесы!

* ЗК.3.

О ЖЕНЩИНЕ И ПРОРОКЕ*

Ал-Бухари

ДОСТОВЕРНЫЙ СВОД [ХАДИСОВ]

№ 2334

Хадис от Абу Хурайры:[1] «Рассказал пророк [Мухаммад], благословение и мир ему от Бога, что некий человек, идя по дороге, испытал сильную жажду. Потом он нашел колодец, остановился у него, попил воды, а затем пошел было дальше и вдруг увидел собаку, высунувшую язык и лижущую землю от жажды. Человек сказал: "Эта собака дошла от жажды до такого же состояния, которого я достиг до этого". Он спустился к колодцу, набрал воды в кожаный ботинок и напоил собаку. Аллах поблагодарил его и простил».

№ 3280

Хадис от Абу Хурайры: «Рассказал пророк [Мухаммад], благословение и мир ему от Бога, что, когда собака металась возле колодца, чуть не умирая от жажды, ее увидела одна из распутных женщин Бану Исраил[1]. Она сняла кожаный сапог, [наполнила водой] и напоила ее. И тогда ей были прощены грехи ради этой собаки.

---

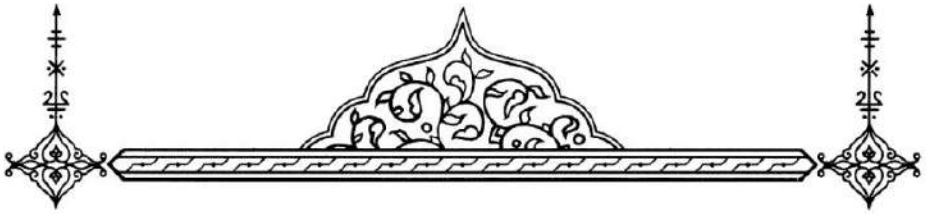
* ЗК.10.

Абу-л-Фазл Рашид ад-Дин Майбуди

РАСКРЫТИЕ ТАЙН И ПРИПАСЫ ДЛЯ ПРАВЕДНЫХ

фрагмент

В преданиях сказано про ту ночь, когда Предводителю было даровано восхождение (ми'радж[1]): была одна женщина, блудница из тех бесстыдниц, что в земном мире ничего кроме греха не знают, — а он увидел ее имя на высотах Фирдауса[2]. Он спросил: «О Господь! Чем она заслужила эту высокую ступень?» Ответил: «Однажды она увидела собаку, которая лежала у колодца, [обессилев] от жажды. А при колодце не было ни ведра, ни веревки. Она сняла с ноги сапожок[3], привязала к своей чадре, опустила в колодец, достала воду и напоила собаку. Мы изменили ее положение и приготовили для нее высшую ступень рая.



О ТОМ, КАК БАЙАЗИД ПОВЯЗАЛ ЗУННАР*

Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 14
Поминание Байазида Бистами

фрагмент

Когда его (Байазида) жизнь подошла к концу, он вошел в нишу для молитвы, повязал зуннар, надел тулуп[1] наизнанку, на голову надел шапку наизнанку и сказал: «О мой Боже! Я не буду выставлять на продажу подвижнические деяния всей жизни и предлагать молитвы всех ночей! И не буду рассказывать о постах всей жизни, перечислять прочтения Корана с начала до конца и описывать пору ночных молитв и близости [к Тебе]. Тебе ведомо, что я не оглядываюсь ни на что, и то, о чем я толкую, проистекает не от гордости этим или опоры на это! Нет, я говорю, оттого что стыжусь всего, что сделал. Этим [почетным] одеянием[2] наградил меня Ты! Всё это ничтожно, считай, и нет ничего. Я — туркмен, семидесяти лет, с волосами, убеленными [жизнью, прожитой] в язычестве. Лишь теперь я выхожу из степи и взываю "О Тангари, Тангари!"[3] Теперь я учусь восклицать "Боже! Боже!". Теперь я разрываю зуннар[4]. Теперь я ступаю ногой в круг ислама. Теперь я раскрываю уста, произнося исповедание веры[5]. Деяния Твои не вызваны причиной:[6] Ты принимаешь не за служение и отвергаешь не за греховность. Всё, что сделал, я почитаю прахом. Ты тоже вычеркни пером прощения всё, что Ты видел от меня и что не удостоилось у Тебя одобрения, и смой с меня пыль греха, как я смыл пыль представления о поклонении Тебе!»

---

* ЗК.12.

О БИШРЕ ХАФИ*

Фарид ад-Дин ʻАттар

ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ

Глава 12
Поминание Бишра Хафи

фрагмент

Начало его (Бишра Хафи) покаяния было таким. Однажды он шел пьяным. На дороге он увидел упавший клочок бумаги, на котором было написано: «*Во имя Бога Милостивого, Милосердного*». Он тут же купил благовоние, надушил ту бумагу, поцеловал ее, приложил к глазам и с великим почтением поместил в некоем месте. В ту же ночь один из великих мужей увидел во сне, что [ему] сказали: «Пойди и скажи Бишру: "*Ты облагоухал Наше имя, и Мы облагоухаем тебя, ты восславил Наше имя, и Мы восславляем тебя, ты очистил Наше имя, и Мы очищаем тебя. Моим могуществом Я облагоухаю твое имя в этом мире и будущем*!"» Тот великий муж сказал: «Он — человек распутный. По-моему, это ошибка». Он совершил омовение, сотворил намаз и лег спать. Снова услышал он тот же глас, и так три раза. На рассвете он поднялся и пошел искать Бишра. Ему сказали: «Он в собрании пьяниц». Он подошел к двери того питейного дома — а [Бишр] был пьян — и сказал: «Скажите Бишру, что у меня для него весть». Бишр сказал: «Пойдите и спросите: "От кого весть?"» Ответил: «Весть от Бога (*велик Он и славен*!)». Бишр заплакал и спросил: «Он упрекает меня?» Шейх ответил: «Нет». [Бишр] сказал: «Тогда подожди, я скажу [своим] друзьям». Он подошел к друзьям и сказал: «Друзья! Меня позвали. Мы уходим и прощаемся с вами. Больше вы никогда не увидите нас за этим делом». {И стал таким, что не было никого, кто, услышав его имя, не обретал сердечного покоя.} И прямо так, смя-

---

* ЗК.20.

тенный, босой, с непокрытой головой, он вышел и принес покаяние. Он избрал путь отречения от мира и руками рвения ухватился за полу счастья друзей Божиих. И больше он никогда не надевал обуви, потому-то и называли его Хафи[1].

'Абд ал-Карим Кушайри

ПОСЛАНИЕ О СУФИЙСКОЙ НАУКЕ

Глава 2
О шейхах этого пути и об их деяниях и речениях, которые показывают их почитание Божественного закона

фрагмент

Деяния его (Бишра Хафи) велики. А причиной его покаяния было вот что. Он нашел на дороге листок бумаги. На нем было написано: «*Во имя Бога Милостивого, Милосердного*», и [прохожие] топтали его ногами. Он поднял его. У него был один дирхам. Он купил галие[1], сделал этот листок благоуханным и положил его в нишу в стене. Во сне ему приснилось, что вестник[2] позвал его: «О Бишр! Ты сделал Наше имя благоуханным, и Мы сделали твое имя благоуханным и в этом мире, и в будущем!»

'Али б. Усман Худжвири

РАСКРЫТИЕ СОКРЫТОГО ЗА ЗАВЕСОЙ

Глава 11
Об имамах, которые жили в период от последователей до наших дней

Раздел 15
Бишр б. ал-Харис ал-Хафи
фрагмент

Начало его (Бишра Хафи) [покаяния] было таким: однажды он шел пьяный. Он увидел на дороге клочок бумаги, поднял его с почтением, увидел на нем написанное: «*Во имя Бога Милостивого, Милосердного*». Он надушил его и положил в чистом месте. Той же ночью он увидел во сне, что Господь (*возвышен Он*!) сказал ему: «Ты сделал Мое имя благоуханным, [клянусь] Моим величием, что Я твое имя сделаю благоуханным в этом мире и будущем, так что, кто ни услышит твое имя, — его душе придет мир»[1].

Содержание

Фарид ад-Дин ʻАттар

БОЖЕСТВЕННАЯ КНИГА (ИЛАХИ-НАМЕ)

В двух книгах

~I~

БОЖЕСТВЕННАЯ КНИГА (ИЛАХИ-НАМЕ)

Перевод с персидского Л.Г. Лахути

[ВСТУПЛЕНИЕ]

[О единобожии]

«Во имя Того, чье царство непреходяще!..» 10

Восхваление Пророка

«Мухаммад — предводитель в обоих мирах...» 20

[О ми'радже] 32

Рассказ [о Мухаммаде и беспутной женщине] 45

Восхваление повелителя правоверных Абу Бакра

«Глава людей веры, великий Сиддик...» 50

Восхваление повелителя правоверных ʻУмара

«Совершенный имам и свеча обоих миров...» 54

Восхваление повелителя правоверных ʻУсмана

«Основание веры, которое есть скромность...» 58

Восхваление повелителя правоверных ʻАли

«Если есть имам где-нибудь между Востоком и Западом...» 62

Воззвание к Душе

«О Душа, излей свой мускусный аромат!..» 66

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ

«Скиталец, что исходил весь мир, утративши друга...» 71

ПЕРВЫЙ СЫН

Беседа первая

[О желании первого сына] 74
Ответ отца 75
Рассказ о праведной жене 75

Беседа вторая

[Вопрос первого сына] 100
Ответ отца 101
Рассказ первый. О женщине, влюбленной в царевича 102
Рассказ второй. О потомке ʻАли, а также ученом богослове и муханнасе 106
Рассказ третий. О Сулаймане и муравье 108
Рассказ четвертый. О повелителе правоверных ʻАли и муравье 109
Рассказ пятый. Об Ануширване и старике, сажающем деревья 112
Рассказ шестой. О ходже Джанди и псе 113
Рассказ седьмой. О Маʻшуке Туси, а также о псе и всаднике 114
Рассказ восьмой. О Бу Саʻиде, а также о суфии и псе 115
Рассказ девятый. О предсмертных минутах Абу-л-Фазла Хасана 117

Беседа третья

[Вопрос первого сына] 119
Ответ отца 120
Рассказ первый. Об Ибрахиме Адхаме и дервише 120
Рассказ второй. О кошке шейха Гургани 121
Рассказ третий. О купце-христианине 124
Рассказ четвертый. Об отце, у которого умер сын 125
Рассказ пятый. О встрече Йаʻкуба и Йусуфа 126
Рассказ шестой. О Йусуфе и Ибн Йамине 128
Рассказ седьмой. О юноше в День Сбора 134
Рассказ восьмой. Другой рассказ о Дне Сбора 136
Рассказ девятый. О дервише и Маджнуне 138
Рассказ десятый. О безумце 139

Беседа четвертая
[Вопрос первого сына] ... 140
Ответ отца ... 140
Рассказ первый. О Сарпатаке-индийце ... 141
Рассказ второй. О любви суфия ... 148
Рассказ третий. О царе в измененных одеждах ... 152
Рассказ четвертый. О царевиче и влюбленном витязе ... 153
Рассказ пятый. О продавце хвороста и султане Махмуде ... 162

ВТОРОЙ СЫН

Беседа пятая
[О желании второго сына] ... 168
Ответ отца ... 169
Рассказ первый. О Шибли и пекаре ... 170
Рассказ второй. О молящемся и собаке ... 172
Рассказ третий. О разговоре Масиха с дольним миром ... 176
Рассказ четвертый. О христианском затворнике и о шейхе Абу-л-Касиме ... 179
Рассказ пятый. О том, как христианин стал мусульманином ... 182
Рассказ шестой. Об ʻУмаре и Торе ... 182
Рассказ седьмой. О гебре, который построил мост ... 183
Рассказ восьмой. О вопросе дервиша Джаʻфару Садику ... 186
Рассказ девятый. О безумце и цене намаза ... 188
Рассказ десятый. О безумце и пятничной молитве ... 189

Беседа шестая
[Вопрос второго сына] ... 191
Ответ отца ... 192
Рассказ первый. Об ʻАзраиле и Сулаймане ... 193
Рассказ второй. О юноше, раненном камнем из баллисты ... 195
Рассказ третий. О безумце из Каира ... 197
Рассказ четвертый. О Фахр ад-Дине Гургани и гуламе ... 198
Рассказ пятый. О Мансуре Халладже у подножия виселицы ... 203
Рассказ шестой. О любви Маджнуна ... 204
Рассказ седьмой. О красавце отроке и дервише ... 205
Рассказ восьмой. О незрячем человеке и шейхе Нури ... 208
Рассказ девятый. О шейхе Абу-л-Касиме Хамадани ... 210

Беседа седьмая
[Вопрос второго сына] ... 212
Ответ отца ... 213

Рассказ первый. Об ʻИсе и Величайшем имени ... 213
Рассказ второй. О Намруде ... 215
Рассказ третий. О христианине и Байазиде ... 216
Рассказ четвертый. О безумце перед вратами Каʻбы ... 217
Рассказ пятый. Об Аййубе ... 218
Рассказ шестой. О словах Йусуфа Хамадани ... 219
Рассказ седьмой. Сравнение Предвечности с луком ... 221
Рассказ восьмой. Об Абу Бакре Суфала ... 222
Рассказ девятый. О султане Махмуде и безумце ... 223
Рассказ десятый. О срубленном дереве ... 224
Рассказ одиннадцатый. О Хасане Басри и Рабиʻи ... 225
Рассказ двенадцатый. О Мусе ... 227
Рассказ тринадцатый. О молчащем безумце ... 228
Рассказ четырнадцатый. О том, как Маджнуна спросили о Лайли ... 230
Рассказ пятнадцатый. О муэдзине и безумце ... 231
Рассказ шестнадцатый. Об Абу Саʻиде из Михны ... 232
Рассказ семнадцатый. О султане Махмуде и Айазе ... 234

Беседа восьмая

[Вопрос второго сына] ... 237
Ответ отца ... 237
Рассказ первый. О Хавве и Ханнасе ... 238
Рассказ второй. О плаче Иблиса ... 241
Рассказ третий. О Йусуфе и Ибн Йамине ... 242
Рассказ четвертый. О султане Махмуде и Айазе ... 244
Рассказ пятый. О красавце отроке и влюбленном ... 246
Рассказ шестой. О султане Махмуде и Айазе ... 248
Рассказ седьмой. О воре, которому отрубили руку ... 251
Рассказ восьмой. О том, как Луна ревновала Солнце ... 252
Рассказ девятый. О Маджнуне ... 252
Рассказ десятый. Об Иблисе ... 253
Рассказ одиннадцатый. О султане Махмуде и Айазе ... 253
Рассказ двенадцатый. О Шибли ... 255
Рассказ тринадцатый. О Мусе и Иблисе ... 257

ТРЕТИЙ СЫН

Беседа девятая

[О желании третьего сына] ... 262
Ответ отца ... 263

Рассказ первый. О султане Махмуде и старухе ... 263
Рассказ второй. О Бухлуле ... 267
Рассказ третий. О царе-звездочете ... 269
Рассказ четвертый. Что значит «покорность [Богу]» ... 270
Рассказ пятый. О Шакике Балхи ... 271
Рассказ шестой. О безумце, который просил о куске полотна ... 273
Рассказ седьмой. О плачущем безумце ... 274
Рассказ восьмой. Об Абу Бакре Васити ... 276
Рассказ девятый. О старой женщине с сожженным сердцем ... 278
Рассказ десятый. Об огне и труте ... 279
Рассказ одиннадцатый. Об Абу 'Али Фармади ... 280
Рассказ двенадцатый. О грешнике в День Сбора ... 281
Рассказ тринадцатый. О султане Махмуде и смотре войска ... 284

Беседа десятая

[Вопрос третьего сына] ... 285
Ответ отца ... 286
Рассказ первый. О султане Санджаре и 'Аббасе Туси ... 286
Рассказ второй. О том, как Муса обращался с просьбой к Господу ... 288
Рассказ третий. О душах прежде сотворения тел ... 291
Рассказ четвертый. О женах Пророка ... 294
Рассказ пятый. О Раби'и ... 296
Рассказ шестой. О Бухлуле ... 297
Рассказ седьмой. О шейхе из Бушанджа ... 303
Рассказ восьмой. О Мусе и благочестивом подвижнике ... 304
Рассказ девятый. О старце из Бухары и муханнасе ... 306
Рассказ десятый. О Газзали и безбожнике ... 307
Рассказ одиннадцатый. О творящем молитву и безумце ... 308
Рассказ двенадцатый. О плачущем безумце ... 309
Рассказ тринадцатый. О потаенных молитвах безумца ... 310
Рассказ четырнадцатый. О помощи счастья ... 311

Беседа одиннадцатая

[Вопрос третьего сына] ... 312
Ответ отца ... 312
Рассказ первый. Об идущем через пустыню в отрешении от всего ... 313
Рассказ второй. О безумце и погребальных носилках ... 315
Рассказ третий. Слова Пророка о новорожденном младенце ... 316
Рассказ четвертый. О Хасане и Хабибе ... 318
Рассказ пятый. О Шибли ... 319

Рассказ шестой. О султане Махмуде и Айазе в бане ... 320
Рассказ седьмой. О Байазиде и мошеннике ... 322
Рассказ восьмой. Об Ибн ал-Мубараке [и рабе] ... 324
Рассказ девятый. Об эфиопе ... 325
Рассказ десятый. О невесте и ее благородном муже ... 326
Рассказ одиннадцатый. О словах мудреца над прахом Искандара ... 329
Рассказ двенадцатый. О безумце ... 330
Рассказ тринадцатый. О Хасане Басри и Шам'уне ... 333

Беседа двенадцатая

[Вопрос третьего сына] ... 338
Ответ отца ... 338
Рассказ первый. О Кай-Хусраве и чаше Джама ... 339
Рассказ второй. О камне и комке земли ... 341
Рассказ третий. О Шибли и юноше в пустыне ... 342
Рассказ четвертый. О муже со смятенным сердцем у могилы ... 345
Рассказ пятый. О потаенной молитве безумца ... 347
Рассказ шестой. О султане Малик-шахе и стражнике ... 348
Рассказ седьмой. О подарке шейха Абу Са'ида Ма'шуку ... 350
Рассказ восьмой. О Шибли и собаке ... 352
Рассказ девятый. О султане Махмуде и Айазе ... 353
Рассказ десятый. О Луне и Солнце ... 355
Рассказ одиннадцатый. О Байазиде ... 356
Рассказ двенадцатый. Об Ибрахиме Адхаме ... 358

Четвертый сын

Беседа тринадцатая

[О желании четвертого сына] ... 362
Ответ отца ... 363
Рассказ первый. Об Искандаре и мудреце ... 363
Рассказ второй. О посрамлении людей в День воскрешения ... 367
Рассказ третий. О Тавусе ... 368
Рассказ четвертый. О Пророке в ночь ми'раджа ... 369
Рассказ пятый. О копившем богатства и ангеле смерти ... 370
Рассказ шестой. О том, как у мудреца Марзбана был убит сын ... 373
Рассказ седьмой. Наставление ... 374
Рассказ восьмой. О Бузурджмихре ... 375
Рассказ девятый. О птице, живущей у подножия горы ... 377
Рассказ десятый. О Бухлуле ... 379

Рассказ одиннадцатый. О Мусе 380
Рассказ двенадцатый. О наставлениях Кисры 380
Рассказ тринадцатый. О потаенной молитве великого мужа Господу 381
Рассказ четырнадцатый. Рассказ Ша'би о человеке, который поймал зяблика 382
Рассказ пятнадцатый. Про осу и муравья 384
Рассказ шестнадцатый. О Пророке и рабыне-эфиопке 385
Рассказ семнадцатый. О Фазле Раби' 387
Рассказ восемнадцатый. О Бухлуле 388
Рассказ девятнадцатый. О безумце и щеголях 389

Беседа четырнадцатая

[Вопрос четвертого сына] 391
Ответ отца 391
Рассказ первый. О смерти Искандара 392
Рассказ второй. О Намруде 396
Рассказ третий. О милостыне для дервишей 399
Рассказ четвертый. О дозволенном куске 400
Рассказ пятый. О шейхе и старухе 401
Рассказ шестой. О повелителе правоверных 'Умаре Хаттабе и влюбленном юноше 402
Рассказ седьмой. О дервише, который желал потопа 403
Рассказ восьмой. О юном отбельщике тканей 405
Рассказ девятый. О вопросе Маджнуну 408
Рассказ десятый. О лисе 409
Рассказ одиннадцатый. О султане Махмуде и Айазе 411
Рассказ двенадцатый. О Мухаммаде ибн 'Исе и о безумной 412
Рассказ тринадцатый. О султане Махмуде и безумце 414
Рассказ четырнадцатый. О жесткости и мягкости гилима 415
Рассказ пятнадцатый. О женщине, которая совершала обхождение Ка'бы 417
Рассказ шестнадцатый. О султане Санджаре и Махасти 418
Рассказ семнадцатый. О Махмуде и числе его слонов 421
Рассказ восемнадцатый. Об 'Исе и иудеях 422
Рассказ девятнадцатый. О воре у подножия виселицы 423
Рассказ двадцатый. О безумце-всаднике 424
Рассказ двадцать первый. О военачальнике и его крепости 426
Рассказ двадцать второй. О султане Махмуде и обиженном 427
Рассказ двадцать третий. О Маджнуне 428
Рассказ двадцать четвертый. О юном торговце солью 429

ПЯТЫЙ СЫН

Беседа пятнадцатая

[О желании пятого сына] ... 438
Ответ отца ... 439
Рассказ первый. О султане Махмуде на охоте ... 441
Рассказ второй. О шейхе и птице Хума́ ... 443
Рассказ третий. О султане Санджаре ... 444
Рассказ четвертый. О султане Махмуде и его тезке ... 445
Рассказ пятый. О султане Махмуде и отбельщике тканей ... 446
Рассказ шестой. О мудреце и Зу-л-Карнайне ... 448
Рассказ седьмой. О царе и его кольце ... 450
Рассказ восьмой. Об Ибрахиме Адхаме и Хизре ... 451
Рассказ девятый. О Махмуде и дервише ... 454
Рассказ десятый. О Санджаре и Рукн ад-Дине Аккафе ... 455
Рассказ одиннадцатый. О человеке, который собирал сухие ветки, а нашел кошель с золотом ... 456
Рассказ двенадцатый. О султане Махмуде и старухе ... 458

Беседа шестнадцатая

[Вопрос пятого сына] ... 460
Ответ отца ... 461
Рассказ первый. О сыне Харуна ар-Рашида ... 461
Рассказ второй. О Харуне и Бухлуле ... 470
Рассказ третий. О Сулаймане и кувшине ... 473
Рассказ четвертый. О дервише и падишахе ... 475
Рассказ пятый. О юноше и красавице жене ... 476

Беседа семнадцатая

[Вопрос пятого сына] ... 478
Ответ отца ... 478
Рассказ первый. Об овцах и мяснике ... 479
Рассказ второй. О соколе и петухе ... 480
Рассказ третий. О муже, который прозревал ду́хи умерших ... 483
Рассказ четвертый. О делах мира сего на взгляд безумца ... 484
Рассказ пятый. О делах Божиих на взгляд безумца ... 485
Рассказ шестой. О приданом Фатимы ... 486
Рассказ седьмой. О старике и юной девушке ... 491
Рассказ восьмой. О дервише и Абу Бакре Варраке ... 493

Рассказ девятый. О старце, который хотел быть похороненным между двумя кладбищами ... 494
Рассказ десятый. О Суфйане Саури ... 496
Рассказ одиннадцатый. О том, как иудей стал мусульманином ... 498

Беседа восемнадцатая

[Вопрос пятого сына] ... 503
Ответ отца ... 503
Рассказ первый. О Балукйе и ʻАффане ... 504
Рассказ второй. О Сулаймане и его ковре ... 506
Рассказ третий. О халифе Мамуне и гуламе ... 507
Рассказ четвертый. Об Асмаʻи и негре ... 511
Рассказ пятый. О Джабраиле и Йусуфе ... 514
Рассказ шестой. О старце Халу из Сарахси ... 516
Рассказ седьмой. О Йахйе Муʻазе и Байазиде ... 518
Рассказ восьмой. О шейхе ʻАли Рудбари ... 519
Рассказ девятый. О султане Махмуде и мошеннике ... 523
Рассказ десятый. О шейхе Абу Саʻиде и игроке ... 524
Рассказ одиннадцатый. О Маджнуне и Лайли ... 526

ШЕСТОЙ СЫН

Беседа девятнадцатая

[О желании шестого сына] ... 530
Ответ отца ... 531
Рассказ первый. Об алчном животном ... 531
Рассказ второй. Об ʻИсе ... 533
Рассказ третий. Об Ануширване ... 535
Рассказ четвертый. Хадис о порицании земного мира ... 536
Рассказ пятый. Притча в порицание земного мира ... 536
Рассказ шестой. О словах ʻАббасы Туси ... 537
Рассказ седьмой. О словах Джаʻфара Садика ... 539
Рассказ восьмой. О словах Йахйи Муʻаза ... 539
Рассказ девятый. О порицании земного мира ... 540
Рассказ десятый. О царском сыне и невесте ... 541
Рассказ одиннадцатый. О пророке Ибрахиме ... 545
Рассказ двенадцатый. О Халладже и отроке ... 549
Рассказ тринадцатый. В порицание злословия ... 550
Рассказ четырнадцатый. О молчании ... 551

Беседа двадцатая

[Вопрос шестого сына] ... 553
Ответ отца ... 553
Рассказ первый. О шейхе и христианине ... 554
Рассказ второй. Слова о познании Истинного ... 556
Рассказ третий. О Зубайде и суфии ... 556
Рассказ четвертый. Об Ардашире ... 558
Рассказ пятый. О болезни глаз Айаза ... 563
Рассказ шестой. О Джирджисе ... 565
Рассказ седьмой. О Йусуфе и Зулайхе ... 566
Рассказ восьмой. Об Ибрахиме Адхаме в пустыне ... 568
Рассказ девятый. О Шу'айбе ... 570
Рассказ десятый. О людях ада ... 572
Рассказ одиннадцатый. О султане Махмуде и Айазе ... 574
Рассказ двенадцатый. О Маджнуне и Лайли ... 575

Беседа двадцать первая

[Вопрос шестого сына] ... 577
Ответ отца ... 578
Рассказ о дочери Ка'ба, ее любви и ее стихах ... 578
[О величии Ка'ба, эмира Балха] ... 578
[Красота Хариса, сына эмира] ... 580
[Красота и поэтический талант дочери эмира] ... 580
[Предсмертное завещание Ка'ба и справедливое правление Хариса] ... 582
[Красота Бакташа] ... 583
[Дочь Ка'ба видит Бакташа] ... 586
[Дочь Ка'ба признаётся кормилице в своей любви к Бакташу] ... 588
[Бакташ влюбляется в дочь Ка'ба и передает ей признание в любви] ... 593
[Кормилица приносит дочери Ка'ба весть о любви Бакташа] ... 594
[Бакташ встречает дочь Ка'ба и что случилось потом] ... 595
[Старец Абу Са'ид о любви дочери Ка'ба] ... 596
[Харис начинает подозревать сестру] ... 597
[Бакташ отправляется на войну. Военные подвиги Бакташа] ... 598
[Дочь Ка'ба спасает раненого Бакташа] ... 600
[Дочь Ка'ба горюет о Бакташе и пишет ему послание] ... 602
[Ответное послание Бакташа дочери Ка'ба] ... 605
[Дочь Ка'ба встречает поэта Рудаки, и что случилось потом] ... 606
[Последние стихи дочери Ка'ба] ... 609

Беседа двадцать вторая

[Вопрос шестого сына] ... 614
Ответ отца ... 614
Рассказ первый. Об Афлатуне и Искандаре ... 615
Рассказ второй. О [словах] Бу 'Али Туси ... 618
Рассказ третий. Что такое боль ... 619
Рассказ четвертый. О ребенке на базаре ... 620
Рассказ пятый. О Йусуфе и зеркале ... 622
Рассказ шестой. Рассказ Ахмада Газзали ... 624
Рассказ седьмой. О [словах] Абу 'Али Фармади ... 625
Рассказ восьмой. О вопросе Маджнуну ... 626
Рассказ девятый. О Байазиде и пришлеце ... 627
Рассказ десятый. О султане Махмуде и шейхе Харакани ... 630

ПРИТЧА О МУСКУСНОЙ ЛАНИ

«Так рассказывали славные учителя...» ... 634

ЗАВЕРШЕНИЕ КНИГИ

['Аттар о себе и своих стихах] ... 637
Рассказ первый. О школьниках ... 639
Рассказ второй. Слова Божьего человека ... 641
Рассказ третий. Об Увайсе Карани ... 644
Рассказ четвертый. О смерти Искандара-румийца ... 647
Рассказ пятый. О просеивающем пыль ... 650
Рассказ шестой. О пророке Аййубе ... 651
Рассказ седьмой. Об арабе и Пророке ... 652
Рассказ восьмой. О милосердии Божием ... 653
Рассказ девятый. О сне Бу Сахла ... 654
Рассказ десятый. О женщине и Пророке ... 655
Рассказ одиннадцатый. О Шибли и Иблисе ... 656
Рассказ двенадцатый. О том, как Байазид повязал зуннар ... 659
Рассказ тринадцатый. О потаенной молитве Ибрахима, сына Адхама ... 661
Рассказ четырнадцатый. О ринде у дверей лавки ... 663
Рассказ пятнадцатый. О Харуне ар-Рашиде в смертный час ... 665
Рассказ шестнадцатый. О шейхе Акта' в смертный час ... 666
Рассказ семнадцатый. О залоге, врученном Господу ... 667

Рассказ восемнадцатый. О том, как Саджаванди искал раба 668
Рассказ девятнадцатый. Об ʻАбдаллахе ибн Масʻуде и рабыне 670
Рассказ двадцатый. О Бишре Хафи 673

ДОПОЛНЕНИЯ

Рассказ о праведной жене

Тысяча и одна ночь. Ночи 465—466. Рассказ о праведной женщине. *Фрагменты*
Пер. с арабского М.А. Салье 677

О потомке ʻАли, а также ученом богослове и муханнасе

Санаи. Сад истины. Глава 7. Притча о стойкости человека
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 681

Об Ануширване и старике, сажающем деревья

Низам ул-Мулк. Книга о правлении. Глава 36. О вознаграждении достойных слуг и рабов. *Фрагмент*
Пер. с арабского Б.Ф. Заходера 684

Саʻд ад-Дин Варавини. Книга Марзбана. Глава 9. Об орле и [двух куропатках:] Азадчихре и [его жене] Ирá. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 685

Вавилонский Талмуд. Трактат «Таанит». *Фрагмент*
Пер. с древнееврейского М. Кривцова 686

Поучительные рассказы раввинов. Рассказ 26
Пер. с английского Л.Г. Лахути 686

О ходже Джанди и псе

Фарид ад-Дин ʻАттар. Поминание друзей Божиих. Глава 3. Поминание Хасана Басри. *Фрагмент*
Пер. с персидского Н.Ю. Чалисовой 687

Рази ад-Дин Нишабури. Благие свойства характеров. Глава 21. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 687

Тысяча историй. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 688

О Бу Са'иде, а также о суфии и псе

Вкушение момента. Рассказ 64
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 689

О предсмертных минутах Абу-л-Фазла Хасана

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 96. Поминание Абу-л-Фазла Хасана. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 690

Об Ибрахиме Адхаме и дервише

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 11. Поминание Ибрахима Адхама. *Фрагмент*
Пер. с персидского Е.Л. Никитенко 691

Каза'и Магриби. Оставление многословия в толковании «Метеора [известий]». *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 691

О встрече Йа'куба и Йусуфа

Ахмад Туси. Рассказ о Йусуфе. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 692

Абу Исхак Нишабури. Рассказы о пророках. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 692

О Йусуфе и Ибн Йамине

Абу Исхак Нишабури. Рассказы о пророках. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 693

О Сарпатаке-индийце

Рассказ о четырех дервишах. *Фрагменты*
Пер. с персидского С. Товари 695

О Шибли и пекаре

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 75. Поминание шейха Абу Бакра Шибли. *Фрагмент*
Пер. с персидского Т.А. Заглубоцкой 699

О разговоре Масиха с дольним миром

Абу Хамид Газали. Возрождение религиозных наук. Четверть третья. О деяниях, ведущих к погибели. Книга 6. Книга о порицании земного мира. *Фрагмент*
Пер. с арабского И.Р. Насырова 700

Абу Хамид Газали. Эликсир счастья. Унван третий. О познании дольнего мира. Фасл 4. Примеры чародейства и обмана дольнего мира и небрежения людей дольнего мира. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 701

О христианском затворнике и о шейхе Абу-л-Касиме

'Абд ал-Карим Кушайри. Послание о суфийской науке. Глава 6. Об уединении и затворничестве. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 702

Абу Хамид Газали. Возрождение религиозных наук. Четверть четвертая. О деяниях, ведущих к спасению. Книга 8. Книга о самонаблюдении и отчете. *Фрагмент*
Пер. с арабского И.Р. Насырова 702

'Али б. Усман Худжвири. Раскрытие сокрытого за завесой. Глава 14. О различных общинах, их толках, чудесах, стоянках и рассказы [о них]. Раздел 6. Сахлиты. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 703

Об 'Умаре и Торе

Ат-Табризи. Ниша светильников. Хадис 194
Пер. с арабского И.Р. Насырова 705

О гебре, который построил мост

Мухаммад б. Ахмад Мукаддаси. Лучшее из распределений в познании частей света. *Фрагменты*
Пер. с арабского С.В. Лахути 706

О безумце и пятничной молитве

Жемчужины тайн. *Фрагменты*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 707

Об 'Азраиле и Сулаймане

Абу Ну'айм Исфахани. Украшение друзей Божиих и разряды чистых. *Фрагмент*
Пер. с арабского С.В. Лахути 708

Каза'и Магриби. Оставление многословия в толковании «Метеора [известий]». *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 708

Абу Хамид Газали. Эликсир счастья. Столп четвертый. О деяниях, ведущих к спасению. Основа 10. О памяти смертной. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 709

Абу-л-Фазл Рашид ад-Дин Майбуди. Раскрытие тайн и припасы для праведных. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 710

Палестинский Талмуд. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 710

О любви Маджнуна

Ахмад Газали. Наития. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 711

'Абд ал-Карим Кушайри. Послание о суфийской науке. Глава 3. Разъяснение некоторых трудных слов, имеющих хождение среди этого [суфийского] сообщества. «Сокрытие» и «явленность». *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 711

О незрячем человеке и шейхе Нури

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 46. Поминание Абу-л-Хусайна Нури. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 713

'Абд ал-Карим Кушайри. Послание о суфийской науке. Глава 33. О зикре. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 713

Абу Хамид Газали. Эликсир счастья. Столп второй. Об обычаях. Основа 8. О правилах сама' и ваджда. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 714

О шейхе Абу-л-Касиме Хамадани

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 70. Поминание Абу 'Абдаллаха Мухаммада б. Хафифа. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 715

Ибн ан-Надим. Ал-Фихрист. Глава 8. Известия и произведения этих ученых. Рассказ 2. О голове
Пер. с арабского И.Р. Насырова 715

Мутаххар б. Тахир Макдиси. Творение и история. Раздел 12. Об обычаях, сектах и вероучениях различных народов Земли, как людей Книги, так и других. [Глава 2.] О сжигании тел и освобождении их в огне. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 716

'Айн ал-Кузат Хамадани. Трактат о проявлениях [сокровенных истин]. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 717

Тысяча историй. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 717

Об 'Исе и Величайшем имени

'Абдаллах 'Ансари. Разряды суфиев. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 719

О христианине и Байазиде

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 14. Поминание Байазида Бистами. *Фрагмент*
Пер. с персидского М.А. Алонцева, Т.А. Заглубоцкой, Л.Г. Лахути, Е.Л. Никитенко, Н.Ю. Чалисовой 720

'Абд ал-Карим Кушайри. Послание о суфийской науке. Глава 5. О духовной борьбе. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 721

О Хасане Басри и Раби'и

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 9. Поминание Раби'и 'Адавиййа. *Фрагмент*
Пер. с персидского Н.Ю. Чалисовой 722

Об Абу Са'иде из Михны

Ибн Мунаввар Мухаммад. Тайны единобожия в стоянках шейха Абу Са'ида. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 723

Вкушение момента. Рассказ 107
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 723

О Хавве и Ханнасе

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 58. Поминание Мухаммада б. 'Али ат-Тирмизи. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 724

Тирмизи Мухаммад б. 'Али. Редкостные основы в познании хадисов Пророка. *Фрагмент*
Пер. с арабского С.В. Лахути 725

О плаче Иблиса

Абу Хафс 'Умар б. Хасан ан-Нишабури. Великолепие собраний. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 727

Абу-л-Фазл Рашид ад-Дин Майбуди. Раскрытие тайн и припасы для праведных. *Фрагмент*
Пер. с арабского С.В. Лахути 727

Тысяча историй. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 728

О Йусуфе и Ибн Йамине

Ахмад Туси. Рассказ о Йусуфе. *Фрагменты*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 729

Абу Исхак Нишабури. Рассказы о пророках. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 729

О Шибли

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 75. Поминание шейха Абу Бакра Шибли. *Фрагмент*
Пер. с персидского Т.А. Заглубоцкой 731

'Абд ал-Карим Кушайри. Послание о суфийской науке. Глава 23. О любви. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 731

Абу Наср ас-Саррадж ат-Туси. Книга о самом насущном в суфизме. Глава 7. О стоянке терпения. *Фрагмент*
Пер. с арабского С.М. Прозорова 732

Абу Хамид Газали. Возрождение религиозных наук. Четверть четвертая. О деяниях, ведущих к спасению. Книга 6. Книга о любви, страстном влечении [к Богу], близости и довольстве [тем, что посылает Бог]. *Фрагмент*
Пер. с арабского И.Р. Насырова 732

Абу Хамид Газали. Эликсир счастья. Столп четвертый. О деяниях, ведущих к спасению. Основа 9. О любви, страстном влечении [к Богу] и довольстве [тем, что посылает Бог]. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 733

О Мусе и Иблисе

Мансур Халладж. Книга «Тавасин». Глава 6. *Та Син* Предвечности и прикровенности. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 734

Ахмад Газали. Маджлисы. *Фрагменты*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 734

О Бухлуле

Фарйаби Махмуд б. Ахмад. Краткое изложение истин и надежное установление тончайших тонкостей. *Фрагмент*
Пер. с арабского С.В. Лахути 734

Что значит «покорность [Богу]»

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 15. Поминание 'Абдаллаха ибн ал-Мубарака. *Фрагмент*
Пер. с персидского Н.Ю. Чалисовой 737

О Шакике Балхи

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 17. Поминание Абу 'Али Шакика [Балхи]. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 738

Об Абу Бакре Васити

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 85. Поминание шейха Абу Бакра Васити. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 739

О старой женщине с сожженным сердцем

Ахмад Туси. Рассказ о Йусуфе. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 740

Об огне и труте

Абу-л-Касим Ахмад б. Мансур Сам'ани. Отдохновение для душ в толковании имен Царя побеждающего. *Фрагменты*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 741

О грешнике в День Сбора

Абу-л-Фазл Майбуди. Раскрытие тайн и припасы для праведных. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 742

Ахмад Туси. Рассказ о Йусуфе. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 742

О том, как Муса обращался с просьбой к Господу

Абу Хамид Газали. Эликсир счастья. Столп четвертый. О деяниях, ведущих к спасению. Основа 9. О любви, страстном влечении [к Богу] и довольстве [тем, что посылает Бог]. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 743

О душах прежде сотворения тел

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 13. Поминание Зу-н-Нуна Мисри. *Фрагмент*
Пер. с персидского Т.А. Заглубоцкой 744

О Раби'и

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 9. Поминание Раби'и 'Адавиййа. *Фрагмент*
Пер. с персидского Н.Ю. Чалисовой 745

О шейхе из Бушанджа

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 57. Поминание Абу-л-Хасана Бушанджи. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 746

О Мусе и благочестивом подвижнике

Ахмад Газали. Письма к 'Айн ал-Кузату Хамадани. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 747

Ахмад Газали. Маджлисы. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 747

'Али б. Усман Худжвири. Раскрытие сокрытого за завесой. Глава 14. О различных общинах, их толках, чудесах, стоянках и рассказы [о них]. Раздел 5. Нуриты. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 748

О старце из Бухары и муханнасе

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 3. Поминание Хасана Басри. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 749

О Хасане и Хабибе

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 6. Поминание Хабиба 'Аджами. *Фрагмент*
Пер. с персидского М.А. Алонцева 750

О Шибли

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 75. Поминание шейха Абу Бакра Шибли. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 751

О Байазиде и мошеннике

'Абд ал-Карим Кушайри. Послание о суфийской науке. Глава 20. Об уповании на Бога. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 752

Абу Хамид Газали. Возрождение религиозных наук. Четверть четвертая. О деяниях, ведущих к спасению. Книга 6. Книга о любви, страстном влечении [к Богу], близости и довольстве [тем, что посылает Бог]. *Фрагмент*
Пер. с арабского И.Р. Насырова 752

Абу Хамид Газали. Эликсир счастья. Столп четвертый. О деяниях, ведущих к спасению. Основа 9. О любви, страстном влечении [к Богу] и довольстве [тем, что посылает Бог]. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 753

Абу-л-Фазл Рашид ад-Дин Майбуди. Раскрытие тайн и припасы для праведных. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 753

'Айн ал-Кузат Хамадани. Трактат о проявлениях [сокровенных истин]. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 754

Об Ибн ал-Мубараке [и рабе]

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 15. Поминание 'Абдаллаха ибн ал-Мубарака. *Фрагмент*
Пер. с персидского Н.Ю. Чалисовой 755

Об эфиопе

Абу Хамид Газали. Возрождение религиозных наук. Четверть четвертая. О деяниях, ведущих к спасению. Книга 1. Книга о покаянии. *Фрагмент*
Пер. с арабского И.Р. Насырова 756

Абу Хамид Газали. Эликсир счастья. Столп четвертый. О деяниях, ведущих к спасению. Основа 1. О покаянии. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 757

О Хасане Басри и Шам'уне

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 3. Поминание Хасана Басри. *Фрагмент*
Пер. с персидского Н.Ю. Чалисовой 758

О Шибли и юноше в пустыне

Абу Ну'айм Исфахани. Украшение друзей Божиих и разряды чистых. *Фрагмент*
Пер. с арабского С.В. Лахути 760

О Байазиде

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 14. Поминание Байазида Бистами. *Фрагмент*
Пер. с персидского М.А. Алонцева, Т.А. Заглубоцкой, Л.Г. Лахути, Е.Л. Никитенко, Н.Ю. Чалисовой 761

Абу Ибрахим Мустамли Бухари. Толкование «Введения в суфийское учение». *Фрагмент*
Пер. с арабского С.В. Лахути, с персидского — Л.Г. Лахути 761

Об Искандаре и мудреце

'Али б. Усман Худжвири. Раскрытие сокрытого за завесой. Глава 2. О нищете. [Вступление.] *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 763

Мухаммад б. Йусуф ал-'Амири. Счастье и осчастливливание. *Фрагмент*
Пер. с арабского С.В. Лахути 763

Ал-Туртуши Мухаммад ибн ал-Валид. Светоч царей. *Фрагмент*
Пер. с персидского Е.Э. Бертельса 764

О Тавусе

Абу Хамид Газали. Возрождение религиозных наук. Четверть четвертая. О деяниях, ведущих к спасению. Книга 2. Книга о терпении и благодарности. *Фрагмент*
Пер. с арабского И.Р. Насырова 765

О копившем богатства и ангеле смерти

Тысяча и одна ночь
Пер. с арабского М.А. Салье
Ночи 462—463. Рассказ о горделивом царе. *Фрагменты* 766
Ночи 463—464. Рассказ о царе-притеснителе. *Фрагменты* 768

Абу Хамид Газали. Совет владыкам. Часть третья. Выявление всех источников, из которых питается древо веры. Источник 2. Познание последнего вздоха. Рассказ 2
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 769

О том, как у мудреца Марзбана был убит сын

Рази ад-Дин Нишабури. Благие свойства характера. Глава 29. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 771

О Бузурджмихре

Фирдоуси. Шахнаме. Царствование Кесры Нушинравана. *Фрагмент*
Пер. с персидского Ц.Б. Бану-Лахути 772

О птице, живущей у подножия горы

Книга о Билаухаре и Будасафе. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 787

Рассказ Ша'би о человеке, который поймал зяблика

Абу Ну'айм Исфахани. Украшение друзей Божиих и разряды чистых. *Фрагмент*
Пер. с арабского С.В. Лахути 788

Абу Хамид Газали. Возрождение религиозных наук. Четверть третья. О деяниях, ведущих к погибели. Книга 7. Книга о порицании скупости и о порицании любви к имуществу. *Фрагмент*
Пер. с арабского И.Р. Насырова 789

Про осу и муравья

Ибн Мунаввар Мухаммад. Тайны единобожия в стоянках шейха Абу Са'ида. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 790

Захири Самарканди. Книга о Синдбаде. *Фрагменты*
Пер. с персидского М.-Н.О. Османова 790

О смерти Искандара

Ибн Халликан. Биографический словарь. *Фрагменты*
Пер. с английского Л.Г. Лахути 792

О лисе

Захири Самарканди. Книга о Синдбаде. *Фрагменты*
Пер. с персидского М.-Н.О. Османова 793

О Мухаммаде ибн 'Исе и о безумной

'Абд ал-Карим Кушайри. Послание о суфийской науке. Глава 4. О покаянии. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 796

О женщине, которая совершала обхождение Ка'бы

Санаи. Сад истины. Глава 6
Пер. с персидского Л.Г. Лахути

В порицание дурных нравов, предосудительных дел и об удерживании от них 797

Пример дел людей беспечных и смотрящих дурно 797

Об 'Исе и иудеях

Абу Хамид Газали. Возрождение религиозных наук. Четверть третья. О деяниях, ведущих к погибели. Книга 5. Книга о порицании гнева, ненависти и зависти. *Фрагмент*
Пер. с арабского И.Р. Насырова 799

Рази ад-Дин Нишабури. Достоинства нрава. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 799

'Ауфи. Собрание историй. Часть вторая. Глава 4. О превосходстве кротости и ее преимущества. Рассказ 17
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 800

О юном торговце солью
Ахмад Газали. Наития. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 801

О царе и его кольце
Наджм ад-Дин Рази Дайя. Тайнословия Асади о песнопениях Давуда. Тайнословие шестое. Советы и проповеди царям. Рассказ 120
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 803

О Ибрахиме Адхаме и Хизре
Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 11. Поминание Ибрахима Адхама. *Фрагмент*
Пер. с персидского Е.Л. Никитенко 804

О Махмуде и дервише
Тадж ад-Дин Ахмад. Сборник везира Тадж ад-Дина Ахмада. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 805

О сыне Харуна ар-Рашида
Абу Муса Исбахани. Приложение к «Книге имен, совпадающих по начертанию, точкам и огласовкам». *Фрагмент*
Пер. с арабского С.В. Лахути 806

Тысяча и одна ночь. Ночи 401—402. Рассказ о благочестивом царевиче. *Фрагменты*
Пер. с арабского М.А. Салье 806

О Харуне и Бухлуле
Наджм ад-Дин Рази Дайя. Тайнословия Асади о песнопениях Давуда. Тайнословие восьмое. О предостережении угнетателю и осуждении угнетения. Рассказ 119
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 812

О соколе и петухе
Абу Мансур 'Абд ал-Малик ас-Са'алиби. Притчи и беседы. *Фрагмент*
Пер. с арабского С.В. Лахути 813

О дервише и Абу Бакре Варраке
Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 59. Поминание Абу Бакра Варрака. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 814

О Суфйане Саури

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 16. Поминание Суфйана Саури. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 815

О Балукйе и 'Аффане

Тысяча и одна ночь. Ночи 486—489. Рассказ о Хасибе и царице змей. *Фрагменты*
Пер. с арабского М.А. Салье 816

'Абу Са'ид Харгуши. Благородство пророка [Мухаммада]. Глава 25. О том, что стало известно сынам Исраила о признаках пророческого достоинства Посланника, и рассказ о Балукийе. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 818

О Сулаймане и его ковре

Абу Хамид Газали. Совет владыкам. Часть вторая. Разница между благочестивым и нечестивым. Глава 2. О политике министерства и образе жизни министров. Рассказ 4. О тщеславии
Пер. с персидского А.А. Хисматулина 820

Абу-л-Фазл Рашид ад-Дин Майбуди. Раскрытие тайн и припасы для праведных. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 821

Абу-л-Касим Ахмад б. Мансур Сам'ани. Отдохновение для душ в толковании имен Царя побеждающего. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 821

Мухаммад Киса'и. Рассказы о пророках. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 822

О халифе Мамуне и Гуламе

Абу Наср Кушайри. Примеры и притчи. *Фрагмент*
Пер. с немецкого Л.Г. Лахути 823

Об Асма'и и негре

'Абд ал-Карим Кушайри. Послание о суфийской науке. Глава 52. О сама'. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 824

'Али б. Усман Худжвири. Раскрытие сокрытого за завесой. Совлечение одиннадцатой завесы. О слушании (сама') и описание его видов. Глава 3. О слушании голоса и мелодии. [Введение.] *Фрагменты*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 825

О Йахйе Му'азе и Байазиде

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 14. Поминание Байазида Бистами. *Фрагмент*
Пер. с персидского М.А. Алонцева, Т.А. Заглубоцкой, Л.Г. Лахути, Е.Л. Никитенко, Н.Ю. Чалисовой 827

'Али б. Усман Худжвири. Раскрытие сокрытого за завесой. Глава 14. О различных общинах, их толках, чудесах, стоянках и рассказы [о них]. Раздел 3. О тайфуритах. Об опьянении и трезвости. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 828

О шейхе Абу Са'иде и игроке

Ибн Мунаввар Мухаммад. Тайны единобожия в стоянках шейха Абу Са'ида. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 829

Об алчном животном

Абу-л-Фазл Рашид ад-Дин Майбуди. Раскрытие тайн и припасы для праведных. *Фрагмент*
Пер. с арабского С.В. Лахути 830

Абу Наср Тахир б. Мухаммад Ханикахи. Избранные [рассказы] о нравах и суфийстве. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 830

Об Ануширване

Ибн Мискавайх. Вечная мудрость. *Фрагмент*
Пер. с арабского С.В. Лахути 831

О словах 'Аббасы Туси

'Абд ал-Ваххаб б. Мухаммад. Книга разделов. *Фрагмент*
Пер. с арабского С.В. Лахути 832

О словах Йахйи Му'аза

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 35. Поминание Йахйи ибн Му'аза. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 833

О царском сыне и невесте

Абу Хамид Газали. Эликсир счастья. Унван четвертый. О познании загробного мира. Фасл 12. Три вида адского духовного огня. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 834

Манихейские тексты из Турфана. *Сохранившиеся фрагменты*
Пер. с немецкого Л.Г. Лахути 835

О пророке Ибрахиме

Абу-л-Фазл Рашид ад-Дин Майбуди. Раскрытие тайн и припасы для праведных. *Фрагменты*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 836

О Халладже и отроке

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 72. Поминание Хусайна б. Мансура Халладжа. *Фрагменты*
Пер. с персидского М.Л. Рейснер и Н.Ю. Чалисовой 838

Абу 'Абд ар-Рахман Сулами. Истины толкования [Корана]. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 838

Абу-л-Фазл Рашид ад-Дин Майбуди. Раскрытие тайн и припасы для праведных. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 839

О Йусуфе и Зулайхе

Абу Исхак Нишабури. Рассказы о пророках. *Фрагменты*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 840

Об Ибрахиме Адхаме в пустыне

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 14. Поминание Ибрахима Адхама. *Фрагмент*
Пер. с персидского Е.Л. Никитенко 841

О Шу'айбе

'Абд ал-Карим Кушайри. Послание о суфийской науке. Глава 50. О страстном влечении [к Богу]. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 843

Абу Исхак Нишабури. Рассказы о пророках. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 843

О Йусуфе и зеркале

Абу Исхак Нишабури. Рассказы о пророках. *Фрагменты*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 845

О Байазиде и пришлеце

Абу Ибрахим Мустамли Бухари. Толкование «Введения в суфийское учение». *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 846

'Абд ал-Карим Кушайри. Послание о суфийской науке. Глава 3. Разъяснение некоторых трудных слов, имеющих хождение среди этого [суфийского] сообщества. «Сокрытие» и «явленность». *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 846

'Али б. Усман Худжвири. Раскрытие сокрытого за завесой. Глава 14. О различных общинах, их толках, чудесах, стоянках и рассказы [о них]. Раздел 9. «Отсутствие» и «присутствие». *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 847

О султане Махмуде и шейхе Харакани

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 79. Поминание Абу-л-Хасана Харакани. *Фрагменты*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 848

Абу Хамид Газали. Эликсир счастья. Столп второй. Об обычаях. Основа 1. О принятии пищи. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 849

Свет наук. *Фрагмент*
Пер. с персидского Е.Э. Бертельса 849

О школьниках

'Унсур ал-Маали Кай-Кавус. Кабус-наме. *Фрагмент*
Пер. с персидского Е.Э. Бертельса 851

Об Увайсе Карани

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 2. Поминание Увайса Карани. *Фрагмент*
Пер. с персидского Н.Ю. Чалисовой 852

О женщине и Пророке

Ал-Бухари. Достоверный свод [хадисов]
Пер. с арабского И.Р. Насырова
№ 2334 853
№ 3280 853

Абу-л-Фазл Рашид ад-Дин Майбуди. Раскрытие тайн и припасы для праведных. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 854

О том, как Байазид повязал зуннар

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 14. Поминание Байазида Бистами. *Фрагмент*
Пер. с персидского М.А. Алонцева, Т.А. Заглубоцкой, Л.Г. Лахути, Е.Л. Никитенко, Н.Ю. Чалисовой 855

О Бишре Хафи

Фарид ад-Дин 'Аттар. Поминание друзей Божиих. Глава 12. Поминание Бишра Хафи. *Фрагмент*
Пер. с персидского Т.А. Заглубоцкой 856

'Абд ал-Карим Кушайри. Послание о суфийской науке. Глава 2. О шейхах этого пути и об их деяниях и речениях, которые показывают их почитание Божественного закона. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 857

'Али б. Усман Худжвири. Раскрытие сокрытого за завесой. Глава 11. Об имамах, которые жили в период от последователей до наших дней. Раздел 15. Бишр б. ал-Харис ал-Хафи. *Фрагмент*
Пер. с персидского Л.Г. Лахути 858

'Аттар, Фарид ад-Дин

Божественная книга (Илахи-наме): В 2 кн. / Изд. подгот. Л.Г. Лахути. — М.: Ладомир; ВРС, 2022. — Кн. I. — 890 с. (Литературные Памятники / РАН).

ISBN 978-5-94451-060-0 (Кн. I)
ISBN 978-5-94451-062-4
ISBN 978-5-86218-618-5

«Божественная книга» («Илахи-наме»), впервые публикуемая на русском языке, — несомненный шедевр, подлинная жемчужина в сокровищнице мировой литературы. Ее автор — персидский поэт-мистик, рассказчик и философ XII—XIII веков Фарид ад-Дин по прозванию 'Аттар («аптекарь», «парфюмер»). Он составлял целебные благовония и лечил ими людей, а благоухание его стихов, как говорили другие поэты, пронизало всю последующую персидскую поэзию. Его творчество оказало мощное и продолжительное влияние на развитие литературы в Иране и далеко за его пределами. Так, знаменитый Джалал ад-Дин Руми, поэт XIII века, называл 'Аттара своим вдохновителем, а себя — его «прислужником в искусстве слова».

В центре внимания поэта — Бог, мир и человек в их взаимоотношениях. С читателем он говорит не языком поучений, но посредством искусно выстроенных рассказов.

...У одного мудрого отца было шесть сыновей. Молодые, благородные, прекрасно воспитанные и образованные, они были полны юношеских надежд и мечтаний, понятных любому человеку во все времена: любовь, способность достигать своих целей чудесным образом, видеть скрытое, знать и понимать все тайны мироздания, стать благодетелем человечества, научившись обращать «низкие» вещества в драгоценные. 'Аттар предлагает нам свое осмысление этих желаний: он говорит об их связи со свойствами души человека.

Сыновья открываются отцу в своих желаниях, а тот в ответ начинает рассказывать им многочисленные увлекательные истории. Герои этих историй разнообразны: это исторические и литературные персонажи, знаменитые цари и безымянные старушки, купцы, прекрасные женщины и не менее прекрасные юноши, святые подвижники, воины, пророки, мусульмане, христиане, зороастрийцы, ангелы, пророки, небесные светила, собаки, кошки, муравьи и неодушевленные предметы.

По замыслу автора, рассказы должны быть интересны и «простому», неискушенному, читателю, и «избранному», постигающему внутренние смыслы, скрытые за поверхностью слов и явлений. Отец в поэме 'Аттара ведет сыновей — а вместе с ними и читателей — дорогой смыслов. По мере этого восхождения человек изменяется: он начинает понимать, что вещи, которые казались ему простыми, таят в себе загадку.

Загадка есть уже и в самом названии «Илахи-наме»: «Божественная книга» — наподобие «Божественной Комедии» Данте, «Книга, посвященная Божеству» или «Книга воззвания к Богу!» — все эти понимания допускает персидский язык.

Рассказы-притчи ʻАттара открывают широкий простор для истолкования. Прочитываемые в суфийском ключе, они позволяют увидеть в занимательных сюжетах неистощимого рассказчика описание духовного пути мистика. Автор как бы задает читателю — а быть может, и самому себе — судьбоносные вопросы, ответ на которые не так прост.

Сюжеты для своих историй ʻАттар черпал отовсюду — из повседневной жизни, из рассказов покупателей и пациентов, приходивших в его аптечную лавку, из историй о святых людях, которыми он восхищался еще в детстве, из множества книг, устных преданий и сказок.

В разделе «Дополнения» собраны источники рассказов, которые удалось обнаружить. Это дает возможность представить круг чтения автора и увидеть, как преломляются в его творчестве известные сюжеты.

Научный аппарат настоящего издания включает обстоятельную статью и фундаментальные комментарии, призванные помочь читателю преодолеть разрыв — или, говоря языком ʻАттара, — «приоткрыть завесы», отделяющие нас от удивительного мира культуры персидского Средневековья.

Научное издание

'Аттар, Фарид ад-Дин

БОЖЕСТВЕННАЯ КНИГА
(ИЛАХИ-НАМЕ)

В двух книгах
I

Утверждено к печати
Редколлегией серии «Литературные Памятники»

Редактор *Г.А. Велигорский*
Корректоры *О.Г. Наренкова*, *Е.В. Серов*
Компьютерная верстка и препресс *В.Г. Курочкин*

Подписано в печать 17.11.2021
Формат 70×90/16. Печать офсетная.
Гарнитура «Garamond». Печ. л. 55,75.
Тираж 500 экз. Заказ № К-2440.

Научно-издательский центр «Ладомир»
при участии ООО «ВРС»
124365, Москва, Зеленоград, ул. Заводская, 4
Телефон склада: +7 499 729 9670
e-mail: ladomirbook@gmail.com

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами в АО «ИПК "Чувашия"»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЬЯНС

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЛАДОМИР»

выпустил

Серия
«Литературные памятники»

Екатерина Великая

МЕМУАРЫ

«Мемуары» Екатерины II Великой (1729—1796) — центральное произведение в литературном наследии выдающегося российского государственного деятеля. Вместе с тем это и ярчайший документ эпохи Просвещения, выдвинувшей требование ценности человеческой жизни как одного из самых главных условий развития человечества. В трех книгах воспоминаний, написанных в разное время, незаурядная фигура будущей императрицы предстает в полный рост: от записок 1756 года, когда Екатерина, еще великая княгиня, делала первые шаги как самостоятельный политик, к мемуарам 1771 года, которые монарший статус автора не помешал облечь в непринужденную форму дружеского послания, и до последних воспоминаний, начатых в 1790 году, на исходе долгого и славного царствования (1762—1796 гг.), которое благодарные потомки назовут «золотым веком» Российской империи. Необычайно интересен цепкий взгляд Екатерины на тех, кому волею судеб была уготована участь вершить судьбы России, как ярких, так и посредственных деятелей, в интерьерах дворцов, на охоте, балах-маскарадах и церковной литургии, на катаниях с гор, на пожарище дворца. И за всеми этими сценами проступает словно «сквозь тусклое стекло» выразительный портрет прославленной государыни.

Новый перевод «Мемуаров», выполненный специально для настоящего издания Е.В. Морозовой, замечательным отечественным мастером, специалистом по «галантному веку», призван заменить дореволюционный перевод, слишком тяжеловесный, не передающий многих оттенков французского оригинала.

В раздел «Дополнения» вошли жемчужины эпистолярного наследия великой княгини Екатерины Алексеевны, будущей самодержицы, открывающие неожиданные стороны ее характера: приятельские и доверительные послания к гувернантке Э. Кардель (1712—1764), ранее никогда не

публиковавшиеся; переписка с английским послом Ч. Ханбери-Уильямсом (1708—1759); записки к возлюбленному — З.Г. Чернышёву (1722—1784), исполненные легкого кокетства и светских острот, и его единственное сохранившееся письмо к сиятельной корреспондентке.

Издание подготовлено ведущими специалистами: М.А. Крючковой — заведующей историческим отделом музея «Новый Иерусалим», кандидатом исторических наук, многие годы посвятившей изучению «Мемуаров» Екатерины II, написавшей для настоящего издания историческую статью и составившей развернутый комментарий и детализированные указатели, а также Т.И. Акимовой — профессором кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского госуниверситета, доктором филологических наук, единственным отечественным специалистом по литературному наследию русской императрицы, которому и посвящена ее обстоятельная статья.

Книга прекрасно оформлена, содержит роскошный иллюстративный материал.

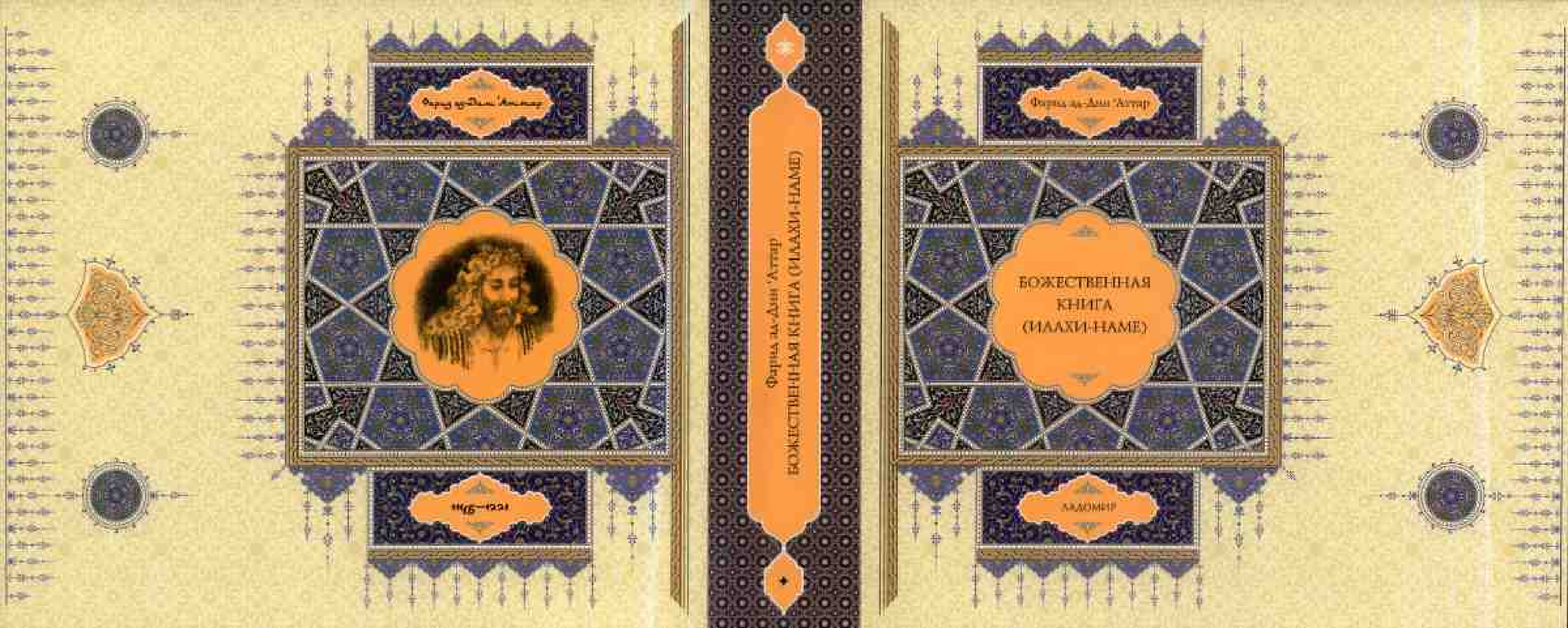
ВСЮ
ИНФОРМАЦИЮ
о Научно-издательском центре «Ладомир»,
выпущенных им книгах, а также о новинках,

в том числе
о лимитированных коллекционных изданиях,

условиях гарантированного и льготного приобретения,
интервью с авторами и руководством издательства,
прочие интересные сообщения
можно оперативно получать,

если зарегистрироваться
на сайте

https://ladomirbook.ru


Фарид ад-Дин 'Аттар
1145–1221
Фарид ад-Дин 'Аттар
БОЖЕСТВЕННАЯ КНИГА (ИЛАХИ-НАМЕ)
Фарид ад-Дин 'Аттар
БОЖЕСТВЕННАЯ КНИГА (ИЛАХИ-НАМЕ)
АЛДОМИР

Фарид ад-Дин 'Аттар

БОЖЕСТВЕННАЯ КНИГА (ИЛАХИ-НАМЕ)

Фарид ад-Дин 'Аттар

БОЖЕСТВЕННАЯ КНИГА (ИЛАХИ-НАМЕ)